

ЖИЗНЬ
ИСУСА ХРИСТА.

(THE LIFE OF CHRIST.)

СОЧИНЕНИЕ

Ф. В. ФАРРАРА,

ДОКТОРА ВОГОСЛОВІЯ, ЧЛЕНА КОРОЛЕВСКАГО ОБЩЕСТВА, АРХИДІАКОНА И КАНОНИКА
ВЕСТМИНСТЕРСКАГО И ОРДИНАРНАГО КАПЕЛЛАНА КОРОЛЕВЫ АНГЛІЙСКОЙ.

НОВЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ 30-го АНГЛІЙСКАГО ИЗДАНІЯ

А. П. ЛОПУХИНА.

ШЕСТОЕ ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАВІЕ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 16-ТИ ПОЛИТИПАЖЕЙ.

Manet immota Fides.

ВЪ 2-ХЪ ЧАСТЯХЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавца И. Л. ТУЗОВА.

1893.

ЖИЗНЬ
ГОСПОДА НАШЕГО ІСУСА ХРИСТА.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЖИЗНЬ ИСУСА ХРИСТА.

СОЧИНЕНІЕ

Ф. В. ФАРРАРА,

ДОКТОРА БОГОСЛОВІЯ, ЧЛЕНА КОРОЛЕВСКАГО ОБЩЕСТВА, АРХИДИАКОНА И КАНОНИКА
ВЕСТМИНСТЕРСКАГО И ОРДИНАРНАГО КАПЕЛЛАНА КОРОЛЕВЫ АНГЛІЙСКОЙ.

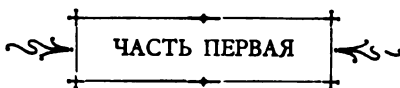
НОВЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ 30-ГО АНГЛІЙСКАГО ИЗДАНІЯ

А. П. ЛОПУХИНА.

ШЕСТОЕ ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНИЕ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 16-ТИ ПОЛИТИПАЖЕЙ.

Manet immota Fides.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание книгопродавца И. Л. ТУЗОВА.

1893.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, Августа 4 дня 1892 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ третьему общедоступному изданію новаго перевода.

ЖИВОЕ сочувствіе и благосклонный приѣмъ, съ которыми встрѣченъ былъ новый переводъ настоящей книги, вполнѣ доказываютъ, что въ нашемъ обществѣ существуетъ живой запросъ на серьезныя богословскія книги, способныя удовлетворить глубочайшимъ потребностямъ религіозно-нравственнаго духа. Первое изданіе „Жизни Іисуса Христа“ въ нашемъ переводѣ разошлось съ рѣдкою въ нашей богословской литературѣ быстротою, такъ что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ понадобилось новое изданіе, которое и явилось въ видѣ второго роскошно-иллюстрированнаго изданія. Но это послѣднее изданіе по самому своему характеру не могло быть общедоступнымъ, и своимъ внѣшнимъ великолѣпіемъ, вмѣстѣ съ неизбѣжною значительностью цѣны, способно было во многихъ лишь возбуждать безплодное чувство сожалѣнія о невозможности по своимъ средствамъ приобрѣсть его, и именно въ той средѣ недостаточныхъ лицъ, изъ которыхъ состоитъ громадное большинство богословски-развитыхъ и вообще любящихъ серьезное чтеніе читателей. Это именно соображеніе, вызванное дѣйствительно заявленною потребностью, и побудило издателя предложить читающей публикѣ настоящее общедоступное изданіе.

При редактированіи его не представлялось надобности прибѣгать къ какимъ-либо особымъ работамъ и приѣмамъ, такъ какъ подобныя изданія давно уже существуютъ какъ въ Англіи, такъ и во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ успѣла распространиться эта книга, и потому намъ оставалось только сообразоваться съ подобнымъ же изданіемъ подлинника, сдѣланнымъ подъ редакціей самого автора. Существенное отличіе его отъ библиотечнаго заклю-

чается въ томъ, что въ народномъ изданіи предлагается лишь одинъ текстъ книги, съ опущеніемъ всего ученаго аппарата, т.-е. тѣхъ многочисленныхъ ученыхъ приложений и примѣчаній, которыя, значительно увеличивая объемъ и цѣну книги, въ то-же время доступны лишь для ограниченнаго круга читателей, способныхъ по своему богословскому образованію научно и критически слѣдить за самымъ ходомъ работы автора, и потому не представляютъ живого интереса для общества обыкновенныхъ читателей книги. Но естественно такимъ механическимъ отсѣченіемъ ученыхъ приложений отъ книги нельзя было ограничиться, и потому въ интересахъ самаго текста необходимо было произвести нѣкоторыя измѣненія и дополненія. Въ этомъ отношеніи мы уже работали независимо отъ народнаго изданія подлинника, стараясь именно приспособить книгу въ духу и интересу русскихъ читателей. Съ этою цѣлью, еще разъ пересмотрѣвъ текстъ, мы внесли въ него многія изъ тѣхъ примѣчаній и приложений, которыя имѣютъ общій интересъ и способствуютъ какъ въ уясненію тѣхъ или другихъ сообщаемыхъ фактовъ, такъ и въ дополненію самаго текста. вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось возможнымъ безъ ущерба для книги, но въ интересѣ православнаго богословія сгладить отчасти тѣ шероховатости въ мысли и выраженіи, которыя неизбѣжны во всякой переводной книгѣ.

Вообще же настоящее изданіе вполне воспроизводитъ весь текстъ и въ неприкосновенности сохраняетъ всѣ тѣ достоинства и блистательныя качества, которыя доставили этой книгѣ всемірную извѣстность и сдѣлали ее настольной книгой христіанъ въ обоихъ полушаріяхъ земнаго шара.

А. Лопухинъ.

С.-Петербургъ.

5-го февраля 1887 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ

но второму иллюстрированному изданію.

Въ этомъ изданіи знаменитый трудъ Ф. В. Фаррара впервые является у насъ въ томъ роскошномъ видѣ, въ какомъ онъ уже давно находится въ обращеніи какъ въ Англии, такъ и въ другихъ странахъ. Его увлекательныя страницы снабжены множествомъ ве-

ливольпныхъ иллюстрацій, которыя еще живѣе и нагляднѣе рисуютъ для читателя какъ тѣ мѣстности и картины природы, среди которыхъ жилъ, училъ, пострадалъ, умеръ и воскресъ Спаситель человечества, такъ и археологическіе памятники, сохранившіеся до насъ отъ древняго міра. Гравюры, представляющія собою снимки съ древнихъ изображеній, монетъ и другихъ предметовъ, снабжены особыми объясненіями. Снимки мѣстностей Палестины сдѣланы специально командированнымъ для этой цѣли фотографомъ-художникомъ. Русское изданіе въ точности воспроизводитъ иллюстрированное изданіе англійскаго подлинника — не только по рисункамъ, но и по формату, бумагѣ и даже переплету, стампъ для котораго нарочно заказанъ былъ въ Лейпцигѣ. Однимъ словомъ, издатель принялъ всѣ мѣры въ тому, чтобы сдѣлать настоящее изданіе роскошнымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Оно нисколько не уступаетъ англійскому и, по своему внѣшнему изяществу, не имѣетъ еще ничего подобнаго въ нашей духовной литературѣ. Текстъ вновь тщательно пересмотрѣнъ, исправленъ и снабженъ картой Палестины. Въ такомъ же видѣ впервые является русскій переводъ второго сочиненія Фаррара: „Жизнь и труды св. ап. Павла“, а за нимъ имѣетъ послѣдовать и третій трудъ автора: „Первые дни Христіанства“, которыми и исчерпывается историко-эзегетическое изложеніе св. книгъ Новаго Завѣта.

А. Л.

С.-Петербургъ.

1 Окт. 1886 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ первому русскому изданію новаго перевода.

Есть книги, которыя говорятъ сами за себя несравненно больше, чѣмъ сколько можетъ сказать о нихъ самый благорасположенный критикъ. Такихъ книгъ не много, но тѣмъ онѣ цѣннѣе. Къ такимъ книгамъ безспорно принадлежатъ сочиненія англійскаго богослова-эзегета, архидіакона Ф. В. Фаррара. Лишь только появилось въ свѣтъ его первое крупное сочиненіе „Жизнь І. Христа“, какъ оно успѣло уже облетѣть весь христіанскій міръ и заговорило на многихъ европейскихъ языкахъ. Теперь со вре-

мени появленія его въ свѣтъ прошло десять лѣтъ, и этотъ десяти-лѣтній періодъ ознаменовался выходомъ его *тридцатаго* изданія, явившагося въ концѣ прошлаго года. Но и эта, сама по себѣ весьма внушительная, цифра не опредѣляетъ еще всего успѣха книги. Счетъ ведется только, такъ называемымъ, „библіотечнымъ“ изданіямъ, которыя при своей дороговизнѣ предназначаются главнымъ образомъ для библіотекъ; а кромѣ того, безъ счета дѣлаются народныя дешевыя изданія, а также изящно миниатюрныя и иллюстрированныя, которыя, помимо библіотекъ, расходятся въ огромномъ количествѣ среди читающей публики всѣхъ классовъ и состояній. Затѣмъ сюда не входятъ еще тѣ изданія, которыя самостоятельно дѣлаются въ Америкѣ и Австраліи среди говорящихъ по-англійски народовъ, пользующихся плодами англійской литературы. Общую цифру распространенности этой книги въ настоящее время можно опредѣлить не менѣе какъ полумилліономъ экземпляровъ. Можно смѣло сказать, что въ настоящее время это самая распространенная учено-богословская книга въ мірѣ, и въ виду ея глубоко-христіанскаго характера—въ соответствующей степени можно опредѣлять и ея плодотворность для христіанскаго сознанія и жизни. Успѣхъ перваго сочиненія Фаррара ободрилъ автора и на дальнѣйшіе труды въ этомъ же направленіи. Лѣтъ пять тому назадъ вышло въ свѣтъ его сочиненіе: „Жизнь и труды ап. Павла“, а въ послѣднее время еще новое сочиненіе, уже изъ области исторіи христіанской церкви, именно „Первые дни Христіанства“. Оба эти сочиненія пользуются одинаковымъ успѣхомъ въ читающей публикѣ, и за короткое время распространились уже въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ въ Англійи и другихъ странахъ Европы, въ Америкѣ и Австраліи, повсюду разнося христіанское благовѣстіе въ его новой научно-художественной обработкѣ.

Въ чемъ тайна такого несравненнаго успѣха этихъ сочиненій?

Тайна эта глубока и въ то-же время ясна, какъ день. Она заключается въ реакціи вѣчно-живого христіанскаго духа противъ мертвящихъ оковъ, которыми усиливался задавить его раціонализмъ. Когда глашатаи критическаго раціонализма впервые выступили съ своимъ обновленнымъ язычествомъ, то утомленный прозою жизни западно-европейскій христіанскій міръ почувалъ въ раціонализмѣ какъ бы новое, живое вѣяніе и съ лихорадочною жаждою ринулся въ новому источнику. Спросъ оказался большимъ; ему соответствовало и предложеніе. Западная литература наводнилась „критическими“ трудами. Но область критицизма оказалась не безпредѣльною, и скоро критика сказала свое послѣднее слово въ трудахъ Штрауса

и Ренана. Это были верховные и послѣдніе пророки критическаго раціонализма. Отъ нихъ начинается новоротъ. Высшей степени напряженія раціонализмъ достигъ собственно въ Штраусѣ, когда онъ всю евангельскую исторію объявилъ чистымъ миеомъ. Далѣе уже некуда было идти. Ренанъ поворотилъ уже назадъ и сталъ признавать за евангельской исторіей реальность, только подрашенную миеомъ. Это была уже прямая измѣна чистому раціонализму. Это было началомъ реакціи. И реакція навѣрно заявила бы себя быстрѣе и сильнѣе, еслибы раціонализмъ не нашелъ для себя опоры въ ренановскомъ компромисѣ съ христіанствомъ и особенно въ блестящемъ романтическомъ стилѣ французскаго писателя.

Христіанско-богословская литература, между тѣмъ, бездѣйствовала. Она какъ бы врасплохъ захвачена была наводненіемъ критицизма. Мало-по-малу, она однако же оправилась и начала противодѣйствовать раціонализму. Но это противодѣйствіе было отрывочнымъ и частнымъ, направлялось только противъ отдѣльных частныхъ пунктовъ критики. Преимущество въ начавшейся борьбѣ, можно сказать, было на сторонѣ раціонализма, который имѣлъ въ свою пользу обаяніе новизны и представилъ цѣльные крупные труды. Для противовѣса имъ также нужны были цѣльные и крупные труды. Потребность въ нихъ стала все болѣе и болѣе ощущаться, и они явились, когда время для нихъ вполне созрѣло. Честь поставки такихъ трудовъ принадлежитъ англійской богословской литературѣ. Она стала поставлять ихъ одинъ за другимъ, и перлами между ними являются сочиненія Фаррара. За превосходное достоинство этихъ трудовъ ручалась уже народность, произведшая ихъ автора. Между тѣмъ, какъ въ главномъ сочиненіи Штрауса было слишкомъ много нѣмецкой туманности и тяжеловѣсности, и въ главномъ произведеніи Ренана слишкомъ много французскаго легкомыслія, въ англійскихъ трудахъ не было такихъ крайностей и они отличались своимъ яснымъ, здоровымъ смысломъ. И вотъ, когда это здравомысліе совпало въ Фаррарѣ съ сильнымъ литературнымъ талантомъ, то и явилось сочиненіе, которое своей здоровой критикой затмило туманно-критическое твореніе Штрауса, а превосходнымъ стилемъ, великолѣпнымъ историческимъ анализомъ и обрисовкой историческихъ условій и обстоятельствъ оставило позади себя даже французскаго автора пресловутой „Жизни Іисуса“, выложенный стиль которой развѣ уступаетъ только блеску его безконечнаго легкомыслія. Отъ трудовъ Фаррара новою жизнью повѣяло для христіанскаго духа, и онъ съ отрадой остановился на нихъ, вырвавшись изъ холодныхъ и удушающихъ оковъ критическаго раціонализма, который въ тому же

годъ отъ года все болѣе и замѣтнѣе мельчаетъ. Собственнымъ отрицаніемъ подкопавъ подъ собою почву, рационализмъ теперь уже ищетъ сомнительной опоры то въ грубомъ матеріализмѣ, то въ обновленной нирванѣ, т.-е. въ философіи безсознательнаго. Реакція поборааетъ его, и въ этомъ заключается тайна успѣха сочиненій Фаррара, а ближайшая причина, конечно, въ ихъ превосходныхъ достоинствахъ.

Означенныя сочиненія Фаррара составляютъ цѣльную серію, обнимающую собою всю область историческаго происхожденія и первоначальнаго развитія христіанства. Въ нихъ авторъ задался цѣлью воплотить въ повѣствовательной формѣ высшее слово богословско-научнаго знанія въ этой области, прилагая его прежде всего къ личности Христа, затѣмъ къ величайшему изъ апостоловъ и наконецъ къ цѣлому сонму апостоловъ и христіанской церкви. Исполненіе задачи одинаково хорошо во всѣхъ этихъ трудахъ. Богатство научнаго знанія, мастерство въ обрисовкѣ историческихъ условій и обстоятельствъ, свѣжесть красокъ и художество въ живописи—ихъ отличительныя качества. Въ этомъ отношеніи труды Фаррара блистательно завершаютъ цѣлое научное движеніе въ области библейско-историческаго знанія, которымъ особенно ознаменовалось наше время. Новѣйшія изслѣдованія и открытія въ области археологіи дали такую массу свѣжаго библейско-историческаго знанія, что сама библейско-историческая наука должна была заново преобразиться, и въ настоящее время кругозоръ ея настолько раздвинулся, что она не можетъ удовлетворяться тѣми данными, которыя только и считались относящимися къ ней прежде. Открытія и изслѣдованія въ Палестинѣ, Египтѣ, Ассиріи и другихъ странахъ, бывшихъ мѣстомъ совершенія библейско-историческихъ фактовъ и событій, внесли въ эту науку новый свѣтъ и новыя задачи, которыя предстоятъ теперь всякому изслѣдователю въ ней. Задачи эти состоятъ въ томъ, чтобы извѣстныя библейско-историческія событія освѣтить при помощи того вновь добытаго матеріала, который такъ или иначе имѣетъ пояснительное значеніе по отношенію къ этимъ событіямъ. Въ западно-европейской литературѣ въ этомъ отношеніи давно уже идетъ дружная работа, и тамъ можно указать цѣлый рядъ произведеній, которыя представляютъ собою осуществленіе этихъ новыхъ задачъ библейско-исторической науки, и въ нихъ не только обстоятельно разрабатываются археологія и географія, какъ внѣшнія условія библейскихъ событій, но и дѣлается живое примѣненіе добытыхъ ими данныхъ къ библейскимъ событіямъ или научно-художественное воспроизведеніе библейско-историческихъ образовъ. Такая научно-художественная обработка библейскихъ событій чрезвычайно

важна въ смыслѣ сильнѣйшаго впечатлѣнія ихъ и связанныхъ съ ними нравственныхъ уроковъ въ душѣ читателя. Одно впечатлѣніе мы выносимъ изъ чтенія отрывочной и краткой лѣтописи, и совсѣмъ другое изъ художественной обработки лѣтописнаго сюжета въ талантливомъ историческомъ произведеніи. Тамъ мы имѣемъ сухой мертвый фактъ, изолированный отъ почвы; здѣсь мы видимъ всѣ условія, произведшія этотъ фактъ. То-же самое примѣнимо и къ библейскимъ фактамъ. Благодаря обычной краткости, библейскіе факты часто представляются несвязанными и трудно согласимыми, и это единственно оттого, что всѣ второстепенныя условія и обстоятельства опущены. Эту пустоту и должна наполнить наука въ связи съ искусствомъ. Это прежде всего относится къ внѣшнимъ фактамъ. Тутъ пособіемъ могутъ служить данныя археологіи, географіи и этнографіи и т. п. внѣшнихъ наукъ. Но то-же самое относится и къ внутреннимъ фактамъ, и здѣсь уже пособіемъ можетъ служить психологія. Это будетъ высшимъ библейско-историческимъ знаніемъ, и сочиненіе, въ которомъ осуществлена эта задача, несомнѣнно получаетъ новый и глубочайшій интересъ, хотя бы предметомъ его были общезвѣстные факты. Такимъ методомъ именно написаны сочиненія Фаррара, и въ этомъ несомнѣнно заключается ихъ глубочайшій интересъ. Каждый библейско-историческій фактъ у него освѣщается массою соприкосновенныхъ данныхъ, и вслѣдствіе этого онъ получаетъ новую свѣжесть и жизненность. И это не только въ отношеніи внѣшнихъ фактовъ, но и тончайшихъ движеній душевной жизни, которая анализируется съ замѣчательнымъ мастерствомъ и художественностью. Это особенно нужно сказать тамъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ такими фактами, которые составляютъ чудо въ духовной жизни, какимъ, напр., является извѣстный библейскій фактъ — мгновенное превращеніе ап. Павла изъ свирѣпаго гонителя христіанства въ неутомимаго и ревностнаго его проповѣдника. Какъ такой сильный характеръ мгновенно сломился и отъ одной крайности перешелъ, такъ сказать, въ другую — для объясненія этого мы имѣемъ только чудо. Но вѣдь чудо никогда не бываетъ противоестественнымъ. Оно только сверхъестественно и всегда совершается не безъ участія естественныхъ готовыхъ силъ. Гдѣ же эти силы въ данномъ фактѣ? Онѣ намъ не даны въ разсвязѣ о немъ, кромѣ нѣкоторыхъ случайныхъ штриховъ. А между тѣмъ, онѣ должны были существовать. Отыскать эти силы, указать и опредѣлить то или другое ихъ сочетаніе, ту или другую работу ихъ, указать причину, вызвавшую это сочетаніе и эту работу — это составляетъ задачу библейской психологіи. Фарраръ

часто исполняетъ эту задачу съ неподражаемымъ мастерствомъ. Во взятомъ нами примѣрѣ онъ слѣдитъ за всѣми возможными движеніями души Савла, его вопросами и сомнѣніями — до самаго чуда. Его психологическій анализъ подводитъ васъ къ самому чуду, и вы боитесь даже, чтобы онъ не разложилъ самое чудо на естественные психологическіе элементы, и однако же чудо остается во всей своей таинственной недоступности и реальности. Естественное и сверхъестественное здѣсь сходятся такъ близко, что будто теряется грань между ними, и однако же эта грань остается непроходимой бездной. Законы психической жизни здѣсь сохраняютъ свою полную самобытность, но и чудо сохраняетъ свой таинственный характеръ. Психологическій анализъ открываетъ только законъ взаимодѣйствія между двумя элементами.

Что касается собственно „Жизни І. Христа“, то она, какъ первый трудъ автора, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ достоинства этого метода. Вся жизнь Спасителя на землѣ до самыхъ ея мельчайшихъ подробностей тщательно обработана при помощи всего необъятнаго научнаго матеріала, каковой только возможно было добыть при теперешнемъ состояніи науки, и вслѣдствіе этого она получаетъ характеръ полной законченности и обстоятельности. Послѣдовательные фазисы ея развертываются передъ нами подобно ряду высокохудожественныхъ картинъ, которыя въ нашемъ сознаніи сливаются въ одно художественное цѣлое, въ одну величавую картину божественной жизни, вслѣдствіе чего она получаетъ для насъ еще болѣе нравственной назидательности въ смыслѣ высочайшаго, но реально осязательнаго для насъ образца. Такъ какъ многія событія описываются авторомъ подъ живымъ нагляднымъ впечатлѣніемъ тѣхъ мѣстностей и картинъ природы, гдѣ они совершились, то самое описаніе ихъ часто дышетъ тою сердечною непосредственностью, которая съ такою неотразимою силою дѣйствуетъ на душу читателя. Если въ этому прибавить вообще глубокую задушевность и искренность, которыми запечатлѣна каждая страница книги, и ту любовь, которою согрѣта каждая строка ея, то эти качества составляютъ дополнительное объясненіе того, почему эта книга, явившаяся въ періодъ господства холоднаго скептицизма, которымъ страдаетъ нашъ вѣкъ, имѣла такой необычайный, почти безпримѣрный въ лѣтописяхъ богословской науки успѣхъ.

Предлагаемый теперь новый переводъ этой книги сдѣланъ съ послѣдняго 30-го англійскаго изданія. Сочиненіе это уже знакомо русской читающей публикѣ въ переводѣ Ѳ. Матвѣева, по-

явившееся вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія подлинника, именно въ 1876 году, и давно уже вышедшемъ изъ продажи. Теперь несомнѣнно чувствуется потребность въ новомъ изданіи его, тѣмъ болѣе, что первый переводъ, при всѣхъ его неоспоримыхъ достоинствахъ, не вездѣ точно воспроизводитъ подлинникъ и, лишенный всѣхъ ученыхъ приложений и примѣчаній, не даетъ полнаго представленія о научномъ собственно богатствѣ книги. Поэтому, когда издатель этой книги обратился къ намъ съ просьбою принять на себя трудъ новаго полнаго перевода этого сочиненія Фаррара, то, несмотря на всю трудность задачи, мы приняли ее на себя и поставили свою цѣль, насколько возможно, точнѣе передать въ русскомъ переводѣ весь подлинный текстъ книги, со всѣми приложениями и примѣчаніями, которыя сами по себѣ представляютъ глубокой интересъ по богатству заключающагося въ нихъ библейско-историческаго научнаго матеріала. Конечно, не намъ судить о томъ, насколько мы успѣли въ исполненіи этой задачи, и вообще о достоинствахъ предлагаемаго перевода; но не можемъ не заявить, что въ новомъ русскомъ изданіи знаменитое сочиненіе Фаррара является въ такой полнотѣ, какая только возможна въ русскомъ изданіи, и въ этомъ отношеніи оно вполне можетъ замѣнить подлинникъ для тѣхъ, кому онъ недоступенъ.

Считаемъ нелишнимъ замѣтить, что на этотъ переводъ мы получили письменное разрѣшеніе отъ самого автора, который выражаетъ полное удовольствіе, что его трудъ пользуется значительнымъ успѣхомъ и у насъ въ Россіи. И это неудивительно въ виду высокихъ достоинствъ книги, одинаково говорящей уму и сердцу читателя, къ какому бы ни принадлежалъ онъ народу. Конечно, не нужно упускать изъ вида, что книга эта принадлежитъ англичанину и поэтому проникнута особымъ англійскимъ міросозерцаніемъ, пользуется англійскими образами слова и мысли, которые не всегда находятъ себѣ соотвѣтствіе въ образахъ нашей рѣчи и нашей мысли, — но это уже неизбежное явленіе во всякой переводной книгѣ, и такая жизнь Христа, отъ которой бы вполне вѣяло роднымъ духомъ, можетъ выдти только изъ-подъ пера отечественнаго автора. Пова же у насъ нѣтъ ея, сочиненіе Фаррара есть лучшая исторія жизни Христа среди иностранныхъ ея обработокъ, и чтеніе ея способно доставить всякому читателю не только глубокое назиданіе, но и высокое наслажденіе.

Цѣль и внутренній характеръ книги прекрасно выясняются въ предисловіи автора, которое вводитъ читателя въ самый планъ,

начертанный имъ при исполненіи своего труда. Такъ какъ оно само по себѣ имѣетъ глубокой интересъ, то мы и предлагаемъ его здѣсь, въ надеждѣ, что оно еще ближе поставитъ читателя къ тому міросозерцанію, въ области котораго живетъ самъ авторъ этого блестящаго труда.

А. Лопухинъ.

С.-Петербургъ.

12 апрѣля 1885 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Исполняя столь трудную и важную задачу, какъ написаніе жизни І. Христа, я считаю своимъ долгомъ изложить причины, побудившія меня взяться за нее, а также и тѣ начала, которыми я руководился при ея исполненіи.

1) Издателямъ настоящаго труда *), которые всегда заботились о возможно болѣе широкомъ распространеніи благъ серьезнаго знанія, давно уже въ этихъ видахъ особенно хотѣлось предложить своимъ читателямъ такой очеркъ жизни І. Христа на землѣ, который далъ бы имъ возможность яснѣе представить себѣ эту жизнь, равно какъ глубже и полнѣе вникнуть въ подробности и послѣдовательность евангельскаго повѣствованія. Съ этою цѣлью они сначала обратились къ одному извѣстному богослову, который принялъ предложеніе, но возведеніе котораго въ епископство помѣшало ему выполнить этотъ трудъ.

При такихъ обстоятельствахъ издатели обратились ко мнѣ, и я не могъ сначала не устрашиться труда, для котораго, какъ мнѣ думалось, недостаточно будетъ досуга цѣлой жизни и требуются силы, далеко превосходящія мои собственныя. Но представленные мнѣ доводы нашли подтвержденіе въ томъ глубокомъ интересѣ, съ которымъ я сразу же взглянулъ на этотъ трудъ. Я согласился употребить свои усилія, зная, что я по крайней мѣрѣ могъ обѣщать сдѣлать все возможное для своихъ силъ, и руководясь убѣжденіемъ, что тотъ, кто дѣлаетъ все по мѣрѣ силъ и ищетъ для своихъ трудовъ благословенія свыше, не можетъ потерпѣть полной и окончательной неудачи.

И вотъ теперь я имѣю основаніе быть благодарнымъ, что взялся за этотъ трудъ и, несмотря на всѣ препятствія, не отсталъ отъ него. Если страницы этой книги хоть въ *какой-нибудь* степени осуществляютъ цѣль, съ которою должна быть писана такая жизнь, то онѣ должны наполнять душу читателей возвышенными и торжественными мыслями; онѣ должны „дневному свѣту прибавить солнца, и еще счастливѣе дѣлать счастливыхъ“; онѣ должны ободрить труженика; онѣ должны утѣшить печальнаго и слабому указать истинный источникъ нравственной силы. Но достигнетъ ли эта книга столь возвышенныхъ цѣлей, или будетъ принята съ гру-

*) Издательская фирма въ Лондонѣ Cassel and Company, Limited.

бою холодною и пренебреженіемъ,—во всякомъ случаѣ ничто не можетъ лишить меня лично того глубокаго и неизсякаемаго счастья, которое самъ я испыталъ почти въ теченіе всего времени, проведеннаго за нею. Хотя, благодаря моимъ серьезнымъ и всепоглощающимъ служебнымъ обязанностямъ, часто проходили цѣлые мѣсяцы, въ которые я не находилъ случая написать ни строки, но даже и среди непрестаннаго труда за другими дѣлами ничто не могло окончательно воспрепятствовать мнѣ часто обращаться мыслью къ занимавшему меня предмету, и я находилъ въ немъ постоянный источникъ мира и счастья, которыхъ никакіе другіе интересы не могли бы ни дать мнѣ, ни отнять у меня.

2) Сдѣлавъ нѣкоторыя приготовленія къ труду, я воспользовался въ 1870 году первою возможностью посѣтить Палестину и особенно тѣ части ея, которыя навсегда будутъ связаны съ дѣломъ Христа на землѣ. Среди картинъ природы и жизни, въ которыхъ обиталъ онъ; среди

священныхъ полей,
По нивамъ которыхъ ходили тѣ ноги святыя,
Что тысячу восемьсотъ лѣтъ передъ тѣмъ
Къ ужасному древу насъ ради пригвождены были;

среди тѣхъ незапамятно-древнихъ обычаевъ, на каждомъ шагу наминавшихъ ту жизнь, которою жилъ Онъ—въ Иерусалимѣ, на горѣ Елеонской, въ Вилеємѣ, у колодца Іакова, въ долину Назарета, по берегамъ свѣтлаго озера Галилейскаго и у береговъ Тира и Сидона—многое въ первый разъ представилось мнѣ съ такою осязательностью и живостью, которыя неизвѣстны были прежде. Я возвратился, еще болѣе укрѣпившись въ желаніи рассказать полную евангельскую исторію такимъ образомъ и съ такими поясненіями, которыя бы,—при помощи всего, что было доступно мнѣ изъ накопившагося вѣками знанія,—могли дать возможность даже простымъ и неученымъ людямъ ясно понять и живо представить себѣ ту человѣческую обстановку, въ которой прошла земная жизнь Сына Божія.

3) Но высказывая это съ цѣлью предохранить свою книгу отъ сужденія съ ложной точки зрѣнія и въ отношеніи къ цѣлямъ, достиженіе которыхъ не имѣлось ею въ виду, я въ то-же время не считаю себя въ правѣ отрицать и того, что надѣялся представить въ книгѣ много и такого, что должно бы имѣть цѣну и для образованныхъ читателей. Хотя страницы настоящей книги не претендуютъ на полноту изслѣдованія и спеціальную ученость, но въ нихъ содержится много такого, что было предметомъ размышленія и изысканія со стороны людей глубочайшей учености. Среди служившихъ мнѣ пособіемъ сочиненій были изслѣдованія ученыхъ богослововъ, которые имѣли возможность посвящать этому пред-

мету; и часто даже какой-нибудь малой части его, лучшие годы своей трудолюбивой и непрерываемой другими заботами жизни. При жатвѣ на такой нивѣ, какъ мнѣ думается, какъ бы ни былъ слабъ жнецъ, онъ по крайней мѣрѣ не можетъ не собрать кое-чего такого, что можетъ имѣть цѣну не только для обыкновеннаго читателя, но и для богослова-специалиста. И такъ какъ я думалъ и серьезно надѣялся, что книга эта можетъ найти доступъ и въ моимъ собратьямъ по служенію, то въ примѣчаніяхъ допустилъ и такія цитаты и ссылки, которыя могутъ быть сравнительно излишни для обыкновеннаго читателя. Но имѣя въ виду эту двоякую цѣль, я старался избѣгнуть раздвоенности и никогда не терялъ изъ виду того, что главною цѣлью моего труда служить то, чтобы народнымъ массамъ, находящимся еще въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ я, дать возможность лучше читать ту книгу, на ряду съ которой даже лучшія и глубочайшія сочиненія вѣжутся блѣдными и слабыми отрывками несовершенныхъ толкованій.

4) Еще важнѣе быть можетъ заявить, что эта „Жизнь І. Христа“ есть завѣдомо и безусловно трудъ вѣрующаго. Тѣ, кто ожидаютъ найти въ ней новыя теоріи касательно божественной личности Іисуса или блестящія комбинаціи миѳическаго тумана, пронизываемаго вечерней зарей воображенія гаснущей вѣры,—напрасно будутъ искать въ ней этого. Она написана безъ всякаго *прямого* и *спеціального* отношенія къ нападеніямъ скептическаго критицизма. Она даже лишь косвенно имѣетъ дѣло съ серьезными сомнѣніями тѣхъ, кто почти противъ своей воли чувствуетъ себя вынужденнымъ впадать въ состояніе честнаго безвѣрія. Правда, я осмѣливаюсь питать надежду, что такіе читатели, безъ всякой враждебной предубѣжденности, пройдя за мной по всей книгѣ, могутъ по мѣстамъ встрѣтиться съ дѣйствительно важными и всѣми соображеніями, которыя разрѣшаютъ воображаемыя трудности и дадутъ отвѣтъ на дѣйствительныя возраженія. Хотя эта книга и не апологетическая и даже, еслибы предназначалась быть вкладомъ въ апологетическую литературу, была бы написана совершенно иначе, я не думаю однако же, чтобы она оказалась совсѣмъ бесполезной для честнаго скептика, который будетъ читать ее съ отвороженнымъ и пренебрежительнымъ духомъ. Сотни критиковъ, на примѣръ, отвергали подлинность и авторитетъ евангелій на основаніи нѣсколькихъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ противорѣчій, которыя можно найти въ нихъ. Я конечно вполне знакомъ съ возраженіями, которыя можно найти во всякаго рода книгахъ—отъ „Жизней Іисуса“ Штрауса и Ренана до „Іисуса исторіи“ Хэнсона и „Жизни Іисуса“ Томаса Скотта. Но, никогда сознательно не уклоняясь отъ явнаго и сильнаго затрудненія, я постоянно старался показать просто са-

мымъ ходомъ повѣствованія, что многія изъ этихъ возраженій никоимъ образомъ не непреодолимы и еще больше изъ нихъ недобросовѣстно придирчивы или даже совсѣмъ измышлены.

5) Я не входилъ въ прямое и полное изысканіе и въ отношеніи вопросовъ, которые шире и глубже, чѣмъ мелочныя тонкости критицизма; но это не потому, чтобы я пренебрегалъ случаемъ взвѣснить всю аргументацію относительно ихъ или не хотѣлъ изложить основанія, почему заодно съ тысячами способнѣйшихъ и мудрѣйшихъ меня людей я могу сказать касательно основной истины христіанской вѣры — *manet immota fides*. Всякій, кто пишетъ какъ вѣрующій для вѣрующихъ, какъ христіанинъ для христіанъ, по истеченіи почти девятнадцати столѣтій христіанства конечно въ правѣ обосновывать фактъ жизни Иисуса Христа на свидѣтельствѣ св. Іоанна, не нуждаясь въ составленіи особой книги о подлинности четвертаго евангелія, въ правѣ разсказать какое-либо изъ евангельскихъ чудесъ, не считая необходимымъ отвѣчать на всѣ возраженія, выставляемыя противъ возможности сверхъестественнаго. Послѣ долгихъ трудовъ, сильной аргументаціи и совершенной исторической честности, съ которыми этотъ предметъ трактовался со стороны цѣлыхъ рядовъ апологетовъ, очевидно нѣтъ надобности, да и возможности вновь, при каждомъ возможномъ случаѣ, излагать самыя первыя основы нашей вѣры. Что касается поѣтому ев. Іоанна, то я ограничился самой простой и краткой сводкой тѣхъ данныхъ, которыхъ, мнѣ кажется, совершенно достаточно для доказательства того, что онъ авторъ извѣстнаго подъ его именемъ евангелія, а болѣе частныя указанія, способствующія въ подтвержденію этого убѣжденія, разсыяны по всей книгѣ. Правда, съ моей стороны было бы лицемѣріемъ сказать съ Эвальдомъ, что „всякій аргументъ — отовсюду, куда бы мы ни взглянули, всякій слѣдъ и историческое указаніе — всѣ вмѣстѣ дѣлаютъ серьезное сомнѣніе по этому вопросу невозможнымъ“; но я утверждаю, что послѣ безпристрастнаго и тщательнаго изслѣдованія, которому я подвергалъ обставленный затрудненіями вопросъ, данныя въ пользу авторства Іоанна кажутся мнѣ несравненно болѣе вѣскими и убѣдительными.

Не оставилъ я также вполне нетронутымъ и вопроса о дѣйствительности чудесъ и общей достовѣрности евангельскаго повѣствованія, хотя подробно входитъ въ разсмотрѣніе этихъ предметовъ мнѣ было еще менѣе надобности, такъ какъ я по мѣрѣ своихъ силъ уже въ другомъ мѣстѣ изложилъ основанія моихъ убѣжденій въ этомъ отношеніи. То же замѣчаніе приложимо въ еще болѣе возвышенной истинѣ божественности І. Христа. Этотъ вопросъ — хотя конечно не въ области перетонченныхъ изысканій касательно

περὶ ἑρμηνείας или *communicatio idiomatum*, ипостаснаго единства, отвлеченной непогрѣшительности и тому подобныхъ схоластическихъ формулъ, а въ его простой и согласной съ духомъ и смысломъ Писанія широтѣ—быль предметомъ моихъ лекцій въ Кембриджскомъ университетѣ въ 1870 году. Въ этихъ лекціяхъ я старался изложить то, что всегда мнѣ казалось наиболѣе убѣдительнымъ внѣшнимъ доказательствомъ нашей вѣры, именно „свидѣтельство исторіи о Христѣ“. Тѣ, кто отвергли вѣру церкви въ этомъ отношеніи, подходятъ въ этому предмету съ совершенно противоположной по отношенію къ намъ стороны. Читая первыя главы ев. Луки и Матѳея, они открыто удивляются, какъ иные вѣрятъ тому, что имъ кажется очевидной мифологіей; или слыша разсказъ объ одномъ изъ чудесъ Христа, напр. о хожденіи по озеру Галилейскому или обращеніи воды въ вино, они едва скрываютъ свое подозрѣніе касательно искренности тѣхъ, кто принимаетъ эти разсказы за истинные. Несомнѣнно, мы раздѣляли бы ихъ убѣжденія въ этомъ отношеніи, еслибы подходили къ предмету съ тѣми же настроеніемъ и тѣми же путями. Показать, что мы не такъ подходимъ къ нему—есть, по крайней мѣрѣ косвенно, одна изъ цѣлей этой книги.

Скептикъ (и я позволю себѣ сразу же заявить, что надѣюсь не употребить ни единого слова гнѣва или издѣвательства по отношенію къ скептицизму, который во многихъ случаяхъ, какъ мнѣ извѣстно, совершенно искренній и благородный до самоотверженія) подходитъ къ изслѣдованію вопроса совершенно съ иной точки зрѣнія, чѣмъ вѣрующій. Онъ смотритъ на величественный порядокъ и видимо ненарушимое однообразіе законовъ природы такъ, что вселенная становится для него лишь результатомъ, механически вытекающимъ изъ самобытныхъ и неотразимыхъ тенденцій. Для насъ такое понятіе совершенно немислимо. Законъ въ нашемъ міровоззрѣніи необходимо вызываетъ мысль о Законодателѣ, и „природа“, подъ которой мы разумѣемъ только ненаучный и воображаемый синонимъ для выраженія цѣлой суммы наблюдаемыхъ явленій, заключаетъ въ нашемъ умопредставленіи божественную силу, для которой она служитъ лишь видимымъ обнаруженіемъ. Мы вѣруемъ, что Богъ и Творецъ „природы“ явилъ себя намъ если и не посредствомъ первобытнаго вдохновенія, то во всякомъ случаѣ чрезъ непосредственное откровеніе нашему сердцу и совѣсти. Поэтому событія, на которыя я указалъ, представляются намъ не разрозненно и одиночно—во всей ихъ поразительной и ничѣмъ не подтверждаемой трудности. Для насъ они только случайныя черты въ вѣрѣ, которая лежитъ въ самой основѣ нашего бытія; они только отрывки того великаго цѣлаго, которое обни-

маеть собою все, что есть божественнаго, таинственнаго и сверхъестественнаго въ двухъ великихъ словахъ — христіанство и христіанскій міръ. Отсюда, хотя мы и не выставляемъ съ особенною настойчивостію чудесь Христа въ доказательство нашей религіи, но съ другой стороны мы и не можемъ считать ихъ камнями претѣновенія на пути исторической вѣры. Изучая священныя книги всѣхъ великихъ религій міра, мы видимъ то вліяніе, какое оказываетъ этими религіями на духъ ихъ приверженцевъ, и, несмотря на всѣ истины, которыя заключаются даже въ худшихъ изъ нихъ, мы видимъ полную ихъ неспособность произвести тѣ неопцннимыя блага, которыми мы пользуемся съ самаго дѣтства, которыя мы цѣнимъ, какъ свою жизнь, и которыя своимъ происхожденіемъ обязаны единственно распространенію и утверженію содержимой нами религіи. Мы читаемъ системы и трактаты древней философіи и, несмотря на всѣ великіе и возвышенныя элементы, находящіеся въ нихъ, мы видимъ ихъ полную неспособность утѣшить, поддержать, освободить или возродить міръ. Но вотъ мы видимъ, какъ свѣтъ христіанства, подобно тихой зарѣ, загорается среди всеобщей и невыносимой тьмы. Сначала эта новая религія дружитъ лишь съ тѣмъ, что есть самаго слабаго въ мірѣ, и сама раздѣляетъ эту слабость; и однако же безъ богатства, безъ учености, безъ генія, безъ оружія, безъ всего таковаго, что можетъ поражать и привлекать,—религія отверженцевъ и ссыльныхъ, бѣглыхъ и тюремщиковъ, считающая среди своихъ первыхъ обращенцевъ не многихъ мудрыхъ, знатныхъ и сильныхъ, а такихъ членовъ, какъ тюремщикъ филиппскій и бѣглый рабъ колоссскій, не имѣющая иного благословенія, кромѣ снисходящаго свыше, и не озаряемая никакимъ свѣтомъ, кромѣ сіяющаго съ неба,—она обращаетъ въ бѣгство царей съ войсками; она вдыхаетъ новую жизнь, новую надежду и новую невѣдомую святость въ преступный растлѣнный міръ. Вотъ что мы видимъ, и видимъ также, какъ дѣло это растетъ и увеличивается, становится болѣе и болѣе неотразимымъ, и распространяется съ „величіемъ тихаго моря, чтѣ нѣжить заливаемый имъ берегъ“. А видя это, мы припоминаемъ глубокое правило мудраго и великодушнаго раввина, выраженное болѣе 1800 лѣтъ тому назадъ: „Если это предпріятіе и это дѣло отъ человѣковъ, то оно разрушится; а если отъ Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вамъ не оказаться и богопротивниками“.

Когда же мы такимъ образомъ придемъ къ убѣжденію, что единственная религія въ мірѣ, установившая идеаль совершенной святости и сдѣлавшая возможнымъ для всѣхъ достиженіе этого идеала, получила въ особенной мѣрѣ благословеніе Божіе, то будемъ изслѣдовать ея истины съ глубочайшимъ благоговѣніемъ. Изло-

женіе этихъ истинъ, изложеніе того ученія, которое сдѣлало ихъ извѣстными міру—мы находимъ въ евангельскомъ повѣствованіи. И это повѣствованіе открываетъ намъ еще болѣе того. Оно не только указываетъ намъ достаточныя причины для существованія и торжества содержимой нами вѣры, но и выясняетъ намъ истины, которыя вліяютъ на наше сердце и умъ не менѣе сильно, чѣмъ „звѣздное небо вверху и нравственный законъ внутри“. Наученные смотрѣть на себя какъ на чадъ Бога и братьевъ въ Его великой семьѣ человѣчества, мы находимъ въ евангеліяхъ откровеніе Бога въ Его Сынѣ, которое даетъ намъ возможность знать Его ближе, уповать на Него полнѣе и служить Ему преданнѣе,—даетъ болѣе, чѣмъ все, что мы можемъ найти во всѣхъ другихъ книгахъ Божіихъ—въ Писаніи ли, въ исторіи, въ опытѣ ли жизни, или тѣхъ невидимыхъ завѣтахъ, которые Богъ начерталъ на всякомъ человѣческомъ сердцѣ. А находя, что это откровеніе записано честными людьми въ повѣствованіяхъ, которыя при всей своей откровенности видимо выдерживаютъ испытаніе исторіи и носятъ на себѣ печать прозрачной простоты и совершенной правдивости, будучи приготовлены къ принятію этого благовѣстія о любви Божіей въ искушеніи человѣка фактами мировой жизни совѣ и опытами сердца внутри,—мы такимъ образомъ перестанемъ находить непреодолимое затрудненіе въ повѣствованіи, что Тотъ, котораго мы признаемъ Сыномъ Божіимъ, — Тотъ, который одинъ только показалъ на землѣ величайшее чудо безгрѣшной жизни,—ходилъ по озеру Галилейскому или претворялъ воду въ вино.

Съ принятіемъ же истинности чудесъ они становятся для насъ нравственными уроками глубочайшей важности. При разсмотрѣніи чудесъ І. Христа мы стоимъ совершенно въ иномъ положеніи, чѣмъ Его первые ученики. Для нихъ очевидность чудесъ давала неотразимую силу ученію Спасителя; они были какъ бы печатью Бога на провозглашеніе новаго царства. Для насъ же, въ теченіе девятнадцати столѣтій бывшихъ чадами этого царства, въ такомъ доказательствѣ нѣтъ нужды. Для апостоловъ они были вѣрительнымъ свидѣтельствомъ миссіи Христа; для насъ они только новыя откровенія Его воли. Для насъ они скорѣе дѣла, чѣмъ знаменія; откровенія, чѣмъ предзнаменованія. Ихъ историческое значеніе заключается для насъ въ фактѣ, что безъ нихъ было бы невозможно объяснить происхожденіе и распространеніе христіанства. Мы обращаемся къ нимъ не за доказательствомъ истины христіанства, а за разъясненіемъ причины его распространенія. Но хотя христіанство для насъ покоится на основѣ божественнаго утвержденія, гораздо болѣе убѣдительнаго, чѣмъ обнаруженіе сверхъестественной силы; хотя для насъ Провидѣніе, руководившее въ те-

ченіе этихъ двухъ тысячелѣтій судьбами христіанскаго міра, есть гораздо болѣе поразительное по своей силѣ чудо, чѣмъ воскресеніе мертваго или прозрѣніе слѣпнаго,—однако же вѣра въ эти чудеса даетъ намъ возможность разрѣшать проблемы, которыя иначе были бы неразрѣшима, а равно и принимать нравственныя понятія, которыя иначе не находили бы подтвержденія. Для того, кто отвергаетъ ихъ, кто думаетъ, что возвышеннѣйшая нравственность и святѣйшее благочестіе, какое когда-либо видѣло человечество, созданы религіей, основанной на лжи или заблужденіи,—исторія міра, какъ мнѣ кажется, должна остаться неразрѣшимой загадкой или возмутительнымъ обманомъ.

6) Обращаясь къ другой сторонѣ этого предмета, я долженъ сказать, что не считаю возможнымъ какое-либо окончательное соглашеніе евангелій между собою. Болѣе или менѣе сильное возраженіе можетъ быть выставлено противъ *всякаго* соглашения. Въ этомъ отношеніи никогда въ точности не сходятся даже двое изслѣдователей между собой, и этого достаточно для доказательства того, что хронологическія узаванія въ евангеліяхъ слишкомъ неполны, чтобы можно было достигнуть полной достовѣрности въ нихъ. Я конечно и прямо и косвенно касался этихъ вопросовъ по мѣрѣ изложенія событій жизни Христа, и когда повѣствованіе требуетъ яснаго и твердаго основанія для принятія одного взгляда предпочтительно предъ другимъ по какому-нибудь спорному пункту (каковъ напр. праздникъ, упоминаемый въ Іоан. V, 1), я изслѣдую вопросъ съ такою полнотою, какая только совмѣстима съ краткостью, и старался представить читателю главные факты и доводы, на которыхъ основывается рѣшеніе. Но конечно было бы излишне и бесполезно обременять страницы этой книги безконечной полемикой о спорныхъ пунктахъ, которые, помимо ихъ сухости и бесплодности, въ то же время не допускаютъ окончательнаго рѣшенія. Рѣшая поэтому въ пользу извѣстнаго порядка въ послѣдовательности событій, мы можемъ сказать только, что такая послѣдовательность представляется намъ *вроятною*, но никоимъ образомъ мы не считаемъ ее вполне *несомнѣнною*. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ я тщательно изслѣдовалъ данныя для себя, часто выражая въ немногихъ строкахъ или даже въ случайномъ намекѣ результаты долгаго изысканія.

7) Нѣтъ надобности прибавлять, что эта книга почти цѣликомъ основывается на самостоятельномъ совмѣстномъ изученіи четырехъ евангелій. При ссылахъ на нихъ я постоянно и намѣренно отступалъ отъ англійскаго перевода, такъ какъ главною цѣлью у меня было изложить и объяснить событія, какъ они описываются первоначальными свидѣтелями. Мельчайшія подробности этихъ событій, а поэтому и точность нашего воспроизведенія ихъ въ немалой сте-

пени зависятъ отъ опредѣленія истиннаго чтенія и тонкости наблюденія надъ истиннымъ употребленіемъ словъ, частицъ и глагольныхъ формъ. Не нужно думать, что я предлагаю свой переводъ, который нерѣдко составляетъ просто перифразъ, потому, что онъ предпочтительнѣе принятаго перевода; а только потому, что сообразно съ поставленною мною цѣлью я старался съ возможно большею точностью выразить силу и значеніе истиннаго текста греческаго подлинника. Изъ книги будетъ видно также, что я старался въ поясненіе собрать все, что есть цѣннаго или правдиваго у I. Флавія, въ апокрифическихъ евангеліяхъ и сообщаемыхъ преданіемъ подробностяхъ, заимствуемыхъ изъ твореній отцовъ и учителей церкви.

8) Нѣкоторые читатели быть можетъ удивятся частымъ ссылкамъ на іудейскую литературу. Не пускаясь въ „море талмуда“ (какъ называютъ его сами раввины), для чего потребовалась бы цѣлая жизнь, современный читатель найдетъ не только обширный матеріалъ, но вѣроятно и весь матеріалъ, каковой только талмудъ можетъ представить въ поясненіе евангельской исторіи, въ сочиненіяхъ не только христіанскихъ ученыхъ, но также и ученыхъ и добросовѣстныхъ раввиновъ. Не только въ извѣстныхъ трактатахъ Ляйтфута, Шѣттгена, Суренгузія, Вагенсейля, Буксторфа, Ото, Реланда, Буддея, Гфрѣрера, Герцфельда, Мавволя, Этериджа, но также и въ сочиненіяхъ евреевъ по происхожденію или религіи, въ родѣ Гейгера, Юста, Греца, Деренбурга, Мунка, Франкля, Дейча, Раффалля, Шваба, Когена — всякій можетъ найти массу выдержекъ изъ подлинныхъ талмудическихъ сочиненій, собранныхъ какъ противниками, такъ и преданными, съ любовью относящимися къ нимъ учеными изслѣдователями. Затѣмъ всякій можетъ читать всю мишну (если только у него хватитъ времени и терпѣнія на то) въ латинскомъ переводѣ Суренгузія, и касательно большинства важнѣйшихъ трактатовъ, даже гемары, можетъ составить теперь свое собственное мнѣніе на основаніи такихъ переводовъ ея, какъ французскій переводъ трактата Berachoth, сдѣланный М. Швабомъ. Я самъ обращался ко всѣмъ указаннымъ здѣсь авторамъ и извлекъ изъ нихъ много свѣдѣній, которыя кажутся мнѣ чрезвычайно полезными. Ихъ изысканія пролили много свѣта на нѣкоторыя части евангелій и привели меня къ нѣкоторымъ заключеніямъ, которыя, насколько мнѣ извѣстно, совершенно новы. Правда, какъ я пришелъ къ убѣжденію, у талмудистовъ нельзя узнать ничего даже хоть сколько-нибудь важнаго касательно самого Спасителя. Но дѣйствительное значеніе раввинскихъ сочиненій въ отношеніи поясненія евангелій косвенное, а не прямое, археологическое, а не апологетическое. Свѣтъ, проливаемый ими на правдивость еванге-

листовъ, тѣмъ болѣе цѣненъ, что исходитъ изъ источника столь неожиданнаго и враждебнаго.

9) Если гдѣ-нибудь въ этой книгѣ я погрѣшилъ противъ божественнаго закона любви и снисходительности, считаю долгомъ здѣсь же просить прощенія. Но я могу по крайней мѣрѣ сказать, что если гдѣ и встрѣтится на моихъ страницахъ хоть слѣдъ суровости, она никогда не направляется противъ лицъ, а только противъ принциповъ, или только противъ тѣхъ лицъ и классовъ людей въ давнопрошедшія времена, которыхъ мы считаемъ представителями принциповъ. Возможно, что эта книга попадетъ въ руки и нѣкоторыхъ читателей изъ евреевъ, и къ нимъ-то особенно я желалъ бы обратиться съ этимъ замѣчаніемъ. Я имѣю основаніе думать, что іудейскій народъ давно уже научился съ любовью и почтеніемъ смотрѣть на Того, котораго отвергли отцы ихъ; мало того, многіе изъ нихъ, убѣжденные неотразимой логикой исторіи, открыто признали, что Онъ былъ истинно ихъ обѣтованный Мессія, хотя они и отвергаютъ вѣру въ Его божество. Въ сочиненіяхъ многихъ евреевъ я вижу явное убѣжденіе, что Иисусъ, къ которому они уже совсѣмъ перестали прилагать эпитеты ненависти, встрѣчаемые въ талмудѣ, былъ во всякомъ случаѣ величайшій религиозный учитель, высочайшій и благороднѣйшій пророкъ, какой только выходилъ изъ ихъ народа. Они поэтому менѣе всего стали бы защищать величайшее преступленіе въ исторіи — распятіе Сына Божія. И такъ какъ ни одинъ христіанинъ и не думаетъ о посѣщеніи ихъ ужасами за грѣхи предковъ, то и еврей не долженъ обвинять христіанъ настоящаго времени, будто они смотрятъ съ какимъ-либо другимъ чувствомъ, а не съ отвращеніемъ на тѣ продолжительныя, жестокия и позорныя преслѣдованія, которыми невѣжество и жестокость прошлыхъ вѣковъ подвергали ихъ великій и славный народъ. Мы можемъ смиренно вѣровать, что быстро близится день, когда Тотъ, котораго распяли іудеи и божественныя откровенія котораго такъ часто и такъ постыдно опозоривались христіанами, разрушить средостѣніе между ними и оба племени сдѣлаетъ едиными въ религіи, въ сердцѣ и жизни: семитъ и аріецъ, іудей и язычникъ — всѣ соединятся для того, чтобы нести благословеніе и благовѣстіе міру.

И вотъ я выпускаю мою книгу въ свѣтъ, не зная, что будетъ съ нею, но искренно молясь, да споспѣшествуетъ она дѣлу истины и праведности, и Тотъ, во имя котораго написана она, по великой Своей милости да —

„Простить меня, гдѣ въ истинѣ я погрѣшилъ,
И въ мудрости своей меня да умудритъ“.

Ф. В. Фарраръ.

Молброская коллегія.
Великій Помѣдельникъ.
1874 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Рождество Христово.

СТР.

Пастухи на полѣ.—Восточная гостинница или ханъ.—Пещера Внеле-
емская.—Перепись.—Иосифъ и Марія.—Нѣтъ мѣста для нихъ въ гостин-
ницѣ.—Ясли и дворецъ.—Рождество.—Поклоненіе пастуховъ.—Вымыслъ
и дѣйствительность.—Противоположность между евангеліями и апокрифами. 1

ГЛАВА II.

Принесеніе во храмъ.

Четыре случая изъ дѣтства Христа.—Порядокъ событій.—Обрѣза-
ніе.—Имя Іисусъ.—Принесеніе во храмъ.—Симеонъ.—Анна 9

ГЛАВА III.

Поклоненіе Волхвовъ.

Богоявленіе язычникамъ.—Иродъ Великій.—„Волхвы“.—Преданія
о нихъ.—Причины ихъ путешествія.—Общее ожиданіе Спасителя.—Звѣзда
на востокѣ.—Астрономическія соображенія Кеплера и др.—Мимолетныя
звѣзды.—Дары волхвовъ. 13

ГЛАВА IV.

Бѣгство въ Египетъ и избиеніе младенцевъ.

Отбытіе волхвовъ.—Сказанія о бѣгствѣ въ Египетъ.—Избиеніе мла-
денцевъ.—Историческая его достовѣрность.—Характеръ Ирода Великаго.—
Молчаніе I. Флавія.—Смерть и погребеніе Ирода Великаго.—Паденіе мо-
гущества Иродова дома.—Восшествіе на престолъ Архелая.—Поселеніе въ
Галилеѣ 20

ГЛАВА V.

Дѣтство I. Христа.

Географія Палестины.—Галилея.—Назаретъ.—Молчаніе евангели-
стовъ.—Правдивость евангелій въ сопоставленіи съ апокрифическими ска-
заніями.—Жизнь галилейскихъ поселянъ.—Воображеніе и дѣйствитель-
ность.—„Назореемъ наречется“ 28

ГЛАВА VI.

Іисусъ въ храмѣ.

Двѣнадцатилѣтній возрастъ Іисуса.—Путешествіе изъ Назарета въ
Іерусалимъ.—Картины по пути.—Количество пасхальныхъ паломниковъ.—
Исчезновеніе Іисуса изъ каравана.—Поиски.—Равнины въ храмѣ.—„Слу-
шай и спрашивай ихъ“.—„Зачѣмъ было вамъ исвать Меня?“—„Они не
поняли“.—Послушаніе. 38

ГЛАВА VII.

Жизнь въ Назаретѣ.

СТР.

„Плотникъ“.—Достоинство бѣдности.—Достоинство труда.—Общая доля.—Мудрость выше знанія.—Самобытность.—Языкъ, на которомъ говорилъ Иисусъ.—Книги Божіи.—Иисусъ у себя дома.—Дѣло и примѣръ этихъ гѣтъ.—Мирная жизнь.—„Братья Господни“.—Уединеніе.—Вершина холма въ Назаретѣ.—Равнина Ездрилонская.—Срединное положеніе Палестины въ мірѣ

46

ГЛАВА VIII.

Крещеніе Іоанново.

Характеристика того вѣка.—Глубокая тьма предъ разсвѣтомъ.—Отшельничество.—Іоаннъ Креститель.—Его характеръ.—Его ученіе.—Его слушатели.—Мѣсто его проповѣди.—Его свидѣтельство.—Іоаннъ въ присутствіи Иисуса.—Зачѣмъ крестился Иисусъ.—Признаніе его Мессіей

59

ГЛАВА IX.

И с к у ш е н і е .

Гора Сорокадневная.—„Съ дикими звѣрами“.—„Сорокъ дней“.—Истощеніе.—Дѣйствительность искушенія.—„Былъ искушаемъ подобно намъ“.—Пощеніе.—Lapides Judaici.—Первое искушеніе.—Тонкость его.—„Не хлѣбомъ однимъ“.—Внушеніе сомнѣнія.—Порядокъ искушеній.—Крыло храма.—Питата искушителя.—Великолѣпное предложеніе.—Римскій императоръ.—Побѣда

68

ГЛАВА X.

Первые апостолы.

Евангеліе Іоанна.—„Агнецъ Божій“.—Андрей и Іоаннъ.—Симонъ.—Внѣшность и личное превосходство Иисуса.—Филиппъ и Нафананиль.—„Иди и посмотри“.—„Подъ смоковницей“.—„Ангелы восходящіе и нисходящіе“

78

ГЛАВА XI.

П е р в о е ч у д о .

„На третій день“.—Свадьба въ Востокѣ.—„У нихъ нѣтъ вина“.—Отвѣтъ Дѣвъ Маріи.—Чудо.—Характеристическія черты этого и другихъ чудесъ

90

ГЛАВА XII.

Мѣсто общественнаго служенія Христа.

Озеро Галилейское и долина Іорданская.—Красота Геннисарета.—Характеръ мѣстности.—Ея теперешнее запустѣніе и прежняя населенность.—Пророчество Ісаи.—Срединность.—Ученіе Христа тамъ.—Мѣсто-нахожденіе Капернаума

97

ГЛАВА XIII.

Иисусъ на праздниѣ Пасхи.

Посѣщеніе Іерусалима.—Очищеніе храма.—Состояніе двора язычниковъ.—Толпа продавцевъ.—Негодованіе Иисуса.—Почему они не воспротивились.—Вопросъ начальниковъ.—„Разрушьте храмъ сей“.—Впечатлѣніе, произведенное этими словами.—Ихъ глубокое значеніе.—Степень, до которой они были поняты

104

ГЛАВА XIV.

Н и к о д и м ъ.

стр.

Талмудическія указанія на Ниводима.—Его характеръ.—Косвенность его вопросовъ.—Бесѣда Иисуса.—Крещеніе Его учениковъ.—Продолженіе крещенія Іоаннова.—Енонъ, близъ Салима.—Жалоба учениковъ Іоанна.—Благородный и грустный отвѣтъ 112

ГЛАВА XV.

С а м а р я н к а.

Удаленіе Иисуса въ Галилею.—Сихарь.—Полдень у колодца.—Мѣстность.—Разговоръ съ женщиной.—Іерусалимъ и Гаризимъ.—Отравленіе мессіанства.—Возвращеніе учениковъ.—Поля, желтѣющія къ жатвѣ.—Вѣрующіе самаряне. 117

ГЛАВА XVI.

Отверженіе Иисуса Христа назарянами.

Пророкъ въ своемъ отечествѣ.—Иудейская синагога.—Характеръ богослуженія.—Проповѣдь Иисуса Христа.—Перемяна въ настроеніи слушателей.—Ихъ ярость.—Освобожденіе Иисуса.—Окончательное оставленіе Назарета 123

ГЛАВА XVII.

Начало служенія въ Галилеѣ.

Просьба царедворца.—Его вѣра.—Послѣдовательность событій.—Ев. Іоаннъ и синаптики.—Иисусъ Христосъ останавливается въ Капернаумѣ.—Его первая суббота тамъ.—Проповѣдуетъ въ синагогѣ.—Бѣсноватый.—Теща Петра.—Вечерь.—Неотступность толпы.—Вторженіе въ частную жизнь.—Проповѣдь съ лодки.—Призваніе Петра, Іакова и Іоанна.—„Выйди отъ меня“.—Мытари.—Мытарь-апостоль 129

ГЛАВА XVIII.

Избраніе двѣнадцати апостоловъ и нагорная проповѣдь.

Ночь на молитвѣ.—Избраніе двѣнадцати учениковъ.—Свѣдѣнія о нихъ.—Іаковъ и Іоаннъ.—Петръ.—Кури-Хаттинъ.—Противопоставленіе съ Синаемъ.—Блаженства.—Очеркъ нагорной проповѣди.—„Не какъ книжники“.—Властность.—Христосъ и другіе учителя.—Совершенство.—Красота и простота. 140

ГЛАВА XIX.

Дальнѣйшія чудеса.

Прокаженный.—Нарушеніе буквы закона.—Почему запрещено было разглашеніе.—Депутатія *батланимовъ*.—Посланные отъ сотника.—Неустанность служенія.—Видѣнныя родственниковъ. 152

ГЛАВА XX.

Иисусъ въ Назифѣ.

Наифъ.—Похороны.—Воскрешеніе сына вдовы.—Посольство отъ Іоанна Крестителя.—Колебаніе его вѣры.—Какъ объяснить это.—Махеръ.—Божіе испытаніе слугамъ его.—Отвѣтъ Иисуса Христа.—Великолѣпная похвала Іоанну.—„Меньшій въ царствѣ небесномъ“ 158

ГЛАВА XXI.

Грѣшница и Фарисей.

СТР.

Симонъ фарисей.—Иудейскіе обычаи за столомъ.—Плачущая женщина.—Неудовольствіе Симона.—Отвѣтъ Иисуса Христа.—Притча о должникахъ.—Холодная любезность Симона.—Прощеніе грѣховъ.—Была ли это Марія Магдалина? 166

ГЛАВА XXII.

Жизнь Иисуса въ Галилеѣ.

Картина изъ Галилейской жизни.—Иисусъ Христосъ и Его послѣдователи.—Его внѣшность.—Жизнь бѣдности,—труда,—скорби,—и въ то же время священной радости 173

ГЛАВА XXIII.

Великій день въ жизни Иисуса Христа.

Порядокъ событій.—Проповѣдь съ лодки.—Притчи.—Притча о сѣятелѣ и сѣмени.—Другія притчи.—Производимое ими впечатлѣніе.—Крайнее желаніе покоя.—Восточный берегъ.—Три предложенія ученичества.—Буря.—„Кто же это?“—Чудеса.—Гергеса.—Нагой бѣсноватый среди гробницъ.—„Какъ тебѣ имя?“—Потеря свиней.—Тревога гадарянъ.—Ихъ просьба.—Просьба бѣсноватаго. 181

ГЛАВА XXIV.

День пиршества у ев. Маттея.

Возвращеніе въ Капернаумъ.—Спускъ разслабленныхъ чрезъ кровлю.—„Прощаются тебѣ грѣхи твои“.—Пиршество въ домѣ ев. Маттея.—Негодование фарисеевъ.—Вопросъ о постѣ.—Новое вино и старое 193

ГЛАВА XXV.

День пиршества у ев. Маттея

(продолженіе).

Іаиръ.—Кровоточивая женщина.—Прикосновеніе съ вѣрой.—Посольство къ Іаиру.—Наемныя плакальщицы.—Воскрешеніе дочери Іаира.—Слѣпцы.—Неисполненіе ими повелѣнія Спасителя 198

ГЛАВА XXVI.

Посѣщеніе Іерусалима.

Состраданіе къ народу.—Посольство двѣнадцати апостоловъ.—Наставленія имъ.—„Праздникъ іудейскій“.—Распорядокъ еванг. Іоанна.—Дни іудейскихъ праздниковъ.—Особенность праздника Пуримъ.—Причины присутствія на немъ Христа 202

ГЛАВА XXVII.

Чудо при овчей купальнѣ Вноезда.

Прудъ Вноезда.—Исцѣленіе разслабленнаго.—Ревнивый допросъ.—Нарушеніе субботы.—Низость исцѣленнаго.—Гнѣвъ начальниковъ іудейскихъ.—Отвѣтъ Иисуса Христа.—Опасныя послѣдствія 209

ГЛАВА XXVIII.

Убіеніе Іоанна Крестителя.

СТР.

Возвращеніе въ Галилею.—Иродъ Антипа.—Иродіада.—Слѣдствія предлюбодѣйнаго брака.—Суевѣріе и невѣріе.—Пирь.—Саломія.—Ея просьба.—Убіеніе Іоанна Крестителя.—Угрызенія совѣсти Ирода.—Его разспросы объ Іисусѣ.—Конечная судьба Ирода 219

ГЛАВА XXIX.

Насыщеніе пяти тысячъ народа и хожденіе по морю.

Внесаида Юліина.—Голодающій народъ.—Чудо насыщенія.—Восторженность народа.—Отпущеніе учениковъ.—Іисусъ Христосъ одинъ на горѣ.—Ученики одни на морѣ.—„Это И“.—Смѣлость Петра и паденіе его духомъ.—Особенность чуда 226

ГЛАВА XXX.

Весѣда въ Капернаумѣ.

Удивленные разспросы толпы.—Укоръ отъ Іисуса Христа.—Они требуютъ знаменія.—Отвѣтъ Его.—Хлѣбъ жизни.—Грубый матеріализмъ возрѣвній.—Неудовольствіе.—Оставленіе Іисуса Христа.—Печальный вопросъ ученикамъ.—Отвѣтъ Петра.—Предостереженіе Іудѣ 233

ГЛАВА XXXI.

Начало противодѣйствія.

Собирающіяся тучи.—1) „Прощаются тебѣ грѣхи твои“.—2) „Любить поѣсть и пить вино“.—3) „Твои ученики не постытса“.—4) Съ мытарями и грѣшниками“.—„Милости, а не жертвы“.—Блудный сынъ.—Религія и пустосвятство.—5) Обвиненія въ нарушеніи субботы.—Іудейскія преданія.—Абоомы и толодом.—а) Въ хлѣбныхъ поляхъ.—Сходство съ поступкомъ Давида.—„Нѣтъ субботства въ храмѣ“.—Случай, передаваемый въ кодексѣ Безы.—б) Каменьщикъ съ сухой рукой.—Добро или зло въ субботу?—Іюраженіе совопросниковъ.—Неумытыя руки.—Іудейскія омовенія.—„Ваше преданіе“.—Устный законъ.—Ганадомъ и илахомъ.—„Что выходитъ изъ устъ“.—Злыя мысли. 241

ГЛАВА XXXII.

Усиленіе противодѣйствія.

Треволненія въ жизни Іисуса.—Молитва на зарѣ.—Молитва Господня.—Притча о назойливомъ другѣ.—Свѣтъ и тѣни въ исторіи жизни Іисуса.—Слѣпой и нѣмой бѣсноватый.—Заклинаніе.—Клевета книжниковъ.—Велзевулъ.—Отвѣтъ Іисуса.—Предостереженіе противъ правдныхъ словъ.—Кто истинно блаженный?—„Учитель, хотѣлось бы намъ видѣть знаменіе“.—Знаменіе пророка Іоны.—Вмѣшательство родственниковъ. 257

ГЛАВА XXXIII.

День открытаго разрыва.

Одинъ съ фарисеями за столомъ.—Неумытыя руки.—Укоръ Іисуса.—Распространеніе этого укора и на законниковъ.—Фальшивая любезность.—Открытый разрывъ.—Опасность Іисуса.—Онъ выходитъ къ народу.—Обличеніе лицемѣрія.—Глупая просьба.—Притча о богатомъ глупцѣ.—Вопросъ ап. Петра.—Іисусъ взволновался духомъ. 267

ГЛАВА XXXIV.

Среди язычниковъ.

стр.

Страны Тира и Сидона.—Сирофиникіянка.—Видимое отверженіе ея просьбы.—Ея восторженная вѣра.—Награжденіе ея вѣры.—Языческія страны.—Возвращеніе въ Десятиградіе.—Глухонѣмой.—„Еффаа!“—Пріемъ со стороны народа.—Насыщеніе четырехъ тысячъ народа

273

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА XXXV.

Великое исповѣданіе.

Пріемъ Иисуса по возвращеніи его въ Галилею.—Зловѣщій союзъ.—Требованіе знаменія.—Укоръ и отказъ.—Грусть Иисуса.—Отплытіе Его.—Пророческое „горе“.—Фарисейская и Иродова заваска.—Буквальное перетолкованіе со стороны апостоловъ.—Испѣленіе слѣпого въ Внесандѣ Юлиной.—На пути въ Кесарію Филиппову.—Рѣшительные вопросы.—„Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго!“—Камень.—Основа церкви.—Перетолкованія.—Предостереженія о смерти.—Необдуманное виѣшательство Петра.—„Отойди отъ меня, сатана“.—Цѣна человеческой души.—„Сынъ человѣческій, грядущій въ царствѣ Своемъ“

281

ГЛАВА XXXVI.

Преображеніе.

Гора.—Не Таборъ, а Ермонъ.—Видѣніе.—Моисей и Илія.—Восхищенная рѣчь Петра.—Голосъ съ неба.—Исчезновеніе видѣнія.—Новый Илія.

296

ГЛАВА XXXVII.

Вѣсноватый отрокъ.

Ученики и книжники.—Прибытіе Иисуса Христа.—Вѣсноватый мальчикъ.—Страданіе отца.—„Если можешь“.—Избавленіе.—Сила вѣры двигаетъ горы.—Уединенное возвращеніе Иисуса.—Грустные предостереженія.—Споръ, кто будетъ большимъ.—Малое дитя.—Вопросъ Іоанна.—Соблазнъ для „малыхъ сихъ“.—Немилосердный должникъ

300

ГЛАВА XXXVIII.

Короткій отдыхъ въ Капернаумѣ.

Храмовая подать.—Сборщики подходятъ къ Петру.—Его необдуманный отвѣтъ.—Иисусъ Христосъ ставитъ вопросъ въ его истинномъ свѣтѣ.—Статиръ во рту рыбы

306

ГЛАВА XXXIX.

I. Христосъ на праздникѣ Кушей.

Праздникъ Кушей.—Виѣшательство братьевъ Иисуса Христа.—„Я еще не пойду на сей праздникъ“.—Нетерпѣливые вопросы въ народѣ.—Равнообразіе мнѣній.—Появленіе Иисуса Христа въ храмѣ.—Его укорительный вопросъ.—„Вѣсь въ Тебѣ“.—Указаніе на дѣла.—Негодованіе синедриона.—Соблюденіе послѣдняго дня праздника.—„Радость черпанія воды“.—„Рѣки воды живой“.—Раздѣленіе мнѣній.—„Никогда человѣкъ не говорилъ

такъ, какъ этотъ человекъ“.—Робкое заступничество Никодима.—Отвѣтъ на издѣвательства фарисеевъ 309

ГЛАВА XL.

Женщина, взятая въ прелюбодѣяннѣ.

Исусъ на горѣ Елеонской.—Возвращеніе на разсвѣтѣ въ храмъ.—Веселость праздника.—Безнравственность вѣка.—Низкая жестокость фарисеевъ.—Женщину влекутъ въ храмъ.—„Что скажешь Ты?“—Тонкая засада.—Писаніе на полу.—„Кто изъ васъ безъ грѣха“.—Угрызенія совѣсти.—Горе и милосердіе лицомъ къ лицу.—„Иди и впредь не грѣши“.—Полиѣйшее спокойствіе Иисуса при всѣхъ нападеніяхъ.—Восьмой день праздника.—Великій свѣтильникъ.—Свѣтъ міру.—Бурныя разсужденія съ іудеями.—Взрывъ ярости.—Исусъ оставляетъ храмъ 317

ГЛАВА XLI.

Слѣпороджденный.

Иудейское возвращеніе на возмездіе за грѣхи.—„Кто согрѣшилъ“.—„Пойди, умойся въ купальнѣ Силоамъ“.—Въ субботу.—Допросъ исцѣленному въ синедрионѣ.—Мужественный человекъ.—Смушеніе членовъ синедриона.—„Мы знаемъ, что человекъ этотъ грѣшникъ“.—Насмѣшки и угрозы.—Отлученіе.—Исусъ и отверженцы.—Истинный и ложный пастыри 329

ГЛАВА XLII.

Прощаніе съ Галилеей.

Промежутокъ между праздниками Куцей и Обновленія храма.—Большой отдѣлъ въ евангеліи Луки.—Особенность этого отдѣла.—Посольство семидесяти учениковъ.—Извѣстіе о галилеянахъ, избитыхъ Пилатомъ.—Поученіе по поводу этого событія.—Строгія предостереженія.—Безплодная смоковница.—Заговоръ фарисеевъ съ цѣлью ускорить Его удаленіе.—„Пойдите, скажите этой лисицѣ“.—Иродъ Антипа.—Прощаніе съ мѣстомъ служенія.—Судьба, постигшая галилеянь.—Ликованіе Иисуса Христа духомъ.—„Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся“.—Возвышенная радость 334

ГЛАВА XLIII.

Событія во время послѣдняго путешествія.

Разныя дороги.—Деревня Ен-Ганнимъ.—Грубость самарянъ.—Гнѣвъ сыновъ Громовыхъ.—Броткій укоръ со стороны Иисуса Христа.—Вычисленіе цѣны.—Перея.—Десять проказенныхъ.—Неблагодарность.—„А девять гдѣ?“ 344

ГЛАВА XLIV.

Проповѣди во время послѣдняго путешествія.

Субботскіе споры.—Глупый начальникъ синагоги.—Исцѣленіе скорченной женщины.—Невѣжественное субботаствованіе.—Религіозное шпионство.—Человекъ, страдающій водянкой.—Вопросъ Иисуса.—Молчаніе упорства.—Исцѣленіе больного.—Самодовольство фарисеевъ.—Борьба за преимущество.—Плоское замѣчаніе.—Притча о званыхъ на царскій брачный пирь.—Неправедный домоправитель.—Алчность фарисеевъ.—Ихъ лести-

вость по отношенію къ Ироду.—Богатый и Лазарь.—„Развѣ мало спасающихся“?—„Что мнѣ дѣлать, чтобы получить жизнь вѣчную“?—Добрый самарянинъ.— Возвращеніе семидесяти.— Любовь къ мытарямъ и грѣшникамъ.—Притча о блудномъ сынѣ.—Торжественныя предостереженія.—„Гдѣ, Господи“?—Орлы и трупъ

349

ГЛАВА XLV.

Праздникъ обновленія храма.

Домъ въ Виваніи.—Марѳа и Марія.—„Едино на потребу“.—*Ханукка* или праздникъ обновленія храма.—Притворъ Соломоновъ.—Связанныя съ праздникомъ воспоминанія.—Фарисеи внезапно окружаютъ Иисуса Христа.—„Долго ли Ты будешь держать насъ въ недоумѣніи“?—Не политическій Мессія.—„Я и Отецъ одно“.—Покушеніе побить Его камнями.—Указаніе Иисуса Христа на свою жизнь и дѣла.—Онъ удаляется въ Виванію за Иорданъ

367

ГЛАВА XLVI.

Послѣднее пребываніе въ Переѣ.

Вопросъ о разводѣ.—Важность вопроса.—Гиллель и Шаммаи.—Споръ о значеніи выраженія *эрааъ дабаръ*.—Шаткія толкованія.—Обѣ школы не правы.—Простое рѣшеніе вопроса.—Допущеніе развода Моисеемъ только временное.—Испорченность вѣва.—Ученіе Иисуса Христа о нравственной чистотѣ.—Безбрачіе и бракъ.—Иисусъ Христосъ благословляетъ дѣтей.—Нетерпѣливый юноша.—„Учитель благій“.—„Что мнѣ дѣлать“?—Великая заповѣдь.—„Великій отказъ“.—Уныніе учениковъ.—Награда сторицею.—Работники въ виноградникѣ

374

ГЛАВА XLVII.

Воскресеніе Лазаря.

Извѣщеніе Иисуса Христа.—Двухдневная отсрочка.—„Пойдемъ и мы умремъ съ нимъ“.—Приближеніе къ Виваніи.—Марѳа встрѣчаетъ Его.—„Воскресеніе и жизнь“.—Скорбь Маріи.—Глубокое волненіе Иисуса Христа.—Сцена при гробѣ.—„Лазарь, выйди вонъ“.—Молчаніе синоптиковъ.—Совѣщаніе въ домѣ Каафы.—Его злобная политика.—Приговоръ смерти.—Удаленіе въ Ефраимъ

384

ГЛАВА XLVIII.

Иерихонъ и Виванія.

Караваны паломниковъ.—Иисусъ Христосъ отправляется въ послѣдній путь.—Открытіе ужасной кончины.—Сыны Зеведея.—Чаша и крещеніе.—Смирненіе прежде чести.—Иерихонъ.—Вартимей.—Закхей.—Его раскаяніе.—Притча о минахъ серебра.—Вызвавшія ее событія.—Прибытіе въ Виванію.—„Симонъ прокаженный“.—Намѣренное молчаніе синоптиковъ.—Жертва Маріи.—Внутреннее негодованіе Иуды.—Одобреніе Маріи со стороны Христа.—„Для Моего погребенія“.—Свиданіе предателя съ членами синедриона

393

ГЛАВА XLIX.

Входъ Господень въ Иерусалимъ.

Возбужденное ожиданіе.—Три дороги въ Виванію.—Вивеагія.—Молодой осель.—Скромное торжество.—Осанна!—Поворотъ дороги.—Иерусалимъ того времени.—Иисусъ Христосъ оплакиваетъ городъ.—Страшное исполненіе пророчества.— Два шествія.—Негодованіе фарисеевъ.—„Кто

это? — Иисусъ Христосъ еще разъ очищаетъ храмъ. — Осанна, возглашаемая дѣтьми. — „Развѣ вы не читали?“ — Греки, желающіе видѣться съ Христомъ. — Авгарь V. — Бесѣда Иисуса Христа. — Голосъ съ неба. — Печальное окончаніе дня. — Ночлеги на горѣ Елеонской. 405

ГЛАВА L.

Нонедѣльникъ Страстной недѣли. — День притчъ.

Иисусъ чувствуетъ голодъ. — Обманчивая смоковница. — Безнадежное безплодіе. — Критическіе отзывы о чудѣ. — Правильный взглядъ на него. — Депутація священниковъ. — „Кто далъ Тебѣ эту власть?“ — Встрѣчный вопросъ Иисуса Христа. — Священники вынуждаются къ молчанію. — Притча о двухъ сыновьяхъ. — Притча о бракѣ царскаго сына. — Ковни фарисеевъ. 415

ГЛАВА LI.

День искушенія. — Послѣдній и величайшій день общественнаго служенія Иисуса Христа.

Иссохшая смоковница. — Сила вѣры. — Заговоръ иродіанъ. — Его опасная сторона. — Подать. — Божественная мудрость въ отвѣтѣ Христа. — Покушеніе саддукеевъ. — Жалкій казуистическій вопросъ. — Седмиричная вдова. — „Какъ ангелы Божіи“. — „Богъ Авраама, Исаака и Іакова“. — Скрытое ученіе безнравственности 425

ГЛАВА LII.

Великое обличеніе.

„Учитель, Ты хорошо сказалъ“. — „Какая наибольшая заповѣдь?“ — Отвѣтъ раввиновъ. — Отвѣтъ Иисуса Христа. — „Недалекъ отъ царства небснаго“. — Вопросъ Иисуса Христа книжникамъ. — Сынъ Давида и Господь Давида. — Неудачность отвѣта. — Окончательный разрывъ. — „Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры!“ — Голосъ, подавленный слезами. — „Іерусалимъ, Іерусалимъ!“ — Заслуженное обличеніе. — Исполненіе предсказанія 433

ГЛАВА LIII.

Прощаніе съ храмомъ.

Отраднѣйшій случай. — Бѣдная вдова. — Истинная милостыня. — Великолѣпіе храма. — „Не останется камня на камнѣ“. — Иисусъ Христосъ на горѣ Елеонской. — „Когда это будетъ?“ — Великая бесѣда о концѣ міра. — Два горизонта. — Связанныя съ этой бесѣдой трудности и способъ разрѣшенія ихъ. — Что будетъ передъ послѣднимъ концомъ? — Непосредственное будущее. — Предостерегающія знаменія. Притчи о смоковницѣ, — о десяти дѣвахъ, — о талантахъ. — Черезъ два дня. — Послѣднее вечернее шествіе въ Визанію 444

ГЛАВА LIV.

Начало конца.

Совѣщаніе заговорщиковъ въ домѣ Каиафы. — Ихъ разсужденія. — Иуда требуетъ свиданія. — Тридцать сребрениковъ. — „Сатана вошелъ въ него“. — Среда, проведенная въ уединеніи. — Послѣдній сонъ Иисуса на землѣ 454

ГЛАВА LV.

Тайная вечеря.

СТР.

Великій четвергъ. — Приготовление въ вечери. — Горница. — Споръ о преимуществѣ мѣста. — Иисусъ Христосъ омываетъ ноги ученикамъ. — Удивленіе и послушаніе Петра. — „Вы чисты, но не всё“. — Бесѣда о смиреніи. — Опечалился духомъ. — „Одинъ изъ васъ предастъ Меня“. — „Господи, кто это?“ — Петръ дѣлаетъ знакъ Іоанну. — Поданный кусокъ изъ блюда. — „Не я ли, равви?“ — „Онъ вышелъ, а была ночь“. — Оживленіе вечери. — Установленіе таинства евхаристіи

461

ГЛАВА LVI.

Послѣдняя бесѣда.

„Нынѣ прославился Сынъ человѣческій“. — „Дѣти“. — Новая заповѣдь. — „Господи, куда Ты идешь?“ — Предостереженіе Петру. — „Господи, вотъ здѣсь два меча“. — Утѣшеніе. — „Какъ можемъ знать путь?“ — „Господи, покажи намъ Отца“. — Затрудненіе Іуды Леввея. — Послѣднія слова передъ уходомъ. — Виноградная лоза. — Простое поученіе. — Благодарность учениковъ. — Новое предостереженіе имъ. — Первосвященническая молитва.

474

ГЛАВА LVII.

Садъ Геосиманскій. Моленіе о чашѣ и взятіе подъ стражу.

Шествіе при лунномъ свѣтѣ въ Геосиманію. — Послѣднее предостереженіе Петру. — Геосиманія. — Мѣсто душевной муки. — Желаніе уединенія и вмѣстѣ сочувствія. — Первая борьба съ душевной мукой. — Ея напряженность. — Кровавый потъ. — Не отъ боязни смерти. — „Симонъ, ты спишь?“ — Вторая борьба. — Спящіе ученики. — Третья борьба и окончательная побѣда. — „Все еще спите и поживаете“. — Факелы при лунномъ свѣтѣ. — Принятія Іудой мѣры. — „Товарищъ“. — Предательскій поцѣлуй. — Иисусъ Христосъ выступаетъ впередъ. — „Кого ищите?“ — „Это Я“. — Ужасъ стражи. — Историческіе примѣры. — Взятіе Иисуса. — Ударъ Петра. — „Оставьте, довольно“. — Молодой человѣкъ въ одѣялѣ. — Стража связываетъ и уводитъ Иисуса Христа

482

ГЛАВА LVIII.

Иисусъ Христосъ передъ священниками и синедріономъ.

Предполагаемыя разногласія. — Шестиричный судъ. — На допросѣ у Анны. — Хананъ какъ первосвященникъ. — Его характеръ. — Его отвѣтственность за послѣдствія. — Упадокъ достоинства тогдашняго синедріона. — Фарисеи и саддукеи. — Большая жестокость послѣднихъ. — Саддукеи — священническая партія. — Причина ихъ ярости и ненависти. — Порожденіе ехиднино. — Иисусъ Христосъ на допросѣ у Анны. — „Такъ отвѣчаешь Ты первосвященнику?“ — Благородное терпѣніе. — Второй допросъ. — Во дворцѣ Каіафы. — Комитеты синедріона. — Искани жесвидѣтельства. — Полная неудача жесвидѣтельствъ. — „Разрушите храмъ сей“. — Безмолвіе Иисуса Христа. — Отчаяніе Каіафы. — Яростное заклинаніе. — Отвѣтъ Иисуса. — „Богохульство“. — *Ииш мавеев*

497

ГЛАВА LIX.

Между допросами.

Первое поруганіе. — Дворъ. — Іоаннъ добивается впуска для Петра. — Первое отреченіе. — Второе отреченіе. — Галилейскій акцентъ. — Третье отреченіе. — Взглядъ Иисуса Христа. — Раскаленіе Петра. — Звѣрскія оскорбленія

отъ прислужниковъ. — Разсвѣтъ. — Собрание синедриона. — Отдѣленія въ немъ. — Третья фаза суда. — Контрастъ двухъ сценъ передъ синедриономъ. — Иисусъ Христосъ нарушаетъ свое безмолвіе. — Осужденіе. — Второе поруганіе. — Участь Іуды

ГЛАВА LX.

Иисусъ Христосъ передъ Пилатомъ.

„Пострадалъ при Понтійскомъ Пилатѣ“. — Что извѣстно о Пилатѣ. — Первое возмущеніе іудеевъ противъ него при его прибытіи. — Водопроводъ и корванъ. — Позолоченные посвящительные щиты. — Избиеніе галилеянъ. — Избиеніе самарянъ. — Дворецъ Ирода. — Иисусъ Христосъ во дворцѣ. — Передъ Пилатомъ. — Пилатъ выходитъ къ іудеямъ. — 1) Его римская презрительность. — Рѣшимость наслѣдовать дѣло. — Неопредѣленность обвиненій. — „Ты царь іудейскій?“ — „Что есть истина?“ — Первое оправданіе. — 2) Ярость іудеевъ. — Иисусъ Христосъ отсылается къ Ироду Антипѣ. — Жестокое легкомысліе Ирода. — Второе оправданіе. — 3) Послѣдняя фаза суда. — Нерѣшимость Пилата. — Сновидѣніе его жены. — Трусливая уступчивость. — Христосъ или Варавва? — „Распиши Его“. — Бичеваніе. — Третье поруганіе. — Терновый вѣнецъ. — „Се человекъ!“ — Послѣднія усилія Пилата спасти Иисуса. — Послѣднее предостереженіе Пилату. — „Сынъ Божій“. — „Се царь вашъ!“ — Пилатъ устранилъ именованъ кесара. — Онъ уступаетъ. — Онъ умываетъ руки. — „Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ“. — Исполненіе этого.

ГЛАВА LXI.

Распятіе.

„I, miles, exredi scisem“! — Два разбойника. — Крестъ. — Шествіе къ Голгоѣ. — Симонъ киринеянинъ. — Дщери іерусалимскія. — Зеленое и сухое дерево. — Мѣстоположеніе Голгоѣ. — Настоянный напитокъ. — Способъ распятія. — „Отче, прости имъ“. — Муки распятія. — Надпись на крестѣ. — Ярость іудеевъ. — Воины. — Дѣлежъ одежды. — Оскорбленія со стороны присутствующихъ. — Разбойники. — Безмолвіе Страдальца. — Раскаившійся разбойникъ. — „Днесъ со Мною будешь въ раю“. — Женщины изъ Галилеи. — „Жено, се сынъ твой“. — Полуденная тьма. — „Или, Или, лама савахани“. — „Жажду“. — Уксусный напитокъ. — „Въ руки Твои“. — „Совершилось“. — Сотникъ. — Толпа. — Что совершилъ крестъ Христовъ. — Перебитіе голеней. — Вода и кровь.

ГЛАВА LXII.

Воскресеніе.

Крайняя слабость христіанства во время смерти Христа. — Источникъ его послѣдующей силы. — Іосифъ Аримаѣйскій. — Никодимъ. — Садъ и гробъ. — Женщины замѣчаютъ мѣсто. — Просьба синедриона объ охранѣ гроба. — Заря пасхальнаго дня. — Женщины при гробѣ. — Пустой гробъ. — Петръ и Іоаннъ. — 1) Первое явленіе Маріи Магдалинѣ. — 2) Явленіе женщинамъ. — Исторія, вымышленная іудеями. — 3) Явленіе Петру. — 4) Ученики въ Еммаусѣ. — 5) Собравшіеся апостолы. — 6) Невѣріе Θомы. — 7) При морѣ Галилейскомъ. — Иисусъ Христосъ и Петръ. — „Паси агнцевъ Моихъ“. — „Что будетъ съ нимъ?“ — 8) Явленіе пятистамъ на горѣ. — 9) Явленіе Іакову. — 10) Вознесеніе. — „Одесную Бога Отца Всемогущаго“

Алфавитный указатель содержанія

ЖИЗНЬ ИСУСА ХРИСТА.

ГЛАВА I.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Онъ вочеловѣчился, дабы мы обожились.
Св. Аѳанасій Великій.

ВЕРСТАХЪ въ двухъ отъ Вилеема находится небольшая равнина, на которой въ масличной роцѣ стоитъ бѣдная и какъ бы заброшенная часовня, во имя Ангела „Благовѣстника пастухамъ“. Она основана на томъ самомъ, по преданію, мѣстѣ, гдѣ, по сладостному для христіанскаго слуха благовѣстію св. Луки — „были на полѣ пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего, и вдругъ предсталъ имъ Ангелъ Господень и слава Господня осіяла ихъ“, и они услышали радостную вѣсть, что въ тотъ день родился въ городѣ Давидовомъ Спаситель, который есть Христосъ Господь.

Обстановка, въ которой родился Спаситель, была въ высшей степени убога, и все въ ней говорило о бѣдности и тяжелой трудовой жизни. Кажется, въ ту ночь должны бы разверзнуться небеса, оглашаемыя великимъ славословіемъ свѣтозарныхъ пѣвцовъ; и звѣзды, и пасущіяся стада, и смѣсь свѣта и звуковъ въ ночной тишинѣ, и восторгъ вѣрующихъ сердецъ — все это даетъ краски для дивной, небесночудной картины. Но краткое и трогательное повѣствованіе евангелиста не говоритъ намъ, чтобы пѣніе ангеловъ было слышно кому-нибудь еще, кромѣ

неславшихъ пастуховъ ничтожной деревушки, которые въ холодную сырую зимнюю ночь стерегли свои стада отъ волковъ и разбойниковъ — на томъ самомъ полѣ, гдѣ Руѳъ, праматерь Спасителя, съ болью въ сердцѣ собирала волосы на чужой нивѣ, и Давидъ, меньшій и юнѣйшій изъ братьевъ многочисленнаго семейства, пасъ овецъ отца своего (Ис. lxxvii, 71).

„И внезапно“, прибавляетъ евангелистъ, разсказывающій объ обстоятельствахъ приснопамятной ночи, когда при равнодушіи міра, не сознававшего близости пришествія своего Избавителя, родился Христосъ, „явилось съ Ангеломъ многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе“.

Можно бы ожидать, что христіанское благочестіе обозначить это мѣсто великолѣпнымъ памятникомъ и украсить дикую пастушескую пещеру мраморомъ и мозаикой, сдѣлавъ изъ нея величавый храмъ. Но на самомъ дѣлѣ часовня Ангела Благовѣстника есть простой необдѣланный склепъ, и когда странникъ сходитъ внизъ по разваливающимся ступенямъ, ведущимъ изъ масляной рощи въ его сумрачную внутренность, то ему трудно даже вѣрить, что онъ находится въ священномъ мѣстѣ. И однако же въ этомъ кажущемся пренебреженіи свазалась лишь святая правда. Бѣдность часовни вполне гармонируетъ съ убогимъ трудомъ пастуховъ, въ воспоминаніе чудеснаго видѣнія которыхъ она и существуетъ.

„Пойдемъ въ Виѳлеемъ и посмотримъ, что тамъ случилось, о чемъ возвѣстилъ намъ Господь“, свазали другъ другу пастухи, когда пѣніе ангеловъ уже замерло въ тишинѣ звѣздной ночи. Имъ нужно было подняться на уступистый холмъ и пройти по залитымъ луннымъ свѣтомъ садамъ виѳлеемскимъ, прежде чѣмъ дойти до вершины сѣраго хребта, на которомъ стоитъ самый городокъ Виѳлеемъ. На самой вершинѣ стояла гостинница или таѣь-называемый на востокѣ *ханъ*. Ханъ или каравансерай сирійской деревни въ то время по всей вѣроятности былъ одинаковъ, по внѣшности и расположенію, съ тѣми, какіе существуютъ и теперъ въ Палестинѣ. Это — низкое, большею частью одноэтажное зданіе, построенное изъ дикаго нетесаннаго камня. Оно обыкновенно состоитъ изъ четырехуголь-

ной загороди или двора, въ которомъ скоть можно на привязи оставлять на ночь, и сводообразнаго помѣщенія для путешественниковъ. *Ливанъ* или высланный полъ этого помѣщенія ступени на три поднимается надъ уровнемъ двора. Большой ханъ, въ родѣ того, напримѣръ, развалины котораго можно видѣть въ ханѣ Миньехъ, на берегу озера Галилейскаго, вѣроятно имѣлъ въ себѣ нѣсколько такихъ помѣщеній, которыя въ дѣйствительности представляютъ собою небольшія низкія комнаты безъ лицевой стѣны. Понятно, что онѣ вслѣдствіе этого совершенно открыты, все, что въ нихъ дѣлается, видно всѣмъ, находящимся въ ханѣ. Въ нихъ нѣтъ самой необходимой и обыкновенной мебели. Путешественникъ долженъ самъ имѣть свою подстилку, на которой онъ, сидя по обыкновенію со скрещенными ногами, можетъ закусить, а потомъ и лечь на ней же на ночь. Обыкновенно онъ самъ же долженъ имѣть съ собою съѣстные припасы, смотрѣть за своимъ скотомъ и самъ доставать себѣ воду изъ ближайшаго колодца. Въ нихъ не ждутъ и не требуютъ услугъ, и платятъ только ничтожный пустякъ за кровъ, безопасность и полъ, на которомъ можно переночевать. Но если путнику случится прибыть поздно и *ливаны* уже окажутся всѣ заняты, то ему не остается ничего другого, какъ искать себѣ пристанища на самомъ дворѣ и тамъ устраивать для себя и своего семейства помѣщеніе съ такою невзыскательностью и опрятностью, какая только окажется возможною въ помѣщеніи, занятомъ лошадьми, мулами и верблюдами. Кормовые объѣдки, духота, непріятный запахъ отъ скученныхъ животныхъ, досадное вторженіе бродячихъ собакъ, неизбежное сообщество съ грязными приживалами каравансера — все это неразлучно съ такимъ положеніемъ, всѣ неудобства котораго можетъ понять только путешественникъ по востоку, кому случалось лично попадать въ подобныя обстоятельства.

Въ Палестинѣ не рѣдкость, что весь ханъ, или по крайней мѣрѣ та часть его, въ которой помѣщаются животныя, представляетъ собою одну изъ тѣхъ безчисленныхъ пещеръ, которыми изобилуютъ известняковыя скалы центральныхъ холмовъ. То же самое, повидимому, было и въ маленькомъ городѣ Виелеемѣ-Ефраае, въ землѣ Іудиной. Іустинъ Философъ, аполо-

геть, который по своему мѣсторожденію въ Сихемѣ хорошо былъ знакомъ съ Палестиной и жилъ спустя менѣе столѣтія послѣ Христа, полагаетъ мѣсто Рождества Христова въ пещерѣ. Преданіе объ этомъ искони и постоянно сохранялось какъ въ восточной, такъ и западной церкви, и оно принадлежитъ въ числу такихъ преданій, за которыми, несмотря на то, что они не занесены въ евангельскую исторію, можно признать историческую достовѣрность. Надъ этою пещерою теперь находится церковь и монастырь Рождества, а рядомъ съ ней, въ другой пещерѣ, одинъ изъ ученѣйшихъ и краснорѣчивѣйшихъ учителей церкви, именно бл. Иеронимъ, знаменитый авторъ латинскаго перевода Библии, провелъ послѣднія тридцать лѣтъ своей жизни въ ученыхъ трудахъ, въ постѣ и молитвѣ.

Сюда-то изъ сѣверныхъ предѣловъ страны, именно изъ Назарета, расположеннаго въ горахъ Завулоновыхъ, пробирался по зимнимъ дорогамъ Іосифъ, назаретскій плотникъ, съ своею нареченною женою Маріей, ходившей въ послѣднихъ дняхъ беременности. Несмотря на свою бѣдность, они оба происходили изъ дома и рода царя Давида, и теперь имъ нужно было пройти около ста сорока верстъ, чтобы прибыть въ городокъ, который былъ родиною ихъ великаго предка, когда онъ, еще будучи бѣднымъ мальчикомъ-пастухомъ, пасъ свое стадо по пустыннымъ холмамъ. Цѣлью этого утомительнаго для нихъ путешествія, которое отнюдь не могло быть пріятнымъ при установившихся привычкахъ восточной жизни, было занесеніе своихъ именъ, въ качествѣ членовъ дома Давидова, въ перепись, производившуюся по повелѣнію императора Августа. При тогдашнемъ политическомъ состояніи Римской имперіи, часть которой составляла Іудея, достаточно было простого намека со стороны могущественнаго императора, чтобы повелѣніе его безпрекословно исполнено было въ самыхъ отдаленныхъ углахъ цивилизованнаго міра. Есть достаточныя основанія думать, что первоначальный приказъ объ этой переписи изданъ былъ Сенціемъ Сатурниномъ, что *начата* она была Публиемъ Сульпиціемъ Квириномъ, когда онъ въ первый разъ былъ легатомъ Сиріи, и окончена уже во время второго срока его службы. Благодаря іудейскимъ предразсудкамъ, всякое пограніе которыхъ вело въ страшнымъ смя-

теніямъ и возстанію, перепись производилась не обычнымъ римскимъ способомъ — по мѣсту жительства, а по іудейскому обычаю — въ городѣ, къ которому первоначально принадлежало семейство того или другого лица. Іудеи все еще держались своихъ родословій и сохраняли память о давноисчезнувшихъ раздѣленіяхъ по колѣнамъ; поэтому, хотя путь былъ тяжелъ и непріятенъ, Іосифъ все-таки долженъ былъ отправиться въ Виелеемъ, быть можетъ утѣшаясь мыслью о своемъ славномъ родовомъ происхожденіи, которое теперь должны были признать сами власти, а также тѣми надеждами на скорое пришествіе Мессіи, которымъ всѣ чудесныя обстоятельства, совершившіяся на его глазахъ, придавали непреодолимую увѣренность и силу.

Путешествіе на востокѣ совершается медленно и съ продолжительными стоянками, а въ то время, быть можетъ, еще медленнѣе, если, какъ можно полагать съ вѣроятностью, страна находилась тогда въ политическомъ смятеніи. Городъ Беероѣ, находящійся въ двадцати пяти верстахъ отъ Виелеема, или даже Іерусалимъ, лежащій отъ него только въ десяти верстахъ, быть можетъ былъ послѣднимъ мѣстомъ стоянки Іосифа и Маріи, прежде чѣмъ они прибыли въ мѣсту своего назначенія. Но тяжелая усталъ или даже начинавшееся предчувствіе родовъ по необходимости замедляли путешествіе дѣвственной Матери. Другіе, направлявшіеся къ Виелеему съ тою же цѣлью, могли легко обогнать ихъ на дорогѣ, и когда они, съ трудомъ поднявшись на крутой склонъ холма у источника Давидова, прибыли въ ханъ (вѣроятно тотъ самый, который искони извѣстенъ былъ подъ названіемъ „дома Кимгама“, и если такъ, то стоящій на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за тысячу лѣтъ предъ тѣмъ стоялъ родовой домъ Вооза и Давида), всѣ ливаны были уже заняты. Перепись привлекла въ маленькій городъ такъ много приплаго народа, что „не было имъ мѣста въ гостинницѣ“. Усталые отъ дневного перехода, они помѣстились въ прилегающей къ хану пещерѣ, служившей въ качествѣ стойла, на сѣнѣ и соломѣ, набросанныхъ въ пищу и подстилку для скота; и тамъ — вдали отъ дома, среди массы страннаго люда, въ знобящую зимнюю ночь, въ обстановкѣ, настолько лишенной не только всякаго земнаго блеска, но даже

и всякаго удобства, что невозможно и представить себѣ болѣе бѣдныхъ родинъ,—родился Христосъ.

Всего въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, на площадкѣ крутого и отдѣльно высящагося холма, извѣстнаго теперь подъ названіемъ Джебель Фуреидисъ или „Малой райской горы“, возвышался укрѣпленный дворецъ великаго Ирода. У подошвы его тѣснились великолѣпные дома его наперсниковъ и царедворцевъ. Бѣдные путники, проходя мимо его, могли слышать раздававшіяся въ немъ пѣсни наемныхъ или даровыхъ пѣвцовъ на происходившихъ тамъ празднествахъ, или вылики грубой наемной стражи, оружіемъ которой поддерживалось повиновеніе царю-деспоту. Но истинный Царь Іудейскій—праведный Господь вселенной—обрѣлся не во дворцѣ или замкѣ. Въ царскихъ палатахъ находятся тѣ, кто носить мягкое и дорогое одѣяніе. Скотное стойло въ убогомъ каравансераѣ было болѣе пригоднымъ мѣстомъ для рожденія Того, который пришелъ возвѣстить, что душа величайшаго монарха предъ очами Божиими не дороже и не больше души его послѣдняго раба, — Того, который не имѣлъ гдѣ главы преклонить, и который долженъ былъ управлять міромъ съ высоты позорнаго креста.

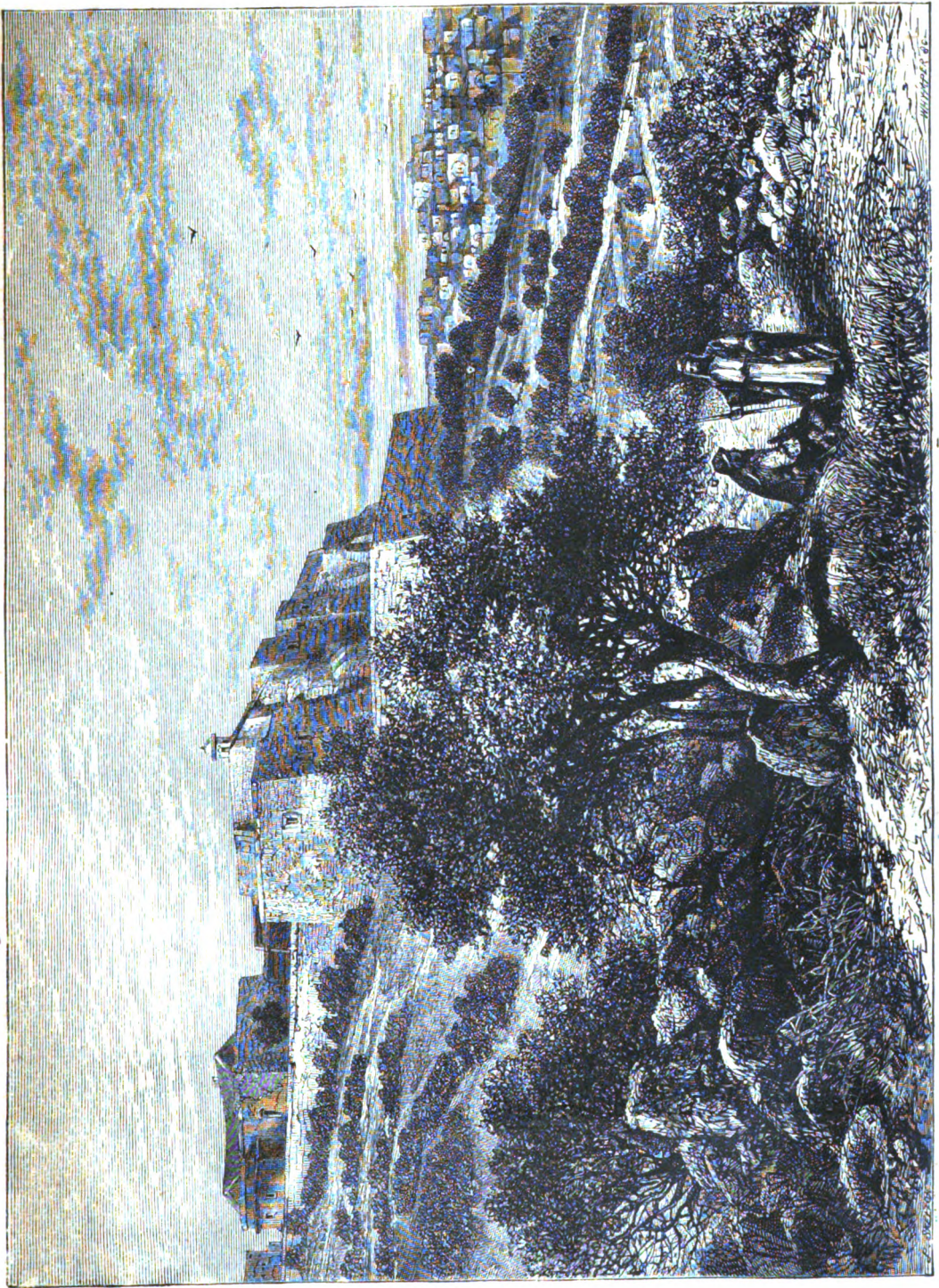
Идя по указанію фонаря, который обыкновенно виситъ на веревкѣ при входѣ въ ханъ, пастухи прибыли въ гостинницу виолеемскую и „нашли Марію, и Іосифа, и Младенца, лежащаго въ ясляхъ“. Воображеніе поэтовъ и живописцевъ истощалось въ изображеніи торжественнаго величія этой сцены. Они воспѣвали о томъ, какъ парили тамъ свѣтозарные ангелы, какъ звѣзды замедляли свое движеніе, чтобы излить свой сладостночарующій свѣтъ на улыбающагося Младенца. Они изображали лучезарное сіяніе отъ Его колыбели-яслей, которое такъ озаряло все помѣщеніе, что всѣ присутствовавшіе должны были затѣнять свои глаза отъ этого чудеснаго блеска. Но все это далеко отъ дѣйствительности. То славное величіе, которое видѣли простые пастухи, было видимо только очами вѣры, а все, что въ дѣйствительности представилось ихъ глазамъ, это просто — галилейскій ремесленникъ, уже болѣе чѣмъ зрѣлыхъ лѣтъ, и молодая мать, о которой они не могли имѣть и понятія, что она была обрученною ему дѣвой и дѣвственной женою, съ Младенцемъ на ру-

кахъ, котораго она, за неимѣніемъ кого помочь ей, пеленала сама. Свѣтъ, сіявшій во тьмѣ, былъ не вещественнымъ, а духовнымъ сіяніемъ; тотъ небесный разсвѣтъ, который тогда посѣтилъ человѣчество, озарилъ только немногія вѣрующія и простыя сердца.

И евангелія, всегда вѣрныя истинѣ и отличающіяся въ каждомъ словѣ тою простотою, которая составляетъ печать истиннаго повѣствованія, просто говорятъ объ этомъ. Въ нихъ нѣтъ и слѣда того избытка необычайности, таинственности и чудесности, которыми такъ переполнены іудейскія сказанія о градущемъ Мессіи, а также и апокрифическія повѣствованія касательно Младенца Христа. Представляемая ими поразительная противоположность въ этомъ отношеніи съ подложными евангеліями первыхъ вѣковъ и со всѣми легендами, созданными на ихъ основѣ, составляетъ самое рѣшительное доказательство ихъ полнѣйшей исторической правдивости. Еслибы наши евангелія были неподлинны, то и они неизбѣжно носили бы на себѣ тотъ же отпечатокъ, каковымъ безъ исключенія отмѣчены всѣ вымышленныя сказанія о жизни Спасителя. Для небогопросвѣщеннаго разума казалось невѣроятнымъ, чтобы такое великое и дивное событіе въ исторіи міра совершилось безъ потрясеній и переворотовъ. Въ апокрифическомъ евангеліи Іакова есть замѣчательная въ этомъ отношеніи глава, въ которой описывается, какъ въ страшный моментъ рожденія Христа мгновенно остановилась ось небесъ, и смолкли птицы; на землѣ возлежали рабочіе, опустивъ руки въ сосудъ, „и тѣ, которые черпали, не могли почерпнуть, и тѣ, что почерпнули, не могли поднять, и тѣ, что подносили ко рту, не могли взять, и лица всѣхъ обратились вверху; и я видѣлъ, продолжаетъ повѣствователь, какъ овцы испуганно остановились, и пастухъ поднялъ свой посохъ, чтобы гнать ихъ, и не могъ опустить его; и я взглянулъ на потокъ рѣки, и возы наклонились къ нему, чтобы пить, и не пили, и все, что двигалось впередъ, было задержано въ своемъ движеніи“. Но ни о какомъ оцѣпенѣніи устрашенной природы, ни о какихъ солнечныхъ и таинственныхъ сіяніяхъ, видѣнныхъ будто бы во многихъ частяхъ міра, о поклоненіи вола и осла возлежащему въ ясляхъ Младенцу, о голосѣ, которымъ онъ немедленно послѣ

рождения возвѣстилъ своей матери, что Онъ Сынъ Божій, и о многихъ другихъ чудесахъ, нашедшихъ себѣ мѣсто въ самыхъ раннихъ преданіяхъ, ничего не говорится въ новозавѣтномъ писаніи. Измышленія человѣка всецѣло отличны отъ дѣяній Бога. Въ Его планахъ нѣтъ ни поспѣшности, ни остановки, ни утомленія, ни перерыва; все совершается Имъ въ величавомъ безмолвіи и дѣла Его видимы при свѣтѣ, который тихо сіяетъ во тьмѣ. „Подвинулись божественные совѣты въ своей неизмѣримой глубинѣ, разверзались источники неизсякаемаго богатства, наступало спасеніе для народовъ; но на поверхности человѣческой жизни не видно было ничего, кромѣ тихой ряби водъ; ходъ человѣческихъ дѣлъ совершался обычнымъ порядкомъ и каждый былъ занятъ своими собственными планами“.

Сколько времени Дѣва Марія съ своимъ св. Младенцемъ оставалась въ этой пещерѣ или скотномъ стойлѣ, нельзя опредѣлить, но вѣроятно недолго. Наплывъ народа въ ханѣ не былъ постояннымъ и обычное состраданіе могло побудить другихъ дать матери и ея ребенку какое-нибудь болѣе удобное помѣщеніе. Волхвы, какъ видно изъ евангелія св. Матѳея, посѣтили Марію въ „домѣ“ (II, 11). Но евангелія не останавливаются на этихъ второстепенныхъ подробностяхъ. Полнѣе всѣхъ рассказываетъ ев. Лука, и особенная нѣжность его повѣствованія ясно указываетъ на то, что онъ слышалъ его, хотя бы только въ отрывочныхъ замѣчаніяхъ, изъ устъ самой Пресвятой Дѣвы Маріи. Да и трудно представить, чтобы это повѣствованіе могло выйти отъ кого-нибудь другого, потому что матери — естественные лѣтописцы ранняго возраста своихъ дѣтей; но тутъ еще въ самомъ характерѣ повѣствованія замѣтенъ отпечатокъ женской памяти и женскихъ взглядовъ, что такъ важно для подтвержденія такого предположенія. Всякій, кто руководился бы своимъ воображеніемъ, останавливался бы на подробномъ описаніи самыхъ мелкихъ обстоятельствъ и случаевъ; для Маріи же они не имѣли никакого значенія. Другіе могли предаваться изумленію, но для нея все окружающее терялось въ одномъ всеподавляющемъ откровеніи, въ одномъ всепоглощающемъ чувствѣ благоговѣнія. О подобныхъ вещахъ она

Виолеємъ съ видомъ монастырскихъ зданій.

не могла легко говорить, „она сохраняла все это, слагая въ сердцѣ своемъ“ (Лук. II, 19). Самая глубина и святость этой скромности составляютъ естественное и вѣроятное объясненіе того, почему нѣкоторые изъ подробностей дѣтства Спасителя вполне записаны только ев. Лукою.

ГЛАВА II.

ПРИНЕСЕНІЕ ВО ХРАМЪ.

Не нарушить пришелъ Я законъ, но исполнить.
Матѳ. V, 17.

ИЗЪ исторіи дѣтства Спасителя евангелисты рассказываютъ только о четырехъ событіяхъ, именно объ обрѣзаніи, принесеніи во храмъ, поклоненіи волхвовъ и бѣгствѣ въ Египетъ. Изъ нихъ о первыхъ двухъ рассказывается только въ евангеліи Луки, и о послѣднихъ двухъ только въ евангеліи отъ Маттея. Но нельзя указать ни одной черты, въ которой бы эти два повѣствованія становились въ противорѣчіе между собою. Если мы вообще имѣемъ основанія принимать показанія евангелистовъ, какъ показанія свидѣтелей неподкупной честности (а у насъ есть основанія на то), то мы имѣемъ полное право полагать, что, отъ какой бы причины ни зависѣла неполнота ихъ повѣствованій, ихъ прямо можно считать дополняющими одно другое. Дѣло въ томъ, что подробная и связанная запись событій изъ жизни, начиная съ ранняго дѣтства, была вещью совсѣмъ неизвѣстною іудеямъ и даже чуждою ихъ духу и характеру. Анекдоты и событія изъ жизни дѣтства, примѣты будущаго величія въ младенческіе годы—очень рѣдкое явленіе въ древней литературѣ. Только уже со времени христіанства дѣтство стали окружать ореоломъ внимательнаго повѣствованія.

Точный порядокъ событій, происшедшихъ до возвращенія святаго семейства въ Назаретъ, можетъ быть только предметомъ неувѣренныхъ гаданій. Обрѣзаніе совершено было въ восьмой день по рожденіи (Лук. I, 59; II, 21); очищеніе черезъ тридцать три дня послѣ обрѣзанія (Лев. XII, 4); поклоненіе волхвовъ

было, „когда Иисусъ родился въ Виѳлеемѣ“ (Матѳ. II, 1), и бѣгство въ Египетъ немедленно по уходѣ ихъ. Предположеніе, что возвращеніе изъ Египта было раньше принесенія во храмъ, хотя и не невозможное, кажется крайне невѣроятнымъ. Не говоря уже о томъ, что такая отсрочка была бы нарушеніемъ (хотя и по нуждѣ) Моисеева закона, она заставляетъ предполагать, что очищеніе было отсрочено надолго, а это стоитъ въ видѣмъ противорѣчіи съ дважды повтореннымъ выраженіемъ ев. Луки (II, 22, 39), или что сорока дней было достаточно для прибытія волхвовъ съ „востока“, для бѣгства въ Египетъ и возвращенія изъ него. Предположеніе это затѣмъ заключаетъ въ себѣ крайнюю несообразность, будто св. семейство возвратилось въ Иерусалимъ, находящійся только въ десяти верстахъ отъ Виѳлеема, спустя лишь нѣсколько дней послѣ таковаго ужаснаго событія, какъ избіеніе младенцевъ. Вѣроятнѣе всего предполагать, что бѣгство въ Египетъ и обстоятельства, поведшія къ нему, совершились только уже послѣ принесенія во храмъ. Поэтому въ теченіе сорока дней святое семейство пребывало въ мирѣ и неизвѣстности въ томъ городѣ, который связанъ былъ съ столькими замѣчательными событіями и освященъ столькими дорогими для него, какъ семейными, такъ и народными преданіями.

Объ обрѣзаніи не упоминается въ апокрифическихъ евангеліяхъ, кромѣ „арабскаго евангелія дѣтства“, гдѣ о немъ разсказывается съ отталкивающей подробностью. Это не такое было событіе, чтобы интересовать тѣхъ, цѣлью которыхъ было вплетать въ священную исторію свои собственные вымыслы. Но для христіанина оно имѣетъ свое особое важное значеніе. Оно показываетъ, что Христосъ пришелъ не нарушить законъ, но исполнить его. Ему надлежало исполнить всякую правду (Матѳ. III, 15). Такъ рано Онъ перенесъ страданіе ради насъ, научая насъ духовному обрѣзанію, обрѣзанію сердца, обрѣзанію всѣхъ нашихъ плотскихъ чувствъ. Какъ востокъ при закатѣ солнца отражаетъ въ себѣ свѣтъ вечерней зари на западѣ, такъ Виѳлеемъ былъ преддверіемъ Голгофы, и даже колыбель Младенца уже носила въ себѣ зачатокъ вострыхъ страстей Спасителя. Въ этотъ же самый день Христосъ открыто принялъ

имя Иисусъ, нареченное Ему ангеломъ Гавріиломъ прежде зачатія Его во чревѣ. Иисусъ есть греческая форма еврейскаго имени Іешуа, что означаетъ „его спасеніе есть Іегова“, отъ Ошеа или Осія — „спасеніе“. Въ то время имя это было самымъ ходячимъ у іудеевъ. Оно было дорого имъ, какъ имя ихъ великаго вождя, побѣдоносно введшаго ихъ во владѣніе земель обѣтованной, и имя великаго первосвященника, который предводительствовалъ плѣнниками, возвращавшимися изъ Вавилона; но отсель не для іудеевъ только, но и для всего человѣчества оно должно было получить безконечно болѣе священное значеніе, какъ имя Сына Божія въ Его жизни на землѣ. Еврейское имя „Мессія“ и греческое „Христосъ.“ обозначали Его служеніе въ качествѣ помазаннаго пророка, первосвященника и царя; но „Иисусъ“ было личнымъ именемъ, которое Онъ носилъ, какъ безгрѣшный человѣкъ среди грѣховныхъ людей.

Въ сороковой день послѣ родовъ, дѣва Марія, которая по закону до этого времени не могла выходить изъ дома, принесла Младенца во храмъ іерусалимскій, чтобы очиститься и принести Его Господу. „Такимъ образомъ, говоритъ древній писатель, Господь храма приносится въ храмъ Господа“. Въ подобныхъ случаяхъ по закону слѣдовало приносить годового ягненка въ жертву всесожженія и молодого голубя или горлицу въ жертву за грѣхъ (Лук. II, 22; Лев. XII, 1—8; Числ. XVIII, 16); но по обычной снисходительности, отличающей Моисеево законодательство, тѣ, которые по своей бѣдности не могли сдѣлать такого цѣннаго жертвоприношенія, могли приносить вмѣсто этого двухъ горлицъ или двухъ птенцовъ голубиныхъ (Лев. XII, 6—8). Съ такою-то именно скромною жертвою Марія и явилась въ храмъ въ священнику. Въ то же самое время Иисусъ, какъ первородный сынъ, былъ принесенъ Господу и согласно закону былъ выкупленъ отъ необходимости служенія при храмѣ обычною уплатою пяти сивлей священныхъ (Числ. XVIII, 15, 16), что составляетъ около пяти рублей. Объ очищеніи и принесеніи никакихъ подробностей въ евангельскомъ повѣствованіи болѣе не сообщается, но это посѣщеніе храма сдѣлалось достопамятнымъ вслѣдствіе признанія въ Младенцѣ Спасителя прав. Сумеономъ и Анной.

О Сүмеонѣ просто говорится, что это былъ мужъ праведный и благочестивый, обладавшій даромъ пророчества, и такъ какъ ему было божественное предсказаніе, что онъ не увидитъ смерти, пока не увидитъ Мессіи, то онъ пришелъ по вдохновенію въ храмъ и тамъ, признавъ святаго Младенца, взявъ Его на руки и произнесъ свое вдохновенное слово: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко“, которое въ теченіе восемнадцати столѣтій съ такою любовью повторяется христіанскимъ міромъ. Предсказаніе, что Младенецъ будетъ „свѣтомъ въ просвѣщенію язычниковъ“, а также и необычность всей этой встрѣчи навѣрно привели въ немалое изумленіе Его родителей, отъ которыхъ престарѣлый пророкъ не скрылъ и ихъ собственной будущей скорби, давая особенно дѣвѣ-Матери знать какъ о страшномъ противодействіи, которое суждено было встрѣтить ея божественному Сыну, такъ и о народныхъ бѣдствіяхъ, которыя должны были настать въ будущемъ.

О встрѣчѣ Сүмеона передается множество разсказовъ. По „арабскому евангелію дѣтства“, Сүмеонъ узналъ Исуса потому, что Онъ, какъ лучезарный столпъ, сіялъ на рукахъ своей Матери. По преданію, записанному Нивифоромъ, Сүмеонъ при чтеніи св. Писанія впалъ въ сомнѣніе при стихѣ: „се, Дѣва во чревѣ приметъ, и родитъ сына“ (Ис. vii, 14), и получилъ откровеніе, что онъ не умретъ, пока не увидитъ его исполненія. Всѣ попытки отождествить его съ другими извѣстными Сүмеонами были напрасны. Еслибы онъ былъ первосвященникомъ или предсѣдателемъ синедріона, то ев. Лука не говорилъ бы о немъ такъ неопредѣленно, что „былъ въ Іерусалимѣ челоувѣкъ, именемъ Сүмеонъ“. Сообщение въ „евангеліи рождества Маріи“, что ему было 113 лѣтъ отъ роду, совершенно произвольно, равно какъ и то предположеніе, что молчаніе о немъ талмуда зависѣло отъ его христіанскихъ наклонностей. Онъ не могъ быть и раббаномъ Сүмеономъ, сыномъ Гиллея и отцомъ Гамалила, который не былъ бы такъ старъ въ это время. Еще менѣе могъ быть онъ гораздо ранѣе жившимъ Сүмеономъ праведнымъ, который по преданію предсказалъ разрушеніе Іерусалима и былъ послѣднимъ изъ оставшихся въ живыхъ членовъ великаго синедріона. Замѣчательно, что о немъ

не говорится ничего болѣе, между тѣмъ какъ объ Аннѣ пророчицѣ сообщается нѣсколько частныхъ подробностей, и между прочимъ то, что она была изъ колѣна Асирова,—важное доказательство того, что колѣнные родословія еще живо сохранялись въ памяти народа.

ГЛАВА III.

ПОКЛОНЕНІЕ ВОЛХВОВЪ.

Оглянись, Иерусалимъ, на востокъ и посмотри на радость, грядущую къ тебѣ отъ Бога.

ВАРУХЪ, IV, 36.

КРАТКІЙ разсказъ о посѣщеніи волхвовъ, передаваемый во второй главѣ евангелія Матѳея, имѣетъ глубочайшій интересъ въ исторіи христіанства. Это прежде всего явленіе Христа язычникамъ. Онъ ставитъ событія евангельской исторіи въ тѣсную связь съ іудейскими вѣрованіями, съ древнимъ пророчествомъ, съ гражданской исторіей и съ новѣйшей наукой, и такимъ образомъ даетъ намъ новое подтвержденіе нашей вѣры, и тѣмъ болѣе важное, что оно случайно берется изъ источниковъ неожиданныхъ и безспорныхъ.

Иродъ Великій, доживая уже послѣдніе годы своей безпутной и преступной жизни и впадъ уже въ злобную подозрительность старости, жилъ въ своемъ новомъ дворцѣ на Сіонѣ; но вотъ, уже полупомѣшанный отъ своего прошлаго, онъ вдругъ повергнутъ былъ въ новый припадокъ тревоги и подозрѣнія прибытіемъ въ Иерусалимъ какихъ-то восточныхъ волхвовъ, принесшихъ странное извѣстіе, что они видѣли на востокѣ звѣзду новорожденного царя іудеевъ и пришли поклониться ему. Иродъ, простой идумейскій похититель престола, болѣе чѣмъ подозрѣваемый вѣроотступникъ, ненавистный презиравшему его народу тиранъ, святотатственный расхититель гробницы Давида, — Иродъ, потомокъ презираемаго Измаила и ненавистнаго Исава, услышалъ это извѣстіе съ худо-скрываемымъ страхомъ и негодованіемъ. Будучи внукомъ, по общему тогда мнѣнію, простого прислужника при храмѣ въ Аскалонѣ, въ молодости захваченнаго эдомитскими разбойниками, онъ хорошо сознавалъ, какъ ничтожны были его права на престолъ,

который онъ занималъ только благодаря счастливой случайности. Но хитрость въ немъ не уступала жестокости, и замѣтивъ, что весь Иерусалимъ раздѣлялъ его тревогу, онъ созвалъ въ свой дворецъ главныхъ священниковъ и богослововъ іудейскихъ, быть можетъ останки того синадріона, который онъ давно низвелъ на степень презрѣннаго ничтожества, чтобы спросить у нихъ, гдѣ должно было родиться Мессіи. Онъ получилъ готовый и рѣшительный отвѣтъ, что Виелеему предсказана эта честь пророкомъ Михеемъ. Скрывая свое звѣрское намѣреніе, онъ послалъ мудрецовъ въ Виелеемъ, прося ихъ дать ему знать, когда они найдутъ Младенца, чтобы и онъ могъ пойти и поклониться Ему.

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ, остановимся на вопросѣ: кто такіе были эти восточные пришельцы и что извѣстно касательно ихъ загадочной цѣли?

Слово волхвы или *маги*, какъ они называются по-гречески въ евангеліи Матѳея, имѣетъ широкій и неопредѣленный смыслъ. Имъ первоначально обозначалась одна секта мидійскихъ и персидскихъ ученыхъ; впоследствии оно прилагалось (какъ напр. въ Дѣян. XIII, 6) къ мнимымъ астрологамъ или восточнымъ предсказателямъ будущаго. Подобные люди хорошо извѣстны были въ древности подъ именемъ халдеевъ и ихъ посѣщенія не были неизвѣстны даже западнымъ народамъ. Діогенъ Лаэртій передаетъ разсказъ Аристотеля о сирійскомъ *магѣ*, предсказавшемъ Сократу, что онъ умретъ насильственною смертью; а Сенека сообщаетъ, что маги, случайно бывшіе въ Аѳинахъ, посѣтили гробницу Платона и принесли ему куреніе, какъ божественному существу. Что касается ихъ положенія, родины, числа или именъ, то въ этомъ отношеніи имѣется только масса смутныхъ и противорѣчивыхъ преданій. Преданіе, которое дѣлаетъ ихъ царями, вѣроятно основано на пророчествѣ Исаи (XL, 3): „И пойдутъ цари въ свѣту твоему, и цари въ восходящему надъ тобою сіянію“. Сказаніе, что это были арабы, могло возникнуть изъ того, что ладанъ и смирна были арабскими произведеніями, и изъ мѣста въ псалмѣ LXXI, 10: „Царь Ѳарсиса и острововъ поднесутъ ему дань; цари Аравіи и Савы принесутъ дары“.

Касательно ихъ числа существуетъ двоякое преданіе. Бл. Августинъ и св. Златоустъ говорятъ, что ихъ было двѣнадцать, но по обыкновенному представленію, возникшему вѣроятно отъ тройственности даровъ, ихъ было трое. Достопочтенный Беда сообщаетъ даже ихъ имена, называетъ ихъ родину и описываетъ ихъ внѣшность. Мельхіоръ былъ старецъ съ сѣдыми волосами и съ длинною бородою; Каспаръ—румяный и безбородый юноша; Валтасаръ — смуглый и зрѣлыхъ лѣтъ. Преданіе дальше сообщаетъ, что Мельхіоръ былъ потомокъ Сима, Каспаръ — Хама и Валтасаръ — Іафета. Такимъ образомъ они являются представителями трехъ возрастовъ человѣческой жизни и трехъ расъ земного шара. Какъ ни малоцѣнны подобныя измышленія въ историческомъ отношеніи, но они сдѣлались интересными вслѣдствіе того вліянія, которое они оказывали на самыя блестящія произведенія христіанскаго искусства. Черепа этихъ трехъ волхвовъ-царей, съ коронами изъ золота и драгоценныхъ камней, доселѣ показываются между другими священными останками въ Кельнскомъ соборѣ.

Но для нашей ближайшей цѣли важнѣе опредѣлить причины ихъ знаменитаго путешествія.

По свидѣтельству Тацита, Светонія и Юсіфа Флавія на всемъ востокѣ въ это время господствовало убѣжденіе, основанное на древнихъ пророчествахъ, что скоро возстанетъ въ Іудеѣ могущественный царь и подчинитъ себѣ весь міръ. Нѣкоторые предполагали, что римскіе историки просто повторяли въ этомъ отношеніи І. Флавія, который одинъ только и могъ быть источникомъ для нихъ; но даже если и принять это шаткое предположеніе, остаются однако же другія ясныя доказательства, какъ въ іудейской, такъ и въ языческой литературѣ, что грѣховный и истомленный міръ смутно ожидалъ себѣ Избавителя. „Роса благословенія не сходитъ на насъ и плоды наши не имѣютъ вкуса“, восклицалъ Сумеонъ, сынъ Гамалила, и это восклицаніе выражало общее настроеніе того вѣка, который, по выраженію Нибура, „былъ обезсиленъ отъ опьянѣнія порокомъ“. Великолѣпное предсказаніе въ четвертой эклогѣ Виргилія явно доказываетъ необычайную напряженность этого ожиданія и издавна причисляется къ „несознательнымъ пророчествамъ языческаго міра“.

Нѣтъ ничего поэтому необычайнаго въ томъ, что эти восточные волхвы направились къ Иерусалиму, особенно когда случились обстоятельства, которыя могли побуждать на востокъ еще болѣе живое убѣжденіе, что общераспространенное ожиданіе близится къ исполненію. Если они были послѣдователи Зороастра, то они видѣли въ Младенцѣ-царѣ будущаго побѣдителя Аримана, predetermined Владыку всего міра. Разсказъ объ ихъ путешествіи нѣкоторые критики съ пренебрежительною увѣренностью низводятъ на степень простого поэтическаго вымысла; но хотя его дѣйствительная историческая достовѣрность основывается единственно на свидѣтельствѣ евангелиста, есть однако же много данныхъ, которыя показываютъ, что въ своихъ главныхъ чертахъ онъ не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго или даже невѣроятнаго.

Ев. Матѳеей говоритъ, что причиною ихъ напряженнаго ожиданія была видѣнная ими на востокъ звѣзда Мессіи, а желаніе найти Его побудило ихъ къ путешествію.

Что какое-нибудь странное звѣздное явленіе они могли истолковать, какъ знаменіе явленія царя — это совершенно въ духѣ того времени. Такое мнѣніе могло возникнуть вслѣдствіе пророчества Валаама, языческаго прорицателя, которое, благодаря силѣ своего поэтическаго выраженія и блеска, легко могло распространиться по всѣмъ восточнымъ странамъ. Почти столѣтіе спустя, ложный мессія, въ царствованіе Адриана, получилъ отъ знаменитаго раввина Акибы прозваніе Бар-Кохба или „Сына звѣзды“ и повелѣлъ чеканить выпускавшуюся при немъ монету съ изображеніемъ звѣзды. Шестъ столѣтій спустя Магометъ, какъ извѣстно, указывалъ на комету, какъ на свидѣтельство своего божественнаго посланничества. Даже у грековъ и римлянъ было убѣжденіе, что рожденіе и смерть великихъ людей обозначаются появленіемъ и исчезновеніемъ небесныхъ тѣлъ, и то же самое повѣрье сохранялось до сравнительно новѣйшаго времени. Мимолетная звѣзда, которая появилась во время знаменитаго астронома Тихо Браге и была замѣчена имъ 11 ноября 1572 года, указывала, по господствовавшему тогда вѣрованію, на короткое, но блестящее поприще нѣкоего сѣвернаго воина, и вполнѣдствіи она считалась пророческимъ пред-

знаменованіемъ жизни и подвиговъ короля Густава Адольфа. И въ данномъ случаѣ, хотя на основаніи св. Писанія и нельзя въ точности и съ рѣшительностью опредѣлить года, когда родился Христосъ, *несомнѣнно* однако же, что въ промежуткѣ немногихъ лѣтъ того самаго періода, въ которому, по какому бы то ни было счисленію, нужно отнести время Его рожденія, на небѣ было столь замѣчательное явленіе, что оно никакъ не могло ускользнуть отъ наблюденія астрономовъ. Мнѣніе о непосредственной приложимости этого явленія къ евангельскому повѣствованію теперь, впрочемъ, оставлено; но какъ бы ни объясняли этого явленія, безспорно важно и интересно то, что оно послужило однимъ изъ основаній, которыя впервые повели къ открытію, что Рождество Христа было тремя или четырьмя годами раньше нашего общепринятаго лѣтосчисленія *). Мы подробнѣе рассмотримъ это явленіе и связанныя съ нимъ обстоятельства. Они составляютъ любопытный фактъ въ исторіи эзегетивы, и не менѣе замѣчательны и въ другихъ отношеніяхъ; но мы должны предупредить читателя, что доказательства, на основаніи которыхъ этотъ астрономическій фактъ ставится въ непосредственную связь съ повѣствованіемъ ев. Маттея, чисто предположительнаго свойства, и если можно принимать ихъ, то только съ значительною осторожностью.

17 декабря 1603 года произошло сочетаніе двухъ великихъ планетъ Юпитера и Сатурна, въ зодіаковомъ знакѣ Рыбъ, въ видномъ треугольникѣ. Въ слѣдующую весну онѣ соединились въ огненномъ треугольникѣ у Марса, и въ сентябрѣ 1604 года у подножія Зміеносца, между Марсомъ и Сатурномъ, появилась новая звѣзда первой величины, которая, сіяя въ теченіе цѣлаго года, начала постепенно меркнуть въ мартѣ 1606 года и наконецъ исчезла. Первый замѣтилъ ее Бруновскій, ученикъ Кеплера, и по описанію его она сверкала разноцвѣтными огнями

*) По общепринятому лѣтосчисленію, опредѣленіемъ котораго мы обязаны Діонисію Малому (VI вѣка), Христосъ родился въ 754 г. отъ основ. Рима. Но это лѣтосчисленіе теперь всѣми лучшими изслѣдованіями хронологіи признается невѣрнымъ. Иродъ умеръ между мѣсяцемъ нисаномъ (мартомъ) 750 и нисаномъ 751 г. отъ осн. Рима, а такъ какъ Христосъ родился до его смерти, то очевидно, что Онъ не могъ родиться позже февраля 750 г. отъ осн. Рима и слѣдовательно на четыре года раньше, чѣмъ опредѣляетъ наше лѣтосчисленіе.

подобно бриллианту, ни въ какомъ случаѣ не была туманнымъ пятномъ и не походила на комету. Эти замѣчательныя явленія обратили на себя вниманіе великаго Кеплера, который, будучи знакомъ съ астрологіей, понималъ, какое громадное значеніе такое сочетаніе могло бы имѣть въ глазахъ маговъ, и захотѣлъ изслѣдовать, не происходило ли такого же сочетанія около времени Рождества Христова. Сочетаніе Юпитера и Сатурна происходитъ въ томъ же треугольникѣ каждыя двадцать лѣтъ, но въ каждыя 200 лѣтъ они переходятъ въ другой треугольникъ и въ томъ же треугольникѣ опять соединяются, только пройдя весь зодіакъ, по истеченіи 794 лѣтъ, четырехъ мѣсяцевъ и двѣнадцати дней. Вычисляя назадъ, Кеплеръ открылъ, что то же самое сочетаніе Юпитера и Сатурна въ созвѣздіи Рыбъ происходило не менѣе трехъ разъ въ 747 году отъ основанія Рима и что весной 748 года къ нимъ присоединился Марсъ. Что такое сочетаніе дѣйствительно было въ этотъ періодъ, это удостовѣрено многими независимыми изслѣдователями и не допускаетъ отрицанія. Какъ ни смотрѣть на этотъ фактъ, онъ во всякомъ случаѣ замѣчателенъ. Такое сочетаніе конечно сразу было бы истолковано халдейскими астрологами въ смыслѣ указанія на приближеніе какого-нибудь великаго событія, а такъ какъ оно произошло въ созвѣздіи Рыбъ, которое, по предположенію астрологовъ, находилось въ ближайшемъ соотношеніи съ судьбами Іудей, то оно естественно и обратило ихъ мысли въ этомъ направленіи. Самая форма ихъ толкованія могла выработаться частью подъ вліяніемъ астрологическихъ воззрѣній іудеевъ, которыя ясно указываютъ на это именно сочетаніе, какъ на знаменіе пришествія Мессіи, частью же подъ вліяніемъ общаго ожиданія Избавителя, которое было широко распространено въ то время.

Появленіе и исчезновеніе новыхъ звѣздъ — феноменъ во всякомъ случаѣ не такой рѣдкій, чтобы могъ вызывать какое-нибудь сомнѣніе. Свидѣтельство ев. Маттея о явленіи такой звѣзды въ предѣлахъ двухъ или, самое большее, трехъ лѣтъ того самаго времени, въ какое, какъ намъ извѣстно, дѣйствительно было это замѣчательное сочетаніе планетъ, и появленіе такой же звѣзды во время такого же сочетанія 1600 лѣтъ спустя можно считать только любопытнымъ совпаденіемъ. Въ отношеніи главнаго

факта въ повѣствованіи ев. Матѳея мы могли бы имѣть сильное и необычайное подтвержденіе, еслибы только можно было положиться на увѣреніе, что въ астрономическихъ таблицахъ китайцевъ сохранилось замѣчаніе о появленіи новой звѣзды на небѣ въ это именно время. Но конечно было бы напрасно основываться на показаніи, которое не можетъ подлежать провѣрѣ и недостаточно опредѣленно.

Во всякомъ случаѣ мы должны признать, что астрономическія изслѣдованія, которыя доказываютъ дѣйствительность этого планетнаго сочетанія, весьма цѣнны, какъ показатели *возможности* того, что маги могли быть подготовлены имъ въ ожиданію какого-нибудь великаго событія. И это-то именно ожиданіе могло заставить ихъ предпринять путешествіе въ Палестину, особенно если оно подерѣпилось затѣмъ появленіемъ какой-нибудь мимолетной звѣзды или метеора, — явленіе во всякомъ случаѣ не безпримѣрное въ лѣтописяхъ астрономіи, хотя въ данномъ случаѣ оно, повидимому, основывается только на авторитетѣ евангелиста.

Никто конечно не заключить отсюда, что этимъ дается нѣкоторая санкція выводамъ астрологіи. Совершенно независимо отъ астрологіи, многіе просвѣщенные и честные изслѣдователи, и даже великій Нибуръ, человѣкъ, который менѣе всего способенъ былъ поддаваться легкой довѣрчивости или суевѣрію, допускаютъ, что великіе перевороты и необычайныя явленія въ природѣ обыкновенно (какъ бы мы ни объясняли этого факта) удивительнымъ образомъ совпадаютъ по времени съ великими событіями въ исторіи человѣчества. Поэтому со стороны маговъ не было чудовищнымъ и безумнымъ смотрѣть на планетное сочетаніе, какъ на нѣчто знаменательное и вѣщее. Пусть даже астрологія сама по себѣ будетъ нелѣпостью; все-таки нѣтъ ничего нелѣпаго въ томъ предположеніи, что маги приведены были ею въ истинѣ, хотя бы и путемъ заблужденія, если только они были искренни и правдивы. Исторія представляетъ много примѣровъ не только важныхъ открытій, сдѣланныхъ благодаря видимой случайности, но и достиженія необычайныхъ результатовъ при изслѣдованіи невиннаго и честнаго заблужденія. Саулъ, который, ища ословъ, нашель царскій престоль,

представляет лишь выдающийся примѣръ многихъ другихъ подобныхъ искателей въ различные вѣка.

По прибытіи въ Вифлеемъ, волхвы оказали Младенцу въ Его грубой и убогой колыбели почести, какихъ они не оказывали эдомитскому узурпатору въ его роскошныхъ палатахъ. „И открывъ сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладанъ и смирну“. Христіанское воображеніе придало каждому дару свое особое значеніе: золото было принесено какъ царю, ладанъ какъ Богу и смирна какъ человѣку, или еще — золото отъ племени Симова, смирна отъ Хамова и ладанъ отъ Іафетова. Но всѣ подобныя объясненія конечно не имѣютъ особеннаго значенія и о нихъ достаточно только вскользь упомянуть, вслѣдствіе ихъ историческаго интереса и отношенія къ произведеніямъ христіанской поэзіи и искусства.

ГЛАВА IV.

БѢГСТВО ВЪ ЕГИПЕТЪ И ИЗБИЕНІЕ МЛАДЕНЦЕВЪ.

Изъ Египта воззвалъ Я Сына Моего.
Осія, xi, 1.

ПРИНЕСЯ свои дары, восточные мудрецы конечно возвратились бы въ Ироду, но вслѣдствіе бывшаго имъ во снѣ предостереженія они возвратились на родину другимъ путемъ. Ни въ св. Писаніи, ни въ достовѣрныхъ свидѣтельствахъ исторіи, ни даже въ раннемъ апокрифическомъ преданіи мы не находимъ никакихъ дальнѣйшихъ слѣдовъ ихъ существованія; но ихъ посѣщеніе повело къ весьма важнымъ событіямъ.

Сонъ, которымъ они были предостережены объ опасности, вѣроятно совпалъ съ ихъ собственными сомнѣніями касательно намѣреній жестокаго и коварнаго тирана, выразившаго лицемѣрное желаніе тоже оказать почести новорожденному Царю; и если они, какъ можно предполагать, сообщили и Іосифу свои недоумѣнія въ этомъ отношеніи, то и онъ могъ быть приготовленъ къ сновидѣнію, заставившему его бѣжать въ Египетъ для спасенія Младенца отъ злобы Ирода.

Египетъ издавна былъ естественнымъ мѣстомъ убѣжища для всѣхъ гонимыхъ изъ Палестины — бѣдствіями ли, преслѣдованіями или недовольствомъ. Риноклура, рѣка египетская, которую Мильтонъ съ свойственнымъ ему изяществомъ и научною точностью называетъ „потокомъ, что отдѣляетъ Египетъ отъ Сирійской пустыни“, могла быть достигнута бѣглецами въ три дня, и, ступивъ на другой берегъ ея, они уже были внѣ всякой власти Ирода.

О самомъ бѣгствѣ и его продолжительности св. Писаніе не даетъ никакихъ дальнѣйшихъ подробностей, сообщая только, что святое семейство бѣжало изъ Вифлеема ночью и возвратилось уже тогда, когда Іосифъ получилъ во снѣ увѣреніе, что Младенца можно было безопасно возвратитъ въ землю Его рожденія. Зато апокрифическія сказанія, которыя обезсмертилъ геній итальянскаго искусства, представляютъ множество подробностей о томъ, какъ во время пути драконы приходили и влаялись Младенцу, львы и леопарды боготворили Его, гдѣ только ступала Его нога — расцвѣтали розы іерихонскія, пальмы по Его мановенію склонялись для доставленія своихъ финиковъ, разбойники были утрашены Его величіемъ и самое путешествіе чудесно сократилось. Въ нихъ разсказывается также, какъ при вступленіи Его въ Египетъ всѣ идолы страны мгновенно пали съ своихъ пьедесталовъ и разбитые лежали чищъ, какъ по Его слову совершилось много чудесныхъ исцѣленій отъ проказы и бѣснованія. Все это богатство и разнообразіе ненужныхъ и безцѣльныхъ чудесъ, возникшее частью изъ простаго пристрастія къ необычному и сверхъестественному, а частью изъ произвольнаго толкованія ветхозавѣтныхъ пророчествъ, — стоитъ въ рѣзкой противоположности съ правдивою простотою евангельскаго повѣствованія. Ев. Матеей не сообщаетъ намъ ничего о томъ, гдѣ жило св. семейство въ Египтѣ и какъ долго оно находилось тамъ; но древнія сказанія говорятъ, что оно находилось внѣ Палестины въ теченіе двухъ лѣтъ и жило въ г. Матарей, въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Каира, гдѣ долго показывали источникъ, гнилую воду которой Іисусъ сдѣлалъ свѣжей и здоровой, и старый сиваморъ, подъ вѣтвями котораго они отдыхали. Евангелистъ указываетъ только на причины ихъ бѣгства

и возвращенія, и находить въ послѣднемъ новое и глубочайшее значеніе для словъ пророка Осія: „Изъ Египта воззвалъ я Сына Моего“.

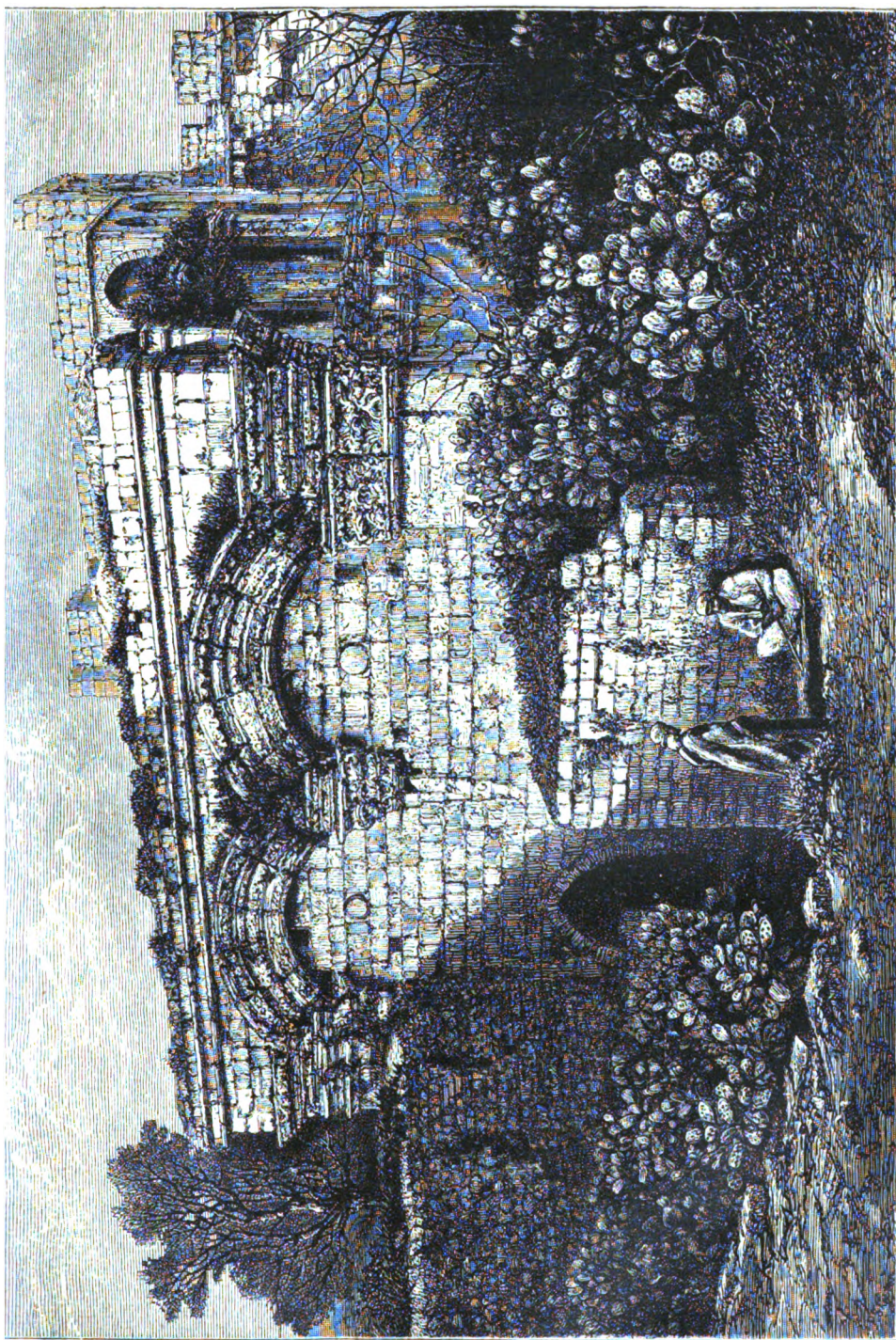
Бѣгство въ Египетъ повело къ знаменательному событію. При видѣ того, что восточные мудрецы не возвратились, тревога и злоба Ирода приняли еще болѣе мрачный и зловѣщій характеръ. У него не было средствъ узнать царственнаго Младенца отъ сѣмени Давидова, и менѣе всего конечно онъ сталъ бы искать Его въ скотномъ стойлѣ при деревенскомъ ханѣ. Но онъ зналъ, что Младенецъ, на котораго онъ вслѣдствіе посѣщенія маговъ сталъ смотрѣть какъ на будущаго себѣ или своему дому соперника, былъ еще груднымъ ребенкомъ, и такъ какъ на востокѣ матери обыкновенно кормятъ грудью своихъ дѣтей въ теченіе двухъ лѣтъ, то онъ издалъ кровожадное повелѣніе—избить всѣхъ младенцевъ въ Виолеемѣ и его окрестностяхъ „отъ двухъ лѣтъ и ниже“. О способѣ, какимъ приводилось въ исполненіе это повелѣніе, намъ ничего неизвѣстно. Дѣтей могли убивать тайно, постепенно и различными способами умерщвленія, или же, по общепринятому предположенію, избіеніе могло быть произведено въ одинъ какой-нибудь опредѣленный часъ. Повелѣнія такихъ тирановъ, какъ Иродъ, обыкновенно бывають покрыты непроницаемымъ мракомъ; они приводятъ всѣхъ въ ужасъ и оцѣпенѣніе, при которомъ едва ли безопасно говорить даже шепотомъ. Но нельзя было только заставить смоленуть отчаяннаго, дикаго вопля матерей, у которыхъ съ такою жестокостью отнимали грудныхъ дѣтей, и слышавшіе этотъ вопль легко могли вообразить себѣ, что Рахиль, великая праматерь ихъ, гробница которой стоитъ при дорогѣ верстахъ въ двухъ отъ Виолеема, опять, по вдохновенному выраженію пророка, присоединила свой голосъ къ рыданію и воплю несчастныхъ матерей, что такъ безутѣшно плакали о своихъ избиваемыхъ малюткахъ.

Намъ можетъ показаться непостижимымъ преступленіе столь кровожадное и дикое; но вѣдь наши возрѣнія смягчены восемнадцати-вѣковымъ вліяніемъ христіанства, а между тѣмъ такіа дѣла вовсе не безпримѣрны въ исторіи языческихъ деспотовъ древняго міра. Дѣтоубійство еще болѣе мрачнаго свойства, чѣмъ Иродово, было обычнымъ преступленіемъ во времена Римской

имперіи, и Иродово избіеніе младенцевъ, равно какъ и поведшія къ нему побужденія, находятъ себѣ соотвѣтствующіе факты въ исторіи этого самаго времени. Светоній въ своемъ жизнеописаніи Августа заимствуетъ изъ жизнеописанія императора, составленнаго его отпущенникомъ Юліемъ Маратомъ, рассказъ о томъ, какъ незадолго до его рожденія въ Римѣ ходило предсказаніе, что скоро надъ римскимъ народомъ родится царь. Чтобы предотвратить эту опасность для республики, сенатъ издалъ повелѣніе, по которому всѣ дѣти мужескаго пола, рожденныя въ томъ году, должны быть заброшены или выданы правительству; но тѣ сенаторы, жены которыхъ были беременны, приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы помѣшать утвержденію этого повелѣнія, такъ какъ каждый изъ нихъ надѣялся, что пророчество относится къ его именно ребенку. Затѣмъ, Евсевій заимствуетъ у Егезиппа, еврея по происхожденію, рассказъ, что Домиціанъ, встревоженный возрастающимъ могуществомъ имени Христа, издалъ повелѣніе истребить всѣхъ потомковъ дома Давидова. Два правнука св. Іуды, „брата Господня“, были въ живыхъ и извѣстны были подъ именемъ *Деспосиновъ*. Они выданы были императору нѣкимъ Іоватомъ и другими назорейскими еретиками и приведены лично въ императору; но когда Домиціанъ увидѣлъ, что это простые поселяне и руки ихъ мозолисты отъ тяжелаго труда, онъ съ смѣшаннымъ чувствомъ жалости и презрѣнія отпустилъ ихъ невредимыми.

Касательно разсказываемаго въ Евангеліи избіенія младенцевъ возникали сомнѣнія, но оно находится въ полнѣйшемъ согласіи со всѣмъ, что мы знаемъ о характерѣ Ирода. Господствующими страстями этого способнаго, но порочнаго властелина были самое необузданное честолюбіе и самая мучительная зависть. Весь его жизненный путь залить кровью убійствъ. Онъ избивалъ священниковъ и знать, массами казнилъ членовъ синедріона; заставилъ предъ собственными глазами, въ нарочно устроенномъ увеселеніи, утопить первосвященника, своего шурина, молодого и благороднаго Аристовула; приехалъ задушить свою любимую жену, прекрасную асмонейскую княжну Маріамну, хотя она повидимому была единственнымъ человѣческимъ существомъ, которое онъ страстно любилъ. Сыновья его Александръ,

Аристовуль и Антипатръ, дядя Иосифъ, дядя жены его Антигонъ, тесть Александръ и теща Александра, родственникъ Кортобанъ, друзья Доснѣей и Гадій—вотъ лишь немногіе изъ тѣхъ, кто пали жертвою его кровожадныхъ, подозрительныхъ и преступныхъ опасеній. Братъ его Ферора и сынъ его Архелай едва избѣгли казни по его повелѣнію. Ни цвѣтущая юность князя Аристовула, не сѣдины царя Гиркана не защитили ихъ отъ его льстиваго и предательскаго неистовства. Убійства чрезъ повѣшеніе, убійства чрезъ сожженіе, убійства чрезъ растерзаніе, убійства тайныя, признанія, вымученныя невыносимой пыткой, дѣла безстыдной и скотской похоти—вотъ чѣмъ переполнены лѣтописи этого царствованія, которое было такъ жестоко, что, по сильному выраженію іудейскихъ пословъ къ императору Августу, „остававшіеся въ живыхъ при немъ были несчастіе даже замученныхъ“. И подобно Генриху VIII или Ивану Грозному, всѣ мрачныя и звѣрскіе инстинкты его характера повидимому приобрѣтали все болѣе силы по мѣрѣ того, какъ жизнь его близилась къ концу. Преслѣдуемый призракомъ своей задушенной жены и умерщвленнаго сына, возбуждаемый сталкивающимися припадками кровожадности и угрызений совѣсти, Иродъ, это безжалостное чудовище, какъ называетъ его I. Флавій, былъ охваченъ въ послѣдніе дни своей жизни мрачною и неувротимою яростью, которая обрушивалась на всякаго, съ кѣмъ только приходилъ онъ въ соприкосновеніе. Не трудно представить послѣ этого, что такой человекъ—дикій варваръ, едва прикрытый лоскомъ испорченной и поверхностной цивилизаціи—могъ дѣйствовать въ данномъ случаѣ именно такъ, какъ описываетъ ев. Матѣей, а самая достовѣрность событія получаетъ независимое подтвержденіе и изъ другихъ источниковъ. „Августъ, будучи извѣщенъ“, говоритъ Макробій, „что между мальчиками ниже двухлѣтняго возраста, избитыми по повелѣнію Ирода въ Сиріи, былъ также убитъ собственный сынъ Ирода, сказалъ на это: лучше быть Иродовой свиньей (ὄν), чѣмъ его сыномъ (ὀϊόν)“ (т.-е. императоръ хотѣлъ сказать, что такъ какъ Иродъ іудей и по закону не могъ ѣсть свинины, то свинья у него была безопаснѣе въ отношеніи своей жизни, чѣмъ всякій изъ его сыновей). Правда, Макробій, болѣе поздній писатель (около 400 г. по Р. Хр.)

Золотыя Ворота въ Иерусалимѣ.

и сдѣлалъ ошибку, полагая, что сынъ Ирода Антипатръ, умерщвленный около того же самаго времени, когда происходило избіеніе младенцевъ, дѣйствительно погибъ среди этого избіенія; однако же ясно, что та форма, въ которой онъ передаетъ каламбуръ Августа, указываетъ на смутное воспоминаніе объ этомъ именно кровавомъ событіи.

Почему же, спрашивается, І. Флавій совершенно умалчиваетъ о такомъ гнусномъ злодѣяніи?—Быть можетъ потому, что избіеніе совершилось съ такою секретностью, что онъ даже и не зналъ о немъ. Быть можетъ потому, что въ такое ужасное время избіеніе десятковъ дѣтей, по одному мимолетному подозрѣнію, считалось событіемъ крайне незначительнымъ среди другихъ убійствъ Иродовыхъ. Быть можетъ потому, что оно пройдено молчаніемъ со стороны Николая Дамасскаго, который, ведя свои записки въ подобострастномъ духѣ придворныхъ еллинистовъ, которымъ хотѣлось сдѣлать изъ испорченнаго и кровожаднаго узурпатора политическаго Мессію, возвеличивалъ всѣ подвиги своего покровителя и скрывалъ или смягчалъ всѣ его пороки. Но наиболѣе вѣроятная причина заключается въ томъ, что І. Флавій, несмотря на все, чѣмъ мы обязаны ему въ литературѣ, въ сущности былъ только вѣроотступникъ и льстецъ и всячески избѣгалъ указаній на событія, которыя имѣли хоть самое отдаленное отношеніе въ жизни Христа. Единственное мѣсто, въ которомъ онъ дѣлаетъ намекъ на Христа, искажено — если не подложно совсѣмъ *), и едва ли кто будетъ сомнѣваться въ томъ, что молчаніе его по вопросу о христіанствѣ было столь же преднамѣренно, какъ и безчестно.

*) Вотъ это знаменитое мѣсто (Древн. XVII, 3, § 3): „Въ то время былъ Исусъ, мудрый человекъ [если только позволительно его назвать человекомъ], ибо Онъ былъ совершитель чудесныхъ дѣлъ [учитель людей, съ удовольствіемъ приемлющихъ истину], и привлекъ къ себѣ многихъ какъ изъ іудеевъ, такъ и изъ еллиновъ. [Онъ былъ Христосъ]. И когда Пилать, по настоянію вождей нашихъ, осудилъ Его на крестъ, тѣ, которые прежде любили Его, не оставили Его. [Ибо Онъ явился имъ на третій день опять живымъ, какъ и божественныя пророчества изрекли о Немъ касательно этого и множества другихъ чудесныхъ дѣлъ]. Поклоніеніе христіанъ, такъ названныхъ по Нему, не исчезло еще и теперь“. Другой намекъ у І. Флавія на Христа также сомнительной подлинности (Древн. XX, 9, § 1), именно: гдѣ онъ называетъ Іакова „братомъ Исуса, называемаго Христомъ“.

Но хотя I. Флавій и не говоритъ ясно объ этомъ событіи, однако же всѣ обстоятельства, разсказываемыя имъ изъ этого самаго періода жизни Ирода, подтверждають его достовѣрность. Въ это именно время извѣстные своимъ краснорѣчіемъ іудейскіе учителя, Іуда и Матѣй, подстрекнули своихъ учениковъ сорвать большого золотого орла, поставленнаго Иродомъ надъ великими вратами храма. I. Флавій ставитъ это покушеніе въ связь съ преждевременными слухами о смерти Ирода; но не невозможно и другое предположеніе, что особенная смѣлость возбуждена была въ нихъ мессіанскими надеждами, снова ожившими вслѣдствіе посѣщенія восточныхъ мудрецовъ. Покушеніе однако не удалось, и Іуда и Матѣй съ своими сорока учениками были за-живо сожжены. Имѣя передъ собой тавія звѣрства на каждой страницѣ, Іосифъ Флавій могъ уже спокойно пройти молчаніемъ тайное избіеніе грудныхъ младенцевъ въ маленькомъ городѣ. Ихъ кровь была только каплей въ томъ кровавомъ потокѣ, въ которомъ захлебнулся Иродъ.

Скоро послѣ избіенія младенцевъ послѣдовала и смерть самаго Ирода. Только за пять дней до смерти онъ сдѣлалъ бѣшеное покушеніе на самоубійство и приказалъ казнить своего старшаго сына Антипатра. Его смертный одръ, опять напоминающій о Генрихѣ VIII и Иванѣ Грозномъ, былъ окруженъ необычайными ужасами; онъ померъ отъ омерзительной болѣзни, которая въ исторіи встрѣчается только съ людьми опозорившими себя кровожадностью и жестокостями. На одрѣ своего нестерпимаго недуга, въ томъ великолѣпномъ и роскошномъ дворцѣ, который онъ построилъ для себя въ тѣни іерихонскихъ пальмъ, распухнувъ отъ болѣзни и сжигаемый жаждой, покрытый язвами на тѣлѣ и внутренно палимый медленнымъ огнемъ, окруженный крамольными сыновьями и хищными рабами, ненавидя всѣхъ и ненавидимый всѣми, жаждая смерти, какъ избавленія отъ своихъ мукъ и въ то же время неутоленный кровопійствомъ, страшный всѣмъ окружающимъ и еще страшнѣе для себя въ своей преступной совѣсти, и пожираемый за-живо могильнымъ тлѣнымъ, точимый червями какъ бы видимо пораженный перстомъ божественнаго гнѣва, послѣ семидесятилѣтней жизни злодѣйствъ и распутства, жалкій старикъ, котораго люди называли великимъ,

лежалъ въ дикомъ неистовствѣ, ожидая своего послѣдняго часа. Зная, что никто не прольетъ ни слезы по *немъ*, онъ задумалъ заставить многихъ проливать слезы о себѣ самихъ, и подъ страхомъ смертной казни повелѣлъ, чтобы знатнѣйшія семейства въ государствѣ и начальники колѣнъ прибыли въ Іерихонъ. Когда они прибыли, то онъ, собравъ ихъ въ ипподромѣ, тайно велѣлъ своей сестрѣ Саломіи запереть ихъ и избить въ самый моментъ его смерти. И такимъ образомъ, захлебываясь кровью, замышляя убійства даже въ предсмертномъ бреду, душа Иродова отошла во тьму вромѣшнюю.

Въ пурпурномъ одѣяніи, въ коронѣ, со скипетромъ и драгоценными украшеніями трупъ былъ положенъ на великолѣпный катафалкъ и съ царскимъ блескомъ и пышностью, окуриваемый благовоніями, препровожденъ былъ въ его гробницу въ Иродіи, неподалеку отъ мѣста, гдѣ родился Христосъ. Но обаяніе Иродова владычества рушилось и народъ увидѣлъ, какъ призраченъ былъ его мишурный блескъ. День смерти Ирода, какъ онъ и предвидѣлъ, былъ общимъ праздникомъ. Завѣщаніе его оспаривалось, царство разлагалось, послѣдній его приказъ не былъ исполненъ. Сыновья его, по большей части, умерли въ безславіи и ссылѣхъ. Божіе проклятіе тяготѣло надъ его домомъ; несмотря на то, что отъ своихъ десяти женъ и многихъ наложницъ онъ имѣлъ девять сыновей и пять дочерей, въ теченіе одного столѣтія родъ *іеродула* аскалонскаго погибъ отъ болѣзней или на силій, и ни одного потомка не осталось въ живыхъ для продолженія его имени.

Если извѣстіе о смерти Ирода было быстро сообщено Іосифу, то пребываніе его въ Египтѣ навѣрно было слишкомъ непродолжительнымъ, чтобы какимъ-нибудь образомъ повліять на человеческое развитіе Спасителя. Потому-то, быть можетъ, ев. Лука и обходитъ его молчаніемъ.

Сначала у Іосифа было, повидимому, намѣреніе поселиться на жительство въ Вилеємѣ. Это былъ городъ его предковъ и связанъ со множествомъ отрадныхъ историческихъ воспоминаній. Тутъ онъ легко бы могъ найти себѣ заработокъ ремесломъ, при помощи котораго почти вездѣ можно было удовлетворять скромныя потребности бѣдной семьи. Правда, восточный житель рѣдко

оставляетъ свою родину, но разъ вынужденный къ этому какими-нибудь обстоятельствами, онъ находитъ сравнительно легкимъ дѣломъ устроиться во всякомъ другомъ мѣстѣ. Побывавъ разъ въ Вилеємѣ, Іосифъ не могъ не чувствовать въ окрестностяхъ этого маленькаго городка сильнаго тяготѣнія къ Іерусалиму, тѣмъ болѣе, что онъ былъ недавно мѣстомъ столь достопамятныхъ для него событій. Но на дорогѣ онъ получилъ извѣщеніе, что послѣ Ирода странюю править сынъ его Архелай. Народъ былъ бы очень радъ отдѣлаться отъ всего рода идумейскаго, и въ худшемъ случаѣ Антипу предпочелъ бы Архелая. Но императоръ Августъ неожиданно рѣшилъ дѣло въ пользу Архелая, который, хотя моложе лѣтами, былъ назначенъ наслѣдникомъ по послѣднему завѣщанію своего отца. Какъ бы желая показать, что онъ былъ истиннымъ сыномъ своего отца, Архелай, даже еще до утвержденія его въ своемъ наслѣдствѣ римскимъ правительствомъ, „далъ, какъ презрительно замѣчаетъ І. Флавій, своимъ подданнымъ образецъ своей будущей доблести и приказалъ избить 3,000 своихъ согражданъ въ храмѣ“. Ясно было, что при такомъ правительствѣ нельзя было рассчитывать на безопасность, и потому Іосифъ, послушный волѣ Божіей, ища для своего семейства мѣсто жительства, „пошелъ въ предѣлы Галилейскіе“, и тамъ въ отдаленіи и безвѣстности, подъ покровомъ бѣдности и убожества, святое семейство могло безопасно жить подъ властью другого сына Ирода—одинаково беззащитнаго, но болѣе безопаснаго и равнодушнаго, а потому и менѣе опаснаго Антипы.

ГЛАВА V.

ДѢТСТВО ИСУСА ХРИСТА.

Исусъ же преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ, и въ любви у Бога и человѣковъ. Лук. II, 52.

ВНѢШНЯЯ природа Палестины весьма отчетлива въ своихъ очертаніяхъ. Вдоль берега Средиземнаго моря тянется низменность (Шефеля) и приморская равнина, прерываемая лишь смѣлымъ пикомъ горы Кармила; параллельно съ нею идетъ длинная цѣпь горъ по большей части съ круглыми и безформенными очертаніями; съ восточной стороны онѣ спускаются

въ глубокую впадину Эл-Гора, долины іорданской, за которой въ свою очередь тянется прямая, непрерывная, пурпурная линия горъ Моавскихъ и Галаадскихъ. Такимъ образомъ, страна въ направленіи отъ сѣвера къ югу представляетъ четыре параллельныхъ полосы—приморскій берегъ, гористую полосу, іорданскую долину и заіорданскій хребетъ.

Гористая полоса, занимающая пространство между низменною приморскою равниною и глубокой долиной Іордана, распадается на двѣ большихъ группы, такъ какъ низкій горный хребетъ прерывается равниною Ездрилонскою. Южная группа этихъ известняковыхъ горъ составляла Іудею, сѣверная—Галилею.

Галиль по-еврейски означаетъ „округъ“ и названіе это первоначально прилагалось къ двадцати городамъ въ округѣ Кедеса-Нефеалимова, который Соломонъ отдалъ Хираму въ вознагражденіе за его услуги по доставкѣ строевого лѣса и которому Хирамъ, въ своемъ крайнемъ недовольствѣ, далъ названіе *Кабуль*, т.-е. „отвратительный“. И Галилеѣ какъ бы суждено было постоянно находиться въ презрѣніи, которое поддерживалось въ сознаніи іудеевъ еще тѣмъ, что этотъ округъ съ давнихъ временъ сдѣлался мѣстомъ жительства смѣшаннаго населенія и назывался даже „Галилеей языческой“. Въ галлилейскихъ городахъ было не только много финикіянъ и арабовъ, но во времена І. Христа было много также грековъ, и греческій языкъ былъ въ значительномъ ходу среди населенія.

Горы, составляющія сѣверную границу равнины Ездрилонской, идутъ почти прямо съ востока на западъ по направленію отъ долины іорданской къ Средиземному морю и южные склоны ихъ находились въ округѣ, отведенномъ колѣну Завулонову.

Почти въ центрѣ этой цѣпи горъ находится своеобразное известняковое ущелье, составляющее входъ въ небольшую долину. По оставленіи равнины, путешественникъ поднимается въ гору по крутой и узкой тропинкѣ, окаймленной травой и цвѣтами, среди мѣстности, въ которой нѣтъ ничего волосальнаго или подавляющаго, но все необычайно прекрасно и живописно. Подъ нимъ по правую руку долина постепенно расширяется, пока не доходитъ до полверсты въ ширину. Внутренность долины раздѣляется изгородами изъ кактуса на маленькіе

нивы и сады, которые во время весенних дождей представляют очаровательную картину идиллической тишины и блистают красками богатѣйшей растительности. Рядомъ съ узкой тропинкой, въ недалекомъ разстояніи одинъ отъ другого, находятся два колодца, и женщины, черпающія изъ нихъ воду, болѣе прекрасны, а румяные быстроглазые мальчуганы-пастухи, сидящіе или играющіе у колодцевъ въ своихъ яркоцвѣтныхъ восточныхъ костюмахъ, беззаботнѣе, смѣлѣе и веселѣе, чѣмъ можно видѣть гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Долина постепенно переходитъ въ небольшой естественный амфитеатръ холмовъ, составляющій, по предположенію, кратеръ погасшаго вулкана; и тамъ, ютясь по впадинамъ горы, поднимающейся на высоту до пятисотъ футовъ, „подобно горсти жемчуговъ въ сосудѣ изумрудномъ“, видѣются плоскія кровли и узкія улицы маленькаго восточнаго городка. Въ немъ небольшая церковь, массивныя зданія монастыря, высокій минаретъ мечети, чистый, полноводный родникъ; дома построены изъ бѣлаго камня и между ними разбросаны сады, съ тѣнистыми смоковницами и маслинами, съ бѣлыми и красными цвѣтами апельсиновыхъ и гранатовыхъ деревьевъ. Весною, по крайней мѣрѣ, все здѣсь кругомъ выглядитъ необыкновенно весело и мирно; горлицы воркуютъ на деревьяхъ; потатуйка неустанно порхаетъ взадъ и впередъ; свѣтлоголубая сизоворонка, самая обыкновенная и любимая птица въ Палестинѣ, подобно живому сапфиру, носится надъ полями, пестрѣющими безконечнымъ множествомъ цвѣтовъ. Этотъ-то городокъ и есть *Эн-Назира* или Назаретъ, гдѣ Сынъ Божій, Спаситель міра, провелъ почти тридцать лѣтъ своей земной жизни. Это былъ Его родной городъ, бывшій мѣстомъ жительства для Него въ теченіе всей жизни, кромѣ послѣднихъ трехъ или четырехъ лѣтъ, — тотъ городъ, безславное имя котораго занесено было на позорную надпись, прибитую къ Его кресту, и по имени котораго Онъ не презрѣлъ назвать Себя самого, когда въ видѣніи говорилъ съ гонящимъ его Савломъ. И навѣрно Его ноги часто ходили по описанной выше узкой горной тропѣ, потому что ею только, при возвращеніи изъ Іерусалима на сѣверъ, Онъ могъ достигъ дома, въ которомъ Онъ провелъ свое дѣтство, свою юность и первые годы возмужалости.

Каковъ же былъ образъ Его жизни въ теченіе этихъ тридцати лѣтъ? Христіанинъ съ глубокимъ благоговѣніемъ и съ жаждущею любовью не можетъ не задаваться этимъ вопросомъ, но евангелія отвѣчаютъ на него очень кратко.

Изъ четырехъ евангелистовъ, ев. Іоаннъ, возлюбленный ученикъ, и ев. Маркъ, другъ и „сынъ“ ап. Петра, обходятъ эти тридцать лѣтъ полнымъ, ненарушимымъ молчаніемъ. Ев. Матѳей посвящаетъ одну главу разсказу о поклоненіи волхвовъ и бѣгству въ Египетъ и затѣмъ переходитъ въ проповѣди Іоанна Крестителя. Только ев. Лука, послѣ описанія событій, обратившихъ на себя вниманіе при принесеніи во храмъ, передаетъ одинъ драгоцѣнный разсказъ изъ дѣтства Спасителя и въ одномъ драгоцѣнномъ стихѣ описываетъ Его возрастаніе, когда Ему было двѣнадцать лѣтъ отъ роду. Но и этотъ стихъ не содержитъ въ себѣ ничего такого, что могло бы удовлетворить наше любопытство; онъ не сообщаетъ никакихъ подробностей изъ жизни, никакихъ событій или приключеній; онъ говоритъ только, какъ въ періодъ счастливаго и блаженнаго дѣтства „Младенецъ возрасталъ и укрѣплялся духомъ, исполняясь премудрости; и благодать Божія была на Немъ“. Къ этому же періоду Его жизни можно отнести и дальнѣйшій стихъ: „Иисусъ же преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ, и въ любви у Бога и чловѣковъ“. Его развитіе совершалось обычнымъ путемъ. Онъ пришелъ въ міръ, не одаренный безконечнымъ знаніемъ, а, какъ говоритъ ев. Лука, постепенно исполнялся премудрости. Онъ не былъ облеченъ безконечною силою, но испыталъ слабости и несовершенства чловѣческаго дѣтства. Онъ росъ, какъ растутъ и другія дѣти, только дѣтство Его было дѣтство непорочной и безгрѣшной красоты — „какъ цвѣты розъ въ весеннее время года, и какъ лиліи у водъ“.

Такимъ образомъ у евангелистовъ царитъ глубокое молчаніе касательно этого періода; но сколько краснорѣчія въ этомъ молчаніи! Не заключается ли въ этой самой сдержанности ихъ больше мудрости и назиданія, чѣмъ еслибы они наполнили многіе томы мельчайшими подробностями?

Прежде всего въ этомъ молчаніи ихъ мы можемъ видѣть признакъ и поразительное подтвержденіе ихъ правдивости. Мы

узнаемъ изъ этого, что они хотѣли говорить чистую правду, а не сочинять занимательное или правдоподобное повѣствованіе. Что Христось долженъ былъ провести тридцать лѣтъ своей короткой жизни въ глубокой безвѣстности провинціального городка; что Онъ долженъ былъ воспитаться не только въ поработченной землѣ, но и въ самой презираемой области ея; не только въ презираемой области, но и въ самой обезславленной ея долинѣ; чтобы въ теченіе этихъ тридцати лѣтъ неизреченный свѣтъ Его божественной природы обиталъ среди насъ, „въ скриніи подобно нашей и изъ того же самаго вещества“, незамѣтно и незнаемо; чтобы въ теченіе этихъ долгихъ лѣтъ не было величественныхъ событій или поразительныхъ чудесъ, не было „седмиричнаго хора славословій“ въ провозглашеніе и прославленіе грядущаго Царя— все это не то, чего бы мы могли ожидать, не то, что кто бы то ни было сталъ выдумывать или измышлять.

Мы не могли бы ожидать этого, но это было такъ, а потому евангелисты и передаютъ такъ. Но то именно, что все это такъ несогласно съ тѣмъ, что мы могли бы вообразить себѣ, составляетъ новое доказательство, что это именно и было такъ, потому что евангелисты неизбѣжно должны были находиться, какъ они и находились въ дѣйствительности, подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ предзанятыхъ мыслей, какъ и мы; и еслибы въ дѣйствіи Спасителя были какія-нибудь славныя событія, то, какъ честные свидѣтели, они и передали бы намъ о нихъ; а еслибы они не были честными свидѣтелями, то навѣрно измыслили бы ихъ, хотя бы ихъ не было въ дѣйствительности. Но пути человѣческіе не пути Божіи; и такъ какъ истина, о которой евангелисты свидѣтельствуютъ самымъ своимъ молчаніемъ, есть отверженіе намъ путей Божіихъ, а не человѣческихъ, то все это и несогласно съ тѣмъ, что мы могли бы изобрѣсти, и не удовлетворяетъ въ томъ, чего бы мы хотѣли по своему человѣческому соображенію. Но, съ другой стороны, все это служить исполненіемъ древняго пророчества: „Онъ взомелъ предъ Нимъ, какъ отпрыскъ и какъ ростокъ изъ земли сухой“, и находится въ согласіи съ послѣдующимъ изреченіемъ: „Онъ унижилъ Себя самого, принявъ образъ раба“.

Стоитъ только обратиться къ апокрифическимъ евангеліямъ,

и мы увидимъ, насколько далеко и отличенъ ложный человѣческій идеалъ отъ божественнаго факта. Тамъ мы увидимъ, какъ разные сочинители, слѣдуя естественнымъ, непросвѣщеннымъ наклонностямъ своего духа, окружаютъ дѣтство Христа ореоломъ чудесности, дѣлаютъ его зловѣщимъ, ужасающимъ, противоестественнымъ, отталкивающимъ. Несомнѣнно, однимъ изъ самыхъ поразительныхъ доказательствъ боговдохновенности евангелистовъ, при повѣствованіи о жизни Того, въ комъ Богъ открылся человѣку, служитъ то, что ни одна небогосвѣщенная, воцунственная или изобрѣтательная рука не можетъ воснуться священныхъ очертаній этой божественной и совершеннѣйшей картины безъ того, чтобы не исказить и не испортить ея. Хотѣли ли апокрифическіе писатели выдавать свои легенды за исторію или за вымыселъ, несомнѣнно по крайней мѣрѣ то; что въ большинствѣ случаевъ они имѣли въ намѣреніи сплести на главу Его вѣнокъ чести. И однако же какъ эти рассказы умаляютъ, безчестятъ и искажаютъ Его! Насколько благородная простота евангельскаго молчанія безконечно выше всѣхъ этихъ театральныхъ выставокъ дѣтскаго безцѣльнаго всемогущества, которыми переполнены апокрифическія первоевангеліе, псевдо-Маттеево евангеліе, арабское евангеліе дѣтства! Они хотѣли почитать Христа, но никакое измышленіе не можетъ быть для Него почетомъ; кто прибавляетъ вымыслы къ исторіи Его жизни, тотъ унижаетъ Его, слабая, несовершенная, заблуждающіяся измышленія человѣка смѣшиваетъ съ недостижимыми и страшными намѣреніями Бога. По изображенію евангелія, отрокъ Христосъ простъ и нѣженъ, послушенъ и скромненъ; Онъ повинуется своимъ родителямъ, занятъ только мирнымъ трудомъ своего дома и возраста; Онъ любитъ всѣхъ людей и всѣ любятъ невиннаго, ласковаго и благороднаго мальчишка. Онъ уже признаетъ въ Богѣ своего Отца, и благословеніе Божіе нисходитъ на Него, какъ утренній свѣтъ солнца или небесная роса, и невидимымъ ореоломъ окружаются Его дѣтскія, святыя черты. Незримый въ своей небесной красотѣ, Духъ Божій, какъ голубица, на крыльяхъ блестящихъ серебромъ и золотомъ, нисшелъ на святаго Младенца и отъ дней дѣтства пребывалъ на Немъ.

Но какъ не похожъ на это изображеніе мальчишекъ Иисусъ

новозавѣтныхъ апокрифовъ! Онъ шаловливъ, неугомоненъ, нахаленъ, мстителенъ. Нѣкоторыя изъ приписываемыхъ ему чудъ просто безцѣльны и ребячески, какъ напр., когда онъ приноситъ пролитую воду въ своей одеждѣ, вытягиваетъ доску до надлежащей длины, лѣпитъ воробьевъ изъ глины и, хлопая въ ладоши, заставляетъ ихъ летать, бросаетъ всѣ свои одѣянія въ чанъ красильщика и вынимаетъ выкрашенными каждое на свой особый цвѣтъ. Но нѣкоторыя даже прямо непристойны и неразумны, какъ напр., когда онъ дразнитъ, посрамляетъ и заставляетъ молчать тѣхъ, кто хочетъ учить его, или когда онъ укоряетъ Иосифа, обращаетъ своихъ товарищей по игрѣ въ возлять; а инныя просто жестоки и нечестивы, какъ напр., когда онъ поражаетъ смертью мальчиковъ, оскорбляющихъ или враждующихъ противъ него, такъ что наконецъ поднимается буря народнаго негодованія и Марія боится выпускать его изъ дома. При тщательномъ изысканіи среди всѣхъ этихъ грубыхъ, безвкусныхъ и часто вредныхъ измышленій, можно найти одинъ только разсказъ, въ которомъ проглядываетъ неподдѣльное чувство и есть соотвѣтствіе истинѣ, и его только можно привести здѣсь, потому что онъ во всякомъ случаѣ безвреденъ и даже, быть можетъ, отчасти основанъ на какомъ-нибудь сохранившемся въ преданіи фактѣ. Онъ находится въ „арабскомъ евангеліи дѣтства“ и гласитъ слѣдующее:

„Въ мѣсяцъ Адаръ, Иисусъ собралъ мальчиковъ, какъ бы Онъ былъ ихъ царь; они разостлали свои одежды по землѣ, и Онъ сѣлъ на нихъ. Тогда они возложили на Его голову корону, сплетенную изъ цвѣтовъ, и, подобно царедворцамъ, служащимъ царю, стали рядами передъ Нимъ по Его правую и по Его лѣвую руку. И всякаго, кто проходилъ тѣмъ путемъ, мальчики схватывали силою, крича: иди сюда и поклонись царю, и тогда иди дальше своимъ путемъ“.

Но священное безмолвіе евангельскаго повѣствованія, быть можетъ, нарушается даже и этимъ простымъ вымысломъ, потому что въ ненарушимой тишинѣ, въ молитвахъ, въ мирномъ дневномъ трудѣ—подобно Моисею въ пустынѣ, подобно Давиду среди своихъ овецъ, подобно Иліѣ среди палатокъ бедуиновъ, подобно Іереміи въ спокойномъ обиталищѣ въ Анаѳоѣ, подобно Амосу

въ сикаморовой рощѣ Океи—отрокъ Іисусъ въ священной безвѣстности готовился въ своему великому дѣлу на землѣ. Внѣшняя жизнь Его была такою же, какъ и жизнь Его сверстниковъ по возрасту, положенію и мѣсторожденію. Онъ жилъ такъ же, какъ жили другія дѣти простыхъ родителей въ этомъ мирномъ городѣ, какъ живутъ они въ большинствѣ и теперъ. Кто видѣлъ дѣтей въ Назаретѣ въ ихъ красныхъ вафтанахъ и яркихъ шелковыхъ или бумажныхъ рубашкахъ, подпоясанныхъ разноцвѣтными кушаками, съ накинутаю иногда сверху довольно просторною бѣлою или голубою курткой, кто наблюдалъ за ихъ шумными и веселыми играми и слышалъ ихъ звонкій смѣхъ, когда они бѣгаютъ по холмамъ своей маленькой родной долины или группами играютъ на склонѣ холма подлѣ своего полноводнаго и студенаго родника, тотъ можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ жилъ, игралъ Іисусъ, когда Онъ былъ еще ребенкомъ. И путешественникъ, который, подобно мнѣ, прослѣдилъ за кѣмъ-нибудь изъ этихъ дѣтей до самаго дома и видѣлъ убогую обстановку, простую, но вкусную и здоровую пищу, однообразную, счастливую, патриархальную жизнь, можетъ составить себѣ живое представленіе о той обстановкѣ, въ которой жилъ Іисусъ. Ничего не можетъ быть проще этихъ домовъ, на кровляхъ которыхъ грѣются на солнцѣ голуби и по стѣнамъ вьются виноградныя лозы. По полу вдоль стѣнъ стелются рогожи или ковры; сапоги и сандали снимаются у порога; посрединѣ виситъ лампа, составляющая единственное украшеніе комнаты; въ выступѣ, сдѣланномъ въ стѣнѣ, помѣщенъ деревянный шкафъ, вырощенный яркими цвѣтами, съ книгами и другимъ имуществомъ семейства. На лежанкѣ, идущей вдоль стѣны, опрятно свернуты пестрыя стеганыя одѣяла, которыя служатъ постелями, и тутъ же стоитъ глиняная посуда для домашняго обихода; подлѣ двери стоятъ большіе водоносные кувшины красной глины, въ которые для поддержанія холода въ водѣ набросано нѣсколько вѣтокъ и зеленыхъ листьевъ, часто съ ароматическихъ кустовъ. Въ обѣденное время посреди комнаты ставится крашеный столъ, и на большомъ подносѣ подается блюдо съ рисомъ и мясомъ, *либанъ* или похлебка изъ плодовъ, и всѣ вмѣстѣ ѣдятъ изъ блюда. Какъ передъ обѣдомъ,

такъ и послѣ него слуга или младшій членъ семейства льетъ воду на руки изъ мѣднаго кувшина надъ мѣднымъ тазомъ. Такою же спокойною, простою, бѣдною и безмятежною была и жизнь святаго семейства въ Назаретѣ.

Благоговѣйная и блестящая фантазія раннихъ средневѣковыхъ живописцевъ создала совершенно иную картину. Пышныя кисти Джіото и Фра-Анджелико изображаютъ Дѣву Марію воссѣдающею съ своимъ бож. Младенцемъ на богатомъ тронѣ, на полу изъ превосходной мозаики, подъ голубымъ золотошитымъ балдахиномъ; онѣ одѣвали ихъ въ цвѣта, блистающіе красками, какъ лѣтнія поля, и нѣжные, какъ цвѣты весною; края одежды оторачивали золотымъ шитьемъ съ драгоцѣнными украшеніями. Совершенно иначе было въ дѣйствительности. Когда Іосифъ возвращался въ Назаретъ, онъ хорошо зналъ, что его ожидало уединеніе, а вмѣстѣ и безопасность, и что жизнь Дѣвы Маріи и ея Младенца будетъ проходить не въ громкой извѣстности или богатствѣ, а въ замкнутости, въ бѣдности и тяжеломъ трудѣ.

Но эта бѣдность не была нищетою; въ ней не было ничего жалкаго или унизительнаго; жизнь была мирною, простою, довольною, счастливою и даже радостною. Марія, подобно другимъ женщинамъ ея положенія, вѣроятно пряла, готовила кушанье, покупала плоды и каждый вечеръ ходила за водой въ роднику, который еще и теперь называется „родникомъ Дѣвы“, съ глинянымъ кувшиномъ на плечѣ или на головѣ. Іисусъ конечно игралъ, учился и помогалъ своимъ родителямъ въ ихъ обыденномъ трудѣ, а по субботнимъ днямъ ходилъ въ синагогу. „Писано, что нѣкогда жилъ благочестивый и богобоязненный епископъ, который часто усердно молился о томъ, чтобы Богъ открылъ ему, какъ Іисусъ проводилъ свою юность. И однажды епископъ имѣлъ таковой сонъ. Ему казалось въ его сновидѣніи, что онъ видитъ плотника, занятаго своимъ ремесломъ, и рядомъ маленькаго мальчика, который собиралъ щепы. Затѣмъ, пришла дѣва, одѣтая въ зеленое, позвала ихъ обѣдать и подала имъ похлебку. Все это, епископу казалось, онъ видитъ во снѣ, а самъ онъ стоитъ за дверью, чтобы не быть замѣченнымъ. Но мальчикъ вдругъ сказалъ: зачѣмъ этотъ человѣкъ стоитъ тамъ? отчего и онъ не идетъ обѣдать съ нами? и это такъ устало епископа,

что онъ проснулся. Что бы это ни было, истинная исторія или басня, можно все-таки думать, что Христось въ дѣтствѣ своемъ жилъ и дѣйствовалъ, какъ и всѣ другія дѣти, хотя и безъ грѣха, по образу человѣческому“.

Ев. Матѳеѣй говоритъ, что въ поселеніи святаго семейства въ Назаретѣ исполнилось реченное чрезъ пророковъ, что „Онъ Назореемъ наречется“. Извѣстно, что такого изреченія не встрѣчается ни въ одной изъ имѣющихся у насъ пророческихъ книгъ. Если это названіе заключало въ себѣ презрительный намекъ, какъ можно заключать изъ извѣстнаго, вошедшаго въ пословицу, вопроса Наананаила: изъ Назарета можетъ ли быть что доброе?— то ев. Матѳеѣй, впрямую, объединилъ въ этомъ выраженіи различныя пророчества, которыя, указывая на Мессію, какъ на человѣка скорбей, такъ мало были понимаемы народомъ. И названіе „назарянинъ“ долго оставалось презрительной вличкой. Талмудисты всегда говорятъ объ Іисусѣ, какъ о „га-ноцери“; императоръ Юліанъ издавалъ строгое повелѣніе, чтобы христіане назывались менѣ почетнымъ именемъ галилеянъ, и даже доселѣ христіане въ Палестинѣ извѣстны только подъ именемъ *нузара*. Но болѣе вѣроятнымъ вается объясненіе, относящее намекъ ев. Матѳеѣя къ тѣмъ мѣстамъ пророчества, въ которыхъ Христось называется „вѣтвю“ (*нецеръ*). Самый городъ могъ получить свое названіе отъ окружающей его богатой растительности, а Ветхій Заветъ представляетъ много доказательствъ, что евреи, руководившіеся въ филологіи началами аналогіи, придавали огромную и таинственную важность простымъ сходствамъ въ звукѣ словъ. Достаточно привести одинъ примѣръ. Первая глава книги пророка Михея почти всецѣло основывается на такихъ чисто внѣшнихъ сходствахъ въ томъ, что, за неимѣніемъ другого термина, можно назвать физиологическимъ качествомъ звуковъ. Ев. Матѳеѣй, какъ еврей изъ евреевъ, легко могъ увидѣть въ пребываніи Христа въ этомъ городѣ Галилеи исполненіе пророчества, потому что названіе его напоминало титулъ, съ которымъ къ нему дѣлается обращеніе въ пророчествѣ Исаи.

„Развѣ изъ Галилеи Христось прійдетъ?“ спрашивалъ изумленный народъ. „Разсмотри и увидишь“, сказали раввины Никодиму, что изъ Галилеи не приходитъ пророкъ (Іоан. vii, 41, 52).

Не нужно было долго „разсматривать“, чтобы видѣть всю невѣжественность или лживость этого положенія, потому что, не говоря о Варахъ освободителѣ, Елонѣ судѣѣ, Аннѣ пророчицѣ, три, если даже не четыре пророка, и притомъ знаменитѣйшихъ, какъ Иона, Илія, Осія и Наумъ, родились или совершали дѣло своего служенія въ предѣлахъ Галилеи. И вопреки надменному презрѣнію, съ которымъ относились къ нему, маленькій Назаретъ, расположенный въ здоровой и закрытой долинѣ и, однако же, на границахъ соприкосновенія великихъ народовъ, въ центрѣ смѣшаннаго населенія, былъ превосходно приспособленъ къ тому, чтобы быть обиталищемъ Спасителя въ дѣтствѣ, мѣстомъ Его мирнаго преуспѣванія „въ премудрости и возрастѣ, въ любви у Бога и человековъ“ (Лук. II, 52; см. Притч. III, 4; Пс. CX, 10; I Цар. II, 26).

ГЛАВА VI.

ИСУСЪ ВЪ ХРАМѢ.

Онъ пришелъ спасти всѣхъ, младенцевъ и дѣтей; отроковъ, юношей и старцевъ; посему и прошелъ черезъ всѣ возрасты. Св. Иринея.

ОТЯ исторія дѣтства и юношескихъ лѣтъ Христа намъ вообще недоступна, но изъ нея все-таки сообщается объ одномъ замѣчательномъ событіи, которое даетъ намъ достаточную возможность проникнуть и во всю эту область Его жизни.

Двѣнадцатилѣтній возрастъ былъ весьма важенъ въ жизни еврейскаго мальчика. Въ этомъ именно возрастѣ, согласно іудейскому сказанію, Моисей оставилъ дворецъ дочери фараона, Самуилъ слышалъ голосъ, призывавшій его къ пророческому служенію, Соломонъ произвелъ судъ, обнаружившій его премудрость, Іосія впервые задумалъ свое великое преобразование. Въ этомъ возрастѣ мальчикъ, каково бы онъ ни былъ сословія и положенія, былъ обязанъ, по внушенію раввиновъ и установившемуся въ народѣ обычаю, учиться ремеслу для своего пропитанія. Въ этомъ возрастѣ онъ настолько освобождался отъ власти родите-

лей, что послѣдніе не могли уже продавать его въ рабство. Въ этомъ возрастѣ онъ становился „сыномъ закона“ — *бенъ гат-тора*. До этого возраста онъ назывался *катонъ* или „маленькимъ“; отсюда онъ становился *гадолъ* — „большой“ и съ нимъ обращались уже какъ съ взрослымъ; съ этого же возраста онъ начиналъ носить *тефиллинъ* или филиатеріи, которыми дарилъ его отецъ въ синагогѣ въ одну изъ субботъ, называвшуюся вслѣдствіе этого *шаббатъ тефиллинъ*. Мало того, согласно одному раввинскому трактату, до этого возраста мальчикъ имѣлъ только животную жизнь, *нефешъ*, но теперь онъ начинаетъ приобрѣтать *руахъ* или духъ, который, въ случаѣ добродѣтельной жизни, въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ разовьется въ *нишема* или душу разумную.

Этотъ же періодъ, именно конецъ двѣнадцатаго года, составлялъ рѣшительный моментъ въ воспитаніи іудейскаго мальчика. Согласно Іудѣ бенъ Тема, въ пять лѣтъ онъ долженъ былъ изучать св. Писаніе (*микра*), въ десять — мишну, въ тринадцать — талмудъ; въ восемнадцать онъ долженъ жениться, въ двадцать приобрѣсть богатство, въ тридцать силу, въ сорокъ благоразуміе и такъ до конца жизни. При этомъ не нужно забывать также, что еврейская раса, да вообще и всѣ восточные народы, развиваются съ неизвѣстною у насъ быстротою, и мальчики этого возраста (какъ видно изъ свидѣтельствъ І. Флавія) уже участвовали въ битвахъ; да еще и теперь, въ великому ущербу народности, этотъ возрастъ считается совершеннолѣтіемъ для брака среди евреевъ Палестины и Малой Азіи.

У родителей Спасителя былъ обычай ежегодно посѣщать Іерусалимъ на праздникъ Пасхи. Законъ, требующій отъ всѣхъ мужчинъ ежегоднаго присутствія на трехъ годовыхъ праздникахъ — Пасхи, Пятидесятницы и Кушъ, правда, не упоминаетъ о женщинахъ; но Пресв. Марія, благочестиво исполняя правило, предписанное Гиллелемъ, ежегодно сопровождала своего нареченнаго мужа; и на этотъ разъ они взяли съ собой отрока Іисуса, который начиналъ приходить въ возрастъ, обязывавшій въ исполненію закона. Легко представить, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести на Его человѣческое развитіе этотъ переломъ въ Его тихой заключенной жизни, это вступленіе въ необъятный внѣшній

міръ, это путешествіе по странѣ, гдѣ каждый холмъ и каждая деревушка были связаны съ священными воспоминаніями; это первое посѣщеніе того храма Отца Его, съ которымъ связано было столько великихъ событій въ исторіи царей—Его предковъ, и пророковъ—Его предшественниковъ.

Назаретъ лежитъ отъ Іерусалима на разстояніи ста сорока верстъ. Несмотря на ожесточенную и завистливую враждебность самарянъ, большой караванъ галилейскихъ паломниковъ вѣроятно двигался болѣе прямымъ и менѣе опаснымъ путемъ, шедшимъ черезъ прежніе удѣлы колѣнъ Манассіина и Ефремова. Повинувъ гирлянду холмовъ, которые окружаютъ маленькій городъ, по сравненію бл. Іеронима, подобно лепествамъ распускающейся розы, онъ долженъ былъ спуститься по узкой, окаймленной цвѣтами, известковой тропѣ въ большую равнину Ездрилонскую. Такъ какъ Пасха падаетъ на конецъ марта и начало апрѣля, то страна блистала самыми яркими и очаровательными красотами своей зеленѣющей природы; а края хлѣбныхъ полей по обѣимъ сторонамъ дороги по всей равнинѣ были какъ бы вытваны, подобно одеждѣ первосвященника, голубыми, пурпурными и красными красками безчисленныхъ цвѣтовъ. За потокомъ древней рѣки Кисонъ, пройдя Сунемъ, который, гнѣздясь на южныхъ склонахъ Малаго Ермона, напоминалъ о пророкѣ Елисеѣ, пройдя царственный Изреель съ его скульптурными саркофагами, которые одни только и свидѣтельствовали о его быломъ величіи и блескѣ, пройдя живописныя очертанія обнаженной и безводной Гелвуи, пройдя песчаный Фаанахъ съ его воспоминаніями о Сисарѣ и Вараѣ, пройдя Мегиддонъ, гдѣ Іисусъ впервые могъ увидѣть васки, широкіе мечи и орлы римскихъ легионовъ,—дорога вела къ Ень-Ганниму, гдѣ подлѣ родниковъ, среди тѣнистыхъ и красивыхъ садовъ, которыми еще и доселѣ отличается это мѣсто, караванъ вѣроятно сдѣлалъ первый привалъ для ночлега. На слѣдующій день ему приходилось подняться на горы Манассіины, пройти черезъ такъ называемый теперь „Тонуцій лугъ“, и пройдя извилистыми путями по смоковничнымъ и масличнымъ рощамъ, покрывающимъ долины этого округа, онъ миновалъ по правую сторону горы, которая, по своей величественной красотѣ, составляла „вѣнецъ гордости“ Самаріи, но которая, какъ предсказывалъ пророкъ,

должны были стать „какъ цвѣтокъ увядающій“. Слѣдующій привалъ вѣроятно былъ у колодезя Іакова, въ красивой и плодоносной долинѣ между горами Геваломъ и Гаризимомъ, неподалеку отъ древняго Сихема. На третій день путь шель мимо Силома, Гивы Сауловой и Веонля къ Беероу, и отъ пріятныхъ источниковъ, у которыхъ они могли остановиться, сдѣлавъ еще одинъ небольшой переходъ, паломники могли уже видѣть башни Іерусалима. Гордый римскій ореоль уже осѣнялъ своими нечестивыми крыльями священный городъ; но, высясь надъ его стѣнами, еще блестѣлъ великій храмъ, съ своими золочеными кровлями и мраморными коллоннадами, и это все еще былъ тотъ Іерусалимъ, величіе котораго воспѣвалъ царственный Давидъ и по которомъ плѣнники, сидя при рѣкахъ вавилонскихъ, убивались тоской и, снявъ свои арфы съ деревьевъ, пѣли свои плачевныя, надрывающія душу пѣсни о томъ, что они будутъ помнить его, пока ихъ правая рука не забудетъ своего искусства. Кто постигнетъ всю глубину чувства, съ которымъ юный Іисусъ смотрѣлъ на эту достопамятную и незабвенную картину?

Къ празднику Пасхи въ Іерусалимъ стекались десятки тысячъ народа изъ всѣхъ странъ востока, такъ что городъ не могъ вмѣстить въ себѣ всего пришлаго люда. Поэтому, какъ это бываетъ и теперь въ пасхальное время, многочисленные паломники наскоро строили себѣ небольшіе „сувокоты“, т.-е. шалаши изъ роговъ и ивовыхъ вѣтвей, заплетенныхъ съ листьями, такъ что въ нихъ можно было найти достаточный кровъ. Праздникъ длился недѣлю, проходившую вѣроятно въ глубокомъ духовномъ наслажденіи и сильномъ движеніи религіознаго чувства, и затѣмъ громадный караванъ, съ своими мулами, лошадьми, ослиами и верблюдами, оставлялъ свое временное мѣстопробываніе и двигался въ обратный путь. Дорога оживлялась весельемъ и музыкой. Скука путешествія часто разгонялась звуками бубновъ и цимбаловъ, и путники останавливались по мѣстамъ, чтобы освѣжиться и подрѣпиться финиками или огурцами и свѣжей водой, которую запасали въ мѣхи и кувшины изъ каждаго родника или проточной рѣки. Женщины, закутавшись въ покрывала, и преклонные старцы обыкновенно ѣхали верхомъ, а ихъ сыновья или братья, съ длинными палками въ рукахъ, вели за узды своихъ вьючныхъ живот-

ныхъ. Молодежь и вообще дѣти шли и играли подлѣ своихъ родителей, а уставши садились на лошадей или муловъ. Что касается предположенія, будто женщины, дѣти и мужчины составляли три отдѣльныя группы въ караванѣ, то въ подтвержденіе его нѣтъ никакихъ данныхъ, да не таковъ обычай и въ новѣйшее время. Во всякомъ случаѣ, въ такомъ морѣ людей, какъ легко было потерять одного маленькаго мальчика!

Апокрифическое сказаніе говоритъ, что на пути изъ Іерусалима отрокъ Іисусъ оставилъ караванъ и воротился въ святой городъ. Съ гораздо большею истиною и простотою ев. Лука повѣствуетъ, что — увлеченный, по всей вѣроятности, потокомъ новыхъ и возвышенныхъ чувствованій — „Онъ остался въ Іерусалимѣ“. Родители хватились Его только уже по прошествіи цѣлаго дня; да и понятно: хватиться Его они могли только по прибытіи въ мѣсту вечерней стоянки, а въ теченіе всего дня легко могли предполагать, что отрокъ находится съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ или родственниковъ въ этомъ длинномъ караванѣ, и потому не беспокоились о Немъ. Только уже когда насталъ вечеръ и самыя тщательныя розыски не показывали и слѣда Его, тогда только догадались они, что Его совсѣмъ нѣтъ среди возвращающихся поклонниковъ. На слѣдующій день, въ тревогѣ и безпокойствѣ и быть можетъ также съ чувствомъ угрызенія совѣсти за недостаточную внимательность въ своимъ священнымъ обязанностямъ, они воротились въ Іерусалимъ. Страна находилась въ возбужденномъ и смятенномъ состояніи. Этнархъ Архелай, послѣ десятилѣтняго жестокаго и безславнаго царствованія, былъ низложенъ императоромъ и сосланъ въ Вьенну, въ Галліи. Римляне присоединили область, которою онъ управлялъ, и введеніе ихъ системы налоговъ со стороны Копонія, перваго проконсула, повело къ мятежу, и повстанцы, подъ предводительствомъ Іуды Гамалы и фарисея Садова, покрыли всю страну ужасами огня и меча. Такое безпокойное состояніе страны не только затрудняло имъ путь, когда они оставили караванъ, но и усиливало ихъ опасенія, какъ бы при ожесточеніи враждующихъ сторонъ подъ стѣнами Іерусалима сынъ ихъ не подвергся какой-нибудь опасности. Поистинѣ въ тотъ день скорби и страха оружіе прошло душу Дѣвы Матери!

Ни въ этотъ день, ни въ теченіе наступившей ночи, ни даже

въ значительную часть третьяго дня они нигдѣ не могли отыскать Его, пока наконецъ не нашли Его тамъ, гдѣ, къ удивленію, они кажется менѣ всего думали встрѣтить Его, именно въ храмѣ— „сидящимъ посреди учителей, слушающимъ ихъ и спрашивающимъ ихъ, и всѣ, слушавшіе Его, дивились разуму и отвѣтамъ Его“.

Послѣднее выраженіе, равно какъ весь контекстъ рѣчи и все, что мы знаемъ о характерѣ Иисуса и данныхъ обстоятельствахъ, показываетъ, что Отровъ находился тамъ для того, чтобы спрашивать и поучаться, а не для того, какъ представляетъ арабское евангеліе дѣтства, чтобы подвергать перекрестному испытанію учителей, „важдаго по очереди“, не для того, чтобы изъяснить воличество сферъ и небесныхъ тѣлъ, ихъ природу и дѣйствія, и тѣмъ менѣ „излагать физику и метафизику, иперфизику и ипофизику“ (!). Все это лишь фантазія тѣхъ, кто свои еретическія и мнимоблагоговѣйныя измышленія подходящихъ событій предпочитали простой правдивости евангельскаго повѣствованія, которое показываетъ, что Иисусъ, подобно другимъ дѣтямъ, постепенно возрасталъ въ познаніяхъ, сообразно съ естественнымъ ходомъ человѣческаго развитія. Онъ пребывалъ тамъ, какъ показываетъ ев. Лука, въ полнѣйшемъ смиреніи и почтеніи къ старшимъ, какъ любознательный и даровитый ученикъ, восторженное усердіе котораго возбуждало у учителей невольное удивленіе и все поведеніе приобрѣтало Ему почтеніе и любовь. Всякая заносчивость или желаніе выставить себя впередъ были совершенно чужды характеру Того, который съ самаго нѣжнаго дѣтства былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ. Въ числѣ присутствовавшихъ въ храмѣ могли быть — убѣленный почти столѣтними сѣдинами великій Гиллель, одинъ изъ основателей масоры, котораго іудеи почитаютъ почти какъ втораго Моисея; его сынъ раббанъ Сумеонъ, такъ возвышенно размышлявшій о молчаніи; его внукъ, утонченный и свободомыслящій Гамаліиль; Шаммаи, великій соперникъ Гиллея, учитель, привлекавшій еще больше послѣдователей; Хананъ или Анна, сынъ Сяоа, Его будущій судія; Боевъ, тестъ Ирода; Бава Бенъ-Бута, которому Иродъ выкололъ глаза; Неханія Бенъ-Гискана, знаменитый своими побѣдными молитвами; Іохананъ Бенъ-Закхай, предсказавшій разрушеніе храма; богатый Іосифъ Аримаеѣйскій и бояливый, но серьезный Никодимъ, и юный Іонаоанъ Бенъ-Уззіиль,

который впоследствии написал знаменитый халдейский парафраз и пользовался необычайнымъ почтеніемъ у своихъ современниковъ. Конечно никто изъ нихъ не могъ и предположить, кого они видятъ передъ собою, и только немногіе, быть можетъ, дожили до того времени, когда одни изъ нихъ увѣровали въ Него, а другіе стали въ среду Его противниковъ; но это изъ нихъ не былъ удивленъ или очарованъ славнымъ и благороднымъ отрокомъ, который, будучи еще во всей красѣ своего нѣжнаго возраста и никогда не учившись въ школахъ раввиновъ, высказывалъ такую чудесную премудрость и такія глубокія познанія во всемъ божественномъ!

Здѣсь-то именно, быть можетъ въ знаменитой *Ликатъ гагазитъ* — „палатѣ четырехугольниковъ“, быть можетъ въ *Хануйотъ* — „палатахъ поуповъ“, или въ одномъ изъ обширныхъ помѣщеній, примывавшихъ ко двору язычниковъ и отведенныхъ для ученія, Іосифъ и Марія нашли божественнаго Отрока сидящимъ у ногъ своихъ учителей, на разноцвѣтной мозаикѣ пола. Относясь, какъ и всѣ простые и набожные галилеяне того времени, почти съ благоговѣйнымъ почтеніемъ къ великимъ священникамъ и религиознымъ учителямъ народа, они были поражены страхомъ при видѣ того, какъ Сынъ ихъ спокойно и счастливо чувствовалъ себя среди такого высокаго собранія. Конечно, они могли сознавать, что Онъ мудрѣе своихъ учителей и неизмѣримо выше ихъ; но доселѣ они видѣли въ Немъ только молчаливаго, нѣжнаго, послушнаго ребенка, и постоянное обращеніе съ Нимъ въ обыденной жизни, быть можетъ, затемнило даже сознаніе Его необычайнаго происхожденія. И однако же сама Марія, а не Іосифъ, рѣшается обратиться къ нему съ нѣжнымъ упрекомъ: „Чадю! что сдѣлалъ съ нами? Вотъ отецъ Твой и я съ великою скорбію искали Тебя“. И на это послѣдовалъ съ Его стороны отвѣтъ, который трогателенъ въ своей невинной простотѣ, неизмѣримъ въ глубинѣ своего самосознанія и безконечно достопамятенъ, какъ представляющій *первыя дошедшія* до насъ слова, связанныя Господомъ Иисусомъ:

„Зачѣмъ было вамъ искать Меня? Или вы не знали, что Мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему?“

Этотъ отвѣтъ, столь естественный и столь возвышенно-благородный, носитъ на себѣ достовѣрную печать подлинности. Заклю-

чающееся въ немъ столкновение мыслей, полунегодующее удивленіе, что они такъ мало понимаютъ Его; полнѣйшее достоинство и вмѣстѣ съ тѣмъ полнѣйшее смиреніе, сочетающіяся въ немъ — вполне лежать внѣ предѣловъ возможности вымысла. Онъ находится также въ согласіи со всѣмъ Его служеніемъ, въ согласіи съ отвѣтомъ искусителю, что „не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ“, и въ согласіи съ тѣмъ спокойнымъ отвѣтомъ, который Онъ далъ своимъ ученикамъ у колодца самарянскаго: „Моя пища есть творить волю Пославшаго Меня и совершить дѣло Его“. Марія сказала Ему: „Твой отецъ“, но въ своемъ отвѣтѣ Онъ признаетъ и отнынѣ Онъ знаетъ только одного Отца небеснаго. Говоря имъ: „или вы не знали“, Онъ крѣпко напоминаетъ имъ постепенное забвеніе ими всего того, что они должны были знать; и словами „Мнѣ должно“ Онъ излагаетъ священный законъ самопожертвованія, которому Онъ долженъ былъ стѣдовать даже до смерти на крестѣ.

„Но они не поняли сказанныхъ Имъ словъ“. Даже они, даже этотъ старецъ, который былъ покровителемъ Его въ дѣтствѣ, и мать, которая знала страшную тайну Его рожденія, не поняли значенія этихъ спокойныхъ словъ, по крайней мѣрѣ — ихъ глубочайшаго смысла. Станный и печальный комментарий на первыя извѣстныя намъ изреченія юнаго Спасителя, и притомъ сказанныя тѣмъ, которые были самыми близкими и дорогими Ему на землѣ! Станный, но грустно предзнаменательный по отношенію ко всей Его жизни: „Въ мірѣ былъ, и міръ чрезъ Него началъ быть, и міръ Его не позналъ. Пришелъ къ своимъ, и свои Его не приняли“.

И однако же, хотя Его душѣ было такимъ образомъ присуще ясное сознаніе своего божественнаго происхожденія, хотя лучъ славы явно проблеснулъ изъ Его сокровеннаго величія, Онъ со всею простотою долга и святаго послушанія „пошелъ съ ними, и пришелъ въ Назаретъ; и былъ въ повиновеніи у нихъ“.

ГЛАВА VII.

ЖИЗНЬ ВЪ НАЗАРЕТЪ.

Не плотникъ ли Онъ?

МАРК. VI, 3.

ЕСЛИ о первыхъ двѣнадцати годахъ земной жизни Спасителя у насъ имѣется только этотъ единственный разсказъ, то о слѣдующихъ восемнадцати годахъ ея у насъ нѣтъ совершенно никакихъ свѣдѣній, кромѣ единственнаго слова, имѣющаго отношеніе къ ней. Слово это находится въ евангеліи Марка:

„Не *плотникъ* ли Онъ“?

Премного должны мы быть благодарны за это слово, потому что оно исполнено глубокаго значенія и произвело великое, въ высшей степени благотворное вліяніе на судьбу человѣчества. Благодаря ему освятилось и облегчилось состояніе бѣдности, обогатился трудъ, возвысилось все понятіе о человѣческой природѣ, какъ таковой, которая сама по себѣ, независимо отъ всякихъ случайныхъ обстоятельствъ, имѣетъ свое собственное величіе и свое достоинство предъ лицомъ Божиимъ.

1. Оно показываетъ, напримѣръ, что не только въ теченіе трехъ лѣтъ своего служенія, но и въ теченіе всей своей жизни Спаситель нашъ былъ бѣденъ. По большимъ городамъ плотниками были греки и искусные мастера; плотникъ областного городка, — а Іосифъ въ тому же, по свидѣтельству преданія, былъ „не очень искуснымъ“, — могъ занимать только самое низкое положеніе и имѣть очень скромный заработокъ. У людей всегда было преувеличенное желаніе богатства, преувеличенное поклоненіе тѣмъ, которые владѣютъ имъ, преувеличенная вѣра въ его значеніе въ дѣлѣ устройства или увеличенія счастья жизни, и вслѣдствіе такого заблужденія непрерывныя хлопоты, завистливое соревнованіе и низости всякаго рода отягощаютъ жизнь человѣческую. Поэтому І. Христосъ добровольно избралъ „низкое состояніе бѣдняка“, — не той пожирающей, унижительной и безотрадной бѣдности, которая всегда бываетъ рѣдкою и почти всегда поправимою,

но той самой обыкновенной доли честной бѣдности, которая, будучи связана съ извѣстною степенью самоотверженія, можетъ легко удовлетворить всѣ потребности простой жизни. Идумейская династія, незаконно захватившая престолъ Давидовъ, могла вполнѣ предаваться утонченнымъ порокамъ искаженнаго эллинизма и блистать разорительною пышностью упадающей цивилизаціи; но Тотъ, кто пришелъ для того, чтобы быть другомъ и Спасителемъ, равно какъ и царемъ всѣхъ, своимъ примѣромъ освятилъ лучшіе, болѣе чистые и простые обычаи и преданія своего народа и избралъ положеніе, въ которомъ всегда живетъ и всегда будетъ жить громадное большинство человѣчества.

2. Въ непросвѣщенныхъ умахъ всегда живетъ любовь къ праздности вмѣстѣ съ наклонностью считать ее признакомъ вышшаго положенія и желаніемъ сваливать трудъ на низшихъ болѣе слабыхъ, налагая на нихъ влеймо униженія и презрѣнія. Спаситель хотѣлъ показать, что трудъ есть честное и благородное дѣло, что онъ есть соль жизни и поясъ мужества, спасаетъ тѣло отъ изнѣженности и разслабленія, а душу отъ нечистыхъ мыслей. И поэтому Христосъ трудился, работалъ собственными руками, выдѣлывалъ плуги и ярмы для тѣхъ, кто нуждался въ нихъ. Самая насмѣшка Цельса надъ возможностью того, чтобы *Тотъ*, кто пришелъ спасти мѣръ, былъ плотникомъ, показывается, какъ великимъ благомъ для человѣчества было это самое обстоятельство, какъ благодѣтеленъ и какъ нуженъ былъ примѣръ такого смиренія въ Тотъ, дѣломъ котораго было возродить общество и обновить міръ.

3. Затѣмъ, изъ этого долгаго молчанія, изъ этой глубокой безвѣстности, изъ этой однообразной обыденности, незаписанной и чуждой всякихъ приключеній жизни, мы должны понять, что въ очахъ Божіихъ имѣетъ значеніе наша внутренняя, а не внѣшняя жизнь. Міръ обыкновенно цѣнитъ только жизнь своихъ героевъ и благодѣтелей, великихъ мыслителей или блистательныхъ побѣдителей. Но такихъ было и всегда будетъ немного. Для большинства людей символомъ ихъ обыденной жизни всегда будетъ служить дождевая капля, что среди мириадъ падаетъ на поле, пустыню или горы,—снѣжинка, что, падая среди мириадъ, ей подобныхъ, таетъ въ безбрежномъ морѣ. Вотъ они умираютъ,

и едва умерли—о нихъ уже забываютъ всё; проходитъ нѣсколько лѣтъ, и ползущій мохъ выѣстъ самыя буквы ихъ именъ на кладбищномъ камнѣ; но даже, если кто и прочтетъ эту обветшалую надпись, она не вызоветъ воспоминанія о тѣхъ, что лежатъ подъ гробовой доской. Часто даже простые и заурядные люди склонны придавать себѣ большую важность, а на самомъ дѣлѣ даже величайшій человѣкъ не безусловно необходимъ, и спустя очень немного— „его мѣсто будетъ въ холодной могилѣ, что утопаетъ въ роскошной зелени окружающихъ холмовъ“.

4. Относительная незначительность поѣтому есть неизбѣжный удѣлъ неизмѣримаго большинства людей. Вслѣдствіе этого многіе могутъ придти къ мысли, что такъ какъ человѣкъ занимаетъ такое малое пространство и для большинства человѣчества онъ имѣетъ такъ же мало значенія, какъ эфемеридъ, что жужжить лишь въ теченіе немногихъ часовъ своей жизни въ лѣтній полдень, то ничего лучшаго не остается, какъ ѣсть, пить и умереть. Но Христосъ пришелъ убѣдить насъ, что и при *относительной* незначительности жизнь можетъ стать *безусловно* важною. Онъ пришелъ показать, что постоянная возбужденность, выдающаяся дѣятельность, отличительныя заслуги, блестящій успѣхъ не имѣютъ существенной важности для истинной и благородной жизни, и что тѣмъ возлюбленныхъ Богомъ обрѣтаются среди людей незначительныхъ и неизвѣстныхъ. Si vis divinus esse, late ut Deus— „если хочешь быть божественнымъ, будь совершененъ, какъ Богъ“, — вотъ тотъ ободряющій, утѣшительный и облагораживающій урокъ, который преподается исторіей этихъ безмолвныхъ лѣтъ. Самая спокойная и самая безвѣстная доля часто есть самая счастливая, и можно съ увѣренностью полагать, что эти годы назаретскаго плотника, проведенные дома за ремесломъ, были самыми счастливыми годами въ жизни Спасителя. Часто, даже въ послѣдніе дни жизни, рѣчи Его явно звучали словами того, кто радовался духомъ, и текли какъ бы изъ полной рѣвки обильнаго счастья. Каково же было это счастье въ тѣ ранніе годы, когда еще бури праведнаго гнѣва не возмущали Его тихой души, когда сердце Его еще не пылало сграшнымъ негодованіемъ на грѣхи и лицемѣріе окружающихъ Его людей! Если всегда единственно въ невинности заключается счастье, то какъ

велико должно быть счастье безгрѣшнаго дѣтства? „Юность, говоритъ вдохновенный проповѣдникъ, живо и весело скачетъ, подобно кипящей водѣ, и сіяетъ, подобно шеѣ голубя, или образу радуги, которая не имѣетъ существа, но видъ и краски которой очаровательны“. И если это описаніе вѣрно въ отношеніи даже обычной беззаботной юности, то съ какою неизмѣримо большею силою оно должно быть приложено къ невинной, безгрѣшной, совершенной юности Христа? Въ жизни множества людей, а равно и въ жизни святыхъ Божіихъ, скорбной и бурной возмужалости часто предшествовала тихая и улыбающаяся заря счастливаго дѣтства.

5. Хотя эти годы были посвящены труду физическому, вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣемъ положительное доказательство, что въ теченіе ихъ не пренебрегалось и развитіе умственное. Нельзя, конечно, придавать какого-нибудь значенія грубымъ сказаніямъ апокрифическихъ евангелій; но вполне возможно, что маленькимъ назарянамъ преподавались нѣкоторые начатки религіознаго и простаго ученія *соферимами* или другими членами синагоги; и здѣсь-то Спаситель нашъ, который во всемъ былъ подобенъ намъ, вѣроятно учился, какъ учились другія дѣти, начаткамъ человѣческаго знанія. Но еще вѣроятнѣе, что первоначальное обученіе Иисусъ получилъ дома и именѣю, согласно внушенію закона (Втор. xi, 19), отъ отца своего Іосифа. Во всякомъ случаѣ Ему часто приходилось слышать въ дневныхъ молитвахъ въ синагогѣ все, чему мѣстные старѣйшины могли поучать касательно закона и пророковъ. Что онъ не былъ въ Іерусалимѣ съ цѣлью обученія и не посѣщалъ ни одной изъ школъ раввиновъ, ясно изъ негодующихъ вопросовъ завистливыхъ враговъ: „Откуда имѣетъ этотъ человѣкъ сіе“? „Какъ знаетъ этотъ человѣкъ писаніе, никогда не учившись“? Эти вопросы дышатъ раввинскимъ духомъ дерзкой презрительности ко всякому *ам-га-ареи'у*, или безграмотному поселянину. Завоснѣлый умъ народа, привыкшаго, если можно такъ выразиться, къ окаменѣлымъ формамъ мертвой религіи, такъ сказать повитой устнымъ закономъ, былъ неспособенъ понять божественной и самобытной мудрости, получаемой только отъ Бога. Онъ не могъ выбиться изъ поучительной ошибки сына Сирахова, что „мудрость книжная приобрѣтается въ благоприятное время

досуга“. Еслибы Иисусъ получилъ хоть малѣйшіе начатки обыкновеннаго формальнаго образованія, Онъ былъ бы *менше*, а не *болше* приготовленъ къ тому, чтобы покрыть позоромъ надменную исключительность узкой учености надменныхъ учителей народа.

6. Это свидѣтельство Его враговъ даетъ намъ убѣдительно и прекрасное доказательство того, что Его ученіе не было, какъ думаютъ нѣкоторые, простой электической системой, заимствованной у разныхъ сектъ и учителей своего времени. Извѣстно, что Онъ никогда не числился среди учениковъ тѣхъ книжниковъ, главнымъ занятіемъ которыхъ было наставлять въ преданіяхъ отцовъ. Въ большихъ городахъ школы были основаны за восемьдесятъ лѣтъ предъ тѣмъ Симономъ Бенъ Шатахомъ, но ихъ не могло быть въ презираемомъ и бѣдномъ Назаретѣ, въ которомъ не было ни Бет-мидраша, ни Бет-раббана, не было никакого „винограднива“ или „стройка“, какъ назывались у іудеевъ народныя школы и учебныя заведенія. И у кого же могъ заимствовать Иисусъ? У восточныхъ гимнасофистовъ или греческихъ философовъ? Но теперь уже никто не осмѣливается и выступать съ такимъ нелѣпнымъ предположеніемъ. У *фарисеевъ*? Но самыя основы ихъ системы, самая идея ихъ религіи—непримиримо чужды всему, чему Онъ училъ.—У *саддукеевъ*? Но ихъ эпикурейская безпечность, ихъ политика на удачу, ихъ мелкій раціонализмъ, ихъ внѣшнимъ лоскомъ прикрытая заскорузлость были даже болѣе противны истинной сущности христіанства, чѣмъ сколько они были противны искреннему іудейству.—У *есетеевъ*? Но это была исключительная, аскетическая и обособленная община, проповѣдывавшая отвращеніе къ браку и полное удаленіе отъ общественной дѣятельности, чему не сочувствуютъ евангелія и Христосъ никогда не намекалъ на нихъ, кромѣ, быть можетъ, тѣхъ мѣстъ, гдѣ Онъ укоряетъ тѣхъ, что не умащаютъ головъ своихъ во время пощенія и ставятъ свѣтильничеъ подъ спудомъ.—У *Филона* и александрійскихъ іудеевъ? Филонъ былъ дѣйствительно хорошій человекъ, великій мыслитель и современникъ Христа; но (даже еслибы имя его было извѣстно — что очень сомнительно — въ такой отдаленной области, какъ Галилея) среди философскихъ системъ міра нельзя найти еще системы, которая была бы менѣе сродна съ ученіемъ Иисуса, чѣмъ мистическая теософія и иносказательная чудовищность этого „моря

отвлеченностей“, заключающихся въ его сочиненіяхъ.—У *Гиллеля* и *Шаммаи*? Намъ мало извѣстно о нихъ; только въ одномъ или двухъ мѣстахъ въ Евангеліи, быть можетъ, есть нѣкоторый намекъ на споры, волновавшіе ихъ школы, указывается на одно или на два лучшихъ, болѣе приближающихся къ истинѣ правилъ, выработанныхъ ими; но такія правила съ одной стороны не включаютъ въ себѣ ничего болѣе того, что принадлежитъ къ общей сокровищницѣ истины, отрываемой Духомъ Божиимъ людямъ во всѣ времена; а съ другой — система, которой учили *Шаммаи* и *Гиллель*, была тѣмъ устнымъ преданіемъ, тою скучною, мертвою левитскою обрядностью, заносчивою и бессильною, легкомысленною и подражательною, которую порицалъ и ниспровергъ *Иисусъ*. Школа, въ которой учился *Иисусъ*, была не школой книжниковъ, а школой святого послушанія, скромнаго довольства, неизмѣнной простоты, безпорочной чистоты и бодрого труда. Ученіе, которому Онъ учился, не было ученіемъ раввинства, въ которомъ нужно пройти чрезъ массы ребяческихъ измышленій и каббалистическаго безумія, чтобы найти хоть одну справедливую или возвышенную мысль, а книги Божіи внѣ Его—въ Писаніи, въ природѣ и жизни, и книги Божіи внутри Его, написанныя на плотныхъ скрижаляхъ сердца.

Образованіе іудейскаго мальчика низшихъ классовъ состояло почти исключительно въ изученіи св. Писанія и нравственныхъ правилъ, и родители обыкновенно были единственными наставниками. Поэтому едва ли можно сомнѣваться, что и отрова *Иисуса* обучали *Иосифъ* и *Марія*, преподавая *шему* (Втор. vi, 4), великое аллилуіа (Пс. cxii—cxvii) и наиболѣе простыя части св. книгъ, на которыя впоследствии Его божественная мудрость пролила столько свѣта.

Но Онъ, очевидно, получилъ и дальнѣйшее образованіе.

а) Искусство письма и теперь на востоцѣ далеко не общераспространенно; но что *Иисусъ* умѣлъ писать, показываютъ Его неоднократные намеки на формы еврейскихъ буквъ, а также и сообщеніе о томъ, что Онъ, наклонившись, пальцемъ писалъ на землѣ. б) Что познанія Его въ св. Писаніи были глубоки и обширны, что даже, быть можетъ, Онъ почти все его зналъ наизусть,—ясно не только изъ Его прямыхъ ссылокъ, но также и изъ мно-

гочисленныхъ указаній, которыя Онъ дѣлалъ на Пятовнижіе и другія св. книги, на пророковъ—Исаію, Іеремію, Даніила, Іоіиля, Осію, Михея, Захарію, Малахію и особенно на Псалтирь. Съ вѣроятностью также можно полагать, хотя и нельзя сказать утвердительно, что Онъ знакомъ былъ и съ неканоническими книгами іудеевъ. Это глубокое и основательное знаніе св. Писанія придавало особенную остроту полунегодующему вопросу, съ которымъ Онъ такъ часто обращался къ своимъ совопросникамъ: „*Развѣ вы не читали?*“ в) Языкъ, на которомъ обыкновенно говорилъ Спаситель, былъ арамейскій. Еврейскій языкъ въ то время былъ уже совершенно мертвымъ языкомъ, и его знали только болѣе образованные люди, приобрѣтавшіе знаніе его въ школѣ. И однако ясно, что Іисусъ былъ знакомъ съ нимъ, потому что нѣкоторые Его цитаты изъ св. Писанія прямо указываютъ на еврейскій подлинникъ (Марк. хп, 29, 30; Лук. ххп, 37; Матѳ. ххvп, 46). Навѣрно онъ зналъ также и греческій языкъ, потому что это былъ ходячій языкъ въ такихъ близкихъ къ Его родинѣ городахъ, какъ Сепфорисъ, Кесарія и Тиверіада. Мелеагръ, поэтъ греческій анеологіи, въ своей собственной эпитафіи увѣренно говоритъ, что его греческій языкъ будетъ понятенъ сиріанамъ и финиціанамъ; а о своей родной Гадарѣ, находившейся недалеко отъ Назарета, онъ восторженно говоритъ, какъ о сирійскихъ Аѳинахъ. Съ самыхъ временъ Александра Великаго, и особенно при близкихъ отношеніяхъ іудеевъ съ Птоломеями и Селеввидами, греческое вліяніе было сильно въ Палестинѣ. Греческій языкъ въ дѣйствительности былъ обычнымъ ередствомъ взаимныхъ сношеній, и безъ него Іисусъ не могъ бы разговаривать съ иностранцами—съ сотникомъ, напримѣръ, слугу котораго Онъ исцѣлилъ, съ Пилатомъ или съ грѣшниками, которые желали побесѣдовать съ нимъ въ послѣднюю недѣлю Его жизни. Нѣкоторые изъ приводимыхъ Имъ текстовъ св. Писанія, если только можно видѣть въ нихъ воспроизведеніе Его буквальной рѣчи, взяты прямо изъ греческаго перевода семидесяти толковниковъ, даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ отстаетъ отъ еврейскаго подлинника (Матѳ. iv, 7; хп, 14, 25). Знакомъ ли Онъ былъ съ латинскимъ языкомъ—это гораздо болѣе сомнительно, хотя и не невозможно. Римляне въ это время были многочисленны въ Іудеѣ, и латинскія надписи значились на хо-

дичей монетѣ. Но каково бы ни было Его знакомство съ этими языками, несомнѣнно то, что оно имѣло мало вліянія на Его человѣческое развитіе, и во всемъ Его ученіи нѣтъ ни одного безспорнаго намека на литературу, философію или исторію Греціи и Рима. А что Иисусъ *мыслил* обыкновенно на томъ сирійскомъ языкѣ, который былъ Его природнымъ языкомъ, не безъ вѣроятности можно заключать изъ встрѣчающейся по мѣстамъ любопытной игры словъ, которая теряется въ греческомъ текстѣ евангелій, но несомнѣнно придавала особенную силу и красоту нѣкоторымъ изъ Его изреченій, когда они произносились на первоначальномъ языкѣ.

7. Но чему бы ни учился Иисусъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ— въ домѣ своей матери, или въ школѣ синагоги, мы знаемъ, что лучшимъ своимъ ученіемъ Онъ былъ обязанъ непосредственному проникновенію въ волю Отца своего. Въ глубинѣ Его внутренняго сознанія раздавался тотъ голосъ Божій, который бесѣдовалъ съ праотцомъ человѣческаго рода, когда онъ прохладнымъ вечеромъ гулялъ подъ тѣнью райскихъ деревьевъ, но раздавался еще гораздо яснѣе. Онъ слышался Ему въ каждомъ звукѣ природы, въ каждомъ занятіи жизни, въ каждомъ промежуткѣ уединенной думы. Его человѣческая жизнь была „эфодомъ, на которомъ было написано одно только слово—Богъ“. Вездѣ и на всемъ читалъ Онъ имя своего Отца, которое написано было и въ глубинѣ Его духа, и на самыхъ заурядныхъ испытаніяхъ жизни, написано въ лучахъ солнца и въ блескѣ звѣздъ. Безмятежное уединеніе въ счастливой долинѣ, съ ея зелеными полями и чарующими красотою природы, чрезвычайно способствовало возбужденію внутренней духовной жизни; и мы знаемъ, какъ изъ всякаго случая— изъ игръ невинныхъ дѣтей (Матѣ. хі, 16), поупы и продажи на маленькомъ базарѣ, изъ журчанія ея неизсякаемаго родника, изъ великолѣпія ея горныхъ лилій въ ихъ переходящей красотѣ, изъ хриплаго крика неоперившихся выводковъ ворона въ колышющемся отъ вѣтра гнѣздѣ— Онъ извлекалъ пищу для нравственнаго назиданія и духовной мысли.

При этомъ мы не должны упускать изъ вида, что именно въ эти безмолвные, не описанные въ Евангеліи годы, была совершена главная часть Его дѣла. Онъ не только „препоисывалъ своей мечѣ

при бедрѣ“, но и употреблялъ его въ борьбѣ, въ которой нѣтъ пощады (Пс. xlv, 4). Та неслышная борьба, въ которой не раздастся грома оружія, но въ которой противоборствующие намъ еще болѣе страшны, потому что невидимы, проходила чрезъ всѣ годы Его искупительнаго послушанія. Въ эти годы Онъ „началъ дѣлать“ еще задолго до того, какъ „началъ учить“. Это были годы безгрѣшнаго дѣтства, безгрѣшнаго отрочества, безгрѣшной юности, безгрѣшной возмужалости, проведенные въ смиреніи, трудѣ, безвѣстности, послушаніи, довольствѣ, молитвѣ, чтобы послужить въ нихъ вѣчнымъ примѣромъ для всего человѣческаго рода. Мы не можемъ подражать Ему въ дѣлѣ Его служенія, не можемъ даже отдаленнѣйшимъ образомъ воспроизвести въ нашемъ собственномъ опытѣ внѣшнія обстоятельства Его жизни въ теченіе трехъ завершающихъ лѣтъ. Но огромное большинство изъ насъ Провидѣніемъ поставлено именно среди тѣхъ спокойныхъ обязанностей заурядной и чуждой всякихъ приключеній обыденности, которая болѣе всего похожа на Его тридцатилѣтнюю уединенную жизнь. Въ теченіе этихъ именно тридцати лѣтъ Его жизнь служить для насъ главнымъ примѣромъ, которому должны мы подражать въ жизни. „Замѣть здѣсь, говоритъ одинъ благочестивый писатель, что самое недѣланіе Имъ ничего чудеснаго было своего рода чудомъ. Ибо вся Его жизнь есть тайна, и какъ была сила въ Его дѣйствіяхъ, такъ была сила въ Его молчаніи, въ Его бездѣйствіи и въ Его уединеніи. Этотъ верховный Учитель, который долженъ былъ научать всякимъ добродѣтелямъ и указывать путь жизни, отъ самой юности своей, освящая собственнымъ примѣромъ, осуществлялъ ту добродѣтельную жизнь, которой Онъ пришелъ научить, но чудеснымъ, неиспытваемымъ и дотождѣ неслыханнымъ образомъ“.

Самое присутствіе Его въ домѣ Его дѣтства должно было дѣлать этотъ домъ счастливымъ. Часъ борьбы и меча, тотъ часъ, когда многіе во Израилѣ должны были возстать или пасть изъ-за Него, когда у многихъ должны были открыться помышленія сердца, когда царство небесное должно было испытать потрясеніе и неистовые должны были брать его силой, еще не приходилъ. Во *всякомъ* семейномъ кругѣ достаточно бываетъ нѣжнаго вліянія одной любящей души, чтобы во всемъ окружающемъ водворять

несказанный миръ: она имѣеть умиротворяющую силу подобно сіянію вечерняго свѣта или воркованью голубей; ничто грубое, ничто жестокое и мятежное не можетъ устоять противъ ея благотворнаго вліянія; никакой злобный раздоръ не можетъ держаться при ея умиряющемъ очарованіи. Но домъ Іисуса не былъ обыкновеннымъ домомъ. Имѣя въ виду, что праведный Іосифъ былъ главою и кормильцемъ этого дома, Марія — его святыней и счастьемъ, а юный Іисусъ озарялъ его самымъ свѣтомъ небесъ, легко представить, что это былъ домъ искренняго благочестія, ангельской чистоты, невозмутимаго мира; домъ изъ-за котораго вся земля становилась и милѣе и страшнѣе для стражниковъ небесныхъ и который, если позволителенъ полетъ воображенія, они съ любовью осѣняли своими крылами. Сказанія раннихъ дней христіанства говорятъ, что ночью и днемъ, когда Іисусъ ходилъ или спалъ, свѣтлое облако сіяло кругомъ его. И это такъ дѣйствительно и было; но это не былъ видимый, чувственный свѣтъ — шехина: это была красота святости, это былъ миръ Божій.

8. Въ одиннадцатой главѣ апокрифической исторіи Іосифа плотника говорится, что у Іосифа было четыре старшихъ сына и нѣсколько дочерей отъ прежняго брака, и что старшіе сыновья, Іустъ и Симонъ, и дочери, Есѣиръ и Фамаръ, въ надлежащее время поженились и вышли замужъ и разошлись по своимъ домамъ. „Но Іуда и Іаковъ меньшій, Дѣва, Матерь Моя“, продолжаетъ рассказчикъ отъ лица самого І. Христа, „остались въ домѣ Іосифа. Я также оставался съ ними, какъ одинъ изъ сыновей его. Я проводилъ все Мое время безвинно. Я называлъ Марію Моею матерью и Іосифа отцомъ, и во всемъ, что они говорили Мнѣ, Я былъ послушенъ имъ, и никогда не противился имъ, но подчинялся имъ... и никогда Я не вызывалъ ихъ гнѣва, и не говорилъ грубаго слова въ отвѣтъ имъ; напротивъ, Я лелѣялъ ихъ безпредѣльною любовью, какъ зѣницу Моего ока“.

Это мѣсто, приведенное здѣсь ради той картины, которую оно представляетъ о единокровіи, господствовавшемъ въ домѣ Іосифа въ Назаретѣ, приводитъ на память трудный вопросъ: были ли у І. Христа единокровные братья и сестры? — и если нѣтъ, то кто были тѣ, которые въ евангеліяхъ такъ часто на-

зываются „братьями Господа?“ По этому вопросу написаны цѣлые томы, и здѣсь нѣтъ надобности подробно входить въ него. Доказательства такъ равносильны, затрудненія каждаго мнѣнія такъ очевидны, что настаивать догматически на какомъ-нибудь положительномъ рѣшеніи этого вопроса было бы противно интересамъ добросовѣстнаго изслѣдованія. Нѣкоторые, судя по первому впечатлѣнію евангельскаго повѣствованія, принимали естественное предположеніе, что, послѣ чудеснаго зачатія нашего Господа, Іосифъ и Марія находились въ брачномъ сожитіи и что Іаковъ, Іосія, Іуда и Симонъ, съ дочерьми, имена которыхъ не упомянуты, родились у нихъ впоследствии. По этому взгляду, Іисусъ такимъ образомъ былъ старшимъ сыномъ, и по смерти Іосифа, послѣдовавшей, если вѣрить преданію, когда Іисусу было девятнадцать лѣтъ, Онъ долженъ былъ занять главенствующее положеніе въ домѣ и взять на себя содержаніе осиротѣвшаго семейства. Но согласно другому, болѣе распространенному (и принятому православною церковію) взгляду, эти „братья Господа“ въ дѣйствительности были для него двоюродными. У Маріи, какъ думаютъ, была родная или сводная сестра того же имени, бывшая въ замужествѣ за Алфеемъ или Клеопой, и это были ихъ дѣти. Но вообще нужно сказать, что данныя для рѣшенія этого важнаго вопроса слишкомъ недостаточны для того, чтобы дѣлать какой-нибудь положительный выводъ, могущій рассчитывать на всеобщее признаніе. Ясно во всякомъ случаѣ, что Христосъ съ самаго ранняго дѣтства былъ поставленъ въ ближайшія отношенія съ различными родственниками или братьями, немного старше или немного моложе Его, и это все были люди, выдававшіеся своими личными качествами, горячею ревностью, простотою, почти граничащею съ ессейскимъ аскетизмомъ, непреодолимою неприязнью ко всякой испорченности, безпорядочности или нечистотѣ, строгою преданностью мессіанскимъ надеждамъ и даже обрядовымъ обычаямъ своей страны. Мы знаемъ, что хотя впоследствии они и сдѣлались столпами первенствующей церкви, но сначала не вѣрили въ божественность Спасителя, или во всякомъ случаѣ держались взглядовъ, которые несогласны были съ божественнымъ планомъ Его самооткровенія. И не между ними Іисусъ въ теченіе своей жизни находилъ самыхъ предан-

ныхъ себѣ послѣдователей или самыхъ возлюбленныхъ спутниковъ. Они, повидимому, отличались извѣстнымъ упрямствомъ, іудейскимъ упорствомъ, недостаткомъ сочувствія, нѣжности и почтенія. Петръ, любящій и нѣжный даже въ своей слабости, благородный даже въ своихъ наименѣе сдерживаемыхъ порывахъ; Іаковъ, сынъ Зеведеевъ, спокойный и наблюдательный, скромный и преданный; и больше всѣхъ Іоаннъ, пылкость котораго вытекала изъ души съ чисто-небесною нѣжностью, — вотъ кто для Него были больше и дороже, чѣмъ братья или родственники по плоти.

9. Набрасывали ли эти маленькія облака частнаго несогласія какую-нибудь тѣнь на ясные дни юности Христовой въ маленькомъ галилейскомъ городѣ, намъ неизвѣстно. Возможно, что эти „братья“ занимались вмѣстѣ съ Нимъ однимъ и тѣмъ же скромнымъ ремесломъ, жили съ Нимъ подъ одной и той же кровлей. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что Онъ часто бывалъ одинъ. Уединеніе для Него болѣе чѣмъ для всякаго другого сына человѣческаго было „храмомъ соприсутствія Божія“. Навѣрно Онъ искалъ его на сѣдыхъ склонахъ холмовъ, подъ сѣнью смоковницъ и маслинъ, среди тихихъ полей, при зноѣ полудня и при звѣздахъ ночи. Душѣ невозможно сохранить нѣжность и благоуханіе своего внутренняго существа безъ уединеннаго размышленія и безмолвной молитвы, и чѣмъ возвышеннѣе душа, тѣмъ больше нуждается она въ этомъ. И въ теченіе своего служенія Спаситель нашъ не разъ оставлялъ своихъ преданнѣйшихъ и возлюбленнѣйшихъ учениковъ, чтобы побыть наединѣ.

10. Въ Палестинѣ, какъ думаютъ, есть два только мѣста, о которыхъ съ положительною увѣренностью можно сказать, что на нихъ ступали ноги Христа, именно у колодца въ Сихемѣ и на поворотѣ дороги изъ Виваніи черезъ гору Елеонскую, откуда впервые открывается видъ на Іерусалимъ. Къ нимъ можно еще прибавить по крайней мѣрѣ одно мѣсто—вершину горы, на которой стоитъ Назаретъ. Эта вершина теперь, къ сожалѣнію, занята не какимъ-нибудь христіанскимъ памятникомъ, а жалкой, полуразвалившейся *вѣли* какого-то темнаго магометанскаго святаго. Въ Назаретѣ нѣтъ такого десятилѣтняго ребенка, какъ бы онъ ни былъ тупъ и равнодушенъ, который бы часто не взбирался на нее; и конечно не могло быть въ Назаретѣ и въ древнее время

такого мальчика, который бы не послѣдовалъ общечеловѣческой наклонности взбираться по этимъ благоухающимъ склонамъ горы къ тому пріятному и легкодоступному мѣсту, съ котораго открывается видъ на окружающій міръ. Гора поднимается на шестьсотъ футовъ надъ уровнемъ моря. На четыреста или пятьсотъ футовъ внизу лежитъ благословенная долина. Видъ съ этого мѣста и самъ по себѣ необыкновенно красивъ и богатъ, но еще болѣе неописаннаго очарованія придаетъ ему мысль, что здѣсь, стоя на горныхъ цвѣтахъ, съ треплущимися отъ тихаго вѣянія волосами, часто бывалъ Иисусъ, наблюдалъ за парящими въ безоблачной синевѣ орлами и всматривался вверхъ, слышавъ надъ своей головой тяжелый полетъ длинной вереницы пеликановъ, тянувшихся отъ потока Кисона къ озеру Галилейскому. А какое зрѣлище открывалось предъ Нимъ, когда онъ сидѣлъ весною на зеленомъ благоухающемъ мхѣ! Ему было все знакомо кругомъ— всякая нива и всякая смоковница, всякая пальма и всякій садъ, всякій домъ и синагога, и съ наибольшею любовью взоръ Его останавливался среди четырехугольныхъ плосковерхихъ домовъ на маленькомъ жилищѣ городского плотника. Къ сѣверу, какъ разъ подъ городомъ, лежала узкая плодородная долина Асохисъ, отъ которой поднимаются лѣсистые холмы Нефеалимовы, и совершенно открыто на одномъ изъ нихъ лежалъ Сафедъ— „городъ наверху горы“; за ними, на далекомъ небосклонѣ, Ермонъ вздымалъ въ глубокую высь огромную великолѣпную массу своего колоссальнаго остова, бѣлѣющаго снѣгами. Къ востоку, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ высится зеленая круглая вершина Фавора, одѣтая теревиней и дубомъ. Къ западу, при чудесно прозрачномъ воздухѣ, Онъ могъ любоваться багрянымъ хребтомъ Кармила, въ лѣсахъ котораго обиталъ Ілія; затѣмъ виднѣлись порты Каифа и Акко и сверкающая полоса бѣлаго песку, что оваймляетъ волны Средиземнаго моря, съ кое-гдѣ бѣлѣющими на ней парусами „кораблей хиттимскихъ“. Къ югу прерываемая только красивыми выступами малаго Ермона и Гелуи лежала вся равнина Ездрилонская, столь достопамятная въ исторіи Палестины и всего міра, потому что чрезъ нее пролегалъ южный путь къ тому городу, что всегда избивалъ пророковъ и гдѣ быть можетъ даже ужъ теперь своимъ пророческимъ видѣніемъ Иисусъ

провидѣлъ муки сада Геосиманскаго, поношеніе и бичеваніе, терновый вѣнецъ и крестъ.

Картина, растилавшаяся предъ взоромъ юнаго Іисуса, была дѣйствительно срединнымъ мѣстомъ въ томъ мірѣ, который Онъ пришелъ спасти. Оно находилось въ сердцѣ земли Израилевой, и однако же, отдѣленная только узкою пограничною полосой холмовъ и рѣкъ, тутъ же подъ рукой находились Финикія, Сирія, Аравія, Вавилонія и Египеть. Острова язычниковъ и всѣ знаменитыя страны Европы почти виднѣлись за сверкающими волнами западнаго моря. Знамена Рима развѣвались въ долинѣ передъ Нимъ; греческій языкъ раздавался по городамъ внизу.—Но какъ ни мирной казалась эта мѣстность тогда, зеленѣла своей изумрудной красотою, блистая живительными лучами солнца и игрою пурпурныхъ тѣней отъ проносившихся надъ нею облаковъ послѣ дождя, въ теченіе столѣтій она была полемъ битвы народовъ. Фараоны и Птоломеи, Эмиры и Арсакиды, судьи и консулы—всѣ спорили изъ-за обладанія этой прекрасной полосой земли. На ней свергали копья амалекитянъ, грохотали военныя колесницы Сезостриса, жужжали стрѣлы Сеннахирима; по ней проходили фаланги македонскія, звенѣли широкіе мечи римлянъ, и впоследствии на ней суждено было раздаваться боевому влику крестоносцевъ и гремятъ артиллеріи новѣйшихъ государствъ. Въ долинѣ Ездрилонской какъ бы сходились все—Европа и Азія, іудейство и язычество, варварство и цивилизація, ветхій и новый завѣты, исторія прошлаго и надежды настоящаго. Другой картины, которая бы имѣла болѣе глубокое значеніе для судебъ человѣчества, и не могло представиться взору юнаго Спасителя.

ГЛАВА VIII. КРЕЩЕНІЕ ІОАННОВО.

Покайтесь, ибо приблизилось царство небесное.

ИАКЪ въ смиренномъ послушаніи и святой безвѣстности прошли дѣтство, юность и первые годы возмужалости Іисуса, и вотъ Ему было уже тридцать лѣтъ. Этотъ глубокой урокъ тридцатилѣтней жизни, проведенной въ трудѣ и безвѣстности, былъ въ высшей степени поучителенъ для всѣхъ

классовъ человѣчества во всѣ времена; но настала часть Его служенія и великаго искупленія. Онъ долженъ былъ стать Спасителемъ не примѣромъ только, но откровеніемъ и смертью.

Между тѣмъ уже началъ раздаваться тотъ голосъ въ пустынѣ, который, потрясая сердца народа, взывалъ: „Покайтесь, ибо приблизилось царство небесное“.

Это былъ вѣкъ переходный, вѣкъ неувѣренности и сомнѣнія. При возрастаніи всеобщей испорченности, при разрушеніи священныхъ учрежденій, при видѣ тучъ, которыя все чернѣе и чернѣе завалаживали политическій небосклонъ, многимъ набожнымъ іудеямъ невольно казалось, будто снова разверзались источники великой пучины. Скипетръ уже отнять былъ у народа; первосвященство презрительно попиралось идумейскими четвертовластниками или римскими прокураторами; уже главное вліяніе въ униженномъ синедріонѣ находилось въ рукахъ ловчихъ иродіанъ или коварныхъ саддусеевъ. Повидимому уже негдѣ было больше искать утѣшенія, кромѣ какъ въ усиленной приверженности къ Моисеевымъ установленіямъ и въ возраставшихъ надеждахъ на пришествіе Мессіи. Въ эпоху столь тревожную и смутную, когда все старое быстро рушилось, а новое еще не появлялось, могло казаться почти извинительнымъ для фариисеевъ пользоваться всякимъ случаемъ для возмущенія, и еще больше извинительнымъ для ессеевъ отдаваться безбрачной жизни и удалаться отъ человѣческаго общества. Повсюду господствовало ожиданіе того „грядущаго гнѣва“, который долженъ былъ настать, какъ родовая мука для новаго царства—глубочайшій мракъ передъ разсвѣтомъ. Міръ уже одряхлѣлъ, и безумство языческаго культа дошло до отвратительныхъ излишествъ. За безбожіемъ въ религіи, какъ и всегда, слѣдовалъ упадокъ нравственности. Безнравственность повидимому стремилась до конца исчерпать чашу нечестія. Философія отказывалась отправлять свое высочайшее служеніе истинѣ, удовлетворяя лишь весьма немногихъ любителей. Преступность царяла повсюду, и никто не зналъ спасенія отъ ужаса и разрушенія, которые она производила въ тысячахъ сердець. Даже жало совѣсти повидимому потеряло свою силу и люди стали „безчувственны“. Повсюду видно было такое оцѣпенѣніе сердець,

такое огрубѣніе нравственнаго чувства, что его сознавали ненормальнымъ и злобѣщимъ даже тѣ, которые были поражены имъ. Даже языческій міръ чувствовалъ, что пришло „исполненіе временъ“.

Въ такіе періоды становятся очень сильными побужденія къ суровому отшельничеству. Уединенное общеніе съ Богомъ среди дикихъ картинъ природы становится неизмѣримо лучше тревожной суеты упавшаго духомъ общества. Самопомощь и поддержка существованія изъ самыхъ свудныхъ источниковъ, изъ которыхъ можно удовлетворить только простѣйшія потребности жизни, кажутся привлекательнѣе, чѣмъ удручающія заботы и убійственная безотрадность гнетущей и непоправимой бѣдности. Дивость и безмолвіе равнодушной природы даютъ въ такія времена пріятное убѣжище отъ шума, пошлости и злобы людей. Фарисей Банъ, который удалился въ пустыню и жилъ почти такъ же, какъ впоследствии жили отшельники Оиваиды, былъ только однимъ изъ многихъ, руководившихся подобными убѣжденіями. Іосифъ Флавій, который, въ теченіе трехъ лѣтъ, учился у него въ его горныхъ пещерахъ, описываетъ его жестокія самоистязанія и суровую жизнь, его одежду изъ сплетенныхъ листьевъ, пищу изъ случайно попадавшихся корней, и его денныя и ночныя погруженія въ холодную воду, которыми онъ хотѣлъ сохранять свое тѣло чистымъ и сердце непорочнымъ.

Но отшельничество можетъ возникать изъ разныхъ побужденій—возвышенныхъ и низкихъ. Оно можетъ иногда возникать изъ высокоумія человѣка, желающаго стоять въ сторонѣ отъ другихъ; изъ пресыщенія эпикурейца, который хотѣлъ бы найти убѣжище даже отъ самого себя; изъ себялюбиваго страха, заставляющаго помышлять только о своемъ собственномъ спасеніи. Совершенно иною, поистинѣ возвышенною была суровая простота и благородная самоотверженность Іоанна Крестителя. Не даромъ средневѣковые живописцы изображали его, даже въ дѣтствѣ, изнуреннымъ отъ аскетизма. Навлонность къ жизни отшельника обнаружилась въ молодомъ нагорѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, но въ немъ она происходила изъ сознанія своего славнаго предназначенія, изъ желанія исполнить дѣло, внушенное святымъ упованіемъ. Св. Іоаннъ жилъ въ пустынѣ лишь для того, чтобы стать

пророкомъ Всевышняго. Свѣтъ, который былъ въ немъ, долженъ былъ, если нужно, воспламениться въ самопожирающее пламя — не къ его собственной славѣ, но для того, чтобы освѣщать путь грядущаго Царя.

Натура Іоанна Крестителя была полна огня и пламенныхъ порывовъ. Долгая борьба, давшая ему такое могучее самообладаніе, что онъ могъ удовлетворяться самоуничижениемъ въ присутствіи своего Господа, внушавшая ему безбоязненность предъ лицомъ опасности и смиреніе при всеобщемъ одобреніи, оставила свой слѣдъ на немъ въ самой суровости характера, въшнемъ видѣ и ученіи. Если онъ приобрѣлъ миръ долгой молитвой и покаяніемъ и своей жизнью въ пустынѣ, то это не былъ самопроизвольный миръ кроткой и святой души. Побѣда, которую онъ одержалъ, носила еще слѣды борьбы; покой, котораго онъ достигъ, еще потрясаясь отдаленнымъ рокотомъ бури. На самомъ его ученіи отражались образы пустыни — камень, ехидна, безплодное дерево. „Въ своемъ явленіи и дѣятельности, какъ говорить одинъ писатель, онъ былъ подобенъ горящему свѣтильнику; его общественная жизнь была подобна землетрясенію; все его существо было исповѣдью; онъ по справедливости называлъ себя гласомъ, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: приготовьте путь Господу“.

При углубленіи въ себя въ немъ разгорался внутренній огонь, и наконецъ онъ заговорилъ огненнымъ языкомъ. Почти съ дѣтства онъ былъ добровольнымъ отшельникомъ. Въ уединеніи онъ познавалъ глубочайшія тайны бытія; невидимый міръ становился для него осязаемою дѣйствительностью; духъ его былъ объятъ пламенемъ вдохновенія. Сообщаясь только съ своимъ собственнымъ великимъ одиновымъ сердцемъ, сообщаясь съ великими мыслями цѣлаго ряда пророковъ, его предшественниковъ среди жестовыйнаго народа, погружаясь въ тѣ таинственныя рѣчи, что слышались ему въ звукахъ горъ и моря, онъ познавалъ науку болѣе глубокую, чѣмъ какой можно было научиться у Гиллея или Шаммаи. Переноса полуденный зной глубокой іорданской долины, гдѣ воздухъ какъ бы пронивнуть тонкимъ и трепещущимъ пламенемъ; слушая дикій вой звѣрей въ длинную ночь подъ блескомъ звѣздъ, висящихъ подобно огненнымъ шарамъ

на лазурномъ небѣ; ходя по прибрежью неподвижныхъ желто-мутныхъ водъ Мертваго проклятаго моря, и видя передъ своими глазами бѣлые солончаки покрытаго остатками разрушенія берега—какъ бы души грѣшниковъ, поднимавшихся изъ-подъ массъ похоронившаго ихъ сѣрнаго пепла, — онъ учился краснорѣчію и получалъ откровенія, которыя недоступны обыкновеннымъ людямъ, и достигъ этого не въ школахъ раввиновъ, но въ школахъ уединенія, въ школахъ Божіей.

Такіе только учителя и бываютъ пригодны для такихъ временъ. Тѣхъ почтенныхъ, искусственныхъ учителей, которые говорили пріятныя вещи и прорекали ложь, было уже довольно и даже съ избыткомъ. Заурядный книжникъ или фарисей, лоснящійся отъ сытой жизни и высокомѣрный отъ окружающаго его почета, украшенный широкими филиатеріями и богатыми одеждами, тоже поднимался съ проповѣдью въ синагогѣ, тоже обращался въ сонному собранію съ своими мелочными, ребяческими наставленіями и избытыми поученіями; но самый внѣшній видъ Іоанна Крестителя давалъ знать, что это былъ совсѣмъ иной учитель. Даже прежде, чѣмъ раздавался этотъ голосъ, звучавшій гнѣвомъ и негодованіемъ, загорѣлое лицо, нестриженные волосы, стиснутыя губы, кожаный поясъ, одежда изъ верблюжьяго волоса — сразу давали знать, что это былъ наконецъ человѣкъ, настоящій человѣкъ, во всемъ величіи его природы и непоколебимой силы, который, подобно Іліѣ оесвитянину, своему образу, безбоязненно предсталъ бы предъ пышными Ахавами и сластолюбивыми Іезавелями. Извѣстенъ былъ и самый образъ его жизни. Было извѣстно, что пилъ онъ только воду рѣчную, а ѣлъ акриды и дикій медъ. Всякій чувствовалъ въ немъ ту силу власти, которая всегда бываетъ присуща полному самоотреченію. Кто стоитъ выше обыденнаго тщеславія человѣческаго, тотъ стоитъ выше также и обыденнаго страха. Если онъ ничего не ждетъ отъ благосклонности окружающихъ его людей, то ему нечего и бояться ихъ нерасположенія; не рассчитывая ни на какія выгоды отъ раболѣпной лести, ему нечего терять и при высказываніи справедливыхъ уворовъ. Онъ стоитъ выше своихъ современниковъ, какъ бы на блистательномъ пьедесталѣ мира и чистоты, неослѣпляемый мглою, отуманивающей ихъ

взоры, не тревожимый мелочными заботами, что возмущают их жизнь.

Не удивительно, что сила такого человека сразу почувствовалась среди народа. Повсюду пронеслась молва, что в пустынь иудейской живет человек, огненное слово которого стоить послушать, который своею проповедью напоминает пророка Исаию, а своею жизнью Илию. Тиверій в это время осквернял своим распутством престолъ императорскій; Понтій Пилать своими оскорбленіями, жестокостью, вымогательствами, убійствами доводил до бѣшенства фанатическій народъ. Иродъ Антипа подавалъ желающимъ примѣръ расчетливаго отступничества и безпечнаго распутства; Каиафа и Анна раздѣляли между собою власть обезпеченнаго ими первосвященства. Но слово новаго пророка касалось не этихъ политическихъ обстоятельствъ; его проповѣдь была глубже и общедоступнѣе по своему нравственному и общественному значенію. Къ какому бы классу ни принадлежали толпы, стекавшіяся въ нему въ его суровомъ уединеніи, его ученіе для нихъ было жизненно, высказывалось съ безбоязненною прямою и глубоко проникало въ сердца. И вотъ фарисей и саддукей, книжникъ и воинъ, священникъ и мытарь— всѣ стекались послушать его. Мѣстомъ его проповѣди было дивное пространство необработанной и никому не принадлежащей пустыни, которая тянется на югъ отъ Іерихона и бродовъ Іордана къ берегамъ Мертваго моря. Въ скалахъ, нависшихъ надъ узкимъ проходомъ, ведущимъ отъ Іерусалима въ Іерихону, гнѣздились разбойники; дикіе звѣри и крокодилы еще жили въ камышахъ, окаймляющихъ воды Іордана; и однако же со всѣхъ концовъ страны—изъ священническаго Хеврона, святаго Іерусалима, изъ улыбающейся Галилеи—народъ стекался сюда послушать небывалаго пророка. И слово этого пророка было подобно молоту, разбивающему самое кремнистое сердце, подобно пламени, проникающему въ сокровеннѣйшія помышленія. Рѣзко, безъ всякой тѣни благозвучнаго раболѣпія или льстивой снисходительности, онъ обличалъ сборщиковъ податей за ихъ вымогательства, воиновъ за ихъ насилія, за безчестность и недовольство, богатыхъ саддукеевъ и знатныхъ фарисеевъ за формализмъ и лживость, которые сдѣлали ихъ ехиднами порожденія ехиднина. Весь народъ онъ

предостерегалъ, что лелѣемая имъ преимущества болѣе чѣмъ без-
полезны для него, если и безъ покаянія онъ считалъ ихъ доста-
точной защитой отъ грядущаго гнѣва. Народъ гордился своимъ
высокимъ происхожденіемъ; но Богъ, сотворившій Адама изъ
земли, могъ также вотъ изъ этихъ камней на берегахъ Іордана
воздвигнуть дѣтей Аврааму. Съ чувствомъ самоосужденія и пода-
вленнымъ сердцемъ слушали они пророка, и такъ какъ онъ из-
бралъ крещеніе символомъ ихъ покаянія и очищенія, то „и крестились
отъ него въ Іорданѣ, исповѣдуя грѣхи свои“. И даже тѣ,
которые не принимали крещенія, были рады хоть временно поли-
ковать съ нимъ въ духѣ.

Но онъ имѣлъ еще провозвѣстити нѣчто другое, нѣчто болѣе
страшное и однако же исполненное большихъ надеждъ. Себѣ онъ
не приписывалъ никакой власти и былъ только предтечею дру-
гаго; своему крещенію не придавалъ иного значенія, кромѣ какъ
предуготовленія къ царству, которое приближалось. Когда по-
сланые отъ синадріона спросили его, кто онъ, когда весь на-
родъ размышлялъ въ своемъ сердцѣ—не Христось ли онъ, самъ
онъ ни на минуту не медлилъ заявить, что онъ не Христось, не
Илія и не пророкъ. Онъ былъ „гласомъ въ пустынѣ“ и больше
ничего, но за нимъ—и эта вѣсть потрясала сердца человѣческія—
за нимъ идетъ Тотъ, который впереди его, потому что Онъ былъ
прежде его, у котораго онъ недостоинъ развязать ремня обуви,
который будетъ крестить не водою, но Духомъ Святымъ и огнемъ;
Тотъ, лопата котораго уже находится въ руцѣ Его, и Онъ очи-
ститъ гумно свое и соберетъ пшеницу свою въ житницу, а со-
лому сожжетъ огнемъ неугасимымъ. Часъ внезапнаго пришествія
давно обѣтованнаго, давно ожидаемаго ими Мессіи теперь насталъ.
Они находятся въ Его страшномъ присутствіи, Онъ былъ среди
нихъ, но они не знали Его.

Такимъ образомъ покаяніе и царство небесное были двумя
главными предметами проповѣди Іоанна, и хотя онъ не подтвер-
ждалъ истинности своей проповѣди ни единымъ чудомъ, но въ
то же время, угрожая наказаніемъ лицемѣрамъ и истребленіемъ
жестокосерднымъ, обѣщалъ прощеніе кающимся и допущеніе въ
царство небесное чистымъ и непорочнымъ.

Къ этой проповѣди, для этого крещенія пришелъ и Иисусъ

изъ Галилеи, на тридцатомъ году своей жизни. Иоаннъ былъ Ему родственникъ, но обстоятельства жизни совершенно раздѣлили ихъ между собой. Иоаннъ провелъ свое дѣтство въ домѣ своего благочестиваго отца, священника, жившаго въ городѣ Ютѣ, въ южныхъ предѣлахъ колѣна Іудина, неподалеку отъ Хеврона; Иисусъ же жилъ въ полнѣйшей отчужденности, въ плотницкой мастерской своего отца, въ долинѣ Галилеи. Когда Онъ впервые пришелъ на берегъ Иордана, великій предтеча, по его собственному выразительному и дважды повторенному заявленію, „не зналъ Его“. И однако же, хотя Иисусъ не былъ еще въ качествѣ Мессіи открытъ своему великому провозвѣстнику, въ Его взорахъ, въ безгрѣшной красотѣ Его манеръ, въ торжественномъ величіи Его внѣшности было нѣчто такое, что поразило и плѣнило душу Иоанна. Для другихъ онъ былъ непреклоннымъ пророкомъ; царей онъ могъ встрѣчать укоромъ; фарисеевъ изобличалъ съ негодованіемъ, но въ присутствіи этого пришельца упала вся его сила. Какъ иногда неизвѣстная причина останавливаетъ полетъ орла и заставляетъ его съ пронзительнымъ крикомъ и опущенными крыльями садиться наземь, такъ и предъ лицомъ этой духовной царственности, передъ чистотою безгрѣшной жизни пророкъ пустыни становится послушнымъ и робкимъ ребенкомъ. Грозный видъ, предъ которымъ смущались храбрые легіонеры, величавая мужественность, предъ второю трепетали іерархи и блѣднѣли цари,—самоуничижается и превлоняется предъ нравственною силою, которая слаба совѣтъ и вооружена только невидимой броней. Иоаннъ превлонился предъ простымъ безпорочнымъ мужествомъ прежде, чѣмъ онъ по вдохновенію призналъ тутъ дѣло Божіе. Онъ старался отклонить намѣреніе Иисуса. Тотъ, кто принималъ исповѣданіе отъ всѣхъ другихъ, теперь почтительно и смиренно исповѣдуются самъ: „Мнѣ надобно креститься отъ Тебя, и Ты ли приходишь ко мнѣ“?

Отвѣтъ содержитъ въ себѣ второе извѣстное намъ изреченіе Иисуса и первое слово Его общественнаго служенія: „Оставь теперь, ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду“.

„И окроплю васъ чистою водою, и вы очиститесь“ — такова была повидимому сущность проповѣди Иоанна къ грѣшникамъ, которые искренно ваялись (Іезек. xxxvi, 25).

Но если такъ, то почему Спаситель нашъ принялъ крещеніе изъ рукъ своего раба? Онъ самъ отвѣчаетъ намъ: нужно было исполнить всякое требованіе, на которое указывала воля Божія (Пс. xxxix, 7, 8). Онъ принялъ его не вслѣдствіе исповѣданія, потому что Онъ былъ безгрѣшенъ, и въ этомъ отношеніи, прежде чѣмъ признать въ немъ Христа, Іоаннъ Креститель ясно давалъ знать, что исполненіе этого обряда съ Его стороны было исключительнымъ. Но онъ принялъ его какъ бы въ подтвержденіе дѣла своего великаго предтечи — послѣдняго и величайшаго сына ветхаго завѣта, передоваго вѣстника завѣта новаго; и Онъ принялъ его также, какъ прекрасный символъ нравственной чистоты и смиренное объявленіе о началѣ служенія, имѣвшаго своею цѣлью не разрушить законъ, но исполнить его. Его собственныя слова исключаютъ всякую возможность недоразумѣнія. Онъ не говоритъ: „Я долженъ“, но „надлежитъ намъ“. Онъ не говоритъ: „Мнѣ нужно креститься“, и не говоритъ также: „тебѣ нѣтъ нужды креститься отъ Меня“, но говоритъ: „оставь теперь“. Это крещеніе покаянія, но оно можетъ служить прообразомъ „бани возрожденія“.

Иисусъ вошелъ въ воду Іордана, и вотъ было знаменіе, что Онъ именно Тотъ, который долженъ былъ придти. Изъ отверстаго неба сходилъ Духъ Божій и въ видѣ голубя, какъ бы въ мерцающемъ пламени, парилъ надъ Его головою, и *Бат-Колз* (какъ назывался у іудеевъ всякій таинственный голосъ или звукъ, имѣвшій провиденціальное значеніе), который для тупаго неочищеннаго слуха былъ простымъ нечленораздѣльнымъ громомъ, явно говорилъ голосомъ Божиимъ слуху Іоанна: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ которомъ Мое благоволеніе“.

ГЛАВА IX.

ИСКУШЕНИЕ.

Для того искушень былъ Христось, чтобы не побѣждался искушителемъ христіанинъ.

Бл. Августинъ.

ПЕРЕПОЛНЕННЫЙ въ своемъ человѣческомъ духѣ необычайными чувствами, Иисусъ искалъ уединенія, чтобы быть наединѣ съ Богомъ и еще разъ обсудить свое великое дѣло. Отъ водъ Иордана Онъ былъ возведенъ, или по болѣе сильному и картинному выраженію ев. Марка, „увлеченъ“ Духомъ въ пустыню.

Преданіе, относящееся, впрочемъ, уже къ такому позднему времени, какъ періодъ крестовыхъ походовъ, указываетъ мѣсто искушенія на одной горѣ къ западу отъ Іерихона, которая вслѣдствіе этого и получила названіе Кварантаніи или Горы Сорокодневной. Обнаженная и бесплодная, какъ гора проклятія, обрывомъ поднимаясь на сожженной и пустынной равнинѣ, она сумрачно вздымается надъ мутными щелочными водами Содомскаго моря, представляя рѣзкую противоположность съ улыбающеюся мягкостью „горы блаженствъ“ и хрустальною прозрачностью озера Геннисаретскаго, и потому воображеніе легко могло видѣть здѣсь наиболѣе пригодное обиталище для злыхъ духовъ, мѣсто, гдѣ, по выраженію пророка, „филины обитаютъ и косматые свачуть“ (Ис. хш, 21).

И здѣсь-то Иисусъ, по живописному и трогательному выраженію втораго евангелиста, „былъ со звѣрами“. Они не причиняли ему вреда. „На аспида и василиска наступишь, и попирашь будешь льва и дракона“, предсказывалъ древній псалмопѣвецъ, и это обѣтованіе исполнилось на Христѣ, какъ и на многихъ изъ Его послѣдователей. Тѣ, робкая вѣра которыхъ смущается отъ всего чудеснаго, могутъ быть совершенно спокойны здѣсь. Что дикіе звѣри съ яростью нападаютъ на человѣка, своего господина, или со страхомъ бѣгутъ отъ него—это явленіе не естественное. Страхъ или ярость животныхъ, хотя и передаваемые

теперь наслѣдственными инстинетами, произошли вслѣдствіе жестокаго и безумнаго нападенія со стороны самого человѣка, а въ исторіи не мало примѣровъ, когда эти свойства дивныхъ животныхъ были побѣждаемы нѣжностью, величіемъ, ласкою человѣка. Потому же нѣтъ достаточнаго основанія отвергать всеобщее убѣжденіе первыхъ вѣковъ христіанства, что дикіе звѣри свободно, и не нанося никакого вреда, ходили среди благочестивыхъ пустынниковъ Оиваиды. Кому неизвѣстны люди, присутствіе которыхъ не пугаетъ птицъ и которые безъ всякой опасности могутъ приближаться къ самой злой собакѣ? Вслѣдствіе этого мы съ полнымъ основаніемъ можемъ допускать, что простаго человѣческаго обаянія безгрѣшной личности было болѣе чѣмъ достаточно для безопасности Спасителя. Въ катакомбахъ и на другихъ памятникахъ христіанской древности Христосъ часто изображается въ видѣ Орфея, очаровывающаго животныхъ своею пѣснью. Все, что было правдиваго и прекраснаго въ древнихъ сказаніяхъ, исполнилось на Немъ и было только символомъ Его жизни и дѣятельности.

Въ пустынѣ Спаситель пробылъ сорокъ дней. Такое число не разъ встрѣчается въ св. Писаніи, и всегда въ связи съ искушеніемъ или возмездіемъ. Это очевидно священное и знаменательное число. Сорокъ же дней Моисей пробылъ на Синаѣ, Илія — въ пустынѣ. Въ моменты необычайнаго возбужденія и подавляющей мысли обыкновенныя потребности человѣческаго тѣла видоизмѣняются, или даже на время прекращаются. И „Онъ ничего не ѣлъ въ эти дни; а по прошествіи ихъ напоследокъ взалкалъ“. Этимъ моментомъ и воспользовался искушитель. Весь этотъ періодъ былъ временемъ нравственнаго и духовнаго напряженія. Въ часы такого великаго возбужденія люди безъ ослабленія выдерживаютъ почти невѣроятное количество труда, солдаты въ пылу битвы сражаются цѣлый день, не чувствуя своихъ ранъ или забывая о нихъ. Но когда воодушевленіе ослабѣваетъ, когда возбужденность проходитъ, огонь погасаетъ и природа, истомленная и ослабѣвшая отъ чрезмѣрнаго напряженія, вновь заявляетъ свои права, словомъ — когда начинается сильная реакція, оставляющая человѣка разбитымъ, духовно подавленнымъ и истощеннымъ, тогда настаетъ крайне опасный моментъ: въ этотъ мо-

ментъ, какъ показываютъ многіе роковые примѣры, человѣкъ дѣлается жертвою коварнаго увлеченія или дерзкаго нападенія. Въ такой же моментъ и Спаситель нашъ велъ великую борьбу съ темными силами зла и побѣдилъ ихъ.

Борьба эта, очевидно, не есть простая аллегорія. Входить въ разсмотрѣніе точнаго и внѣшняго характера искушенія было бы излишне и непристойно: излишне потому, что это такой вопросъ, въ которомъ невозможно для насъ окончательное рѣшеніе; непристойно потому, что евангелисты могли слышать о немъ только отъ самого Иисуса или тѣхъ, кому Онъ передавалъ о немъ, а Спаситель могъ сообщить о немъ только въ такомъ видѣ, который передаетъ самое вѣрное о немъ впечатлѣніе и самую его поучительную сторону. Для насъ достаточно знать, что Христосъ во истину былъ искушаемъ.

„Вожь нашего спасенія“ былъ „совершенъ чрезъ страданія“. „Ибо, какъ самъ Онъ претерпѣлъ, бывъ искушенъ, то можетъ и искушаемымъ помочь“ (Евр. п, 10, 18). Пустыня іерихонская и садъ геосиманскій были свидѣтелями самой тяжелой Его борьбы, и въ ней Онъ всецѣло восторжествовалъ при самыхъ злыхъ и страшныхъ нападеніяхъ врага душъ; но и въ теченіе остальной своей жизни во плоти Онъ не былъ свободенъ отъ искушенія, иначе Его жизнь не была бы истинною человѣческою жизнью и Онъ не могъ бы дать намъ соответствующаго образца, по стопамъ котораго могли бы слѣдовать мы. „Было много другихъ случаевъ, говоритъ Бонавентура, когда онъ претерпѣвалъ искушенія“. Тѣ, которые насчитываютъ только три искушенія нашего Господа, говоритъ Бернаръ, показываютъ свое незнаніе Писанія“. Онъ ссылается на евангеліе Іоан. VII, 1 и посланіе къ Евреямъ IV, 15; но еще съ бѣльшею положительностью можно сослаться на выразительное заявленіе ев. Луки, что когда искушеніе въ пустынѣ кончилось, побѣжденный искушитель оставилъ Его, но оставилъ только „до времени“, или, если можно такъ передать эти слова — „до новаго благопріятнаго случая“. Но мы можемъ быть увѣрены, что послѣ того, какъ Онъ вышелъ побѣдителемъ надъ темнымъ коварствомъ въ пустынѣ, всѣ послѣдующія искушенія до послѣдняго также легко пронеслись надъ Его безгрѣшной душой, какъ

легкое облачко лѣтнимъ днемъ проносится по синевѣ неба, не оставляя на немъ слѣда.

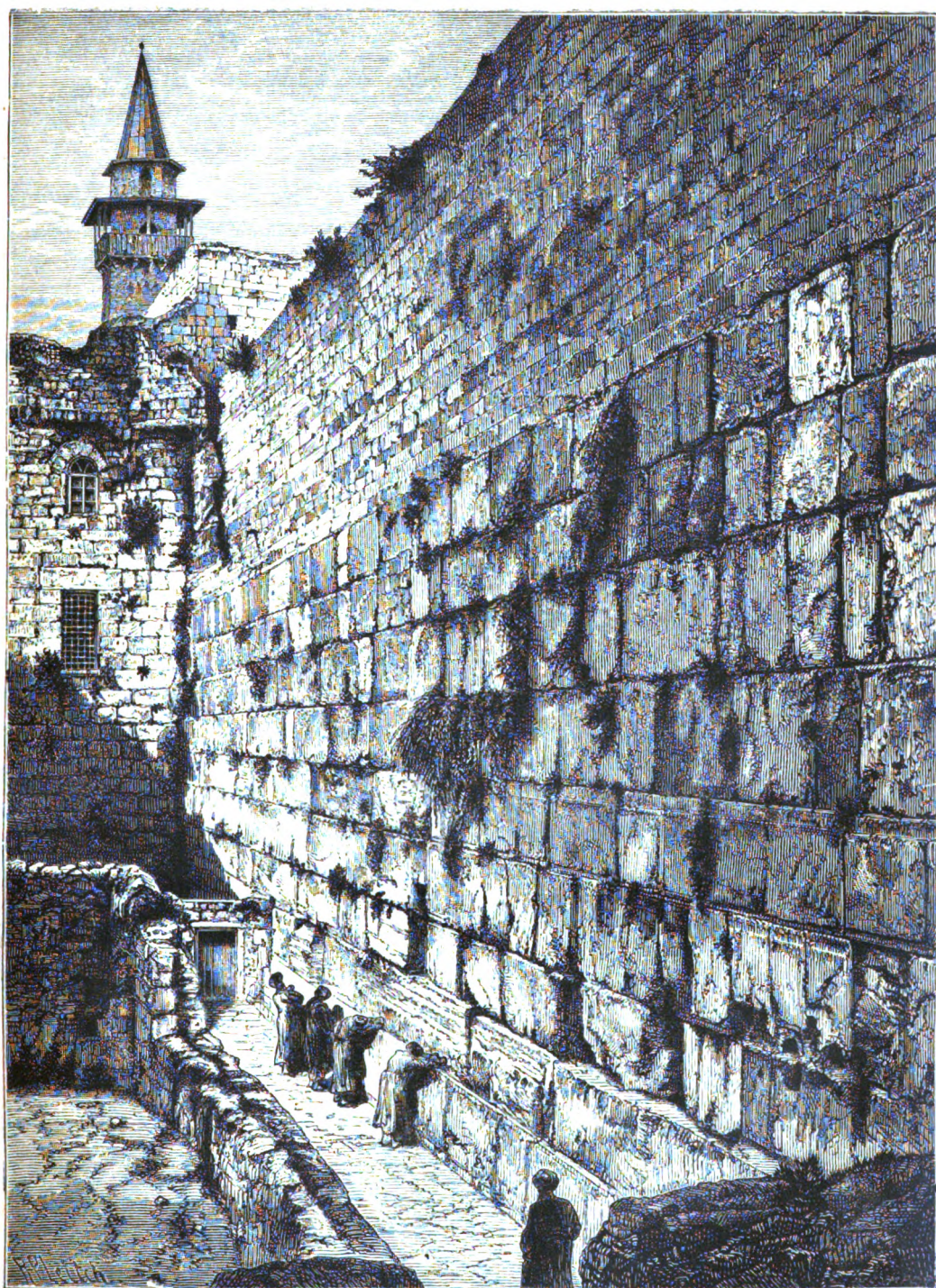
1. Истощеніе вслѣдствіе долгаго поста должно было тѣмъ сильнѣе связаться на организмъ Спасителя, что оно не было для Него обычнымъ дѣломъ. Съ намѣреннымъ человеколюбіемъ Онъ жилъ не какъ суровый отшельникъ въ жестокихъ и мучительныхъ самоистязаніяхъ, но какъ обыкновенный человѣкъ. Самаго пощенія Онъ никогда не ставилъ въ положительную обязанность, хотя въ двухъ мѣстахъ болѣе чѣмъ освящаетъ его, какъ важное нравственное пособіе. Но вообще мы знаемъ изъ Его собственныхъ словъ, что Онъ „ѣлъ и пилъ“, показывая примѣръ не суроваго воздержанія, но умѣренности, принимая участіе въ невинныхъ празднествахъ и собраніяхъ друзей, такъ что враги Его дерзали говорить о Немъ: „вотъ человѣкъ, который любитъ ѣсть и пить вино“, какъ они же говорили объ Іоаннѣ, что онъ „имѣетъ діавола“. Поэтому послѣ сорокодневнаго поста, несмотря на торжественную созерцательность и небесную помощь, Онъ почувствовалъ сильный голодь. Тутъ-то и приступилъ искушитель. Въ какомъ именно видѣ приступилъ онъ—въ видѣ ли духа тьмы или ангела свѣта, въ образѣ ли человѣческомъ или какъ неличное существо, —этого мы не знаемъ, да и не можемъ знать. Мы должны просто слѣдовать евангельскому повѣствованію и довольствоваться его данными, не утверждая съ бездушнымъ догматизмомъ невозможности и того, чтобы въ немъ не было ничего аллегорическаго, но имѣя въ виду постигнуть тѣ глубокіе нравственные уроки, которые только и касаются насъ и могутъ подлечь безспорному истолкованію.

„Если Ты Сынъ Божій, съязи, чтобы камни сіи сдѣлались хлѣбами“. Такъ началъ искушитель. Іисусъ чувствовалъ голодь, а передъ Нимъ были „камни сіи“, навѣрно тѣ кремнистые наросты, иногда извѣстные подъ названіемъ камней іудейскихъ (*lapides judaici*), которые удивительно похожи по своей формѣ на небольшіе хлѣбы и по легендарнымъ сказаніямъ представляютъ окаменѣлыя плоды городовъ этой равнины. Муки голода чувствуются тѣмъ сильнѣе, что онѣ поддерживаются добавочными терзаніями живого воображенія, и если это вѣрно, то самая форма, видъ и преданіе о происхожденіи этихъ камней прида-

вали искушенію тѣмъ бѣольшую силу. Чрезвычайная тонкость и выразительная общность всякаго искушенія составляютъ самое сильное довазательство подлинности и божественнаго происхожденія этого повѣствованія. Всѣ они не только совсѣмъ не похожи на болѣе грубыя и простыя сказыанія объ искушеніяхъ, бывавшихъ въ разныя времена съ наиболѣе высокими подвижниками, но отличаются такою тонкою наблюдательностью, такою самобытностью, что далеко оставляютъ за собою самую сильную изобрѣтательность.

Первое искушеніе было направлено на чувства, было обращеніемъ къ аппетиту и состояло въ возбужденіи тѣлесной природы, общей у человѣка съ животными. Но оно явилось далеко не въ грубой или явно чувственной формѣ, а подъ прикрытіемъ множества самыхъ тонкихъ извивовъ мысли. Израиль также много страдалъ отъ голода въ пустынѣ, и тамъ въ его крайней нуждѣ Богъ питалъ его манной, которая была какъ бы ангельскимъ хлѣбомъ съ неба. Почему же Сыну Божию также не снабдить себя пищею въ пустынѣ? Вѣдь Онъ *можетъ* сдѣлать это, если только захочетъ, и почему же Онъ медлитъ? Если ангель указалъ жаждущей Агари источникъ, если ангель показалъ пищу голодающему Иліи, то зачѣмъ *Ему* ждать даже услуги ангеловъ, когда такая услуга не нужна, и когда ангелы, еслибы Онъ захотѣлъ, съ радостью стали бы служить Ему?

Послѣдовавшій отвѣтъ поражаетъ глубиною своей мудрости. Ссылаясь на тотъ же самый урочъ, который вытекалъ изъ величественнѣйшихъ изреченій ветхаго завѣта, Спаситель отвѣчалъ: „Написано: не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ“. Какой глубокой урочъ заключается для насъ въ этомъ, — урочъ, подерѣпляемый столь великимъ примѣромъ! Онъ поучаетъ насъ, чтобы мы не руководились въ жизни только потребностями нашей низшей природы, чтобы не злоупотребляли ею при поддержаніи своего существованія и наслажденія, такъ какъ мы не принадлежимъ себѣ самимъ и не можемъ поступать произвольно съ тѣмъ, что только кажется принадлежащимъ намъ; часто даже тѣ вещи, которыя кажутся законными, не всегда бываютъ полезны, а человѣкъ имѣетъ болѣе высокія начала жизни, чѣмъ матеріальное

Часть храмовой стѣны. Мѣсто вопля іудеевъ.

пропитаніе, и самъ по себѣ есть существо высшее, чѣмъ его вещественный составъ. Кто думаетъ, что мы живемъ только хлѣбомъ, дѣлаетъ заботу о хлѣбѣ главною цѣлью своей жизни; на добываніе его употребляетъ всѣ свои силы, и станетъ жалкимъ и мятежнымъ, когда даже на время будетъ лишень его; не ища другой болѣе возвышенной пищи, онъ неизбѣжно будетъ томиться голодомъ посреди нея. Но тотъ, кто знаетъ, что человѣкъ живетъ не хлѣбомъ только, не будетъ терять изъ-за пропитанія того, что дѣлаетъ жизнь дорогою; исполнивъ свой долгъ, онъ будетъ уповать на Бога въ доставленіи всего необходимаго для тѣла, которое Онъ создалъ, съ большимъ усердіемъ и стараніемъ будетъ искать хлѣба небеснаго и той воды живой, испившій которой не возжаждетъ во вѣкъ.

Такимъ образомъ первое искушеніе Спасителя по формѣ сходно съ послѣднею насмѣшкою, обращенною къ Нему на крестѣ: „Если Ты Сынъ Божій, сойди со креста“. „Если...“, такъ какъ вѣра и надежда составляютъ главную опору всякой человѣческой святости, то искушитель всегда бываетъ особенно силенъ, когда внушаетъ тавія сомнѣнія; силенъ также въ обращеніи къ свободной волѣ и произволу человѣка. „Ты можешь, почему же не сдѣлать этого?“ На крестѣ Спаситель не отвѣчалъ; а здѣсь Онъ отвѣтилъ на это искушеніе, чтобы высказать великое непреложное начало. Онъ не говоритъ: „Я сынъ Божій“; въ глубинѣ своего смиренія, въ полнотѣ своего самопожертвованія, Онъ, не почитая хищеніемъ своего равенства съ Богомъ, „уничжилъ Себя самого“. Онъ поражаетъ искушителя не какъ истинный Богъ, но какъ истинный человѣкъ.

2. Порядокъ искушеній передается различно у евр. Матѳея и Луки; евр. Матѳея на второмъ мѣстѣ полагаетъ искушеніе на кровлѣ храма, а евр. Лука видѣніе царствъ міра. Оба порядка конечно не могутъ быть вѣрными, и возможно, что евр. Лука въ расположеніи предметовъ своего повѣствованія находился подъ вліяніемъ мысли, что искушеніе въ духовной гордости и самовольномъ употребленіи чудесной силы болѣе тонко и менѣе прозрачно, и потому болѣе сильно, чѣмъ искушеніе броситься внизъ и познать силу зла. Но слова: „отойди отъ Меня, сатана“, передаваемыя обоими евангелистами (Лук. iv, 8; Матѳ. iv, 10), тотъ

фактъ, что ев. Матѣей придаетъ своему разсказу форму точной послѣдовательности („тогда“, „потомъ“), а также отчасти и то соображеніе, что ев. Матѣей, какъ одинъ изъ апостоловъ, вѣроятно слышалъ разсказъ объ искушеніяхъ непосредственно отъ самого Христа,—даютъ перевѣсъ тому порядку, который усвоенъ имъ.

Иисусъ побѣдилъ и отвергъ первое искушеніе выраженіемъ полного упованія на Бога. Съ изумительною ловкостью поддѣлываясь поэтому въ обнаруженному Спасителемъ настроенію души, слѣдующее искушеніе, дѣлая уже прямой вызовъ и обращаясь непосредственно къ этому безконечному упованію, требуетъ его выраженія и подтвержденія—не облегченіемъ настоятельной нужды, но отвращеніемъ страшной опасности. „Потомъ беретъ Его дьяволъ во святой городъ и поставляетъ Его на крылѣ храма“. Разумѣется какое-нибудь общеизвѣстное крыло этого всѣмъ знакомаго зданія: можетъ быть кровля Царскаго притвора на южной сторонѣ храма, которая обрывисто смотритъ въ глубокую долину Кедрона съ такой страшной высоты, что, по описанію I. Флавія, у всякаго, осмѣлившагося глядѣть внизъ, отъ зіяющей пропасти кружилась голова; можетъ быть кровля притвора Соломонова, которая также описывается у Юсіфа Флавія и съ которой по преданію былъ сброшенъ внизъ на дворъ св. Іаковъ, братъ Господень.

„*Если*“—опять сомнѣніе, какъ бы для того, чтобы пробудить духъ гордости въ проявленіи того чудеснаго могущества, на которое вызывало искушеніе — „Если Ты Сынъ Божій, бросься внизъ“. „Ты находишься въ опасности, которой не Самъ искалъ; спаси Себя отъ нея, если Ты можешь, и тѣмъ докажи свою божественность и силу. Развѣ не написано, что ангелы на рукахъ понесутъ Тебя! Не будетъ ли это превосходнымъ доказательствомъ Твоего упованія на Бога“ (Ис. хс, 11, 12)? Такъ глубоко и тонко было искушеніе, и такъ какъ Иисусъ сослался на Писаніе, то и дьяволъ ссылался также на Писаніе для своей цѣли. Въ искушеніи этомъ не было ничего грубаго, себялюбиваго или чувственнаго. Оно обращалось не къ естественному чувству голода, а къ извращенной духовной настроенности. Не видимъ ли мы въ исторіи сеетъ и партій, церквей и отдѣльных лицъ съ несомнѣнно глубокой религіозностью, тысячи примѣровъ того, какъ люди, которые не могли бы погрязнуть въ тинѣ чувственности, отважно

бросались въ бесполезныя опасности и безумно низвергались такимъ образомъ съ крыла духовной гордости? Но какъ сповоенъ и въ то же время назидателенъ былъ этотъ простой отвѣтъ: „Написано также, не искушай Господа Бога Твоего“. Въ подлинникѣ этотъ текстъ сильнѣе и выразительнѣе. „Не искушай до крайности Господа Бога Твоего“, значитъ онъ; не рассчитывай на все, что Онъ можетъ сдѣлать для тебя; ты не долженъ рассчитывать на чудесное вмѣшательство для спасенія тебя отъ твоей собственной самонадѣянности и глупости; ты не долженъ легкомысленно вызывать доказательствъ Его могущества. Когда ты находишься на пути долга, уповай на Него съ совершеннѣйшею преданностью, но не слушай надменнаго обольстительнаго внушенія: „вы будете какъ боги“, и пусть въ твоей просьбѣ о помощи не будетъ ничего самовольнаго или волшебнаго. Тогда, по словамъ, столь лукаво опущеннымъ искусителемъ, „будешь охраняемъ во всѣхъ путяхъ твоихъ“. И Иисусъ даже не намекаетъ на свою явную опасность. Та опасность, которой не сами ищутъ, равна полной безопасности. Собственные слова искусителя обнаруживали его бессилие: „бросься“, говорилъ онъ. Даже съ этой головокружащей высоты онъ не имѣлъ силы сбросить внизъ Того, Кого охранялъ Богъ. Писаніе, на которое ссылался искуситель, было истинно, хотя онъ и извратилъ его. Никакая сила искушенія никогда не можетъ принудить ко грѣху. При всякомъ искушеніи Богъ даетъ также и „способъ одолѣть его“.

3. Потерпѣвъ неудачу на искушеніи естественной слабости и духовной гордости, искуситель обратился въ „послѣдней слабости благородныхъ душъ“, и все поставилъ на послѣднюю ставку. Недостатокъ тонкости въ формѣ онъ возмѣщаетъ видимымъ великолѣпіемъ предложенія. Съ вершины высовой горы онъ показалъ Иисусу всѣ царства міра и славу ихъ и, какъ „князь міра сего“, все предлагалъ Тому, кто былъ убогимъ плотникомъ, за одно выраженіе почтенія, за поклонъ себѣ.

„Царства міра и славу ихъ!“ „Есть люди, которые скажутъ, что насъ никогда не искушаютъ царствами. Конечно, но въ этомъ и надобности нѣтъ, когда вполне достаточно меньшаго. Только Христосъ былъ такъ искушаемъ; Онъ обладалъ такой великой душой, которую нельзя было искушать меньшимъ. Совсѣмъ иное

дѣло мы, потому что мы цѣнимъ себя гораздо ниже. Мы предлагаемъ свой товаръ по очень сходной цѣнѣ, и насъ можно купить за самые пустяки. Діаволу нѣтъ надобности возносить насъ на высокую гору. Достаточно кровли храма, самой малой башни въ любомъ городѣ будетъ довольно. Пусть даже только онъ поставитъ насъ на кровлю нашихъ собственныхъ домовъ, нѣтъ, пусть подведетъ только въ окну или двери, и если общается намъ все, что будетъ видно оттуда, искушеніе вполне удастся, мы примемъ предложеніе и даже благодарить будемъ... Какой-нибудь грошовой вещи, пары сапоговъ или чего-нибудь въ родѣ этого достаточно для того, чтобы мы повлонились діаволу“.

Христосъ же училъ: „какая польза человѣку, если міръ весь приобрѣтетъ, душу же свою погубить?“

Въ это самое время жилъ человѣкъ, который въ полномъ смыслѣ слова владѣлъ всѣмъ міромъ. Римскій императоръ Тиверій былъ самымъ могущественнымъ человѣкомъ на землѣ, неограниченнымъ, полновластнымъ, боготворимымъ правителемъ всего, что было лучшаго и богатѣйшаго въ царствахъ міра. Власть его была всемогуща, богатство безпредѣльно, удовольствія неограниченны. Чтобы еще полнѣе отдаться безвѣчному самоуслажденію въ сладострастной нѣгѣ, онъ не задолго предъ тѣмъ выбралъ мѣстомъ своего жительства одинъ изъ пріятнѣйшихъ уголковъ на поверхности земной, подъ тѣнью дремлющаго вулкана, на очаровательномъ островкѣ, отличающемся самымъ мягкимъ и восхитительнымъ климатомъ въ мірѣ. И что же изъ всего этого? Онъ былъ, какъ называетъ его Плиній, *tristissimus ut constat hominum*, завѣдомо самый печальный и жалкій изъ людей. И оттуда, съ мѣста своихъ гнусныхъ дѣяній, съ того острова, гдѣ онъ при столь великолѣпныхъ условіяхъ хотѣлъ испытать, какого счастья можно достигнуть при посредствѣ самой неограниченной власти надъ міромъ и самыхъ порочныхъ удовольствій, всецѣло обращающихся на самоуслажденіе себялюбивой жизни, онъ писалъ своему раболѣпному и испорченному сенату: „Что писать вамъ, *patres conscripti*, или какъ писать, или что не писать, — но пусть всѣ боги и богини уничтожатъ меня заразъ; гораздо хуже мнѣ чувствовать, что они ежедневно разрушаютъ меня, какъ я это вижу“. Рѣдко можно

встрѣтитъ такое неотразимое доказательство того, что богатѣйшіе дары міра суть только „сказочное золото, что обращается въ прахъ и тлѣнъ“, и что самыя колоссальныя сооруженія личнаго великолѣпія и величія составляютъ не болѣе прочную защиту отъ вторженія снѣдающаго горя, чѣмъ песочныя построенія дѣтей противъ могучаго напора морскаго прилива.

Такою тоскою и такимъ отвращеніемъ ко всему ованчивается грѣховное обладаніе всякими богатствами и всякою властью. Таковъ непреложный законъ возмездія за необузданныя наслажденія. Тутъ не нужно даже змѣиныхъ доконовъ или потрясеннаго фавела сказочныхъ фурій. Виновная совѣсть сама является неумолимою мстительницей, и еслибы міръ былъ весь однимъ цѣльнымъ слиткомъ золота и принадлежалъ намъ, то и тогда онъ не вознаградилъ бы насъ за одинъ часъ этого внутренняго терзанія, не утѣшилъ бы насъ въ этихъ мучительныхъ пыткахъ.

Но тотъ, кто сдѣлался наслѣдникомъ царства небеснаго, есть господинъ надъ болѣе обширнымъ и болѣе дѣйствительнымъ міромъ, и онъ безконечно счастливъ, потому что безконечно чистъ. А надъ этимъ царствомъ сатана не имѣетъ власти. Это царство Божіе, и такъ какъ отъ сатаны нельзя получить и тѣни какового-нибудь изъ его губительныхъ даровъ безъ приведенія души въ полное ему подчиненіе, то на всѣ искушенія нужно отвѣчать словами Христа: „Отойди отъ меня, сатана; ибо написано: Господу Богу твоему покланяйся, и Ему одному служи“.

Такимъ образомъ Христосъ побѣдилъ—при помощи того самоотверженія, каковымъ только и можетъ быть добыта побѣда. И моменты такой славной борьбы, увѣнчанной побѣдой, самыя счастливыя и сладостныя, какіе только можетъ представить жизнь человѣческая. Они полны возвышеннаго, сладостнаго блаженства, которое можетъ быть изображено только красками рая.

„Тогда оставляетъ Его діаволь (до времени, прибавляетъ евангелистъ Лука), и се ангелы приступили и служили Ему“.

ГЛАВА X.

ПЕРВЫЕ АПОСТОЛЫ.

Еслибы Онъ не имѣлъ также и въ своемъ лицѣ, и въ своихъ очахъ чего-то звѣзднаго, апостолы никогда бы не послѣдовали за Нимъ немедленно, и не пали бы наземъ тѣ, которые пришли взять Его. Бл. Иеронимъ.

СПАСИТЕЛЬ, побѣдоносно и невредимо выйдя изъ этихъ искушений и этого страшнаго испытанія, оставилъ пустыню и возвратился къ бродамъ рѣки Иордана.

Первыя три таеъ-называемыя синоптическія евангелія, которыя останавливаются главнымъ образомъ на дѣятельности І. Христа въ Галилеѣ и считаютъ дѣйствительнымъ началомъ ея время заключенія Іоанна въ темницу, опускаютъ всѣ промежуточные событія и упоминаютъ только объ удаленіи Иисуса въ Назаретъ. Прекраснымъ повѣствованіемъ о времени, непосредственно слѣдовавшемъ за искушеніемъ, мы обязаны четвертому евангелисту. Онъ обращаетъ особенное вниманіе на дѣятельность Спасителя въ Іудеѣ. Онъ какъ будто рѣшилъ ничего не рассказывать такого, чего самъ не былъ личнымъ свидѣтелемъ, а есть нѣкоторые увазанія, что съ Іерусалимомъ онъ связанъ былъ особенными обстоятельствами. По занятію ев. Іоаннъ былъ рыбакомъ, и таеъ какъ рыба съ озера Галилейскаго большими партіями отправлялась въ Іерусалимъ, то очень возможно, что онъ по временамъ жилъ тамъ; по рыбному дѣлу своего отца и брата, которые, какъ владѣльцы своего собственнаго судна, имѣвшіе у себя наемныхъ рабочихъ, очевидно были людьми, имѣвшими довольно важное значеніе въ своемъ дѣлѣ. Какъ бы то ни было, но только одинъ ев. Іоаннъ повѣствуетъ намъ о первомъ призваніи первыхъ апостоловъ, и рассказываетъ объ этомъ съ такими подробностями и съ такою живописною трогательностью, какъ будто на его сердцѣ и памяти неизгладимо напечатлѣлась всякая черта этого событія.

Посольство отъ синедріона (о которомъ мы уже упоминали), повидимому, состоялось за день до возвращенія Спасителя изъ

пустыни; и когда на слѣдующее утро Іоаннъ Креститель увидѣлъ приближающагося Іисуса, то всенародно и торжественно засвидѣтельствовалъ, что это и есть Мессія, который былъ явленъ ему особеннымъ знаменіемъ, что это „Агнецъ Божій, который беретъ на себя грѣхъ міра“. Пасхальнаго ли агнца при этомъ имѣлъ въ виду Іоаннъ Креститель, или агнца утренней и вечерней жертвы; употребилъ ли онъ дѣйствительно выраженіе „міръ“, или это только греческій переводъ еврейскаго слова „народъ“ (*амъ*); понималъ ли онъ глубочайшее и страшное значеніе своего изреченія, или только увлеченъ былъ пророческимъ вдохновеніемъ превыше себя, — мы не знаемъ. Но вполне ясно то, что такъ какъ всѣ образы и даже самое описаніе его собственнаго служенія и положенія заимствованы имъ у великаго пророка-благовѣстника, то онъ очевидно употреблялъ это выраженіе въ близкой связи съ изображеніемъ божественнаго терпѣнія и искупительнаго страданія у Ісаи лпн, 7. Его слова едва ли могли имѣть другой смыслъ, кромѣ того, что благородный и безгрѣшный человѣкъ, на котораго онъ указалъ, есть человѣкъ скорбей, и что эти скорби должны быть понесены за спасеніе рода человѣческаго. Какое бы значеніе ни получили эти слова въ умахъ слушателей, во всякомъ случаѣ послѣдніе едва ли могли понимать ихъ иначе, какъ въ связи съ безгрѣшностью, страданіемъ и искупительнымъ дѣломъ Іисуса.

Какъ ни важно было такое свидѣтельство, въ первый день оно, повидимому, не произвело никакого непосредственнаго дѣйствія. На второй день, когда Іисусъ опять проходилъ мимо Іоанна Крестителя, стоявшаго съ двумя своими учениками, Іоаннъ, устремляя на Него свой многозначительный и благоговѣнный взоръ, воскликнулъ опять съ чувствомъ невольнаго страха и благоговѣнія: „вотъ Агнецъ Божій“.

Слова эти были слишкомъ знаменательны, чтобы остаться безъ вниманія, и двое галилейскихъ юношей, слышавшіе ихъ, послѣдовали за удалявшимся Іисусомъ. Заслышавъ шорохъ ихъ боязливыхъ шаговъ, Онъ оглянулся и, когда они подошли, ласково спросилъ ихъ: „что вамъ надобно“?

Это было еще только начало Его служенія; они еще не могли знать, кто Онъ; доселѣ они еще не слышали благодатныхъ словъ,

исходившихъ изъ Его устъ, слѣдуя за Нимъ, они такимъ образомъ могли руководиться совсѣмъ инымъ побужденіемъ, или даже простымъ мимолетнымъ любопытствомъ. Важно однако же то, что они пошли за Нимъ по своему внутреннему побужденію, имѣя въ виду свою собственную свободную цѣль.

Но какъ глубоко и многознаменателенъ этотъ вопросъ и какъ серьезно нужно всѣмъ, приближающимся въ Спасителю, отвѣчать на него! Одинъ изъ самыхъ суровыхъ подвижниковъ (Бернаръ) имѣлъ обыкновеніе постоянно предостерегать себя торжественнымъ вопросомъ: *Bernarde, ad quid venisti?*— „зачѣмъ ты здѣсь“? Самоиспытаніе не можетъ уже принять болѣе взыскательной формы; но все заключающееся въ немъ значеніе было сосредоточено въ спокойномъ и простомъ вопросѣ Христа: „что вамъ надобно?“

Вопросъ этотъ заключаетъ въ себѣ больше, чѣмъ могли сразу отвѣтить на него молодые галилеяне; онъ означалъ быть можетъ больше, чѣмъ они знали или были въ состояніи понять, но ихъ отвѣтъ показывалъ, что настроеніе ихъ было серьезно. „Равви, сказали они (и этотъ титулъ глубокаго почтенія и уваженія показывалъ, какое глубокое впечатлѣніе произвелъ Онъ на нихъ своимъ видомъ), гдѣ живешь?“

Гдѣ именно, — мы не знаемъ. Быть можетъ, въ одномъ изъ на-скоро сдѣланныхъ *суккотъ* или шалашей, покрытыхъ сверху полосатой *аббой*, которую на востокѣ носятъ какъ обыкновенную одежду, сплетенныхъ изъ зеленыхъ вѣтвей теревинѳа или пальмъ, — тѣхъ шалашей, въ которыхъ находили единственное убѣжище сотни народа, стекавшагося для крещенія отъ Іоанна. „Говорить имъ: пойдите и увидите“. И эти слова также просты, хотя они встрѣчаются въ мѣстахъ, имѣющихъ великое значеніе. Никогда они не производили болѣе сильнаго дѣйствія, чѣмъ теперь. Юноши пошли и увидѣли, гдѣ Онъ живетъ, и такъ какъ было уже четыре часа пополудни, то они пробыли у Него весь тотъ день, а можетъ быть и переночевали тамъ; но прежде чѣмъ лечь спать, они познали и почувствовали въ сердцѣ своемъ, что ожиданія, длившіяся столько вѣковъ, теперь исполнились, что они находились въ присутствіи Того, который и есть чаяніе наро-

довъ — первосвященникъ выше Аарона, пророкъ выше Моисея, царь выше Давида, истинная звѣзда Якова и скипетръ израилевъ.

Одинъ изъ двоихъ юношей, которые такимъ образомъ раньше всѣхъ пришли ко Христу, былъ Андрей. Другой умолчалъ о своемъ собственномъ имени, потому что это былъ самъ повѣствователь, возлюбленный евангелистъ Иоаннъ. Неудивительно поэтому, что даже мельчайшія подробности, вплоть до самаго часа дня, сохранялись въ его памяти, никогда не изглаживаясь и въ старческомъ возрастѣ.

Первою заботою Андрея было найти своего брата Симона и рассказать ему объ этой необычайной встрѣчѣ. Онъ привелъ его къ Христу, и Иисусъ, оинувъ его тѣмъ царственнымъ взглядомъ, который ясно читалъ самыя затаенныя мысли, и сразу увидѣвъ въ этомъ простомъ рыбацкѣ всю слабость, но также и все благородное величіе человѣка, сказалъ ему, называя его новымъ именемъ, которое впоследствии еще болѣе торжественно было утверждено за нимъ: „Ты Симонъ, сынъ Іонинъ, ты наречешься Кифа, что значитъ камень“, то-есть: ты Симонъ, сынъ *голубя*; послѣ этого ты будешь какъ скала, въ которой гнѣздится голубь. Это была простая игра словъ, но она заключала въ себѣ глубокой символическій смыслъ. Въ такой игрѣ именно только легкомысленный и невѣжественный можетъ видѣть нѣчто унижающее достоинство Спасителя. У іудеевъ во всѣ времена было вѣрованіе въ особое значеніе и предзнаменованіе именъ, и самый языкъ у нихъ считался не менѣе священнымъ, чѣмъ предзнаменовательные камни на груди Аарона. Ихъ вѣра въ таинственную силу звуковъ, — языка, управляемаго неизмѣнною судьбою въ области кажущагося случая, можетъ показаться праздною и суевѣрною для людей искусственнаго образованія, но она раздѣлялась многими изъ глубочайшихъ мыслителей всѣхъ временъ.

Какимъ образомъ случилось, что эти двое юношей галилейскихъ, — этотъ Иоаннъ, столь пылкій и созерцательный, и этотъ Петръ, столь неудержимый въ своихъ чувствахъ и въ то же время столь робкій въ своихъ дѣйствіяхъ, — были такимъ образомъ сразу приведены, и приведены однимъ взглядомъ, однимъ словомъ къ стопамъ Спасителя? Какимъ образомъ они такъ, по одному мановенію внутренняго озаренія, пришли къ признанію въ плотникѣ

назаретскомъ провозвѣщеннаго пророками Мессіи, Сына Божія, Спасителя міра?

Несомнѣнно отчасти вслѣдствіе того, что Онъ сказалъ Самъ и что свидѣтельствовалъ о Немъ Іоаннъ Креститель, но несомнѣнно также и вслѣдствіе самаго Его внѣшняго вида. Въ этомъ отношеніи преданіе представляетъ замѣчательное разнообразіе; мы вкратцѣ коснемся этого интереснаго предмета.

Всякій, изучавшій изображенія Христа въ средневѣковомъ искусствѣ, замѣчалъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, особенно въ миссалахъ, безобразны до отвращенія и воцунства, другія, напротивъ, дышатъ благородствомъ и обаятельнымъ идеаломъ человѣческой красоты. Откуда произошло такое странное разногласіе?

Оно произошло вслѣдствіе того, какія пророческія мѣста считались относящимися къ явленію Мессіи и ко всей Его жизни.

Церковь первыхъ вѣковъ христіанства, будучи знакома съ изящной формой,¹ въ которую геній языческой культуры воплощалъ свои представленія о юныхъ богахъ Олимпа, но сознавая также рововую испорченность въ ней чувственнаго воображенія, повидимому съ особенною настойчивостью старалась освободиться отъ этого боготворенія тѣлесныхъ качествъ и принимала за идеаль тѣлеснаго вида Спасителя. Исаино изображение пораженнаго и униженнаго страдальца или восторженное описаніе Давидомъ презрѣннаго и поносимаго людьми человѣка (Исх. ѡп, 14; ѡп, 4; Пс. ххі, 7, 8, 16, 18). Красота Его, говоритъ Климентъ Александрійскій, была въ Его душѣ, по внѣшности же Онъ былъ худъ. Іустинъ Философъ описываетъ Его какъ человѣка безъ красоты, безъ славы, безъ чести. Тѣло Его, говоритъ Оригенъ, было мало, худо сложено и неблагообразно. „Его тѣло, говоритъ Тертуліанъ, не имѣло человѣческой красоты, тѣмъ менѣе небеснаго великолѣпія“. Язычникъ Цельсъ, какъ можно видѣть изъ Оригена, свидѣтельство преданія о простотѣ и неблагообразіи Его внѣшности выставлялъ даже какъ основаніе къ отверженію Его божественнаго происхожденія. Эта искаженность мысли доходила до еще большихъ крайностей. Вульгата такъ передаетъ текстъ Ис. ѡп, 4; „Nos putavimus eum quasi leprosum, percussum a Deo et humiliatum“ (Мы думали, что Онъ, какъ бы прокаженный, пораженъ

Богомъ и уничиженъ), и это послужило основаніемъ для широкаго распространеннаго вымысла, будто Тотъ, который исцѣлялъ столькихъ отъ проказы, былъ Самъ проваженный!

Съ другой стороны, было много такихъ, которые, пораженные этими возмутительными вымыслами, думали, что Иисусъ въ своихъ земныхъ чертахъ отражалъ обаятельную красоту Давида, своего великаго предка. Бл. Иеронимъ и Августинъ предпочитали прилагать къ Нему слова Псалмопѣвца: „Ты прекраснѣе сыновъ человѣческихъ“ *). Понятно, что, при отсутствіи положительныхъ указаній, этотъ взглядъ нашелъ больше сочувствія и послужилъ основаніемъ для ходячихъ изображеній Христа, а также и тѣхъ идеаловъ, исполненныхъ чудной смѣси величія и нѣжности въ лицѣ (столь прекрасномъ, по выраженію поэта, что даже грусть, омрачающая его, дѣлаетъ эту грусть болѣе прекрасной, чѣмъ

*) Этого взгляда держатся и дошедшія до насъ описанія внѣшности Спасителя. Къ сожалѣнію, самыя раннія описанія внѣшности Иисуса относятся уже къ очень позднему времени; но очень возможно, что они заключаютъ въ себѣ хотя слабый отголосокъ преданія, сохранившагося отъ временъ Иринея, Папія и апостола Іоанна. Никифоръ, приводя описанія, данныя Іоанномъ Дамаскинскимъ въ восьмомъ столѣтіи, говоритъ, что Иисусъ похожъ былъ на Дѣву Марію, что Онъ былъ красивъ и поразительно высокъ ростомъ, съ свѣтлыми и нѣсколько вьющимися волосами, которыхъ никогда не касалась рука Его Матери, имѣлъ темныя брови, овальное лицо съ блѣднымъ и смугловатымъ оттѣнкомъ, свѣтлые глаза, нѣсколько сутуловатый станъ, и взглядъ, въ которомъ выражались терпѣніе, благородство и мудрость. Знаменитое письмо, адресованное будто бы Лентуломъ, „предсѣдателемъ народа іерусалимскаго римскому сенату“ (хотя такой должности вовсе не существовало), хотя не древнѣе XII столѣтія, настолько однако же интересно для исторіи христіанскаго искусства, какъ очевидно заимствованное изъ давно-ходячихъ преданій, что мы можемъ привести его здѣсь сполна.

„Въ наши времена, говорится въ этомъ письмѣ, явился великой добродѣтели человѣкъ, по имени Христосъ Иисусъ... Онъ высокаго рода, прекрасенъ, имѣетъ благородное лицо, такъ что тѣ, кто смотрятъ на Него, любятъ и боятся Его. Онъ имѣетъ волнистые волосы, скорѣе даже кудрявые, виннаго цвѣта, которые лоснятся при спаденіи на плечи и раздѣляются по срединѣ головы по обычаю назореевъ. Чело Его чисто и ровно, а лицо Его безъ всякихъ пятенъ и морщинъ, но рдѣетъ нѣжнымъ румянцемъ. Его носъ и ротъ безукоризненной красоты; Онъ имѣетъ окладистую бороду того же самаго орѣховаго цвѣта, какъ и волосы, не длинную, но раздвоенную. Глаза у Него голубые и очень свѣтлые. Онъ страшенъ при уворѣ и любвеобилень при увѣщаніи, веселъ, но съ сохраненіемъ достоинства. Его никогда не видѣли смѣющимся, но часто плачущимъ. Станъ Его прямой, а руки и члены Его прекрасны на видъ. Въ разговорѣ важенъ, скромень и умѣренъ; и Онъ прекрасенъ среди сыновъ человѣческихъ“.

сама красота), которые мы видимъ въ знаменитыхъ картинахъ Фра Анджелико, Микель Анджело, Леонардо да Винчи, Рафаэля и Тиціана.

Независимо отъ всякаго преданія, мы можемъ съ благоговѣйнымъ убѣжденіемъ вѣровать, что въ тѣлѣ, заключавшемъ въ себѣ превѣчное Божество и безконечную святость, не могло быть ничего низкаго или отталкивающаго, а напротивъ, было „нѣчто небесное“, какъ говоритъ бл. Иеронимъ. Всякая истинная красота есть только „тайнство доброты“, и совѣсть столь непорочная, духъ столь полный гармоніи, жизнь столь великая и благородная не могли не выражаться во внѣшности, не могли не отражаться въ лицѣ Сына человѣческаго. На красоту Его внѣшности мы нигдѣ не находимъ ни малѣйшаго указанія, хотя она отмѣчается при описаніи, напр., молодого первосвященника Аристовула, умерщвленнаго Иродомъ; но, съ другой стороны, мы нигдѣ не встрѣчаемъ, даже въ рѣчи Его враговъ, ни одного слова или намева, которые бы могли относиться къ неблагообразію Его внѣшности. Тотъ, о Комъ Іоаннъ Креститель свидѣтельствовалъ, какъ о Христѣ, Кого народъ хотѣлъ взять, чтобы сдѣлать своимъ царемъ, Кого святой городъ привѣтствовалъ торжественными вливами, какъ сына Давидова, Кому женщины служили съ такимъ глубокимъ благоговѣніемъ и видъ котораго, даже въ смутныхъ образахъ сновидѣнія, наполнилъ душу римлянки страхомъ и благоговѣніемъ; Тотъ, простыя слова котораго заставили Филиппа и Маттея и многихъ другихъ оставить все и слѣдовать за Нимъ, одинъ взглядъ котораго наполнилъ сердце Петра мѣлой покаянія; Тотъ, въ присутствіи котораго одержимые бѣсами впадали въ неистовство и цѣпенѣли и отъ одного вопроса котораго, въ самый моментъ Его полной безпомощности во время предательства, злѣйшіе враги Его отступали назадъ и падали на землю въ безумномъ изступленіи (Іоан. хviii, 6; см. Лук. iv, 30), — такой человѣкъ не могъ быть въ своей внѣшности безъ личнаго величія пророка и первосвященника. Вся Его жизнь убѣдительно говоритъ о той силѣ, крѣпости, величіи и неотразимомъ вліяніи на людей, которыя не могли проявляться безъ значительной доли тѣлесныхъ, не менѣе чѣмъ и духовныхъ,

дарованій. „Истинно, говоритъ блаженный Иеронимъ, пламя огня и звѣздный блескъ свѣтились въ Его очахъ, и величіе Божества сіяло въ лицѣ Его“.

Третій день по возвращеніи изъ пустыни, повидимому, проведенъ былъ Иисусомъ въ бесѣдѣ съ своими новыми учениками. На четвертый день Онъ хотѣлъ отправиться въ обратный путь въ Галилею, но на пути встрѣтился съ другимъ молодымъ рыбакомъ Филиппомъ изъ Внесаиды. Филиппъ носилъ греческое имя, которое, быть можетъ, дано было ему по имени четвертовластника Филиппа, такъ какъ обычай называть дѣтей по имени царствующихъ государей всегда былъ распространеннымъ въ народѣ. Если такъ, то ему было въ это время около тридцати лѣтъ. Возможно также, что его греческое имя указывало на его близкія отношенія съ какимъ-нибудь по-гречески говорящимъ населеніемъ, смѣшанно жившимъ съ галилеянами по берегамъ Геннисаретскаго озера, и этимъ, быть можетъ, объясняется то, что къ нему именно, а не къ кому-нибудь другому изъ апостоловъ, обращались греки, которые въ послѣднюю недѣлю жизни Христа хотѣли видѣться съ Нимъ. Одного слова, одного многозначительнаго признанія: „слѣдуй за Мною“ — было достаточно для того, чтобы навсегда приязать къ Иисусу кроткаго и простодушнаго апостола, котораго Онъ, по всей вѣроятности, зналъ раньше.

На слѣдующій день къ этому священному обществу прибавился пятый членъ. Желая подѣлиться сдѣланнымъ открытіемъ, Филиппъ отыскалъ своего друга Наѳанаила, исполняя тѣмъ великую обязанность дружбы, состоящую въ сообщеніи другимъ всего, что испытывается нами самаго великаго и важнаго въ жизни. Наѳанаиль въ спискѣ апостоловъ вообще и почти несомнѣнно отождествляется съ Вареоломеемъ, потому что Вареоломей скорѣе есть отчество, чѣмъ имя — „Бар-Толмай — сынъ Толмая“; и притомъ Наѳанаиль только еще въ одномъ мѣстѣ упоминается подъ этимъ именемъ (Іоан. ххі, 2), Вареоломей же (о которомъ иначе мы не знали бы ничего) въ спискѣ апостоловъ постоянно помѣщается рядомъ съ Филиппомъ. Живя въ Канѣ Галилейской, Вареоломей легко могъ познакомиться съ молодымъ рыбакомъ геннисаретскимъ. А Христось до этого времени жилъ въ такой отчуж-

денности отъ всѣхъ, что Нааанаилъ, будучи даже знакомъ съ Филиппомъ, въ то же время ничего не зналъ объ Иисусѣ. Простодушный Филиппъ, повидимому, съ особеннымъ удовольствіемъ сопоставлялъ съ величіемъ служенія Христа Его низкое происхождение: „Мы нашли Того, о которомъ писали Моисей въ законѣ и пророки“, сказалъ онъ своему другу; кого же? молодого иродіанскаго князя? молодого асмонейскаго священника? какую-нибудь лучезарную звѣзду изъ шеволь Шаммаи или Гиллея? какого-нибудь пылаго молодого эмира изъ приверженцевъ Іуды Гамалы?—нѣтъ, „Иисуса, сына Іосифова, изъ Назарета“.

На Нааанаила это произвело совсѣмъ иное впечатлѣніе. Онъ обратилъ вниманіе на мѣстность. Возможно, какъ свидѣтельствуеетъ преданіе, что онъ былъ человѣкомъ болѣе высокаго положенія, чѣмъ остальные апостолы. Въ его отвѣтѣ обыкновенно видятъ ходячую пословицу; но въ немъ, быть можетъ, заключался намекъ на слово *назора*—„презрѣнный“, или онъ просто означалъ: „изъ Назарета—этого ничтожнаго и безславнаго города въ маленькой недоступной долинѣ—можетъ ли быть что доброе *оттуда?*“ Филиппъ отвѣчалъ тѣми же словами, съ которыми Спаситель обратился къ Іоанну и Андрею. Онъ былъ хорошій ученикъ и сказалъ словами Учителя: „пойди и посмотри“.

Часто и теперь задаютъ тотъ же вопросъ: „изъ Назарета можетъ ли быть что доброе?“ И единственно удовлетворительнымъ, почти единственно возможнымъ отвѣтомъ на него можетъ быть то же, что и тогда: иди и посмотри. Тогда онъ означалъ: иди и посмотри Того, который говоритъ, какъ никогда не говорилъ человѣкъ; иди и посмотри Того, который, будучи просто плотникомъ назаретскимъ, наполняетъ священнымъ благоговѣніемъ всѣхъ приближающихся къ Нему, однимъ присутствіемъ своимъ какъ бы раскрываетъ тайны сердце, и однако же влечетъ къ себѣ даже самыхъ грѣшныхъ съ чувствомъ тоскующей любви; иди и посмотри Того, въ которомъ все дышетъ неотразимымъ очарованіемъ безгрѣшной чистоты, недостигаемой красотой божественной жизни. „Пойди и посмотри“, сказалъ Филиппъ, убѣжденный въ своемъ простомъ вѣрующемъ сердцѣ, что увидѣть Иисуса значило познать Его, а знать Его значило любить Его, а любить Его значило боготворить Его. Въ этомъ смыслѣ мы

не можемъ больше говорить: иди и посмотри; потому что съ того времени, какъ закрылись отверзавшіяся небеса для видѣній, которыхъ удостоились св. Стефанъ и ап. Павелъ, Его земной составъ невидимъ больше. Но есть другой смыслъ, въ которомъ съ неменьшею убѣдительною и теперь достаточно отвѣчать на всѣ сомнѣнія: иди и посмотри. Иди и посмотри, какъ ожилъ умиравшій міръ, возродился разлагавшійся міръ, помолодѣлъ одряхлѣвшій міръ; иди и посмотри, какъ освѣтилась тьма и отчаяніе исчезло; иди и посмотри на человѣколюбіе, принесенное въ темницу заключенному преступнику, на свободу, данную закованному рабу; иди и посмотри на бѣдныхъ, простецовъ и массу народную, навсегда освобожденныхъ отъ угнетенія богатыхъ, ученыхъ и избранныхъ; иди и посмотри, какъ возникаютъ благотворительные госпитали и пріюты рядомъ съ чудовищными развалинами волосальныхъ амфитеатровъ, которые нѣкогда орошались человѣческою кровью; иди и посмотри, какъ изъ очищенныхъ жилищъ съ негодованіемъ изгнаны всѣ постыдные символы всеобщаго развращенія; иди и посмотри, какъ притоны разврата и безчеловѣчія превратились въ счастливые очаги домашней жизни, дерзкіе безбожники—въ вѣрующихъ христіанъ, мятежники въ кроткихъ дѣтей и язычники въ святыхъ мужей. Да, иди и посмотри величественные акты одной великой драмы, тянущейся на протяженіи девятнадцати столѣтій христіанства, и когда ты увидишь, что всѣ они направляются къ одной великой цѣли, давно предопредѣленной въ совѣтѣ божественной воли, когда въ благоговѣнномъ смиреніи узнаешь, что даже то, что кажется случаемъ, въ дѣйствительности есть звено въ цѣпи предвѣднія и совершается по непреложной системѣ предустановленнаго порядка, когда ты услышишь голосъ Спасителя, съ любящимъ сочувствіемъ взывающегоъ прямо къ сердцу, — тогда ты, можетъ быть, поймешь, какъ жалко сомнѣнье, и въ спокойномъ, блаженномъ упованіи вмѣстѣ съ непорочнымъ и откровеннымъ Наананомъ воскликнешь: „Равви, Ты Сынъ Божій, Ты Царь Израилевъ“!

Презрительность Наанана скоро уступила мѣсто другому чувству. Исусъ, замѣтивъ идущаго къ Нему Наанана, увидѣлъ на челѣ его печать Божию и сказалъ о немъ: „Вотъ по-

длинно израильтянинъ, въ которомъ нѣтъ лукавства“. „Почему Ты знаешь меня“?—спросилъ Наанаилъ, и на это послѣдовалъ знаменательный отвѣтъ: „прежде нежели позвалъ тебя Филиппъ, когда ты былъ подь смоковницею, Я видѣлъ тебя“.

У всѣхъ набожныхъ іудеевъ былъ обычай, одобряемый и талмудомъ, читать свою *кришму* или молитвы на каждый день подь смоковницей, и нѣкоторые думаютъ, что въ призваніи апостола изъ-подь тѣни дерева, служившаго символомъ іудейскихъ законовъ и іудейскихъ преданій, подь которыми начинала уже колебаться почва, заключается особое значеніе. Изъ вдохновенной прозорливости чистаго воображенія, которое можетъ такимъ образомъ одѣвать въ аллегорію самые простые факты, всегда можно извлечь нѣчто интересное и поучительное; но въ данномъ случаѣ одного проблеска мгновенной мысли было бы недостаточно для объясненія сильной восторженности въ отвѣтъ Наанаила. При первомъ взглядѣ всякому бросается въ глаза видимая несоразмѣрность между причиной и дѣйствіемъ. Какъ, повидимому, недостаточно было одного простого намека на уединенное задумчивое сидѣніе подь смоковницей для того, чтобы мгновенно вызвать привязанность, несокрушимую послѣ преданность этого „плавагаго апостола“ Сыну Божію, Царю Израилеву! Но чтобы найти истинное объясненіе этой мгновенной переменѣ убѣжденія, мы должны взглянуть глубже, и тогда, если не ошибаемся, мы увидимъ въ этомъ событіи еще одну изъ тѣхъ чертъ неподдѣльной дѣйствительности, которыя для столькихъ сильныхъ умовъ служили неопровержимымъ внутреннимъ доказательствомъ исторической достовѣрности четвертаго евангелія.

Бываютъ моменты, когда благодать Божія осязательно дѣйствуетъ въ сердцѣ человѣческомъ; когда душа какъ бы поднимается на орлихъ крыльяхъ упованія и молитвы въ превышняя небесъ; когда, восхищенные какъ бы въ присутствіе самого Бога, мы видимъ и слышимъ дѣла неизреченныя. Въ такіе моменты мы переживаемъ всю свою жизнь, потому что такія ощущенія уничтожаютъ рамки временнаго бытія; они „стѣсняють вѣчность въ часъ, и часъ распространяють въ вѣчность“. Въ такіе моменты мы находимся ближе къ Богу; мы опознаемъ Его и Онъ

опознаетъ насъ; и еслибы человѣку возможно было въ такой моментъ заглянуть въ нашу душу, онъ увидѣлъ бы все, что есть въ нашемъ существѣ велиаго и безсмертнаго. Но видѣть насъ такъ невозможно человѣку; это возможно только для Того, рука котораго будетъ наставлять и десница поучать насъ, даже еслибы мы раннимъ утромъ взяли крылья и унеслись за отдаленныя моря. А такое именно чувство навѣрно и испытывалъ израильтянинъ безъ лукавства, когда онъ сидѣлъ, молился и безмолвно размышлялъ подъ смоковницей. Такія-то чувства, которыя только и могли быть извѣстны Тому, кому дано читать сокровеннѣйшія тайны сердца, и затронулъ Спаситель въ Наэанаилѣ. Пусть тотъ, кто испыталъ нѣчто подобное, скажетъ, какъ бы онъ взглянулъ на человѣка, который бы сказалъ ему, что въ такой-то моментъ онъ погруженъ былъ въ созерцаніе безпредѣльной глубины чувствъ своего сердца. Что такія одинокія размышленія, такое проникновеніе даже въ этой жизни „за завѣсу“ вѣчности, такая восхищенность до третьяго неба, во время которой душа стремится переступить предѣлы пространства и времени, сообщаясь лицомъ къ лицу съ вѣчнымъ и невидимымъ, такое мгновенное воспламенѣніе небснаго огня, который какъ-бы расплавляетъ внутри насъ все низкое и нечистое въ одно мгновеніе и навсегда, — что такія возвышенныя состоянія бывали испытываемы людьми истинной христіанской жизни, это подтверждается неоспоримыми свидѣтельствами исторіи. И если кто изъ нашихъ читателей когда-нибудь испытывалъ въ себѣ такую дивную перемену, во время которой уничтожается старая и создается или возсоздается новая душа, тотъ навѣрно пойметъ трепеть мгновеннаго сочувствія, почувствуетъ стрѣлу непреклоннаго убѣжденія, что такъ мгновенно пронзила сердце Наэанаила и заставила его сразу пасть на колѣна и воскликнуть: „Равви, Ты Сынъ Божій, Ты Царь Израилевъ“!

О Наэанаилѣ мы почти ничего не слышимъ послѣ. Это былъ, повидимому одинъ изъ тѣхъ тихихъ, уединенныхъ, созерцательныхъ людей, вся жизнь которыхъ проходитъ не здѣсь, а тамъ — „гдѣ за далью непогоды не проходитъ тишина“. Онъ жилъ такою жизнью, которая невидима міру, потому что она „сокрыта со Христомъ въ Богѣ; но можно быть увѣреннымъ, что никогда до са-

маго дня своего мученичества или даже во время самыхъ мученическихъ страданій онъ не забывалъ тѣхъ спокойныхъ словъ, которыя показали, что „Господь взыскалъ его, и позналъ его, и уразумѣлъ его мысли задолго предъ тѣмъ“. Несомнѣнно не однажды, но много и много разъ въ послѣдующіе дни исполнялось данное ему и его спутникамъ обѣтованіе, что они очами вѣры будутъ видѣть „небо отверстымъ и ангеловъ Божіихъ восходящихъ и нисходящихъ къ Сыну человѣческому“.

ГЛАВА XI.

ПЕРВОЕ ЧУДО.

Онъ явилъ славу Свою. Іоан. II, 11.

НА ТРЕТІЙ день, говоритъ ев. Іоаннъ, былъ бракъ въ Канѣ Галилейской“. Повѣствуя съ полнымъ знаніемъ и живыми воспоминаніями о всякомъ происшествіи, совершившемся въ тѣ достопамятные дни, онъ обозначаетъ время такъ, какъ будто оно одинаково извѣстно и всѣмъ. Третій день понимали различно: проще всего понимать его, какъ третій по отбытіи Иисуса въ Галилею. Если свое путешествіе Онъ совершалъ поспѣшно, то на первую ночь Онъ могъ остановиться (предполагая, что слѣдовалъ обычнымъ путемъ) въ Силомѣ или Сихемѣ, на вторую въ Ен-Ганнимѣ, на третью, перейдя долину Ездрилонскую, Онъ уже легко могъ достигнуть Назарета, и узнавъ, что Его Матери и братьевъ не было дома, въ каіе-нибудь полтора часа могъ поспѣть во-время къ обряду восточной свадьбы.

Обрядъ этотъ, какъ извѣстно, начинался въ сумерки. Въ Палестинѣ, все равно какъ и въ Греціи, въ обычаѣ было „невѣсту уводить изъ дома при розово-стыдливомъ угасаньи дня“ или даже позже, совсѣмъ ночью, причемъ ее съ головы до ногъ окутывали широкимъ и развѣвающимся покрываломъ, осыпали цвѣтами и вообще одѣвали въ лучшія платья. О прибытіи ея къ дому жениха возвѣщалось факелами, пѣснями и танцами, барабаннымъ

боемъ и флейтами. Ее сопровождали дѣвицы односельчанки и женихъ выходилъ въ ней навстрѣчу съ своими молодыми друзьями. Есть сказаніе, что Наѳанаилъ былъ при этомъ дружбой, на обязанности котораго было сопровождать невѣсту; но присутствіе Пресв. Маріи, которая оставила Назаретъ съ цѣлью присутствовать на свадьбѣ, указываетъ повидимому на то, что кто-нибудь изъ брачной четы былъ членомъ святаго семейства. Иисусъ также былъ позванъ съ своими учениками, но употребленіе глагола въ единственномъ числѣ (*zванъ*) даетъ понятъ, что ученики были приглашены уже ради Его, а не Онъ ради ихъ. Поэтому невѣроятно, чтобы Наѳанаилъ, который только за два дня предъ тѣмъ познакомился съ Иисусомъ, принималъ какое-нибудь участіе въ свадьбѣ. Всѣ положительныя соображенія тутъ бесполезны; но то, что Дѣва Марія очевидно занимала главное положеніе въ этомъ домѣ и полновластно распоряжалась слугами, дѣлаетъ возможнымъ предположеніе, что это была свадьба одного изъ ея племянниковъ, сыновей Алѳея или одной изъ племянницъ, „сестеръ Иисуса“, которымъ преданіе даетъ имена Есеири и Тамари. Что самого Иосифа уже не было въ живыхъ, видно изъ полного молчанія о немъ евангелистовъ, которые послѣ перваго посѣщенія Христомъ Іерусалима въ отрочествѣ уже больше не упоминаютъ его имени.

Продолжалось ли брачное пиршество семь дней, какъ было въ обычаѣ у располагавшихъ достаточными для того средствами (Суд. xiv., 12; Тов. xi, 19), или только одинъ-два дня, какъ было у бѣднѣйшихъ классовъ, — мы не знаемъ; но только во время самаго пиршества вдругъ недостало вина. Только тотъ, кто знаетъ, какъ священенъ на востокѣ долгъ щедраго гостепріимства и какъ глубоко чувствуется всѣми обязанность исполнить его во чтобы то ни стало, можетъ представить себѣ, насколько этотъ случай могъ омрачить все торжество и какую сворбъ и уныніе онъ причинилъ бы новобрачной четѣ. Они сочли бы это, какъ бываетъ и теперь на востокѣ, крайнимъ и неизгладимымъ для себя безчестьемъ.

Причиной этой неожиданной недостачи могло быть присутствіе Иисуса и Его пяти учениковъ. Приглашеніе сначала, какъ можно думать, было сдѣлано только одному Иисусу, и юный же-

нихъ въ Канѣ Галилейской никакъ не могъ знать, что въ теченіе послѣднихъ четырехъ дней Иисусъ приобрѣлъ себѣ пять неразлучныхъ учениковъ. Вѣроятно и запаса не было сдѣлано на случай увеличенія гостей, и вотъ ихъ-то неожиданное прибытіе и было причиной недостачи вина въ этомъ простомъ хозяйствѣ. Притомъ сами новоприбывшіе, только что прибывъ изъ поспѣшнаго и утомительнаго стопятидесяти-верстнаго пути, даже еслибы имъ позволяли средства, не имѣли возможности, согласно съ распространеннымъ іудейскимъ обычаемъ, принести съ собою вина и другихъ припасовъ для увеличенія веселья на свадебномъ торжествѣ.

При такихъ обстоятельствахъ у матери Иисуса было особенное основаніе сказать Ему: „вина нѣтъ у нихъ“. Замѣчаніе очевидно было тонкое, но значенія его нельзя было не понять. Никто такъ не зналъ, какъ знала Пресв. Марія, кто ея Сынъ; но въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ терпѣливаго ожиданія Его явленія о себѣ она видѣла только, какъ Онъ возрасталъ подобно другимъ дѣтямъ и жилъ, правда, въ блаженномъ смиреніи и безгрѣшной мудрости, подобно нѣжному цвѣту предъ Богомъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ жилъ такъ же, какъ живутъ и другіе въ юношествѣ, отличаясь только своею совершенной непорочностью. Но теперь Ему было уже тридцать лѣтъ отъ роду; голосъ великаго пророка, слава котораго гремѣла во всемъ народѣ, провозгласилъ Его обѣтованнымъ Мессіей; Его открыто сопровождали ученики, признававшіе Его учителемъ и господиномъ. Теперь предстояло устранить затрудненіе; нужно было совершить истинно доброе дѣло: отвратить безчестье отъ друзей, которыхъ Онъ любилъ, — и притомъ безчестье, причиной котораго ненамѣренно сталъ Онъ самъ съ своими учениками. Не пришелъ ли часъ Его? Кто знаетъ, не можетъ ли Онъ сдѣлать чего-нибудь, если только обратить Его вниманіе на затрудненіе, грозившее прервать торжество? Не могутъ ли какіе-нибудь славословащіе ангелы, въ родѣ тѣхъ, что провозвѣщали Его рожденіе, по Его мановенію превратить скромный брачный праздникъ въ торжество небесное? Не возможно ли, чтобы именно теперь Онъ повелъ ихъ на пиръ въ свой собственный чертогъ, надъ которымъ развѣвается знамя любви?

Вѣра ея была сильна, побужденія чисты, и быть можетъ она руководилась еще тѣмъ, что можно назвать „тончайшимъ движеніемъ чистѣйшаго женскаго, материнскаго чувства, возбуждавшаго въ ней желаніе видѣть *своего Сына* окруженнымъ почетомъ въ ея присутствіи“. Часъ ея Сына уже насталь, но Ему было необходимо теперь, разъ навсегда, показать ей, что отнынѣ Онъ не былъ Иисусъ, сынъ Маріи, но Христосъ, Сынъ Божій, что въ виду Его великаго дѣла и служенія, въ виду Его вѣчнаго бытія — высокое значеніе родства для Него миновало; что Его мысли не таковы, какъ ея мысли, и Его пути не ея пути. И этого нельзя было сдѣлать болѣе рѣшительно и въ то же время болѣе нѣжно, какъ сдѣлалъ Иисусъ.

„Что Мнѣ и тебѣ, жено“? — сказалъ Онъ ей. Онъ не называетъ ее „матерью“, потому что въ данныхъ обстоятельствахъ она не была уже Его матерью; но названіе „жено“ было такъ почтительно, что могло употребляться въ обращеніи даже къ царственной женщинѣ, и такъ ласково, что могло быть прилагваемо въ моменты наибольшей нѣжности къ существамъ самымъ любимымъ. „Что Мнѣ и тебѣ“ — есть буквальный переводъ ходячей арамейской фразы (*ма ли велан*), которая, хотя означаетъ отстраненіе того или другого предложенія или мысли и отклоняетъ дальнѣйшее разсужденіе, однако же вполне совмѣстима съ самою изысканною нѣжностью и самою полною почтительностью.

И Пресв. Дѣва Марія съ неослабѣвшею вѣрою въ своего божественнаго Сына сказала слугамъ, которыми она, очевидно, распоряжалась съ нѣкоторою властью: „Что скажетъ Онъ вамъ, то сдѣлайте“.

Послѣ путешествія на востокъ прежде всего считается необходимымъ омыть ноги, а передъ пищею умыть руки; съ этою цѣлью у входа въ домъ стояло (какъ это бываетъ еще и теперь) шесть большихъ каменныхъ водоносовъ, отверстія которыхъ наполняются свѣжими зелеными листьями, для поддержанія холода въ водѣ. Въ каждомъ изъ этихъ водоносовъ могло содержаться воды на два или на три омовенія, и Иисусъ велѣлъ слугамъ наполнить ихъ доверха. Когда они сдѣлали это, Онъ повелѣлъ имъ почерпнуть изъ нихъ въ маленькіе сосуды и нести къ тому гостю,

который, по обычаю тогдашняго времени, былъ избранъ „распорядителемъ пира“. Не зная ничего о происшедшемъ, тотъ весело замѣтилъ, что, подавая хорошее вино послѣ, женихъ нарушилъ общее правило при пирахъ. Это было первое чудо Христа, и такъ, съ опредѣленною и символическою цѣлью, „Онъ явилъ славу Свою, и увѣровали въ Него ученики Его“.

Это было Его первое чудо, и однако же какъ оно не похоже на то, чего бы мы должны ожидать; какъ просто и непритязательно, какъ божественно спокойно! Способъ совершенія чуда — которое по своему характеру гораздо болѣе чудесно, чѣмъ обыкновенныя чудеса исцѣленія — превосходить силу нашего разумѣнія, и однако же оно совершенно безъ всякой пышности въ обстановкѣ, безъ всякаго блеска и внѣшняго самопрославленія. Въ настоящее время иные дерзновенно говорятъ, что Тотъ, предъ которымъ ничтожны горы и море и предъ очами котораго звѣздное небо есть лишь блѣдное мерцанье въ „полнѣйшей пустотѣ“, — долженъ бы совершать свои чудеса передъ собраніемъ компетентныхъ ученых! Конечно, можно бы допустить и это, еслибы чудеса считались единственнымъ или даже главнымъ удостовѣреніемъ достоинства Христа; но по вѣрѣ христіанскаго міра Сынъ Божій былъ бы Сыномъ Божиимъ тогда, еслибы Онъ, подобно Іоанну Крестителю, не совершилъ ни одного чуда. При совершеніи чудесъ Христосъ обращался не къ холодному и сомнѣвающемуся любопытству, но къ любящей и смиренной вѣрѣ. Для нихъ не нужны были ловкость обманщика или самовосхваленіе чудодѣя. Они были знаменіями, почти можно сказать случайными знаменіями Его служенія; но ихъ главною цѣлью было облегченіе человѣческаго страданія, объясненіе священныхъ истинъ или, какъ было въ этомъ случаѣ, увеличеніе невинныхъ радостей. Малоизвѣстная деревня, заурядная свадьба, скромный домъ, нѣсколько гостей поселянъ — вотъ при какой обстановкѣ, а не въ великолѣпномъ амфитеатрѣ съ многочисленными зрителями, совершилось одно изъ величайшихъ чудесъ могущества Христова. Въ этомъ отношеніи обстоятельства перваго чуда совершенно похожи на чудесныя событія, совершившіяся при рождествѣ Христовомъ. Въ полномъ несходствѣ этого со всѣмъ тѣмъ, что мы должны были бы воображать, въ полнѣйшемъ несогласіи съ тѣмъ, что могла

бы измыслить легенда, однимъ словомъ во всемъ, что болѣе всего возмущаетъ невѣра, мы видимъ новое подтвержденіе, что въ этомъ евангельскомъ повѣствованіи мы имѣемъ честный и правдивый разсказъ о дѣйствительномъ событіи.

Чудо само по себѣ чудесно, и мы не видимъ никакой пользы отъ попытки понять *средства*, которыми оно совершено. Принимаемая его (всякій конечно, согласно съ своими собственными убѣжденіями, можетъ принимать или отвергать его, хотя бы даже и съ явною опасностью для истины), мы завѣдомо принимаемъ нѣчто такое, что превышаетъ, хотя никоимъ образомъ не нарушаетъ обыкновенныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ природѣ. Что пользы изъ того и въ какомъ отношеніи чудо станетъ болѣе понятнымъ для насъ, если мы предположимъ, какъ Любомудрствуютъ различные критики, что здѣсь произошелъ только ускоренный процессъ природы, или что вода была посредствомъ магнетизма превращена въ вино, или что гости были въ состояніи необычайной восхищенности. Пусть тѣ, кто находятъ это умственно возможнымъ или духовно-полезнымъ, сколько угодно пользуются такими гипотезами, если только хватаетъ духа на нихъ. Въ дѣлахъ вѣры свои убѣжденія мы должны согласовать единственно съ тѣмъ, что по внутреннему чувству нашей совѣсти есть воля Божія, и во всѣхъ путяхъ нашей жизни должны заботиться о Его праведномъ приговорѣ. Но что касается спора между вѣрою и невѣріемъ, то единственнымъ исходомъ въ немъ можетъ быть только — спокойное и хладнокровное, правильное и вполне искреннее (въ виду необычайной важности предмета спора и глубины затрогиваемыхъ имъ чувствъ) изложеніе основаній внутреннихъ убѣжденій той и другой стороны. Въ такомъ случаѣ, если мы разъ поймемъ, что слово „природа“ мало или совсемъ не имѣетъ смысла, если не влючать въ него мысль о ея Виновникѣ; если мы разъ уяснимъ себѣ признанный наукой фактъ, что самое простое и самое несложное дѣйствіе законовъ природы безконечно превосходитъ самый возвышенный полетъ нашего разума; если мы признаемъ, что божественное Провидѣніе не есть отдаленная отвлеченность, а живая и любящая сила, пекущаяся о жизни людей; наконецъ, если мы вѣруемъ, что Христосъ есть едиnorodный Сынъ Божій, Слово Божіе, при-

пешее открыть и явить Отца Своего человечеству; — тогда ничто въ евангельскихъ чудесахъ не будетъ смущать нашей вѣры. На чудеса Христовы мы будемъ смотрѣть, какъ на естественный результатъ Его бытія и служенія, такой же естественный и неизбѣжный, какъ истеченіе лучей свѣта отъ солнца. По любимому выраженію евангелиста Іоанна, они были не просто предзнаменованіями, или силами, или знаменіями, но дѣлами обыкновенными и неизбѣжными (когда бы Онъ ни совершалъ ихъ), дѣлами Того, самое существованіе котораго есть наивысочайшее чудо. Мы вѣруемъ, что Онъ былъ безгрѣшенъ; а, выражаясь словами поэта, „можно бы думать, что чудомъ изъ чудесъ было создать міръ такимъ, какъ онъ есть; однако же еще гораздо большее чудо — прожить совершенно чистою жизнью въ немъ“. Величайшій изъ новѣйшихъ философовъ сказалъ, что двѣ вещи всегда наполняли его душу благоговѣйнымъ изумленіемъ: это — „звѣздное небо вверху и нравственный законъ внутри“; но къ нимъ прибавилась еще третья, не менѣе величественная вещь — исполненіе нравственнаго закона *онъ* насъ въ лицѣ Иисуса Христа. Это исполненіе заставляетъ насъ признать, что онъ воистину былъ Богъ; а въ такомъ случаѣ намъ и нечего больше удивляться, когда евангелія повѣствуютъ, что Онъ дѣлалъ на землѣ такія дѣла, которыя могутъ быть совершаемы только силою Божіей.

Но двѣ черты особенно обращаютъ на себя вниманіе въ этомъ первомъ чудѣ Христа. Это, во-первыхъ, отсутствіе всякаго себялюбія въ немъ. Служенію Христа надлежало быть служеніемъ радости и мира; своимъ дѣломъ онъ освящалъ не сокрушительный аскетизмъ, но животворную невинность; давалъ свое одобреніе не принудительному безбрачію, но освященному союзу. Тотъ, который для утоленія своего собственнаго жестокаго голода не хотѣлъ обратить вамней пустыни въ хлѣбъ, ради другихъ охотно являетъ свою чудотворную силу и только шесть или семь дней спустя избавляетъ бѣдный брачный пиръ отъ прискорбнаго затрудненія, обращая воду въ вино. Первымъ чудомъ Моисея, въ его суровомъ возмездіи угнетателямъ, было обращеніе воды въ кровь; первымъ же чудомъ Иисуса было наполненіе водоносовъ скромнаго семейства виномъ.

Друга черта — символическій характеръ чуда. Подобно почти всѣмъ чудесамъ Христа, оно соединяетъ въ себѣ всѣ отличительныя черты дѣла милосердія, знаменія и пророчества. Мѣръ сначала даетъ то, что есть у него лучшаго, а затѣмъ подонки и горечи; но Христосъ пришелъ для того, чтобы низшее превратить въ высшее, Моисеевъ законъ — въ совершенный законъ свободы, крещеніе Іоанново — въ крещеніе Духомъ Святымъ и огнемъ, печаль и воздыханіе — въ надежду и благословеніе, воду — въ вино. И такимъ образомъ „святое состояніе“, которое Христосъ почтилъ и украсилъ своимъ присутствіемъ и первымъ чудомъ въ Канѣ Галилейской, знаменуетъ таинственный союзъ Христа съ церковью; и простѣйшая стихія, которую Онъ такъ чудесно претворилъ, становится прообразомъ нашей земной жизни, преобразуемой и возвышаемой предвѣщавшими радостями неба, — прообразомъ того вина, которое мы будемъ пить съ Нимъ на брачной вечери Агнца.

ГЛАВА XII.

МѢСТО ОБЩЕСТВЕННАГО СЛУЖЕНІЯ ХРИСТА.

Народъ, ходящій во тьмѣ, увидитъ свѣтъ великій. И с. ix, 2.

ЧУДО Христа въ Канѣ Галилейской было знаменіемъ того, что Онъ пришелъ не удалить своихъ послѣдователей отъ міра и его обычныхъ обязанностей, но дѣлать людей счастливыми, благородными и лучше въ самомъ мірѣ. Онъ хотѣлъ показать, что Онъ одобрялъ веселость чистаго общества и оживленность невинныхъ собраний не менѣе, чѣмъ восторженность отшельника въ пустынѣ или созерцательность инока въ уединенной кельѣ.

Въ этомъ же отношеніи было нѣчто знаменательное въ самой мѣстности, избранной Имъ для своего общественнаго служенія. Іоаннъ Креститель проповѣдывалъ въ дивныхъ пустыряхъ у водъ Мертваго моря; голосъ его раздавался среди кремнистыхъ утесовъ, мрачно нависшихъ надъ знойной долиной Іордана. Бли-

жайшій къ мѣсту его проповѣди городъ былъ построенъ вопреки провлятія и дорога вела къ нему „вровавымъ путемъ“. Все кругомъ его дышало страшными воспоминаніями о преступномъ и понесшемъ кару прошломъ: самыя волны какъ бы выпяты смолой; самыя плоды при одномъ прикосновеніи рассыпаются въ вонючую пыль; самая пыль подъ его ногами, горячая и бѣлая, была какъ бы прахомъ омерзительнаго народа. Тамъ, у этихъ смолистыхъ водъ, подъ этимъ мѣднокраснымъ небомъ, среди этихъ палящихъ пустынь и утесистыхъ овраговъ, онъ проповѣдывалъ крещеніе покаянія. Но Христось, явившись среди невинно веселящагося общества своей Матери, своихъ братьевъ и учениковъ, съ самаго начала мѣстомъ своего служенія избралъ оживленный городъ, мраморныя зданія котораго отражались въ прозрачныхъ водахъ чарующаго озера.

Это былъ небольшой городъ Капернаумъ. Онъ стоялъ у мягкихъ склоновъ холмовъ, въ мѣстности, которую можно назвать раемъ земнымъ. Нигдѣ еще въ Палестинѣ не было такихъ деревьевъ и такихъ садовъ, какъ въ землѣ Геннисаретской. Самое названіе ея означаетъ „садъ изобилія“, и безчисленные цвѣты, покрывающіе эту маленькую равнину, дѣлаютъ ее „видомъ подобной смарагду“. Несомнѣнно, въ самый божественный планъ Христа отчасти входило то, чтобы начать свое служеніе именно въ такой прекрасной мѣстности; благовѣстіе, открывшее человечеству высочайшія упованія и чистѣйшія наслажденія, должно было впервые раздаться въ странѣ необыкновенно красивой. Мѣстность эта не поражаетъ ни особенной пышностью, ни колоссальностью; тутъ нѣтъ ни сумрака горъ, ни ихъ особеннаго великолѣпія; нѣтъ того „страшнаго величія“, которое наполняетъ насъ трепетомъ, когда мы смотримъ на дымящіяся вершины вулкановъ или сверкающіе ледники сѣверныхъ горъ. Еслибы наша жизнь на землѣ состояла изъ бурныхъ и страшныхъ переворотовъ, тогда, конечно, удачнымъ для нея символомъ могла бы служить мѣстность, носящая слѣды потопа и разрушенія; но эти зеленѣющія пастбища и тихія воды, эти весело щебечущія птицы и цвѣтущіе олеандры, эта зыблущаяся поверхность свѣтлаго озера, вдвойнѣ восхитительнаго въ столь знойной странѣ, — все это какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ жизни простой и невин-

ной, освѣжаемой обычными удовольствіями, которыя, подобно дождю и солнечному свѣту, доступны одинаково всѣмъ.

Когда путешественникъ, поднявшись изъ долины Голубиной, съ жадностью старается уловить первый блескъ Геннисарета, онъ видитъ передъ собой небольшое, въ видѣ арфы, озеро — верстѣ въ двадцать съ небольшимъ въ длину и десять верстѣ въ ширину. По ту или восточную сторону его тянется зеленая полоса съ полверсты шириной, за которой поднимаются на высоту 900 футовъ надъ поверхностью озера откосы обнаженныхъ холмовъ, изрѣзанныхъ мрачными оврагами; на нихъ нѣтъ ни деревца, ни поселенія, ни вообще слѣда какой-нибудь обработки. Сюда-то часто удалялся Спаситель, когда послѣ тяжкихъ трудовъ хотѣлъ освѣжиться душой въ уединеніи съ Богомъ. Озеро, съ своими свержающими водами и съ опушкой цвѣтущихъ олеандровъ, въ зеленыхъ вѣтвяхъ которыхъ блещутъ яркоглубя крылья сизоворонки, а надъ зеркальной поверхностью во множествѣ носятся чайки, бросающіяся на всякую неосторожно всплывающую рыбку, — лежитъ на днѣ большого углубленія или бассейна, болѣе чѣмъ на 500 футовъ ниже уровня Средиземнаго моря. Отсюда палящій и расслабляющій зной этой долины; но отсюда также и разнообразіе ея деревъ, плодородіе ея почвы, пышность ея растительности, богатство жатвы, созрѣвающей мѣсяцемъ раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и множество ручьевъ, стремящихся по склонамъ горъ къ озеру. Берега озера теперь почти совсѣмъ пустычны; за исключеніемъ маленькаго, видимо умирающаго и разлагающагося городка Тиверіады, и ужасной деревни „Меджелъ“ (древняя Магдала), дивность населенія которой лучше всего доказывается тѣмъ, что дѣти на улицахъ играютъ совершенно нагими, — на его нѣвогда густо населенныхъ берегахъ нѣтъ ни единого обитаемаго мѣста. Какая-нибудь жалкая, заброшенная лодка, — да и той не всегда можно достать, — замѣнила нѣвогда богатый и многочисленный флотъ. Такъ какъ озеро все еще изобилуетъ рыбой, то это яснѣе всего доказываетъ отвратительную безпечность и полный упадокъ энергіи и предприимчивости въ теперешнихъ обитателяхъ его береговъ. Но черты природы остаются все тѣ же. Озеро все еще неизмѣнно лежитъ въ нѣдрахъ холмовъ, подобно опалу, оправленному въ смарагды, отражая на

себѣ всѣ свѣтовые переливы атмосферы; воды его все такъ же прекрасны въ своей прозрачности, какъ и тогда, когда лодка ап. Петра колыхалась на его зыблущихся волнахъ, и Иисусъ задумчиво смотрѣлъ въ ихъ прозрачную глубь; чащеподобный бассейнъ все еще переполняется потоками солнечнаго свѣта; воздухъ еще дышетъ своимъ естественнымъ благоуханіемъ; горлица еще воркуетъ въ долинахъ и пеликанъ ловить рыбу въ волнахъ; повсюду тѣ же пальмы, зеленныя поля и журчащіе потоки;—только рядомъ съ ними угрюмо смотрятъ сѣрыя вучи развалинъ. Но насколько оно потеряло въ населеніи и оживленности, настолько же выиграло въ торжественности и интересѣ. Еслибы всякій слѣдъ человѣческаго обитанія исчезъ съ его береговъ и только бы унылый вой шакаловъ и гнѣвъ раздавался надъ разбросанными развалинами тѣхъ синагогъ, въ которыхъ нѣкогда училъ Христосъ, уже одно то, что Онъ избралъ окрестности этого озера мѣстомъ для начала своего общественнаго служенія, будетъ придавать священный и трогательный смыслъ его пустыннымъ водамъ до конца времениъ.

Общій видъ его однако же во времена Христа былъ совершенно иной, — онъ былъ гораздо болѣе поразителенъ и прекрасенъ, потому что мѣстность эта была болѣе населена и обработана. Иосифъ Флавій въ одномъ мѣстѣ восторженно говоритъ объ этомъ озерѣ и, описавъ восхитительную красоту его водъ и мягкость воздуха, богатство его пальмъ, виноградниковъ и смоковницъ, апельсинныхъ, миндальныхъ и гранатовыхъ деревьевъ и его теплыя источники, говоритъ, что времена года какъ бы спорили за честь обладанія имъ и природа создала въ немъ какъ бы свое образцовое произведеніе, на которое она потратила всю свою мощь и всю силу. Въ томъ, что эта равнина — „гордость природы“ — принадлежала колѣну нефалимову, талмудисты видятъ исполненіе Моисеева благословенія, по которому это колѣно будетъ „насыщено благоволеніемъ и исполнено благословенія Господня“ (Втор. xxxiii, 23); вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ была пословица, истинная въ болѣе глубокомъ смыслѣ, чѣмъ они предполагали, именно, что „Богъ создалъ семь озеръ въ землѣ Ханаанской, но только одно—озеро Галилейское Онъ избралъ для Себя самого“. Но не только по своей красотѣ, но и по своему срединному положенію,

а также и по своей оживленной населенности оно удивительно было пригодно для начала того служенія, которое было исполненіемъ древняго пророчества Исаи, что „земля Завулонова и земля Нефеалимова, страна заиорданская, Галилея языческая“ „увидать свѣтъ великій“; и что на тѣхъ, которые ходятъ „во тьмѣ и тѣни смертной, возсіяетъ свѣтъ“. Христу надлежало быть даже во время своей земной жизни „свѣтомъ въ просвѣщенію язычниковъ“, равно какъ и „славой народа своего Израиля“. По окрестностямъ озера обитали самые разноплеменные народы, потому что это былъ „приморскій путь“. „Города, говоритъ Иосифъ Флавій, лежатъ здѣсь очень густо и многочисленныя селенія такъ многолюдны вслѣдствіе плодородія страны..., что самыя малыя изъ нихъ имѣютъ болѣе 15,000 жителей“. Населеніе здѣсь, прибавляетъ онъ, было живое, промышленное, съ дѣтства приученное къ войнѣ, и обрабатывало всякую пядь своей богатой и прекрасной почвы. Цѣлыхъ четыре дороги вели къ берегамъ озера. Одна вела внизъ по Иорданской долинѣ, по западной сторонѣ; другая, перейдя мостъ на южной оконечности озера, шла черезъ Перею къ бродамъ Иордана близъ Иерихона; третья вела чрезъ Сепфорись, красивую столицу Галилеи, къ знаменитому порту Авеѣ на берегу Средиземнаго моря; четвертая лежала черезъ горы Завулонскія къ Назарету и черезъ долину Ездрилонскую къ Самаріи и Иерусалиму. Этою областью проходили большіе караваны на своемъ пути изъ Египта въ Дамаскъ, и язычники, во множествѣ обитавшіе въ Виесаидѣ Юліиной и Кесаріи Филипповой, должны были постоянно встрѣчаться на улицахъ Капернаума. Во времена Христа это была по своей населенности и оживленію промышленная область Палестины и по водамъ ея озера во всѣхъ направленіяхъ скользили 4,000 судовъ всякаго рода — отъ военныхъ кораблей римлянъ до неувлужихъ рыбацкихъ лодокъ Виесаиды и золоченыхъ галеръ изъ дворца Иродова. Тутъ же подъ рукой были Итурея, Самарія, Сирія и Финивія, — стоило только переѣхать черезъ озеро, рѣку или горы. Тивериада, основанная Иродомъ Антипой и названная въ честь царствующаго императора, столица Галилеи, выросла съ удивительною быстротою; около того времени, когда Іоаннъ писалъ свое евангеліе, она уже передала свое имя самому озеру Галилейскому; и Хри-

стось, даже еслибы Ему никогда не приходилось вступать въ языческой амфитеатръ или на осевверенныя могилами улицы этого города (построеннаго на мѣстѣ древняго владбища), навѣрно часто издали видѣлъ его увѣнчанныя башнями стѣны, его укрѣпленный замокъ и „золотой дворецъ“ Антипы, далеко бросавшій на озеро тѣни своихъ мраморныхъ львовъ и скульптурной колоннады. Европа, Азія и Африка совмѣстно снабжали ее населеніемъ, и на ея базарной площади можно было встрѣчать людей всякихъ племенъ и народовъ. Вдоль всего западнаго берега Геннисаретскаго озера іудеи и язычники жили въ безпорядочномъ смѣшеніи, и дикихъ арабовъ пустыни тамъ можно было видѣть рядомъ съ предприимчивыми финиціянами, изнѣженными сирійцами, высокоумными римлянами и льстивыми, коварными, испорченными греками.

Дни счастливаго уединенія въ долину Назаретской уже миновали; теперь должна была начаться жизнь непрестаннаго труда, глубокихъ огорченій и безпокойствъ, путешествій и проповѣди, испѣленій, благотворенія и борьбы съ врагами. При этомъ первомъ вступленіи на общественное служеніе Спаситель пробылъ въ Капернаумѣ немного дней; но эти дни должны были стать образцомъ для всей послѣдующей жизни. Онъ проповѣдывалъ въ іудейской синагогѣ, построенной римскимъ сотникомъ, и Его дѣла любви становились извѣстными людямъ многихъ народностей. Всѣмъ было ясно, что вновь возставшій Пророкъ былъ совсѣмъ не похожъ на своего великаго предшественника. Волосая одежда, аскетическая уединенность, нестриженные волосы — все это было бы невозможно и не въ мѣсту среди обитателей этихъ людныхъ и оживленныхъ береговъ. Христось пришелъ не для того, чтобы производить перевороты, но возвышать и освящать. Онъ пришелъ открыть, что Превѣчный не отдаленъ отъ насъ, а только *невидимъ*; что вѣчность не есть далекій океанъ, куда люди уносятся рѣвкою времени, но что она обитаетъ посреди насъ и самая жизнь наша дѣйствительна лишь настолько, насколько мы сознаемъ значеніе для насъ вѣчности. Онъ пришелъ показать, что Богъ не туманная отвлеченность, безконечно отдаленная отъ насъ голубою далью неба, но Онъ есть Отецъ, въ которомъ мы живемъ, движемся и существуемъ, и что служеніе, которое Онъ любить, не есть

обрядность и жертвоприношеніе, не есть пышная мелочность и презрительное правовѣріе, но милость и правда, смиреніе и любовь. Онъ пришелъ не для того, чтобы заглушить всякое ликованіе въ жизни людей, наполнить ее смятеніемъ и бурей, но чтобы вновь настроить всѣ сладостные звуки въ этой арфѣ тысячеструнной и привести ее въ согласіе съ гармоніей неба.

При такомъ значеніи этой прекрасной страны въ жизни Христа страннымъ становится, что точное мѣстоположеніе Капернаума, „Его собственнаго города“ (Матѳ. ix, 1), бывшаго свидѣтелемъ столькихъ великихъ чудесъ Его, слышавшаго столько Его величайшихъ откровеній, доселѣ остается неизвѣстнымъ. Съ достаточною основательностью можно полагать, что онъ находился на мѣстѣ или Хан-Миньехъ, или Телл-Хума: но гдѣ же именно? Оба эти города находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Виесаидой и Хоразиномъ; оба стоятъ у водъ озера Галилейскаго, оба лежатъ на „приморскомъ пути“, притязанія того и другого на тождество съ Капернаумомъ опираются на сильные аргументы, такъ что рѣшеніе въ пользу одного изъ нихъ встрѣчается съ трудностями, которыя доселѣ неразрѣшимы. Лично посѣтивъ эти мѣстности и тщательно изучивъ на мѣстѣ многотомныя изслѣдованія по этому вопросу, мы думаемъ, что перевѣсъ склоняется на сторону Телл-Хума. Тамъ, на смѣло возвышающемся грунтѣ, усыпанномъ осколками бѣлаго мрамора, высатся разрушенныя стѣны зданія, которое могло быть синагогой, построенной въ цвѣтистомъ и сложномъ стилѣ Иродова вѣва; а кругомъ въ высокой травѣ и исполинскомъ репейникѣ разбросанно лежатъ остатки колоннъ и ихъ украшеній, доказывая, что на этомъ мѣстѣ нѣкогда стоялъ богатый и прекрасный городъ. Въ Хан-Миньехѣ нѣтъ ничего, кромѣ простого разрушеннаго каравансерая и сѣрыхъ насыпанныхъ кучъ, которыя и можно и нѣтъ считать мусоромъ развалинъ. Но какою бы изъ нихъ ни былъ мѣстомъ города, гдѣ находился домъ Петра, бывший также и домомъ Христа (Матѳ. viii, 14), оба они теперь пустынные; даже блуждающій бедуинъ какъ бы страшится этихъ древнихъ развалинъ, гдѣ ночью рыщутъ лисицы и шакалы. Надъ этимъ нѣкогда бойкимъ и цвѣтущимъ городомъ въ точности исполнилось грустное и торжественное предсказаніе Христа: „и ты, Капер-

наумъ, до неба вознесшійся, до ада низвергнешься; ибо еслибы въ Содомѣ явлены были силы, явленныя въ тебѣ, то онъ оставался бы до сего дня“.

ГЛАВА XIII.

ИСУСЪ НА ПРАЗДНИКЪ ПАСХИ.

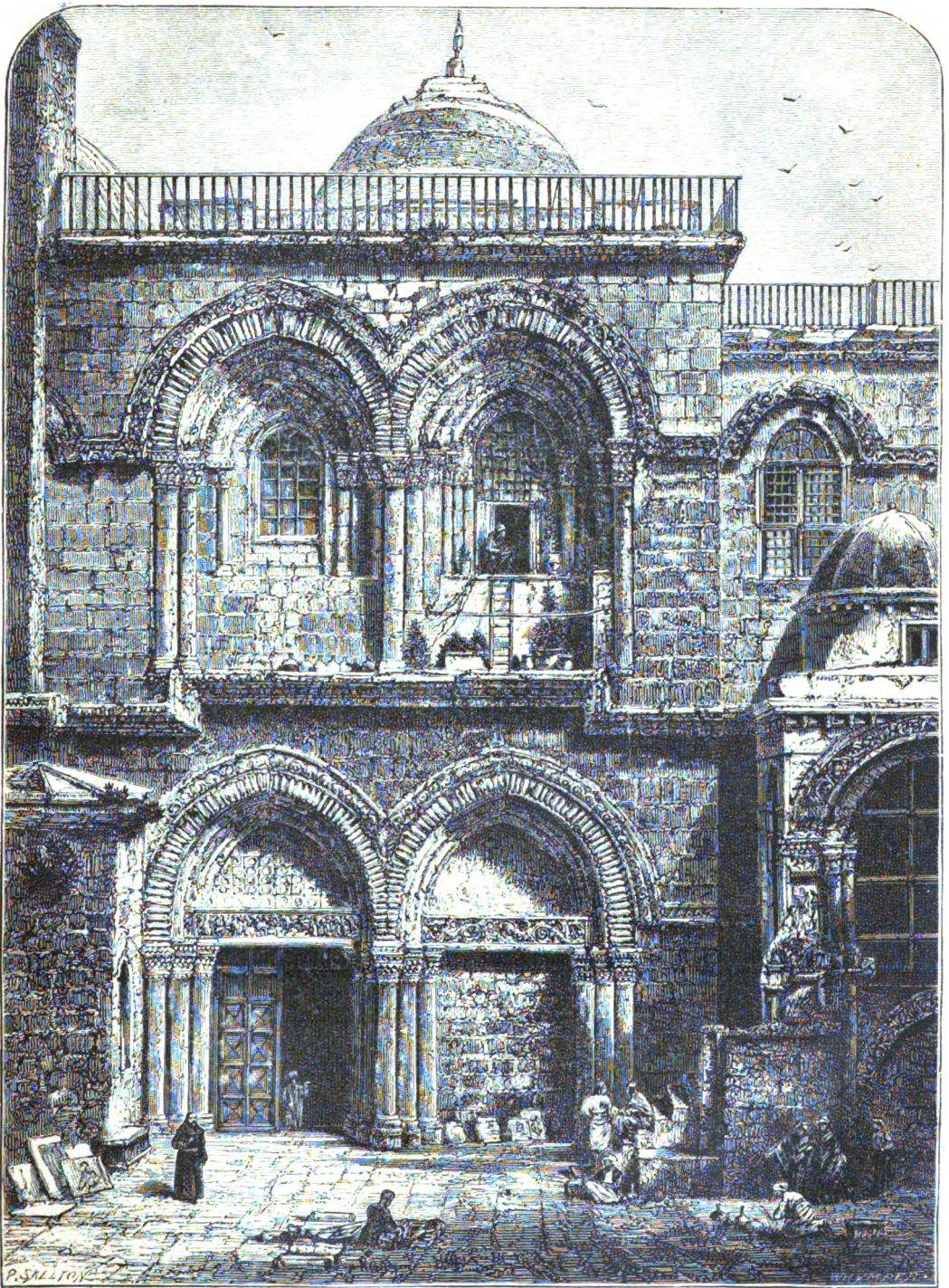
Внезапно прійдетъ въ храмъ свой Господь,
котораго вы ищете. МАЛАХ. III, 1.

ПРЕБЫВАНІЕ Христа въ Капернаумѣ на этотъ разъ было непродолжительно, и очень возможно, что Онъ поджидалъ тамъ только большого каравана паломниковъ, который въ это время обыкновенно отправлялся на праздники Пасхи въ Иерусалимъ.

Первые три евангелиста не говорятъ ни объ одномъ посѣщеніи Христомъ праздника Пасхи на всемъ протяженіи Его жизни отъ двѣнадцатилѣтняго возраста до смерти; и только Іоаннъ, вѣрный цѣли и особенности своего евангелія, говоритъ объ этой Пасхѣ въ служеніи Христа и сообщаетъ нѣкоторыя подробности о томъ, что случилось въ теченіе ея.

Главнымъ событіемъ, которымъ ознаменовалась она, было очищеніе храма, — хотя дѣло это оказалось столь недѣйствительнымъ для обузданія алчности, господствующаго порока іудеевъ, что Христосъ долженъ былъ въ еще болѣе строгой формѣ повторить его въ концѣ своего общественнаго служенія и только за четыре дня до смерти.

Мы уже видѣли, какія громадныя толпы народа стекались въ святой городъ въ великому годовому празднику. Тогда, какъ и теперь, эти безчисленныя толпы паломниковъ всѣхъ странъ и пришельцевъ со всѣхъ концовъ міра приносили съ собою много религиозныхъ нуждъ и потребностей. И теперь при посѣщеніи Иерусалима на Пасху, ко входу въ храмъ гроба Господня приходится пробираться черезъ толпу продавцевъ иконъ, видовъ священныхъ мѣстъ и вообще предметовъ, могущихъ служить воспоминаніемъ о святомъ городѣ. Расположившись на землѣ, они

Церковь Гроба Господня.

занимають все пространство передъ храмомъ и переполняютъ даже сосѣднія улицы. Гораздо многочисленнѣе и гораздо шумнѣе еще были покупатели и продавцы, которые запружали проходы, ведущіе къ храму, въ ту Пасху, когда съ другими паломниками прибылъ въ Иерусалимъ и Христосъ. Они продавали не только мелкія вещицы въ родѣ крестиковъ, иконъ, какъ это бываетъ теперь, но и воловъ, овецъ и голубей. По обѣимъ сторонамъ восточныхъ — Сузскихъ вратъ—до самаго притвора Соломонова стояли ряды лавокъ торговцевъ и столы мѣняль. Послѣдніе были почти необходимою, потому что за двадцать дней до Пасхи священники начинали собирать древнюю священную подать въ полсибля, которая ежегодно уплачивалась каждымъ израильяниномъ, богатымъ и бѣднымъ, какъ денежный выкупъ за душу, и шла на издержки по служенію въ храмъ (Исх. xxx, 11—16). Платить эту подать разной монетою, принесенной изъ разныхъ государствъ и состоявшей иногда просто изъ жалкихъ мѣдяковъ и бронзовыхъ жетоновъ, притомъ всегда оскверненной языческими символами и языческими надписями, считалось непозволительнымъ. Издалека еще можно было посылать такія деньги священникамъ, но всякій іудей, находившійся въ Иерусалимѣ, предпочиталъ уплачивать свою подать лично. Поэтому онъ обязанъ былъ достать требующуюся мелкую серебряную монету взамѣнъ своихъ ходячихъ денегъ, и мѣнялы брали съ него обычный *колбонз*, или пять процентовъ промѣна.

Еслибы это торжище ограничивалось улицами, непосредственно прилегающими къ священному зданію, то оно было бы извинительно, хотя и не совсѣмъ благопристойно. Такія торжища, по свидѣтельству языческихъ писателей, происходили около храма Венеры на горѣ Эриксъ и сирійской богини въ Иераполѣ, а въ новѣйшее время бывали и при многихъ большихъ христіанскихъ храмахъ. Но зло не ограничивалось этимъ. Примыкавшія ко двору язычниковъ обширныя помѣщенія и длинныя арки представляли слишкомъ сильное искушеніе для алчности іудеевъ. Изъ талмуда извѣстно, что нѣкто Бава Бен-Бута первый ввелъ три тысячи овецъ стадъ Кидаровыхъ въ „гору Дома“, то-есть во дворъ язычниковъ, и значить въ освященные предѣлы храма. Этому кощунственному примѣру быстро послѣдовали всѣ. *Ханшйоты* лавочниковъ, мѣняльные лари ростовщиковъ постепенно проникли въ

священную ограду. И вот на самомъ дворѣ язычниковъ, испускаая паръ отъ жары знойнаго апрѣльскаго дня и наполняя зловоніемъ и нечистотой храмъ, тѣснились цѣлыя стада овецъ и воловъ, около которыхъ шумно совершали свои сдѣлки скотопрмышленники и паломники. Тутъ были торговцы съ большими плетеными клѣтками, наполненными голубями, а подь тѣнью аркообразныхъ сводовъ, образуемыхъ четырьмя рядами коринтскихъ колоннъ, сидѣли мѣняли у своихъ столовъ, уставленныхъ кучками различныхъ мелкихъ монетъ, и съ свержающими отъ алчности глазами вели счета и расчеты своей гнусной торговли. И это входный дворъ ко храму Всевышняго! Дворъ, назначеніе котораго было свидѣтельствовать, что этотъ храмъ долженъ быть домомъ молитвы для всѣхъ народовъ, былъ превращенъ въ мѣсто, которое по неопрятности скорѣе походило на скотный загонъ и по торговой суматохѣ—на многолюдный базаръ. Мычаніе воловъ, блеяніе овецъ, вавилонское смѣшеніе языковъ, выкрикиваніе и споры торгашей, звонъ монетъ и бречаніе вѣсовъ, въ тому же, быть можетъ, и не всегда вѣрныхъ, — все это было слышно издалека и заглушало пѣніе левитовъ и молитвы священниковъ.

Исполненный праведнаго гнѣва при видѣ такого низкаго кощунства, пылая неудержимымъ и святымъ негодованіемъ, Іисусъ, войдя въ храмъ, сдѣлалъ бичъ изъ веревокъ, лежавшихъ на полу, и чтобы очистить священный дворъ отъ его наибольшаго оскверненія, прежде всего выгналъ безъ разбора овецъ, воловъ и низкую толпу, занимавшуюся куплей-продажей ихъ. Затѣмъ, подойдя къ мѣняламъ, Онъ опрокинулъ ихъ столы, рассыпавъ тщательно разложенныя кучки разнородныхъ монетъ, владѣльцы которыхъ бросились искать и собирать ихъ по грязному полу. Онъ велѣлъ выйти даже продавцамъ голубей, хотя и не такъ строго; голуби были жертвою бѣдняка и присутствіе ихъ, какъ символовъ невинности и чистоты, менѣе оскорбляло и оскверняло храмъ; однако же и торговцамъ голубями Онъ властно сказалъ: „возьмите это отсюда“. Въ оправданіе своихъ дѣйствій Онъ обратился ко всей этой смятенной, злобно кричавшей о понесенныхъ убыткахъ, ропщущей толпѣ единственно только съ торжественнымъ уворомъ: „домъ Отца Моего не дѣлайте домомъ торговли“. И ученики Его,

видя этотъ порывъ вдохновеннаго и славнаго гнѣва, вспомнили, что нѣкогда писалъ Давидъ о служеніи этому самому храму: „ревность по домѣ Твоемъ снѣдаетъ Меня“.

Отчего же вся эта толпа невѣжественныхъ поклонниковъ не оказала никакого сопротивленія? Отчего эти алчные торгаши ограничились только мрачными угрозами и ропотомъ влословій, позволяя и себя, и своихъ овецъ, и воловъ выгонять на улицу, а деньги разбрасывать по полу какому-то молодому, неизвѣстному человѣку и притомъ въ одеждѣ презрѣннаго галилеянина? Да оттого же, отчего Саулъ позволилъ Самуилу поносить себя въ виду всего своего войска, отчего Давидъ униженно повиновался приказанію Іоава, отчего Ахавъ не осмѣлился схватить Ілію у самыхъ воротъ виноградника Навуея! *Оттого, что грѣхъ есть слабость*; оттого, что въ мірѣ нѣтъ ничего безсильнѣе виновной совѣсти, нѣтъ ничего непобѣдимѣе смѣлаго порыва благочестиваго негодованія противъ всего низкаго и несправедливаго. Могли ли эти низкіе, святотатственные покупатели и продавцы, сознавая свою неправоту, противиться этому праведному узору или выдержать молніи этихъ очей, пылавшихъ изъ-за оскорбленной святости? Когда священникъ Финеесъ, ревнуя о Господѣ Силь, пронзилъ тѣло одного изъ начальниковъ колѣна Симеонова и мадианитской женщины однимъ ударомъ своего копья, почему виновный израиль не отомстилъ этого убійства? Отчего всѣ въ колѣнѣ Симеоновомъ не сдѣлались *газлами* (мстителями за кровь) по отношенію къ этому смѣлому убійцѣ? Оттого, что порокъ ни на мгновеніе не можетъ выстоять передъ поднятой дланью добродѣтели. При всей своей низости и подлости, Іудеи-мѣняли все-таки чувствовали въ томъ уголкѣ своего сердца, который еще не былъ изъѣденъ алчностью и кощунствомъ, что Сынъ человѣческой былъ правъ.

Мало того, даже священники и фарисеи, книжники и левиты, при всей своей гордости и закоснѣлости въ формализмѣ, не могли осуждать этого поступка. Услышавъ о немъ или будучи личными свидѣтелями его, они, оправившись отъ охватившаго ихъ смѣшаннаго чувства одобренія, порицанія и изумленія, подошли къ Іисусу и, не смѣя прямо осуждать того, что Онъ сдѣлалъ, лишь съ нѣкоторымъ негодованіемъ стали требовать у

Него какого-нибудь знаменія въ доказательство своего права поступать такъ.

Отвѣтъ Спасителя въ его полномъ значеніи былъ гораздо выше ихъ разумѣнія, а тотъ смыслъ, въ какомъ они поняли его, поразили ихъ тупымъ ужасомъ гнѣвнаго изумленія. „Разрушьте, сказалъ Онъ, храмъ сей, и Я въ три дня воздвигну его“.

Разрушьте храмъ сей!—храмъ, на который знаменитый своимъ богатствомъ и величіемъ царь потратилъ столько средствъ и тѣмъ почти задавилъ іудеевъ невыносимыми налогами; храмъ, для построения котораго требовалась цѣлая тысяча подводъ, десять тысячъ рабочихъ и тысяча священниковъ, въ священныхъ одеждахъ вставшихъ камни, уже вытесанные рабочими; храмъ, который по своему исполинскому мраморному фундаменту, по своей богатой мозаикѣ, по своему благовонному строевому лѣсу, по блистающимъ кровлямъ, по золотой виноградной лозѣ съ рѣзными гроздами, украшавшими входныя врата, по вышивнымъ завѣсамъ, вытканымъ пурпурными цвѣтами, по обилію въ немъ серебра, золота и драгоценныхъ камней,—былъ однимъ изъ чудесъ свѣта. Сорокъ шесть лѣтъ строился онъ и еще далеко былъ не оконченъ; а этотъ неизвѣстный галилеянинъ говоритъ имъ: „разрушьте“ его, и Онъ въ три дня опять его воздвигнетъ! Такой буквальный и очевидно ложный смыслъ придали они Его словамъ, хотя изъ примѣра великихъ пророковъ могли бы видѣть, что въ знаменіи, которое Онъ далъ имъ, скрывалась болѣе глубокая тайна (Ис. vii, 11, 14 и др.).

Какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное этими словами, лучше всего доказываетъ то, что спустя болѣе трехъ лѣтъ Его обвинители и лжесвидѣтели старались больше всего на основаніи этого именно Его изреченія доказать Его виновность, и даже жалкій разбойникъ на самомъ крестѣ больше всего поносилъ Его именно этимъ. Правда, они принуждены были вполнѣ извратить эти слова и обвинять Его въ томъ, будто Онъ говорилъ: „могу разрушить храмъ Божій“ (Матѣ. xxvi, 61), или: „Я разрушу храмъ сей рукотворенный и чрезъ три дня воздвигну другой“ (Марк. xiv, 58). Спаситель никогда не употреблялъ этихъ выраженій, и лжесвидѣтельство ихъ было такъ самопротиворѣчиво, что падало само собой. Но они хорошо знали, что этой попыткой придать

политическій и мятежный смыслъ тому, что Онъ говорилъ, лучше всего можно было разъярить судей, къ которымъ Онъ былъ приведенъ; она была такъ пригодна для этой цѣли, что простой отдаленный отголосокъ этихъ самыхъ словъ былъ главною причиною смерти и-первомученика Стефана (Дѣян. vi, 14).

„А Онъ говорилъ о храмѣ тѣла своего“, замѣчаетъ ев. Иоаннъ и прибавляетъ, что только уже по воскресеніи ученики Его вполне поняли эти слова. И неудивительно, потому что они заключали въ себѣ глубочайшій смыслъ. Дотогдѣ былъ только одинъ храмъ истиннаго Бога, тотъ храмъ, который они видѣли передъ собою,—храмъ, знаменовавшій и по крайней мѣрѣ однажды, какъ вѣровали іудеи, видѣвшій въ своихъ стѣнахъ шехину или облаво славы, которое было живымъ свидѣтельствомъ присутствія Божія въ мірѣ. Но теперь Духъ Божій обиталъ въ храмѣ нерукотворенномъ, въ священномъ тѣлѣ Сына Божія, ставшаго плотію. Онъ обиталъ между нами, „имѣлъ скинію подобно нашей и изъ того же вещества“. Но даже и это становилось ненужнымъ. Съ великой Пятидесятницы, три года спустя, и отселъ на вѣки Духъ Божій сталъ предпочитать „всѣмъ храмамъ сердце правое и чистое“. Всякій христіанинъ въ своемъ смертномъ тѣлѣ долженъ былъ стать храмомъ Духа Божія. Это—главнѣйшая истина и высочайшее преимущество Новаго Завѣта; это было существенною цѣлью всего служенія Христа, и чтобы яснѣе показать ее для насъ, „Онъ долженъ былъ опять удалиться“. Понятно, что для плотскаго ума, который ходитъ видѣніемъ, а не вѣрой, ничего не могло быть изумительнѣе, — для фарисейскаго духа, льнущаго къ матерьяльности, ничего оскорбительнѣе, какъ та высокая истина, что этотъ священный храмъ въ Іерусалимѣ отселъ не будетъ больше пользоваться особеннымъ преимуществомъ мѣста, куда люди должны стекаться на поклоненіе небесному Отцу, и что въ дѣйствительности онъ уже пересталъ быть истиннымъ храмомъ. Но они могли, еслибы только хотѣли, имѣть нѣкоторое понятіе о томъ, что собственно разумѣлъ Христосъ. Они навѣрно знали, что голосъ Іоанна провозгласилъ Его Мессіей; они могли легко понять связанное послѣ Имъ самимъ, что „здѣсь есть Тотъ, Кто больше храма“; они могли бы возникнуть въ замѣчательное изре-

ченіе одного раввина изъ своей собственной среды, — изреченіе, облеченное пророческимъ языкомъ Даніила и которое они поэтому должны были знать, — что истинный „Святый Святыхъ“ есть Самъ Мессія.

Но на самомъ дѣлѣ есть случайное, но глубокознаменательное указаніе на то, что они глубже понимали дѣйствительный смыслъ словъ Христа, чѣмъ показывали это. Все еще раздумывая объ этихъ самыхъ словахъ, — первыхъ, съ которыми Христосъ открыто обращался къ нимъ, — они, когда уже Иисусъ былъ мертвъ и погребенъ въ каменномъ гробѣ, пришли къ Пилату и сдѣлали ему замѣчательное заявленіе: „господинъ, мы вспомнили, что обманщикъ тотъ, еще будучи въ живыхъ, сказалъ: послѣ трехъ дней воскресну“. Въ дѣйствительности въ евангельскомъ повѣствованіи нѣтъ ни малѣйшаго указанія, чтобы Иисусъ *когда-нибудь* прямо говорилъ объ этомъ; и если только они не слышали этого изреченія отъ Іуды или не повторяли его на основаніи общей народной молвы, исходившей отъ апостоловъ, то-есть, если ихъ заявленіе „мы вспомнили“ не было явною ложью, то они не могли имѣть въ виду другого случая, кромѣ именно этого. А чтобы они слышали объ этомъ отъ кого-нибудь изъ учениковъ, — это въ высшей степени невѣроятно, потому что надъ невоспримчивыми сердцами апостоловъ слова эти пронеслись безслѣдно, какъ вѣтеръ. Вопреки всему, что Онъ говорилъ имъ, они повидимому ничего такъ мало не ожидали, какъ Его смерти, а тѣмъ менѣе послѣдовавшаго за нею воскресенія. Какимъ же образомъ священники и фарисеи могли лучше понимать, что разумѣлъ Спаситель, чѣмъ самые Его ученики? А потому, что они не были, подобно апостоламъ, людьми любящими, невинными и простосердечными; несмотря на все знаніе и проницательность, сердца ихъ уже были полны ненависти и вражды, которыя закончились убіеніемъ Христа и навлекли вину въ Его крови на нихъ и на чадъ ихъ.

Но въ этихъ словахъ заключался еще и другой смыслъ, правда столь же непріятный для ихъ предрасудковъ, но тѣмъ не менѣе глубоконазидательный и болѣе доступный ихъ разумѣнію. Храмъ былъ самымъ сердцемъ всего Моисеева закона, главнымъ средоточіемъ всей левитской обрядности. Оскверняя этотъ

храмъ и терпя въ немъ кощунство, позволяя Тому, кого имъ хотѣлось считать только бѣднымъ галилейскимъ учителемъ, совершить очищеніе его, чего—изъ нерадивости, своекорыстія, или боязни—не рѣшились попытаться сдѣлать ни Каиафа, ни Анна, ни Гиллель, ни Шаммаи, ни Гамалииль, ни Иродъ, — не разрушали ли они тѣмъ самымъ, такъ сказать, этого храма, не отмѣняли ли они этого закона, свидѣтельствуя самими дѣйствіями своими, что для нихъ уже исчезло ихъ дѣйствительное значеніе? „Кончайте же“, какъ бы такъ говорилъ Спаситель въ духѣ пророчества и вмѣстѣ позволенія, „кончайте безъ отлагательства это ваше дѣло разрушенія: въ три дня Я, какъ воскресшій Искушитель, воздвигну нѣчто лучшее и большее, не вещественный храмъ, а Церковь живу“. Таковъ повидимому смыслъ, который св. Стефанъ видѣлъ въ этихъ словахъ. Такой смыслъ во многихъ мѣстахъ раскрывается съ неподобною логикою и увлеченіемъ въ посланіяхъ ап. Павла. Но къ этому и всякому другому значенію они были глухи, тупы и слѣпы. Они отошли молча, мрачные и недовольные, подозрѣвая истинное рѣшеніе, но равнодушные къ нему, не зная вполнѣ истиннаго смысла, но слишкомъ надменные и слишкомъ злобные, чтобы попросить разъясненія.

Въ это время Иисусъ совершилъ нѣсколько чудесъ, но какія именно, мы не знаемъ. Извѣстно только, что они заставили иныхъ увѣровать въ Него; но это еще не была такая вѣра, на которую можно было полагаться. Въ простомъ свидѣтельствѣ ихъ о себѣ Онъ не нуждался, а сердца ихъ, какъ Онъ зналъ по божественной прозорливости, еще не были тронуты Его ученіемъ и потому были холодны и пусты, коварны и ложны (Іоан. II, 23—25).

ГЛАВА XIV.

НИКОДИМЪ.

Учитель Израилевъ.

Иоан. III, 10.

ИЗВѢСТНАЯ каста или секта можетъ въ большинствѣ своемъ состоять изъ надменныхъ фанатиковъ и упорныхъ изуверовъ; но было бы странно, еслибы между ними не нашлось исключеній изъ общаго правила; странно, еслибы честность, искренность, воспримчивость въ добру совершенно замерли во всѣхъ ихъ. Даже между начальниками, книжниками, фарисеями и богатыми членами синагога Христосъ находилъ вѣрующихъ людей и послѣдователей. Первымъ и наиболѣе замѣчательнымъ изъ нихъ былъ Никодимъ, богатый человекъ, одинъ изъ начальниковъ иудейскихъ, фарисей и членъ синагога.

Во всемъ, что ни говорится въ евангеліяхъ о Никодимѣ, въ немъ замѣчается врожденная робость — робость, которой онъ не могъ совершенно поборотъ даже при своемъ искреннемъ желаніи сблизиться съ Тѣмъ, Кого онъ признавалъ за пророка, если даже и не видѣлъ въ Немъ обѣтованнаго Мессіи. Даже тѣ немногія слова, которыя онъ высказалъ съ цѣлью предостеречь своихъ сочленовъ отъ грубой несправедливости, предусмотрительно опирались на общія соображенія и не выдають указанія на его личную вѣру въ галилеянина, котораго ненавидѣла его секта. И даже когда сила любви Христовой, проявленной на крестѣ, сдѣлала самыхъ робкихъ учениковъ смѣлыми, Никодимъ не выказывалъ чувствъ своей преданности до тѣхъ поръ, пока не поданъ былъ примѣръ другимъ человекѣмъ, по своему богатству и положенію принадлежавшимъ къ одному съ нимъ обществу.

Таковъ былъ раввинъ, который съ смѣшаннымъ чувствомъ искренности и страха, отличающимъ его во всемъ, что намъ извѣстно о немъ, пришелъ къ Иисусу, но пришелъ съ осторожностью, ночью. Ему хотѣлось узнать побольше объ этомъ молодомъ галилейскомъ Пророкѣ, котораго онъ по своей честности не могъ не признать пришедшимъ отъ Бога, но въ то же время

считалъ себя слишкомъ важнымъ лицомъ въ своей сектѣ, чтобы унижать свое достоинство и быть можетъ даже подвергать себя опасности открытымъ Его посѣщеніемъ.

Самъ онъ описывается только въ нѣсколькихъ чертахъ, и то только благодаря тому высокому ученію, котораго удостоилъ Его Христосъ; несмотря на это, характеръ и личность его оставляютъ по себѣ неизгладимое и неподобно ясное впечатлѣніе. Самое первое его замѣчаніе показываетъ непрямоту его души: онъ скорѣе намекаетъ, чѣмъ ясно излагаетъ, чего онъ именно хочетъ; полупокровительственно хочетъ спросить, но въ то же время робко уклоняется отъ прямого вопроса; допускаетъ, что Иисусъ „пришелъ отъ Бога“; но въ то же время считаетъ Его просто только „учителемъ“ и съ нерѣшительностью спрашиваетъ, что же ему дѣлать.

Спаситель видѣлъ его сердце и, избѣгая всякихъ формальностей или предварительныхъ разсужденій, прямо обратился къ нему съ торжественною, поразившею его, рѣчью: „истинно, истинно говорю тебѣ: если кто не родится опять (или свыше), не можетъ увидѣть царствія Божія“. Мой ученикъ долженъ быть Моимъ всѣмъ сердцемъ и душой, или онъ не ученикъ совсѣмъ; вопросъ не въ томъ, что дѣлать или чего не дѣлать, а въ томъ, чѣмъ *быть*.

Отвѣтъ этотъ заставилъ Никодима глубоко задуматься, но, подобно и іудеямъ въ предыдущей главѣ (II, 20), онъ или не могъ, или не хотѣлъ понять его полного значенія. Онъ предпочитаетъ съ видомъ удивленнаго совопросника играть буйвальнымъ значеніемъ словъ, которыя онъ истолковываетъ въ ихъ физическомъ невозможномъ смыслѣ. Но Иисусъ не обращаетъ вниманія на эту простую логомахию. Онъ только проливаетъ новый свѣтъ на свое прежнее изреченіе. Онъ говорилъ не о плотскомъ рожденіи, но о духовномъ возрожденіи, о которомъ никто не можетъ сказать, когда и какъ оно совершается, все равно какъ никто не можетъ сказать, откуда дунулъ этотъ ночной вѣтерокъ, что прошумѣлъ и утихъ, пробѣжавъ по палаткѣ, въ которой сидѣли они; и это рожденіе должно совершиться водою и Духомъ, то-есть, какъ очищеніе и обновленіе, какъ внѣшній символъ и внутренняя благодать, какъ смерть грѣху и новое рожденіе въ праведность.

Никодимъ могъ отвѣтить только выраженіемъ крайняго не-

доумѣнія. Язычники могъ нуждаться въ новомъ рожденіи, когда его допускали въ общенію съ іудеями; а онъ, сынъ Авраама, раввинъ, ревностный блюститель закона, могъ ли онъ нуждаться въ этомъ новомъ рожденіи? Какъ это можетъ быть? — „Ты учитель Израилевъ, и этого ли не знаешь?“ сказалъ ему Іисусъ. Ты третій членъ въ синадріонѣ, *хакамъ* или мудрецъ, и не знаешь этого перваго, простѣйшаго урока, необходимаго въ приготовленіи къ царству небесному? Если твое знаніе такое плотское, такое ограниченное, если ты спотыкаешься на порогѣ, какъ можешь ты понять тѣ глубочайшія истины, которыя могутъ отрываться только пришедшій съ неба? — Христосъ сказалъ это съ нѣкоторою грустью и уворизной, но затѣмъ продолжалъ отрывать этому „учителю израилеву“ еще болѣе великія и необычайныя вещи; говорилъ о спасеніи человѣка, которое дѣлается возможнымъ черезъ страданія и вознесеніе Сына Человѣческаго; о любви Бога, явленной Имъ въ посланіи своего Единороднаго Сына не для того, чтобы судить, но спасать; о прощеніи всѣхъ чрезъ вѣру въ Него и объ осужденіи, должествующемъ постигнуть тѣхъ, которые съ злобнымъ упорствомъ отвергаютъ возвѣщенныя Имъ истины. Таковы были тайны царства небеснаго, истины неслышанныя прежде, а теперь явно открытыя. Онѣ разрушали всѣ прежнія убѣжденія, ниспровергали всѣ ближайшія надежды престарѣлаго вопрошателя; чтобы постигнуть новыя истины, ему нужно было забыть все, чѣмъ онъ до толѣ жилъ въ своей духовной жизни и что усвоилъ съ дѣтства. Тѣмъ не менѣе, мы знаемъ изъ послѣдующаго, что онѣ глубоко западали въ его душу. Съ теченіемъ бесѣды конечно ночь сумрачнѣе надвинулась кругомъ, и въ достопамятныхъ словахъ о свѣтѣ и тьмѣ, которыми закончилась бесѣда, Іисусъ кротко упрекнулъ великаго раввина въ робости, заставившей его прикрываться полночнымъ мракомъ для дѣла, которое не было дѣломъ тьмы, нуждающимся въ сокрытіи, а было стремленіемъ къ истинѣ и свѣту.

Какіе уроки были преподаны или какія знаменія совершены Христомъ въ теченіе остальныхъ дней первой Пасхи, въ евангеліяхъ не сообщается никакихъ дальнѣйшихъ подробностей. Встрѣтивъ упорное и тупоумное противодѣйствіе, Спаситель

оставилъ Иерусалимъ и пошелъ съ учениками своими въ „землю иудейскую“, вѣроятно къ берегамъ Иордана, потому что тамъ, какъ повѣствуетъ ев. Иоаннъ, ученики Его начали крестить. Крещеніе это, какъ отдаленное предзнаменованіе будущаго таинства, Христось, повидимому, скорѣе просто допускалъ, чѣмъ прямо установилъ. Это еще было время приготовленія; доселѣ служеніе Его было еще отрывочнымъ и Онъ, такъ сказать, только пытался выступить на него открыто. Высказывалось немало тонкихъ и глубокомысленныхъ соображеній касательно сущности и значенія крещенія, совершавшагося учениками. Но можно только думать, что Иисусъ допускалъ на время этотъ простой и прекрасный обрядъ, какъ знакъ ученичества и какъ народный символъ желанія того очищенія сердца, которое было необходимо для всѣхъ, хотящихъ войти въ царство небесное.

Иоаннъ Креститель также продолжалъ еще совершать свое крещеніе покаянія. Тутъ опять приходится встрѣтиться съ важнымъ и таинственнымъ затрудненіемъ, и наука должна была заняться тщательнымъ изслѣдованіемъ вопроса объ отношеніи между крещеніемъ Христа и Иоанна. Но ничего цѣннаго не было достигнуто также и этимъ изслѣдованіемъ. Такъ какъ полная дѣятельность общественнаго служенія Христа еще въ сущности не начиналась, то крещеніе учениковъ нужно считать еще символомъ покаянія и чистоты. Кто сознаетъ, въ какой тѣсной связи съ покаяніемъ находится невинность и какое глубоко-жизненное дѣло составляетъ оно, тому не будетъ удивительно, что первую проповѣдь Иисуса, какъ и Иоанна, было: „покайтесь, ибо приблизилось царство небесное“ (Матѣ. хviii, 3; Марк. i, 15). Время приготовленія и предварительнаго испытанія еще не кончилось; правда, оно близилось въ концу, и это крещеніе учениковъ было именно переходомъ въ открытію Его полнаго общественнаго служенія. А то обстоятельство, что Иоаннъ уже не проповѣдывалъ болѣе въ пустынѣ и не крестилъ въ Виваніи, а нашелъ необходимымъ оставить мѣсто своего кратковременнаго торжества и пророческой славы, явно показывало, что блескъ этой звѣзды уже погасалъ передъ зарею Евангелія. Смиранный духъ Иоанна (во всѣхъ словахъ котораго слышится глубокій отгвновъ грусти) въ полной покорности волѣ Божіей

примирился съ судьбой, заставившей его прервать свою кратковременную миссію. Онъ удалился въ Енонъ, близъ Салима, мѣстность столь неизвѣстную, что касательно ея рѣшительно нельзя сказать чего-нибудь положительнаго. Нѣкоторые еще приходили креститься къ нему, хотя вѣроятно въ меньшемъ количествѣ, потому что большинство теперь начало стекаться для принятія крещенія отъ учениковъ Христа. Но низкая зависть, которая не могла омрачить озаренной души Предтечи, нашла себѣ мѣсто въ сердцахъ его послѣдователей. Неизвѣстно, долго ли тайлась она, но открыто обнаружилась во время спора, возникшаго вслѣдствіе того, что два великихъ учителя, изъ которыхъ одинъ свидѣтельствовалъ о другомъ, какъ объ обѣтованномъ Мессіи, оба крестили множество народа, несмотря на то, что синедрионъ и всѣ преобладающія власти въ народѣ отвергали ихъ право на то (Іоан. III, 25). Какой-то іудей досаждалъ ученикамъ Іоанна споромъ объ очищеніи и они излили свои оскорбленные чувства въ жалобѣ своему великому учителю: „Равви, Тотъ, который былъ съ тобою при Іорданѣ и о которомъ ты свидѣтельствовалъ, вотъ Онъ крестить, и всѣ идутъ къ Нему“. Преднамѣренное опущеніе имени, тонъ раздраженности на то, что казалось имъ дерзкимъ нарушеніемъ чужого права, едва сдерживаемая досада на счастливаго соперника тому, слова котораго одно время глубоко потрясали сердца людей, — все это явно слышалось въ этой жалобной рѣчи. Но въ благородномъ отвѣтѣ на нее блистательно выразилось все свойственное Іоанну величіе. Онъ не могъ поддерживать соперничества, которое было бы вѣроломствомъ по отношенію къ его глубочайшимъ убѣжденіямъ, измѣной его собственному торжественному и открытому свидѣтельству. Единственный источникъ всѣхъ человѣческихъ дарованій есть Богъ, и предъ лицомъ Его не можетъ быть никакого человѣческаго величія. Іоаннъ напомнилъ своимъ ученикамъ о своемъ клятвенномъ завѣреніи, что Онъ не Христосъ, а только провозвѣстникъ Его, не самый женихъ, а только другъ жениха, и сердце его теперь только радовалось, слыша голосъ жениха. Отнынѣ ему должно было умаляться; но онъ былъ доволенъ и тѣмъ, что его слабый свѣтъ теперь тонулъ въ лучезарной зарѣ. Самъ онъ былъ только

земнымъ вѣстникомъ, но своимъ глубочайшимъ убѣжденіемъ онъ запечатлѣлъ вѣру въ то, что Богъ есть истина, и Онъ все отдалъ Сыну Своему, черезъ котораго только и возможно получить жизнь вѣчную.

ГЛАВА XV.

САМАРЯНКА.

Въ храмѣ хочешь молиться? Молись въ себѣ самомъ, но прежде всего будь храмомъ Божиимъ.

Бл. Августинъ.

ИУДЕЙ, разсужденія котораго такъ глубоко возмущали послѣдователей Іоанна, вѣроятно былъ однимъ изъ знатныхъ фарисеевъ, и Спаситель скоро замѣтилъ, что послѣдніе вообще слѣдили за Нимъ съ недоброжелательствомъ. Враждебность, съ которою они относились въ Іоанну, еще больше усиливалась по отношенію въ Нему, по той простой причинѣ, что Его ученіе сопровождалось еще большимъ успѣхомъ. Быть можетъ вслѣдствіе такого рѣшительнаго противодѣйствія Себѣ при самомъ вступленіи на проповѣдь, быть можетъ также падя оскорбленныя чувства послѣдователей Іоанна, но главнѣе всего потому, что въ это самое время дошло до Него извѣстіе, что Іоаннъ былъ схваченъ Иродомъ Антипой и заключенъ въ темницу, Іисусъ оставилъ Іудею и пошелъ опять въ Галилею. Будучи уже въ сѣверной части Іудеи, Онъ выбралъ дорогу, ведущую черезъ Самарію. Фанатизмъ іудейской ненависти, презрительность іудейскаго фарисейства, заставлявшія Его соотечественниковъ во время путешествія всячески избѣгать этой дороги, не существовали для Него и были такими чувствами, которыя надлежало скорѣе подавлять, чѣмъ одобрять.

Отправившись въ путь рано утромъ, чтобы насколько возможно больше воспользоваться часами прохлады въ пути, Онъ остановился, наконецъ, для отдыха и подерѣвленія по близости города Сихара, лежавшаго неподалеку отъ колодезя на плодород-

номъ участіѣ земли, нѣкогда отвѣденномъ патриархомъ Іаковомъ своему любимому сыну Іосифу. Надъ колодеземъ, какъ это бываетъ вообще на востокѣ, навѣрно былъ навѣсъ съ каменными сидѣньями внутри.

Былъ уже полдень, и Іисусъ, утрудившись отъ пути и истомленный, быть можетъ, зноемъ, сѣлъ у колодезя. Выраженіе подлинника живописно до трогательности. Оно показываетъ, что путникъ былъ совершенно истомленъ и въ истощеніи устало повалился на сидѣнье, желая предаться полному покою. Ученики Его, вѣроятно двѣ пары братьевъ, которыхъ Онъ призвалъ раньше всѣхъ, и съ ними двое друзей, Филиппъ и Вареоломей, отлучились закупить въ сосѣднемъ городѣ все необходимое, а самъ Онъ, голодный и жаждущій, неся на себѣ всѣ наши немощи, томно сидѣлъ въ ожиданіи ихъ. Но вдругъ уединеніе Его было нарушено приближеніемъ женщины. Въ майскій полдень въ Палестинѣ жаръ бываетъ страшный, но еще не настолько сильный, чтобы невозможно было совсѣмъ ходить, и эта женщина, по случаю ли какому, или, быть можетъ, потому, что она не пользовалась доброй славой и вслѣдствіе этого избѣгала тѣхъ часовъ, когда у колодезя толпились всѣ женщины города (Быт. xxiv, 11), пришла почерпнуть воды. Чувство ли національной гордости и уваженіе къ памяти великаго предка своего народа, или, быть можетъ, особенная прохладность и свѣжесть воды побудила ее идти къ этому именно колодезю, а не къ какому-нибудь другому источнику поближе. Вода на востокѣ не только необходимость, но и восхитительная роскошь, и уроженцы Палестины знатоки въ ея качествахъ.

Іисусъ долженъ былъ обрадоваться ея приходу. Правда, вся обстановка въ этой роскошной зеленой долинѣ, съ растилающимися вдаль и вширь хлѣбными полями, съ благодатною тѣнью деревьевъ и возвышающимися направо круглыми остовами Гевала и Гаризима, могла располагать къ уединеннымъ размышленіямъ, и всѣ воспоминанія, связанные съ этимъ священнымъ мѣстомъ — исторія Іакова, сосѣдняя гробница царственнаго Іосифа, подвиги Іисуса Навина Гедсона и длиннаго ряда израильскихъ царей — давали богатую пищу для такихъ размышленій. Но Спаситель былъ истомленъ и жаждалъ и, самъ не имѣя возможности до-

стать холодной воды, сверкавшей въ глубинѣ колодезя, Онъ сказалъ женщинѣ: „дай мнѣ пить“.

Всякій, кому приходилось путешествовать на востокѣ, знаетъ, съ какою радостью и охотой отвѣчаютъ тамъ на подобную просьбу. Жалкій феллахъ, даже грубый бедуинъ, какъ бы чувствуетъ положительное удовольствіе при всякой возможности исполнить заповѣдь своего пророка и подѣлиться съ жаждущимъ путешественникомъ этимъ драгоценнымъ напиткомъ. Но между іудеями и самарянами была такая непримиримая ненависть, до того порваны были всѣ сношенія между ними, что просьба эта вызвала у самарянки только выраженіе крайняго удивленія.

Кротко и безъ всякаго упрека Спаситель говоритъ ей, что еслибы она знала, кто Онъ, и попросила у Него, то Онъ далъ бы ей воду живую. Она невольно сдѣлала жестъ рукою по направленію въ колодезь, который былъ во сто футовъ глубиною. Ему нечѣмъ было почерпнуть: отсюда же Онъ могъ достать эту живую воду? И затѣмъ, быть можетъ съ улыбкой недовѣрія и чувствомъ народной гордости, она спросила: неужели Онъ больше отца ихъ Іакова, который вырылъ этотъ самый колодезь и самъ пилъ изъ него. Однако же что-то поразило и устрасило ее въ этихъ простыхъ словахъ Его, потому что она теперь обращается къ Нему уже съ почетнымъ титуломъ, котораго не было въ ея первомъ обращеніи.

Спасителя не остановилъ этотъ грубый буквализмъ ея отвѣта; Онъ поступилъ тутъ такъ же, какъ поступилъ при подобной же непонятливости ученаго Ниводима, стараясь возвести ея мысли въ возможно высшую область. Спаситель объясняетъ ей, что она разумѣетъ обыкновенную воду, пьющій которую возжаждетъ опять; а то, о чемъ Онъ говоритъ, есть источникъ воды внутри самаго сердца, который утоляетъ жажду на вѣки и течетъ въ жизнь вѣчную.

Послѣ этого она уже начинаетъ просить. Онъ просилъ ее о маломъ, и она отказала или полуотвѣдила; теперь Онъ самъ предлагаетъ ей даръ вѣчный. Она чувствуетъ, что передъ ней находится кто-то великій, и она проситъ у Него этой воды живой; но, опять съ тѣмъ же узкимъ и грубымъ пониманіемъ, она

просить лишь для того, чтобы не имѣть больше жажды и не приходить сюда опять за водой.

Но на этотъ разъ довольно уже было сдѣлано для назиданія бѣдной, крайне изумленной женщины, и потому, круто порывая эту часть разговора, Иисусъ велитъ ей пойти и позвать своего мужа и съ нимъ опять возвратиться сюда. Какая собственно мысль была у Христа при этомъ повелѣннн, мы не знаемъ: можетъ быть то, что на востокѣ искони считалось неприличнымъ, если не прямо непозволительнымъ, для мужчины и особенно для раввина разговаривать съ незнакомой женщиной; а можетъ быть Онъ сказалъ это и съ тою цѣлью, чтобы тронуть ея каменное сердце и пробудить спящую совѣсть. Она вынуждена была отвѣтить, что у нея нѣтъ мужа, и Спаситель въ сугубое подтвержденіе ея грустнаго признанія раскрылъ предъ нею тайну ея распущенной и преступной жизни. У нея было, замѣтилъ ей Иисусъ, пять мужей, и тотъ, котораго она имѣетъ теперь, не мужъ ей.

Теперь она уже ясно видѣла, что передъ нею пророкъ, но отъ своей собственной жизни (на которой ей конечно хотѣлось оставаться какъ можно меньше) ея живая мысль быстро переносится въ другому великому вопросу, изъ-за котораго постоянно шель ожесточенный споръ между ея народомъ и соотечественниками Того, съ кѣмъ она говорила, — вопросу, который былъ причиной ихъ взаимной вражды. Случай свелъ ее съ великимъ учителемъ: нельзя ли было воспользоваться имъ для улаженія безконечнаго спора между іудеями и самарянами о томъ, что собственно—Іерусалимъ или Гаризимъ должно считать священнымъ мѣстомъ Палестины: Іерусалимъ, гдѣ Соломонъ построилъ храмъ, или Гаризимъ, это древнѣйшее святилище, гдѣ Иисусъ Навинъ произносилъ свои благословенія и гдѣ Авраамъ готовился принести въ жертву своего сына? Указывая на вершину горы, вздымавшейся на восемьсотъ футовъ надъ ними и увѣнчанной развалинами древняго храма Манассіи, разрушеннаго Гирканомъ, она предложила Спасителю занимавшій ее вопросъ: „отцы наши поклонялись на этой горѣ; а вы говорите, что мѣсто, гдѣ должно поклоняться, находится въ Іерусалимѣ“; кто же правъ?

Кратко и только мимоходом Онъ разрѣшилъ ея недоумѣніе. Въ спорѣ съ самарянами іудеи бесспорно были правы. Іерусалимъ былъ тѣмъ мѣстомъ, которое избрано самимъ Богомъ; сравнительно съ смѣшаннымъ и грубымъ культомъ Самаріи, іудейство было гораздо чище и правильнѣе. Но, воснувшись земного спора, Спаситель изрекъ ей великое и достопамятное пророчество, что наступитъ время, даже наступило уже и теперь, „когда и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ“ истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу, но на всякомъ мѣстѣ будутъ поклоняться Ему въ духѣ и истинѣ.

Она была глубоко тронута и поражена; но какъ можно было по простому случайному слову неизвѣстнаго чужестранца отказаться отъ своей крѣпкой вѣры, въ которой она и ея отцы родились и воспитались? Со вздохомъ она отложила окончательное рѣшеніе этого и подобныхъ вопросовъ до пришествія Мессіи; и тогда Онъ изрекъ простыя, но страшныя слова: „это Я, который говорю съ тобою“.

Рожденіе Его впервые было открыто ночью немногимъ безвѣстнымъ и невѣжественнымъ пастухамъ; первое полное объявленіе Имъ своего мессіанства было сдѣлано у колодца въ томный полдень одинокой безвѣстной самарянкѣ. И этой бѣдной, грѣшной, невѣжественной чужестранкѣ изречены были безсмертныя многозначительныя слова, которыя всѣ послѣдующіе вѣка должны были слушать, такъ связать—съ затаеннымъ дыханьемъ, колѣнопреклоненно!

Кто могъ *измыслить*, кто даже могъ *вообразить* подобныя вещи, столь непохожія на мысли человѣческія?

И на этомъ бесѣда была прервана, потому что ученики, и между ними самъ повѣствователь объ этомъ событіи, возвратились къ своему Учителю. Колодезь Іакова вырытъ на возвышеніи, на отрогѣ Гаризима, въ той части равнины, которая не загоразивается ни деревьями, ни зданіями. Еще издали, благодаря прозрачному воздуху, ученики видѣли и слышали, что Учитель ихъ велъ долгій и серьезный разговоръ съ кѣмъ-то. Онъ — іудей, Онъ — равви разговаривалъ съ женщиной, и притомъ самарянкѣ, и притомъ еще грѣшницей! Однако они не осмѣлились сказать Ему что-нибудь объ этомъ, не смѣли спро-

силь Его. Сознаніе Его величія, любовь и вѣра, которыми вдохновляло самое Его присутствіе, подавили въ нихъ всѣ мелкія сомнѣнія и всякое любопытство.

Между тѣмъ женщина, забывъ даже свой водоносъ вслѣдствіе поразившаго ее изумленія, побѣжала въ городъ рассказать о своей чудесной встрѣчѣ. Явился человекъ, который открылъ ей самыя тайны ея жизни. Не онъ ли Христосъ Мессія?

Самаряне, которые во всѣхъ евангельскихъ замѣчаніяхъ о нихъ являются болѣе простыми и податливыми на убѣжденія, чѣмъ іудеи, скоро побѣжали изъ города по ея увазанію, и когда уже видно было ихъ приближеніе, ученики побуждали Спасителя ѣсть, потому что было уже за-полдень, а Онъ такъ истощился въ пути. Но всякій голодь въ Немъ былъ утоленъ восторженною преданностью своему служенію. „У Меня есть пища, сказалъ Онъ, которой вы не знаете“. Развѣ они не знали, что съ самаго дѣтства Онъ жилъ не хлѣбомъ однимъ? Но опять и здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ же тупымъ, грубымъ буквализмомъ. Ихъ св. книги, самый языкъ, на которомъ они говорили, были полны живыхъ иносказаній, и однако же они не могли уловить въ Его словахъ болѣе глубокаго значенія, чѣмъ то, что вѣроятно кто-нибудь принесъ Ему ѣсть. Какъ тяжело было Ему такимъ образомъ на всякомъ шагу, даже въ своихъ собственныхъ избранникахъ, встрѣчаться съ такою странною неспособностью понимать, что вещественные образы суть только проводники для глубокихъ духовныхъ мыслей! Но нетерпѣнія не было въ томъ, кто былъ кротовъ и смиренъ сердцемъ. „Моя пища, сказалъ Онъ, есть творить волю пославшаго Меня и совершить дѣло Его“. И затѣмъ, указывая на жителей Сихема, стекавшихся въ Нему по равнинѣ, Онъ продолжалъ: „Вы говорите, что еще четыре мѣсяца до жатвы. Взгляните на эти поля, какъ они пожелтѣли для духовной жатвы. Вы будете радостно пожинать жатву, которую Я посѣялъ трудомъ и страданьемъ; а Я, сѣятель, радуюсь при мысли объ этой радости грядущей“.

Личная бесѣда съ Христомъ убѣдила многихъ изъ самарянъ гораздо глубже, чѣмъ рассказъ женщины, которой Онъ впервые открылъ себя, и, милостиво снисходя въ ихъ просьбѣ побыть у

нихъ, Онъ пробылъ тамъ два дня съ своими учениками. Несомнѣнно, это двухдневное учение и было главнымъ образомъ причиною многочисленныхъ обращеній въ ихъ средѣ въ послѣдующее время (Дѣян. viii, 5).

ГЛАВА XVI.

ОТВЕРЖЕНІЕ ХРИСТА НАЗАРЯНАМИ.

ЕВАНГЕЛИСТЪ Іоаннъ повѣствуетъ, что послѣ двухдневнаго пребыванія среди простодушныхъ самарянъ Сихаря Іисусъ пошелъ въ Галилею, „ибо Самъ Онъ свидѣтельствовалъ, что пророкъ не имѣетъ чести въ своемъ отечествѣ, и однако же прибавляетъ, что „когда пришелъ Онъ въ Галилею, то галилеяне приняли Его, видя все, что Онъ сдѣлалъ въ Іерусалимѣ“. Вслѣдъ затѣмъ онъ говоритъ, что Іисусъ пришелъ въ Кану Галилейскую и тамъ испѣлилъ сына нѣкоего царедворца. Это загадочное „ибо“ повидимому указываетъ на одно изъ тѣхъ подавленныхъ теченій мысли, которыя такъ часты у ев. Іоанна. По нашему мнѣнію оно означаетъ, что въ Назаретѣ, родномъ городѣ Іисуса, Его ожидало отверженіе, несмотря на казавшійся сначала благопріятный пріемъ, и что къ этому отверженію Онъ не былъ не приготовленъ, ибо Самъ часто говорилъ, что пророкъ „не имѣетъ чести въ своемъ отечествѣ“.

Ев. Іоаннъ не имѣлъ своєю цѣлью останавливаться на служеніи въ Галилеѣ, о которомъ уже раньше было рассказано синоптиками; поэтому полный отчетъ о первомъ общественномъ дѣлѣ Спасителя въ своемъ родномъ городѣ мы беремъ у евангелиста Луки (iv, 14—30).

Изъ Сихаря Спаситель повидимому не прямо пошелъ въ Назаретъ. По пути (если только Лук. iv, 15 не принимать за общее и лишенное хронологической точности показаніе) Онъ постоянно училъ въ синагогахъ галилейскихъ при восторженномъ пріемѣ и одобреніи народа. Такъ Онъ прибылъ въ Назаретъ и

по своему неизмѣнному обычаю, образовавшемуся навѣрно еще въ дѣтствѣ, когда Онъ несомнѣнно каждую субботу безмолвно молился въ скромномъ святилищѣ города, — вошелъ въ субботній день въ синагогу.

Въ Назаретѣ, какъ незначительномъ городѣ, была только одна синагога, и вѣроятно во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ своей бѣдности, походила на тѣ синагоги, развалины которыхъ мы видимъ въ Телл-Хумѣ и Ирбидѣ. Это было простое прямоугольное зданіе съ украшеннымъ колоннами притворомъ греческой архитектуры; выдающаяся часть его (гдѣ помѣщалось „святилище“) обыкновенно указывала въ направленіи къ Іерусалиму, который со времени Соломона всегда былъ *киблахомъ*, то-есть священнымъ мѣстомъ, куда іудей могъ обращаться въ молитвѣ, подобно тому какъ мусульманинъ въ Меккѣ. Въ болѣе богатыхъ мѣстахъ синагога строилась изъ бѣлаго мрамора и совнѣ убиралась скульптурными украшениями, рѣзными изображеніями виноградныхъ листьевъ и гроздь, расплѣтающаго жезла и сосуда съ манной. Внутри были сидѣнья на одной сторонѣ для мужчинъ, на другой, за рѣшеткой, для женщинъ, которыя сидѣли, закутавшись въ свои длинныя покрывала. На одномъ концѣ помѣщался *тева* или ящикъ изъ крашенаго дерева, содержащій св. Писаніе, а въ сторонѣ возвышалась *бима* или высокое сидѣнье для чтеца и проповѣдника. Духовенства, собственно говоря, не было никакого, но на главныхъ мѣстахъ сидѣло съ десятокъ *батланимъ*— „мужей досуга“ или главныхъ членовъ прихода, и глава синагоги или *роиш гак-кенесетъ*. За ними слѣдовали по достоинству *хаззанъ* или приставникъ, на обязанности котораго было хранить священныя книги; *шемахъ*, соответствующій нашему старостѣ или етитуру, и *парнасимъ*— пастыри, которые въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ исполняли должность діаконовъ.

Богослуженіе въ синагогѣ было очень простое. Послѣ молитвы обыкновенно прочитывалось два мѣста изъ Писанія, одно изъ закона, называемое *параша*, и одно изъ пророковъ, такъ-называемое *гафтаръ*; и такъ какъ посвященныхъ лицъ для совершенія богослуженія совсѣмъ не было (должность священниковъ и левитовъ въ Іерусалимѣ составляла совершенно особое служеніе), то эти чтенія не только могъ читать всякій умѣющій, получивъ

только позволеніе отъ *роизъ как-кенесета*, но могъ также присоединить въ нимъ и свой *мидрашъ* или толкованіе.

Параид или чтеніе изъ Пятокнижія очевидно было уже кончено, когда Иисусъ взошелъ на ступени *бимы*. Видя, что Онъ хочетъ исполнить почетную должность *мафтюра* или чтеца, *хаззанъ* отдернулъ шелговую занавѣсъ отъ раскрашеннаго ковчега, въ которомъ находились священные свитки, и подаль Ему *мегила* или свитокъ пророка Исаи, содержащій дневное *кафтара* или чтеніе. Спаситель раскрылъ свитокъ и нашель извѣстное мѣсто Исаи 1х1 гл. Все собраніе встало слушать Его. Чтеніе обыкновенно продолжалось отъ трехъ стиховъ до двадцати; но Иисусъ прочиталь только первый стихъ и часть второго, останавливаясь въ духѣ любви передъ суровымъ изреченіемъ „и день мщенія Бога нашего“, такъ чтобы милостивыми словами „лѣто Господне благопріятное“ произвести какъ можно больше впечатлѣнія на слушателей и взять ихъ текстомъ для своей бесѣды, Затѣмъ Онъ закрылъ свитокъ, подаль его обратно *хаззану* и, какъ было въ обычаѣ іудеевъ, сѣлъ для произнесенія проповѣди.

Прочитанное Имъ мѣсто, составляло ли оно часть обыкновеннаго дневнаго чтенія или нарочито избранно Имъ самимъ, было во всякомъ случаѣ весьма замѣчательное, и оно должно было получить еще больше величія и торжественности въ устахъ Того, на которомъ исполнилось. Глаза всѣхъ въ синагогѣ съ выраженіемъ напряженнаго вниманія были устремлены на Него, и можно представить себѣ тотъ трепеть ожиданія и возбужденія, который пробѣжалъ по сердцамъ слушателей, когда въ проповѣди, отъ которой намъ евангелистомъ сохраненъ только предметъ ея, Онъ раскрывалъ, что Онъ Самъ и есть тотъ Мессія, о которомъ возвѣщалъ великій пророкъ семьсотъ лѣтъ тому назадъ. Слова Его звучали любовью, властью и силой, были непреодолимы и вызывали у всѣхъ невольное изумленіе. Но съ теченіемъ проповѣди Онъ сталъ замѣчать перемѣну. Обаяніе Его мудрости и увлекательности стало разсѣваться, когда эти грубые и жестокосердичные назаряне начали понимать все значеніе Его словъ. У іудеевъ было въ обычаѣ во время самаго богослуженія въ синагогѣ давать полную волю своимъ чувствамъ, и скоро Иисусъ внятно услышалъ ропотъ негодованія и возмущенія. Онъ видѣлъ, что

эти плающіе глаза, которые сначала были устремлены на Него съ возбужденнымъ вниманіемъ, начинали свергать злобнымъ огнемъ презрѣнія и ненависти. „Не плотникъ ли это? Не братъ ли Онъ такихъ же ремесленниковъ, какъ и самъ Онъ — Іакова, Іосіа, Симона, Іуды, и сестры Его не живутъ ли между нами? Развѣ мы не знаемъ, что даже въ Его собственномъ семействѣ не вѣрують въ Него“? Такіе и подобные возгласы начали раздаваться среди слушателей. Это не былъ молодой ученый раввинъ изъ школы Гамалиила или Шаммаи, и однако же Онъ говорилъ со властью, какой даже не принимали на себя великіе книжники! Даже Гиллель, когда оказывалось невозможнымъ убѣдить на основаніи своего собственного ученія, могъ разсчитывать на успѣхъ, только ссылаясь на прежній авторитетъ Шемаи или Авталіона. Этотъ же учитель не ссылался ни на кого, и притомъ учитель, который былъ только ихъ городскимъ плотникомъ! Какое право имѣлъ Онъ учить? откуда Онъ могъ знать даже письменна, никогда не учившись?

Иисусъ не оставилъ безъ вниманія перемѣны, происшедшей въ настроеніи Его слушателей. Онъ прямо сказалъ имъ, что Онъ дѣйствительно есть тотъ самый Иисусъ, котораго они разумѣють, но это не наноситъ ни малѣйшаго ущерба для Его месіанскаго величія. Ихъ закоснѣлость и невѣріе уже угнетали Его духъ прежде, чѣмъ Онъ вошелъ въ синагогу. Презрительный намекъ съ ихъ стороны на Его низкое происхожденіе Онъ оставляетъ безъ вниманія: намекъ этотъ слишкомъ низокъ и мелоченъ, чтобы останавливаться на немъ, такъ какъ всякій достаточно честный назарянинъ могъ вспомнить еще о болѣе низкомъ происхожденіи — изъ пастуховъ — пророка Амоса. Не обратилъ Онъ вниманія также на низкую ненависть потому, что слабые порочные обыкновенно питають ее въ тѣмъ, которые обличають ихъ безмолвнымъ превосходствомъ своей благородной жизни. Но Онъ видѣлъ и другое чувство въ ихъ душѣ — требованіе какого-нибудь необычайнаго доказательства своего права, видѣлъ шевелившуюся въ нихъ зависть, что Онъ совершалъ чудеса въ Канѣ, проявилъ свою силу въ Капернаумѣ, не говоря уже о томъ, что Онъ совершалъ и проповѣдывалъ въ Іерусалимѣ, и при всемъ томъ не оказавъ никакого особеннаго знака

вниманія въ немъ самимъ. Онъ зналъ, что на умѣ у нихъ была извительная пословица: „врачъ, исцѣлился самъ“ и только что не высказывалась прямо. Но чтобы показать имъ возможно яснѣе, что Онъ есть нѣчто большее, чѣмъ они, что Онъ не простой назарянинъ, хотя и жилъ между ними въ теченіе тридцати лѣтъ, и что Онъ принадлежитъ не имъ, а всему міру, Онъ напоминаетъ имъ, что чудеса не ограничиваются мѣстностью и родствомъ, что Ілія избавилъ отъ голода только феникіанку, вдову въ Сарептѣ, и Елисей исцѣлилъ отъ проказы только враждебнаго сиріянина.

Что же изъ этого? Неужели они, по Его мнѣнію, по мнѣнію этого „плотника“, не лучше язычниковъ и проваженныхъ? Это было выше всего, что могли они вынести отъ своего собрата-горожанина, котораго они хотѣли ставить въ рядъ съ собою, и при этихъ словахъ долго сдерживаемая ярость ихъ разразилась открыто. Проповѣдникъ былъ прерываемъ теперь уже не ропотомъ негодованія, а ревомъ бѣшенства. При одномъ изъ тѣхъ порывовъ кровожаднаго возбужденія, которыми отличался этотъ странный, буйный, запальчивый народъ, — народъ, умы котораго возбуждались столь же неожиданными бурями, какъ и тѣ, что мгновенно разъяряли зеркальную поверхность ихъ озера, они всѣ всеочили, вывели Его за городъ и тамъ повлекли на вершину горы. Назаретъ гнѣздился на южной впадинѣ этой горы; крутые утесы во множествѣ торчатъ на ея склонахъ, и двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ эти утесы вѣроятно были еще гораздо круче и обрывистѣе. На одинъ изъ этихъ скалистыхъ обрывовъ они и повлекли Іисуса, чтобы свергнуть Его.

Но еще не пришелъ часъ Его, и назаряне избавлены были отъ преступленія, которое завлечило бы ихъ вѣчнымъ позоромъ. „Онъ, прошедши посреди ихъ, удалился“. Нѣтъ надобности предполагать здѣсь въ собственномъ смыслѣ чудо, тѣмъ болѣе думать, что Онъ внезапно и незамѣтно скрылся въ узкихъ, извилистыхъ улицахъ города. Быть можетъ Его безмолвіе, спокойное благородство Его осанки, безстрашная невинность Его взора утишили ихъ. Помимо всего сверхъестественнаго, во внѣшности Іисуса, повидимому, было какое-то обаяніе таинственности и величія, которое признавалось даже Его самими

завоснѣлыми и злѣйшими врагами и предъ которымъ они невольно преклонялись. Ему Онъ обязанъ былъ своимъ избавленіемъ, когда разъяренные іудеи въ храмъ взяли за камни, чтобы побить Его; оно обезоружило дерзкихъ и изувѣрныхъ посланныхъ отъ синагога, пришедшихъ схватить Его, когда Онъ всенародно проповѣдывалъ во время праздника кушъ въ Іерусалимѣ; оно же заставило вооруженное скопище Его враговъ, при одномъ Его взглядѣ, пасть наземь въ саду Геесиманскомъ. Онъ просто, спойно возвратилъ себѣ свободу, устранилъ державшихъ Его лицъ и, наведя на нихъ страхъ своимъ божественнымъ взглядомъ, невредимо прошелъ среди нихъ. Подобные случаи бывали въ исторіи и встрѣчаются еще и теперь. Въ беззащитности и даже безстрашномъ достоинствѣ есть нѣчто такое, что способно усмирить даже ярость буйной толпы. „Они остановились... постояли... спросили... устыдились... бѣжали и... исчезли“.

И Онъ такимъ образомъ оставилъ ихъ, чтобы никогда уже не возвращаться опять; никогда, если только вѣренъ нашъ взглядъ, не проповѣдывать опять въ ихъ убогой синагогѣ. Тяготили ли Его душу какія-нибудь чувства простого человѣческаго сожалѣнія, когда Онъ усталыми шагами спускался по крутому склону горы, направляясь въ Кану Галилейскую? Выступила ли на Его глазахъ невольная слеза, когда Онъ остановился, быть можетъ въ послѣдній разъ, взглянуть отсюда на роскошную равнину Ездрилонскую, на лазурныя высоты Кармила и на бѣлые пески, что окаймляютъ синія воды Средиземнаго моря? Былъ ли тамъ кто-нибудь такой, разлука съ которымъ могла томить Его, — въ этой зеленой замкнутой долинѣ, гдѣ Онъ трудился взрослымъ и гдѣ игралъ въ дѣтствѣ? Останавливался ли Онъ долгимъ тоскливымъ взглядомъ на томъ бѣдномъ домикѣ, въ которомъ Онъ столько лѣтъ работалъ плотникомъ? Не провожалъ ли Его съ сожалѣніемъ и грустью какой-нибудь товарищъ Его счастливаго отрочества, какой-нибудь другъ Его безгрѣшной юности? — Такіе вопросы конечно не естественны и не неблагоговѣйны; но на нихъ нѣтъ отвѣта. О всѣхъ просто человѣческихъ чувствованіяхъ Его сердца, исключая тѣхъ, которыя прямо касаются Его великаго дѣла на землѣ,

евангелія безмолвствуютъ. Мы знаемъ только, что отнынѣ Его ожидали другіе друзья — вдали отъ грубаго Назарета, изъ кроткихъ и добродушныхъ рыбаковъ Внесаиды, и что отселѣ мѣстомъ Его жительства, насколько оно было у Него, сталъ городъ Капернаумъ, у сверкающихъ водъ Галилейскаго озера.

ГЛАВА XVII.

НАЧАЛО СЛУЖЕНІЯ ВЪ ГАЛИЛЕѢ.

Онъ взялъ на себя наши немощи. Матѳ. viii, 17.

ОТВЕРГНУТЫЙ Назаретомъ, Спаситель естественно направился въ сосѣднюю Кану, гдѣ Имъ было совершено первое чудо на радость друзей. Вскорѣ послѣ Его прибытія, услышавъ объ этомъ, пришелъ къ Нему изъ сосѣднаго дворца Ирода Антипы одинъ царедворецъ и неотступно просилъ пойти съ нимъ въ Капернаумъ и исцѣлить его умирающаго сына. Спаситель никогда не былъ въ Тиверіадѣ, но голосъ Іоанна не разъ былъ слышаемъ съ тревогой и благоговѣніемъ во дворцѣ сластолюбиваго царя. Мы знаемъ, что Манаиль, молочный братъ Ирода, впоследствии сдѣлался христіаниномъ, и знаемъ также, что между женщинами, „служившими Христу имѣніемъ своимъ“, была Іоанна, жена Хузы домоправителя (Дѣян. xiii, 1; см. Лув. viii, 3). Такъ какъ этотъ царедворецъ увѣровалъ во Христа со всѣмъ своимъ домомъ, вслѣдствіе совершеннаго теперь чуда, то съ нѣкоторою вѣроятностью можно полагать, что это былъ ни кто иной, какъ Хуза. Настойчивая требовательность его просьбы, которая, повидимому, сначала почти и не вытекала изъ духовной убѣжденности, нуждалась въ нѣкоторомъ ограниченіи. Нужно было показать, что Іисусъ не простой *лжикъ*, не простой благотворительный врачъ, готовый во всякое время трудиться надъ излеченіемъ больныхъ и отдавать свои сверхъестественныя силы въ распоряженіе всякаго, кто обратился бы къ Нему, какъ къ послѣднему убѣжищу. Онъ сразу укорилъ духъ, требовавшій знаменій и чудесъ, какъ единственно возможной почвы для вѣры. Но уступая

глубокой заботливости отца, Онъ отпустилъ его съ увѣреніемъ, что сынъ его здоровъ. Разговоръ этотъ происходилъ въ седьмомъ часу, то-есть, по нашему, въ часъ пополудни. Даже въ короткій ноябрьскій день царедворцу можно бы было возвратиться въ Капернаумъ, потому что если Кана, какъ мы думаемъ, есть теперешняя Кефр-Кенна, то она находилась не болѣе какъ въ пяти часахъ пути отъ Капернаума. Но душа отца была успокоена вѣрой въ обѣщаніе Христа, и онъ переночевалъ гдѣ-то на пути. На слѣдующій день на дорогѣ съ нимъ встрѣтились слуги его и сказали ему, что сынъ его выздоровѣлъ и именно въ тотъ часъ, какъ оказалось, когда обнадѣжилъ его Иисусъ. Это уже во второй разъ Христосъ ознаменовалъ свое пребываніе въ Галилеѣ совершеніемъ важнаго чуда. Положеніе царедворца дало чуду обширную извѣстность и это несомнѣнно содѣйствовало тому, что Его съ такою радостью и восторгомъ привѣтствовали вездѣ во время этого свѣтлаго періода Его служенія, который не даромъ называютъ иногда „галилейской весной“.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми трудностями въ хронологіи. Но подобное затрудненіе не должно смущать христіанина. Евангелисты не заявляютъ, что они съ точностью держатся хронологической послѣдовательности. Описанія главныхъ событій въ жизни Христа у всѣхъ евангелистовъ просты и согласны между собой; а то обстоятельство, что они представляютъ ихъ не въ обработанной и — въ литературномъ отношеніи — не въ художественной формѣ, не только вполне согласно съ самымъ положеніемъ этихъ писателей, но и составляетъ новое подтвержденіе нашему убѣжденію, что мы имѣемъ въ евангеліяхъ повѣствованіе о жизни, которая по своему величію и красотѣ безконечно превышаетъ способность вымысла или воображенія у этихъ просто и правдиво рассказывающихъ о ней лѣтописцевъ.

Мы уже замѣтили, что ев. Іоаннъ не имѣлъ своєю цѣлью повѣствовать о служеніи въ Галилеѣ; что оно дѣйствительно совершалось тамъ, онъ явно признаетъ (VII, 3, 4), но о немъ было уже рассказано раньше другими евангелистами. Особья обстоятельства давали возможность этому евангелисту полно и подробно

знать служеніе Его въ Іудеѣ, которое другими предполагается, но не разсказывается. Поэтому здѣсь (iv, 54) онъ останавливается и продолжает нить своего повѣствованія только уже по возвращеніи Іисуса на „праздникъ“ іудейскій (v, 1). Если подъ этимъ праздникомъ разумѣется Пуримъ, что, какъ увидимъ, весьма вѣроятно, то Іоаннъ пропускаетъ здѣсь исторію нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Вслѣдствіе этого мы снова возвращаемся въ синоптическимъ евангеліямъ, которыя повѣствуютъ о событіяхъ, относящихся къ этому именно времени служенія Христа на берегахъ Геннисарета. Такъ какъ намъ часто приходится дѣлать выборъ порядка событій, повѣствуемыхъ тремя евангелистами, то здѣсь мы будемъ слѣдовать порядку ев. Луки, какъ потому, что онъ кажется намъ наиболѣе вѣроятнымъ, такъ и потому, что ев. Лука, въ отличіе отъ двухъ прежнихъ евангелистовъ, видимо руководился, насколько это было возможно для него, и хронологическими соображеніями (Лук. i, 1—3).

Можно думать, что по оставленіи Каны Спаситель прямо пошелъ въ Капернаумъ, сопровождаемый своею матерью и братьями, и сдѣлалъ этотъ городъ мѣстомъ своего жительства, „своимъ городомъ“ (Матѣ. ix, 1). Сестры Его вѣроятно были въ замужествѣ и не оставили своего родного Назарета; но страшнаго оскорбленія, полученнаго Іисусомъ, было однако достаточно для того, чтобы побудить Его семейныхъ оставить этотъ городъ, если даже на нихъ прямо и не простиралась ненависть и гоненіе, вызванныя Его проповѣдью. Можетъ быть и возраставшее отчужденіе между Нимъ и ими отчасти вызывалось этимъ обстоятельствомъ (Іоан. vii, 3—5). У Его семейныхъ невольно являлось глубоко-затаенное чувство досады на то, что, и не признавая Его миссіи во всемъ ея великомъ значеніи и совершенно не одобряя той формы, въ которой она осуществлялась, они однако же должны были терпѣть ненависть и разореніе, какъ прямое слѣдствіе образа дѣйствій Іисуса. Достоверно, что хотя они и жили также въ Капернаумѣ, но жили не вмѣстѣ съ Нимъ. Жилища въ собственномъ смыслѣ у Него не было; но тотъ домъ, въ которомъ Онъ обыкновенно жилъ, повидимому принадлежалъ Его главному апостолу. Правда, Симонъ и Андрей собственно жили въ Вилсаидѣ, но они легко могли бывать и въ томъ домѣ въ

Капернаумъ, который принадлежалъ тещѣ Петра; или же, такъ какъ Виесаида составляла почти пригородъ или часть Капернаума, то для удобства своего Учителя они могли и совсѣмъ переселиться сюда.

Первые три евангелиста подробно сообщаютъ о первой субботѣ, проведенной Спасителемъ въ Капернаумѣ, и сообщеніе это имѣетъ для насъ глубочайшій интересъ, потому что показываетъ намъ, какъ вообще Спаситель проводилъ дни во время своего общественнаго служенія. Это лучший комментарий на всю Его жизнь, всецѣло состоявшую въ томъ, что „Онъ ходилъ повсюду, благотворя и исцѣляя всѣхъ“. Это именно та сторона Его жизни, подражать которой находили наиболѣе труднымъ самые доблестные изъ Его послѣдователей; въ этомъ отношеніи Его жизнь безусловно превосходила всѣ подвиги Его величайшихъ предшественниковъ. Уединенность отшельника, самоумерщвление аскета, восхищенность мистика—все это легче и обыденнѣе, чѣмъ неутомимый трудъ самоотверженной любви.

Начало дня проведено было въ синагогѣ, быть можетъ въ той самой, которую іудеи были обязаны щедрости сотника — римскаго прозелита. Если Капернаумъ дѣйствительно былъ на мѣстѣ теперешняго Телл-Хума, то бѣлыя мраморныя развалины, которыя еще и теперь стоятъ на небольшомъ возвышеніи надъ свербающимъ озеромъ и своими осколками и обломками изящной архитектуры загромаждаютъ теперь пустое и разоренное мѣсто города, быть можетъ и есть развалины этого самаго зданія. Синагога, бывшая не очень обширной, навѣрно до тѣсноты переполнилась народомъ; а для того, чтобы поучать искренно ожидающую поученія толпу, — поучать, какъ Онъ поучалъ — не въ случайныхъ избитыхъ формахъ мертвой правоучительности, а въ дышащихъ жизнью мысляхъ и жгучихъ словахъ, — поучать, какъ поучаютъ тѣ, которые увлекаются чувствами тѣхъ моментовъ, когда сердце говоритъ къ сердцу; — для этого требовалось не мало жизненной энергіи, такая проповѣдь влекла за собой не малое истощеніе физическихъ силъ. Но это еще не все. Когда Онъ говорилъ, когда этотъ простосердечный и однако же преданный, умный и воинственный народъ слушалъ Его въ нѣмомъ изумленіи, съ глубочайшимъ вниманіемъ и благоговѣйнымъ почтеніемъ слѣдя

за каждымъ словомъ,—глубокая тишина вдругъ нарушилась дикими выкриками и непристойнымъ буйствомъ одного изъ тѣхъ несчастныхъ, жалкихъ созданій, которыя, по общему тогда вѣрованію, были одержимы нечистыми духами и которыя, при отсутствіи какихъ-либо пріютовъ для такихъ страдальцевъ, незамѣтно могли пробираться и въ синагогу (Лук. iv, 33). Даже жалкій бѣсноватый, въ глубинѣ своей возмущенной и разбитой души, чувствовалъ успокоительное обаяніе этой чистой личности, этого святаго голоса, этого божественно озаряющаго благовѣстія. Но при извращенности всего своего нравственнаго существа онъ неистовствовалъ противъ всего этого, какъ бы голосами самыхъ демоновъ, одержавшихъ его, онъ привѣтствовалъ „Иисуса Назарянина“ какъ святаго, Божьяго и въ то же время въ порывахъ ужаса и ненависти умолялъ оставить его и не губить.

Затѣмъ послѣдовала потрясающая сцена. Повернувшись къ яростному и бѣснующемуся страдальцу, признавая двойственность въ его сознаніи и обращаясь къ демону, который вызывалъ въ немъ всѣ эти ужасныя неистовства, Иисусъ сказалъ: „замолчи и выйди изъ него“. Онъ никогда не принималъ и не терпѣлъ такихъ темныхъ свидѣтельствъ о своемъ происхожденіи и служеніи. Спокойствіе, кротость, сила божественнаго изреченія были непреодолимы. Бѣсноватый упалъ на землю, въ страшныхъ судорогахъ крича и корчась. Но все это скоро прошло. Человѣкъ всталъ здоровымъ, все въ немъ показывало, что онъ освободился отъ подавлявшей его силы, и теперь былъ въ своемъ здоровомъ разсудкѣ. Никогда прежде не совершалось такого великаго и поразительнаго чуда, и всѣ присутствовавшіе разошлись по домамъ съ чувствомъ неописаннаго изумленія.

Оставивъ синагогу, Христосъ удалился въ домъ Симона. Здѣсь Его также встрѣтили мольбою о помощи въ болѣзни и страданьи. Симонъ, котораго Онъ уже навсегда привязалъ къ себѣ на берегахъ Иордана, призвавъ его къ будущему апостольству, былъ женатъ (1 Кор. ix, 5) и теща его находилась въ сильномъ припадкѣ горячки (Лук. iv, 32). Со стороны опечаленнаго семейства достаточно было только попросить о милости, тутъ не требовалось настойчивыхъ упрашиваній, какъ это было съ болѣе преданнымъ міру царедворцемъ. Спаситель остановился надъ боль-

ною, взялъ ее за руку, поднялъ ее и запретилъ горячѣй; голосъ Его, потрясши все ея существо, побѣдилъ источники болѣзни, и больная, мгновенно выздоровѣвъ, встала и служила имъ по хозяйству.

Строгость соблюденія субботы, которою отличались іудеи, дала Спасителю короткій промежутокъ для отдыха и подрѣвленія; но только что начало заходить солнце, какъ множество народа, ожидавшаго только полного окончанія субботнихъ часовъ, стало искать Его помощи. Со всего города народъ столпился у дверей Его скромнаго жилища, приведя съ собой бѣсноватыхъ и больныхъ всякаго рода. Какое странное было зрѣлище! Тамъ лежало зеркальное озеро, отражавшее въ блѣднорозовомъ свѣтѣ послѣднее сіяніе вечерней зари, что золотила вершины холмовъ; тутъ, среди мирной природы, были выставлены въ ужасающемъ разнообразіи болѣзни и горе человѣка, и тишина субботнихъ сумерокъ нарушалась выкриками бѣсноватыхъ, инстинктивно чувствовавшихъ присутствіе Сына Божія.

Казалось, былъ тутъ лазаретъ, гдѣ множество Больныхъ скопилось—всѣхъ недуговъ:
Ужасной корчи, гнойныхъ ранъ, тошноты,
Тоски сердечной, бреда огненной горячки
И бѣснованья, меланхоліи печальной,
И лунатизма изступленья;

и между ними не —

Отчаянье

Ходило за больными, снуя отъ одра къ одру,
И смерть побѣдоносно потрясала
Своимъ копьемъ...,

но далеко за сумерки спокойно и безбоязненно ходилъ между ними, съ ласкою и любовью, юный Пророкъ назаретскій—Христосъ, Спаситель міра, успокаивая своимъ голосомъ бредъ безумства и крики припадеа, исцѣляя болѣзни возложеніемъ на каждаго несчастнаго и мучающагося страдальца своихъ чистыхъ любящихъ рукъ. Безбоязненно и спокойно, но не свободно отъ скорби и страданья. Сочувствіе вѣдь есть не что иное, какъ одинаковое чувство съ другими: сознательное участіе въ радости и горѣ. И Иисусъ былъ тронутъ тяжкими немощами всѣхъ этихъ страдальцевъ. Эти вопли проникали въ самое Его сердце;

эти стоны и вздохи несчастныхъ наполняли Его душу состраданіемъ. Онъ скорбѣлъ изъ-за нихъ, страдалъ съ ними, ихъ припадки терзали Его; и ев. Матеей невольно вспоминаетъ и повторяетъ въ этомъ мѣстѣ, съ легкимъ различіемъ въ языкѣ, слова пророва Исаи: „Онъ взялъ на себя наши немощи, и понесъ бо-лѣзни“ (Матѳ. viii, 17; Ис. liii, 4).

Молва объ этомъ чудесномъ событіи разнеслась по всей Галилеѣ и Переѣ, и даже до отдаленныхъ предѣловъ Сиріи (Матѳ. iv, 24), и можно представить себѣ, какъ сильно утомленный Спаситель нуждался послѣ этого въ продолжительномъ покоѣ. Но лучшимъ и самымъ пріятнымъ для него отдыхомъ было уединеніе и безмолвіе, гдѣ Онъ, не тревожимый никѣмъ, могъ быть наединѣ съ своимъ Отцомъ небеснымъ. Равнина Геннисаретская была еще оутана глубокой тьмой, наступающей передъ разсвѣтомъ, когда, незамѣченный никѣмъ, Іисусъ всталъ и удалился въ одно пустынное мѣсто, и тамъ подкрѣпилъ свой духъ тихой молитвой. Хотя дѣло, для котораго Онъ былъ посланъ, часто обязывало его проводить время среди тѣснящейся и возбужденной толпы, Онъ однако же не любилъ народнаго шума и избѣгалъ даже почестей и выраженій признательности отъ тѣхъ, которые чувствовали въ Его присутствіи какъ бы обновленіе всего своего существа. Но Ему не давали, даже на короткое время, оставаться въ покоѣ и въ уединеніи. Народъ неотступно слѣдовалъ за Нимъ; Симонъ съ своими друзьями почти гонялись за Нимъ съ неутомимой жаждою видѣть и слышать. Они даже хотѣли почти силой удержать Его у себя. Но онъ спокійно отклонилъ ихъ настойчивость. Онъ не имѣлъ своею цѣлью сдѣлаться предметомъ всенароднаго почета и удивленія, или проводить все свое время въ совершеніи чудесъ, которыя, хотя и были дѣлами милосердія, главнымъ назначеніемъ своимъ имѣли однако же то, чтобы открывать сердца людей къ разумнѣю Его божественнаго ученія. Благодѣянія Его не должны были ограничиваться Капернаумомъ. Рядомъ находились Далмануа, Магдала, Виесаида, Хоразинъ. „Пойдемъ, говорилъ Онъ, въ ближнія селенія и города, чтобы Мнѣ и тамъ проповѣдывать царствіе Божіе, ибо на то Я посланъ“.

Сомнительно однако же, чтобы Спаситель тотчасъ же при-

вель въ исполненіе свое намѣреніе. Повидимому Онъ уступилъ желанію народа и еще разъ проповѣдывалъ имъ, прежде чѣмъ отправиться на проповѣдь въ эти населенныя окрестности. Онъ направился къ берегу и вѣроятно къ тому мѣсту, гдѣ была причалена лодка Его первыхъ учениковъ, у твердаго песчаного берега близъ Вивсаиды. Неподалеку за нимъ слѣдовала неотступная толпа народа, собравшаяся со всѣхъ окрестностей; и въ то время, какъ Онъ остановился побесѣдовать съ народомъ, братья рыбаки, Симонъ съ Андреемъ и Іаковъ съ Іоанномъ, отправились на промыселъ, которымъ они зарабатывали себѣ насущный хлѣбъ. Когда Іисусъ удалялся отдохнуть на нѣсколько часовъ ночи, Симонъ съ своими сотоварищами, подчиняясь своей житейской долѣ, которую они, повидимому, несли съ веселымъ добродушіемъ, обыкновенно занимались рыболовствомъ. Но такъ какъ теперь они совсѣмъ не имѣли успѣха, то двое изъ нихъ, сидя на берегу, — на столь недалекомъ разстояніи отъ Христа, что, благодаря окружавшей тишинѣ, могли даже слышать голосъ Его, — промывали, а другіе двое, сидя въ своей лодкѣ съ наемными рабочими и Зеведеемъ, отцомъ своимъ, чинили сѣти. Во время бесѣды Іисуса, народъ, — иные съ желаніемъ уловить каждое слово, исходившее изъ устъ Того, кто говорилъ такъ, какъ никогда не говорилъ человѣкъ, а иные съ желаніемъ прикоснуться къ Нему и тѣмъ исцѣлиться отъ одержавшихъ болѣзней, — тѣснился къ Нему больше и больше, до непристойности затрудняя Его движенія и тѣсня Его въ озеру (Марк. III, 9—12). Поэтому Онъ далъ знать Симону, чтобы тотъ взялъ Его въ свою лодку, и велѣлъ отплыть нѣсколько отъ берега, такъ чтобы Ему можно было поучать народъ изъ лодки. Съ этой удобной каюки, свободный отъ всякой тѣсноты, Онъ поучалъ народъ, покачиваясь на лазурной ряби озера, сверкавшего подъ утренними лучами солнца. И когда проповѣдь Его кончилась, Онъ думалъ не о себѣ и о своемъ утомленіи, а о своихъ бѣдныхъ, потерпѣвшихъ неудачу ученикахъ. Онъ зналъ, что трудъ ихъ былъ напрасенъ; Онъ замѣтилъ, что во время Его бесѣды они, будучи заняты своимъ ремесломъ, въ то же время готовились къ будущему дѣлу, общавшему имъ больше успѣха; и съ сочувствіемъ, никогда не опускавшимъ случая для совершенія доб-

раго дѣла, Онъ велѣлъ Петру отплыть на глубину и вновь закинуть сѣти свои для лова. Петръ былъ въ уныломъ настроеніи духа; но для него было достаточно слова со стороны Того, кого онъ такъ глубоко чтилъ и свидѣтелемъ могущества котораго онъ уже былъ столько разъ. И его вѣра была вознаграждена. Сѣти мгновенно наполнились множествомъ рыбы.

Послѣдовала оживленная сцена. Трудовой промыселъ стоялъ на первомъ планѣ. Симонъ и Андрей дали знать Зеведею и его сыновьямъ съ рабочими, чтобы они плыли сюда съ своей лодкой и помогли имъ вытащить необычайный уловъ, грозившій прорвать самыя сѣти. Обѣ лодки были доверху наполнены грузомъ; и тотчасъ же по окончаніи работы Петръ, признавая всю силу чуда, съ свойственнымъ ему порывомъ припалъ къ колѣнамъ Иисуса — благодарить Его? выразить ему чувство безпредѣльной преданности? — нѣтъ, но для того (и здѣсь мы опять имѣемъ черту неподдѣльной правдивости, превосходящей всякую способность вымысла), чтобы восхлигнуть: „*выйди отъ меня, Господи!* потому что я — человекъ грѣшный“. Лучъ сверхъестественнаго озаренія открылъ ему какъ его собственное грѣховное недостоинство, такъ и то, Кто былъ съ нимъ въ лодкѣ. Это былъ вопль самообличенія, который уже обнаруживалъ задатки вышшаго благородства. Это былъ первый порывъ страха и изумленія, тѣхъ чувствъ, которыя впоследствии возрасли до степени обожанія и любви. Петръ не разумѣлъ въ собственномъ смыслѣ „*выйди отъ меня*“, а разумѣлъ только — и это было извѣстно Сердцевѣдцу: „я крайне недостоинъ быть подлѣ Тебя, но позволь мнѣ остаться“. Какъ не похожъ этотъ вопль страстнаго и трепетнаго смиренія на дикія неистовства злыхъ духовъ, которые просили Спасителя удалиться отъ нихъ, или на нравственное огрубѣніе грязныхъ гадаринцевъ, которые присутствію Спасителя предпочли уходить за свиньями!

На это послѣдовалъ кроткій отвѣтъ: „не бойся; отнынѣ будешь ловить человековъ“. Спаситель, какъ и во всемъ своемъ ученіи, уловилъ особенность обстоятельствъ даннаго момента и воспользовался ихъ внутреннимъ смысломъ. Подлѣ нихъ въ лодкѣ вучами лежала животрепещущая добыча озера, животрепетанье которой однако же начинало уже стихать — предъ вѣчнымъ покоемъ

смерти. Отселѣ этотъ грѣшный человѣкъ, омытый и очищенный, искупленный и освященный, долженъ былъ преслѣдовать въ болѣе благородномъ трудѣ добычу, которая, будучи поймана сѣтью Евангелія, не умретъ, а будетъ жить вѣчно. И его братъ, и его товарищи по промыслу должны были также сдѣлаться „ловцами людей“. Этого послѣдняго зова было довольно. Они уже были призваны Иисусомъ на берегахъ Иордана; они уже слышали свидѣтельство Іоанна Крестителя; но отъ нихъ еще не требовалось оставить все и слѣдовать за Нимъ; они еще не свыклись съ чудесами, поддерѣплявшими ихъ вѣру; они еще не пришли къ полному признанію того, что слѣдовавшіе Ему были не только безопасны подъ Его святымъ руководствомъ, но и должны получить сторицею во всемъ, что составляетъ истинное и достойное счастье даже въ этой жизни, а въ будущемъ мірѣ жизнь вѣчную.

Мы уже видѣли, что въ самомъ началѣ своего служенія Спаситель приготовлялъ шестерыхъ изъ своихъ апостоловъ для будущаго служенія; отъ четырехъ изъ нихъ теперь Онъ потребовалъ не только того, чтобы они признали Его своимъ Учителемъ и Господомъ, но чтобы отнынѣ оставили все и слѣдовали за Нимъ. Изъ другихъ апостоловъ только еще одинъ получилъ отдѣльное призваніе — именно евангелистъ Матей. Призваніе его, несмотря на несогласіе синоптиковъ въ этомъ отношеніи, вѣроятно состоялось около этого времени. Въ Капернаумѣ или близъ него находилась таможня, для сбора пошлинь. Будучи расположенъ въ узлѣ дорогъ, расходившихся къ Тиру, Дамаску, Іерусалиму и Сепфорису, городъ этотъ былъ оживленнымъ торговымъ центромъ страны, и потому представлялъ удобное мѣсто для сбора податей и пошлинь. Налоги эти были особенно ненавистны іудеямъ. Самая обязанность платить ихъ уязвляла священнѣйшія для нихъ чувства. Они были не только знакомъ политическаго рабства, не только постояннымъ и ужаснымъ свидѣтельствомъ того, что Богъ какъ бы оставилъ свой народъ и что всѣ свѣтлыя мессіанскія надежды и обѣтованія, которыми полна была ихъ прежняя историческая жизнь, померкли въ страшномъ сумракѣ подчиненія чужеземному игу жестокихъ и высовомѣрныхъ поборителей, но даже самая уплата ихъ для чувствитель-

ной и щепетильной души истыхъ іудеевъ казалась почти вѣроотступничествомъ. Она казалась нарушеніемъ основныхъ началъ теократіи и могла быть извиняема только подъ условіемъ неизбѣжной принудительности. Неудивительно поэтому, что чиновники, собиравшіе эти налоги, были крайне нелюбимы народомъ. Нужно помнить при этомъ, что въ отдаленныхъ областяхъ сборщиками были не римскіе чиновники — настоящіе *публиканы*, а ихъ простые подчиненные, часто набиравшіеся изъ подонговъ общества, и они такъ славились своими злоупотребленіями, что на нихъ смотрѣли почти съ ужасомъ и всегда причисляли въ одному разряду съ блудницами и грѣшниками. Когда известное занятіе находится въ такомъ презрѣніи и считается такимъ гнуснымъ, то понятно, что люди, занимающіеся имъ, склонны падать до уровня, на который ставитъ ихъ народная ненависть. И если іудей едва могъ убѣдить себя въ правотѣ самой *уплаты* податей, то можно представить, какимъ ужаснымъ преступленіемъ было въ его глазахъ сдѣлаться орудіемъ, и притомъ сомнительной честности, въ *собираніи* ихъ? Если ненавидѣли мытаря вообще, то какое омерзѣніе въ народѣ долженъ былъ возбуждать мытарь изъ іудеевъ?

Но Тотъ, кто пришелъ взыскать и спасти погибшихъ, кто могъ водворить христіанскую святость въ средѣ языческаго растлѣнія, — могъ даже изъ мытаря-іудея сдѣлать апостола и перваго евангелиста новой и живой вѣры. При избираниі апостоловъ Онъ руководился побужденіями, совершенно отличными отъ тѣхъ, которыми руководится расчетливая политика или условное благоразуміе. Онъ отвергъ важнаго книжника (Матѳ. viii, 19) и избралъ презираемаго и ненавидимаго всѣми сборщика податей. Это было славное дѣло божественной прозорливости и совершеннаго человѣколюбія, и ев. Матѳеей болѣе чѣмъ оправдалъ его, обративъ свое знаніе письма на священное дѣло и сдѣлавшись первымъ жизнеописателемъ своего Спасителя и Господа.

Нѣтъ сомнѣнія, что Матѳеей слышалъ нѣкоторыя изъ бесѣдъ и видѣлъ нѣкоторыя изъ чудесъ Христа. Сердце его было тронуто ими, и въ глазахъ Того, кто не презиралъ никого и не гнушался нивѣмъ, мытарь этотъ, даже когда онъ еще сидѣлъ у „сбора пошлинъ“, былъ уже готовъ для призванія. Довольно

было одного слова: „слѣдуй за Мною“. Оно показывало Матеею, что Господь возлюбилъ его и готовъ былъ воспользоваться имъ, какъ избраннымъ орудіемъ въ распространеніи благовѣстія въ царствѣ Божіемъ, и потому его было достаточно для того, чтобы заставить мытаря побѣдить въ себѣ всѣ искушенія алчности и порвать съ прежнимъ занятіемъ. „И онъ всталъ и послѣдовалъ за Нимъ“, нравственно возрожденный чудесной силой всепрощающей и искупающей любви.

ГЛАВА XVIII.

ИЗБРАНІЕ ДВѢНАДЦАТИ АПОСТОЛѢВЪ И НАГОРНАЯ ПРОПОВѢДЬ.

До пришествія Христова законъ повелѣвалъ, но не помогаль; послѣ пришествія и повелѣваетъ и помогаетъ. Бл. Августинъ.

ПОСЛѢ одного изъ такихъ дней, проведенныхъ въ неустанномъ трудѣ по совершенію дѣлъ человеколюбія, Иисусъ, по своему обыкновенію, искалъ отдыха и успокоенія въ молитвѣ. „Онъ взошелъ на гору помолиться и пробылъ всю ночь на молитвѣ къ Богу“ (Лук. vi, 12). Есть нѣчто въ высшей степени умиленное въ самой мысли объ этихъ уединенныхъ часахъ: кругомъ полнѣйшее безмолвіе и тишина, ненарушаемая никакими звуками человеческой жизни, — только гудаютъ филины или воютъ шакалы; на неизмѣримой глубинѣ восточнаго неба яркими огнями сверкаютъ звѣзды, а подъ ними одинокая фигура Человѣка скорбей колѣнопреклоненно стоитъ на росистой травѣ и ищетъ поддержанія для своихъ трудовъ въ этомъ чистомъ воздухѣ, подъ этимъ открытымъ небомъ, отъ этого внутренняго и безмолвнаго общенія съ своимъ Отцомъ и Богомъ...

Мѣстомъ этой уединенной ночной молитвы и вмѣстѣ нагорной проповѣди было, по всей вѣроятности, одинокое возвышеніе, извѣстное въ настоящее время подъ названіемъ Курн-Хаттинъ или „Роговъ-Хаттинскихъ“. Это холмъ, вершина котораго

весьма похожа по своимъ двумъ высокимъ отрогамъ на восточное сѣдло. На западѣ онъ поднимается лишь очень немного надъ уровнемъ широкой, волнистой долины; на востокѣ обрывисто спускается къ площадкѣ, на которой подъ самыми утесами лежитъ деревня Хаттинъ, а отъ площадки дикая, знойная горловина ведетъ внизъ—къ сверкающей поверхности озера Галилейскаго. Это единственная выдающаяся гора на западной сторонѣ озера и она по своему расположенію особенно пригодна какъ для уединенія, такъ и для собранія народа. Сюда-то, по всей вѣроятности, Спаситель удалялся по вечерамъ, пробираясь промежъ скалистыхъ, служащихъ притонами для разбойниковъ, утесовъ, идущихъ по обѣимъ сторонамъ Долины Голубей, останавливаясь, быть можетъ, по временамъ испить чистой воды изъ журчащаго ручья, сорвать нѣсколько вкусныхъ яблокъ *нубкъ* и послѣдить за орлами, спускавшимися на какую-нибудь изъ близъ лежащихъ скалъ. И сюда же утромъ слѣдовала за Нимъ народная толпа, которая конечно менѣе своего божественнаго Учителя обращала вниманія на разнообразныя красоты окружающей природы, но не хотѣла даже на время лишиться Его вдохновляющаго присутствія и жаждала постоянно слышать благодатныя слова, исходившія изъ устъ Его.

На разсвѣтѣ, прежде чѣмъ успѣлъ собраться народъ, Спаситель подозвалъ къ себѣ учениковъ, которые понемногу собрались около Него. Доселѣ они связаны были съ Нимъ только простыми отношеніями дружбы и едва ли понимали ихъ полное значеніе. Но пришелъ часъ, и Онъ изъ всего круга своихъ обыкновенныхъ послѣдователей сдѣлалъ окончательное избраніе для себя двѣнадцати апостоловъ. Число ихъ было незначительно въ сравненіи съ цѣлыми сотнями послѣдователей, называвшихъ себя учениками каваго-нибудь Гиллея или Гамалила, и самое общественное положеніе ихъ было ничтожно и низко. Симонъ и Андрей — сыновья Іоны, Іаковъ и Іоаннъ — сыновья Зеведея, и Филиппъ — всѣ были изъ небольшой деревни Виесаиды. Если Матѳей одно и то же лицо съ Левіемъ, то онъ былъ сыномъ Алфея, а слѣдовательно и братомъ Іакова меньшого и Іуды, брата Іакова, который обыкновенно считается тождественнымъ съ Леввеемъ и Ѳаддеемъ. Они, по всей вѣроятности, были изъ

Каны или Капернаума; и если есть какое-нибудь основаніе вѣрить преданію, по которому Марія, жена Алфея или Клеопы, была младшею сестрою пресв. дѣвы Маріи, тогда мы должны считать этихъ двухъ братьевъ двоюродными братьями Спасителя. Наанаилъ или Вареоломей былъ изъ Каны Галилейской, Ѳома и Симонъ Зилоть были также галилеяне. Иуда Искариотъ былъ сынъ Симона Искариота, но одно ли лицо этотъ Симонъ съ Зилотомъ—опредѣлить невозможно (Матѳ. х, 2—4; Марк. ш, 16—19; Лук. vi, 14—16; Дѣян. i, 13).

Изъ этого славнаго общества апостоловъ трое — Іаковъ меньшій, Иуда (братъ) Іаковлевъ и Симонъ Зилоть почти ничѣмъ неизвѣстны намъ. Съ самою личностію Іакова и Иуды связываются многочисленныя затрудненія вслѣдствіе необыкновенно частаго употребленія этихъ именъ среди іудеевъ. Они признаются авторами двухъ соборныхъ посланій, но положительнаго рѣшенія этого вопроса еще доселѣ не установлено въ наукѣ. Въ евангеліяхъ ничего не сообщается объ ихъ личности, и только ев. Іоаннъ при описаніи Тайной вечери упоминаетъ объ „Иудѣ не Искариотѣ“, который вмѣстѣ съ другими обращался съ извѣстнымъ вопросомъ къ Спасителю (Іоан. xiv, 22). Симонъ извѣстенъ только по своему прозванію Зилоть. „Зилоть“ или „Кананитъ“—имена тождественныя по своему значенію и показываютъ, что онъ нѣкогда принадлежалъ къ числу буйныхъ и неистовыхъ послѣдователей Иуды Гискальскаго. Греческія имена Филиппа и Андрея, а также и то обстоятельство, что къ Филиппу именно обращались греки, желавшіе видѣться съ Спасителемъ, и что онъ просьбу эту передалъ Андрею, быть можетъ указываютъ на нѣкоторыя связи ихъ съ эллинистами; но вромѣ первоначальнаго призванія, о нихъ почти ничего не сообщается больше; то же самое и о Наанаилѣ и Матееѣ. О Ѳомѣ, называемомъ также Дидидомъ или „близнецомъ“, что составляетъ только греческій переводъ его еврейскаго имени, мы находимъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній, которыя показываютъ въ немъ человѣка своеобразнаго характера, наивнаго и простаго, но въ то же время пылкаго и великодушнаго, готоваго умереть, но тугого на вѣру. Объ Иудѣ, человѣкѣ изъ Каріота, быть можетъ единственномъ іудеѣ въ обществѣ апостоловъ, мы будемъ имѣть

печальный случай говорить послѣ; а евангелія часто клеймятъ его рововымъ поясненіемъ, столь страшнымъ въ самой своей простотѣ: „Иуда Искариотъ, который и предалъ Его“.

Іаковъ, Іоаннъ и Петръ принадлежали самому тѣсному кругу — избраннѣйшихъ друзей и послѣдователей Христа. Имъ однимъ только позволено было присутствовать съ Нимъ при восрешеніи дочери Іаира, во время преображенія и предсмертной молитвы въ саду Геесиманскомъ. Объ Іаковѣ мы не знаемъ ничего больше, кромѣ того, что онъ сподобился высокой чести быть первымъ мученикомъ изъ общества апостоловъ. Онъ и его братъ Іоаннъ, хотя они и были рыбаками, повидимому находились въ лучшихъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ ихъ сотоварищи. Зеведей, отецъ ихъ, не только имѣлъ свою собственную лодку, но и держалъ наемныхъ рабочихъ; а Іоаннъ случайно упоминаетъ въ своемъ евангеліи, что онъ былъ извѣстенъ первосвященнику. Мы уже высказывали не невѣроятное соображеніе, что онъ часто бывалъ въ Іерусалимѣ и тамъ занимался сбытомъ рыбы, которая доставлялась туда съ озера Галилейскаго. Этимъ объясняется то, что онъ ближе зналъ многія изъ событій въ служеніи Спасителя въ Іудеѣ, о которыхъ вполне умалчиваютъ другіе евангелисты.

Апостолы Іоаннъ и Петръ — одинъ символъ созерцательной, другой — практической жизни, несомнѣнно являются величайшими и наиболѣе привлекательными личностями во всемъ обществѣ апостоловъ. Въ характерѣ Іоанна часто ошибались. Какъ ни преисполненъ онъ былъ божественной нѣжности; какъ ни превосходилъ онъ другихъ апостоловъ въ пониманіи всей глубины и значенія новой заповѣди Спасителя; какъ ни богаты его посланія и его евангеліе созерцательнымъ, всепоглощающимъ благоговѣніемъ; какъ ни дорогъ онъ былъ вслѣдствіе этого сердцу мистиковъ и подвижниковъ, — тѣмъ не менѣе онъ былъ безконечно далекъ отъ того женственнаго піетизма, который обыкновенно приписывается ему. Прозваніе Воанергесъ или „сыны Громовы“, которое онъ раздѣлялъ съ своимъ братомъ Іаковомъ, ихъ совмѣстная просьба о преимуществѣ въ царствѣ Божіемъ, ихъ пылкое требованіе низвести огонь съ неба на оскорбившихъ ихъ жителей самарянскаго селенія (Лук. ix, 54), жгучая вы-

разительность простонароднаго языка, какимъ написанъ Апокалипсисъ, неудержимый ужасъ, съ которымъ по преданію ап. Іоаннъ бѣжалъ отъ присутствія еретика Керинеа, — все это показываетъ, что въ немъ былъ духъ орла, который именно, а не голубь, искони считался его символомъ. Такъ какъ ревность и восторженность, которыя не цѣнятся и почти презираются дряблѳю, боязливую религіозностью нашего времени, всегда были необходимыми орудіями въ распространеніи царства Божія, то несомнѣнно эти именно качества въ его характерѣ, вмѣстѣ съ нѣжностью и преданностью, и были причиной особеннаго въ нему расположенія Учителя и дѣлали его ученикомъ (Іоан. ххі, 20), „котораго любилъ Іисусъ“. Дивная глубина и сила его духа, рѣдкое сочетаніе созерцательности и подвижности, силы и вротости въ одной и той же душѣ, совершеннѣйшая вѣра, вдохновлявшая его преданность, и совершеннѣйшая любовь, исключавшая всякій страхъ, — вотъ тѣ дарованія и качества, которыя дѣлали его достойнымъ того, чтобы склоняться своею юною головою къ груди Спасителя.

Не менѣ замѣчательною личностью былъ другъ Іоанна — апостоль Петръ. Мы будемъ имѣть еще много случаевъ для наблюденія великодушныхъ, порывистыхъ, волеблющихся, благородныхъ и робкихъ движеній этого немощно-человѣческаго, но въ высшей степени симпатичнаго характера. Удовольствуемся на этотъ разъ краткою, но яркою характеристикой, сдѣланной другимъ писателемъ. „Трудно связать“, — говоритъ Гамилтъонъ, — „въ чемъ больше всего выражалось его рвеніе — въ обожаніи или дѣятельности. Преизбытокъ въ немъ сердца придавалъ силу и быстроту каждому его движенію. Окруженъ ли Учитель его звѣрскими злодѣями? — пылкость Петра появляется въ обнаженномъ мечѣ и превращаетъ галилейскаго рыбака въ отважнаго воина. Разносится ли слухъ о воскресеніи Учителя изъ гроба? — болѣе быстрый на ноги Іоаннъ далеко оставляетъ позади своего старшаго друга; но нетерпѣливость Петра опережаетъ тихую любовь Іоанна, и когда, тотъ въ смущеніи остановился, Петръ, не переводя дыханія, бросается въ пустую гробницу. На берегу ли находится воскресшій Христосъ? — его товарищи собираютъ свои сѣти и поворачиваютъ судно въ берегу, а Петръ бросается за

борть и, борясь съ волнами, въ мокрой одеждѣ падаетъ въ ногамъ своего Учителя. Говоритъ ли Иисусъ: принесите рыбы, которую вы теперь поймали?—не успѣли другіе уловить этихъ словъ, какъ Петръ уже тащитъ на берегъ мокрую сѣть съ животрепещущей добычей, и всѣмъ своимъ существомъ уже напередъ отвѣчаетъ на вопросы Спасителя: „Симонъ, любишь ли ты Меня“? Однимъ словомъ, это человѣкъ, который скорѣе всѣхъ, если потребуютъ обстоятельства, можетъ отдаться восторженному чувству, боготворенія и хвалы или слѣдовать за Христомъ въ тюрьму и на смерть; можетъ совершить во имя преданности геройскіе подвиги или съ пылкимъ усердіемъ заняться исполненіемъ разныхъ дѣлъ въ различныхъ областяхъ труда“.

Таковы были главные изъ апостоловъ, которыхъ Спаситель соединилъ въ одно общество, когда возсѣдалъ на зеленой вершинѣ Курн-Хатина. Можно предполагать, что на одномъ изъ двухъ отроговъ горы Онъ и провелъ ночь въ молитвѣ, и раннимъ утромъ тамъ къ Нему присоединились Его ученики. Какимъ внѣшнимъ символомъ Спаситель утвердилъ это первое великое посвященіе на апостолство, или вообще былъ ли при этомъ употребленъ какой-нибудь символъ, мы не знаемъ; но несомнѣнно то, что избраніе это было формальное и окончательное. Съ этой поры не могло уже быть возврата къ рыбацкой лодкѣ или къ ларю мытаря, какъ источникамъ существованія; ученики должны были раздѣлять съ своимъ Учителемъ всѣ трудности странствованія, евангельскіе труды, скудость въ пищѣ и неудобство переменныхъ жилищъ, — все то, чѣмъ отличался даже счастливѣйшій періодъ служенія Спасителя. Они должны были трудиться съ Нимъ подъ палящимъ солнцемъ полудня и спать, подобно Ему, подъ звѣзднымъ небомъ ночи.

Въ то время какъ Иисусъ производилъ это избраніе, толпы всякаго народа начали собираться къ Нему на гору. Народъ стекался къ Нему не только съ густо населенныхъ береговъ Галилейскаго озера, не только изъ Іудеи и Іерусалима, но даже съ отдаленныхъ береговъ Средиземнаго моря, изъ Тира и Сидона, и всѣ стремились прикоснуться къ нему и послушать Его ученія. Съ утесистаго отрога горы Онъ сошелъ на плоскую вершину ея и прежде всего занялся тѣлесными недугами своихъ

жаждущихъ слушателей, испѣляя больныхъ и изгоняя нечистыхъ духовъ изъ одержимыхъ ими. И затѣмъ, когда народъ въ сподвижномъ и благоговѣйномъ вниманіи разсѣлся по зеленымъ склонамъ горы этого естественнаго и прекраснаго амфитеатра, Онъ, возведши очи (Лук. vi, 20) свои и отверзши уста свои, произнесъ сначала для своихъ учениковъ, а чрезъ нихъ и всему народу ту знаменитую бесѣду, которая извѣстна подъ именемъ нагорной проповѣди (Матѣ. v—vii; Лук. vi, 20—49).

Самый невнимательный человѣкъ не можетъ не поражаться громадною разницею между произнесеніемъ этой проповѣди и провозглашеніемъ закона на Синаѣ. Суровый законъ Синая провозглашенъ былъ среди громовъ и молній, трубнымъ гласомъ, грозно раздававшимся среди утесовъ горы. Напротивъ, нагорная проповѣдь сладостно лилась среди покоя и красоты яснаго, тихаго разсвѣта. Тотъ грозно исходилъ въ устрашенной совѣсти отъ невидимаго Существа, окутаннаго густыми облаками, разрушительнымъ пламенемъ и влудящимся дымомъ; эта была произнесена нѣжнымъ голосомъ человѣческимъ, который трогалъ сердце безконечно вротекими словами мира. Тотъ былъ данъ на пустынной и грозовой горѣ, которая своими красными гранитными скалами какъ бы угрожаетъ пальцею пустынѣ; эта—на бархатной и цвѣтистой муравѣ зеленаго склона горы, спускающейся къ серебристому озеру. Тотъ поражалъ сердце ужасомъ и смятеніемъ; эта разливала въ немъ миръ и любовь. И однако же новыя заповѣди горы блаженствъ даны были не для того, чтобы отмѣнить, а скорѣе исполнить законъ, изреченный нѣкогда на Синаѣ. Тотъ законъ былъ основанъ на исконномъ различіи между правымъ и неправымъ, — различіи столь же неизблемомъ и вѣрнымъ, какъ гранитныя основы міра. Легче сдвинуть небо и землю, чѣмъ нарушить малѣйшую букву, одну іоту, или ничтожнѣйшую черту этого кодекса, который содержитъ основныя начала всей нравственной жизни. Иисусъ говорилъ, что Онъ пришелъ не отмѣнить законъ, но исполнить его, повиноваться ему; хотя въ то же время Онъ поучалъ, что это повиновеніе не имѣетъ ничего общаго съ левитскою привязанностью къ буквѣ, а есть скорѣе подчиненіе сердца и воли внутреннему смыслу и духу заповѣдей. Онъ исполнилъ этотъ древній законъ

полнымъ соблюденіемъ его и сообщеніемъ силы соблюдать его всѣмъ вѣрующимъ въ Него, хотя въ то же время придавъ ему болѣе общее и глубокое значеніе.

Проповѣдь началась словомъ „блаженны“ и состоитъ изъ девяти блаженствъ. Но это было *новое* откровеніе блаженства. Народъ ожидалъ Мессію, который разбилъ бы ярмо на его шею,— царя, облеченнаго земнымъ величіемъ, являющагося въ торжествѣ побѣды и мщенія. Умы его плѣнялись легендарными пророчествами о томъ, какъ Онъ станетъ на берегу въ Іюппіи и повелитъ морю выбрасывать жемчугъ и всѣ свои сокровища къ своимъ ногамъ; какъ Онъ одѣнетъ свой народъ въ багряницу, украшенную драгоценными камнями, и будетъ питать его еще болѣе сладкою манной, чѣмъ какая посылалась въ пустынь. Но Христосъ открываетъ народу иного царя, иное блаженство — блаженство бѣдности, царственность смиренія, высокое блаженство скорби и гоненія. Этотъ новый законъ, который долженъ былъ не только повелѣвать, но и давать силу къ исполненію, данъ былъ какъ соль для предохраненія міра отъ растлѣнія и какъ свѣтъ, чтобы руководить его во тьмѣ. И затѣмъ слѣдуетъ сравненіе новаго закона милости съ древнимъ закономъ угрозы. Древній былъ переходный, этотъ постоянный; древній былъ образомъ и тѣнью, новый исполненіемъ и завершеніемъ; древній требовалъ повиновенія во внѣшнемъ дѣйствіи, новый — въ мысли и сердцѣ; древній содержалъ правила поведенія, новый — тайну послушанія. Заповѣдь: „не убій“ отнынѣ распространяла свое значеніе и на слова гнѣва, и на чувства ненависти. Зародышъ прелюбодѣянія былъ указанъ во взглядѣ съ вождѣлѣніемъ. Запрещеніе влятвопреступленія распространено на всякую пустую и ненужную влятву. Законъ равномѣрнаго отмщенія замѣненъ закономъ безусловнаго самоотреченія. Любовь, которую мы обязаны имѣть въ ближнимъ, распространена и на враговъ. Отселѣ чада царства Божія должны стремиться къ тому, чтобы быть *совершенными*, какъ совершенъ Отецъ ихъ небесный.

И новая жизнь, вытекающая изъ этого новаго закона, должна быть во всѣхъ отношеніяхъ иною въ сравненіи съ рутиной возвеличенныхъ мелочей и фарисейскаго формализма, который до-

толѣ считался высшимъ образцомъ религіозной жизни. Милостыню нужно подавать не съ гласностью и самовыставленіемъ, а скромно и тайно. Молиться должно не съ лицемѣрною публичностью, а въ своемъ уединеніи. Постъ нужно содержать не какъ самохвальную добродѣтель, но какъ тайное самоотреченіе. Всѣ эти дѣла благочестія надлежитъ совершать единственно изъ любви къ Богу, въ простотѣ, не ища земной награды, но скопляя для себя нетлѣнные сокровища на небѣ. А самое служеніе, чтобы быть искреннимъ, должно быть всецѣлымъ и безраздѣльнымъ. Заботы и тревоги жизни не должны развлекать ея серьезности и возмущать ея покоя. Богъ, которому она приносится, есть также и Отецъ, и Тотъ, кто всегда питаетъ птицъ небесныхъ, не сѣющихъ и не жнущихъ, и одѣваетъ болѣе чѣмъ царственною красотою цвѣты полевые, не оставитъ безъ одежды и пищи дѣтей своихъ, когда они ищутъ прежде всего правды Его.

Что же должно быть основой такого служенія? — Самоиспытаніе, происходящее въ вротости, которая не осуждаетъ, въ любви, которая не признаетъ грѣховъ за другими, и въ невѣдѣніи, которое не знаетъ ихъ; скромность, которая не унижаетъ и не оскорбляетъ святыни; вѣра, которая ищетъ подкрѣпленія свыше и знаетъ, что, ища праведно, она получитъ; самоотреченіе, которое, съ желаніемъ возвеличить славу Бога и счастье человѣка, направляетъ всю свою дѣятельность ко благу всего міра.

Врата тѣсны и путь узокъ, но они ведутъ къ жизни. По жизни и дѣламъ должно судить о томъ, истинно или ложно ученіе тѣхъ, которые проповѣдуютъ его; безъ этого не имѣютъ никакого значенія ни слова правовѣрія, ни даже чудеса.

Наконецъ, Христось внушалъ имъ, что слушающій эти слова и исполняющій ихъ подобенъ мужу благоразумному, который, строя себѣ домъ, заложилъ фундаментъ его на скалѣ, вслѣдствіе чего домъ его устоялъ противъ самыхъ сильныхъ напоровъ бури и непогоды; а слышавшій и не исполняющій ихъ „уподобится человѣку безразсудному, который построилъ домъ свой на пескѣ; и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры и налегли на тотъ домъ, и онъ упалъ, и было паденіе его великое“.

Таково содержаніе этой великой проповѣди — въ ея простѣйшемъ и самомъ безцвѣтномъ изложеніи. Неудивительно поэтому, что слышавшіе ее „дивились ученію Его“. Больше всего они дивились тому, что „Онъ училъ ихъ какъ власть имѣющій, а не какъ книжники“. Ученіе книжниковъ было узко, сухо и бездушно: оно было холодное по формѣ, пустое по содержанію, заимствованное и избитое по самой сущности своей; въ немъ не было ни свѣжести, ни силы, ни огня; оно — раболѣпное по отношенію ко всякому авторитету и враждебное всякой свободѣ; велеученое и въ то же время неразумное; надменное и въ то же время низкое; никогда ни на волосъ не переступаетъ за тщательно оберегаемые предѣлы толкованія и прежнихъ авторитетовъ; уравниваемо до безцвѣтности, правовѣрно до робости и невозможнаго буквоѣдства; путается въ мелочахъ постановленій закона и цѣлаго лабиринта преданій; предпочитаетъ память генію и повтореніе самобытности; всецѣло поглощено дѣлами священниковъ и фариисеевъ, и всегда, въ храмѣ и синагогѣ, школѣ или синагогѣ, занимается одними ничтожными мелочами. Правда, оно не совсѣмъ лишено было нравственнаго значенія, и кое-гдѣ среди всякаго хлама можно найти даже благородныя мысли; но оно неизмѣримо больше занималось мелочною обрядностью, постановленіями касательно маты, аниса и тмина, длины висточекъ и ширины филактерій, мытья блюды и сосудовъ, и той особенной четверти секунды, когда начинались новомѣсячья и субботніе дни. Совсѣмъ инымъ по своему характеру было ученіе Христа, и настолько же величественнѣе, насколько храмъ утренняго неба, подъ которымъ оно произносилось, былъ величественнѣе душной синагоги, или переполненной народомъ школы. Оно проповѣдывалось на склонѣ горы, у озера, по дорогамъ, въ домѣ фариисея или на пиру у мытаря, какъ и гдѣ только приходилось; оно всегда было одинаково возвышенно и сладостно, произносилось ли въ царскомъ дворцѣ, въ присутствіи владыкъ Израиля, или же предъ невѣжественными слушателями изъ простаго народа, который надменные фариисеи считали проклятымъ. Въ самомъ провозглашеніи его не было никакого особеннаго расчета и оно съ одинаковою полнотою и любовью излагалось предъ одинокими слушателями, какъ

и предъ восторженными толпами; и нѣкоторыя изъ Его величайшихъ откровеній были сообщены не правителямъ или многочисленнымъ толпамъ народа, а гонимымъ отверженцамъ иудейской синагоги, робкому совопроснику въ уединенную полночь и слабой женщинѣ у колодца знойнымъ полуднемъ. Оно занималось не мелочными десятинами и церемоніями, а человѣческой душой, человѣческой судьбой и человѣческой жизнью — надеждой, любовью и вѣрой. Въ немъ не было ни опредѣленій, ни изъясненій, ни „схоластическихъ системъ“, ни философскихъ мечтаній, ни хитрой путаницы темнаго и двусмысленнаго разсужденія, а только быстрое, вдохновенное проникновеніе въ самую глубь человѣческаго сердца, — смѣлое, возвышенное и самобытное ученіе, которое, не стѣсняемое исключеніями или ограниченіями, съ неотразимою простотою прямо обращалось къ совѣсти человѣческой и безусловною властью трогало и покоряло сердца. Исходя изъ глубины святыхъ чувствъ, оно, какъ электрическій токъ, проникало существо всякаго слушателя. Однимъ словомъ, авторитетъ этого ученія былъ авторитетъ воплощеннаго Божества; оно было голосомъ Бога, говорящаго языкомъ человѣческимъ. Непреклонная требовательность его была пронизана однако же нѣжнѣйшимъ сочувствіемъ и страшная строгость — неизреченной любовью. Оно, по прекрасному выраженію мудрѣйшаго изъ латинскихъ отцовъ, есть великое море, улыбающаяся поверхность котораго освѣжительно журчитъ у ногъ играющихъ дѣтей, но въ неизмѣримую глубину котораго и мудрѣйшій можетъ смотрѣть только съ ужасомъ изумленія и трепетомъ любви (бл. Августинъ).

Имѣя теперь полную возможность сравнивать ученіе Христа, — ученіе Того, кого иные хотѣли бы представлять не болѣе какъ плотникомъ назаретскимъ, — со всѣмъ, что міръ имѣетъ лучшаго и величайшаго въ философіи, краснорѣчій и поэзій, не должны ли мы также прибавить съ еще большею выразительностью, что, уча какъ власть имѣющій, Онъ говорилъ такъ, какъ никогда не говорилъ человѣкъ? Многіе и другіе учителя изрекали слова мудрости, но кому изъ нихъ дано было возродить человѣчество? Что было бы съ міромъ, еслибы онъ и теперь не имѣлъ ничего лучше сухихъ афоризмовъ и осторожныхъ

размышленій Конфуція, или сомнительныхъ началъ и опасныхъ поблажекъ Платона? Могло ли бы человѣчество совершить тотъ громадный нравственный прогрессъ, который оно совершило теперь, еслибы никакой великій пророкъ свыше не далъ ему ничего лучше ужасной надежды Будды на *нирвану*, достигаемую неестественнымъ аскетизмомъ, или циническаго освященія полигаміи и деспотизма въ ученіи Магомета? Христіанство, быть можетъ, во многихъ отношеніяхъ понизилось въ сравненіи съ своимъ древнимъ великимъ идеаломъ; оно, быть можетъ, отчасти потеряло въ своей дѣвственной чистотѣ; борющаяся и раздѣленная церковь настоящаго времени, быть можетъ, въ теченіе этихъ долгихъ вѣковъ лишилась блеска новаго Іерусалима, сходящаго съ неба; но христіанскій міръ развѣ не лучше того, чѣмъ стала Греція и что представляютъ собой Турція, Аравія и Китай? Развѣ христіанство изсушаетъ принимающіе его народы мертвенностью буддизма и тлѣномъ ислама? Мы думаемъ, что христіанство самобытно даже какъ нравственная система, хотя оно безконечно больше, чѣмъ такая система, но кромѣ того утверждаемъ, что ни одна еще религія не способна была такъ увлекать чувства и сердца людей. Другія религіи явно обнаруживаютъ свои недостатки и заблужденія, — цѣлостность и совершенство христіанства никогда не были опровергнуты; другія системы были не общедоступны и исключительны, — христіанство просто и универсально; другія временны и для немногихъ, — христіанство вѣчно и для всего человѣчества. Конфуцій, Будда, Магометъ не могли даже и представить себѣ идеала человѣческаго общества, не впадая въ жалкое заблужденіе. Христось же основалъ дѣйствительно вѣчное и славное царство, какъ сущность, такъ и исторія котораго доказываютъ, что оно неизмѣнно остается тѣмъ, чѣмъ было провозглашено сначала — царствомъ небеснымъ, царствомъ Божиимъ.

И однако же, какъ изящна и свѣжа простая рѣчь Христа въ сравненіи со всякимъ другимъ ученіемъ, къ которому когда-либо преклонялось ухо человѣчества! Въ ней нѣтъ ни научности, ни искусства, ни изысканности доказательствъ, ни тщательности въ обработкѣ, ни вычурности краснорѣчія, ни мудрости ученыхъ, школь. Какъ стрѣла, направленная въ цѣль, ученіе Его прямо проникаетъ въ самую глубь ума и сердца. Все

въ немъ кратко, ясно, точно, свято и полно образовъ изъ обыкновенной жизни. Едва ли былъ таковой предметъ, близво знакомый галилеянамъ того времени, которымъ бы Христось не пользовался для уясненія какого-нибудь славнаго обѣтованія или нравственнаго закона. Онъ говоритъ о зеленыхъ поляхъ, весеннихъ цвѣтахъ и распусканіи деревъ, о лазурномъ и сумрачномъ небѣ, о солнечномъ восходѣ и закатѣ, о вѣтрѣ и дождѣ, о ночи и бурѣ, о тучахъ и грозѣ, о рѣкѣ и потоцѣ, о звѣздахъ и свѣтильницахъ, о медѣ и соли, о волыханіи тростника и сожженіи плевеловъ, о разодранныхъ одеждахъ и ветхихъ мѣхахъ для вина, о яйцахъ и змѣяхъ, о жемчугѣ и монетахъ, о сѣтяхъ и рыбѣ. Вино и пшеница, хлѣбъ и масло, домоправители и садовники, работники и хозяйева, цари и пастухи, странники и отцы семействъ, царедворцы въ роскошномъ одѣяніи и невѣсты въ брачныхъ одеждахъ—все это постоянно встрѣчается въ Его бесѣдахъ. Онъ зналъ всю жизнь и смотрѣлъ на нее благодостнымъ и вмѣстѣ царственнымъ взглядомъ. Онъ могъ сочувствовать ея радостямъ, какъ и облегчать ея горечи, и тѣ самыя глаза, которые такъ часто наполнялись слезами при видѣ страданій плачущихъ у смертнаго одра, сіяли также нѣжностью и лаской при видѣ игръ счастливыхъ дѣтей на зеленыхъ поляхъ и оживленныхъ улицахъ.

ГЛАВА XIX.

ДАЛЬНѢЙШІЯ ЧУДЕСА.

Послалъ слово Свое и исцѣлил ихъ.

Пс. cvi, 20.

ВА ПРОВОЗГЛАШЕНІЕМЪ великаго ученія въ подтвержденіе его непосредственно слѣдовали знаменія. Иисусъ перешелъ, говорить одинъ изъ отцовъ церкви, отъ ученія къ чуду. Научивъ какъ власть имѣющій, Онъ перешелъ къ подтвержденію этой власти дѣлами.

Можно бы думать, что послѣ ночи, проведенной въ молитвѣ подъ открытымъ небомъ, послѣ избранія двѣнадцати апосто-

ловъ раннимъ утромъ и послѣ долгой проповѣди имъ и многочисленной разнообразной толпѣ народа, Спаситель удалится для отдыха, столь необходимаго послѣ столькихъ трудовъ. На самомъ дѣлѣ было далеко не такъ, и нѣсколько слѣдующихъ дней, если мы правильно понимаемъ послѣдовательность событій, были проведены въ непрерывномъ и неустанномъ трудѣ.

По окончаніи проповѣди народъ разсѣялся въ различныхъ направленіяхъ, а жившіе въ долинѣ Геннисаретской навѣрно пошли за Иисусомъ чрезъ деревню Хаттинъ и, перейдя узкую полянку, затѣмъ спустившись въ лощину и оставивъ Магдалу вправо, черезъ Виесаиду пришли въ Капернаумъ.

Когда І. Христось сошелъ съ горы, идя вѣроятно нѣсколько впереди народа, по естественному соображенію оставившаго Его въ покоѣ, при самомъ входѣ въ одинъ изъ небольшихъ городовъ, глазамъ Его представилось печальное зрѣлище. Вдругъ, съ отчаянною мольбою, падая сначала на колѣни, затѣмъ съ сердечнымъ воплемъ повергался ницъ, явился предъ Нимъ съ обнаженной головою, въ разодранной одеждѣ и съ завязаннымъ ртомъ, прокаженный — „полный проказы“, — пораженный самой худшей формой этой отвратительной и ужасной болѣзни. Со стороны несчастнаго требовалась необычайная вѣра въ юнаго Пророка назаретскаго, чтобы признавать въ Немъ силу исцѣлить болѣзнь, худшей стороною которой было всеобщее убѣжденіе, что, разъ проникнувъ въ кровь, она постоянно усиливалась и была неизлечима. И вотъ всѣ надежды жизни вырвались въ страстной мольбѣ несчастнаго: „Господи, если хочешь, можешь меня очистить“. И на Его вѣру, какъ эхо, мгновенно отозвался отвѣтъ: „хочу, очистишься“. Всѣ чудеса Христовы были въ то же время откровеніями. Когда требовалось обстоятельствами дѣла, Онъ иногда не сразу отвѣчалъ на мольбу страдальца. Но не было ни одного случая, когда бы Онъ хоть на мгновение замедлилъ при воплѣ къ Нему прокаженнаго. Проказа считалась знавомъ грѣха, и Христось хотѣлъ научить насъ, что сердечная молитва грѣшника объ очищеніи всегда находитъ скорое удовлетвореніе. Когда Давидъ, прообразъ всѣхъ истинно вающихся, взывалъ съ истиннымъ сокрушеніемъ: „согрѣшилъ я предъ Господомъ“, то пророкъ Нааванъ немедленно принесъ ему милостивое благовѣстіе

отъ Бога: „Господь снялъ съ тебя грѣхъ твой; ты не умрешь“ (2 Цар. xii, 13).

Спаситель простеръ руку, прикоснулся къ прокаженному, и тотъ тотчасъ очистился.

Это было славное нарушеніе *буквы* закона, который въ прикосновеніи къ прокаженному видѣлъ обрядовое оскверненіе; но въ то же время это было славнымъ поясненіемъ *духа* того закона, по которому милость лучше жертвы.

Рука Иисуса не осквернилась отъ прикосновенія къ тѣлу прокаженнаго, но все тѣло прокаженнаго очистилось отъ прикосновенія этой святой руки. Точно также Онъ коснулся и нашей грѣховной человѣческой природы, и однако же остался безъ слѣда грѣха.

Спаситель прикоснулся къ прокаженному для исцѣленія его по глубокому и свободному движенію своего человѣческаго чувства. Но теперь Онъ желалъ исполнить Моисеевъ законъ совершеннымъ повиновеніемъ ему; и потому, какъ въ доказательство чуда и во вниманіе къ страдальцу, такъ и во исполненіе предписаній закона, Онъ повелѣлъ прокаженному идти показаться священнику, принести обычную жертву и получить законное удостовѣреніе въ своемъ очищеніи. Повелѣніе это Онъ сопровождалъ строгимъ и даже суровымъ внушеніемъ никому не говорить объ этомъ ни слова (Марк. i, 44). Отсюда видно, что вслѣдствіе быстроты, съ какою было совершено чудо, о немъ не зналъ никто, кромѣ, быть можетъ, немногихъ ближайшихъ послѣдователей Христа, когда оно совершено было среди бѣлаго дня, по близости къ селенію и въ недалекомъ разстояніи отъ слѣдовавшаго за Нимъ народа.

Но почему Спаситель при этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, требовалъ отъ чудесно-исцѣленныхъ Имъ молчанія, которое они рѣдко соблюдали? Полной причины мы, быть можетъ, никогда не узнаемъ, но что она заключалась въ обстоятельствахъ времени и мѣста и въ умственномъ состояніи тѣхъ, надъ которыми совершались чудеса—это ясно по крайней мѣрѣ изъ того, что въ одномъ случаѣ, когда обстоятельства были другія, Онъ даже повелѣлъ объявить о совершившемся чудесномъ исцѣленіи (Марк. v, 18; Лук. viii, 39). Возможно, что

это было, какъ предполагаетъ св. Златоустъ, съ цѣлью подавленія духа гордости и наученія людей не профанировать пустымъ разглагольствіемъ глубокаго внутренняго смысла великихъ даровъ Божіихъ; или во избѣжаніе крайняго возбужденія и смятенія въ изумленномъ и взволнованномъ уже народѣ Галилеи; или съ тою цѣлью, чтобы на Него смотрѣли въ истинномъ свѣтѣ — не какъ на могучаго чудотворца или необычайнаго „*акима*“, но какъ на Спасителя чрезъ отравленіе и упованіе.

Каковы бы ни были эти причины вообще, въ этомъ случаѣ повидимому было особенное, важное побужденіе къ тому. Ев. Маркъ, воспроизводящій въ своемъ краткомъ, но въ высшей степени живописномъ повѣствованіи сильныя и живыя впечатлѣнія ап. Петра, показываетъ, что отпущеніе этого человѣка сопровождалось со стороны Спасителя необычайно сильнымъ движеніемъ чувства. Не только выраженіе: „посмотрѣвъ на него строго“ (Марк. I, 43) — заключаетъ въ себѣ значеніе необычайной строгости и даже порывистости во взглядѣ и тѣлодвиженіи, но и слова „тотчасъ отослалъ его“ буквально означаютъ „оттолкнулъ“ или „отогналъ его“. Что же было причиной такой строгости во внушеніи исполнить законъ и такой быстроты въ отсылкѣ? Вѣроятно то, что привосновеніе къ проваженному — хотя и чудесноцѣлебное — сдѣлало бы Его въ глазахъ неразумнаго и подавленнаго обрядностью народа нечистымъ. А что это именно такъ, можно судить по ясному свидѣтельству, что, вслѣдствіе разглашенія объ этомъ случаѣ со стороны очистившагося страдальца, „Иисусъ не могъ уже явно войти въ городъ, но находился внѣ, въ мѣстахъ пустынныхъ“. Ев. Лука упоминаетъ о подобномъ же обстоятельствѣ, хотя не указываетъ особенной причины для этого, прибавляя только, что Иисусъ проводилъ время въ молитвѣ. Если разглашеніе проваженнаго объ этомъ случаѣ и требовало удаленія на нѣкоторое время, то все-таки ясно, что народъ мало обращалъ вниманія на эту опредѣляемую закономъ нечистоту, и даже въ уединенное мѣсто, куда удалился Христосъ, во множествѣ стекался къ Нему отовсюду.

Раньше ли этого удаленія, или послѣ него совершилось исцѣленіе слуги сотника (Лук. VII, 1 — 10; Матѣ. VIII, 5 — 13) —

неизвѣстно; но въ виду того, что какъ ев. Матѳей, такъ и ев. Лука помѣщаютъ это чудо въ тѣсной связи съ нагорною проповѣдью, можно предполагать, что стеченіе народа, искавшаго Его даже въ мѣстахъ пустынныхъ, могло показать Ему, что для Него было невозможно удовлетворить всѣхъ мелочныхъ требованій законниковъ даже временнымъ удаленіемъ отъ общенія съ людьми.

Едва прибылъ Спаситель въ городъ Капернаумъ, гдѣ находилось Его временное мѣстожителство, какъ на встрѣчу къ Нему вышла депутація іудейскихъ старѣйшинъ, вѣроятно должностныхъ членовъ главной синагоги, — съ просьбою отъ сотника, вѣрный и любимый рабъ котораго былъ схваченъ опаснымъ припадкомъ болѣзни. Могло показаться страннымъ, что іудейскіе старѣйшины приняли такое близкое участіе въ человѣкѣ, который, римлянинъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно былъ язычникъ и даже, быть можетъ, не „пришелецъ вратъ“. Старѣйшины однако же объяснили, что онъ не только любитъ ихъ народъ (черта крайне необычная въ язычникѣ, такъ какъ, вообще говоря, въ іудеямъ всѣ относились съ особеннымъ отвращеніемъ), но даже на свой собственный счетъ построилъ имъ синагогу, которая по красотѣ и величественности считалась главною синагогою въ Капернаумѣ. Самое обращеніе ихъ къ Иисусу показываетъ, что это событіе относится къ раннему періоду Его служенія, когда всѣ еще смотрѣли на Него съ изумленіемъ и надеждой и не было еще той смертельной вражды, которою ознаменовались послѣдующіе дни. Христосъ немедленно отвѣтилъ на ихъ просьбу: „Я приду, свазалъ Онъ, и исцѣлю его“. Но на дорогѣ они встрѣтили другихъ посланныхъ отъ смиреннаго и благочестиваго сотника, который черезъ нихъ просилъ Его не входить подъ недостойный кровъ язычника, а исцѣлить страждущаго раба простымъ чудеснымъ словомъ, какъ Онъ исцѣлилъ сына царедворца. Какъ сотникъ, хотя и подвластный человѣкъ, всегда имѣетъ у себя слугъ, готовыхъ исполнять его приказанія, такъ не могъ ли и Христосъ повелѣть невидимымъ слугамъ исполнить свою волю, самъ не предпринимая этого труда на себя? Спаситель былъ пораженъ столь замѣчательною вѣрою, больше которой Онъ не встрѣчалъ даже

въ Израилѣ. На дикой маслинѣ Онъ нашель то, чего не находилъ на маслинѣ садовой; изъ этого обстоятельства Онъ извлекъ поученіе, такимъ холодомъ и непріятностью поразившее слухъ іудеевъ: когда многіе изъ настоящихъ сыновъ царства извержены будутъ во тьму вромѣшнюю, многіе придутъ съ востока и запада и возлагутъ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ въ царствѣ небесномъ. Посланные же, возвратившись въ домъ, нашли, что дѣлительное слово оказало свое дѣйствіе и больной слуга выздоровѣлъ.

Неудивительно, что послѣ дней, ознаменованныхъ столькими чудесами, Иисусу Христу невозможно было найти времени для отдыха. Съ ранняго утра на вершинѣ горы до поздняго вечера въ какомъ-нибудь домѣ, который Онъ избиралъ мѣстомъ для ночного покоя, толпы народа стекались въ Нему, не щадя Его уединенія, не обращая вниманія на Его утомленіе, желая видѣть Его, слышать ученіе и воспользоваться Его чудесами. Не было времени даже для пищи. Такая жизнь не только въ высшей степени утомительна и тяжела, но для нѣжной, возвышенно настроенной натуры, любящей уединеніе и находящей чистѣйшее и совершеннѣйшее блаженство въ одинокой молитвѣ, эта непрерывная общественность, этотъ какъ бы безконечный трудъ становится просто одурачивающимъ, если только духъ не будетъ находить подерѣвленія въ полнѣйшемъ сочувствіи и любви. Но сердце Спасителя не находило и такого подерѣвленія. Вѣроятно въ этому періоду относится замѣчательный случай, передаваемый только ев. Маркомъ. Родственники и семейные Христа, слыша обо всемъ, что Онъ дѣлалъ, пришли въ Нему, — быть можетъ, изъ Каны, или Капернаума, гдѣ они жили — чтобы взять Его подъ свой присмотръ. Сообщившіе имъ о Его дѣйствіяхъ видимо ошибочно поняли Его восторженность, тотъ пылъ сочувствія и огонь любви, которымъ отличались Его ученіе и дѣла: они посмотрѣли на все это какъ на крайнее возбужденіе, ненормальное состояніе духа и даже прямо помѣшательство на благотворительности и изувѣрствѣ. Люди всегда склонны смѣшивать пылъ вдохновенія съ эксцентричностью разстроеннаго ума. „Безумствуешь ты, Павелъ“ — вотъ объясненіе, которое придалъ восторженному краснорѣчію апостола заурядный и свѣт-

скій умъ римскаго прокуратора (Дѣян. xxxvi, 24; см. 2 Кор. v, 13). „Онъ одержимъ бѣсомъ“, говорили многіе тупые и подавленные мірской суетой слушатели, послѣ нѣкоторыхъ изъ самыхъ возвышенныхъ изреченій Спасителя (Іоан. x, 20). Нѣсколько подобная, хотя и не столь грубая, мысль наполнила душу изумленныхъ родственниковъ Христа, когда они услышали о неожиданной и удивительной для нихъ дѣятельности Его послѣ тихаго уединенія предшествующей, ничѣмъ не ознаменовавшейся, тридцатилѣтней жизни. Доселѣ они еще не сочувствовали Ему, не признавали Его и не вѣровали въ Него; они говорили, что „Онъ вышелъ изъ себя“. Нужно было поэтому рѣшительно доказать имъ, что Онъ уже не принадлежитъ имъ; что Онъ уже не плотникъ, не братъ Іакова, Іосіа, Іуды и Симона, а Сынъ Божій, Спаситель міра.

ГЛАВА XX.

ИСУСЪ ВЪ НАИНѢ.

Развѣ мертвые возстануть и будутъ славить Тебя? Цс. lxxxvii, 11.

ПОСЛѢ этихъ событій и быть можетъ на слѣдующій же день Спаситель отправился изъ Капернаума въ „городъ, называемый Наинъ“ (Лук. vii, 11—50).

Наинъ, теперь грязная и жалкая деревня, находится въ сорока трехъ верстахъ отъ Капернаума и лежитъ на сѣверо-западномъ склонѣ горы Джебель-эл-Дуги или малаго Ермона. Названіе это (оно удерживается и теперь) значитъ „прекрасный“ и положеніе городка близъ Ендора вполнѣ оправдываетъ его: онъ живописно гнѣздится на холмистыхъ склонахъ величественной горы, въ виду Фавора и высотъ Завулоновыхъ. Отправившись въ путь, какъ это всегда дѣлается на востокѣ, рано, въ часы утренней прохлады, Иисусъ по всей вѣроятности отплылъ къ южной оконечности озера и затѣмъ направился внизъ по Іорданской долинѣ къ тому мѣсту, гдѣ къ ней спускаются долины Ездрилона; отсюда, оставляя гору Фаворъ

справа и Ендоръ слѣва, онъ легко могъ прибыть въ этотъ миленькій городокъ скоро послѣ полудня.

Въ этотъ свѣтлый и счастливый періодъ служенія Его обыкновенно сопровождали не только ученики, но и толпы ликующаго и обожающаго народа. Когда это восторженное шествіе народа, исполненнаго высокихъ надеждъ и не всегда истинныхъ возрѣній на грядущаго царя, взбиралось по узкой и скалистой дорогѣ, ведущей къ воротамъ Наина, навстрѣчу ему показалось иное — печальное шествіе. Изъ воротъ выносили трупъ умершаго юноши для погребенія за городской стѣною. Зрѣлище это было болѣе печально, чѣмъ обыкновенно, и потому вѣроятно оно сопровождалось болѣе отчаяннымъ и неудержимымъ воплемъ, чѣмъ обыкновенно оплакиваніе умершихъ. Юноша этотъ, выражаясь словами евангельскаго повѣствованія, которое еще болѣе трогательно вслѣдствіе своей чрезвычайной простоты и для слуха іудеевъ заключало въ себѣ еще больше печальнаго смысла, былъ „единственный сынъ у матери, а она была вдова“. Зрѣлище этой страшной скорби неотразимо отозвалось въ любящемъ и нѣжномъ сердцѣ Спасителя. Сжалившись надъ несчастной матерью и сказавъ ей: „не плачь“, Онъ подошелъ къ одру, или вѣрнѣе къ открытому гробу, въ которомъ лежалъ умершій юноша, и, опять не обращая вниманія на чисто обрядовое постановленіе, — прикоснулся къ нему. При видѣ этого все мгновенно замерло въ ожиданіи. Носильщики невольно остановились, объятые страхомъ. И затѣмъ среди убитыхъ горемъ родственниковъ и окружавшей ихъ безмолвной толпы народа раздался спокойный голосъ: „юноша, тебѣ говорю: встань“. Но проникъ ли этотъ голосъ въ невѣдомую и таинственную область смерти? Проникъ ли онъ въ ту непроницаемую полуночную тьму, которая скрываетъ отъ человѣческихъ глазъ загробный міръ?— Да, онъ проникъ. Мертвый всталъ и началъ говорить, и Спаситель „отдалъ юношу матери его“.

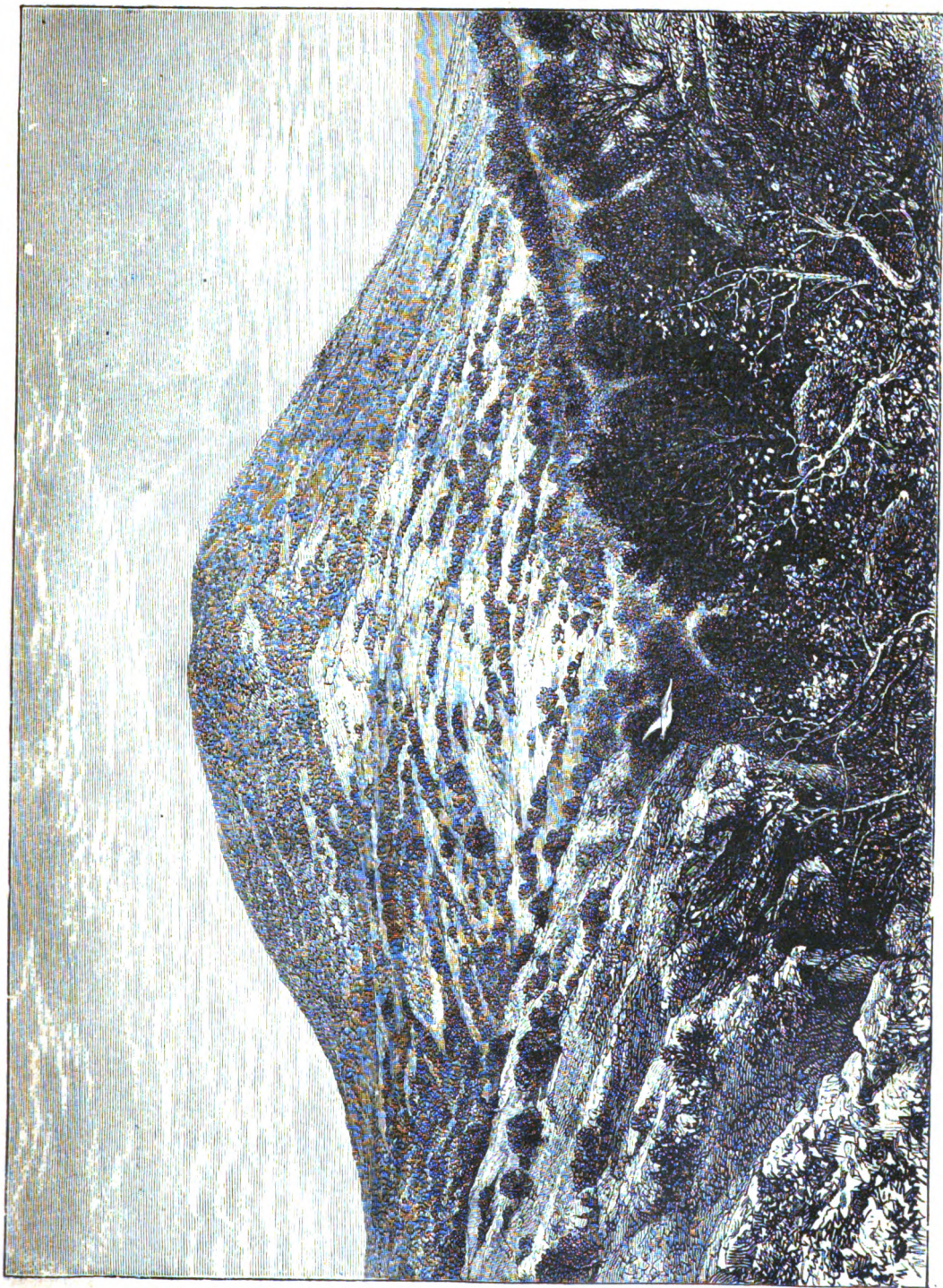
Неудивительно, что всѣхъ объятъ страхъ. Народъ вспоминалъ объ Иліѣ и вдовѣ Сарептской; о Елисеѣ и женщинѣ изъ находившагося неподалеку Соама. Они, величайшіе изъ пророковъ, также возвращали одинокимъ женщинамъ ихъ умершихъ единственныхъ сыновей. Но *они* дѣлали это съ усиліями и на-

пряженной мольбой, томясь въ молитвѣхъ и распростираясь надъ трупомъ (3 Цар. xvii, 21; 4 Цар. iv, 35); между тѣмъ Иисусъ совершилъ это чудо спокойно, неожиданно, мгновенно, своимъ собственнымъ именемъ, своею собственною властью, единымъ словомъ своимъ. Могъ ли народъ не думать послѣ этого, что „великій Пророкъ возсталъ между ними и Богъ посѣтилъ народъ свой“.

Около этого времени, и быть можетъ даже въ тотъ самый день, Спаситель получилъ краткое, но возбужденное посланіе отъ своего великаго предтечи, Іоанна Крестителя. Самая краткость его усиливала чувство сомнѣнія и скорби, которыми дышало оно. „Ты ли Тотъ, спрашивалъ Іоаннъ, который долженъ прійти, или ожидать намъ другого“?

Неужели это было посланіе отъ того, кто первый призналъ и указалъ другимъ Агнца Божія? Неужели отъ того, кто въ восторженномъ видѣніи видѣлъ небо отверстымъ и Духа, въ видѣ голубя сходящаго на главу Иисуса?

Да, оно могло быть отъ него. Нѣкоторые, правда, думаютъ, что посланіемъ этимъ Іоаннъ имѣлъ въ виду разрѣшить сомнѣнія своихъ огорченныхъ послѣдователей; другіе, — что вопросъ его означалъ только: „Ты ли дѣйствительно тотъ Иисусъ, о которомъ свидѣтельствовалъ я“? Иные думаютъ, что посланіе это не заключало въ себѣ никакого сомнѣнія, но имъ лишь имѣлось въ виду скромно напомнить Иисусу, что пришло уже Ему время объявить себя Мессіей, составлявшимъ предметъ вѣковыхъ надеждъ народа, — быть можетъ даже тонкій уворъ за то, что Онъ позволялъ своему другу и предтечѣ томиться въ темницѣхъ и не употреблялъ въ его пользу своего чудеснаго могущества, о которомъ разносилась молва. Но эти соображенія (всѣ имѣющія въ виду, такъ сказать, спасти кредитъ Іоанна Крестителя) по меньшей мѣрѣ некомпетентны и отчасти отвергаются прямыми выраженіями повѣствованія. Св. Іоаннъ Креститель въ своемъ героическомъ величіи не нуждается въ жалкой помощи нашихъ доброжелательныхъ предположеній: мы можемъ заключать изъ прямыхъ словъ Того, который въ это самое время произнесъ ему величайшую похвалу, каковой только когда-либо удостоивался смертный человѣкъ, что великій и славный пророкъ дѣйствительно на нѣкото-

Гора Саворъ.

рое время нашелъ камень преткновенія для своей вѣры въ томъ, что онъ слышалъ о Христѣ (Матѣ. xi, 11).

И развѣ это не естественно? Развѣ осмѣлится осудить эту нерѣшительность хоть кто-нибудь, знающій сердце человѣческое? Жизненный путь величайшаго изъ пророковъ былъ коротокъ и печаленъ — грустная лѣтопись бѣдствія и заключенія. Хотя народъ толпами стекался въ пламенному проповѣднику пустыни, но вліяніе его было непродолжительно и неглубоко (Мѣ. xi, 18; xxi, 23 — 27; Иоан. v, 35). Можно сказать съ поэтомъ, что на проповѣдь его —

Только вѣдра кремнистыхъ и дивихъ ущелій
Отголоскомъ — покайтесь, покайтесь! — гремѣли.

Даже еще до полного выступленія Иисуса на поприще своего служенія, сила и вліяніе Іоанна начали меркнуть, подобно звѣздѣ передъ солнечнымъ восходомъ. Онъ скоро долженъ былъ сознать (а это тяжело сознавать для всякаго человѣческаго сердца), что его миссія въ этой жизни кончена, и ему ничего болѣе не оставалось дѣлать. Подобные моменты сильнаго и подавляющаго унынія бывали и прежде — въ жизни его великихъ предшественниковъ, даже въ жизни Моисея и Ілїи. Но въ данномъ случаѣ положеніе Іоанна Крестителя было еще болѣе печально, чѣмъ ихъ. Хотя его другъ и Спаситель былъ живъ и находился неподалеку отъ него, пользовался громаднымъ вліяніемъ на всѣхъ и ежедневно творилъ дѣла челоуѣолюбія во свидѣтельство своего дѣла, Іоаннъ однако же не видѣлъ уже больше этого друга и Спасителя на землѣ. Между ними не было сношеній, которыя могли бы утѣшить и подкрѣпить его; онъ окруженъ былъ только холодностью слушателей, любопытство которыхъ ослабло, и ревностью учениковъ, которыхъ главное его свидѣтельство привело въ уныніе. А затѣмъ насталъ и печальный конецъ. Иродъ Антипа, — самый мелочный, низкій, слабый, самый презрѣнный изъ титулованныхъ царьковъ, — частью подъ вліяніемъ политическихъ страховъ, частью разъяренный справедливыми и открытыми обличеніями со стороны Іоанна въ своей блудной жизни, несмотря на то, что сначала самъ слушалъ проповѣди Іоанна съ суевѣрнымъ страхомъ, который обыкновенно неразлученъ съ коварствомъ, закон-

чиль свою гнусную политику малодушной уступкой ненависти Иродіады и свергнулъ его въ темницу.

Іосифъ Флавій говоритъ, что темницей этой была крѣпость Махеръ или Магоръ, сильный и мрачный замокъ, построенный Александромъ Іаннеемъ и укрѣпленный Иродомъ великимъ — у предѣловъ пустыни, къ сѣверу отъ Мертваго моря, на границѣ Аравіи. Мы достаточно знаемъ объ одинокихъ замкахъ и восточныхъ тюрьмахъ, чтобы ясно представить себѣ, съ какими ужасами сопряжено было для всякаго такое заключеніе, въ которомъ постоянно нужно было опасаться возможности мучительныхъ пытокъ и ежедневно ожидать насильственной смерти. Какъ часто въ исторіи человѣчества даже самые великіе и безстрашные люди мельчали и падали духомъ въ такомъ безнадежномъ заключеніи! Когда пройдетъ первое благородное негодованіе или остынетъ чувство геройскаго самоотверженія, когда желѣзное терпѣніе лопнетъ отъ насильственной бездѣятельности и одурающаго одиночества, когда гордый духъ сломленъ тѣлесными немощами и отчаяніемъ и вся жизнь предоставлена тлѣну въ мрачной тюрьмѣ, — то можно ли винить за тотъ низкій уровень, на который при такихъ обстоятельствахъ можетъ пасть человѣкъ? Савонарола и Іеронимъ Пражскій были люди, мужество которыхъ давало имъ возможность безтрепетно стоять передъ гнѣвными соборами и грозными царями; но станетъ ли кто-нибудь, при сужденіи о ихъ величіи, набрасывать на нихъ тѣнь осужденія вслѣдствіе того, что они поколебались духомъ въ тюрьмахъ Флоренціи и Констанца? Но для Іоанна Крестителя заключеніе было еще несравненно тяжелѣе, чѣмъ для кого-нибудь другого: въ положеніи свободнаго, ничѣмъ не стѣсненнаго отшельника, онъ жилъ въ постоянномъ общеніи съ природой, дышалъ прелестью и свободой вольныхъ вѣтровъ пустыни и съ чувствомъ товарищества смотрѣлъ на яркія звѣзды, что блещутъ на чистомъ сводѣ восточной ночи. Для сына свободы и увлеченія, для человѣка съ такимъ суровымъ, пылкимъ, неукротимымъ духомъ, какимъ былъ Іоаннъ, темница была хуже смерти. вмѣсто пальмъ іерихонскихъ и бальзамовъ енгеддійскихъ, вмѣсто граціозно свачущихъ сернъ среди горныхъ пустынь и луннаго блеска въ таинственныхъ водахъ Мертваго

моря — теперь онъ видѣлъ предъ собой только сырые завалы и ржавыя рѣшетки мрачной тюрьмы, да звѣрски жестокаго тюремщика, каковаго только четвертовластникъ, въ родѣ Антипы, и могъ держать въ таковой крѣпости, какъ Махеръ. Поэтому нечего удивляться, если въ таковой темницѣ, среди ея сырыхъ базальтовыхъ стѣнъ, подъ надзоромъ въ дѣйствительности гораздо худшихъ демоновъ человѣческаго звѣрства и порока, чѣмъ тѣ „козлы“, „сатиры“ и коварныя существа, которыя по іудейскому повѣрью обитали въ ея окрестностяхъ, глазъ плѣннаго орла началъ тускнѣть.

Исторія представляетъ не мало примѣровъ, когда Богъ какъ бы давалъ своимъ лучшимъ и величайшимъ слугамъ до дна испивать чашу видимой неудачи, неожиданно отзывая ихъ ударами мученичества или немощами продолжительной болѣзни, прежде чѣмъ даже отдаленная цѣль ихъ дѣла выяснилась предъ ними; отбрасывалъ ихъ, такъ сказать, какъ изломанныя орудія, бесполезныя для предназначенной цѣли, прежде чѣмъ увѣнчать безсмертными успѣхами и благословеніемъ жизнь, которую глупцы считали безумствомъ, и кончину, которая не сопровождалась человѣческими почестями. Это только одно изъ дѣйствій того благодѣтельнаго огня, которымъ Онъ очищаетъ семь разъ очищенное золото духа, долженствующаго стать достойнымъ вѣчнаго блаженства. Но ни для кого это воспитательное благодѣяніе не являлось въ болѣе ужасномъ видѣ, чѣмъ для Іоанна. Онъ повидимому былъ оставленъ не только Богомъ на небѣ, но и живымъ Сыномъ Божиимъ на землѣ. Іоаннъ томился въ темницѣ Иродовой; между тѣмъ Іисусъ, въ счастливой простотѣ своего ранняго служенія въ Галилеѣ, проповѣдывалъ восторженнымъ толпамъ среди горныхъ лилій или съ волнъ великолѣпнаго озера. Почему же Отецъ на небѣ и этотъ Другъ его на землѣ оставляли его изнывать въ такомъ горестномъ положеніи? Развѣ его жизнь не была непорочна? Развѣ его служеніе было не самоотверженно? Развѣ его свидѣтельство было не истинно? О, почему же Тотъ, о Комъ онъ свидѣтельствовалъ за Іорданомъ, не сведеть огня съ неба для разрушенія этихъ душныхъ и гибельныхъ бапешъ? Изъ столькихъ чудесъ — неужели нельзя было бы удѣлить хоть *одного* въ пользу злополучнаго родственника, который явился

предъ лицомъ Его, чтобы приготовить путь Ему? Среди столькихъ словъ милосердія и любви — неужели нельзя было хоть нѣсколькихъ сподобить того, который гремѣлъ вдохновеннымъ гласомъ въ пустынѣ? Почему бы юному сыну Давида не поколебать землетрясеніемъ самыхъ основъ этихъ идумейскихъ темницъ, гдѣ столько славныхъ узниковъ было несправедливо убито, или послать хоть одинъ изъ своихъ двѣнадцати легионовъ ангеловъ для освобожденія своего предтечи и друга, хотя бы только для того, чтобы еще разъ дать ему возможность пожить въ пустынномъ уединеніи, гдѣ онъ съ радостью окончилъ бы свою жизнь, среди дивныхъ звѣрей, подъ открытымъ небомъ Божиимъ, — только бы подальше отъ гнусной тиранніи челоуѣка? Удивительно ли послѣ этого, скажемъ опять, что глазъ плѣннаго орла началъ тускнѣть!

„Ты ли Тотъ, который долженъ прійти, или ожидать намъ другого?“

Исусъ не прямо отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Онъ показалъ посланнымъ, позволивъ имъ видѣть собственными глазами дѣла, о которыхъ они доселѣ знали только по наслышкѣ. Намекая на шестьдесятъ первую главу пророка Исаи, Онъ велѣлъ имъ пойти назадъ къ своему учителю и разсказать, что они видѣли и слышали: слѣпые прозрѣваютъ, хромые ходятъ, прокаженные очищаются, глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ, и — главнѣе всего — нищимъ возвѣщается радостное благовѣстіе. Можно вообразить, съ какою глубокою нѣжностью прибавилъ Онъ къ этому: „и блаженъ, кто не соблазнится о Мнѣ“, — блаженъ т.-е. тотъ, кто будетъ полагаться на Меня, даже несмотря на скорби и гоненія, тотъ, который будетъ вѣровать, что Я вполне знаю волю Пославшаго Меня, — знаю, какъ и когда закончить дѣло свое (Лук. vii, 21—23).

Легко предположить, хотя объ этомъ и не сообщается ничего, что ученики Іоанна при отходѣ получили отъ Иисуса и другія заявленія личной любви и одобренія для великаго узника, кончина котораго теперь была близка, — заявленія, которыя были бы для него сладостнѣе меда, утолявшаго его голодъ въ пустынѣ, драгоценнѣе прохладнаго источника въ землѣ жаждущей. И только что отошли ученики Іоанна, Спаситель,

который какъ бы не хотѣлъ показаться виновнымъ въ празднои лести, и въ то же время какъ бы не желая, чтобы Его слушатели остались съ пренебрежительной мыслью въ сердцѣ о великомъ пророкѣ пустыни, изрекъ своему другу и предтечѣ, языкомъ дивной ритмической красоты, знаменитую похвалу, что онъ дѣйствительно былъ обѣтованнымъ гласомъ на разсвѣтъ славнаго дня, величайшимъ изъ всѣхъ провозвѣстниковъ Бога, — былъ тѣмъ Иліей, который, согласно послѣднему слову древняго пророчества, долженъ былъ предшествовать явленію Мессіи и приготовить путь Его.

„Что смотрѣть ходили вы въ пустыню?

„Трость ли, вѣтромъ колеблемую?

„Что же смотрѣть ходили вы?

„Человѣка ли, одѣтаго въ мягкія одежды?

„Но одѣвающиеся пышно и роскошно живущіе находятся при дворахъ царскихъ!

„Что же смотрѣть ходили вы?

„Пророка ли?

„Да, говорю вамъ, и больше пророка. Сей есть, о которомъ написано: вотъ Я посылаю Ангела Моего предъ лицомъ Твоимъ, который приготовить путь Твой предъ Тобою“.

И произнеся эту возвышенную, вдохновенную похвалу, Онъ продолжалъ болѣе спокойно бесѣдовать съ народомъ о Себѣ и Иоаннѣ, говоря, что хотя Иоаннъ былъ послѣдній и величайшій изъ пророковъ Ветхаго Завѣта, но меньшій въ царствіи Божіемъ больше его. Краткость, съ которою выражена эта мысль, оставляетъ неяснымъ ея дѣйствительное значеніе; но разумѣемое здѣсь превосходство есть очевидно превосходство въ духовныхъ преимуществахъ, а не въ нравственной возвышенности. Въ познаніи откровенія, въ безграничномъ упованіи, въ сознательной близости отношенія въ своему Отцу и Богу, самый убогій членъ Новаго Завѣта одаренъ богаче, чѣмъ величайшій пророкъ Ветхаго. И это царство Божіе, пришествіе котораго теперь возвѣщено было, отнынѣ всѣ могли брать силою, священнымъ и счастливымъ подвигомъ. Такое настойчивое усиліе, исполнѣ естественное у тѣхъ, которые алчутъ и жаждутъ праведности, единственно пріятно предъ очами Божіими (сн. Ис. лх, 8, 11; Лук. v, 1; хп, 24).

Многіе изъ слышавшихъ эти слова, а особенно мытари и тѣ, кого презрительно называли „народомъ земли“, съ радостью и благодареніемъ приняли это одобреніе ихъ довѣрія Іоанну. Но были и другіе, именно присяжные учителя писаннаго и устнаго закона, которые слушали эти слова съ презрительнымъ негодованіемъ. Пораженный такою противоположностью, Іисусъ воспользовался для нравоученія примѣромъ сварливыхъ дѣтей, которыя раздражительно отвергають всѣ старанія своихъ товарищей забавить или развеселить ихъ. Ничѣмъ нельзя угодить такимъ недовольнымъ, возмутительнымъ натурамъ. Свирѣль и пляски мальчиговъ, играющихъ въ свадьбу, такъ же мало очаровываютъ ихъ, какъ и игра въ похороны. „Многоразличная премудрость“ Божія выставялась для нихъ со многихъ сторонъ и различными путями, но все напрасно. Іоаннъ пришелъ къ нимъ съ суровымъ аскетизмомъ отшельника, и они называли его безумнымъ; Іисусъ принималъ участіе въ праздникахъ и свадебныхъ пирахъ, и они называли Его человекомъ, любящимъ поѣсть и попить (Матѣ. хі, 16—19; Лук. vii, 31—35). И всегда такъ! Но премудрость всегда оправдывалась въ рукахъ своихъ чадъ. Эти чада не обезчестили своего божественнаго образа. Пусть безумные почитаютъ ихъ жизнь сумасшествіемъ и ихъ кончину безчестною, но самый меньшій изъ нихъ сопричтенъ будетъ къ сынамъ Божимъ и жребій ихъ — со святыми!

ГЛАВА XXI.

ГРѢШНИЦА И ФАРИСЕЙ.

Отъ благовонія мастей твоихъ имя твое
какъ разлитое миро. Пѣсн. 1, 2.

НО ДАЖЕ и на этомъ повидимому не кончились дѣла и повѣди этого достопамятнаго дня. Изъ повѣствованія ев. Луки можно заключать, что въ тотъ же самый день, быть можетъ въ Наинѣ или Магдалѣ, Іисусъ получилъ и принялъ приглашеніе въ домъ одного фарисея, носившаго самое употребительное въ то время имя Симона (Лук. vii, 36—50).

Причины или цѣли этого приглашенія мы не знаемъ; но Христосъ не доходилъ еще въ то время до открытаго разрыва съ фарисейской партіей, и фарисеи быть можетъ даже воображали, что Онъ могъ быть полезенъ имъ, какъ послушное орудіе ихъ политическихъ и общественныхъ цѣлей. Приглашая Его, Симонъ вѣроятно руководился при этомъ частью любопытствомъ, частью желаніемъ принять у себя популярнаго и выдающагося учителя, частью желаніемъ показать отдаленное одобреніе чему-нибудь такому, что могло поразить его во внѣшности, ученіи, или дѣйствіяхъ Христа. Ясно однако же, что гостепримство это онъ имѣлъ въ виду оказать не безъ чувства надменности и высокомѣрной снисходительности. Всѣ знаки обыкновеннаго вниманія, которые были бы оказаны почетному гостю, съ холодною предусмотрительностью были обойдены. Не было ни воды для омовенія усталыхъ и запыленныхъ ногъ, ни привѣтственнаго цѣлованія въ щеку, ни благовонія для волосъ, — ничего таковаго, вромѣ простого допущенія въ свободному мѣсту за столомъ и самыхъ холодныхъ любезностей обыденнаго разговора, притомъ высказанныхъ тономъ, который могъ дать почувствовать гостю, что тутъ Ему дѣлають честь, а не Онъ дѣлаеть ее своимъ присутствіемъ въ домѣ.

Чтобы уличнымъ соромъ не загрязнить ковровъ, или половинокъ, на которыхъ обыкновенно совершается домашняя молитва, въ Сири и Палестинѣ всякій гость, при входѣ въ домъ, снимаетъ свои сандалии и оставляетъ ихъ у дверей. Затѣмъ онъ проходитъ въ своему мѣсту за столомъ. Въ древнія времена, какъ это видно вообще изъ книгъ Ветхаго Завѣта, у іудеевъ былъ обычай вкушать пищу, сидя со скрещенными ногами, — какъ это еще и теперь принято на востокѣ; передъ обѣдающими на низкомъ столѣ ставился подносъ съ блюдомъ, наполненнымъ пищею, изъ котораго всѣ и ѣли вмѣстѣ. Но такой обычай, соблюдавшійся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, видимо былъ оставленъ іудеями послѣ плѣна вавилонскаго, когда они быть можетъ у персовъ заимствовали обычай возлежанія за столомъ. Изъ ясныхъ выраженій очевидно, что во время Спасителя іудеи, подобно грекамъ и римлянамъ, въ пиршествахъ полувозлежали на диванахъ, ставившихся вокругъ столовъ, почти таковой же высоты, какъ и

употребляемые теперь. Впоследствии мы увидимъ, что даже пасха совершалась въ этомъ положеніи. Глубоко-трогательное происшествіе, случившееся въ домѣ Симона, можно понять только имѣя въ виду, что гости, возлежа на сѣмьяхъ, окружавшихъ столы, своими ногами были обращены въ сторону тѣхъ, которые находились внѣ круга званыхъ гостей.

Домъ на востоѣ отнюдь не есть замокъ. Неумолимый законъ гостепріимства, — этой первѣйшей изъ восточныхъ добродѣтелей, — почти заставляетъ тамъ жить съ открытыми дверями и каждый можетъ во всякое время имѣть доступъ въ нихъ. Но на этотъ разъ среди другихъ взяла на себя смѣлость вторгнуться въ этотъ почтенный домъ одна личность, присутствіе которой было не только нежелательно, но положительно противно. Одна несчастная, порочная, падшая женщина, извѣстная въ той мѣстности своею худою жизнью, узнавъ, что Іисусъ возлечитъ въ домѣ фарисея, осмѣлилась протѣсниться черезъ толпу другихъ посѣтителей съ алавастровымъ сосудомъ мвры. Она нашла его искала, и смиренно, ставъ позади Христа, слушала слова Его. Невольно размышляя о Немъ и о своемъ страшномъ паденіи, — размышляя о безпорочной, безгрѣшной чистотѣ святого юнаго Пророка и о своей собственной позорной и грѣховной жизни, — она стала плавать и слезы ея капали на босыя ноги Христа, къ которымъ она склонялась все ниже и ниже, стараясь скрыть свое смущеніе и стыдъ. Фарисей съ ужасомъ отскочилъ бы отъ одного прикосновенія, а не только отъ слезы такой личности; онъ сталъ бы въ семи водахъ омываться отъ полученнаго оскверненія и съ проклятіемъ отогналъ бы нахально вторгшуюся грѣшницу. Но женщина эта внутренно чувствовала, что Іисусъ не поступитъ съ нею такъ; она чувствовала, что высочайшей безгрѣшности свойственно глубочайшее сочувствіе; она видѣла, что гдѣ оттолкнула бы жесткая благопристойность подобнаго ей грѣшника, тамъ приметъ совершенная святость Спасителя. Весьма вѣроятно, что она слышала безконечно любящія и милостивыя слова, сказанныя Христомъ, быть можетъ, въ тотъ же самый день: „Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ“ (Матѣ. хі, 28). Не будучи отвергнута, она ободрилась еще больше, и убѣдившись, что, какъ бы ни

смотрѣли на нее другіе, Спаситель во всякомъ случаѣ не презиралъ ее, она подвинулась къ Нему еще ближе и, опустившись на колѣни, своими длинными распущенными волосами начала вытирать ноги, омоченныя ея слезами, покрывать ихъ поцѣлуями и, наконецъ, разбивъ алавастровую вазу, стала умащать ихъ драгоценнымъ и благоухающимъ мѹромъ.

Видъ женщины съ распущенными волосами, позоръ ея униженія, муки ея покаянія, быстровапающія слезы, принесеніе въ жертву благовопія, служившаго однимъ изъ средствъ ея позорнаго ремесла—все это могло бы въ самомъ каменномъ сердцѣ возбуждать нѣкоторое сочувствіе. Но Симонъ-фарисей смотрѣлъ на все это съ холоднымъ неодобреніемъ и отвращеніемъ. Неудержимый порывъ мольбы о милосердіи со стороны отчаявающейся и сокрушенной сердцемъ женщины не тронулъ его. Ему противно было даже то, что Іисусъ позволялъ несчастной твари цѣловать и умащать свои ноги, хотя и не обращался къ ней доселѣ ни съ однимъ словомъ одобренія. Еслибы Онъ былъ пророкъ, Онъ долженъ бы знать, что это за женщина, и еслибы Онъ зналъ, то долженъ бы оттолкнуть ее съ презрѣніемъ и негодованіемъ, какъ не премѣнно поступилъ бы самъ Симонъ. Отъ простого прикосновенія ея почти необходимо было предохранять себя обрядовымъ карантинномъ. Подай Онъ хоть знаешь, и Симонъ былъ бы очень радъ освободить отъ такой северны свой домъ.

Фарисей не высказалъ этихъ мыслей вслухъ, но его натянутыя манеры и презрительное выраженіе лица, которыхъ онъ и не старался скрыть, обнаруживали все, что происходило у него на сердцѣ. Спаситель *слышалъ* его мысли, но не сразу уворилъ за нихъ и не сразу обличилъ его холодное безсердечіе и бездушную жестокость. Чтобы привлечь къ своимъ словамъ общее вниманіе, Онъ обратился къ хозяину:

— Симонъ, Я имѣю нѣчто сказать тебѣ.

— Скажи, Учитель, — отвѣчалъ тотъ съ нѣкоторою натянутостью.

„У одного заимодавца было два должника: одинъ долженъ былъ пятьсотъ динаріевъ, а другой пятьдесятъ. Но какъ они не имѣли чѣмъ заплатить, онъ простилъ обоимъ. Скажи же, который изъ нихъ болѣе возлюбилъ его“?

Симонъ повидимому не имѣлъ ни малѣйшей мысли о томъ, чтобы вопросъ имѣлъ какое-нибудь отношеніе къ нему самому, все равно какъ Давидъ, когда онъ произносилъ отвретенный судъ по поводу притчи пророка Наана.

— Думаю,—сказалъ онъ, употребляя при этомъ слово, звучащее тономъ покровительственной важности и удивленнаго равнодушія ко всему этому предмету,—думаю тотъ, которому болѣе простилъ.

— Правильно ты разсудилъ.—И затѣмъ послѣдовало правоучительное приложеніе этого маленькаго иносказанія, суровое при всей своей мягкости и снисходительности, облеченное въ ту ритмическую форму противопоставленія, которую Спаситель часто употреблялъ при своемъ возвышеннѣйшемъ ученіи и которая въ ушахъ слышавшихъ его звучала поэзіей пророковъ. Симонъ кажется не видѣлъ, къ чему велъ этотъ разсказъ, но кающаяся грѣшница, съ болѣе чуткою воспримчивостью сокрушеннаго сердца, навѣрно *видѣла* это. Но какое волненіе должно было охватить ее, когда Христосъ, какъ бы не замѣчавшій ее дотолѣ, теперь вдругъ повернулся къ ней и, обращая вниманіе всѣхъ присутствующихъ на ея робкую фигуру, сидѣвшую на полу и закрывавшую объѣми руками и распущенными волосами свое смущенное лицо, громко сказалъ удивленному фарисею:

„Симонъ, видишь ли ты эту женщину?”

„Я пришелъ въ домъ твой, и ты воды Мнѣ на ноги не далъ; а она слезами облила Мнѣ ноги, и волосами головы своей отерла.

„Ты цѣлованія Мнѣ не далъ; а она съ тѣхъ поръ, какъ Я пришелъ, не перестаетъ цѣловать у Меня ноги.

„Ты головы Моей масломъ не помазалъ; а она муромъ помазала Мнѣ ноги.

„А потому связываю тебѣ: прощаются грѣхи ея многіе зато, что она возлюбила много; а кому мало прощается, тотъ мало любить“.

И затѣмъ, какъ бы заканчивая этотъ дивный аккордъ правоученія, Онъ прибавилъ, не Симону уже, а жалкой грѣшницѣ слова милосердія: „прощаются тебѣ грѣхи“.

Слова Спасителя постоянно были новымъ отвретеніемъ для всѣхъ слышавшихъ ихъ, и они, какъ можно судить по мно-

гимъ легкимъ указаніямъ евангелій, часто вызывали, въ первые дни Его служенія, безмолвное изумленіе, которое въ послѣдующее время у враговъ Его переходило въ злобный укоръ и негодующій ропотъ. Въ этотъ періодъ его дѣятельности еще не было сломлено обаяніе страха и величія, производимое Его любовью и чистотой и тою внутреннею божественностью, которая свѣтилась въ Его лицѣ и звучала въ Его голосѣ. Только въ тайниѣ своего сердца и притомъ скорѣе съ изумленіемъ, чѣмъ съ злобою, гости осмѣливались подвергать недоумѣвающему вопросу это спокойное и простое притязаніе на болѣе чѣмъ земное достоинство. Только въ мысляхъ своихъ они безмолвно размышляли и спрашивали: „Кто это, что и грѣхи прощаетъ“? Иисусъ зналъ ихъ внутреннія недоумѣнія; но о Немъ предсказывалось въ пророчествѣ, что „Онъ не воспрекословитъ, ни возопіетъ, и никто не услышитъ на удицахъ голоса Его“; и такъ какъ Онъ не хотѣлъ ломать уже надломленной трости ихъ вѣры или гасить вурящагося льна ихъ почтительнаго изумленія, то Онъ кротко отпустилъ бывшую грѣшницу ласковыми словами: „вѣра твоя спасла тебя; иди съ миромъ“. И она безъ всякаго сомнѣнія пошла съ миромъ, именно съ миромъ Божіимъ, превосходящимъ всякое разумѣніе, — съ тѣмъ миромъ, который дается Христомъ и не можетъ быть данъ міромъ. Къ общему нравоученію, связанному съ исторіей этой женщины, мы еще возвратимся впоследствии, такъ какъ оно составляетъ основное ученіе въ откровеніи Христа; разумѣемъ нравоученіе, что холодное и себялюбивое лицемѣріе такъ же ненавистно предъ очами Божіими, какъ и самый вопіющій грѣхъ, что жизнь грѣховной и безпояанной благопристойности можетъ быть не менѣе преступною и пагубною, чѣмъ и жизнь отерятаго позора.

Древнее преданіе, особенно распространенное въ западной церкви, отождествляетъ эту женщину съ Маріей Магдалиной, „изъ которой Иисусъ изгналъ семь бѣсовъ“. Объ этомъ изгнаніи не говорится еще нигдѣ, а съ духомъ еврейской фразеологіи было бы совершенно согласно, еслибы это выраженіе относилось именно къ ней, вслѣдствіе ея страстной натуры и порочной жизни. Талмудисты много рассказываютъ о ней — о ея

богатствѣ, необыкновенной красотѣ, заплетенныхъ и вьющихся локонахъ, о ея безстыдной порочности, о мужѣ ея Паппѣ и любовникѣ Пандерѣ, но все, что мы дѣйствительно знаемъ о Маріи Магдалинѣ изъ св. Писанія, это только ея безпредѣльная преданность и благодарность, которыя сердцемъ и душой привязали ее на служеніе ея Спасителю. Въ евангеліи Луки въ слѣдующей за этимъ событіемъ главѣ она первую упоминается среди женщинъ, слѣдовавшихъ за Христомъ во время его странствованія и служившихъ Ему своимъ имѣніемъ (viii, 2); и очень возможно, что въ рассказѣ о событіи въ домѣ Симона ея имя не было названо по той же деликатной причинѣ, по которой въ другихъ мѣстахъ этотъ евангелистъ не упоминаетъ о бывшемъ занятіи Маттея и имени Петра. Возможно также, что бывшая грѣшница удалась отъ человѣческаго общества, чтобы въ глубоко уединенной жизни и безвѣстности найти тотъ миръ, который ея возмущенной совѣсти былъ обѣщанъ Христомъ, и безмолвно размышлять о милосердіи Спасителя; но въ народномъ сознаніи она навсегда отождествилась съ личностью Маріи Магдалины, самое имя которой на языкахъ всѣхъ христіанскихъ народовъ сдѣлалось синонимомъ принятаго покаянія и прощаннаго грѣха. Странникѣ, проходя по сладостно благоухающей и цвѣтущей зелени береговъ Геннисарета и приближаясь къ развалинамъ башни и одинокой пальмѣ арабской деревни Эл-Меджелъ, невольно вспоминаетъ древнее преданіе о той, грѣховная красота и глубокое покаяніе которой сдѣлали знаменитымъ самое имя Магдалы. Хотя немногія жалкія хижинны ея бѣдны и полуразрушены и обитатели ея живутъ въ невѣжествѣ и убожествѣ, но нельзя безъ любопытства и внутренняго трепетанія сердца смотрѣть на мѣстность, воспроизводящую въ памяти одно изъ самыхъ знаменательныхъ доказательствъ того, что никто, и даже самый презрѣнный и падшій человѣкъ, не считается отверженнымъ со стороны Того, который пришелъ взыскать и спасти погибшихъ. Въ благоухающемъ воздухѣ Геннисарета, въ яркомъ небѣ надъ головою, въ звукахъ пѣвчихъ птицъ, наполняющихъ воздухъ, въ роскоши лазурныхъ цвѣтовъ, которые въ инныя части года разряживаются эти грязныя хижинны — невольно видится

символь любви и нѣжности, которыя достаточно велики и богаты, чтобы покрыть благодатью новой небесной красоты развалины нѣкогда чувственной и оскверненной жизни.

ГЛАВА XXII.

ЖИЗНЬ ИСУСА ХРИСТА ВЪ ГАЛИЛЕѢ.

Страданіе Христа есть наше избавленіе отъ страданія, и Его слеза есть наша радость.

Св. Аѳанасій Великій.

КЪ ЭТОМУ именно періоду ранняго служенія Спасителя относятся тѣ постоянные переходы по городамъ и селеніямъ, которые дѣлалъ Онъ въ Галилеѣ, проповѣдуя, благоговѣствуя и совершая дѣла милосердія, и о которыхъ такъ часто упоминается въ первыхъ трехъ евангеліяхъ и съ особенною выразительностью говорить въ этомъ мѣстѣ повѣствованія ев. Лука: „Онъ училъ въ синагогахъ Галилейскихъ, и отъ всѣхъ былъ прославляемъ“ (Лук. iv, 15, 44). Это былъ самый свѣтлый, самый многообѣщающій и самый дѣятельный періодъ Его жизни. Станемъ же мысленно поодаль и будемъ наблюдать за нимъ, чтобы съ полнымъ смиреніемъ и благоговѣніемъ, насколько возможно живѣе, представить себѣ личность Спасителя во всей полнотѣ Его человѣческой жизни и дѣятельности.

Представимъ себя въ какой-нибудь толпѣ народа, который въ это время поджидалъ Его повсюду, и посмотримъ на Него, какъ смотрѣла эта толпа, когда Онъ былъ человѣкомъ на землѣ.

Вотъ мы на небольшой равнинѣ, идущей между горами Завулоновыми и Нефѳалимовыми, гдѣ-нибудь между селеніями Кефр-Кенна и такъ-называемой Кана эл-Джалиль. Кругомъ насъ море хлѣбныхъ полей, быстро спѣющихъ къ жатвѣ, и яркіе безчисленные цвѣты живыми роскошными коврами разстилаются по сторонамъ дороги. Дорога, на которой мы стоимъ, ведетъ въ одномъ направленіи къ Авеѣ и морскому берегу, въ другомъ — черезъ вершину Хаттинъ къ озеру Галилейскому. Земля блистаетъ всею роскошью весенняго дня въ Палестинѣ, но сердца

тревожной, возбужденной толпы, среди которой мы стоимъ, слишкомъ заняты одной всепоглощающей мыслью, чтобы обращать вниманіе на окружающія красоты; въ тому же иные изъ нихъ слѣпые, больные, хромые, и они еще не знаютъ, протянется ли въ нимъ перстъ милосердія, произнесется ли цѣлительное слово, — нѣтъ, даже удастся ли имъ просто коснуться одежды великаго невѣдомаго Пророка, когда онъ будетъ проходить здѣсь, — чтобы возродить все ихъ существо и измѣнить къ лучшему весь складъ ихъ будущей жизни. А дальше позади, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ толпы, въ жалкомъ и убогомъ одѣяніи, съ завязанными губами, предостерегая всѣхъ приближающихся крикомъ: *тамъ, тамъ* — „нечистъ, нечистъ“! — стоять среди пшеницы страшныя обезображенныя фигуры, въ которыхъ не безъ содроганія мы узнаемъ проваженныхъ.

Изъ говора толпы можно видѣть, что разныя побужденія собрали ее здѣсь. Иные пришли изъ любопытства, другіе по нуждѣ, третьи просто по общему увлеченію, котораго они сами не умѣли объяснить себѣ. Чудесныя сказанія о Немъ, — о Его милосердіи, могуществѣ, славномъ ученіи и великихъ дѣлахъ, — переходятъ изъ устъ въ уста, не безъ примѣси иногда подозрительности и клеветы. Тутъ же находится нѣсколько книжниковъ и фарисеевъ, которые, держась поодаль отъ толпы, шепотомъ передаютъ другъ другу свои недоумѣнія, свои опасенія и негодующія замѣчанія.

Вдругъ на недалекомъ разстояніи за возвышенностью показывается облако пыли, означающее приближеніе какого-то собранія народа, и мальчикъ изъ Магдалы или Виесаиды, не обращая вниманія на сердитые укоры книжниковъ, указываетъ по этому направленію и возбужденно бѣжитъ впередъ съ крикомъ: *Матка Мешиха! Матка Мешиха!* — „Царь Мессія, Царь Мессія!“ и этотъ крикъ даже въ дѣтскихъ устахъ заставлялъ усиленнѣе трепетать сердца простодушной толпы галилейской.

Но вотъ толпа приближается. Она состоитъ изъ юношей и старцевъ, главнымъ образомъ изъ простыхъ поселянъ; но между ними встрѣчаются и люди высшихъ сословій — тутъ нахмуренный фарисей, тамъ нарядно одѣтый иродіанинъ, вполголоса передающій какому-нибудь греческому купцу или римскому воину свои презрительныя догадки насчетъ восторженности толпы.

Такихъ однако же мало, и почти всѣ взоры въ этой громадной толпѣ прямо устремлены на Того, Кто стоитъ въ срединѣ отдѣльной группы, окружаемой толпою.

Впереди этой группы идутъ нѣкоторые изъ новоизбранныхъ апостоловъ, позади другіе, и между ними невольно обращаетъ на себя вниманіе одинъ, безпокойный взглядъ и мрачное лицо котораго какъ-то мало гармонируютъ съ открытыми, невинными и честными лицами его сотоварищей. Въ толпѣ иные тихо говорятъ, что это извѣстный Іуда изъ Каріота, почти единственный послѣдователь Иисуса не изъ галилеянъ. Немного дальше позади, за остальными апостолами, видны четыре или пять женщинъ, инны пѣшія, другія на мулахъ, и между ними нѣкоторые узнаютъ, несмотря на полузакрытыя лица, нѣкогда богатую и распущенную, а теперь кающуюся Марію Магдалину, затѣмъ Саломію, жену рыбака Зеведея, и одну еще болѣе богатую и знатную женщину Іоанну, жену Хузы, домоправителя Ирода Антипы.

Но Тотъ, Кого ищутъ глаза всѣхъ, находится въ самой срединѣ толпы; рядомъ съ Нимъ справа стоитъ Петръ изъ Виесаиды, а слѣва болѣе юная фигура Іоанна, — но взоры всѣхъ поглощены только Имъ однимъ.

Одѣтъ Онъ не въ мягкія висонныя или пурпурныя одежды, подобно царедворцамъ Ирода или блистающимъ роскошью друзьямъ прокуратора Пилата: на Немъ и не бѣлый эфодъ левитовъ или длинное волочущееся одѣяніе книжниковъ. На рукѣ и челѣ нѣтъ *тефиллинъ* или *филактерій*, которыя фарисеи дѣлаютъ обыкновенно такими широкими; и хотя по угламъ Его одежды пришиты висточки и голубыя ленты, какъ предписываетъ законъ, но все это не такого показнаго объема, какъ обыкновенно носилось тѣми, которые хотятъ выставить свою точность въ исполненіи законныхъ предписаній. Онъ былъ въ обыкновенной одеждѣ своего времени и своей страны. Онъ не съ обнаженной головой — какъ обыкновенно изображаютъ Его живописцы, — потому что подъ палящимъ солнцемъ Палестины невозможно ходить такъ, а на головѣ у него бѣлый *кефье*, каковой носится и теперь, тесьмой или *агаломъ* приврѣпленный вокругъ маковки и спадающій назадъ на спину и плечи. Сверху навинутъ боль-

шой голубой *талливъ* или плащъ, безукоризненной чистоты, но изъ самаго простаго матеріала, и изъ-подъ него только иногда показывается *кетоневъ*, нешвенная шерстяная сорочка изъ обыкновенной полосатой твани, такъ употребительной на востокѣ; сорочка эта стянута поясомъ и спускается почти до самыхъ сандалій. Но простое одѣяніе не скрываетъ царя, и хотя въ Его обращеніи и осанкѣ нѣсколько нѣтъ самодовольной надменности раввина, однако же въ естественномъ благородствѣ и непринужденной граціи ихъ есть нѣчто такое, что сразу заставляетъ смолкнуть всякій грубый языкъ и разсѣиваетъ всякую злую мысль.

А Его вѣнность?—Онъ средняго роста и лѣтъ тридцати отъ роду; лицо Его свѣтится свѣжестью и прелестью юности, вмѣстѣ съ задумчивостью и достоинствомъ возмужалости. Волоса Его, которые въ сказаніяхъ сравниваются съ цвѣтомъ вина, раздѣленные совершенно прямымъ проборомъ, ниспадаютъ на плечи. Черты у Него блѣднѣе и болѣе приближаются въ эллинскому типу, чѣмъ загорѣлыя и смуглыя лица суровыхъ рыбаковъ—Его апостоловъ; но хотя эти черты очевидно бывали омрачаемы скорбью, хотя видно, что эти глаза, свѣтлый и не поддающійся описанію взглядъ которыхъ видимо читаетъ современнѣйшія тайны сердца, часто блестя слезами,—однако же ни одинъ человѣкъ, душа котораго еще не изѣдена грѣхомъ и самолюбіемъ, не можетъ безъ внутренняго волненія и страха смотрѣть на божественное выраженіе этого спокойнаго и безстрастнаго лица. Да, это Онъ, о которомъ говорили Моисей и пророки—Иисусъ Назарянинъ, сынъ Маріи, сынъ Давидовъ, сынъ человѣческой и Сынъ Божій. Глаза наши видѣли Царя во всей красѣ Его. Мы видѣли славу Его, славу какъ Единороднаго отъ Отца, исполненнаго благодати и истины. И увидѣвъ Его, мы легко можемъ понять, какъ одна женщина изъ толпы, въ то время какъ говорилъ Онъ, возвысила голосъ свой и сказала: „блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшія“. — „Блаженны, отвѣчалъ Онъ словами глубокой таинственности и задушевности, слушающіе слово Божіе и исполняющіе его“.

Кстати отмѣтимъ здѣсь нѣкоторыя черты изъ земной жизни Спасителя.

1. Прежде всего это была жизнь *бѣдности*. Нѣкоторыя изъ древнихъ мессіанскихъ пророчествъ, которыя іудеи вообще понимали такъ мало, уже указывали на Его добровольное подчиненіе убогой долѣ. „Хотя Онъ былъ богатъ, но ради насъ сдѣлался бѣднымъ“. Онъ родился въ пещерномъ светномъ стойлѣ и во-лыбелью Его были ясли. Матерь Его за свое очищеніе принесла въ жертву голубей, что было приношеніемъ бѣдныхъ. Бѣгство въ Египеть несомнѣнно сопровождалось многими трудностями, но и по возвращеніи Онъ долженъ былъ жить какъ плотникъ и плотниковъ сынъ въ презрѣнномъ областномъ городѣ. По странѣ Онъ ходилъ какъ бѣдный странствующій учитель, ничего не имѣющій. Словами „блаженны нищѣ духомъ“ началъ Онъ свою проповѣдь на горѣ, и главнымъ знаменемъ открывающагося Новаго Завѣта Онъ сдѣлалъ благовѣстіе бѣднымъ. Эта бѣдность Его наконецъ нашла полное выраженіе въ томъ, что спустя только три года своего общественнаго служенія Онъ проданъ былъ однимъ изъ своихъ апостоловъ за тридцать сиклей, составляющихъ цѣну самаго ничтожнаго раба.

2. Этой внѣшней бѣдности Его жизни вполне соответствовала *простота* ея. Никогда въ своей жизни не владѣлъ Онъ кровомъ, который Онъ могъ бы назвать своимъ собственнымъ. Скромное жилище въ Назаретѣ Онъ только дѣлилъ съ своими многочисленными братьями и сестрами. Даже домъ въ Капернаумѣ, который онъ посѣщалъ такъ часто, не былъ его собственнымъ, а предоставленъ былъ въ Его распоряженіе однимъ изъ Его учениковъ. Ему никогда не принадлежало ни одной пяди на той землѣ, которую Онъ пришелъ спасти. Нигдѣ не говорится, чтобы когда-нибудь нищій (которыя на востокѣ вообще такъ многочисленны и такъ назойливы) просилъ у Него милостыни. Но еслибы и попросилъ кто-нибудь, Онъ могъ бы только отвѣтить съ ап. Петромъ: „серебра и золота Я не имѣю, но что имѣю—даю тебѣ“. Пища Его была самая простая. Правда, Онъ не отказывался отъ приглашеній принимать участіе въ невинномъ общественномъ удовольствіи въ домахъ Симона, Левія или Марѳы, или въ брачномъ пиршествѣ въ Канѣ; но обычная Его пища была крайне проста, какъ пища самаго бѣднаго поселянина — хлѣбъ самаго грубаго качества, рыба, пойманная въ

озерѣ и испеченная въ горячей золѣ на берегу, да иногда кусокъ медоваго сота, вѣроятно диваго меда, который тогда былъ въ изобиліи въ Палестинѣ.

Отсюда видно, какъ тонка была въ дѣйствительности паутина правдоподобія, на которой врагамъ Его приходилось подерживать бремя своей вопіющей клеветы, что будто бы Онъ „любить поѣсть и пить вино“. И тѣмъ не менѣе, при всей своей бѣдности, Иисусъ не былъ нищимъ. Онъ ни на одно мгновеніе не спускался до нищенской жизни (какъ, напр., Будда) и не сказалъ ни одного такого слова, которое можно бы было истолковать въ смыслѣ одобренія того грязнаго нищенства, которое иные религіозные учителя выставляли, какъ совершенство благочестія. Онъ никогда не принималъ милостыни отъ какаго-нибудь благотворительнаго учрежденія, но самъ вмѣстѣ съ обществомъ своихъ послѣдователей жилъ своимъ законнымъ приобрѣтеніемъ или плодами своихъ трудовъ, и имѣлъ даже свой собственный денежный ящикъ какъ для удовлетворенія собственныхъ нуждъ, такъ и для благотворенія другимъ. Изъ него апостолы удовлетворяли свои простыя потребности во время праздника Пасхи и раздавали, что могли, бѣднымъ; только самъ Христосъ повидимому не давалъ денегъ бѣднымъ, потому что Онъ давалъ имъ дары богаче и цѣннѣе, чѣмъ золото и серебро. Но даже и немногихъ денегъ, въ которыхъ они нуждались, часто не доставало; когда сборщики ничтожной суммы, требуемой даже отъ самыхъ бѣдныхъ на храмъ, подошли къ Петру за полученіемъ дидрахмы, которая только и требовалась, то ни у него, ни у самого Учителя не оказалось этой суммы на лицо (Матѣ. хvii, 24 — 27). Сынъ человѣческій не имѣлъ никакого земнаго имущества, кромѣ одежды, которую носилъ.

3. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это была, какъ мы видѣли, жизнь *труда*,— труда съ самаго дѣтства, въ мастерской плотника для добыванія честнымъ и благороднымъ ремесломъ средствъ пропитанія себѣ и своему семейству; труда впоследствии—для спасенія міра. Мы видѣли, что „Онъ ходилъ повсюду, благотворя и исцѣляя всѣхъ“, и въ этомъ, какъ краткой характеристикѣ всей Его общественной жизни, заключается также и ея возвышенная самобытность. Все, что мы уже видѣли и увидимъ еще дальше изъ того, какъ

Онъ проводилъ свое время, показываетъ намъ, какъ громадная масса вѣчнодѣятельнаго благотворенія заключена была въ короткомъ промежуткѣ свѣтлыхъ дней этой жизни. Во всякое мгновение Онъ былъ готовъ отозваться на всякій призывъ, исходилъ ли онъ отъ совопросника, жаждавшаго поучиться, или отъ страдальца, вѣровавшаго въ возможность исцѣленія. Ученіе, проповѣдь, странствованіе, совершеніе дѣлъ милосердія, терпѣливое сношеніе дерзкой нетерпимости жестоковѣрныхъ и невѣжественныхъ, безропотное благодушіе при постоянномъ и назойливомъ вторженіи толпы — все это настолько поглощало Его время и силы, что многіе, какъ не разъ говорится въ евангельскомъ повѣствованіи, приходили и уходили, не давая Ему досуга даже поѣсть. Да самъ Онъ, повидимому, и не рассчитывалъ на отдыхъ, кромѣ спокойныхъ часовъ ночного безмолвія, когда Онъ такъ часто удалялся молиться своему Отцу небесному среди горныхъ пустынь, которыя Онъ такъ любилъ.

4. Затѣмъ, это была жизнь *здоровая*. Среди многихъ и разныхъ ея скорбей и испытаній не было только болѣзни. Мы слышимъ о многочисленныхъ исцѣленіяхъ Имъ больныхъ, но никогда не слышимъ, чтобы самъ Онъ былъ когда-нибудь боленъ. Правда, въ знаменитомъ пророчествѣ Исаи говорится о Немъ: „Онъ взялъ на себя наши немощи, и понесъ наши болѣзни; а мы думали, что Онъ былъ поражаемъ, наказуемъ и униженъ Богомъ. Но Онъ изъязвленъ былъ за грѣхи наши и мучимъ за беззаконія наши; наказаніе міра нашего было на Немъ, и ранами Его мы исцѣлились“. Но лучшее объясненіе этому мѣсту дано ев. Матеемъ, что Онъ сострадалъ съ тѣми, кого видѣлъ страдающими (Матѣ. viii, 17). Онъ былъ тронутъ чувствомъ нашихъ немощей, Его божественное сочувствіе дѣлало эти страданія Его собственными. Но исторія Его жизни и смерти явно показываетъ въ Немъ необычайную силу тѣлесной вѣрности. Не обладая совершеннымъ здоровьемъ, нѣто не могъ бы выдержать непрерывныхъ и утомительныхъ трудовъ такой ежедневной жизни, какая описывается въ евангеліяхъ. Кромѣ того, Онъ повидимому обладалъ счастливою способностью скорого и глубокаго сна, который составляетъ естественное и лучшее возмездіе усталости, и лучше всего способенъ укрѣпить истомленный духъ и вновь

дать бодрость и силу къ труду. Онъ могъ спать даже на палубѣ маленькаго рыбацкаго судна, бросаемаго и захлестываемаго волнами разъяреннаго озера, безъ всякой постели или подушки, просто прилонившись къ жесткой кожаной вышкѣ у кормы. Часто въ тѣ ночи, которыя Онъ проводилъ подъ звѣзднымъ небомъ въ пустынѣ или на вершинѣ горы, единственною постелью для Него была трава и единственнымъ одѣяломъ былъ *таммоэ* или плащъ, или быть можетъ иногда полосатая *абба*, въ родѣ той, что и теперь составляетъ весь постельный приборъ араба. И въ послѣднемъ скорбномъ событіи мы увидимъ, какъ та же крѣпость и выносливость тѣла, даже послѣ всего перенесеннаго Имъ, давала Ему возможность, послѣ бессонной ночи и самаго томительнаго дня, выдерживать въ теченіе пятнадцати часовъ испытанія, мученія и страшную агонію ужасной смерти.

5. Наконецъ это была жизнь *скорби*, и Онъ справедливо названъ „Сыномъ скорбей“. Но здѣсь, думается, возможно нѣкоторое недоразумѣніе. „Скорбь“ и „радость“ близки между собой, и можно быть увѣреннымъ, что если въ Его жизни были и сокрушающія скорби — скорбь изъ-за сочувствія къ страждущимъ, скорбь изъ-за отверженія со стороны тѣхъ, кого Онъ любилъ, скорбь изъ-за ненависти отъ тѣхъ, кого Онъ пришелъ спасти, скорби Того, на кого возложены были всѣ беззаконія міра, скорби послѣдней долгой агоніи на крестѣ, когда казалось будто и самъ Отецъ небесный оставилъ Его, — при всемъ томъ несомнѣнно также и то, что въ Его жизни было и много радостей. Худшей изъ всѣхъ скорбей, самаго удручающаго и горестнаго изъ бѣдствій, именно признанія отчужденности отъ Бога, чувства стыда, виновности и внутренняго паденія, безумства, самоотвращенія, которое какъ огненный бичъ гонитъ отверженную душу къ неисцѣльному отчаянію, — такой скорби не было у Него, не только въ ея крайней формѣ, но даже и въ легчайшемъ изъ ея мимолетныхъ проявленій; но, съ другой стороны, радость незапятнанной совѣсти, радость безпорочной жизни, радость души, безконечно и безусловно далекой отъ всякой тѣни низости и всякаго пятна виновности, радость существованія, всецѣло посвященнаго на служеніе Богу и любви къ че-

ловѣу, — такия радости постоянно были присущи Ему во всей ихъ полнотѣ и силѣ. И изъ этого глубокаго родника жизни, который заключается въ самомъ существѣ всего благороднаго, чистаго, вѣчнаго и истиннаго, даже и Сынъ скорбей могъ пить до полнаго удовлетворенія. О Немъ не говорится, чтобы Онъ когда-нибудь смѣялся, хотя не разъ говорится, что Онъ плакалъ, вздыхалъ и не разъ былъ въ огорченіи; однако же Тотъ, который никогда не омрачалъ своимъ недовольствомъ общественныхъ собраний и невинныхъ празднествъ, не могъ быть лишень того внутренняго блаженнаго довольства, которое иногда даже свѣтилось въ Его лицѣ и которое часто можно подмѣтить въ нѣжной и почти игривой ироніи Его словъ. Въ тотъ часъ, говорится объ одномъ случаѣ въ Его жизни, „Иисусъ радовался“, или, вѣрнѣе было бы сказать, „*ликовалъ*“ духомъ (Лув. х, 21). Можно ли думать, что подобная радость была только однажды?

ГЛАВА XXIII.

ВЕЛИКІЙ ДЕНЬ ВЪ ЖИЗНИ ІСУСА ХРИСТА.

„Тайна Моя для Меня и для сыновъ дома Моего“.

Изреченіе, приписываемое І. Христу, въ „Строматахъ“.

Климентъ Александрійскаго.

ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОСТЬ въ повѣствованіи событій, о которыхъ мы будемъ говорить теперь, почти одна и та же въ первыхъ трехъ евангеліяхъ. Не оставляя безъ вниманія ясныхъ указаній, даваемыхъ и другими евангелистами, при разсмотрѣніи этого періода жизни Ісуса, мы будемъ главнымъ образомъ слѣдовать хронологическому руководству ев. Луки. Евангелисты Матѳей и Маркъ въ порядкѣ расположенія своего повѣствованія, повидимому, весьма много руководились личными соображеніями. Событія въ ихъ евангеліяхъ иногда сближаются по нравственному или религіозному ихъ значенію; евангелистъ же Лука очевидно обращаетъ больше вниманія на дѣйствительную послѣдовательность, хотя и онъ иногда въ своемъ

распределеніи единству предметовъ даетъ перевѣсъ надъ послѣдовательностью по времени.

Вслѣдъ за описаніемъ изложеннаго нами проповѣдническаго путешествія ев. Лука прибавляетъ, что когда Иисусъ увидѣлъ себя окруженнымъ множествомъ народа, собравшагося изъ разныхъ городовъ, Онъ началъ говорить притчею (viii, 4); изъ двухъ другихъ евангелистовъ мы узнаемъ любопытное обстоятельство, что это былъ первый случай, когда Онъ училъ притчами, и съ поученіемъ этимъ Онъ обращался къ народу, тѣснившемуся на берегу, съ своей любимой каедрой—лодки, постоянно имѣвшейя для Него на озерѣ.

На основаніи евангелія Марва можно бы заключать, что бесѣда эта происходила послѣ полудня того самаго дня, въ который Онъ исцѣлилъ расслабленнаго; но данныя для этого слишкомъ недостаточны, чтобы полагаться на нихъ (ср. Марк. ii, 13; iv, 1). Мы можемъ видѣть только, что эта новая форма ученія стала необходимой вслѣдствіе особеннаго духовнаго состоянія, наступившаго въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ изъ слушателей среди толпы. Свою бесѣду Онъ началъ выразительнымъ воззваніемъ: „слушайте!“—съ которымъ Онъ обратился къ народу, приготавливая его къ необычнымъ и важнымъ истинамъ, которыя Онъ намѣревался провозглашать предъ нимъ (Марк. iv, 3).

Большинство слушателей теперь навѣрно было уже знакомо съ общими основами новаго Евангелія, которое проповѣдывалъ Иисусъ. Отъ нихъ самихъ теперь требовались самостоятельность и самоиспытаніе своей духовной жизни, если только они дѣйствительно искренно желали получить пользу отъ Его ученія. „Замѣчайте, что слышите“, говорилъ Онъ, желая сильнѣе напечатлѣть свое ученіе. Онъ предостерегалъ ихъ противъ празднаго любопытства или простой умственной любознательности и хотѣлъ внушить имъ чувство нравственной отвѣтственности за послѣдствія того, что они слышали. Онъ хотѣлъ поучать ихъ такъ, чтобы количество пользы каждаго слушателя зависѣло главнымъ образомъ отъ собственной преданности этому ученію.

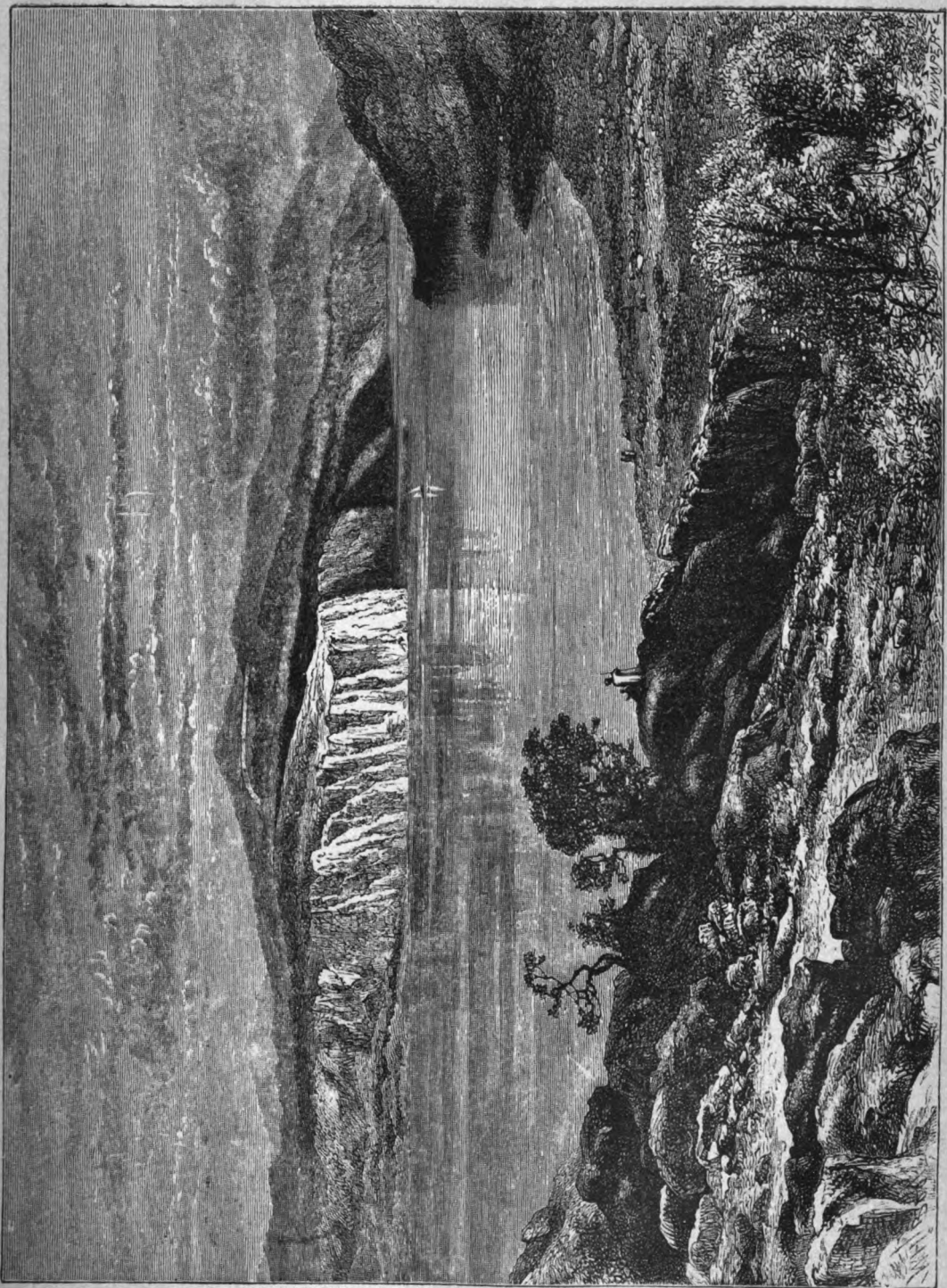
Поэтому, чтобы показать слушателямъ, что единственно истинный плодъ добраго ученія есть святость жизни и что возрастанію плода его могутъ препятствовать многія опасности, Онъ ска-

залъ имъ свою первую притчу, притчу о сѣятелѣ. Образы для нея были взяты по обыменовенію отъ предметовъ, непосредственно находившихся передъ глазами: засѣянные поля Геннисарета, хлѣбные всходы на нихъ; проходившія по нимъ жесткія, торныя дороги, на которыхъ не могъ расти хлѣбъ; безчисленныя птицы, порхавшія надъ ними и выклевывавшія зерна; слабыя и чахлыя всходы на почвѣ каменистой; плевелы, заглушающіе ростъ въ малообработанныхъ мѣстахъ; тучность земли вообще, на которой уже, волнуясь отъ благоухающаго вѣтра, золотисто переливались тяжелые и полные колосья, обѣщавшіе дать сборъ въ самъ-шестьдесятъ и даже въ самъ-сто. Для насъ, съ дѣтства читавшихъ эту притчу рядомъ съ собственнымъ объясненіемъ ея Христомъ, значеніе ея кажется необычайно яснымъ и простымъ, и мы видимъ въ ней самое наглядное изображеніе опасностей, которымъ подвергаются при слушаніи слова Божія холодные и равнодушные, нетерпѣливые и легкомысленные, тщеславные и чувственные, предубѣжденные и сладострастные люди. Но не такъ легко было понять ее тѣмъ, которые впервые слушали ее тогда. Даже ученики не могли понять ея полного значенія, хотя они отложили свою просьбу о разъясненіи ея до того времени, когда они остались одни съ своимъ Учителемъ. Очевидно притчи, подобныя этой, столь ясныя для насъ, но такъ трудныя для тѣхъ простыхъ слушателей, возбуждали въ нихъ мысли, которыя были совершенно новы для нихъ (Матѣ. хпѣ, 1—23; Марк. ѳ, 1—25; Лук. ѳпѣ, 4—18).

Спаситель, понятно, не сразу сказалъ всѣ семь притчъ (притчи о плевелахъ на полѣ, о зернѣ горчичномъ, о закваскѣ, о скрытомъ сокровищѣ, о жемчужинѣ и о неводѣ), которыя по сходству въ своемъ предметѣ и выводахъ собраны вмѣстѣ ев. Матѣемъ. Произнесеніе этихъ семи притчъ сразу и притомъ безъ всякаго объясненія разнородной толпѣ, впервые слышавшей ученіе въ такой формѣ, могло бы только отуманить умъ и утомить вниманіе слушателей. И выраженіе ев. Марка: „сколько они могли слышать“ (Марк. ѳ, 33), повидимому, ясно указываетъ на постепенный, не непрерывный ходъ проповѣди, которая потеряла бы свою цѣну, еслибы давала слушателямъ больше, чѣмъ сколько они способны были запомнить и понять. Изъ сравне-

ніа ев. Марка и Луки можно скорѣе заключить, что проповѣдь на этотъ разъ не заключала въ себѣ никакихъ другихъ притчъ, кромѣ быть можетъ простыхъ и близко сходныхъ съ притчей о сѣятелѣ, притчъ о зернѣ горчичномъ, о зелени, колосѣ и полномъ зернѣ въ колосѣ, могшихъ служить въ подкрѣпленію терпѣнія тѣхъ, которые ожидали слишкомъ скорого откровенія царства Божія въ ихъ собственной жизни и въ мірѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ быть можетъ сдѣлано было и уподобленіе свѣтильнику, чтобы внушить слушателямъ не гасить свѣта, полученнаго ими, но хранить тотъ великій свѣтъ, который долженъ былъ въ свое время озарить все, дабы сіялъ этотъ свѣтъ, оваряя какъ пути ихъ собственной жизни, такъ и души всѣхъ окружающихъ.

Этотъ способъ назиданія, столь необычайный, будящій мысль и глубокоинтересный, — способъ, который по своей недосягаемой красотѣ и законченности безпримѣренъ въ лѣтописяхъ человѣческой рѣчи, несомнѣнно способствовалъ увеличенію массы народа, толпившагося послушать Его. И Онъ не переставалъ поучать его въ теченіе всего знойнаго послѣполудня, такъ что, когда Ему удалось освободиться отъ народа, насталъ уже вечеръ. Тогда, повидимому, духомъ Спасителя овладѣло чувство полного утомленія и глубокаго, неудержимаго желанія отдохнуть, уединиться и заснуть. Желаніе отдыха и покоя быть можетъ ускорено было новымъ худообдуманымъ стараніемъ Его матери и братьевъ заявить свои права на Его дѣйствія (Лук. viii, 19—21). Правда, они „не могли подойти къ Нему по причинѣ народа“, но самая попытка ихъ пробраться къ Нему могла послужить для Него новымъ поводомъ къ желанію удалиться и хоть на время освободиться отъ этой непрерывной общественности и этихъ нежелательныхъ вторженій. Во всякомъ случаѣ, одна легкая черта, сохраненная по обыкновенію живописнымъ перомъ ев. Марка, показываетъ, что въ удаленіи Его была нѣкоторая торопливость и настойчивость, такъ что, несмотря на свою усталость и ту душевную истому, которая бываетъ слѣдствіемъ изнурительнаго общенія съ многочисленною толпою, Онъ не возвратился въ Капернаумъ, а вдругъ рѣшилъ измѣнить свой планъ. Отпустивъ народъ, ученики взяли Его, „какъ Онъ былъ“ (Марк. iv, 36), съ собою въ лодку, такъ какъ при Его торопливости не было времени для

Озеро Галлейское.

какихъ бы то ни было приготовленій. Онъ жаждалъ сповойнаго и пустыннаго уединенія на восточномъ берегу озера. Теперь и западный берегъ тоже пустыненъ, и путешественникъ не встрѣтитъ тамъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ забытыхъ нуждой феллаховъ, какаго-нибудь еврея изъ Тиверіады, нѣсколькихъ рыбаковъ-арабовъ, или вооруженнаго и гарцующаго на конѣ шейха какаго-нибудь племени бедуиновъ. Но восточный берегъ пустыненъ въ полномъ смыслѣ этого слова; тамъ не видно ни дерева, ни поселенія, ни человѣческаго существа, ни единаго жилища, нѣтъ ничего, кромѣ низкой гряды холмовъ, изрѣзанныхъ скалистыми ущельями и сползающихъ въ узкой и голой полосѣ, окаймляющей берегъ озера. Во времена Спасителя противоположность между этой малонаселенной областью и многочисленными промышленными городами, тѣсно лежавшими на равнинѣ Геннисаретской, была поразительная. Разбросанное населеніе Перей состояло отчасти изъ язычниковъ, но Онъ, какъ увидимъ, для восстановленія силъ и бодрости своей истомленной и отягченной души нерѣдко удалялся за эту десятиверстную полосу воды, отдѣляя себя ею отъ поучаемой Имъ толпы народа.

Но прежде чѣмъ лодка оттолкнулась отъ берега, встрѣтилась новая задержка по неожиданному случаю. Трое изъ слушателей, пораженные, быть можетъ, глубиною и силою этого новаго способа Его ученія, изумленные также Его необычайнымъ успѣхомъ въ народѣ, захотѣли (скорѣе вообразили, что захотѣли) присоединиться къ Нему въ качествѣ постоянныхъ учениковъ. Первый былъ книжникъ. Безъ сомнѣнія думая, что его общественное положеніе сдѣлаетъ его самымъ желаннымъ ученикомъ, онъ съ увѣренностью воскликнулъ: „Учитель, я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошелъ“. Но, несмотря на высокое положеніе этого человѣка, несмотря на его горячія обѣщанія, Тотъ, который ни во что не ставилъ служеніе только на словахъ и „скромность робкаго долга“ предпочиталъ „гремящему языку смѣлаго краснорѣчія“, холодно остановилъ вызвавшагося на ученичество книжника. Тотъ, который призвалъ ненавистнаго мытаря, нисколько не поощрилъ почтеннаго книжника. Онъ не отвергъ предлагаемаго служенія, но и не принялъ его. Быть можетъ „въ пламеннѣющемъ восторгѣ этого человѣка Онъ видѣлъ дымъ эгоисти-

ческаго самообольщеня". Христось указаль на то, что служеніе Ему чуждо богатства, почета или удовольствія, и что въ немъ нельзя надѣяться на земныя выгоды. „Лисицы, сказалъ Онъ, имѣють норы и птицы небесныя гнѣзда, а Сынъ человѣческій не имѣеть гдѣ приклонить голову“.

Второй уже былъ отчасти ученикомъ Спасителя, но пожелалъ исполнѣ сдѣлаться Его послѣдователемъ, съ условіемъ только сначала пойти и похоронить своего отца. „Иди за Мною, раздался рѣшительный отвѣтъ Христа, и предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ“, то-есть предоставь миръ и мірскія дѣла ихъ собственной заботѣ. Кто хочеть идти за Христомъ, тотъ долженъ оставить даже отца и мать. Онъ долженъ предоставить духовно мертвымъ заботиться о своихъ тѣлесно умершихъ.

Подобный же отвѣтъ былъ и третьему искателю Его ученичества. Тотъ также просилъ объ отсрочкѣ, желалъ не тотчасъ же присоединиться къ Христу во время Его путешествія, а сначала проститься съ своими домашними и друзьями. На это послѣдовалъ отвѣтъ, ставшій пословицей для всѣхъ послѣдующихъ временъ: „Никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для царства Божія“. „Кого, употребляя прекрасный образъ бл. Августина, зоветъ востокъ, тотъ долженъ отвратить свои мысли отъ гаснущаго запада“. Этою именно возвышенною мыслью ободряли и подерѣпляли себя тѣ изъ великихъ святителей и подвижниковъ церкви, которые отказывались отъ всякихъ семейныхъ привязанностей и ради Христа оставляли всѣ связи мірскія.

Наконецъ, когда миновала и эта задержка, ученики могли поднять паруса своего судна и отправиться въ путь. Но даже и теперь Иисусъ былъ, такъ сказать, преслѣдуемъ своими послѣдователями, потому что, какъ опять сообщаетъ ев. Маркъ, „съ Нимъ были и другія лодки“. Но послѣднія, такъ какъ о нихъ не упоминается по прибытіи на тотъ берегъ, по всей вѣроятности, скоро отстали, испуганныя признаками приближавшейся бури. Во всякомъ случаѣ Спаситель среди преданныхъ учениковъ могъ спойно отдохнуть въ лодкѣ, и только что они отплыли отъ берега, Онъ склонилъ свою усталую голову къ вожаному воз-

главію на кормѣ и заснулъ крѣпкимъ сномъ утомленнаго трудами человѣка—спокойнымъ сномъ тѣхъ, которые находятся въ мирѣ съ Богомъ.

Но даже и этому такъ необходимому сну суждено было скоро прерваться отъ насильственнаго пробужденія. На озерѣ неожиданно поднялась одна изъ тѣхъ страшныхъ и яростныхъ бурь, которыя такъ обычны въ этой глубокой котловинѣ земной поверхности. Въ воздухѣ мгновенно закрутились вихри и озеро бурно заколыхалось. Опасность была страшная, лодку то и дѣло видало, захлестывая пѣнистыми волнами. Иисуса, лежавшаго на открытой палубѣ у кормы, обдавало брызгами, но Онъ спокойно спалъ. Утомленіе его было такъ велико, что даже буря не могла нарушить Его сна; а пока еще никто не осмѣливался разбудить Его. Но вотъ волны уже совсѣмъ стали заливать лодку, которая начинала наполняться водой и тонуть. Тогда съ криками отчаянія и ужаса ученики стали будить Его: „Господи! Наставникъ! Наставникъ! — спаси насъ, погибаемъ!“ Такіе отчаянные вопли, смѣшанные съ воемъ бури и ревомъ расходившихся волнъ, смутно поразили Его полупробужденный слухъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, когда приходится неожиданно, безъ всякаго приготовленія, глядѣть въ лицо страшной опасности, вполне познается человѣкъ: тутъ выказывается не только мужество, но и величіе, и чистота всей его натуры. Ураганъ, который сломилъ испытанную отвагу и сдѣлалъ тщетнымъ все искусство суровыхъ рыбаковъ, ни на мгновение не смутилъ глубокаго внутренняго спокойствія Сына человѣческаго. Безъ малѣйшаго смущенія, безъ всякаго трепета испуга, Иисусъ просто поднялся на локти съ облитой кормы безсильно борющейся и полуутопающей лодки и, не дѣлая больше никакого движенія, утишилъ бурю ихъ душъ спокойными словами: „Что вы такъ боязливы, маловѣрные?“ И затѣмъ, поднявшись совсѣмъ и ставъ на возвышеніи кормы во всемъ спокойствіи естественнаго величія, Онъ глянулъ во тьму урагана, рвавшаго Его одежды и трепавшаго волосы, и среди рева возмущенныхъ стихій раздался Его голосъ: „Умолни, перестань!“ И вѣтеръ утихъ, и сдѣлалась великая тишина. И когда на усмиреной поверхности воды засверкало отраженіе тихо мерцающихъ звѣздъ прояснивагося

неба, то не только ученики, но и лодочники боязливымъ шепотомъ переговаривались между собой: „Кто же это, что и вѣтеръ, и море повинуются Ему?“

Это было поразительное чудо, одно изъ тѣхъ, которыми испытывается наша дѣйствительная вѣра въ чудесное; одно изъ тѣхъ чудесъ всемогущества, которыя не могутъ быть, подобно многимъ чудесамъ испцленія, объяснены законами природы. Книга эта не имѣетъ своею цѣлью убѣждать невѣра или опровергать сомнѣвающагося. Все, что можно было сказать по этому предмету, сказано уже нами въ другомъ мѣстѣ *); здѣсь считаемъ нужнымъ сказать только нѣсколько словъ. Нѣкоторые, даже вполне вѣрующіе и благоговѣйные, люди склонны думать, не было ли все это въ дѣйствительности какъ-нибудь иначе. Нельзя ли понимать этого разсказа въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ мы стали бы его понимать, еслибы встрѣтили въ какомъ-нибудь благочестивомъ сказаніи изъ жизни подвижниковъ? Нельзя ли предположить, что фактъ, лежащій въ основѣ повѣствованія, не былъ въ дѣйствительности чудеснымъ дѣломъ могущества надъ стихіями, которыя вовсе не подвластны человѣку, а просто — спокойствіе Христа подъ Его непосредственнымъ, сильнымъ вліяніемъ само собою сообщилось и всѣмъ уstraшеннымъ спутникамъ Его, и ураганъ, по естественнымъ причинамъ, утихъ также быстро, какъ и поднялся? — На это мы отвѣчаемъ, что еслибы это было единственное чудо въ жизни Христа; еслибы евангелія дѣйствительно были смутными, преувеличенными, неточными, легковѣрными повѣствованіями, какъ предполагается подобнымъ толкованіемъ; еслибы сверхъестественное само по себѣ было невѣроятнымъ; еслибы въ духовномъ мірѣ не было чрезвычайныхъ явленій, далеко превосходящихъ разумніе тѣхъ, которые бы не хотѣли видѣть во вселенной ничего, кромѣ дѣйствія силъ вещественной природы; еслибы въ продолженіе минувшихъ девятнадцати столѣтій не было промыслительной дѣятельности Божіей для засвидѣтельствованія дѣла и божественности Христа: — тогда дѣйствительно не было бы никакого затрудненія въ такомъ истолкованіи. Но если мы признаемъ Божіе упра-

*) См. наши лекціи: „Свидѣтельство исторіи о Христѣ“.

вленіе въ мірѣ, если мы вѣруемъ, что Христосъ воскресъ; если мы имѣемъ основаніе считать глубочайшимъ убѣжденіемъ своего существа увѣренность въ томъ, что Богъ не передалъ своего вседержительства и промысленія дѣйствию конечныхъ, неразумныхъ, безжалостныхъ и неумолимыхъ силъ вещества; если мы на каждой страницѣ евангелій видимъ спокойную простоту истиннаго и правдиваго свидѣтельства; если мы въ каждомъ годѣ послѣдующей исторіи и въ каждомъ опытѣ личной жизни находимъ подтвержденіе свидѣтельства, переданнаго ими: — то мы не будемъ ни сами льнуть къ рационалистическимъ толкованіямъ, ни беспокоиться, когда другіе усвояютъ ихъ. Кто вѣруетъ, кто *знаетъ* силу молитвы въ томъ, что другіе могутъ считать неизбѣжными законами или слѣпыми случайностями жизни, — кто созналъ, какъ голосъ Спасителя, раздающійся въ теченіе столькихъ поколѣній, можетъ утишать болѣе свирѣпыя бури, чѣмъ какія когда-либо приводили въ ярость нѣдра глубокаго озера, — кто видитъ въ лицѣ своего Искупителя болѣе поразительное и болѣе величественное явленіе, чѣмъ всѣ тѣ, которыя люди падѣляютъ воображаемымъ всемогуществомъ и боготворятъ подъ именемъ законовъ природы, — тотъ по крайней мѣрѣ не затруднится и не смутится предположить, что Христосъ на палубѣ полуразбитой рыбацкѣй лодки произнесъ свое властное повелѣніе, и Ему повиновались вѣтеръ и море; что слово Его было болѣе могущественно среди стихійныхъ силъ, чѣмъ массы взволнованной воды или необъятная область возмущеннаго воздуха.

Но и на отдаленномъ берегу Иисусъ не могъ найти отдыха или покоя (Матѣ. viii, 23—34; Марк. v, 1—19; Лук. viii, 26—39). Не успѣлъ Онъ вступить на почву той части Перей, которую ев. Матѣей называетъ „страною Гергесинскою“, какъ встрѣтился съ проявленіями человѣческой свирѣпости, безумства и одичанія, даже болѣе ужаснаго и приводящаго въ трепетъ, чѣмъ ярость возмущеннаго озера. Едва Онъ вышелъ на берегъ, какъ изъ скалистыхъ могильныхъ пещеръ долины Семахъ выскочилъ къ Нему на встрѣчу человекъ, одержимый самымъ сильнымъ припадкомъ того яростнаго бѣшенства, которое обыкновенно приписывалось бѣсовской силѣ. Несмотря на всю свою гордость,

древняя цивилизація не знала ни госпиталей, ни исправительныхъ домовъ, ни пріютовъ, и несчастныхъ этого рода, которые были слишкомъ опасны и невыносимы въ человѣческомъ обществѣ, просто выгоняли изъ среды людей или смиряли мѣрами, столь же недѣйствительными, какъ и жестокими. При такихъ обстоятельствахъ несчастные, въ случаѣ неизлечимости, могли находить себѣ пріютъ только въ пещерахъ по скалистымъ склонамъ холмовъ, которыми изобилуетъ Палестина и которыми іудеи пользовались для погребенія мертвыхъ. Понятно, что грязная и дикая обстановка такихъ убѣжищъ съ неразлучными въ нихъ страхами и привидѣніями могла только усиливать болѣзнь; и съ этимъ человекомъ, который давно былъ одержимъ недугомъ, нельзя уже было совладать. Пытались связывать его, но въ припадкахъ бѣшенства онъ обнаруживалъ какъ бы сверхъестественную силу, часто замѣчаемую въ такихъ формахъ душевнаго возбужденія, и ему всегда удавалось сбрасывать съ себя оковы или разбивать свои цѣпи. Теперь онъ былъ совсѣмъ оставленъ въ безлюдныхъ и дивихъ ущельяхъ, которые день и ночь оглашались его дивными криками, когда онъ бродилъ по нимъ — опасный себѣ и другимъ, неистовствуя и ударяясь о камни.

Этотъ-то страшный образъ обнаженнаго и звѣрскаго безумца явился предъ Спасителемъ, едва только Онъ, при брезжущемъ разсвѣтѣ, успѣлъ ступить на берегъ; можетъ быть тутъ же неподалеку бродилъ и другой бѣсноватый, который былъ не изъ гадарянъ и меньше одержимъ болѣзью, хотя въ повѣствованіи вромѣ простого указанія, ничего больше и не говорится о немъ. Одно присутствіе, взглядъ, голосъ Христа, даже прежде чѣмъ Онъ обращался къ страдальцамъ, повидимому всегда успокаивали и устрашали ихъ: то же самое было и съ бѣсноватымъ гергесинцемъ. Въмѣсто того, чтобы напасть на учениковъ, онъ издали побѣждалъ къ Іисусу, палъ предъ Нимъ и поклонился. Смѣшившая свою собственную искалѣченную личность съ множествомъ нечистыхъ духовъ, которыми, по его убѣжденію, была одержима его душа, онъ съ громкимъ и испуганнымъ воплемъ умолялъ Спасителя не мучить его прежде времени.

Извѣстно, что напоминаніе маніаку его имени, пробужденіе

его памяти и затрогиваніе его симпатій воспоминаніями о прошломъ часто производитъ моментъ просвѣтлѣнія въ его сознаніи, и быть можетъ поэтому Іисусъ спросилъ его: „какъ тебѣ имя“? Но на этотъ вопросъ послѣдовалъ только дикій отвѣтъ: „легионъ имя мнѣ, потому что насъ много“. Человѣкъ этотъ, такъ сказать, потерялъ свое имя; оно было подавлено отвратительной тиранніей того множества бѣсовъ, подъ вліяніемъ которыхъ ступевалась его собственная личность. Присутствіе римскихъ войскъ въ Палестинѣ познакомило его съ этимъ названіемъ множества, и такъ какъ въ немъ, по его сознанію, было шесть тысячъ злыхъ духовъ, то онъ отвѣчаетъ латинскимъ словомъ, которое было хорошо извѣстно всякому іудею. Продолжая быть въ возбужденіи отъ своего собственного воображенія, онъ проситъ, то-есть какъ бы тысячи бѣсовъ говорятъ его языкомъ, чтобы Іисусъ не изгонялъ ихъ въ бездну, а позволилъ имъ войти въ свиней.

Слѣдующее затѣмъ повѣствованіе трудно для нашего разумѣнія и даже при буквальномъ пониманіи затрогиваетъ область столь таинственную и неизвѣстную, что мы, не имѣя влеча въ его дѣйствительному значенію, ничего не можемъ добиться разсужденіями о немъ. Повѣствованіе это у ев. Луки читается такъ:

„Тутъ же на горѣ паслось большое стадо свиней, и бѣсы просили Его, чтобы позволилъ имъ войти въ нихъ. Онъ позволилъ имъ. Бѣсы, вышедши изъ человѣка, вошли въ свиней; и бросилось стадо съ крутизны въ озеро, и потонуло“.

Что вся эта сцена носила бурный и ужасающій характеръ, видно изъ того, что пасущіе свиней „побѣжали и рассказали въ городъ и въ деревняхъ“. Народъ гергесинскій, гадаряне и геррасинцы изъ всѣхъ сосѣднихъ мѣстностей сбѣжались посмотреть на необычнаго чужеземца, посѣтившаго ихъ берега. Какого еще болѣе нагляднаго и болѣе рѣшительнаго доказательства Его могущества и Его благодѣянія нужно было имъ, кромѣ того, что было передъ ихъ глазами? Грязный и свирѣпый бѣсноватый, бывшій ужасомъ страны, такъ что никому и проходу не было тутъ, — диво блуждающій глазами обитатель могильныхъ пещеръ, который съ яростными криками бился о камни и въ неудержимомъ бѣшенствѣ разбивалъ всякія оковы, — теперь былъ спо-

коенъ, какъ дитя. Чья-то сердобольная рука навинула плащъ на его нагое тѣло и онъ сидѣлъ у ногъ Иисуса, одѣтый и въ здоровомъ умѣ.

„И они ужаснулись“ — болѣе ужаснулись присутствія святаго человѣка, чѣмъ прежде боялись ярости бѣсноватаго. Правда, человѣкъ былъ спасенъ; но что имъ изъ этого, когда вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ погибло цѣлыхъ двѣ тысячи свиней! Дорогія имъ свиньи очевидно были вообще въ опасности; нажива и алчность каждаго отпавшаго отъ вѣры своихъ отцовъ іудея и полудиваго язычника въ этой мѣстности очевидно могли понести ущербъ отъ присутствія такого человѣка, каковымъ былъ Иисусъ. Съ постыднымъ и настойчивымъ единодушіемъ они стали просить и умолять Его удалиться изъ ихъ предѣловъ. Какъ іудеи, такъ и язычники уже признавали великую истину, что Богъ иногда въ своемъ глубочайшемъ гнѣвѣ отвѣтствуетъ и на худыя молитвы. Иисусъ самъ поучалъ своихъ учениковъ не давать святныи псамъ и не бросать жемчуга предъ свиньями, „чтобы онѣ не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали васъ“. Онъ прибылъ на ту сторону озера для спокойствія и отдыха, желая вмѣстѣ съ тѣмъ, хоть и въ менѣе многолюдной странѣ, распространить и на этихъ полуязычниковъ благословенія царства Божія. Но они изъ любви къ своимъ грѣхамъ и своимъ свиньямъ, открыто предпочитая низкое и грязное, отвергли эти благословенія и просили Его удалиться отъ нихъ. Съ грустью, но сразу же Онъ повернулся и оставилъ ихъ. Горгеса не была мѣстомъ для Него; гораздо лучше—уединенныя вершины холмовъ къ сѣверу отъ нея; гораздо лучше густо населенный берегъ по ту сторону озера.

И однако же Онъ не во гнѣвѣ оставилъ ихъ. Одно дѣло милосердія было совершенно тамъ; одинъ грѣшникъ былъ спасенъ; изъ одной души были изгнаны нечистые духи. Въ то время, какъ всѣ гадаряне просили Его удалиться отъ нихъ, спасенный бѣднякъ просилъ Его, чтобы быть отселѣ постоянно съ Нимъ. Но Иисусъ хотѣлъ предоставить еще одинъ благопріятный случай для тѣхъ, которые отвергли Его. Отъ другихъ, надъ которыми были совершены чудеса, Онъ требовалъ молчанія; этому же человѣку, самъ теперь оставляя эту мѣстность, Онъ пове-

лѣлъ открыто объявить о совершившемся. „Иди домой, сказалъ ему Спаситель, въ своимъ и расскажи имъ, что сотворилъ Господь и какъ помилвалъ тебя“. И такимъ образомъ бѣсноватый гергесинецъ сталъ первымъ благовѣстникомъ въ странѣ Десятиградія, нося въ собственной личности подтвержденіе своихъ словъ. Когда лодка уже оставляла негостепріимный берегъ, Иисусъ могъ еще надѣяться, что настанетъ день, — настанетъ во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ разразится надъ этою злополучною областью буря огня и меча, когда

Пойметъ и неразумный гадарянинъ,
Свиней любящій больше, чѣмъ Христа,
Что жизнь милѣй, когда она чиста.

ГЛАВА XXIV.

ДЕНЬ ПИРШЕСТВА У ЕВ. МАТӨЕЯ.

Радуйся лишь тогда, когда смотришь на брата
твоего съ любовью. Бл. Геронимъ.

ТОЛЬКО что описанныя событія происходили, какъ надо полагать, раннимъ утромъ, и вѣроятно былъ уже полдень, когда Иисусъ опять прибылъ въ равнину Геннисаретскую. Народъ усмотрѣлъ парусъ Его возвращающагося судна и, прежде чѣмъ еще Онъ присталъ къ землѣ (Лув. VIII, 40), ожидающія толпы уже усѣяли берегъ и встрѣтили Его съ радостью.

Иисусъ прежде всего пошелъ въ городъ Капернаумъ, который уже считался для Него „своимъ городомъ“ (Мѡ. IX, 1). Онъ прямо вошелъ въ домъ, вѣроятно домъ Петра, въ которомъ Онъ обыкновенно пребывалъ, когда находился въ Капернаумѣ. Народъ собрался тутъ еще въ большемъ количествѣ, наполняя домъ и даже окружающій его дворъ, такъ что не было прохода въ двери (Матѡ. IX, 2—8; Марк. II, 1—12; Лув. V, 17—26). Но въ толпѣ былъ несчастный страдалецъ, разбитый параличемъ, и онъ порѣшилъ съ своими друзьями во что бы то ни стало пробраться къ *Нему*; онъ хотѣлъ быть однимъ изъ тѣхъ буйныхъ людей, которые силою берутъ царство небесное. Четверо носильщиковъ, найдя невозможнымъ пробраться къ Спасителю чрезъ

толпу, взобрались на крышу, вѣроятно по употреблявшейся для этой цѣли наружной лѣстницѣ, раскрыли кровлю, вынувъ нѣсколько рядовъ черепицы, и спустили постель съ разслабленнымъ какъ разъ предъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сидѣлъ Христосъ. Больной молчалъ, быть можетъ утраившись способа своего вторженія къ Спасителю; но Иисусу понравилась сила и непоколебимая смѣлость вѣры, обнаруженная этимъ поступкомъ. И Онъ, удостоивъ больного болѣе богатаго блага, чѣмъ какого тотъ самъ искалъ, ласково сказалъ Ему то же, что сказалъ и женщинѣ-грѣшницѣ: „держай, чадо! прощаются тебѣ грѣхи твои“.

Спаситель и прежде замѣчалъ, какое неблагопріятное впечатлѣніе производили на нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ эти слова. То же замѣтилъ Онъ и теперь во взглядахъ, которыми обмѣнялись находившіеся здѣсь книжники, и въ выраженіи гнѣвнаго неудовольствія на ихъ лицахъ. Но на этотъ разъ Онъ уже не замѣнилъ своего выраженія другимъ, какъ это было прежде. Напротивъ, Онъ нарочно обратилъ вниманіе всѣхъ на свои слова и чудесно оправдалъ ихъ. Провидя ихъ мысли, Онъ упрекнулъ ихъ за ту невысказанную клевету, которою переполнены были ихъ сердца, и задалъ имъ прямой вопросъ: „Что, спросилъ Онъ, легче? сказать ли разслабленному: прощаются тебѣ грѣхи? или сказать: встань и ходи? Можетъ ли кто-нибудь сказать первое, не имѣя возможности знать, прощены грѣхи или нѣтъ? Но кто можетъ сказать послѣднее и дать силу своимъ словамъ безъ силы свыше? Если Я могу словомъ исцѣлить этого разслабленнаго, то не ясно ли, что Я Тотъ, который имѣетъ также и власть на землѣ прощать грѣхи“? — Этотъ неотразимый вопросъ былъ принять съ безмолвіемъ непобѣдимаго упрямства; но, обращаясь къ разслабленному, Иисусъ сказалъ ему: „встань, возьми постель твою и иди въ домъ твой“. И сразу возстановились силы въ разслабленныхъ членахъ, миръ водворился въ смущенной душѣ. Человѣкъ былъ исцѣленъ. Онъ всталъ, поднялъ легкую постель, на которой лежалъ, и въ виду разступившейся теперь передъ нимъ толпы вышелъ и пошелъ домой, слава Бога; а народъ началъ расходиться, обмѣниваясь взаимными восклицаніями изумленія, нечуждаго нѣкотораго страха: „чудныя дѣла видѣли мы нынѣ“! „Никогда ничего такого мы не видали“!

Изъ дома, можетъ быть для того, чтобы дать возможность большому количеству народа слушать свое учение, Иисусъ пошелъ на любимый Имъ берегъ озера (Марк. II, 13), и оттуда, послѣ непродолжительной проповѣди, отправился въ домъ Матөея, гдѣ мытарь, теперь бывший уже апостоломъ, устроилъ большое пиршество на прощаніе съ своими друзьями. Такъ какъ онъ самъ былъ мытаремъ, то понятно, что и многіе изъ его друзей были „мытари и грѣшники“ — отверженцы общества, бывшіе предметомъ общей ненависти и презрѣнія. И однако же Иисусъ и Его ученики, безъ малѣйшей тѣни чувства презрѣнія и исключительности, сидѣли съ ними на пиршествѣ: „ибо много ихъ было, и они слѣдовали за Нимъ“. Столь безграничная снисходительность вызвала глубокое неудовольствіе въ двухъ сильныхъ партіяхъ — въ фарисеяхъ и ученикахъ Іоанна, по двумъ различнымъ причинамъ. Первымъ это было непріятно главнымъ образомъ потому, что сношеніе съ людьми худой и позорной жизни оскорбляло всѣ преданія ихъ надменнаго ханжества; послѣднимъ потому, что этимъ охотнымъ принятіемъ приглашеній на пиршества какъ бы отрицалась необходимость ихъ суроваго аскетизма. Неудовольствіе это едва ли было выражено во время самаго пиршества, потому что иначе, если только фарисеи или ученики Іоанна изъ любопытства прямо не заглядывали въ домъ во время угощенія, ихъ собственное присутствіе тамъ навлекало бы на нихъ то же самое порицаніе, которому они подвергали Спасителя. Но Иисусъ вѣроятно слышалъ ихъ ропоть прежде еще окончанія пиршества. Обращаетъ на себя вниманіе самый способъ выраженія порицанія. Фарисеи, еще нѣсколько колеблясь касательно истиннаго достоинства и дѣла Христа, очевидно подчиняясь обаянію Его величія и не осмѣливаясь на открытый разрывъ съ Нимъ, заявляли свое неудовольствіе только ученикамъ, спрашивая ихъ: „для чего Учитель вашъ ѣсть и пить съ мытарями и грѣшниками“? Простодушные апостолы едва ли могли объяснить имъ, но Иисусъ сразу открыто выступилъ противъ недовольныхъ совопросниковъ и сказалъ этимъ ропщущимъ рабамъ формальной благопристойности, что Онъ пришелъ призвать не праведниковъ, а грѣшниковъ къ покаянію, пришелъ не къ пасомому стаду, а къ

разсѣяннѣмъ овцамъ. Проповѣдывать Евангеліе бѣднымъ, оказывать милосердіе погибшимъ — вотъ въ чемъ заключается главная цѣль, для которой Онъ явился среди людей. Онъ не хочетъ навязывать своей благодати тѣмъ, которые съ самаго начала преднамѣренно ожесточили свои сердца противъ нея, но любовно сообщаетъ ее тѣмъ, которые нуждались и чувствовали нужду въ ней. Ученіе его было, „какъ роса на нѣжной былинѣ и какъ ливень на травѣ“. И затѣмъ, ссылаясь на одно изъ тѣхъ величественныхъ мѣстъ Ветхаго Завѣта (Ос. vi, 8), которыя даже въ то время заключали въ себѣ самую суть всего, что было благопріятно Богу въ любви и милости, Онъ воспользовался фразой ихъ собственныхъ раввиновъ и велѣлъ имъ — этимъ учителямъ народа, похвалявшимся такими глубокими познаніями — „пойти и научиться, что значить: милости хочу, а не жертвы“. Быть можетъ имъ, задавленнымъ бременемъ простой обрядности и преданія, никогда прежде и на умъ не приходило, что любовь, которая не считаетъ униженіемъ вступать въ общеніе съ грѣшниками съ цѣлью спасенія ихъ душъ, болѣе пріятна Богу, чѣмъ тысячи барановъ и тѣмы мѣръ масла.

Отвѣтъ на нѣсколько жалобный вопросъ учениковъ Іоанна былъ менѣе строгъ въ тонѣ. Нѣтъ сомнѣнія, Онъ чувствовалъ жалость къ естественному унынію духа, вызывавшемуся положеніемъ ихъ великаго учителя, на котораго они доселѣ смотрѣли съ такой свѣтлой надеждой и который теперь томился въ мрачной темницѣ Махера. Онъ могъ бы отвѣтить имъ, что постъ конечно есть подвигъ полезный и обязательный, если только человекъ чувствуетъ, что онъ способствуетъ умерщвленію въ немъ всего злого; но онъ бесполезенъ, если соблюдается просто изъ духовной гордости и ведетъ къ презрѣнію другихъ. Онъ могъ показать имъ, что хотя они постановили поститься дважды въ недѣлю, но установленіе это основывалось на преданіи, а не было утверждено закономъ Моисеевымъ, въ которомъ установленъ только *одинъ день* поста для цѣлаго года. Онъ могъ бы также сослаться на изреченія ихъ собственныхъ пророковъ, которые заявляютъ, что въ очахъ Божіихъ истинный постъ не есть простое воздержаніе отъ пищи, когда въ то же время человекъ „неистовствуетъ кулакомъ нечестія“,

а скорбе состоитъ въ любви въ милости, въ дѣланіи правды и въ облегченіи угнетенныхъ. Но вмѣсто всего этого назиданія, которое въ ихъ настоящемъ состояніи могло бы только ожесточить ихъ въ своихъ предразсудахъ, Онъ кротою отвѣчаетъ имъ только примѣромъ изъ обыденной жизни. Ссылаясь на прекрасный образъ, подъ которымъ ихъ возлюбленный и почитаемый учитель говорилъ о Немъ, какъ о женихѣ, Онъ только спросилъ ихъ: „Могутъ ли печалиться сыны чертога брачнаго, пока съ ними женихъ?“ и затѣмъ, спойкой глядя въ зияющую предъ Нимъ бездну, Онъ произнесъ изреченіе, которое (хотя въ то время вѣроятно никто не повялъ его) было, можетъ быть, Его первымъ открытымъ заявленіемъ объ ожидавшей Его насильственной кончинѣ. „Но прійдутъ дни, сказалъ Онъ, когда отнимется у нихъ женихъ, и тогда будутъ поститься“. Затѣмъ Онъ говорилъ имъ, еще въ болѣе многозначительныхъ словахъ, хотя выраженныхъ, какъ это бывало часто, самымъ общедоступнымъ иносказаніемъ, что религія Его есть, такъ сказать, одежда вся новая, а не заплатъ изъ небѣленной ткани на ветхой одеждѣ, способная только еще хуже изодратъ ее, что она не молодое вино, влитое при всей своей бродящей свѣжести и крѣпости въ старыя и изношенныя мѣхи, которые отъ него могутъ лопнуть и оно разольется, а молодое вино въ новыхъ мѣхахъ. Новый духъ нужно было вдохнуть въ совершенно новыя формы; новая свобода не должна быть стѣсняема обветшалыми и потерявшими значеніе ограниченіями; духовное ученіе не должно подчиняться простой виѣшной обрядности.

Ев. Лука сохранилъ при этомъ тонкое и замѣчательное изреченіе: „Никто, пивши старое вино, не захочетъ тотчасъ молодого; ибо говорить: старое лучше“ (v, 38). Слова эти считаются теми, что и вызвало различныя чтенія въ подлинномъ текстѣ. Человѣкъ менѣе всего способенъ допускать различіе мнѣнія въ дѣлахъ религіи, но именно обязанность этого и заключаютъ въ себѣ приведенныя слова. Христосъ внушалъ ученикамъ; что Его царство есть нѣчто болѣе, чѣмъ возстановленіе, оно есть возрожденіе; но Онъ зналъ, какъ трудно было для людей воспитанныхъ въ преданіяхъ фарисеевъ и въ благоговѣніи въ суровому аскетизму Іоанна Крестителя, принять истины, которыя были для нихъ оди-

наково новы и чужды, и поэтому, даже желая просвѣтить ихъ тьму, Онъ даетъ имъ знать, что Онъ можетъ смотрѣть на нихъ „глазами снисхожденія, чтобы дать свободу всѣмъ“.

ГЛАВА XXV.

ДЕНЬ ПИРШЕСТВА У ЕВ. МАТӨЕЯ (ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Развѣ нѣтъ тамъ врача? Іерем. VIII, 22.

ДВА кончилось пиршество въ домѣ ап. Матөея и Иисусъ занять былъ бесѣдой, возникшей по поводу вопроса учениковъ Іоанна, какъ произошелъ другой случай, послужившій поводомъ къ совершенію трехъ величайшихъ чудесъ въ Его земной жизни (Матө. IX, 18—26; Марк. V, 22—43; Лук. VIII, 41—56).

Къ Иисусу подошелъ въ крайнемъ волненіи одинъ управитель синагоги, *роизъ какъ-ненесетъ*, т.-е. главный старшина прихода, пользовавшійся у іудеевъ большимъ уваженіемъ. Очень возможно, что этотъ управитель синагоги былъ въ числѣ членовъ депутаціи, просившей Иисуса отъ лица сотника-прозелита, которымъ была построена самая синагога. Если такъ, то онъ по опыту зналъ могущество Того, къ кому теперь обращался. Бросаясь къ Его ногамъ, разбитымъ голосомъ (подлинникъ даже и звучитъ такъ, какъ будто рѣчь его прерывалась и дѣлалась невнятною отъ приступовъ скорби) онъ говоритъ Ему, что его маленькая дочь, его единственная дочь, теперь умираетъ, быть можетъ уже умерла, но стоитъ только Ему пойти и возложить на нее руку свою и она будетъ жива. Съ нѣжностью, которая никогда не была глухою къ воплю скорбящихъ, Иисусъ тотчасъ же всталъ изъ-за стола и пошелъ съ нимъ, сопровождаемый не только своими учениками, но и густою, ожидавшею Его толпой, свидѣтельницами этой сцены. Когда Онъ шелъ, народъ съ нетерпѣніемъ тѣснился къ Нему и толпился около Него.

Но среди толпы (гдѣ несомнѣнно находились и нѣкоторые изъ фарисеевъ и учениковъ Іоанна, съ которыми Онъ бесѣдовалъ, равно какъ мытари и грѣшники, съ которыми Онъ си-

дѣль на пиршествѣ) была одна личность, которую не занимало любопытство посмотрѣть, что Онъ сдѣлаетъ для управителя синагоги. Это была женщина, двѣнадцать лѣтъ страдавшая отъ мучительной болѣзни, которая сокрушала ее въ теченіе всей жизни и особенно потому, что въ народѣ такая болѣзнь считалась прямымъ послѣдствіемъ грѣховныхъ привычекъ. Напрасно она истощала свое состояніе, ища облегченія въ помощи многихъ и различныхъ врачей, но все это наносило только еще болѣе вреда ея здоровью, и теперь она уже, какъ послѣднее, отчаянное средство, захотѣла испытать то, что можно было получить безъ всякихъ издержекъ отъ великаго Врача. Можетъ быть потому, что она не имѣла уже больше ничего предложить въ вознагражденіе, которое она по своему невѣжеству считала необходимымъ, можетъ быть потому, что она по своей женской стыдливости боялась обнаружить болѣзнь, которою страдала, — но по какой бы то ни было причинѣ — она рѣшилась, такъ сказать, украсть у Него желаемое исцѣленіе. И вотъ съ отчаянною силою и настойчивостію она пробралась черезъ тѣсную толпу, такъ чтобы можно было прикоснуться къ Нему; и затѣмъ можетъ быть съ сильной порывистостію, вслѣдствіе своего крайняго возбужденія, схватила за бѣлую кисть Его одежды. По закону каждый іудей долженъ былъ носить на всѣхъ углахъ своего *таллиота* кисти на голубыхъ лентахъ въ знакъ того, что онъ помнитъ всѣ заповѣди Господни и исполняетъ ихъ. Двѣ изъ этихъ кистей обыкновенно были снизу одежды, а по одной висѣло черезъ плечи, гдѣ плащъ обвертывался кругомъ. Къ одной изъ этихъ-то кистей она вѣроятно и прикоснулась тайно, съ трепетною поспѣшностію, и затѣмъ, почувствовавъ мгновенно, что она достигла своего желанія и исцѣлилась, она незамѣтно укрылась въ толпѣ. Незамѣтно для другихъ, но не для Христа. Почувствовавъ, что изъ него вышла цѣлительная сила, и распознавъ порывистое прикосновеніе робкой вѣры даже среди натисковъ толпы, Онъ остановился и спросилъ: „кто прикоснулся къ Моей одеждѣ?“ На это Петръ отвѣтилъ почти съ раздраженностію, какъ бы считая даже нелѣпымъ спрашивать въ такой толпѣ: „кто прикоснулся ко Мнѣ“. Но Іисусъ, обводя еще глазами множество обращенныхъ къ Нему лицъ, сказалъ ему, что

есть различіе между натискомъ любопытства и прикосновеніемъ вѣры. Взоръ Его наконецъ остановился на этой самой женщинѣ, и она, увидѣвъ обнаруженною свою попытку тайно воспользоваться благодареніемъ, которое Онъ самъ милостиво соблаговолилъ бы ей дать, трепеща отъ страха, вышла впередъ и, бросаясь къ Его ногамъ, рассказала Ему всю правду. Вся женская стыдливость забыта была ею въ желаніи загладить свою вину. Несомнѣнно, она боялась Его гнѣва, потому что законъ ясно гласить, что прикосновеніе кровоточивой дѣлало человѣка нечистымъ до вечера. Но тутъ прикосновеніе къ Нему очистило ее, а не ея прикосновеніе осквернило Его. Далекій отъ всякаго негодованія, Спаситель сказалъ ей: „Дщерь (и въ этомъ ласковомъ словѣ уже зазвучало для нея прощеніе), вѣра твоя спасла тебя; иди въ мирѣ, и будь здорова отъ болѣзни твоей!“

Случай этотъ долженъ былъ причинить маленькую задержку, а для Гаира, какъ мы видѣли, каждое мгновеніе было дорого. Но онъ былъ не единственнымъ страдальцемъ, искавшимъ милосердія Спасителя, и такъ какъ онъ не выразилъ жалобы, то очевидно скорбь не сдѣлала его себялюбивымъ. Но тутъ какъ разъ подоспѣлъ къ нему посланный съ краткимъ извѣщеніемъ: „дочь твоя умерла“, къ которому онъ, видимо уже съ отгнѣномъ неудовольствія и ироніи, прибавилъ: „не утруждай Учителя“.

Извѣщеніе было обращено не къ Иисусу, но Онъ разслышалъ его и съ сострадательнымъ желаніемъ избавить несчастнаго отца отъ бесполезной муки сказалъ ему достопамятныя слова: „не бойся, только вѣруй!“ Они скоро пошли въ его домъ и видятъ тамъ смятеніе наемныхъ плакальщицъ и свирѣльщиковъ, которые, съ торгашескимъ шумомъ и гамомъ, колотя себя въ грудь, оскорбляли только безмолвіе искренней скорби и нѣмое величіе смерти. Вѣроятно эти притворные вопли возмутили душу Христа; остановившись сначала у дверей, чтобы запретить толпѣ слѣдовать за собою, Онъ вопель въ домъ съ тремя только изъ самыхъ приближенныхъ къ себѣ апостоловъ — съ Петромъ, Іаковомъ и Іоанномъ. Тутъ прежде всего Онъ велѣлъ прекратить праздные вопли; но когда Его заявленіе, что „дѣвица не умерла, но спитъ“, было встрѣчено только грубыми насмѣшками, Онъ съ негодованіемъ выгналъ наем-

ныхъ плакальщицъ. Когда возстановилась тишина, Онъ, взявъ съ собою родителей дѣвицы и трехъ своихъ апостоловъ, тихо вошелъ въ комнату, гдѣ царствовало страшное безмолвіе смерти. Затѣмъ, взявъ маленькую холодную руку умершей, Онъ произнесъ два, трепетомъ прозвучавшихъ, слова: *ταλιθα कुμι*, что значитъ: „дѣвица, тебѣ говорю: встань“, и душа возвратилась въ ней, дѣвица тотчасъ встала и начала ходить. Страшнымъ изумленіемъ поражены были родители, но Иисусъ спокойно сказалъ имъ, чтобы дали ей ѣсть. Если Онъ по обыменовенію прибавилъ, чтобы они ничего не говорили о случившемся, то это очевидно не съ цѣлью оставить въ неизвѣстности самое событіе, — что было бы совершенно невозможно при столькихъ свидѣтеляхъ всего хода дѣла,—а потому, что тѣ, кто получили отъ руки Божіей безмѣрная милости, скорѣе вспоминаютъ о нихъ съ благоговѣйнымъ благодареніемъ, когда содержатъ ихъ какъ тайное сокровище въ глубинѣ своего сердца.

Какъ ни велики и ни поразительны были событія этихъ сутокъ, но изъ евангелія Матөея съ вѣроятностью можно заключать, что они ознаменованы были еще однимъ изумительнымъ дѣломъ могущества. Когда Иисусъ выходилъ изъ дома Іаира, за Нимъ слѣдовали двое слѣпыхъ съ воплями, дотолѣ еще неслыханными: „Помилуй насъ, Иисусъ, Сынъ Давидовъ“. Христосъ уже начиналъ задерживать, такъ сказать, собственное стремленіе къ совершенію чудесъ. Онъ совершилъ ихъ болѣе, чѣмъ достаточно для засвидѣтельствованія своего могущества и дѣла, и теперь было важно, чтобы люди больше обращали вниманіе на Его божественное и вѣчное ученіе, чѣмъ на его временныя исцѣленія. Въ то же время Онъ не хотѣлъ поощрять преждевременнаго и, быть можетъ, злонамѣреннаго употребленія мессіанскаго титула „Сынъ Давидовъ“, титула, который, еслибы Онъ его принялъ открыто, могъ бы повредить Его святому дѣлу, такъ какъ сразу повелъ бы къ возстанію въ Его пользу противъ римскаго владычества. Не обращая вниманія на слѣпцовъ и ихъ вопли, Онъ направился къ тому дому въ Капернаумѣ, въ которомъ обыкновенно жилъ, и только когда они неотступно послѣдовали за Нимъ даже въ домъ, Онъ испыталъ ихъ вѣру вопросомъ: „вѣруете ли, что Я могу это сдѣлать“? Они говорятъ Ему: „ей, Гос-

поди"! Тогда Онъ воснудся глазъ ихъ, и сказалъ: „по вѣрѣ вашей да будетъ вамъ“. И открылись глаза ихъ.

Подобно многимъ другимъ исцѣленнымъ, они оставили безъ вниманія Его строгое повелѣнiе не разглашать о случившемся (Матѣ. ix, 27—31). Нѣкоторые сълонны восхищаются ихъ непослушанiемъ и приписываютъ его восторженной благодарности и умиленiю, но не было ли оно скорѣе восторгомъ неразумной изумленности, пошлостью болтливаго хвастовства? Многіе ли изъ этой массы исцѣленныхъ сдѣлались Его истинными учениками? Не погасъ ли въ простомъ блескѣ пустозвонства тотъ священный огонь благоговѣйной преданности, который святое безмолвіе поддерживало бы въ ихъ сердцахъ? Не было ли бы повиновенiе лучше жертвы и послушанiе лучше тука овновъ? Да. Мы можемъ самообманываться; можно приносить Богу *кажущееся* служенiе, которое на самомъ дѣлѣ нарушаетъ Его существенныя установленiя; праздными повторенiями, пустыми колѣнопреклоненiями, злою нетерпимостью, кощунственной фамиллярностью и бездушнымъ подобiемъ мертваго благочестiя—можно *оскорблять* Его подъ видомъ *почитанiя*. Лучше, гораздо лучше служить Ему исполненiемъ того, что Онъ заповѣдывалъ, чѣмъ кажущееся, часто столь же ложною, какъ и навязчивою, ревностью о славѣ имени Его. Эти непослушные болтуны, которые такъ много говорили о Немъ, оказывали Ему только позорящую ихъ услугу двойственнаго сердца; нарушенiе ими Его повелѣнiя вело только къ затрудненiю Его полезной дѣятельности, возмущало Его духъ и ускоряло смерть Его.

ГЛАВА XXVI.

ПОСѢЩЕНІЕ ІЕРУСАЛИМА.

Простота есть лучшій путь жизни для христіанъ.
Св. Климентъ Александрійскій.

ВЪ КОНЦУ проповѣдническихъ хожденiй, во время которыхъ совершились нѣкоторыя изъ событiй, описанныхъ въ послѣднихъ главахъ, Иисусъ былъ тронутъ состраданiемъ при видѣ народной толпы (Матѣ. ix, 35 — 38).

Она напоминала Ему овецъ, расхищаемыхъ волками, изнуренныхъ и разсѣянныхъ по полямъ, за неимѣніемъ пастыря. Она вызывала также въ Его умѣ образъ созрѣвшей жатвы, но несобранной по недостатку рабочихъ рувъ; и Онъ велѣлъ своимъ апостоламъ молить Господина жатвы, чтобы выслалъ дѣлателей на жатву свою. И вслѣдъ за этимъ, Самъ исходивъ теперь уже всю Галилею, Онъ послалъ ихъ по двое утверждать свое ученіе и совершать дѣла милосердія во имя Его (Матѣ. х, 1—42; Марк. vi, 7—13; Лук. ix, 1—6).

Но прежде чѣмъ послать, Онъ естественно далъ имъ наставленія, которыми они должны были руководиться. Теперь они должны были ограничить свою дѣятельность погибшими овцами дома Израилева и не простирать ее на самарянъ и язычниковъ. Предметомъ ихъ проповѣди должна служить близость царства небснаго, и они должны подкрѣплять ее дѣлами могущества и благотворенія. Они не должны ничего брать съ собою, ни суммы для пищи, ни денегъ въ поясахъ своихъ, ни перемѣны одеждъ, ни дорожной обуви вмѣсто обыкновенныхъ сандалій изъ пальмовой коры; и даже не должны запастись посохомъ дорожнымъ, если еще не имѣли его. Миссія ихъ, подобно всѣмъ величайшимъ и самымъ плодотворнымъ миссіямъ, какія только извѣстны міру, должна была отличаться полнѣйшею простотою и содержаться своими собственными средствами. Открытое гостепріимство востока, такъ часто служившее средствомъ распространенія новыхъ ученій, должно было служить для нихъ достаточнымъ содержаніемъ. При входѣ въ городъ они должны идти въ тотъ домъ, въ которомъ можно было надѣяться на радушный пріемъ, и привѣтствовать его древнѣйшимъ и высоко цѣнимымъ благожеланіемъ *шаломъ лакемъ* — „миръ дому сему“. Если домъ будетъ достоинъ того, то благожеланіе возымѣетъ силу; если же нѣтъ, то оно возвратится къ нимъ. Если же отвергнуть ихъ, то они должны отрясти прахъ отъ ногъ своихъ, во свидѣтельство того, что они говорили истину и символически очищали себя отъ всякой отвѣтственности за тотъ судный приговоръ, который долженъ былъ суровѣе пасть на преднамѣренныхъ и закоснѣлыхъ ненавистниковъ свѣта, чѣмъ

на самыя темныя мѣстности языческаго міра, въ которомъ никогда не возсіявалъ свѣтъ или сіялъ только слабо.

Изложивъ своимъ ученикамъ долгъ твердости въ вѣрѣ, кроткой обходительности и самоотверженной простоты, какъ первыхъ условій успѣха миссіонерской дѣятельности, Онъ затѣмъ сталъ укрѣплять ихъ противъ неизбѣжныхъ испытаній и гоненій въ дѣлѣ ихъ служенія.

Имъ нужно было и приходилось поступать не только съ кротостью голубя, но съ мудростью змѣя, потому что Онъ посылалъ ихъ, какъ овецъ среди волковъ.

Наставленія эти несомнѣнно не сразу были высказаны въ той связной формѣ, въ какой они дошли до насъ. Спаситель всегда вызывалъ своихъ скромныхъ и внимательныхъ слушателей въ вопросамъ; и тутъ, какъ сообщаетъ одно древнее преданіе, апостолъ Петръ (всегда, какъ можно быть увѣреннымъ, первый и самый воспріимчивый слушатель) прервалъ своего Учителя довольно естественнымъ вопросомъ: „но какъ же тогда, если волки растерзаютъ овецъ“? Иисусъ, быть можетъ улыбнувшись надъ наивнымъ и буквальнымъ пониманіемъ своего главнаго апостола, отвѣтилъ: „пусть овцы не боятся волковъ, когда онѣ уже мертвы, и не бойтесь тѣхъ, которые могутъ убить васъ и ничего не дѣлаютъ вамъ, но бойтесь того, кто и по смерти вашей имѣетъ власть надъ душой и тѣломъ вашими и можетъ ввергнуть ихъ въ геенну“. И затѣмъ, продолжая нить своего разсужденія, Онъ просто предостерегалъ ихъ, что какъ теперь, такъ и послѣ ихъ будутъ отдавать въ судилища и бичевать въ синагогахъ, приводить на судъ правителей и царей; но, несмотря на это, они не должны заботиться, какъ или что сказать, потому что въ тотъ часъ имъ дано будетъ свыше, что говорить. Ученіе мира будетъ злыми страстями людей превращено въ воинственный кличъ ярости и ненависти, и имъ придется бѣгать отъ лица своихъ преслѣдующихъ враговъ изъ города въ городъ. Но пусть они претерпятъ до конца, потому что не успѣютъ они обойти городовъ израилевыхъ, какъ придетъ Сынъ человѣческій.

Наконецъ Онъ ободрялъ ихъ напомниманіемъ того, что Онъ претерпѣвалъ Самъ и съ какимъ противодѣйствіемъ встрѣчался.

Пусть они не боятся. Богъ, который печется даже о малыхъ птичкахъ при паденіи ихъ на землю, которымъ сочтены даже самыя волосы ихъ, Богъ, который (и здѣсь Онъ быть можетъ опять обратился къ вопросу Петра) содержитъ въ рукѣ своей судьбы не просто жизни и смерти, но *вѣчной* жизни и *вѣчной* смерти, и котораго поэтому должно бояться больше, чѣмъ волковъ земли, — пребываетъ съ ними; Онъ признаетъ тѣхъ, кого призналъ Сынъ Его, и отвергнетъ тѣхъ, кого Онъ отвергъ. Они посылались въ міръ борьбы и вражды, которая возгорится еще съ большимъ ожесточеніемъ изъ-за міра, отвергнутаго имъ. Даже самыя близкіе и дорогіе имъ станутъ противъ нихъ на сторону міра. Но тѣ, кто хотятъ быть Его истинными послѣдователями, должны ради Его отказаться отъ *всего*, должны взять крестъ свой и идти за Нимъ. Но затѣмъ въ утѣшеніе имъ Онъ говорилъ, что они должны быть, какъ Онъ былъ въ мірѣ; что тѣ, кто примутъ ихъ, примутъ и Его; что потерять свою жизнь ради Него значитъ болѣе, чѣмъ найти ее; что чаша холодной воды, данная юнѣйшему и малѣйшему изъ малыхъ Его, не останется безъ должнаго вознагражденія.

Вотъ очеркъ этихъ великихъ напутственныхъ наставленій, переданныхъ ев. Матеемъ, и каждый миссіонеръ, каждый церковно-религіозный дѣятель долженъ написать ихъ золотыми буквами для себя. Бесплодность миссіонерскаго труда служитъ постояннымъ предметомъ сожалѣнія и унынія среди насъ. Но было ли бы это такъ, еслибы наше миссіонерство велось въ этомъ мудромъ и примирительномъ духѣ, съ этою простотою и самоотверженностью, съ этою вѣрою и безстрашіемъ? Было ли бы миссіонерство безуспѣшнымъ, когда бы миссіонеры, сподобившись по благодати Божіей жить въ свѣтѣ подобныхъ началъ и наставленій, дѣйствовали, какъ дѣйствовалъ ап. Павелъ и многіе другіе великіе провозвѣстники вѣры и нравственности христіанской?

Что не все это наставленіе было высказано сразу при этомъ случаѣ, что въ немъ есть указанія на позднѣйшее время, что нѣкоторыя части его были приложимы только къ другому миссіонерству апостоловъ, которое должно было наступить только въ отдаленномъ будущемъ, — это кажется довольно яснымъ; но

мы тѣмъ не менѣе должны быть благодарны ев. Матѳею, что онъ, руководясь по обыкновенію единствомъ предмета, собралъ въ одно цѣлое наставленія, высказанныя быть можетъ при различныхъ послѣдующихъ случаяхъ, какъ на примѣръ передъ посылствомъ семидесяти учениковъ или даже въ прощальныхъ бесѣдахъ воскресшаго Христа.

Иудеи были знакомы съ учрежденіемъ *шелухимъ*, т.-е. уполномоченныхъ какой-нибудь высшей власти. Въ положеніе такихъ уполномоченныхъ поставилъ и Христосъ своихъ апостоловъ. Онъ послалъ ихъ по двое, и это распоряженіе было мудро и благодѣтельно для нихъ; оно давало имъ возможность взаимнаго общенія между собой и вмѣстѣ взаимнаго исправленія ошибокъ другъ друга. Навѣрно по двое пошли друзья и братья: пылкій Петръ съ болѣе созерцательнымъ Андреемъ; сыны Громы — одинъ вліятельный и повелительный, другой впечатлительный и краснорѣчивый; сродные по вѣрѣ и незлобности характера Филиппъ и Вареломей; малоподвижный, но вѣрный Тома съ глубокомысленнымъ и преданнымъ Матѳеемъ; Іаковъ съ своимъ братомъ Іудой; Симонъ Зилотъ съ Іудой Искариотомъ, чтобы своею пламенною ревностью по царствѣ Божіемъ разсѣвать темныя замыслы угрюмаго духа предателя.

Во время ихъ отсутствія Иисусъ продолжалъ свое дѣло одинъ (Матѳ. xi, 1), въ то же время, быть можетъ, тихо подвигаясь въ Іерусалиму, потому что въ этому именно періоду, вѣроятнѣе всего, относится стихъ: „Послѣ сего былъ праздникъ іудейскій, и пришелъ Иисусъ въ Іерусалимъ“. Этотъ безыменный праздникъ былъ, по всей вѣроятности, праздникъ Пуримъ *).

*) „Послѣ сего (исцѣленія сына царедворца), говорятъ ев. Іоаннь, былъ праздникъ іудейскій, и пришелъ Иисусъ въ Іерусалимъ“ (v, 1).

Что это былъ за праздникъ — это вопросъ, который, какъ ни интересенъ самъ по себѣ и ни важенъ для опредѣленія продолжительности служенія Спасителя, по всей вѣроятности, никогда не получитъ окончательнаго отвѣта. Цѣлыя томы написаны о немъ, но входить въ разсмотрѣніе всѣхъ данныхъ и мнѣній, представляемыхъ ими, было бы излишне и притомъ не привело бы ни къ какому концу или рѣшительному убѣжденію. Несмотря на терпѣливыя изысканія и ученые труды, потраченные на его разсмотрѣніе, данныя все-таки видимо недостаточны для того, чтобы съ убѣдительною рѣ-

Но какъ Иисусъ могъ пойти въ Іерусалимъ на подобный праздникъ, который былъ, такъ сказать, сатурналіей іудейства, — праздникъ, который не имѣлъ божественнаго установленія и коренился въ самыхъ исключительныхъ, даже, шить, какъ долго Христосъ училъ на землѣ. Мы сдѣлаемъ лишь нѣсколько замѣчаній, по возможности краткихъ и ясныхъ.

Упомянутый здѣсь праздникъ едва ли могъ быть пасхой или праздникомъ кущей, потому что, какъ мы видѣли, ев. Іоаннъ, говоря объ этихъ праздникахъ, упоминаетъ ихъ поименно: въ дѣйствительности оба эти праздника носили греческія названія (*πάσχα* и *σκηνοπηγία*), хорошо извѣстныя греческимъ читателямъ, и поэтому не было основаній для опущенія здѣсь названія какого-нибудь изъ нихъ. Предполагать же, что это опущеніе произвольно и случайно, конечно, невозможно. Но есть еще болѣе вѣскія основанія противъ предположенія, что здѣсь разумѣется одинъ изъ этихъ двухъ великихъ праздниковъ. а) Если бы это была пасха, то ев. Іоаннъ опустилъ бы *цѣлый годъ* служенія Спасителя (vi, 4), не упомянувъ о немъ ни единымъ словомъ, но онъ не могъ быть; б) и праздникомъ кущей, непосредственно слѣдующимъ за первой пасхой, упомянутой ев. Іоанномъ, потому что шести мѣсяцевъ было бы слишкомъ недостаточно для всѣхъ событій, совершившихся со времени путешествія черезъ Самарію (Іоан. ii, 13); в) не могъ онъ быть и праздникомъ кущей послѣдующаго года, потому что тогда прошло бы цѣлыхъ полтора года безъ всякаго посѣщенія Іерусалима. Однимъ словомъ, если мы допустимъ, что послѣ своей первой пасхи Спаситель провелъ нѣсколько времени въ Іудеѣ и затѣмъ, быть можетъ, *за четыре мѣсяца до жатвы* (Іоан. iv, 35), прошелъ Самаріей на своемъ пути въ Галилею, и затѣмъ если предположимъ, на что есть основаніе, что упоминаемая у Іоанна (vi, 4) пасха была уже *второй*, на которой присутствовалъ Онъ, тогда мы должны искать этого непоименованнаго праздника гдѣ-нибудь между концомъ зимы и жатвой, то-есть между мѣсяцами кisleвомъ или декабремъ и нисаномъ 16, когда приносились въ жертву плоды пшеницы и формально начиналась жатва.

Если эти основанія и не имѣютъ безусловно-рѣшающаго характера, они все-таки, по крайней мѣрѣ, очень вѣски и съ принятіемъ ихъ исключается предположеніе здѣсь *великихъ* іудейскихъ праздниковъ.

Обращаясь поэтому къ меньшимъ праздникамъ, мы находимъ только одинъ, въ отношеніи котораго мы можемъ видѣть основаніе для опущенія его названія, именно праздникъ *пуримъ*. Одно то обстоятельство, что это меньшій праздникъ, не было бы достаточнымъ основаніемъ для опущенія названія, такъ какъ евангелистъ Іоаннъ, какъ мы видѣли, называетъ по имени сравнительно незначительный и человѣческой волей установленный праздникъ обновленія.

Но названіе этого праздника выразалось общезвѣстнымъ греческимъ

такъ сказать, мстительныхъ чувствахъ народа; праздниекъ увеселеній и маскарадовъ, чисто общественный и часто не въ мѣру оживленный; праздниекъ, съ которымъ не связано было никакого религіознаго служенія, и который совершался не въ храмѣ и даже не всегда въ синагогахъ, а главнымъ образомъ въ частныхъ домахъ іудеевъ?

Отвѣтомъ на это можетъ служить то, что хотя Иисусъ и былъ въ Іерусалимѣ на этомъ праздниекѣ и пришелъ туда во время его совершенія, но слова ев. Іоанна не значать непременно, что Онъ пошелъ туда именно съ цѣлью присутствовать на этомъ своеобразномъ праздниекѣ. Только мѣсяцемъ позже совершалась Пасха и возможно, что Онъ пошелъ въ Іерусалимъ *главнымъ* образомъ съ цѣлью присутствовать на праздниекѣ Пасхи, хотя Онъ радъ былъ воспользоваться случаемъ прибыть въ Іудею и Іерусалимъ мѣсяцемъ раньше, какъ для того, чтобы имѣть возможность еще разъ проповѣдывать въ этой области, такъ и для того, чтобы избѣжать публичности и опаснаго возбужденія въ случаѣ путешествія Его вмѣстѣ съ караваномъ пасхальныхъ поклонниковъ изъ Галилеи. Такой случай естественно представился за отсутствіемъ апостоловъ, посланныхъ на проповѣдь. Синоптики даютъ ясныя указанія, что Иисусъ имѣлъ друзей и доброжелателей какъ въ Іерусалимѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. Можетъ быть въ средѣ этихъ друзей Онъ и ожидалъ возвращенія своихъ ближайшихъ послѣдователей. Мы знаемъ, съ какою любовью Онъ относился къ членамъ одного семейства въ Вифаніи, и не будетъ неестественнымъ предположить, что теперь Онъ жилъ въ качествѣ одинокаго почетнаго гостя въ мирномъ уединеніи этого именно благочестиваго дома.

словомъ (ἐγκαίνια) и объяснялось само собою; между тѣмъ праздниекъ пуримъ былъ чисто іудейскій и упоминаніе его названія безъ объясненія было бы непонятнымъ. Пуримъ означаетъ „жребіи“, и еслибы евангелистъ Іоаннъ просто перевелъ это названіе по-гречески, то это могло бы повести къ очень ошибочному представленію. Единственно равносильныя съ нимъ греческія слова Φροῦραι или ἡ Μορβοχαϊκή ἡμέρα и ни одно изъ нихъ не было общезвѣстнымъ или общепонятнымъ въ языческомъ мірѣ. Затѣмъ то обстоятельство, что это былъ совсѣмъ не важный, не религіозный и меньше всего соблюдавшійся изъ праздниковокъ іудейскихъ, могло служить новымъ основаніемъ для оставленія его названія неупомянутымъ.

Но даже если ев. Іоаннъ разумѣть, что прямою причиною посѣщенія Спасителемъ Іерусалима былъ именно этотъ праздникъ, то нужно имѣть въ виду, что въ то время празднованіе его было еще не такимъ необузданнымъ и беспорядочнымъ, какимъ оно сдѣлалось впоследствии. Болѣе благородные іудеи несомнѣнно праздновали его съ спокойнымъ чувствомъ благодарности; и такъ какъ одна сторона празднованія состояла въ благотвореніи бѣднымъ, то оно могло привлечь и Іисуса, какъ этою именно стороною, такъ и представлявшимъ Ему случаемъ повязать, что во всемірномъ характерѣ Его ученія и во всеобъемлющей безконечности Его любви, которую Онъ проявлялъ Самъ и заповѣдывалъ другимъ, не было ничего противонароднаго или непатріотическаго.

Остается еще одинъ вопросъ. Пасха быстро приближалась, и присутствія Его на этомъ великомъ праздникѣ всѣ ожидали. Зачѣмъ же Онъ удалился отъ него? Зачѣмъ Онъ возвратился въ Галилею вмѣсто того, чтобы оставаться въ Іерусалимѣ? Событія, которыя подлежатъ нашему разсмотрѣнію теперь, даютъ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

ГЛАВА XXVII.

ЧУДО ПРИ ОВЧЕЙ КУПАЛЬНѢ ВИѲЕЗДА.

Іудейскіе учителя вдавались въ безконечныя словопренія, предполагая, что такой-то сапогъ бремя, а такой-то нѣтъ.

Оригенъ.

БЛИЗЪ овечьихъ воротъ въ Іерусалимѣ былъ прудъ, который обладалъ чудесными цѣлебными свойствами. Вслѣдствіе этого, въ придачу къ своему обыкновенному названію, онъ назывался по-еврейски ВиѲезда или Домъ милосердія, и подъ портивами, украшавшими пятиугольное зданіе, внутри котораго онъ находился, лежало множество страждущихъ слѣпотою, хромотою и расслабленностью — въ надеждѣ воспользоваться тѣмъ моментомъ, когда Ангелъ сходилъ и возмущалъ воду, приобретающую въ слѣдствіе этого наивысшую цѣ-

лебность, вся польза которой предоставлялась тому, кто погружался въ нее первымъ (Іоан. 7, 1—16).

Между многими страдающими здѣсь былъ одинъ бѣднякъ, который уже около тридцати-восьми лѣтъ находился въ разслабленіи отъ паралича. Онъ жилъ въ самыхъ притворахъ этого пруда, но бесполезно; такъ какъ самъ онъ былъ беспомощенъ и движеніе воды происходило неправильными промежутками, то другіе, болѣе счастливые и менѣе слабые, всякій разъ успѣвали раньше его бросаться въ прудъ, пока еще не потерянь былъ благопріятный моментъ.

Исусъ взглянулъ на этого человѣка съ сердечнымъ состраданіемъ. Видно было, что воля несчастнаго страдальца была не менѣе поражена параличемъ, чѣмъ и члены, и вся его чахнувшая жизнь была однимъ непрерывнымъ отчаяніемъ. Спаситель вознамѣрился сдѣлать для праздника пуримъ *свой* даръ бѣдняку, которому Онъ не имѣлъ возможности дать ни золота, ни серебра. Онъ захотѣлъ помочь страдальцу, которому никто не хотѣлъ помочь раньше.

„Хочешь ли быть здоровъ?“

Сначала слова эти едва ли вывели несчастнаго изъ его унылаго оцѣпенѣнія: онъ едва ли даже и взглянулъ на спросившаго. Но думая, можетъ быть, съ мгновеннымъ проблескомъ надежды, что это какой-нибудь незнакомецъ, который по сердечной добротѣ хочетъ помочь ему первымъ попасть въ воду, когда она возмутится опять, онъ просто рассказалъ въ отвѣтъ свою горькую повѣсть о долгомъ и тщетномъ ожиданіи. Исусъ же разумѣлъ болѣе скорую и дѣйствительную помощь.

„Встань, сказалъ Онъ, возьми постель свою, и ходи!“

Это было сказано тономъ, которому нельзя было не повиноваться. Взглядъ говорившаго, Его голосъ и повелительный тонъ, подобно электрическому току, пробѣжалъ по изможденнымъ членамъ и разбитому организму, ослабленному страданіемъ и грѣхомъ цѣлой жизни (ст. 14 и др.). Послѣ тридцати-восьмилѣтней разслабленности онъ мгновенно всталъ, поднялъ свою постель и пошелъ. Въ радостномъ изумленіи онъ озирался кругомъ, чтобы увидѣть своего неизвѣстнаго благодѣтеля; но толпа была велика, и Исусъ, стараясь избѣжать грубаго воз-

бужденія въ народѣ, который сталъ бы смотрѣть на Него только какъ на чудотворца, спокойно удалился.

Несмотря на это, скоро на Него было обращено много недоумѣнныхъ и враждебныхъ глазъ. По мѣрѣ вымирания внутренней силы и значенія религіи часто въ той же мѣрѣ возрастаетъ преувеличенная привязанность къ ея внѣшнимъ формамъ. Формализмъ и равнодушіе, педантическая мелочность и полное безвѣріе родственны между собою и всегда уживаются рядомъ. То же было и съ іудействомъ во дни Христа. Живой и пылкій энтузіазмъ въ немъ охладѣлъ; возвышенная и простая вѣра изсякла; пророки перестали пророчествовать; поэты перестали воспѣвать; священники уже не облачались въ праведность и рѣдко выступали святые. Сѣкира была у корня изсохшаго дерева и стволъ его служилъ только пищей червоточинѣмъ обрядовъ и преданій, „смертельно-блѣдныхъ, какъ ланита мертвеца“. Вслѣдствіе этого установленіе субботы, которымъ имѣлось въ виду обезпечить для труждающихся отдыхъ, исполненный любви, мира и милосердія, сдѣлалось просто національнымъ кумиромъ — бездушнымъ обычаемъ, обставленнымъ самыми произвольными и бессмысленными ограниченіями. Почти всякое великое установленіе Моисеева закона было теперь низведено на степень праздныхъ и лишенныхъ всякаго значенія мелочей, забавлявшихъ мелкія натуры, но убивавшихъ всякое истинное благочестіе.

Выздоровѣвшаго разслабленнаго скоро обступила толпа совопросниковъ. Они смотрѣли на него съ изумленіемъ и негодованіемъ.

„Сегодня суббота, не должно тебѣ брать постели“.

Это былъ вопіющій случай нарушенія ихъ закона. Развѣ не былъ одинъ нарушитель въ пустынѣ, хотя и полуегиптянинъ, до смерти побитъ камнями за собраніе дровъ въ субботній день (Лев. xxiv, 10—12; Числ. xv, 32—36)? Развѣ не ясно сказалъ пророкъ Іеремія: „Берегите души свои и не носите ношъ въ день субботній“ (xvii, 21)?

Да, но почему? Потому что суббота была учреждена въ видахъ милосердія, предназначена для защиты подчиненныхъ и угнетенныхъ людей отъ тяжести непрерывной работы; потому что

необходимо было защитить рабовъ и рабочіе классы отъ чрезмернаго труда, въ которому бы стали принуждать ихъ у народа, страдающаго грѣхомъ алчности; потому что отдѣленіе одного дня изъ семи для священнаго покоя было необычайно важно для духовной жизни вообще. Таково значеніе четвертой заповѣди. Въ какомъ же отношеніи она была нарушена тѣмъ, что человекъ, чудесно исцѣлившійся, хотѣлъ нести домой простую постель, въ которой можетъ быть заключалось почти все его состояніе? Чтò дѣйствительно онъ нарушалъ, такъ это не законъ Божій или даже Моисеевъ, но жалкіе формалистическіе выводы бездушнаго преданія, которое съ важностью порѣшило, что въ субботу нельзя было носить сапоговъ, подбитыхъ гвоздями, потому что они составляютъ бремя, а безъ гвоздей можно носить; что въ двухъ сапогахъ можно ходить, а въ одномъ только нельзя; одному человеку можно нести коровай хлѣба, а двое не могутъ нести его промежъ себя, и такъ далѣе до самыхъ крайнихъ предѣловъ придирчивой нелѣпности.

„Кто меня исцѣлилъ, отвѣчалъ счастливецъ, *Тотъ* мнѣ свазалъ: возьми постель твою, и ходи“.

Насколько дѣло касалось самого этого человека, строгіе законники удовлетворились его оправданіемъ; голосъ, обладающій такою чудесною силою, что могъ исцѣлить словомъ расслабленность, продолжавшуюся въ теченіе цѣлой жизни, очевидно въ глазахъ этого человека имѣлъ право на послушаніе. Но они руководились особымъ побужденіемъ; они имѣли въ виду нѣчто большее, чѣмъ этотъ ничтожный и жалкій бѣднякъ. Безполезно было утруждать *его*.

„Кто тотъ человекъ, который сказалъ тебѣ: возьми постель твою и ходи?“ —Замѣьте злобное коварство іудейскихъ властей: они говорятъ не *Тотъ*, который *исцѣлилъ тебя*; потому что въ простомъ проявленіи чудодѣйственной силы нельзя найти ереси, но именно: „*Тотъ*, который далъ тебѣ незаконное повелѣніе“.

Личность Иисуса очевидно еще такъ мало была извѣстна на окраинахъ Іерусалима, или человекъ этотъ съ такимъ тупымъ равнодушіемъ отнесся къ Иисусу, когда Онъ сначала заговорилъ съ нимъ, что въ дѣйствительности онъ и не зналъ, кто былъ его благодѣтель. Но онъ узналъ вскорѣ потомъ. Повѣствованіе

обнаруживаетъ въ немъ одну привлекательную черту, и мы затѣмъ встрѣчаемъ его уже въ храмѣ, куда онъ навѣрно пришелъ воздать благодареніе Богу за неожиданное и чудесное обновленіе своей безотрадной жизни. Тамъ же увидѣлъ его и Спаситель, который обратился къ нему съ простымъ, но важнымъ предостереженіемъ: „вотъ, ты выздоровѣлъ; не грѣши больше, чтобы не случилось съ тобою чего хуже“.

Предостереженіе это, быть можетъ, дано было потому, что Христосъ провидѣлъ низкую и недостойную личность этого человѣка; во всякомъ случаѣ, въ пятнадцатомъ стихѣ сообщается нѣчто на первый взглядъ чрезвычайно возмутительное. „Человѣкъ сей пошелъ и объявилъ іудеямъ, что исцѣлившій его есть Исусъ“. Возможно, хотя и крайне невѣроятно, что онъ имѣлъ въ виду при этомъ возвеличить имя Того, который совершилъ такое великое дѣло; но такъ какъ онъ долженъ былъ знать объ озлобленности іудеевъ, такъ какъ мы не слышимъ отъ него ни слова благодаренія или признательности, ни слова изумленія или прославленія Бога, такъ какъ затѣмъ ему было достаточно ясно, что Исусъ совершилъ это чудо просто изъ состраданія къ нему и старался избѣгнуть всякой гласности при этомъ, то нужно признаться, что поступокъ его прежде всего представляется дѣломъ празднаго и презрѣннаго доноса, низкимъ самооправданіемъ на счетъ своего благодѣтеля, почти непостижимую смѣсью подлаго угодничества и гнусной неблагодарности. Очевидно предостереженіе было въ высшей степени необходимо для такого человѣка, но оно — если мы вѣрно судимъ объ этой личности — совершенно не достигло своей цѣли.

Послѣдствія этого обнаружились немедленно и были пагубны для Исуса. Въ дѣйствительности они измѣнили все направленіе остальной Его жизни. Не тронутые дѣломъ человѣколюбивѣйшаго состраданія, равнодушные къ проявленію чудодѣйственной силы, іудейскіе инквизиторы вооружились на защиту излюбленнаго вонька своего законничества. „И стали іудеи *знать* Исуса и *искали* убить Его за то, что Онъ дѣлалъ такія дѣла въ субботу“.

Въ отвѣтъ на это обвиненіе Онъ произнесъ ту возвышенную, божественную проповѣдь, которая передается въ 7-й главѣ

ев. Иоанна. Была ли она произнесена въ храмѣ или передъ какимъ-нибудь комитетомъ синаедріона, мы не знаемъ; но во всякомъ случаѣ, великіе раввины и первосвященники, потребовавшіе Его къ себѣ съ цѣлью сдѣлать Ему выговоръ и наказать за нарушение субботы, были крайне изумлены и вмѣстѣ съ тѣмъ пришли въ неописанную ярость отъ словъ, которыя они услышали отъ Него. Они потребовали Его къ себѣ, чтобы сдѣлать Ему предостереженіе, но предостереженіе это пало на ихъ собственныя головы. Они хотѣли уворить Его, сдѣлать внушеніе и затѣмъ, быть можетъ, снисходительно простить на этотъ разъ; но вотъ Онъ самъ дѣлаетъ имъ величавое наставленіе, сопровождаемое строгостью сострадательнаго укора. Они сидѣли вокругъ Него во всемъ пышномъ величіи своей должности, хотѣли устрашить Его своимъ авторитетомъ и сановитостью. Но вотъ они трепещутъ и скрежещутъ зубами, ничего не осмѣливаясь дѣлать, между тѣмъ какъ Онъ въ словахъ, подобныхъ пламени огненному, пронизывающему до самыхъ внутреннихъ составовъ и мозговъ,—въ словахъ, болѣе мудрыхъ и величественныхъ, чѣмъ тѣ, что были сообщены среди громовъ и молній Синая, — объявляетъ о своемъ страшномъ достоинствѣ Сына Божія.

Такимъ образомъ, попытка внушить Ему почтеніе въ мелочнымъ постановленіямъ и бузвенному благочестію, предостеречь отъ смертельной грѣховности совершать чудесныя исцѣленія въ субботній день, можетъ быть, даже наказать Его за незаконное повелѣніе исцѣленному взять и нести свою постель, — потерпѣла полную неудачу. Въ самыхъ первыхъ своихъ словахъ Онъ обнаруживаетъ грубость ихъ взглядовъ и полное невѣжество. Они въ своемъ неразуміи понимали субботу, какъ день, въ который Богъ пересталъ творить вслѣдствіе своего утомленія; Онъ говорилъ имъ, что этотъ священный покой былъ благодѣтельною дѣятельностью. Они, повидимому, думали, какъ иные думаютъ и теперь, что Богъ передалъ свою творческую силу извѣстнымъ бездушнымъ силамъ природы; Онъ говоритъ имъ, что Отецъ Его дѣлаетъ и доселѣ, и самъ Онъ, зная своего Отца и будучи возлюбленъ Имъ, дѣлаетъ вмѣстѣ съ Нимъ и совершить еще большія дѣла, чѣмъ тѣ, которыя Онъ теперь совершилъ. Онъ уже

воскрешалъ духовно умершихъ, но придетъ день, когда всѣ во гробахъ услышатъ голосъ Его; и этотъ голосъ затѣмъ будетъ слышенъ на томъ послѣднемъ страшномъ судѣ живыхъ и мертвыхъ, который передалъ Ему Отецъ.

Самъ ли Онъ только свидѣтельствовалъ о Себѣ? Нѣтъ, о Немъ свидѣтельствовали и продолжали свидѣтельствовать три великихъ свидѣтеля: Іоаннъ, котораго, послѣ непродолжительнаго увлеченія, они отвергли; Моисей, послѣдованіемъ которому они гордились, но не понимали его; Самъ Богъ, которому они поклонялись, но не видѣли и не знали Его. Они сами посылали къ Іоанну и слышали его свидѣтельство; но Онъ не нуждался въ свидѣтельствѣ человѣческомъ и упомянулъ о немъ только ради *нихъ*, потому что даже они хотѣли на время порадоваться при возженномъ Богомъ свѣтильнигѣ этого великаго пророка. Но Онъ имѣлъ свидѣтельство гораздо выше Іоаннова, свидѣтельство чудотворенія, которое Онъ совершаетъ не такъ, какъ совершали пророки—именемъ Божиимъ, но своимъ собственнымъ именемъ, потому что Отецъ Его далъ Ему такую власть. Они не знали этого Отца; свѣтъ Его они оставили ради тьмы, слово Его — ради своихъ собственныхъ измышленій и невѣжества; и они отвергли Того, кого Онъ послалъ. Но было и *третье* свидѣтельство. Если они ничего не знали объ Отцѣ, то, по крайней мѣрѣ, знали (или думали, что знали) Писаніе. Писаніе было въ ихъ рукахъ; они сосчитали даже самыя буквы его; и однако же они отвергали Того, о комъ свидѣтельствуется это самое Писаніе. Не ясно ли, что они—эти праведники, благочестивые, до мелочности точные законники, священники, религіозные вожди своего народа — при всемъ томъ не имѣли въ себѣ любви къ Богу, если они такъ отвергали Его пророка, Его слово, Его дѣла, Его Сына?

Но что же собственно производило въ нихъ всѣ эти горькіе плоды? Не *гордость* ли? Какъ *могли* они вѣровать, принимая славу другъ отъ друга, а не ища той славы, которая исходитъ только отъ Бога? Потому-то они и отвергли Того, который пришелъ во имя Отца своего, между тѣмъ какъ они же готовы были поддаться обману, сдѣлаться жалвою жертвою всякаго ложнаго мессіи, всякаго Іуды, Ѳевды и Баръ-Кохбы (въ іудейской

исторіи было болѣе шестидесяти таковыхъ), которые приходили отъ своего собственнаго имени.

И однако же Онъ не хотѣлъ обвинять ихъ предъ Отцомъ; они имѣли другого обвинителя, того самаго Моисея, на котораго уповали. Да—Моисея, вѣру въ слово котораго они исповѣдывали; надъ самыми ничтожными постановленіями закона котораго они нагромоздили цѣлыя горы преданій и толкованій, — потому что они въ сущности даже *ему* не вѣрили и не повиновались. Еслибы они вѣрили Моисею, то повѣрили бы и Тому, кто говорилъ съ ними, потому что Моисей писалъ о Немъ; но если они такимъ образомъ отвергали истинное значеніе св. Писанія, о любви и благоговѣннн къ которому они заявляли, то какъ могли они повѣрить словамъ, которыя они слушали съ яростью и отвращеніемъ?

Мы знаемъ, съ какимъ смертельнымъ ожесточеніемъ были приняты эти высочія изреченія. Никогда еще Христосъ не говорилъ такъ ясно. Въ Галилеѣ истину касательно себя Онъ какъ бы хотѣлъ постепенно открывать для душъ и разумѣнн тѣхъ, которые слушали Его ученіе и видѣли Его дѣла; въ Іерусалимѣ же, гдѣ служеніе Его было короче, послѣдователей меньше, противники сильнѣе и дѣла Его могущества рѣже, Онъ рѣшился сразу открыть изумленному слуху вождей и правителей народа сущность своего бытія, чтобы лишить ихъ возможности оправдываться невѣдѣніемъ. Яснѣе этого Онъ не могъ уже говорить. Они потребовали Его къ себѣ, чтобы сдѣлать Ему внушеніе за нарушение субботы; вмѣсто того, чтобы оправдывать свой поступокъ, какъ Онъ иногда дѣлалъ это въ Галилеѣ, указаніемъ на то, что высочій нравственный законъ любви превосходитъ и уничтожаетъ низшій законъ простаго буквального и обрядоваго повиновенія, вмѣсто указанія на то, что Онъ дѣйствовалъ только въ томъ духѣ, въ которомъ раньше Его дѣйствовали величайшіе святые и учили величайшіе изъ пророковъ, — Онъ прямо ставитъ Себя выше субботы, какъ господина ея, даже какъ Сына и истолкователя Того, который сотворилъ субботу и который въ продолженіе всего величественнаго теченія природы своимъ Промысломъ не перестаетъ дѣлать и въ этотъ день.

Два страшныхъ обвиненія такимъ образомъ тутъ было у нихъ

на лицо противъ Пророка назаретскаго. Онъ былъ нарушитель ихъ субботы и хулитель ихъ Бога. Первое преступленіе было достаточнымъ основаніемъ для противодѣйствія Ему и для преслѣдованія; второе давало полное оправданіе для настойчивыхъ и дѣятельныхъ стараній погубить Его.

Но въ настоящее время они еще ничего не могли сдѣлать, они могли только выпѣть отъ бессильнаго негодованія, могли только скрежетать зубами и изнемогать отъ злобы. Во всякомъ случаѣ они еще не осмѣливались дѣйствовать. Ихъ удерживала какая-то всемогущая сила. Чась торжества ихъ еще не настала; но съ этого момента въ сердцахъ іудейскихъ священниковъ, раввиновъ и фарисеевъ уже зародился неумолимый, неотмѣняемый приговоръ о преданіи Его насильственной смерти.

При такихъ обстоятельствахъ Иисусу было бесполезно, хуже, чѣмъ бесполезно, оставаться въ Іудеѣ, гдѣ всякій день приносились новыя опасности отъ этихъ озлобленныхъ и могущественныхъ злоумышленниковъ. Онъ не могъ дольше оставаться въ Іерусалимѣ для встрѣчи тамъ приближавшейся Пасхи и долженъ былъ возвратиться въ Галилею; но Онъ возвратился съ яснымъ сознаніемъ рововаго конца, вполне зная, что свѣтлые дни, въ которые Онъ могъ еще трудиться, уже начали подергиваться сумракомъ, и что остальная часть Его труда будетъ уже совершаться съ тайнымъ чувствомъ въ душѣ, что смерть витаетъ надъ Его священной главой.

ГЛАВА XXVIII.

УБИЕНІЕ ІОАННА КРЕСТИТЕЛЯ.

Великій грѣхъ и влѣсться ко грѣху,
Еще грѣшнѣй грѣховну клятву исполнять.

Шекспиръ.

СЪ СКОРБНЫМИ предчувствіями въ своемъ человѣческомъ сердцѣ Спаситель возвратился въ Галилею. Раньше Онъ жестоко отвергнуть былъ въ своемъ собственномъ ничтожномъ Назаретѣ; не менѣ рѣшительно теперь Онъ отвергнуть былъ и въ Іерусалимѣ главнѣйшими представителями

своего народа. Онъ возвращался въ страну, уже омраченную тучами собиравшейся вражды, и едва возвратился, какъ по ней, подобно первому удару унылаго похороннаго колокола, пронеслась вѣсть о страшномъ мученичествѣ. Горѣвшій небеснымъ свѣтомъ свѣтильникъ вдругъ былъ погашенъ въ крови. Великій предтеча, величайшій изъ всѣхъ рожденныхъ женами, славнѣйшій пророкъ и даже бдльшій, чѣмъ пророкъ—былъ гнусно убитъ.

Иродъ Антипа, подъ власть котораго по смерти Ирода Великаго перешла Галилея, былъ самымъ слабымъ и жалкимъ правителемъ, какой только когда-либо позорилъ престолъ несчастной страны. Жестокій, коварный и развратный, подобно отцу своему, онъ къ тому же отличался неудачами въ войнѣ и непостоянствомъ въ мирѣ. Въ немъ, какъ и во многихъ другихъ выдающихся личностяхъ исторіи, невѣріе шло объ руку съ суевѣріемъ. Но и болѣзненные страхи виновной совѣсти не спасали его отъ преступныхъ излишествъ дикой воли. Это былъ человѣкъ, въ которомъ сочетались худшія черты римлянина, грека и жителя востока.

Многочисленные царьки, которые самымъ своимъ существованіемъ обязаны были римскому заступничеству, изъ-за политическихъ видовъ часто дѣлали церемоніальные визиты императору въ Римѣ. Въ одинъ изъ такихъ визитовъ, предпринятый быть можетъ съ цѣлью выразить соболѣзнованіе Тиверію по случаю смерти его сына Друза или матери Ливіи, Антипа во время пребыванія въ Римѣ гостилъ у своего брата Ирода Филиппа (не четвертовластника этого имени, а сына Ирода Великаго и Маріамны, дочери Симона Боетузима), который, будучи лишенъ своимъ отцомъ наслѣдства, проживалъ въ Римѣ въ качествѣ частнаго человѣка. Здѣсь онъ попалъ въ сѣти Иродіады, жены своего брата Филиппа, и за полученное гостепримство оплатилъ тѣмъ, что увезъ ее съ собою. Тутъ было все, что только могло сдѣлать этотъ поступокъ не только неблагоприятнымъ и преступнымъ, но и омерзительнымъ. Ироды довели взаимныя брачныя связи до крайности, какою только отличалась эта худшая и самая распущенная изъ восточныхъ послѣмакедонскихъ династій. Иродіада, будучи дочерью Аристовула, доводилась не только невѣсткой, но и племянницей Антипѣ; у

нея уже была взрослая дочь, прижитая съ мужемъ. Самъ Антипа давно уже былъ женатъ на дочери Ареты или Гарееа, эмира аравійскаго, и оба они не были уже настолько молоды, чтобы оправдывать свой поступокъ даже жалкой ссылкой на юношеское увлеченіе. Единственнымъ искушеніемъ съ его стороны была его животная чувственность; съ ея же стороны — необузданное честолюбіе. Она готова была скорѣе предпочесть вдвойнѣ вросмѣнительное замужество, чѣмъ жить съ единственнымъ изъ Иродовъ, который не могъ похвалиться даже обломкомъ царскаго престола. Антипа обѣщался по возвращеніи изъ Рима сдѣлать ее своей женой, и она взяла съ него слово, что онъ разведется съ своей ни въ чемъ неповинной супругой, дочерью аравійскаго князя.

Но порочныя удовольствія обыкновенно сами дѣлаются и орудіемъ нашего наказанія за нихъ. Именно съ этого времени для Ирода Антипы начался рядъ непріятностей и невгодъ, которыя въ послѣдствіи закончились для него лишеніемъ короны и смертью въ позорной ссылкѣ. Иродіада съ самаго начала сдѣлалась злымъ геніемъ его дома. Народъ былъ возмущенъ и оскорбленъ. Семейныя несогласія обострились. Аравійская княжна, не дожидаясь развода, съ негодованіемъ бѣжала сначала въ пограничный замокъ Махеръ, а затѣмъ въ скалистыя твердыни своего отца Ареты въ каменистой Аравіи. Послѣдній, въ справедливомъ негодованіи, порвалъ всѣ дружественныя отношенія съ своимъ бывшимъ зятемъ и въ послѣдствіи объявилъ ему войну, въ которой отмстилъ за свою дочь нанесеніемъ ему жестокихъ и тяжкихъ пораженій.

Но и это было не все. Грѣхъ былъ наказанъ грѣхомъ, и преступная связь должна была скрѣпиться кровью пророка. Въ веселыхъ и раззолоченныхъ залахъ одного изъ тѣхъ роскошныхъ дворцовъ, построеніемъ которыхъ услаждался Иродъ, развратному тирану быть можетъ и удалось бы укрыться отъ глухого негодующаго ропота своихъ подданныхъ; но былъ одинъ голосъ, который находилъ его и тамъ, мучилъ его совѣсть и не хотѣлъ замолкнуть. Это былъ голосъ Іоанна Крестителя. Какимъ образомъ Иродъ впервые вошелъ въ соприкосновеніе съ нимъ, — мы не знаемъ; но это было вѣроятно послѣ того, какъ

онъ велѣлъ арестовать его въ тѣхъ политическихъ видахъ, будто его ученіе и стекавшіяся къ нему толпы народа угрожали общественной безопасности. Между другими чертами въ характерѣ Ирода было извѣстное суевѣрное любопытство, заставлявшее его придерживаться истинъ религіи, которыя онъ каждый день такъ нагло попиралъ своею жизнью. Онъ потребовалъ Іоанна къ себѣ. Подобно новому Іліѣ передъ новымъ Ахавомъ, въ пустынномъ одѣяніи, въ волосяномъ плащѣ съ кожанымъ поясомъ, суровый и благородный отшельникъ безстрашно предсталъ предъ незаконнымъ царемъ. Его слова, простые слова истины и правды, спокойныя разсужденія о праведности, воздержаніи и грядущемъ судѣ — пали какъ горяція головни на грубую, ледяную совѣсть Ирода. Встревоженный быть можетъ исполненіемъ древняго проклятія Моисеева закона въ бесплодности его связи (Лев. xx, 21), онъ слушалъ его съ неясной и слабой надеждой на исправленіе въ будущемъ. Онъ даже съ радостью дѣлалъ многое ради Іоанна. Но было одно, чего онъ не *хотѣлъ* сдѣлать, быть можетъ сознавая, что не *можетъ* сдѣлать, — это именно отказаться отъ преступной поработившей его любви, или оставить надменную женщину, которая вполнѣ овладѣла имъ, лишивъ его мира. „Не должно тебѣ имѣть жену брата твоего“, прямо заявлялъ неустрашимый пророкъ. Его то и дѣло водили въ великолѣпныя залы дворца, блѣднаго и изможденнаго тюремнымъ заключеніемъ и сознаниемъ безвозвратности разбитыхъ надеждъ; но онъ, вполнѣ сознавая, что все это только разжигало непримиримую вражду въ нему и обрекало его на безысходное заключеніе въ мрачной тюрьмѣ, никогда не колебался высказывать свое суровое обличеніе прямо въ лицо багровѣвшему отъ гнѣва Ироду. Не щадилъ онъ также своимъ строгимъ судомъ и всѣхъ другихъ пороковъ и безумствъ въ его жизни (Лук. iii, 19). Другіе — даже великіе и славные въ другихъ отношеніяхъ люди — умѣютъ находить мягкія слова для грѣховъ царей; но въ огненной душѣ Іоанна, заваленной долгимъ аскетизмомъ до благороднѣйшаго самозабвенія въ пустынѣ, не было страха передъ человѣческой царственностью и снисхожденія къ пороку даже царя. И когда мужество, святость и чистота предстали такимъ образомъ для обличенія позорной низости, рабей и развращенной души, то

можно ли удивляться, что даже среди своих блистательныхъ царедворцевъ и храбрыхъ оруженосцевъ, терзаемый совѣстью, царь терялся и трепеталъ предъ скованнымъ пророкомъ. Но Іоаннъ зналъ, какъ мало можно было полагаться на душу, развѣдаемую ржавчиной застарѣлаго грѣха, и такъ какъ Тотъ, о комъ онъ свидѣтельствовалъ за Іорданомъ, не совершалъ никакого чуда для его освобожденія, то вѣроятно Іоаннъ уже и не ждалъ другого исхода изъ своей тюрьмы—въ Черной крѣпости, кромѣ могилы и вратъ смерти.

Правда, до сихъ поръ боязливость или нерѣшительность Ирода Антипы дали Іоанну—по крайней мѣрѣ его жизни—нѣкоторую защиту отъ злобно-ядовитой ненависти царственной блудницы. Но наконецъ-то, чего ей не удавалось достигнуть вліаніемъ страсти, удалось достигнуть при помощи тонкаго обмана. Она хорошо знала, что даже изъ тюрьмы голосъ Іоанна будетъ могущественнѣе всѣхъ чаръ ея блекнувшей красоты и можетъ наконецъ сорвать съ ея чела преступную корону. Поэтому она ждала только удобнаго случая, и онъ не замедлилъ вскорѣ представиться ей.

Иродіанскіе царьки, подражая пышному примѣру своихъ великихъ первообразовъ, римскихъ императоровъ, любили задавать великолѣпные пиры и справлять блестящія годовщины. Между прочимъ, они усвоили языческій обычай праздновать день рожденія, и Антипа по случаю дня своего рожденія давалъ, — по видимому въ замкѣ Махеръ или въ сосѣднемъ дворцѣ, извѣстномъ подъ именемъ Юлія, — пиръ своимъ вельможамъ, генераламъ и всей знати галилейской. Богатство Иродовъ, роскошная архитектура ихъ многочисленныхъ дворцовъ, ихъ склонность къ необычному блеску — все это дѣлаетъ вѣроятнымъ, что пиръ былъ на славу, со всею роскошью богатства и царскою пышностью, и вообще очевидно былъ однимъ изъ тѣхъ пировъ, которые были подражаніемъ развращеннымъ обычаямъ временъ Римской имперіи и соединяли въ себѣ римскую прозорливость съ іоническою чувственностью. Но Иродіада коварно доставила царю еще одно неожиданное и упоительное удовольствіе, зрѣлище котораго навѣрно могло привести гостей его въ восхищеніе. Въ то время были въ большой модѣ танцоры и танцовщицы. Страсть

въ этомъ, часто неприличнымъ и возмутительнымъ, представленіемъ, естественно проникла въ саддудейскій и полуязыческій дворъ эдомитскихъ узурпаторовъ, и Иродъ Великій построилъ въ своемъ дворцѣ даже особый балетный театръ. Роскошный пиръ этого времени не считался полнымъ, если онъ не заканчивался какимъ-нибудь грандіознымъ пантомимнымъ представленіемъ, и Иродъ несомнѣнно усвоилъ этотъ обычай своего времени. Но онъ и самъ не ожидалъ для своихъ гостей такого рѣдкаго удовольствія, какое доставила имъ княжна, его собственная племянница, внучка Ирода Великаго и Маріамны, слѣдовательно потомокъ Симона первосвященника и представительница великой линіи князей маккавейскихъ, — княжна, сдѣлавшаяся впоследствии женой четвертовластника и матерью царя: она оказала гостямъ особенную честь личнымъ появленіемъ въ роли сценической танцовщицы. Когда пиръ уже кончился и гости были уже пресыщены яствами и упоены виномъ, Саломія, дочь Иродіады, тогда еще въ полномъ разсвѣтѣ своей юной и блистательной красоты, исполнила, какъ сказали бы теперь, раз *seul* предъ собраніемъ этихъ распущенныхъ и полуопьяненныхъ гулякъ. Она „вышла, плясала и угодила Ироду и возлежавшимъ съ нимъ“. И онъ, какъ второй Ксересъ, въ восторгѣ своего пьянаго увлеченія, влялся очаровательной танцовщицѣ въ присутствіи своихъ гостей, что онъ дастъ ей все, чего бы она ни попросила, даже полцарства своего.

Дѣвица побѣжала въ своей матери и спросила: „чего ей просить“? Этого только и ждала Иродіада. Конечно, она могла бы просить платьевъ, драгоценностей, дворцовъ или всего, что только можетъ любить женщина; но подобной личности месть была сладостнѣе и дороже богатства или роскоши, и можно вообразить, съ какою врожадною злостью она прошипѣла бывшій у нея на - готовѣ отвѣтъ: „головы Іоанна Крестителя“. И „тотчасъ, съ поспѣшностью“ отправившись къ царю (какая характерная черта! и какую способную ученицу порочная мать нашла въ своей порочной дочери!), Саломія воскликнула: „Хочу, чтобы ты далъ *мнѣ теперь же* на блюдѣ голову Іоанна Крестителя“. Эта неприличная поспѣшность, эта отвратительная просьба показывала, что въ жилахъ дѣвицы текла неистовая

кровь ея рода. Неужели она думала, что въ то гнусное время и среди этихъ гнусныхъ гостей просьба ея будетъ принята взрывомъ веселаго смѣха? Неужели она надѣялась еще болѣе оживить ихъ веселость чувствомъ развязной порочности, заключавшейся въ просьбѣ, — нѣтъ — въ повелительномъ требованіи молодой и красивой дѣвицы, чтобы теперь же, на одномъ изъ золотыхъ блюдовъ, блиставшихъ на столѣ, дали ей въ собственные руки окровавленную голову пророка, слова котораго заставляли трепетать тысячи смѣлыхъ сердець?

Если такъ, то она ошиблась. Четвертовластникъ во всякомъ случаѣ былъ опечаленъ ея просьбой, которая болѣе чѣмъ отуманила удовольствіе, доставленное ея позорной пляской, — была горькимъ заключеніемъ празднества въ честь дня его рожденія. Страхъ, политика, угрызеніе совѣсти, суевѣріе, даже слабая искра лучшихъ чувствъ, уцѣлѣвшая въ его сердцѣ подъ пепломъ худыхъ страстей, — все это заставляло его съ отвращеніемъ отшатнуться отъ исполненія этой неожиданной просьбы. Онъ чувствовалъ, что былъ блистательно одураченъ и лишенъ воли коварнымъ замысломъ своей, ни предъ чѣмъ не останавливающейся, любовницы. Еслибы хоть одна искра мужества оставалась въ немъ, онъ могъ бы отклонить эту просьбу, которая ни по буквѣ, ни по смыслу не подходила подъ его клятву, потому что жизнь одного нельзя дѣлать подаркомъ другому; или могъ бы смѣло заявить, что если таковъ ея выборъ, то нарушеніемъ своей клятвы онъ сдѣлаетъ ей больше чести, чѣмъ исполненіемъ. Но презрѣнная гордость и страхъ человѣческой взяли въ немъ верхъ надъ лучшими побужденіями: болѣе боясь сужденій своихъ гостей, чѣмъ будущаго терзанія совѣсти, насколько у него оставалось ея, онъ немедленно послалъ палача въ темницу, которая, по всей вѣроятности, была неподалеку отъ покоевъ, гдѣ происходилъ пиръ; и такимъ образомъ, по повелѣнію развратнаго труса и въ угоду гнусной прихоти безстыдной дѣвицы, топоръ палъ на голову благороднѣйшаго изъ пророковъ и отсѣвъ ее прочь.

Это страшное дѣло совершилось тайно, въ сумракѣ темницы, а если кто и видѣлъ его, то побоялся бы рассказать; но палачъ самъ вышелъ изъ тюрьмы, неся за волосы эту благородную

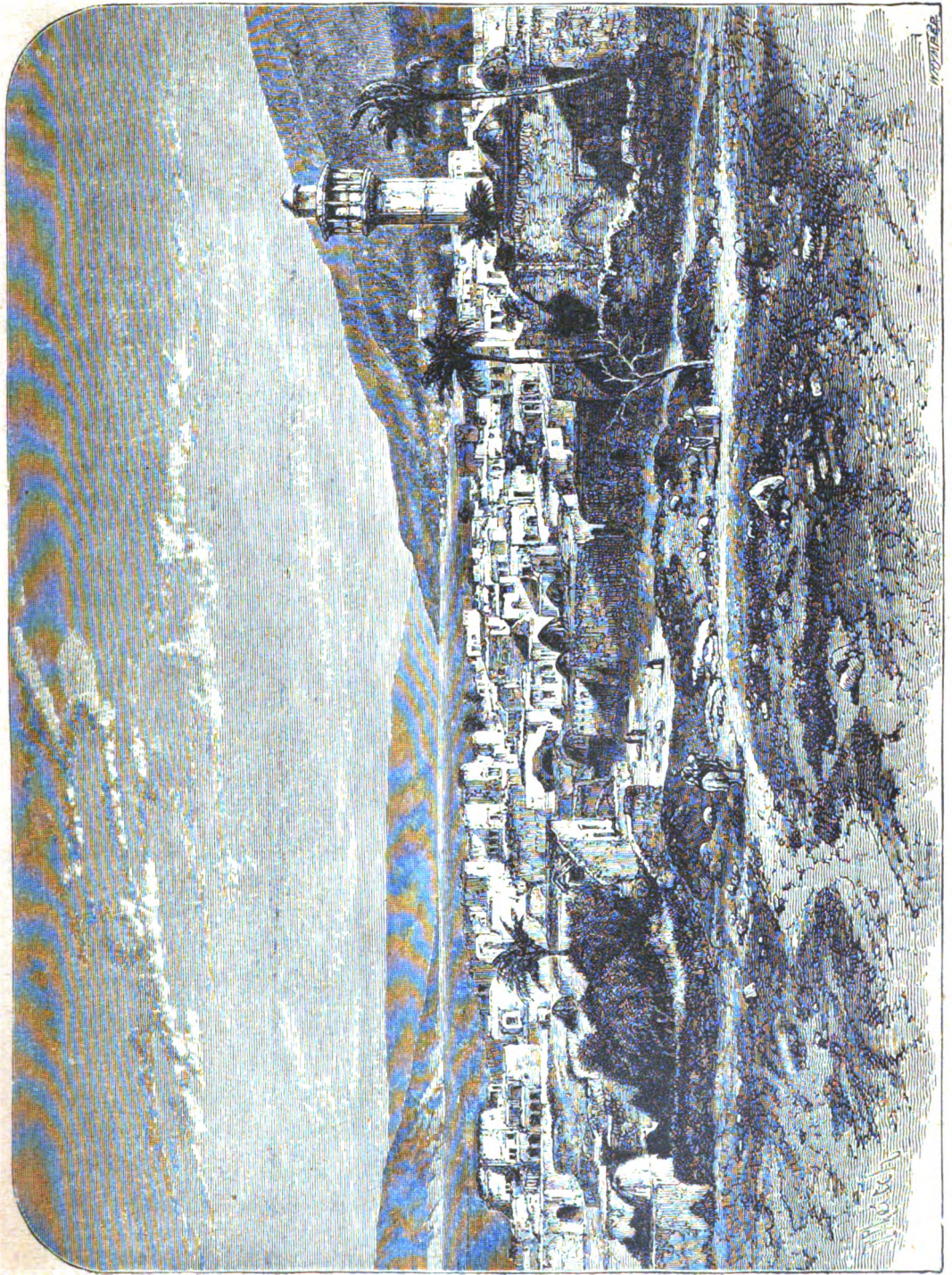
голову, и тутъ же, со всѣми ужасающими признаками только что причиненной смерти, она положена была на блюдо съ царскаго стола. Молодая танцовщица приняла ее и—ужасная теперь, какъ мегера — понесла въ своей матери эту страшную ношу. Будемъ надѣяться, что это ужасающее зрѣлище преслѣдовало ихъ обѣихъ до самой смерти.

Чтоъ сталося съ отсѣченной головой Иоанна,—мы не знаемъ. Преданіе сообщаетъ, что Иродіада приказала выбросить обезглавленный трупъ за стѣны на съѣденіе собакамъ и коршунамъ. Ее во всякомъ случаѣ постигло за то быстрое мщеніе.

Ученики Иоанна, и между ними быть можетъ есей Манаиль, совоспитанникъ Ирода Антипы, взяли тѣло его и похоронили. Затѣмъ они съ преисполненнымъ горечью сердцемъ поспѣшили сообщить Иисусу, что друга Его и предтечи,—перваго, кто свидѣтельствовалъ о Немъ и которому Онъ самъ произнесъ столь великую похвалу,—уже не было въ живыхъ.

Около этого же времени возвратились и апостолы съ своей проповѣднической дѣятельности и рассказали Ему обо всемъ, что они дѣлали и чему учили. Они проповѣдывали покаяніе, изгоняли бѣсовъ и многихъ больныхъ мазали масломъ и исцѣляли (ср. Іак. v, 14). Но лѣтопись ихъ служенія была очень коротка и не особенно радостна. Несмотря на частныя успѣхи, неиспытанная вѣра ихъ повидимому теперь еще оказывалась несоразмѣрною съ тѣмъ высокимъ порученіемъ, которое было возложено на нихъ.

Очень скоро затѣмъ дошла до Иисуса и другая вѣсть, именно, что кровожадный четвертовластникъ развѣдывалъ о Немъ, хотѣлъ Его видѣть и, быть можетъ, намѣревался потребовать Его къ себѣ по возвращеніи въ свой новый дворецъ, Золотой Домъ—въ его новой столицѣ Тиверіадѣ. Проповѣдь двѣнадцати апостоловъ чрезвычайно способствовала распространенію молвы о Спасителѣ среди народа (Марк. vi, 14), такъ что повсюду шли толпы о Немъ. Всѣ допускали, что Онъ имѣлъ право на особенное вниманіе къ себѣ. Нѣкоторые думали, что это — Илія, другіе — Іеремія, иные — что одинъ изъ пророковъ; но Иродъ по своему рѣшалъ этотъ вопросъ. Говорятъ, что когда Теодорихъ приказалъ умертвить Симмаха, онъ былъ преслѣдуемъ и нахо-

Тиврида и озеро Галилейское.

непъ сведенъ съ ума призракомъ искаженныхъ чертъ этого старца, который постоянно глядѣлъ на него изъ блюда за столомъ; то же самое было и съ Иродомъ Антипой. На его пиршество принесена была голова того, котораго въ глубинѣ своей души онъ признавалъ святымъ и праведнымъ; и онъ видѣлъ, какъ эти строгія черты, на которыя онъ часто смотрѣлъ со страхомъ, еще подергивались ужасающей агоніей смерти. Не громче ли и не страшнѣе ли еще исходилъ изъ этихъ мертвыхъ устъ уворъ, который они высказывали при жизни? Развѣ замеръ тотъ голосъ, который говорилъ: „не должно тебѣ имѣть жену брата твоего“, и не слышался ли онъ еще съ большею силою отъ нѣмого призрака смерти? Если мы не ошибаемся, то отсѣченная голова рѣдко съ тѣхъ поръ оставляла изступленное воображеніе Ирода, преслѣдуя его вплоть до той поры, когда онъ лежалъ на своемъ смертномъ одрѣ. И вотъ, когда онъ вскорѣ затѣмъ услышалъ молву о новомъ пророкѣ, который былъ еще могущественнѣе и совершалъ чудеса, которыхъ *никогда* не совершалъ Іоаннъ, — его виновная совѣсть содрогнулась отъ суевѣрнаго страха, и онъ съ ужасомъ началъ говорить своимъ приближеннымъ: „это Іоаннъ, котораго я обезглавилъ; онъ воскресъ изъ мертвыхъ и потому чудеса дѣлаются имъ“. Неужели Іоаннъ опять такъ неожиданно возвратился въ жизни, чтобы начать свое мщеніе? Не подступить ли онъ въ сильнымъ башнямъ Махера во главѣ многочисленной толпы народа, готоваго возстать изъ-за него въ отомщеніе убійцѣ? Или не будетъ ли онъ въ полночь страшною поступью призрака бродить по раззолоченнымъ покоемъ его роскошныхъ дворцовъ?..

Повелительный и буйный характеръ Иродіады былъ постояннымъ бичемъ для спокойствія ея мужа, а ея бѣшенное честолюбіе сдѣлалось въпослѣдствіи прямою причиною его гибели. Когда императоръ Кай Калигула началъ осыпать милостями Ирода Агриппу I, Иродіада, мучимая завистью и недовольствомъ, понуждала Антипу ѣхать вмѣстѣ съ нею въ Римъ и добиться доли отличій, которыми надѣляемъ былъ ея братъ. Главнѣе всего ей хотѣлось, чтобы мужъ ея официально получилъ титулъ царя, вмѣсто того, чтобы довольствоваться скромнымъ титуломъ четвертовластника. Напрасно робкій и больше всего любившій ком-

фортъ спокойной жизни Антипа указывалъ ей на опасность, которую онъ могъ навлечь на себя такою просьбою. Своей неотвязчивостью она настолько отравляла ему жизнь, что онъ, вопреки своихъ болѣе вѣрныхъ соображеній, вынужденъ былъ уступить ей. Событія оправдали его самыя худшія предчувствія. Въ перепутанномъ родѣ Ирода не существовало любви между многочисленными дядями, племянниками и сводными братьями, и Агриппа, изъ политическихъ ли расчетовъ, или изъ зависти, не только выступилъ противъ плана своей сестры и дяди (хотя они помогли ему во время его собственныхъ невзгодъ), но даже прямо послалъ своего отпущенника Фортуната въ Римъ съ обвиненіемъ Антипы въ измѣнническихъ замыслахъ. Четвертовластнику не удалось очистить себя отъ обвиненія, и въ 39 году по Р. Х. онъ сосланъ былъ въ Лугдунумъ (Лионъ) въ Галліи. Иродіада, по собственной ли охотѣ, или по нуждѣ и отчаянію, сопровождала его въ ссылку, и здѣсь оба они умерли въ безвѣстности и позорѣ. Саломія танцовщица—эта Лукреція Борджіа Иродова дома—отселъ исчезаетъ изъ исторіи. Преданіе сообщаетъ о ней, что она скоро погибла насильственной смертью.

ГЛАВА XXIX.

НАСЫЩЕНІЕ ПЯТИ ТЫСЯЧЪ НАРОДА И ХОЖДЕНІЕ ПО МОРЮ.

Путь Твой на морѣ, и стезя Твоя въ водахъ великихъ, и слѣды Твои невѣдомы.
Псал. lxxvi, 20.

УДО насыщенія пяти тысячъ народа есть одно изъ немногихъ, совершенныхъ Христомъ въ теченіе своего служенія, чудесъ, о которыхъ повѣствуютъ всѣ четыре евангелиста (Мѡ. xiv, 13 — 33; Марк. vi, 30 — 52; Лук. ix, 10—17; Иоан. vi, 1—21), и такъ какъ ев. Иоаннъ помѣщаетъ его послѣ безыменнаго праздника и какъ разъ передъ Пасхой, а синоптики вслѣдъ за возвращеніемъ двѣнадцати апостоловъ и умерщвленіемъ Иоанна Крестителя, то мы едва ли ошибаемся, вводя его здѣсь въ наше повѣствованіе.

Только-что законченныя путешествія апостоловъ, собственныя недавнія столбовенія Христа, ударъ отъ страшной только-что дошедшей вѣсти о судьбѣ Іоанна, постоянный наплывъ волнуемой толпы, поглощавшей у нихъ все время — еще разъ заставили священное общество искать отдыха и уединенія для возстановленія бодрости и силъ. „Пойдите вы одни, сказалъ Спаситель, въ пустынное мѣсто и отдохните немного“.

У сѣверовосточнаго угла озера, немного подальше того мѣста, гдѣ впадаетъ въ него Іорданъ, была вторая Виесаида или „Рыбный домъ“; подобно своей западной соимениницѣ, она сначала была маленькимъ селеніемъ, но незадолго передъ тѣмъ Филиппъ, четверговластникъ Итуреи, расширилъ и украсилъ ее, назвавъ для отличія Виесаидой Юлиной. Прибавочное названіе было дано ей въ честь Юліи, прекрасной, но порочной дочери императора Августа. Полуязыческіе иродіанскіе города, съ своею подражательною греческою архитектурой и льстивыми римскими названіями, повидимому, скорѣе отталкивали, чѣмъ привлекали Христа, и хотя большую часть своей дѣятельности Онъ совершалъ по соудству съ большими городами, но мы не знаемъ ни объ одномъ городѣ, кромѣ Іерусалима, въ которомъ бы Онъ училъ когда-нибудь. Но въ югу отъ Виесаиды Юлиной находилась зеленая узкая равнина Эл-Батиха, которая вмѣстѣ съ тѣснящимися кругомъ нея горами была тогда такъ же необитаема, какъ и теперь. Туда-то направилось маленькое судно съ Христомъ и апостолами, утомленныя и отягченныя сердца которыхъ искали покоя. Но какъ ни тихъ былъ ихъ отбѣздъ, онъ не прошелъ незамѣченнымъ, и скоро узнали о немъ. Уединенный и пустынный берегъ, въ которому направились они, находился только въ десяти верстахъ по озеру отъ Капернаума. Лодка, задержанная, очевидно, неблагоприятнымъ вѣтромъ, медленно подвигалась впередъ неподалеку отъ берега, и когда она достигла своего назначенія, то оказалось, что цѣль, съ которой собственно они и направились сюда, была совершенно не достигнута. Нѣкоторые изъ народа опередили ихъ и толпились уже у пристани, когда лодка воснулась кремнистаго берега, а въ отдаленіи виднѣлась даже толпа пасхальныхъ паломниковъ, которые свернули съ своего прямого пути, привлекаемые возрастающею славою невѣдомаго Пророка. Исусъ тро-

нужь былъ состраданіемъ къ нимъ, потому что они были какъ овцы, не имѣющія пастыря. Изъ евангелія Іоанна можно заключать, что по выходѣ на берегъ Іисусъ и Его ученики взобрались на склонъ горы и тамъ поджидали, когда соберется весь народъ. Затѣмъ, сойдя къ народу, Онъ училъ его, проповѣдывалъ о царствіи небесномъ и исцѣлялъ больныхъ.

День склонялся къ вечеру, и солнце уже начало укрываться за западными холмами, а народъ все еще оставался здѣсь, очарованный этимъ исцѣляющимъ голосомъ и этимъ святымъ ученіемъ. Скоро долженъ былъ наступить вечеръ, и послѣ короткихъ восточныхъ сумерекъ странствующая толпа народа, въ своей восторженности пренебрегавшая даже существенными потребностями жизни, оказалась бы во мракѣ, голодная и вдали отъ всякаго человѣческаго обитанія. Ученики начали беспокоиться, чтобы день этотъ не закончился какой-нибудь печальной развязкой, которая дала бы новый поводъ къ нападкамъ со стороны уже ожесточенныхъ враговъ ихъ Учителя. Но Его собственное состраданіе уже предупредило ихъ опасенія, и Онъ самъ сообщилъ о затрудненіи Филиппу. Произошло небольшое совѣщаніе. Для покупки даже по куску хлѣба для такой массы народа потребовалось бы по крайней мѣрѣ двѣсти динаріевъ (около пятидесяти рублей); но даже еслибы у нихъ и была такая сумма въ ихъ общей казнѣ, то все-таки теперь уже не было ни времени, ни возможности сдѣлать необходимыя закупки. Андрей упомянулъ при этомъ, что у одного мальчика тутъ было пять ячменныхъ хлѣбовъ и двѣ рыбы, но онъ сказалъ это тономъ отчаянія, показывавшимъ крайнюю беспомощность, и той единственной мысли, которая пришла ему на умъ.

„Велите имъ возлечь“, спокойно отвѣтилъ Іисусъ.

Удивляясь и ожидая чего-нибудь необычайнаго, апостолы велѣли народу расположиться какъ бы для ужина на богатой зелени, которая въ это пріятное весеннее время покрывала склоны холмовъ. Они разсадили его рядами по сту и по пятидесяти, и когда народъ сидѣлъ правильными группами на травѣ, то яркіе красные, голубые и желтые цвѣта одеждъ, носимые даже послѣдними бѣдняками на востокѣ, напоминали въ воображеніи ап. Петра множество цвѣточныхъ грядъ въ какомъ-ни-

будь хорошо обработанномъ садѣ. И затѣмъ, ставъ посреди своихъ гостей, радуясь дѣлу милосердія, совершить которое имѣлось въ виду, Иисусъ, поднявъ свои очи къ небу, возблагодарилъ, благословилъ хлѣбы, разломилъ ихъ на части и отдалъ ученикамъ своимъ, чтобы они раздали народу; на всѣхъ также Онъ раздѣлилъ и двѣ рыбы. Это былъ скромный, но достаточный, а для голодныхъ странниковъ даже восхитительный ужинъ. И когда всѣ насытились, то Иисусъ съ цѣлью не только показать своимъ ученикамъ, что въ дѣйствительности совершилось, но и дать имъ также памятное наставленіе, что расточительность даже чудесной силы совершенно чужда божественному домо-строительству, повелѣлъ имъ собрать оставшіеся куски, чтобы ничего не пропало. Благодаря правильному расположенію народа, видно было, что тутъ насыщено было около пяти тысячъ чловѣкъ, не считая женъ и дѣтей, и однако же послѣ всего этого было наполнено двѣнадцать корзинъ тѣмъ, что осталось отъ нихъ несѣденнымъ.

Чудо это произвело глубокое впечатлѣніе. Оно какъ разъ соотвѣтствовало ходячему ожиданію, и народъ началъ толковать между собой, что это несомнѣнно „тотъ Пророкъ, которому должно прійти въ міръ“, — *Шилд* благословенія Іакова, звѣзда и скипетръ видѣнія Валаамова, пророкъ подобный Моисею, которому должно повиноваться, можетъ быть Ілія, обѣтованный предсмертнымъ завѣщаніемъ древняго пророчества, можетъ быть Іеремія, который пришелъ открыть потаенное мѣсто нахождения ковчега, Урима и священнаго огня. Иисусъ замѣтилъ эту нескрываемую возбужденность, а также и опасность, что народный восторгъ могъ перейти въ насиліе и ускорить Его смерть открытымъ возстаніемъ противъ римскаго правительства въ попыткѣ сдѣлать Его царемъ. Онъ видѣлъ также, что и Его ученики не чужды были этого мірскаго и опаснаго возбужденія. Необходимо было поэтому дѣйствовать рѣшительно. Пользуясь своею властью, Онъ заставилъ учениковъ сѣсть въ лодку и раньше Его отправиться за озеро по направленію къ Капернауму или западной Внесайдѣ. Необходимо было даже нѣкоторое понужденіе, потому что имъ естественно не хотѣлось оставить Его среди восторженнаго народа на этомъ пустынномъ

берегу и, напротивъ, хотѣлось бы присутствовать здѣсь, если только что-нибудь великое готовилось совершиться съ Нимъ. Съ другой стороны, для Него было легче отдѣлаться отъ народа, когда послѣдній видѣлъ, что даже ближайшіе Его друзья и ученики были отосланы Имъ.

Такимъ образомъ, при сгущающемся сумракѣ Ему удалось вкратку и постепенно убѣдить народъ оставить Его, и когда всѣ, кромѣ самыхъ восторженныхъ, разошлись по своимъ домамъ или караванамъ, Онъ вдругъ покинулъ и остальныхъ и быстро ушелъ отъ нихъ на вершину горы, чтобы тамъ помолиться наединѣ. Онъ чувствовалъ, что наступалъ страшный и торжественный переломъ въ Его жизни на землѣ и общеніемъ съ своимъ небеснымъ Отцомъ хотѣлъ уврѣпить свою душу для труднаго дѣла завтрашняго дня и тяжелыхъ невзгодъ многихъ послѣдующихъ недѣль. И раньше Онъ провелъ въ горномъ безмолвіи ночь въ уединенной молитвѣ, но то было передъ избраніемъ своихъ любимыхъ апостоловъ и передъ добрыми, предзнаменованіями своего начальнаго и счастливаго служенія. Совершенно иными были чувства, съ которыми великій Первосвященникъ взбирался по скалистымъ уступамъ на этотъ величественный горный алтарь, который въ храмѣ ночи какъ бы ближе возносилъ Его къ звѣздамъ Божиимъ. Убіеніе Его возлюбленнаго предтечи больше приблизило къ Его сознанію мысль о смерти; и Онъ нисколько не обманывался на счетъ короткаго блеска непрочной популярности, которая могла исчезнуть на слѣдующій же день. Буря, начинавшая завывать по горамъ, вѣтеръ, съ воемъ рвавшійся по ущельямъ, озеро, бушевавшее передъ Нимъ вспѣнными водами, лодка, которую, какъ видно было Ему при лунномъ свѣтѣ, пробивавшемся кое-гдѣ черезъ тучи, подбрасывало свирѣпыми волнами, — все это поразительно соответствовало измѣнившимся надеждамъ Его жизни. Но тутъ, на пустынной вершинѣ горы, въ эту бурную ночь, Онъ могъ получить подкрѣпленіе, миръ и блаженство неизреченное, потому что тамъ Онъ былъ наединѣ съ Богомъ. И такимъ образомъ, надъ этой одиноко склонившейся въ молитвѣ фигурой на горахъ и надъ тѣми, что боролись внизу съ разъяренной стихіей, спустилась ночная тьма и выли бурные вѣтры.

Проходилъ часъ за часомъ. Наступала уже четвертая стража ночи; лодва прошла еще только половину своего пути; было темно, противный вѣтеръ и бушующія волны затрудняли ученикамъ путь; они до изнеможенія работали на веслахъ, а между тѣмъ теперь съ ними не было Того, кто могъ бы успокоить ихъ и спасти, потому что Иисусъ остался на берегу. Онъ былъ одинъ на сушѣ, а они колыхались на опасной стихіи; но Онъ все время видѣлъ и жалѣлъ ихъ. И вотъ наконецъ, находясь въ послѣдней крайности, они увидѣли какой-то блескъ во тьмѣ: какая-то страшная фигура съ развѣвающимися одеждами подвигалась къ нимъ, ступая по гребнямъ валовъ (Иов. ix, 8), но какъ будто намѣреваясь пройти мимо ихъ. При видѣ этого они въ ужасѣ вскрикнули, думая, что это призракъ, блуждающій по волнамъ. Посреди бури и мрака имъ (все равно, какъ часто и намъ, когда среди бурь и невзгодъ жизни житейское море кажется такъ великимъ и наши лодки такъ малыми) прозвучалъ божественный голосъ мира, который сказалъ: „это Я — не бойтесь!“

Голосъ этотъ успокоилъ ихъ страхи и они тотчасъ же хотѣли принять Его въ лодку; но порывистая любовь Петра, — сильная пылкость того, который въ своемъ отчаявавшемся самосознаніи нѣкогда кричалъ „отойди отъ меня“, — теперь не можетъ даже ждать Его приближенія и онъ одушевленно восклицаетъ: „Господи! если это Ты, повели мнѣ придти къ Тебѣ по водѣ“.

„Иди!“ былъ отвѣтъ.

И Петръ бросился съ лодки въ выпяція волны. Когда взглядъ его былъ устремленъ на Господа, вѣтеръ бесплодно рвалъ его волосы и волны обрызгивали его одежды, — для него все было ни-почемъ; но когда, при заколебавшейся вѣрѣ, онъ глянулъ на яростныя волны и мрачную бездну подъ нимъ, то началъ тонуть, и голосомъ отчаянья (уже совсѣмъ не похожимъ на его прежній увѣренный тонъ) онъ слабо вскрикнулъ: „Господи, спаси меня!“ И Иисусъ не оставилъ его безъ помощи. Онъ тотчасъ же, съ улыбкой сожалѣнія, протянулъ ему руку и поддержалъ своего тонущаго ученика, съ кроткимъ упрекомъ: „Маловѣрный! зачѣмъ ты усумнился?“ И затѣмъ, съ удовлетворенною любовью

и наказанной самоувѣренностью, смущенный апостоль вмѣстѣ съ своимъ Господомъ вошелъ въ лодку; вѣтеръ быстро затихъ и они скоро приблизились къ залитому луннымъ свѣтомъ берегу и прибыли въ пристань, гдѣ имъ слѣдовало быть; и всѣ — какъ ученики, такъ и лодочники — переполнялись все большимъ и большимъ удивленіемъ и нѣкоторые изъ нихъ, обращаясь къ Нему съ титуломъ, который раньше прилагалъ къ Нему только Наэанаиль, восклицали: „Истинно Ты Сынъ Божій!“

Остановимся нѣсколько подольше на этомъ чудесномъ повѣствованіи, быть можетъ между всѣми другими наиболѣе трудномъ для нашей слабой вѣры или нашего разумѣнія. Нѣкоторые пытались различными способами отнять у него чудесный характеръ и старались показать, что выраженіе — „по морю“, можетъ просто означать то, что Іисусъ шелъ вдоль берега параллельно съ лодкой, или даже — во тьмѣ апостолы думали сначала, что Онъ шелъ по морю. Но такія увертки праздны и излишни. Если кто находитъ себя неспособнымъ вѣрить въ чудеса и даже считаетъ ненужнымъ достигать самой вѣры, которая принимаетъ ихъ, то пусть онъ остается при своемъ собственномъ убѣжденіи и честно держится истины, какъ понимаетъ ее. Не намъ и не кому бы то ни было судить другого: предъ самимъ Господомъ найдетъ Онъ судъ свой или оправданіе. Но пусть онъ и не пытается вносить такое невѣріе въ ясное повѣствованіе евангелистовъ. Что *они* имѣли въ *намѣреніи* описать изумительное чудо, это безспорно для всякаго, кто тщательно читаетъ ихъ слова; и если, какъ мы сказали уже раньше, вѣруя въ Бога, мы вѣруемъ въ божественное промышленіе о жизни людей, а вѣруя въ это божественное промышленіе, вѣримъ въ возможность чудесъ, принимаемъ за истину воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа, и вѣруя въ воскресеніе, вѣруемъ, что онъ дѣйствительно есть Сынъ Божій, — тогда, какъ бы ни глубоко мы сознавали красоту, непреоборимость и силу законовъ естественныхъ, мы еще глубже сознаемъ могущество Того, кто содержитъ эти законы и все, что создано ими, въ длани руки своей; чудо, при такомъ взглядѣ, станетъ для насъ никакъ не болѣе поразительнымъ, чѣмъ и всякое явленіе природы, и мы не будемъ находить невозможною мысль, что Пославшій Сына своего на

землю принять смерть ради насъ предоставилъ Ему и всякую власть на землѣ.

Поэтому, если мы, подобно Петру, устремляемъ взоры наши на Спасителя, то также можемъ спокойно и торжественно ходить по вздымающимся волнамъ невѣрія и безстрашно среди бушующихъ вѣтровъ сомнѣнія; но если мы отвратимъ свои взоры отъ Того, въ котораго увѣровали, если мы (и это такъ бываетъ легко и мы такъ часто поддаемся искушенію въ тому) будемъ смотрѣть скорѣе на силу и ярость этихъ страшныхъ и разрушительныхъ стихій, чѣмъ на Того, который можетъ помочь и спасти, тогда, конечно, и мы неизбѣжно потонемъ. О, если мы все болѣе и болѣе чувствуемъ, что волны грозятъ потопить насъ, и бездна готова поглотить бросаемый корабль нашей церкви и вѣры, то да сподобимся и мы опять слышать среди бури и мрака, среди злобѣщихъ голосовъ брани, эти два изъ благодатнѣйшихъ изреченій Спасителя:

„Не бойся, только вѣруй!“
 „Это Я, не бойтесь!“

ГЛАВА XXX.

БЕСѢДА ВЪ КАПЕРНАУМЪ.

Милость Его не ограничивается тѣлеснымъ.

Вл. Августинъ.

В АРЯ этой ночи возвѣстила день, въ который совершилось одно изъ самыхъ печальныхъ событій въ жизни Спасителя. Въ этотъ именно день въ синагогѣ въ Капернаумѣ Онъ самъ намѣренно разсѣялъ мглу той летучей популярности, какая могла образоваться въ отношеніи Его личности и Его дѣла вслѣдствіе чудеснаго насыщенія толпы, и подвергъ не только своихъ праздныхъ слушателей, но даже и нѣкоторыхъ изъ своихъ ближайшихъ учениковъ испытанію, котораго не выдержала ихъ любовь къ Нему. Эта бесѣда въ синагогѣ составляетъ замѣтный поворотъ на Его жизненномъ пути.

Она сопровождалась выраженіями изумленнаго неудовольствія, бывшаго какъ бы первымъ рокотомъ той бури ненависти и гоненія, которая затѣмъ разразилась надъ Его головой.

Мы уже видѣли, что нѣкоторые изъ народа, побуждаемые пустою жаждою необычайности и ненасытнымъ любопытствомъ, оставались на равнинѣ у Виесаиды Юлиной, чтобы слѣдить за дѣйствіями Иисуса и принять непосредственное участіе въ томъ мессіанскомъ торжествѣ, наступленія котораго они немедленно ожидали. Они видѣли, какъ Онъ отпустилъ своихъ учениковъ, и, быть можетъ, слѣдили также за Нимъ, когда Онъ восходилъ на гору одинъ; они видѣли, что вѣтеръ былъ противный и что ни одна еще лодка, кромѣ лодки учениковъ, не отплывала отъ берега; поэтому они были увѣрены, что найдутъ Его одного гдѣ-нибудь на горахъ, высившихся надъ равниной. И однако же, когда разсвѣтало, они не находили Его ни на равнинѣ, ни на холмахъ. Между тѣмъ нѣсколько лодокъ, быть можетъ, пригнанныхъ черезъ озеро той же самой бурей, которая замедляла противоположное плаваніе учениковъ, прибыло изъ Тиверіады. Они воспользовались ими, чтобы переправиться въ Капернаумъ, и тамъ, уже раннимъ утромъ, они нашли Его. Послѣ всѣхъ трудовъ и волненій вчерашняго дня, послѣ дня скорбныхъ извѣстій и непрестаннаго труда, послѣ ночи, проведенной въ бурномъ уединеніи и непрерывной молитвѣ, Онъ спокойно сидѣлъ и училъ въ синагогѣ.

„Равви, когда Ты сюда пришелъ?“—съ естественнымъ удивленіемъ спрашивали они. Но на этотъ вопросъ не послѣдовало отвѣта. Чудо хожденія по водѣ было вызвано необходимостью и милосердіемъ; оно нискоимъ образомъ не касалось и не предназначалось для нихъ; да и не совершеніемъ чудесъ только Христось хотѣлъ привязать ихъ къ себѣ или убѣждать ихъ въ вѣрѣ. Поэтому, ясно читая въ ихъ сердцахъ и зная, что они искали Его съ тою именно мыслью, которая была менѣе всего пріятна Ему, Онъ спокойно отдернулъ завѣсу, быть можетъ, полусознательнаго лицемѣрія, скрывавшую ихъ отъ самихъ себя, и упрекнулъ ихъ за то, что они искали Его тамъ съ цѣлью получить что-нибудь отъ Него, — „не потому, что видѣли чуда, но потому, что ѣли хлѣбъ и насытились“. Тотъ, кто ни-

когда не отвергалъ вопля страдальца, никогда не отказывался отвѣчать на вопросы вѣрующаго, кто никогда не сломилъ трости колеблющейся и не потушилъ бы льна курящагося, — сразу отвергъ фальшивое словесное служеніе низкаго своекорыстія и грубаго любопытства. Но онъ далъ имъ вѣчное наставленіе: „старайтесь не о пищу тлѣнную, но о пищу, пребывающей въ жизнь вѣчную, которую дастъ вамъ Сынъ Человѣческій; ибо на Немъ положилъ печать свою Отецъ Богъ“.

Сначала они какъ будто были тронуты и устыдились. Онъ вѣрно прочиталъ помыслы ихъ сердець, и они спросили Его: „что намъ дѣлать, чтобы творить дѣла Божіи?“

„Вотъ, дѣло Божіе, чтобы вѣровали въ Того, кого Онъ послалъ“.

„Какое же Ты дашь *знаменіе*, чтобы мы увидѣли и повѣрили Тебѣ? Отцы наши ѣли манну въ пустынѣ, какъ написано: хлѣбъ съ неба далъ имъ ѣсть“ (Пс. lxxvii, 24). Выводъ былъ очевиденъ. Моисей давалъ имъ манну съ неба. Иисусъ же доселѣ — намекали они — далъ имъ только ячменныхъ хлѣбовъ съ земли. Если же Онъ истинный Мессія, то не долженъ ли Онъ, согласно со всѣми сказаніями этого народа, надѣлать ихъ богатствомъ и славой, угощать ихъ гранатовыми яблоками изъ Едема и краснымъ виномъ изъ винограднаго точила, мясомъ бегемота и левіаѳана и великой птицы баръ-юхны? Но не могли ли самый псаломъ, приведенный ими, показать имъ, какъ было бы не только бесполезно, но и хуже чѣмъ бесполезно, еслибы Иисусъ далъ имъ манну, которую они по своему грубому буквѣнству считали пищею ангеловъ? Не выразительно ли показываетъ Давидъ въ этомъ псалмѣ, что дать имъ такое благо, значило бы заставить ихъ алчно просить еще, и что если Богъ давалъ ихъ отцамъ больше, то только потому, „что они не вѣровали въ Бога и не уповали на спасеніе Его“, но когда еще „пища была въ устахъ ихъ, гнѣвъ Божій пришелъ на нихъ, убилъ тучныхъ изъ нихъ, и юношей израилевыхъ низложилъ.“ И не показываетъ ли Давидъ, что, несмотря на полное удовлетвореніе похотей сердець ихъ, они и раньше и послѣ этого не только не вѣровали и не смирялись, но грѣшили все больше и больше противъ Бога и раздражали Его опять и опять? Не

доказывала ли рѣшительно вся прошлая исторія этого народа, что вѣра должна корениться въ болѣе глубокихъ основахъ, чѣмъ знаменія и чудеса, и что злое сердце невѣра должно быть тронуту болѣе благородными чувствованіями, чѣмъ удивленіемъ дѣламъ всемогущей руки?

Но Иисусъ сразу повелъ въ болѣе возвышенную область, чѣмъ убѣжденіе чрезъ исторію. Онъ говоритъ имъ, что манну давалъ имъ съ неба не Моисей, а Богъ, и что манна только въ иносказательномъ смыслѣ была хлѣбомъ съ небесъ, а Отецъ Его даетъ имъ теперь истинный хлѣбъ съ небесъ, именно хлѣбъ Божій, который сходитъ съ небесъ и даетъ жизнь міру.

Умы ихъ все еще плѣнялись простыми матеріальными образами, надежды ихъ еще гнались за простыми матеріальными благами, и они просятъ этого хлѣба съ небесъ съ такимъ же рвеніемъ, съ какимъ самарянка просила воды, утоляющей всякую жажду. „Господи! подавай намъ всегда такой хлѣбъ!“

Иисусъ же сказалъ имъ: „Я есмь хлѣбъ жизни; приходящій ко Мнѣ не будетъ алкать, и вѣрующій въ Меня не будетъ жаждать никогда“; и затѣмъ Онъ сталъ выяснять имъ, что Онъ пришелъ творить волю Отца, воля же Его есть та, чтобы всякій вѣрующій въ Его Сына имѣлъ жизнь вѣчную.

Тогда опять послышался гнѣвный ропотъ, на этотъ разъ уже не отъ невѣжественнаго народа, но отъ старыхъ Его противниковъ, вождей іудейскихъ: „Какъ говорить Онъ: Я смель съ небесъ? Какъ можетъ Онъ говорить: Я есмь хлѣбъ, спедшій съ небесъ? Не Иисусъ ли это, сынъ Іосифовъ, котораго отца и мать мы знаемъ?“

Иисусъ никогда не отвѣчалъ на подобные негодующіе возгласы касательно своего происхожденія и не открывалъ грубымъ толпамъ великой тайны своего земного рожденія. Онъ не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ съ Богомъ. Но Онъ и не спѣшилъ заявлять о своей божественности или требовать должнаго ей почтенія. Онъ только постепенно открывалъ людямъ свѣтъ своей божественной природы, не сразу во всемъ его полуденномъ блескѣ, но тихо, какъ утренній свѣтъ, постепенно разгоравшійся въ Его ученіи и дѣлахъ. Въ полнѣйшемъ и глубочайшемъ смыслѣ „Онъ уничижилъ Себя Самого“.

Но Онъ отвѣчалъ ропщущимъ, какъ и всегда, болѣе сильнымъ, болѣе полнымъ и яснымъ провозглашеніемъ той именно истины, которую они отвергали. Такъ Онъ поступилъ съ Никодимомъ, такъ же поучалъ женщину самарянку и такъ же отвѣчалъ старѣйшинамъ храма, привлечшимъ Его въ отвѣтственности за нарушеніе субботы. Но робкій раввинъ и заблуждающаяся женщина были достаточно вѣрующими и серьезными, чтобы глубже проникать въ Его слова и смиренно добиваться ихъ значенія, и, такимъ образомъ, подойти къ истинѣ. Иное дѣло эти слушатели. Богъ привлечь ихъ ко Христу, а они отвергли это милостивое благодѣяніе, безъ котораго сами они не могли бы придти. Когда Иисусъ напомнилъ имъ, что манна не была жизненною пищею, такъ какъ отцы ихъ ѣли ее и умерли, но что Онъ самъ есть хлѣбъ жизни, ядущіе который будутъ жить во вѣкъ, и когда еще болѣе поразительнымъ языкомъ прибавилъ, что этотъ хлѣбъ есть *Его плоть*, которую Онъ намѣревался отдать за жизнь міра, то вмѣсто того, чтобы искать истиннаго значенія этого иносказанія, они сдѣлали его предметомъ простого буквального критицизма и только спорили между собой изъ-за празднаго вопроса: „какъ Онъ можетъ дать намъ ѣсть плоть свою?“

Настолько плотяны были ихъ души, а плотская душа — смертная. Они не искали истины, и она все болѣе и болѣе отнималась отъ нихъ. Они не имѣли ничего, и поэтому у нихъ отнималось даже и то, что имѣлось у нихъ. Языкомъ еще болѣе возвышеннымъ, въ образахъ еще болѣе поразительныхъ по своей необычайности, Иисусъ говорилъ имъ: „если не будете ѣсть плоти Сына человѣческаго, и пить крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни“; и затѣмъ, еще болѣе усиливая и расширяя эти великія истины, Онъ сказалъ: „ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, слова эти были трудны, и для тѣхъ, которые приходили съ упорнымъ и лживымъ духомъ, оскорбительны; нѣтъ сомнѣнія также, что страданіе и смерть Христа Спасителя и тайна того святого таинства, въ которомъ мы духовно ѣдимъ Его плоть и пьемъ Его кровь, дали намъ возможность яснѣе понимать ихъ смыслъ; однако же въ словахъ, которыя Онъ упо-

треблялъ, заключалось достаточно и болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы отгнѣнить всякому внимательному слушателю великую истину, уже извѣстную изъ закона, что „не хлѣбомъ однимъ жить будетъ человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ“, и дальнѣйшую истину, что [вѣчная жизнь, жизнь души находится въ глубочайшемъ и тѣснѣйшемъ изъ всѣхъ возможныхъ общеній съ жизнью и ученіемъ Того, который говорилъ. Нужно помнить при этомъ, что если тайная вечера пролила для насъ болѣе ясный свѣтъ на смыслъ этой бесѣды, то, съ другой стороны, иносказанія, употребленныя Иисусомъ, не имѣли для образованнаго іудея и сотой доли той странности, какую они имѣютъ для насъ. Іудейская литература была вполне знакома съ символизмомъ, который подъ „яденіемъ“ представлялъ полное принятіе или воплощеніе истины, и подъ „хлѣбомъ“ — духовное ученіе. Даже простой картинный геній еврейскаго языка давалъ ключъ въ правильному толкованію этихъ оборотовъ. Тѣ, кто слушали Христа въ синагогѣ капернаумской, должны были почти невольно вспоминать подобныя же выраженія ихъ собственныхъ пророковъ; и такъ какъ бесѣда эта была завѣдомо иносказательною, такъ какъ Иисусъ выразительно отвергъ всѣ чувственныя бредни іудейства, то вполне ясно, что непониманіе Его ученія зависѣло съ ихъ стороны, главнымъ образомъ, не отъ разума, а отъ воли. Изреченіе Его было трудно, какъ замѣчаетъ блаженный Августинъ, только для жестовыхъ сердецъ, и невѣроятно только для невѣрующихъ. Если хлѣбъ есть образъ всякаго *земного* питанія, то „хлѣбъ съ небесъ“ можетъ вполне выражать всякое *духовное* питаніе, все, что питаетъ и поддерживаетъ жизнь вѣчную. То же, чему Онъ хотѣлъ научить ихъ теперь, была истина, что жизнь вѣчная заключается въ Сынѣ Божіемъ. Поэтому тѣ, которые бы хотѣли имѣть жизнь вѣчную, должны пользоваться этимъ хлѣбомъ съ небесъ, или, употребляя другой и болѣе выразительный образъ, должны ѣсть плоть и пить кровь Сына человѣческаго. Они должны *питаться Имъ по вѣрѣ въ сердцахъ своихъ*. Они могли принять или отвергнуть истину, которую Онъ отерывалъ ихъ совѣсти, но тутъ не могло быть мѣста для какого бы то ни было извиненія мнимой неспособностью понять ея смыслъ.

Бываетъ ученіе, ближайшею цѣлью котораго служить не только наставленіе, но и испытаніе. Такова же была цѣль и этой достопамятной бесѣды. Чтобы правильно понять ее, требовалось усиліе не только разума, но и воли. Ею имѣлось въ виду положить вонецъ простымъ себялюбивымъ надеждамъ того сборища высокоумныхъ мечтателей, кощунственное благочестіе которыхъ было лишь прикрытіемъ для суеты міра сего; ею имѣлось также въ виду предложить представителямъ іудейства ученіе, для уразумѣнія котораго они слишкомъ преисполнены были ненависти и матеріализма. Но ея испытующая сила шла еще глубже. Даже нѣкоторые изъ учениковъ нашли это ученіе оттапливающимъ и страннымъ. Они не высказали этого открыто, но Іисусъ замѣтилъ ихъ неудовольствіе и по оставленіи синагоги говорилъ имъ, въ третьей и послѣдней части своей бесѣды, болѣе мягко и менѣе образно, чѣмъ другимъ. Имъ Онъ говорилъ о томъ будущемъ вознесеніи, которое должно было доказать имъ, что Онъ дѣйствительно пришелъ съ небесъ, и что слова о Его плоти, которую Онъ возьметъ съ собою на небо, могли имѣть только образное значеніе. Изъ состраданія же къ ихъ немощи Онъ даже объяснилъ имъ значеніе тѣхъ сильныхъ иносказаній, которыми Онъ намѣренно прикрывалъ свое ученіе отъ любопытныхъ взоровъ себялюбія и назрѣвшей злобы противниковъ. Въ одномъ изреченіи, несомнѣнно составляющемъ заключительную ноту всего предъидущаго, Онъ ясно сказалъ:

„Духъ животворить, плоть не пользуетъ ни мало. Слова, которыя говорю Я вамъ, суть духъ и жизнь“. Почему же они находили Его слова такъ трудными? Онъ говоритъ имъ: потому что нѣкоторые изъ нихъ не вѣровали, потому что, какъ Онъ уже говорилъ іудеямъ, духъ вѣры есть даръ и особая благодать Божія, а этотъ-то даръ и отвергали рошщущіе, противъ этой-то благодати и боролись они теперь.

И съ этого времени многіе изъ нихъ оставили Его,—многіе изъ тѣхъ, которые дотолѣ искали Его и были уже недалеко отъ царства небеснаго. Даже среди народной толпы съ этихъ поръ Онъ долженъ былъ чувствовать себя болѣе одинокимъ, потому что меньше становилось тѣхъ, которые признавали и любили Его. Съ глубокимъ сердечнымъ прискорбіемъ Онъ обра-

тился и къ двѣнадцати апостоламъ съ трогательнымъ вопросомъ: „не хотите ли и вы отойти?“ Пылое сердце Симона Петра быстро отвѣтило за всѣхъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, правильно понималъ эту необычайную бесѣду, которою столь многіе смущались. „Господи, воскликнулъ онъ, къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни. И мы увѣровали и познали, что Ты Святый Божій“ ¹⁾.

Это было возвышенное исповѣданіе, но въ этотъ горькій моментъ сердце Иисуса было подавлено скорбью, и Онъ отвѣтилъ только:

„Не двѣнадцать ли васъ избралъ Я? но одинъ изъ васъ дьяволъ“.

Изреченіе это было страшно сильнымъ, и отсутствіе всякихъ параллельныхъ мѣстъ дѣлаетъ труднымъ для насъ понять его точный смыслъ. Хотя впоследствии стало извѣстнымъ, что упрекъ этотъ относился къ Иудѣ, однако же сомнительно, чтобы въ моментъ его произнесенія кто-нибудь понималъ это, кромѣ самого предателя.

Многіе ложные и полуйскренніе послѣдователи оставили Его; не имѣлось ли въ виду этими словами доставить еще одинъ благопріятный случай жесткой и нечистой душѣ Искаріота, такъ чтобы, прежде чѣмъ еще глубже и безвозвратно погрузиться въ свой тяжкій грѣхъ, онъ могъ также оставить Его? Если такъ, то предостереженіе было отвергнуто. Дѣлая смертный грѣхъ противъ своей собственной совѣсти, Иуда остался—для того, чтобы приготовить себѣ самому гнѣвъ „ко дню гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія“.

¹⁾ Полное исповѣданіе во всемъ его великомъ значеніи было сдѣлано нѣсколько мѣсяцевъ спустя, и потому въ этомъ мѣстѣ (Іоан. vi, 69) наиболѣе авторитетные кодексы читаютъ именно такъ: „И мы увѣровали и познали, что Ты Святый Божій“.

ГЛАВА XXXI.

НАЧАЛО ПРОТИВОДѢЙСТВІЯ.

Праведныхъ любить и грѣшныхъ милуетъ.

ХОТЯ только что изложенная бесѣда составила замѣтный періодъ въ служеніи Спасителя и хотя съ этого времени гуще и гуще собираются тучи надъ Нимъ, однако же нельзя думать, что это былъ первый случай, даже въ Галилеѣ, когда открыто выразилась вражда противъ Его личности и ученія.

1. Первые слѣды сомнѣнія и неудовольствія стали замѣчаться, когда Онъ при различныхъ случаяхъ употреблялъ выраженіе „прощаются тебѣ грѣхи твои“. Съ такими словами Онъ обращался въ грѣшницѣ и въ расслабленному. Въ обоихъ случаяхъ выраженіе это возбудило изумленіе и ропоть, и въ домѣ Симона, гдѣ ропоть не проявился открыто и гдѣ не было совершено чуда, Іисусъ кротко замѣнилъ его другимъ выраженіемъ (Лув. vi, 48—50). Не такъ было при исцѣленіи расслабленнаго; тутъ поднялся открытый ропоть между книжниками и фарисеями, и Іисусъ, отчасти открывая свое истинное величіе, своею силою совершать чудеса доказалъ и свое право прощать грѣхи. Аргументація эта была неотразимая, потому что не только господствующее убѣжденіе всегда связывало болѣзнь съ дѣйствительнымъ грѣхомъ, но также и вообще признавалось, даже раввинами, „что никакою человѣкъ не можетъ быть исцѣленъ, пока не простятся ему всѣ грѣхи его“. Поэтому было совершенно согласно съ ихъ собственнымъ понятіемъ, что Онъ, исцѣляя своею собственною властью болѣзни, могъ также своею собственною властью провозглашать прощеніе грѣховъ. Правда, они едва ли могли понять, чтобы исцѣленіе или прощеніе могло совершаться такимъ неправильнымъ путемъ, безъ обрядовыхъ жертвоприношеній и безъ всякаго участія священниковъ. Но какъ ни неприятно все это было ихъ привыкшей въ обрядности душѣ, все-таки безспорнымъ оставался фактъ, что исцѣленія дѣйствительно могли быть

засвидѣтельствованы сотнями живыхъ свидѣтелей. Ясно было поэтому, что на такой почвѣ врагамъ совсѣмъ нельзя было удержаться, и они молча оставили ее. Настаивать на томъ, что въ Его выраженіяхъ заключалось „богохульство“, значило бы только способствовать еще большому обнаруженію того, что въ Его дѣлахъ было чудо.

2. Не настаивали они также и на обвиненіи, дошедшемъ до насъ только въ намежѣ самого Спасителя, что Онъ „любить поѣсть и пить вино“ (Матѣ. хі, 19). Обвиненіе это слишкомъ было своею лживостью и злобностью, чтобы могло возбудить какое-нибудь предубѣжденіе противъ Того, который хотя и не усвоилъ суроваго аскетизма Іоанна Крестителя, однако же вель до крайности простую жизнь; принимая же приглашенія на пиршества, Онъ дѣлалъ лишь то, что дѣлалось и самыми строгими фарисеями, такъ какъ на нихъ онъ имѣлъ постоянно новыя благопріятныя случаи для ученія и добрыхъ дѣлъ. Клевета эта въ дѣйствительности пала, когда Онъ показалъ, что люди этого рода были подобны угрюмымъ и желчнымъ дѣтямъ, которыхъ ничѣмъ нельзя удовлетворить; обвиняя Іисуса въ неумѣренности за то, что Онъ не избѣгалъ невинныхъ празднествъ, они въ то же время обвиняли и Іоанна Крестителя въ бѣсовскомъ обдержаніи за то, что Онъ сурово обличалъ пороки общества.

3. Не настаивали они также и на обвиненіи Его въ томъ, что Онъ не постился (Матѣ. хі, 16, 17). Высказывая это обвиненіе, они надѣялись на сильную поддержку со стороны учениковъ Іоанна; но когда послѣдніе убѣдились изъ словъ ихъ собственнаго пророка, какъ пуста и неосновательна была ихъ жалоба, фарисеи увидѣли, что бесполезно было основывать обвиненіе на пренебреженіи тѣмъ, что не только не признается въ Моисеевомъ законѣ, но даже и не поощрялось нѣкоторыми изъ ихъ собственныхъ знаменитѣйшихъ и мудрѣйшихъ учителей. Что Іисусъ не требовалъ пощенія отъ своихъ учениковъ, это нисколько не могло охлаждать народнаго сочувствія къ Нему и не могло быть поставлено Ему въ упрекъ даже предъ синагогой или синедріономъ.

4. Болѣе глубокой и тяжелой обидой, возбудившей гораздо болѣе ожесточенную вражду, было то, что Христосъ избралъ

апостоломъ Матеея и вообще намѣренно терпѣлъ, почти можно сказать даже — предпочиталъ общество мытарей и грѣшниковъ (Матѳ. ix, 11; xi, 19; Лук. v, 30; vii, 34; xix, 7). Между іудеями того времени различіе въ религіозной жизни было почти равносильно раздѣленію на касты. Даже такой великій авторитетъ, какъ Гиллель, говорилъ, что „нивакой невѣжественный человѣкъ не можетъ спасти самого себя отъ грѣха и нивакой *человѣкъ изъ народа* не можетъ быть благочестивымъ“. Строгонабожный іудей чернь своего народа, „не знавшую закона“, считалъ какъ бы проклятой, и подобно тому, какъ каждый іудей, считавшій себя членомъ царственнаго племени и избраннаго народа, смотрѣлъ на языческій міръ съ презрѣніемъ надменной исключительности, основывавшейся на тысячелѣтнихъ привычкахъ, такъ и наиболѣе строгій по отношенію къ закону классъ въ народѣ смотрѣлъ на своихъ болѣе безопасныхъ и погрѣшающихъ противъ закона братьевъ лишь немного лучше, чѣмъ на язычниковъ. Но вотъ явился человѣкъ, который свободно и дружелюбно вращался, вращался безъ малѣйшей надменности или презрѣнія среди отвратительныхъ мытарей и вопіющихъ грѣшниковъ. Мало того, Онъ даже терпѣлъ, чтобы женщины въ родѣ той, изъ которой вышло семь бѣсовъ, сопровождали Его во время путешествій, и блудницы омывали Ему ноги слезами! Какъ это не похоже на взгляды фарисеевъ, видѣвшихъ оскверненіе даже въ простомъ прикосновеніи тѣхъ, которые сами только соприкасались съ простымъ народомъ, и постановившихъ строгое правило, чтобы никто не принималъ къ себѣ въ домъ гостя, если только въ немъ подозрѣвался грѣшникъ.

Еще въ началѣ своего служенія Іисусъ съ божественною и еротою ироніей отвѣтилъ на это обвиненіе ссылкой на свое любимое мѣсто въ Писаніи, на глубокое изреченіе пророка Осіи: „милости хочу, а не жертвы“, для уразумѣнія смысла котораго Онъ повелѣвалъ имъ „идти учиться“. Потомъ Онъ уворялъ ихъ въ безсердечіи и самодовольствѣ пословицей: „не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, но больные“. Возраженія однако же не прекратились. Уже въ послѣдніе дни Его жизни, когда Онъ направлялся въ Іерусалимъ, эти неустанные враги опять подняли гнѣвный и презрительный ропотъ: „Онъ принимаетъ грѣшниковъ

и ѣсть съ ними“, и тогда-то Онъ отвѣчалъ имъ и оправдывалъ свои дѣйствія, яснѣе и блистательнѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде, раскрылъ имъ цѣль любви Божіей къ кающимся грѣшникамъ — въ трехъ пространнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ притчахъ: — о заблудшей овцѣ, потерянной драхмѣ и главнымъ образомъ въ притчѣ о блудномъ сынѣ. Заимствованныя изъ простѣйшихъ опытовъ обыденной жизни, притчи эти, особенно послѣдняя, выясняли, и выясняли навсегда, съ возрастающею силою нѣжности, глубочайшія тайны божественнаго милосердія, по которому бываетъ радость на небѣ и объ одномъ грѣшникѣ кающемся. Гдѣ, во всей области человѣческой литературы, духовной или свѣтской, можно найти что-нибудь подобное столь изящной, блистательной и исполненной безконечной нѣжности, столь вѣрной картинѣ, изображающей слѣдствія грѣха и въ то же время столь милосердную надежду, подаваемую исправленію и покаянію, чѣмъ въ этомъ маленькомъ разсказѣ? Какъ ярко освѣщены въ немъ утѣшенія религіи и страданія жизни! Всякій грѣхъ и наказаніе, всякое покаяніе и прощеніе находятъ лучшее изображеніе въ этихъ немногихъ словахъ. Коренныя различія въ характерѣ и склонностяхъ, подѣляющія людей на различные классы; ложная независимость безпкойной свободной воли; предпочтеніе удовольствій настоящаго всѣмъ надеждамъ будущаго; удаленіе отъ той чистой и мирной области, которою несомнѣнно является нашъ родной домъ, чтобы вдали всецѣло отдаться низкимъ страстямъ безумныхъ наслажденій, истощающихъ и губящихъ лучшія радости жизни; кратковременность этихъ дикихъ порывовъ запретныхъ удовольствій, снѣдающій голодъ, палящая жажда, беспомощное рабство, несказанное униженіе, безутѣшная тоска, неизбѣжно слѣдующія за ними, — гдѣ эти постоянно повторяющіеся опыты грѣха и скорби нарисованы (хотя здѣсь они нарисованы только нѣсколькими чертами) болѣе нѣжной и правдивой кистью, чѣмъ въ картинѣ этого неразумнаго юноши, который преждевременно требуетъ своей доли изъ имѣнія отца, уѣзжаетъ въ отдаленную страну, истощаетъ свои средства мотовствомъ и распутствомъ, терпитъ нужду и голодъ, вынуждается подчиниться жалкой и грязной долѣ свинопаса и радъ бы уже наполнить желудокъ свой рожеками, которыми питались свиньи, но и

ихъ никто не давалъ ему! И затѣмъ, прійдя въ себя, онъ вспоминаеть о довольствѣ даже послѣднихъ рабочихъ въ домѣ отца своего, возвращается домой, и его чистосердечное признаніе, смиренная, сокрушенная и отчаянная мольба вмѣстѣ съ несравненно заключительною сценой у милліоновъ сердець вызывали покаяніе и слезы:

„Онъ всталъ и пошелъ къ отцу своему, и когда онъ былъ еще далеко, увидѣлъ его отецъ его, и сжалился, и побѣждалъ, палъ ему на шею, и цѣловалъ его. Сынъ же сказалъ ему: отче! я согрѣшилъ противъ неба и предъ тобою, и уже недостойнъ называться сыномъ твоимъ. А отецъ сказалъ рабамъ своимъ: принесите лучшую одежду, и одѣньте его, и дайте перстень на руки его, и обувь на ноги. И приведите отвормленнаго тельца, и заколите, станемъ ѣсть и веселиться! Ибо этотъ сынъ мой былъ мертвъ, и ожилъ, пропадалъ, и нашелся“.

Такъ какъ нельзя уже подняться до еще болѣе сладостной и благородной нѣжности, такъ какъ сама смерть не могла бы уже дать болѣе поучительнаго и умиротворяющаго назиданія грѣшному человѣку, то можно бы думать, что здѣсь притча достигаетъ своей вершины и *здесь* она должна бы закончиться этой ангельской поэмой нѣжности и любви. И она окончилась бы здѣсь, еслибы тайна человѣческой злобы и испорченности была иною, чѣмъ какъ она есть. Но заключеніе притчи прямо относится къ тѣмъ самымъ обстоятельствамъ, которыя вызвали ее. Гнѣвный ропотъ книжниковъ и фарисеевъ показалъ, какъ мало они въ своемъ холодномъ очерствѣніи и надменности понимали, что въ очахъ Божіихъ слеза одного истинно кающагося грѣшника безконечно дороже безсердечнаго и бесплоднаго формализма тысячи фарисеевъ. Они почти и не подозрѣвали, что покаяніе можетъ даже блудницу и мытаря привести въ болѣе тѣсное общеніе съ Господомъ, чѣмъ вся изысканность тысячей формъ выдохшагося и благопристойнаго лицемерія. И потому-то Иисусъ разсказалъ далѣе, какъ пришелъ старшій сынъ, выразилъ неудовольствіе по поводу услышаннаго имъ пѣнія и ликованія, разгнѣвался на это скорое прощеніе, упрекалъ своего отца за нѣжное сердце и опять въ самомъ худшемъ видѣ выставилъ прощенные уже грѣхи своего брата, котораго онъ не хотѣлъ признавать, и выказалъ

всю узкость злобнаго непрощающаго сердца, ошибочно принимающаго внѣшнюю праведность за святую любовь. Такая самоправедная злость, такой безжалостный и отталкивающій недостатокъ любви есть болѣе закоснѣлое зло, недугъ, который труднѣе обнаружить и труднѣе излечить, чѣмъ открытое непослушаніе и страстный грѣхъ. Поистинѣ, читая эту исторію и глубоко вникая во все, заключающееся въ ней, мы можемъ отъ всего сердца благодарить Бога, что Онъ, имѣя возможность изъ худшаго зла вывести доброе, медъ изъ убитаго льва и воду изъ ваменной скалы, могъ также даже изъ свойствъ подобнаго характера извлечь матеріалъ для божественнѣйшаго произведенія во всемъ откровеніи—для притчи о блудномъ сынѣ!

Въ этой притчѣ вполнѣ выяснено было отношеніе Иисуса къ мытарямъ и грѣшникамъ, а также и крайняя противоположность между духомъ Его ученія и тою дутою набожностью, которая составляетъ жалкую и пустую поддѣлку подь *дѣйствительную* религіозность. Иудейство того времени истинную праведность замѣнило пустыми формами и бессмысленными обрядами; ошибочно принимало безсердечную исключительность за истинную чистоту; любило услаждаться несправедливостью воображаемой особенной къ себѣ благосклонности Бога, которой оно хотѣло бы лишить всѣхъ другихъ чадъ Божіихъ. Оно было такъ глубоко лицемѣрно, что даже и не сознавало своего собственнаго лицемѣрія; оно никогда не думало о себѣ такъ высоко, какъ когда оно сокрушало сломленную трость и вытаптывало послѣднюю искру вурящагося льна; оно благодарило Бога за самые грѣхи другихъ и думало, что Ему пріятно будетъ служеніе, въ которомъ не было ни смиренія, ни правдивости, ни преданности, ни любви. Эти жалкіе формалисты, думавшіе, что они такъ богаты и обладаютъ несмѣтнымъ добромъ, должны были узнать, что они бѣдные, нищіе, жалкіе, немощные, обнаженные люди. Эти овцы, воображавшія себя не заблудшими, должны были понять, что жалкую *заблудшую* овцу Добрый Пастырь тѣмъ съ болѣе глубокою нѣжностью можетъ принести домой на плечахъ своихъ; эти старшіе сыновья должны были узнать, что духъ ихъ отца, какъ ни мало они способны были понять его въ своемъ холодномъ, безчувственномъ сердцѣ, былъ *таковъ*:

„о томъ надобно радоваться и веселиться, что братъ твой былъ мертвъ, и ожилъ, пропадалъ, и нашелся“ (Лук. xv, 30).

5. Но какъ ни ясно было, что духъ Христа и духъ фарисейства были непримиримо противоположны между собою, доселѣ враги Иисуса не были способны подорвать Его вліяніе или воспрепятствовать Его дѣлу. Прощеніе грѣховъ, бывшихъ по общему вѣрованію причиной болѣзней, тѣмъ же самымъ словомъ, какимъ Онъ исцѣлялъ и болѣзни, участіе въ общественныхъ празднествахъ, общеніе съ мытарями и грѣшниками—все это нельзя было перетолковать въ смыслъ нарушенія закона. Но оставалось еще одно болѣе тяжкое обвиненіе, болѣе настойчиво повторявшееся и болѣе близко принимавшееся ими къ сердцу,— обвиненіе въ явномъ нарушеніи выразительныхъ постановленій Моисеева закона о соблюденіи субботы. Это-то именно и было причиной негодованія, раздраженія, бѣшенства, жажды кроваваго мщенія со стороны фарисеевъ, преслѣдовавшихъ Его до самаго креста. Суббота была дѣйствительно Моисеевымъ, можно сказать даже первобытнымъ установленіемъ, и она сдѣлалась самымъ отличительнымъ и самымъ почитаемымъ изъ всѣхъ установленій, отдѣлявшихъ іудеевъ отъ язычниковъ, какъ особый народъ. Она была и знаменемъ ихъ особыхъ преимуществъ, и средоточіемъ ихъ бездушнаго формализма. Ихъ преданія, ихъ патриотизмъ, даже ихъ упрямство—все это выразилось въ ея точномъ соблюденіи. По ихъ заявленію, она не только соблюдалась на небѣ до сотворенія человѣка, но и самый народъ израильскій былъ избранъ единственно для ея соблюденія. Она чудесно соблюдалась даже субботствовавшей рѣкой священнаго города. Ихъ привязанность къ ней только усиливалась отъ всеобщихъ насмѣшекъ, неудобствъ и потерь, которыя она причиняла имъ въ языческомъ мірѣ. Они гордились, что готовы соблюдать ее съ тупымъ буквализмомъ и тогда, еслибъ въ этотъ день имъ приходилось даже терпѣть пораженія, быть изрубленными въ куски отъ своихъ непріятелей и видѣть самый Іерусалимъ подверженнымъ опасности завоеванія. Соблюденіе ея было обставлено самыми мелочными, до нелѣпости точными, до смѣшного ничтожными тонкостями. Пророкъ назвалъ ее „отрадой“, и поэтому ставилось въ обязанность даже бѣдняку ѣсть три раза въ этотъ день. Весь этотъ

день они должны пиршествовать, хотя нельзя ни огня зажигать, ни пищи варить. Согласно жестовому и узвому наставленію Шаммаи, въ субботу никто не могъ даже ободрить больного или утѣшить печальнаго. Даже сохраненіе жизни считалось нарушеніемъ субботы; и съ другой стороны убить муху въ этотъ день значило совершить такое же преступленіе, какъ и убить верблюда. Развѣ не торжественно и не рѣшительно выражена заповѣдь „не дѣлать никакого дѣла въ субботній день“? Развѣ самъ Моисей и все общество не побии камнями человѣка въ пустынѣ за то только, что онъ собиралъ дрова въ этотъ день? Развѣ сама великая синагога не начертала тридцать девять *абооз* и безчисленное множество *толдооз*, т.-е. запрещеній работъ, нарушавшихъ субботу въ первой или второй степени? И однако же вотъ человѣкъ, считающій себя пророкомъ и даже болѣе чѣмъ пророкомъ, который нарочно, какъ казалось имъ, отвергалъ традиціонную святость этого дня дней! Всякій внимательный читатель евангельской исторіи не безъ удивленія замѣтитъ, что вражда и ненависть, которыя возбуждалъ Спаситель не только въ Иерусалимѣ, но даже въ Галилеѣ и Переѣ, главнымъ образомъ и въ огромномъ большинствѣ случаевъ враждались на этомъ только предметѣ.

Самое раннее обнаруженіе этихъ чувствъ въ Галилеѣ произошло вскорѣ послѣ событій, разсказанныхъ въ послѣдней главѣ. Насыщеніе пяти тысячъ народа и бесѣда въ синагогѣ капернаумской были какъ разъ передъ Пасхой. Ни одинъ изъ евангелистовъ не рассказываетъ событій, непосредственно слѣдовавшихъ затѣмъ. Если Иисусъ былъ на этой Пасхѣ, то Онъ провелъ ее въ строгомъ уединеніи и неизвѣстности, такъ что не сообщается ни объ одномъ событіи въ теченіе ея. Но болѣе вѣроятно, что опасность и враждебность, съ которыми Онъ встрѣтился въ Иерусалимѣ, были достаточнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы порѣшить совсѣмъ не быть на ней.

Не невозможно однако же, что если Онъ самъ не ходилъ лично, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ учениковъ Его исполнили этотъ національный долгъ; и можетъ быть именно наблюденіе за ихъ дѣйствіями, вмѣстѣ съ глубокою ненавистью, вызванною Его повелѣніемъ исцѣленному человѣку—взять свою

постель въ субботній день, и тою почвою, на которую Онъ сталъ при защитѣ себя противъ взведеннаго обвиненія, и побудило книжниковъ и фариисеевъ іерусалимскихъ послать нѣкоторыхъ изъ своей среды слѣдить за Нимъ и тайно наблюдать за Его дѣйствіями даже у береговъ любимаго Имъ родного озера. Извѣстно, что съ этого времени на каждомъ шагу въ Его жизни—въ хлѣбныхъ поляхъ, въ синагогахъ, на пирахъ, во время путешествій, въ Капернаумѣ, въ Магдалѣ, въ Переѣ, въ Виваніи—эти представители вождей народа гоняются и наблюдаютъ за Нимъ, ставятъ Ему препятствія, дѣлаютъ укору, вопрошаютъ, искушаютъ, оскорбляютъ и замышляютъ всякое зло противъ Него,—представители, о которыхъ часто говорится, что они не туземцы, а „пришедшіе изъ Іерусалима“ (Мѡ. хv, 1; Мрк. пп, 22; viп, 1).

1. Поводомъ къ первому нападенію въ Галилеѣ было то обстоятельство, что, проходя хлѣбными полями въ субботній день, ученики Его, мучимые голодомъ, срывали волосья, растирали ихъ ладонями, сдували мявину и ѣли. Въ глазахъ законниковъ это несомнѣнно было великимъ, даже уголовнымъ преступленіемъ. Однимъ изъ *абоозъ* или „первичныхъ правилъ“ было запрещено, конечно, жать и молотить въ субботу, но раввины порѣшили, что срыванье волосьевъ можно принять за жатву, а растираніе за молотьбу; даже ходить по травѣ было запрещено, потому что это была тоже своего рода молотьба, и тѣмъ болѣе нельзя было срывать плода съ дерева. Эти послѣднія три дѣйствія были нарушеніемъ *толдоозъ* или „выводныхъ правилъ“. Можетъ быть фариисейскіе шпіоны слѣдовали за Іисусомъ и въ этотъ субботній день, чтобы выслѣдить, не пройдетъ ли Онъ больше предписаннаго *техумъ гаш-шаббатъ*, т.-е. субботняго пути въ двѣ тысячи локтей; но тутъ имъ посчастливилось напасть на еще болѣе гибельный и страшный поступокъ — дѣйствіе учениковъ, которое, строго и формально говоря, дѣлало ихъ подлежащими смерти чрезъ побіеніе камнями. Самъ Іисусъ, правда, не принималъ участія въ этомъ преступленіи. Какъ можно судить по своеобразному выраженію ев. Марка, Онъ шелъ хлѣбными полями по торной дорогѣ, снося и подавляя свой голодъ, между тѣмъ какъ ученики пробирались по самымъ полямъ, на ходу срывая волосья (Мрк. пп, 23). Въ самомъ срываніи во-

досевъ не было ничего предосудительнаго; оно не только освящено было обычаемъ, но даже прямо позволялось закономъ Моисеевымъ. Но страшнымъ дѣломъ было то, что оно совершалось въ *субботу*! Фарисеи тотчасъ же окружили Спасителя, съ злорадствомъ показывая на апостоловъ: „смотри, что *они* дѣлаютъ“, съ презрительнымъ кивкомъ на учениковъ, „дѣлаютъ въ субботу, что не должно дѣлать“!

Съ тою божественною и мгновенною находчивостію, съ тою глубиной пронизательности и широкаго знанія, какими отличались всѣ отвѣты Спасителя на самые неожиданные запросы, Онъ тотчасъ же защитилъ своихъ учениковъ личнымъ одобреніемъ и рѣшительной поддержкой. Такъ какъ обвиненіе на этотъ разъ направлялось не противъ Него самого, а противъ Его учениковъ, то и самая аргументація и защита совершенно отлична отъ той, въ которой, какъ мы видѣли, Онъ прибѣгъ въ Иерусалимѣ. Тамъ Онъ основывалъ предполагаемое нарушение закона на своемъ личномъ авторитетѣ; *здѣсь*, опять объявивъ себя господиномъ субботы, Онъ тотчасъ же сдѣлалъ ссылку сначала на ихъ собственные *кетувимы*, затѣмъ на ихъ собственный законъ, на примѣръ и правило, которые освобождали Его послѣдователей отъ всякаго порицанія. „Неужели вы не читали никогда“, спросилъ Онъ, употребляя быть можетъ съ нѣкоторою тонкой ироніей, какъ это бывало и при другихъ случаяхъ, излюбленную формулу ихъ собственныхъ раввиновъ, „что сдѣлалъ Давидъ, когда имѣлъ нужду и всталъ самъ и бывшіе съ нимъ? Какъ онъ вошелъ въ домъ Божій (въ субботній день) и ѣлъ хлѣбы предложенія, которыхъ не должно было ѣсть ни ему, ни бывшимъ съ нимъ, а только однимъ священникамъ“? Если Давидъ, ихъ великій царь, ихъ любимецъ, ихъ святой, такъ открыто и вопіюще нарушалъ бузвѣ закона и однако же не подлежалъ порицанію единственно вслѣдствіе нужды, которая важнѣе всякаго простаго обрядоваго постановленія, то зачѣмъ же порицать учениковъ за невинный поступокъ съ цѣлью утоленія своего голода? И затѣмъ, если ихъ собственные раввины опредѣлили, что „нѣтъ субботства въ храмѣ“, что священники могли въ субботу рубить дрова, зажигать огонь и ставить на столѣ горячіе, только что испеченные хлѣбы предложенія, убивать

двойныя жертвы, обрѣзывать дѣтей и такимъ образомъ всячески нарушать правила соферимовъ касательно субботы, не подлежа въ то же время порицанію; мало того, если дѣйствуя такъ, они нарушали субботу по повелѣнію самого закона, установившаго субботу, — если храмъ оправдываетъ *ихъ*, то не должно ли нѣчто большее храма оправдать и этихъ? А тутъ былъ именно Тотъ, кто больше храма; и при этомъ Онъ еще разъ напоминаетъ имъ, что милость лучше жертвы. Суббота прямо предназначена была для милости, и поэтому не только можно было неповинно совершать въ нее всѣ дѣла милости, но такія дѣла были бы даже пріятнѣе Богу, чѣмъ всѣ безсмысленныя и самодовольныя тонкости, которыя великое благодѣяніе превратили въ бремя и западню. Суббота была создана для человѣка, а не человѣкъ для субботы, и потому Сынъ человѣческой есть господинъ и субботы.

Въ кодексѣ Безы, древней и цѣнной рукописи, хранящейся теперь въ библіотекѣ кембриджскаго университета, въ евангеліи Луки въ VI главѣ послѣ 5 стиха находится такое замѣчательное прибавленіе: „Въ тотъ же самый день, видя человѣка, работающаго въ субботу, Онъ сказалъ ему: *О человекъ, если ты знаешь, что дѣлаешь, то ты блаженъ; если же ты не знаешь, то ты проклятъ и нарушитель закона*“. Разсказъ этотъ любопытенъ; онъ дошелъ до насъ только въ этомъ манускриптѣ, и быть можетъ былъ устраненъ, какъ апокрифическій или, въ лучшемъ случаѣ, какъ одинъ изъ тѣхъ „незаписанныхъ изреченій“, которыя приписываются Спасителю только преданіемъ, какъ напр. въ Дѣян. XX гл. 35 стихѣ. Но разсказъ этотъ слишкомъ паразитенъ, слишкомъ вѣроятенъ, чтобы сразу отвергать его какъ неподлинный. Едва ли бы можно яснѣе этого выразить духъ ученія Спасителя, какъ оно понималось, напримѣръ, ап. Павломъ. Смыслъ разсказа очевидно таковъ: если твое дѣло отъ вѣры, то ты поступаешь правильно; если же не отъ вѣры, то оно есть грѣхъ.

II. Повидимому въ тотъ же день, ознаменовавшійся этими злыми нападами, Спаситель опять, позднѣе по-полудни, вошелъ въ синагогу. Въ синагогѣ сидѣлъ человѣкъ, по преданію каменщикъ, отъ несчастнаго случая получившій увѣчье; онъ умолялъ Христа исцѣлить его, чтобы не быть вынужденнымъ просить

милостыню. О присутствіи его, а также очевидно и о цѣли знали всѣ, и потому главныя мѣста занимали книжники, фарисеи и иродіане, завистливозлобные взоры которыхъ были устремлены на Христа въ ожиданіи, что Онъ будетъ дѣлать, чтобы затѣмъ обвинить Его. Онъ не долго оставилъ ихъ въ недоумѣніи. Сначала Онъ велѣлъ человѣку съ изсохшей рукой выйти и стать по срединѣ. И затѣмъ Онъ предоставилъ рѣшенію ихъ собственной совѣсти вопросъ, который былъ уже у нихъ на умѣ, только ставя его такъ, чтобы показать имъ его истинное значеніе: „Должно ли, спросилъ Онъ, въ субботу добро дѣлать, или зло дѣлать? душу спасти (какъ Я дѣлаю), или погубить (какъ вы замышляете въ сердцѣ своемъ)“? На этотъ вопросъ возможенъ былъ только одинъ отвѣтъ, но они находились тутъ не для того, чтобы исвать правды или говорить ее. Единственною цѣлью ихъ было слѣдить, что будетъ дѣлать Онъ, чтобы основать на этомъ публичное обвиненіе предъ синедріономъ или по крайней мѣрѣ заклеить Его позорнымъ пятномъ субботонарушителя. Поэтому они отвѣтили на этотъ вопросъ ненарушимымъ, уклончивымъ молчаніемъ. Но Онъ не хотѣлъ позволить имъ избѣгнуть приговора лучшей стороны ихъ собственной совѣсти, и поэтому въ оправданіе себя привелъ примѣръ изъ ихъ обычной практики, который совсѣмъ ставилъ ихъ въ невозможность отвѣтить на этотъ вопросъ. „Кто изъ васъ, спросилъ Онъ, имѣя одну овцу, если она въ субботу упадетъ въ яму, не возьметъ ея и не вытащитъ? Сколько же лучше человѣкъ овцы“? Аргументація была неотра- зимая и самый примѣръ не могъ быть отрицаемъ, и однако же злобное молчаніе ихъ оставалось ненарушимымъ. Онъ гнѣвно оглянулъ ихъ; святое негодованіе пылало въ Его сердцѣ, свѣтилось на лицѣ, оживляло Его движенія, звучало въ Его голосѣ, когда Онъ медленно проводилъ очами по всѣмъ этимъ вытянутымъ отъ злобнаго упрямства лицамъ, обличая ихъ въ злости и низости, невѣжествѣ и гордости; и затѣмъ, подавляя это горькое и сильное чувство, Онъ обратился къ совершенію дѣла милосердія и сказалъ больному: „Протяни руку твою“.—Вѣдь рука была сухая! Какъ же больной могъ протянуть ее? Но слово Христа уже дало ей силу исполнить Его повелѣніе; онъ протянулъ ее, и стала она здорова, какъ другая.

Такимъ образомъ враги Его были поражены на всѣхъ пунктахъ: поражены въ аргументаціи, приведшей ихъ къ постыдному молчанію, обезоружены даже въ попыткахъ найти какое-нибудь основаніе для обвиненія въ преступленіи закона. Даже испѣленіемъ человѣка Христосъ не сдѣлалъ рѣшительно ничего такого, что можно бы было при злѣйшей враждебности истолковать въ смыслѣ нарушенія закона о субботахъ. Онъ не коснулся человѣка; Онъ не повелѣлъ ему употребить въ дѣло возстановившуюся силу; Онъ произнесъ только нѣсколько словъ, а даже завзятый фарисей не могъ сказать, чтобы произнесеніе нѣсколькихъ словъ могло быть нарушеніемъ субботы, даже если слова эти и сопровождались чудеснымъ и добрымъ дѣломъ! Они чувствовали свое полнѣйшее пораженіе; но это только еще больше разжигало въ нихъ ярость. Они пришли въ бѣшенство и совѣщались между собой, чтобы сдѣлать съ Иисусомъ. Дотошъ они были врагами иродіанъ. Они смотрѣли на нихъ какъ на полуотступниковъ, потому что тѣ въ принципѣ принимали римское владычество, подражали языческимъ обычаямъ, усвоили саддукейскія воззрѣнія и такъ далеко заходили въ своей лести царствующему дому, что богохульственно пытались представлять Ирода Великаго обѣтованнымъ Мессіей! Но теперь ихъ старая вражда нашла побужденіе къ примиренію въ бѣшенной ярости противъ общаго врага. Быть можетъ страхъ Антипы, быть можетъ политическая подозрительность, быть можетъ просто естественная ненависть людей міра и вѣроотступниковъ противъ святыхъ и высшихъ ученій, обличающихъ жизнь ихъ,—но вообще что-то такое заставило въ послѣднее время и иродіанъ пристать къ гонителямъ Спасителя. Такъ какъ Галилея была центромъ дѣятельности Христа, то іерусалимскіе фарисеи рады были воспользоваться всякою поддержкой со стороны галилейскаго четвертовластника и его приверженцевъ. Они составили общее совѣщаніе, какъ бы насильственно погубить Пророка, котораго они не въ силахъ были ни паразитъ доводами, ни опутать закономъ.

Эта вражда вождей еще не оттолкнула отъ Христа сердце народа. Но она сдѣлала однако же желательнымъ для Него удаленіе въ другое мѣсто (Мѡ. хп, 15), потому что Онъ „не хотѣлъ ни прекословить, ни вопіять, и никто не долженъ былъ

слышать на улицах голоса Его"; притомъ не настала еще часъ, когда Онъ долженъ былъ „доставить суду побѣду“. Но прежде чѣмъ Онъ удалился, произошли событія, которыя были еще болѣе дикими и опасными проявленіями ярости противъ Него. Каждый день становилось болѣе и болѣе необходимымъ показать, что разрывъ между Нимъ и религиозными вождями народа былъ полный и окончательный; каждый день становилось болѣе и болѣе необходимымъ обличить тотъ лицемерный формализмъ, который преобладалъ въ ихъ ученіи и былъ только обнаруженіемъ роковой и глубоко засѣвшей язвы.

6. Первымъ поводомъ къ открытому обличенію началъ, лежавшихъ въ самой основѣ фарисейства, послужила новая попытка іерусалимскихъ книжниковъ повредить положенію Его учениковъ (Матѳ. xv, 1—20; Марк. vii, 1—23). При одномъ случаѣ они замѣтили, что ученики предъ принятіемъ пищи не сдѣлали предварительныхъ омовеній. Омovenія же эти строго требовались устнымъ преданіемъ. Іудеи позднѣйшихъ временъ съ умиленіемъ рассказывали, какъ раввинъ Акиба, находясь въ темничномъ заключеніи и снабжаемый водою лишь въ такомъ количествѣ, чтобы поддерживать только жизнь, предпочелъ умереть отъ голода, чѣмъ ѣсть безъ надлежащихъ омовеній. Поэтому фарисеи, по обыкновенію толпой подойдя къ Иисусу, спрашиваютъ Его, съ важнымъ сознаніемъ правоты своего упрека: „Зачѣмъ ученики Твои не поступаютъ по преданію старцевъ, но неумытыми руками ѣдятъ хлѣбъ“?

Прежде чѣмъ передать отвѣтъ Спасителя, ев. Маркъ останавливается нѣсколько на объясненіи того, что омовенія, которыя фарисеи и всѣ вожди іудеевъ наблюдали вслѣдствіе преданія, были чрезвычайно многочисленны и точно опредѣлены. Всякій разъ передъ принятіемъ пищи и при всякомъ возвращеніи съ рынка, они омывались „кулакомъ“ (т.-е. тщательно протирая руки, сжатые въ кулакъ), и если не было воды подъ рукою, то всякій обязанъ былъ пройти по крайней мѣрѣ семь верстъ за нею. Кромѣ того были точныя правила для омовенія чашъ и кружекъ, пиршественныхъ скамеекъ (*триклиніи*) и мѣдныхъ сосудовъ. Трактатъ *Шульханъ-арукъ* — „накрытый столъ“, собраніе раввинскихъ правилъ, сдѣланное Іосифомъ Каро въ 1567 году, содер-

жить цѣлыхъ двадцать шесть молитвъ, которыми сопровождалось омовенія. Не исполнить ихъ значило то же, что совершить чело-вѣкоубійство, и влекло за собою лишеніе вѣчной жизни. И тѣмъ не менѣе ученики осмѣлились ѣсть нечистыми (т.-е. немытыми) руками!

Спаситель по обыкновенію тотчасъ же сталъ на сторону своихъ учениковъ и не допустилъ до того, чтобы они по своей простотѣ и невѣдѣнію были уstraшены нападками этихъ набожныхъ обвинителей. Онъ отвѣтилъ на ихъ вопросъ еще болѣе важнымъ вопросомъ: „Зачѣмъ и вы, сказалъ Онъ, преступаете заповѣдь *Божію* ради *преданія*? Ибо Богъ заповѣдалъ: почитай отца и мать; а вы говорите, что если кто вмѣсто этого просто отдастъ сумму, назначавшуюся на ихъ содержаніе, въ священную сокровищницу и скажетъ „ворвань“, т.-е. даръ Богу, тотъ можетъ уже ничего не дѣлать для отца своего, или матери своей; и дѣлаете многое сему подобное. Лицемеры!“ (это въ первый разъ Спаситель такъ строго укорялъ ихъ). „Такимъ образомъ вы коварно уstraнили заповѣдь *Божію преданіемъ вашимъ*. Хорошо пророчествовалъ о васъ Исаія, говоря: приближаются ко Мнѣ люди сіи устами своими и чтутъ Меня языкомъ; сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня. Но тщетно чтутъ Меня, уча ученіямъ, заповѣдаямъ человѣческимъ“ (Марк. vii, 9).

Это была не только защита учениковъ (такъ какъ она показывала, что они просто не исполняли рядъ правилъ, которыя сами по себѣ были противны самой буквѣ священнаго закона и потому во многихъ случаяхъ ихъ лучше нарушать, чѣмъ соблюдать), но открытый укоръ со стороны Того, который съ вышней и безбоязненною властью прямо порицалъ систему, руководившую всѣми дѣйствіями раввиновъ и почитавшуюся больше самого Пятовнижія. Сущностью этой системы было принесеніе духа въ жертву буквѣ, которая безъ этого духа болѣе чѣмъ теряла всякую цѣну, и принесеніе самой буквы въ жертву простымъ выводамъ изъ нея, которые были положительно пагубны. Иудеи дѣлали различіе между писаннымъ закономъ (*Тора шебе-кетевъ*) и закономъ преданія или „закономъ на устахъ“ (*Тора шебе-ал-пе*). Относительно послѣдняго самые крайніе его приверженцы утверждали, что онъ устно сообщенъ былъ Богомъ Мои-

сею и устно передавался послѣднимъ по преемству старѣйшинъ. На немъ основанъ талмудъ („ученіе“), состоящій изъ мишны — „повторенія“ закона, и гемары или „дополненія“ къ нему. Почтеніе къ талмуду дошло до такой крайности, что отношеніе его къ закону уподоблялось отношенію вина къ водѣ; чтеніе св. Писанія считалось дѣломъ безразличнымъ, чтеніе мишны ставилось въ заслугу, а чтеніе гемары сопровождалось обѣщаніями великой мзды. Эту-то прославленную систему почитаемаго толкованія и благочестивыхъ обычаевъ Иисусъ теперь и ниспровергалъ вполне; Онъ не только защищалъ пренебреженіе къ ней, но даже открыто осуждалъ и отвергалъ ея наиболѣе установившіяся начала. Онъ такимъ образомъ предавалъ забвенію и равнодушію всю сѣть *гагадоовъ* (легендъ) и *галаховъ* (правилъ), которыя въ это время еще не были заключены въ письмена, но тщательно сохранялись въ памяти ученыхъ и составляли самую суть раввинской мудрости.

Но это еще было не все. Онъ не только разбивалъ самыя основы ихъ внѣшней религіи, но даже и народу преподавалъ ученіе, которое могло подрывать весь ихъ авторитетъ, — ученіе, которое возбуждало полнѣйшее недовѣріе къ ихъ хвастливой мудрости. Могущество Его обличеній было равносильно безпредѣльности ихъ заносчиваго самохвальства; и отворачиваясь отъ нихъ, какъ бы со-всѣмъ безнадежныхъ людей, Онъ подозвалъ народъ, который они учили смотрѣть на себя какъ на божковъ, и обратился къ нему съ краткими, но сильными словами:

„Слушайте меня всѣ, и разумѣйте! Не то, что входитъ въ уста, оскверняетъ человѣка, но то, что выходитъ изъ устъ, оскверняетъ человѣка“.

Фарисей, какъ и можно было ожидать, жестоко оскорбился этимъ изреченіемъ. Осуждая обычное пристрастіе священниковъ къ обрядности, это изреченіе Иисуса должно было сдѣлаться послѣднимъ похороннымъ звономъ для того избытка добровольнаго обрядолобія, для котораго одинъ изъ отцовъ церкви избрѣлъ неподражаемое слово *ἐβελωπερισσοβρήσκεια*. Ученики не замедлили сообщить Ему о томъ негодованіи, которое возбудили Его слова, такъ какъ сами ученики вѣроятно еще въ значительной степени проникнуты были почтеніемъ къ главенствующей партіи въ на-

родѣ. Но отвѣтъ Иисуса былъ выраженіемъ спокойнаго равнодушія къ земному сужденію, предоставленіемъ всего единственно на судъ Божій, какъ это показалъ медленный ходъ дальнѣйшихъ событій. „Всякое растеніе, сказалъ Онъ, которое не Отецъ Мой небесный насадилъ, искоренится. Оставьте ихъ: они слѣпые вожди слѣпыхъ; а если слѣпой ведетъ слѣпого, то оба упадутъ въ яму“.

Немного спустя, когда они уже вошли въ домъ и были одни, ап. Петръ осмѣлился попросить объясненія словъ, которыя Онъ съ такимъ удареніемъ сказалъ народу. Иисусъ вѣжливо упрекнулъ апостоловъ за недостатокъ понятливости, но показалъ имъ, объясняя глубочайшій смыслъ своего ученія, что пища человѣка вліяетъ только на его тѣлесный организмъ и не входитъ въ его сердце, или не касается его духовнаго бытія; но что „изъ сердца исходятъ злыя помыслы, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, кражи, лжесвидѣтельства, хуленія, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство“.

Злая мысль подобна маленькому мутному ручью, который при первой возможности превращается въ страшный, всеразрушающій потокъ.

„Это оскверняетъ человѣка, а ѣсть неумытыми руками не оскверняетъ человѣка“.

ГЛАВА XXXII.

УСИЛЕНИЕ ПРОТИВОДѢЙСТВІЯ.

Даже если безславный и обезчещенный, Онъ все-таки будетъ *моимъ* Христомъ. ТЕРТУЛЛІАНЪ.

ДРОШЕЛЪ еще одинъ день, ознаменовавшійся еще болѣе ожесточеннымъ, опаснымъ, личнымъ и неумолимымъ противодѣйствіемъ со стороны враговъ, день открытаго и окончательнаго разрыва между Спасителемъ и фарисейскими шпионами изъ Иерусалима, прежде чѣмъ Онъ уступилъ на время смертельной ненависти своихъ враговъ и удалился въ язы-

ческія страны, чтобы тамъ найти тотъ отдыхъ, котораго Онъ не могъ болѣе находить на богатыхъ поляхъ и зеленѣющихъ холмахъ Геннисарета. Въ Его земной жизни немного было дней, которые сопровождались бы рядомъ болѣе потрясающихъ событій, чѣмъ тотъ день, который мы будемъ описывать теперь (Мѡ. хіі, 22 и сл.; Мрк. ііі, 11 и сл.).

Находясь въ одномъ изъ городовъ, служившихъ главнымъ мѣстомъ Его галилейскаго служенія, Спаситель раннимъ утромъ погруженъ былъ въ уединенную молитву. Видя Его стоящимъ съ возведенными горѣ очами (такимъ было обыкновенно молитвенное положеніе на востокѣ, какъ оно отчасти сохраняется и теперь — въ обычаѣ молиться стоя, а не сидя или волѣнопреклоненно, какъ на западѣ), ученики оставались въ почтительномъ отдаленіи; но когда молитва Его кончилась, они подошли къ Нему съ естественною просьбою научить ихъ молиться, какъ и Іоаннъ училъ своихъ учениковъ. Онъ тотчасъ же исполнилъ ихъ просьбу, и научилъ ихъ той краткой, дивной молитвѣ, которая отсель сдѣлалась лучшимъ наслѣдіемъ всякаго христіанскаго богослуженія и образцомъ, по которому составлены всѣ наши лучшія и употребительнѣйшія молитвы. Онъ уже произносилъ ее и во время нагорной проповѣди, но по просьбѣ своихъ учениковъ здѣсь Онъ повторилъ ее отдѣльно и съ болѣею выразительностью. Правда, нѣкоторыя изъ отдѣльныхъ прошеній ея уже существовали, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, въ различныхъ молитвахъ іудейскихъ, такъ какъ напоминаютъ собой встрѣчающіяся въ талмудѣ выраженія, о которыхъ нѣтъ основаній предполагать, что они заимствованы у христіанъ. Но никогда раньше все лучшее и чистѣйшее въ молитвахъ этого народа не было собираемо такъ въ одну божественную, несравненную молитву, которая заключаетъ въ себѣ все, что только сердце человѣческое, наученное Духомъ Святымъ, находитъ наиболѣе нужнымъ для удовлетворенія своихъ лучшихъ желаній. По тому сочетанію любви и благоговѣнія, съ которыми она учааетъ насъ приближаться въ Отцу нашему небесному; по духовности, съ которою она заставляетъ насъ просить прежде всего царства Божія и правды Его; по духу всеобщей любви и прощенія, которыя внушаетъ она; по той множественной формѣ

ея прошеній, которая имѣеть въ виду показать намъ, что себялюбіе всецѣло и навсегда должно быть исключено изъ нашихъ прошеній и что никто не можетъ приходить въ Богу, какъ въ своему Отцу, безъ признанія и злѣйшихъ своихъ враговъ Его чадами также; по тому, что изъ ея семи прошеній одно и только одно относится въ земнымъ благамъ и даже это одно просить земныхъ благъ только въ ихъ простѣйшей формѣ; даже по той поразительной краткости, показывающей, что Богъ не хочетъ дѣлать изъ молитвы утомительнаго бремени, — по всему именно этому отцы церкви и назвали ее „сокращеннымъ евангеліемъ“, жемчужиной среди молитвъ.

Не менѣе божественны были и слѣдовавшія за нею простыя и сердечныя слова, которыя показывали ученикамъ, что люди всегда должны молиться и не унывать, такъ какъ если докучливость побѣждаетъ себялюбіе человѣка, то усердіе будетъ всемогущимъ предъ правдою Бога. Спаситель внушалъ имъ, что если человѣческая любовь можетъ давать только полезные и добрыя дары, то любовь Отца небеснаго, любящаго насъ всѣхъ, дастъ свой лучшій и высочайшій даръ, именно даръ Духа Святаго—всѣмъ просящимъ у Него.

А съ какою высокою и теплою любовью внушены были эти великія наставленія! Еслибы они были преподаны въ сухомъ, скучномъ и тяжеломъ стилѣ большинства правоученій, то могли ли бы они трогать сердца, согрѣвать воображеніе или неизгладимо запечатлѣваться въ памяти тѣхъ, кто слышалъ ихъ? Наставленія эти не были облечены въ формы схоластическаго педантизма, а преподаны въ краткомъ разказѣ, основанномъ на самыхъ простыхъ случаяхъ изъ обыденной жизни, и притомъ жизни самой простой и бѣдной. Путешествуя ночью, во избѣжаніе дневнаго зноя, человѣкъ приходитъ въ домъ друга своего. Хозяинъ бѣденъ и не имѣеть чѣмъ угостить его; но такъ какъ даже въ этотъ поздній часъ онъ не желаетъ пренебречь обязанностями гостепріимства, то встаетъ и идетъ въ домъ своего сосѣда занять три хлѣба. Но этотъ послѣдній находится въ постелѣ съ своими малыми дѣтьми и домъ его запертъ. На вѣжливую и усиленную просьбу онъ грубо и сердито отвѣчаетъ изнутри: „не безпокой меня“. Но сосѣдъ его, сознавая, что пришелъ за до-

брымъ дѣломъ, продолжаетъ стучать, пока наконецъ — не изъ добраго желанія, а вслѣдствіи назойливости, тотъ встаетъ и даетъ ему все, чего онъ проситъ. „Точно такъ, прекрасно замѣчено въ одномъ мѣстѣ, когда сердце, бывшее въ дальнемъ странствованіи, вдругъ въ полночь (т.-е. во время величайшаго мрака и бѣдствія) возвращается домой къ намъ — т.-е. приходитъ въ себя и чувствуетъ голодъ, а мы не имѣемъ чѣмъ удовлетворить его, то Богъ требуетъ отъ насъ смѣлой, неотступной молитвы“. Если такая настойчивость побѣждаетъ неохоту непривѣтливаго человѣка, то насколько больше получить она значенія у Того, кто любитъ насъ больше, чѣмъ мы сами, и кто даже съ большею охотою слушаетъ наши молитвы, чѣмъ съ какою молимся мы!

Справедливо было замѣчено, что повѣствованіе о жизни Христа на землѣ исполнено свѣта и тѣней: одинъ короткій періодъ или даже одинъ день иногда описывается со всѣми подробностями, между тѣмъ цѣлыя періоды проходятся иногда ненарушеннымъ безмолвіемъ. Но мы забываемъ (а если будемъ имѣть это въ виду, то ничего и не будетъ удивительнаго намъ въ этой особенности евангельскаго повѣствованія), забываемъ, какая значительная часть Его труда по необходимости должна была пойти на наставленіе и подготовку Его ближайшихъ апостоловъ для будущаго благовѣстія міру. Если мы сравнимъ, каковы были апостолы, когда призвалъ ихъ Иисусъ,—правда, простые и искренніе, но невѣжественные и робкіе, неотзывчивые къ вѣрѣ, — съ тѣмъ, какими они стали, когда Онъ удалился отъ нихъ и излилъ дары Святаго Духа въ сердца ихъ, то увидимъ, какъ мало досуговъ могло быть въ Его благодѣтельной дѣятельности даже въ то время, когда наставленія свои Онъ преподавалъ только тѣмъ, которые жили въ самомъ свѣтѣ Его божественной личности. Блаженны они были болѣе царей и пророковъ; блаженны по богатству своихъ преимуществъ болѣе всѣхъ когда-либо жившихъ людей, такъ какъ они могли слышать Его самыя сокровенныя мысли и ежедневно видѣть эту безгрѣшную жизнь во всей ея ангельской прелести и простотѣ. Но если они сподобились этого особеннаго счастья, то не для себя только, но для того міра, который проповѣдь ихъ должна была вывести изъ

отчаянія и зла и возвестъ на степень чистоты, здравомыслія и истины, — ради тѣхъ святыхъ душъ, которыя отселѣ должны были наслаждаться хотя духовнымъ, но болѣе близкимъ присутствіемъ Спасителя, чѣмъ даже апостолы, взбравшіеся съ Нимъ на уединенные холмы или ходившіе съ Нимъ вечеромъ по берегамъ прозрачнаго озера.

Дню, начавшемуся обученіемъ такой дышащей любовью и упованіемъ молитвъ, не суждено было пройти спокойно. Въ земной жизни Спасителя мало было дней, въ которые бы Онъ не встрѣчался съ печальными проявленіями человѣческаго грѣха и человѣческаго страданія; но въ этотъ день бѣдствіе предстало предъ Нимъ въ своей наиболѣе безотраднѣй и ужасающей формѣ. Къ Нему привели человѣка — бѣсноватаго, слѣпнотого и нѣмого, страдавшаго отъ той странной, необъяснимой причины, которую общее вѣрованіе приписывало бѣсовскому одержанію. Иисусъ не хотѣлъ оставить его безпомощной жертвой силъ зла. Своимъ взглядомъ и словомъ Онъ избавилъ несчастнаго страдальца отъ страшнаго недуга, успокоивалъ и исцѣлялъ его, „такъ что слѣпной и нѣмой сталъ говорить и видѣть“.

Изъ послѣдующихъ словъ самого Спасителя видно, что у іудеевъ были извѣстные способы заклинанія, которые до нѣкоторой степени были дѣйствительны, хотя повидимому только тогда, когда примѣнялись въ болѣе слабыхъ и простыхъ случаяхъ. Исцѣленіе же такого страшнаго недуга, какимъ одержимъ былъ этотъ человѣкъ, — восстановленіе зрѣнія въ покрытыхъ бѣльми глазами, дара слова въ сведенномъ языкѣ и разума въ обезумѣвшей душѣ, — было нѣчто такое, чего никогда не видывалъ народъ. Чудо поразило всѣхъ изумленіемъ и вызвало взрывъ нескрываемаго восторга. Въ первый разъ народъ открыто разсуждалъ, не есть ли Тотъ, кто имѣетъ такую силу, именно ожидаемый имъ Избавитель? „Не это ли, спрашивали другъ друга въ народѣ, Христосъ, Сынъ Давидовъ“?

Враги Его не могли отрицать того, что тутъ было совершенно великое чудо; но оно все-таки не убѣдило ихъ, а только еще болѣе ожесточило и привело въ бѣшенство. Но нельзя ли было изгладить и того глубокаго впечатлѣнія, которое оно произвело на умы изумленныхъ зрителей? Книжники, прибывшіе

изъ Иерусалима, болѣе тонкіе и смѣтливые, чѣмъ ихъ простые галилейскіе собратья, сразу нашли выходъ изъ этого затруднительнаго положенія. „Онъ имѣетъ въ себѣ веелзевула и изгоняетъ бѣсовъ не иначе, какъ силою князя бѣсовскаго“. Только такое наглое рѣшеніе они и могли придумать для представившагося затрудненія! Странно, что эта клевета не встрѣтила опроверженія въ народѣ, какъ это, напр., было впоследствии, когда на то же самое обвиненіе противъ Него въ Иерусалимѣ народъ говорилъ: „это слова не бѣсноватаго“, не того, который имѣетъ діавола. Но народъ Галилеи былъ невѣжественъ и доврчивъ, а эти важные и сановитые соглядатаи изъ священнаго города обладали огромнымъ и, такъ сказать, наслѣдственнымъ влияніемъ на его простой разумъ. Слова Иисуса не разглубоко возмущали и оскорбляли ихъ, но въ дивомъ душевномъ смятеніи они не знали, что имъ дѣлать. Неотразимость Его личнаго превосходства, невольно чувствуемое присутствіе даже въ самой любвеобильной снисходительности Его чего-то болѣе чѣмъ человѣческаго; способность Его угадывать мысли; непрестанная и неусыпная дѣятельность Его благотворенія; необычайный ужасъ, наводимый Имъ на несчастныхъ бѣсноватыхъ; рѣчь, поднимавшаяся иногда до пламенной энергии обличенія, а иногда своею нѣжностью и красотой успокоивавшая слушателей, какъ дѣтей у груди матери; неприязнь ихъ невѣрующихъ сердець къ тому новому міру страховъ и надеждъ, который Онъ возвѣщалъ имъ какъ царство Божіе, — однимъ словомъ невольное потрясающее чувство, что нѣкоторымъ образомъ самый видъ Его и присутствіе приводили ихъ въ болѣе близкое отношеніе съ невидимымъ міромъ, чѣмъ въ какомъ они бывали когда-нибудь прежде, — все это, не подготовляя ихъ къ принятію истины, съ самаго начала способствовало только къ тому, чтобы сдѣлать ихъ жертвами дерзкой, богохульственной и непреклонной лжи.

Поэтому Иисусъ въ немногихъ спокойныхъ словахъ опровергъ ихъ гнусный софизмъ. Онъ показалъ имъ грубую нелѣпость предположенія, чтобы сатана могъ быть врагомъ себѣ. Пользуясь неотразимымъ *argumentum ad hominem*, Онъ доказалъ имъ это ссылкой на тѣ заклинанія, которыя часто, хотя боль-

шею частью безуспѣшно, совершались ими и ихъ учениками. И доказавъ имъ такимъ образомъ, что сила, которою Онъ дѣйствуетъ, должна быть выше сатаны и противна ему, а слѣдовательно должна быть духовною и божественною, Онъ предостерегалъ ихъ отъ страшной грѣховности и опасности подобнаго богохульства противъ Святаго Духа Божія, показывая, какъ близко такое богохульство къ тому грѣху, который одинъ изъ всѣхъ грѣховъ не будетъ прощенъ ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ. Затѣмъ, послѣ этихъ таинственныхъ предостереженій, говоря имъ еще болѣе яснымъ и знаменательнымъ языкомъ, Онъ озарилъ свѣтомъ правды ихъ собственные злые и лицемерныя сердца и показалъ имъ, какъ этотъ убійственный плодъ лжи и клеветы могъ произойти только отъ дерева со скрытою горечью въ корняхъ и сердцевинѣ, какъ только изъ злыхъ сокровищъ, глубоко затаенныхъ во мракѣ, гдѣ погашенъ самый источникъ свѣта, могутъ происходить эти темныя порожденія ихъ злобы. Наконецъ, съ строгимъ предостереженіемъ, которое должно было навсегда напечатлѣться на ихъ сердцахъ, Онъ объяснилъ имъ, что *слова* человѣка обнаруживаютъ истинную сущность сердца и что за всѣ ложно и легкомысленно связанныя слова празднаго лувства они должны будутъ дать отвѣтъ въ страшный день суда. Сила и величіе этихъ изреченій, страшная торжественность заключеннаго въ нихъ увѣщанія — повидимому на время заставили фарисеевъ умолкнуть и прекратить свое нечестное и дерзкое богохульство. И во время наступившей тишины одна женщина изъ толпы, увлеченная неудержимымъ порывомъ умиленія и восторга, привыкшая, правда, уважать этихъ длиннополыхъ фарисеевъ съ ихъ висточками и филиатеріями, но чувствовавшая до глубины своего сердца недостижимое превосходство надъ ними стоявшаго здѣсь юнаго Пророка, — воскликнула ему громкимъ, для всѣхъ слышнымъ голосомъ:

„Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшіе!“

„Блаженны, отвѣчалъ Онъ тѣмъ же тономъ святого восторга, слышащіе слово Божіе и соблюдающіе его!“

Женщина эта, со всею глубиною и страстностью чувства любви своего пола, воскликнула, какъ счастлива должна быть

мать такого Сына! И действительно, блаженна была эта мать и блаженъ плодъ чрева ея, благословенна она была въ женахъ и блаженна, потому что вѣровала (Лув. 1, 42 — 45); но ея блаженство не исключительное; есть блаженство еще сильнѣе и выше — блаженство послушанія слову Божію. „Какъ многія женщины, говорить св. Златоустъ, благославляли Пресвятую Дѣву и желали бы быть такою же матерью, какою была она! Что же препятствуетъ имъ? Христосъ проложилъ намъ торный путь къ этому блаженству, и не только жены, но и мужи могутъ идти имъ — путь послушанія; вотъ это-то и дѣлаетъ матерей благословенными, а не роды“.

Но фарисеи, смутившись на время, не хотѣли долго оставлять Иисуса въ покоѣ. Онъ говорилъ имъ тономъ предостереженія, даже строгаго укора — *имъ*, вождямъ и религіознымъ учителямъ своего народа и страны! Что придаетъ такую смѣлость этому „пустому колодезю“, простому *ам-ча-арцу*, который только что вынырнулъ изъ темной мастерской невѣжественнаго ремесленника? Какъ смѣлъ Онъ обращаться такъ съ ними? Пусть же Онъ по крайней мѣрѣ покажетъ какое-нибудь знаменіе, — какое-нибудь знаменіе съ неба, не простое заклинаніе или исцѣленіе, а какое-нибудь безспорное, рѣшительное знаменіе своей власти. „Учитель! хотѣлось бы намъ видѣть отъ Тебя знаменіе“.

Это былъ старый вопросъ, съ которымъ приставали въ нему въ самомъ еще началѣ Его служенія. „Какимъ знаменіемъ докажешь Ты намъ, что имѣешь власть такъ поступать?“ (Іоан. 11, 18).

Такіе запросы, дѣлавшіеся только съ цѣлью оскорбленія и искушенія, дѣлавшіеся людьми, которые не убѣдились и не удовлетворились только что видѣннымъ ими великимъ знаменіемъ, сразу же безъ зазрѣнія совѣсти приписаннымъ ими бѣсовской силѣ, дѣлавшіеся не отъ полноты вѣрующаго сердца, а изъ любопытства, ненависти и невѣрія, — Иисусъ всегда оставлялъ безъ вниманія. Божество не нисходитъ до ограниченія проявленія своихъ силъ условіями вѣчныхъ запросовъ, и вообще несообразно съ со-вѣтомъ Божіимъ совершать обращеніе человѣческихъ душъ простымъ приведеніемъ ихъ въ изумленіе отъ внѣшнихъ знаменій. Еслибы Иисусъ далъ имъ знаменіе съ неба, то произвело ли бы оно какое-либо дѣйствіе на духовныхъ дѣтей тѣхъ предковъ,

которые согласно ихъ собственной исторіи въ виду и даже подъ самыми утесами трепетавшей и дымившейся отъ страшнаго присутствія Божія горы Ёли, пили и плясали въ честь золотого тельца? Могло ли бы это имѣть какое-нибудь значеніе для нравственныхъ потомковъ тѣхъ, которыхъ укоряли ихъ собственные пророки за то, что они поклонялись Молоху и звѣздѣ своего идола Ремфана, хотя они путеводимы были столпомъ огненнымъ и утоляли жажду водой, источенной изъ скалы? Они видѣли много знаменій и чудесъ и теперь видѣли высочайшее знаменіе безгрѣшной жизни, и несмотря на это, только еще болѣе возставали и богохульствовали. Нечего поэтому было давать имъ знаменія, кромѣ знаменій въ пророчествахъ, которыхъ они не разумѣли. „Родъ лукавый и прелюбодѣйный, воскликнулъ Онъ, обращаясь къ тѣсно столпившемуся народу, ищетъ знаменія, и знаменіе не дастся ему, кромѣ знаменія Іоны пророка“. Спасенный послѣ трехсуточнаго пребыванія въ мрачной утробѣ бурнаго моря, онъ былъ знаменіемъ для ниневитянъ; такъ и Сынъ человѣческій возстанетъ изъ нѣдръ земли. И тѣ ниневитяне, которые покаялись вслѣдствіе проповѣди Іоны, и царица савская, которая приходила изъ отдаленныхъ предѣловъ земли послушать мудрости Соломоновой, возстанутъ также на судъ и осудятъ родъ сей, презрѣвшій и отвергнувшій Того, кто больше Соломона и Іоны. Родъ этотъ получилъ всякія блага. Вавилонское плѣненіе, макевейское возрожденіе, мудрое и справедливое управленіе царей асмонейскихъ, недавняя проповѣдь Іоанна — изгнали изъ него злого духа идолопоклонства и неповорности, возмущавшаго отцовъ ихъ; это старое жилище его было вычищено и убрано правилами фарисеевъ и законническими тонкостями книжниковъ; но увы, никакой добрый духъ не былъ призванъ для занятія пустаго мѣста, и вотъ теперь старый злой владѣтель возвратился въ свое прежнее обиталище съ семью другими духами, злѣйшими себя, и это послѣднее состояніе ихъ горше перваго.

Но бесѣда Его неожиданно была прервана тутъ. До домашнихъ Его опять дошли свѣденія, что его окружала большая толпа народа и Онъ говорилъ болѣе странныя и страшныя вещи, чѣмъ когда-нибудь прежде, и сверхъ того съ явнымъ презрѣ-

ніемъ обличалъ и съ пыльнымъ негодованіемъ поносилъ великихъ учителей, которые нарочито были присланы изъ Іерусалима наблюдать за Нимъ. Все это встревожило ихъ; быть можетъ, имъ передали и ту страшную клевету, которая вызвала столь суровые укоры съ Его стороны. Изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣются у насъ о Его братьяхъ, можно заключить, что это были евреи изъ евреевъ, и вѣроятно находились подъ сильнымъ вліяніемъ священниковъ и раввиновъ; въ тому же они доселѣ еще или совсѣмъ не вѣровали въ Него, или только смутно сознавали Его истинное достоинство. Не надо ли имъ теперь, думали они, вмѣшаться опять? Не могутъ ли они спасти Іисуса, котораго они считали *своимъ* Іисусомъ, отъ его собственнаго увлеченія? Нельзя ли имъ какъ-нибудь избавить Его отъ той опасности, которой Онъ подвергалъ себя такимъ своимъ ученіемъ? Нельзя ли уговорить Его хоть на время удалиться въ какое-нибудь болѣе уединенное и безопасное мѣсто? Сами они не могли пробраться къ Нему черезъ толпу, но передали кому-то, чтобы тотъ сказалъ Ему о ихъ присутствіи здѣсь. Тотъ сразу заявилъ Ему: „вотъ, мать Твоя и братья Твои стоятъ внѣ, желая говорить съ Тобою“. Увы! неужели они еще не понимаютъ, что если не хотятъ войти, то и настоящее мѣсто для нихъ стоять внѣ? что наступившій теперь часъ Его далеко уже вывелъ Его за кругъ простого человѣческаго родства, за предѣлы вліянія человѣческихъ братьевъ? Неужели нужно еще разъ пресѣчь духъ ихъ назойливости? Да, нужно было, но только еротно и такъ, чтобы доставить этимъ безвѣчное утѣшеніе другимъ. „Кто мать Моя?“ сказалъ Онъ доложившему о нихъ, „и кто братья Мои?“ И затѣмъ, показывая рукою на учениковъ, Онъ восторженно воскликнулъ: „вотъ мать Моя и братья Мои. Ибо кто будетъ исполнять волю Отца Моего небеснаго, тотъ Мнѣ братъ, и сестра, и мать“.

ГЛАВА XXXIII.

ДЕНЬ ОТКРЫТАГО РАЗРЫВА.

Близъ меча, близъ Бога.

Св. Игнатій Богоносецъ.

ВЖЕ и такъ событія этого дня достаточно волновали всѣхъ, но за ними слѣдовали обстоятельства, еще болѣе поразительныя и тяжелыя.

Настало время обѣда, и одинъ фарисей просилъ Его зайти къ нему въ домъ обѣдать. Въ приглашеніи этомъ было крайне мало радушія или любезности. Если оно и не прямо дѣлалось съ враждебнымъ и злымъ умысломъ, какъ это бывало при другихъ приглашеніяхъ со стороны фарисеевъ, то побужденіемъ къ нему во всякомъ случаѣ было не болѣе, какъ простое любопытство—поближе увидѣть новаго учителя, или даже тщеславіе принять у себя такого важнаго гостя. Войдя въ этотъ домъ, Іисусъ увидѣлъ себя не среди мытарей и грѣшниковъ, гдѣ бы Онъ могъ утѣшать, поучать и благословлять, не среди бѣдняковъ, которымъ Онъ могъ бы проповѣдывать царство небесное, не среди друзей и учениковъ, которые бы слушали Его слова съ глубокимъ и любящимъ благоговѣніемъ, а среди холодныхъ, жествыхъ и угрожающихъ лицъ, среди насмѣшливыхъ и злобныхъ взглядовъ своихъ надменныхъ соперниковъ и открытыхъ враговъ. Апостолы, повидимому, не были приглашены. Тутъ не было сочувствующаго Ѳомы для поддержанія Его, ласковаго Наѳанаила для ободренія, пылкаго Петра для защиты, возлюбленнаго Іоанна, который бы склонилъ свою голову къ Нему на грудь. Книжники, законники и фарисеи — всѣ эти гости съ важностью и на показъ совершили свои изысканныя омовенія и затѣмъ, каждый изъ нихъ съ крайнею заботливостью о своемъ собственномъ достоинствѣ, сѣвши занимать свои мѣста за столомъ. Безъ всякихъ такихъ выработанныхъ и изысканныхъ церемоній вошелъ Іисусъ и возлегъ за столомъ. Это была короткая и простая закуска, а за дверьми дома толпилась густая масса народа, алкавшая еще и жаждавшая словъ жизни вѣчной. Поэтому Онъ не хотѣлъ тратить времени и исполнять бесполезную обрядность

омовеній, которыя на этотъ разъ были совершенно излишни, такъ какъ только неразуміе и ложное благочестіе придавали имъ особенную важность.

Крайнее изумленіе мгновенно выразилось на лицѣ хозяина, а вздернутыя брови и брезгливые жесты недружелюбныхъ гостей несомнѣнно выказывали также неодобреніе и презрительность съ ихъ стороны. Они забывали, Кто Онъ и что Онъ дѣлалъ. Будучи сначала шпионами и клеветниками, теперь они даже свое хваленое и снисходительное гостепрїимство съ низостью обращали въ новые случаи для коварнаго заговора. Настало время для еще болѣе яснаго обличенія, для еще болѣе сильнаго выраженія негодованія, и Онъ не щадилъ ихъ. Не притчами, а простымъ, яснымъ языкомъ Онъ показывалъ имъ, до какой степени ихъ внѣшняя чистота была только легкой завѣсой, прикрывавшей ихъ внутреннюю негодность и алчность. Онъ изобличалъ ихъ презрѣнную тщательность въ разчисленіи десятины съ мяты, аниса и всякихъ овощей и рядомъ съ нею вопіющее пренебреженіе самими главными добродѣтелями; ихъ лицемеріе, мелочное тщеславіе, страсть къ общественному почету, хвастливость своимъ внѣшнимъ праводѣіемъ, неисправимую испорченность ихъ сердець. Они подобны гробамъ скрытымъ, надъ которыми люди ходятъ и осеверняются, не зная того.

Тутъ одинъ изъ присутствовавшихъ законниковъ, какой-нибудь ученый профессоръ или праводѣрный мазореть, осмѣлился прервать величавый потокъ Его укоровъ. Онъ бытъ можетъ вообразилъ, что юный Пророкъ назаретскій (который былъ слишкомъ вротоеъ и смиренъ сердцемъ, поученія котораго народу доселѣ дышали духомъ таковой безконечной нѣжности) вообще слишкомъ мягкоеъ, слишкомъ любвеобилень, чтобы взаправду гремѣть такими укорами. Ему думалось бытъ можетъ, что достаточно вставить одно слово, чтобы остановить бурю Его распылавшагося гнѣва. Онъ еще не зналъ, что никакой сильный или великій характеръ не можетъ обойтись безъ проявленій праведнаго гнѣва. И вотъ, не зная того, что происходило въ душѣ Спасителя, и удивляясь таковому суровому обращенію со столь почтенными и высокими людьми, онъ вполголоса заявилъ неодобрительнымъ тономъ: „Учитель, говоря это, Ты и насъ обижаешь“.

Да, Онъ уворялъ и ихъ. Они также сваливали на плечи другимъ тягости, которыхъ не хотѣли нести сами; они также строили гробницы пророкамъ, которыхъ избивали отцы ихъ; они также отвернулись отъ вратъ разумѣнія и захватили влючи, чтобы никто не могъ войти ими; съ нихъ такъ же, какъ и со всего этого преступнаго рода, должна была взыматься кровь всѣхъ пророковъ, отъ крови Авеля до крови Захаріи, убитаго между жертвенникомъ и храмомъ.

Та же самая бесѣда, но еще полнѣе и грознѣе, была впоследствии произнесена Иисусомъ въ храмъ Іерусалимскомъ въ послѣднюю великую недѣлю Его земной жизни; но при этомъ случаѣ Онъ впервые съ высоты своего нравственнаго превосходства разразился надъ ними потрясающими молніями своихъ грозныхъ предостереженій, въ которыхъ семь разъ произнесена имъ страшная угроза: „горе вамъ“. Они быть можетъ думали, что Онъ обманется ихъ особенной мягкостью и лицемѣрнымъ гостеприимствомъ; но Онъ зналъ, что даже и тѣ сухія любезности, которыми они окружали Его, были не отъ чистаго сердца. Находясь одинъ между ними и, такъ сказать, предавъ себя такому обществу, Онъ имѣлъ еще новыя основанія низводить на ихъ головы громы предостереженій и суда, которыя впоследствии, въ случаѣ ихъ нераскаянности, должны были повергнуть ихъ въ прахъ. Имъ не удалось ни на мгновение обмануть Его. Фальшивая любезность, злое подобіе дружбы не заслуживаютъ никакого уваженія. Она можетъ сойти въ области пустой моды и свѣтской любезности, гдѣ часто слова устъ мягче масла у людей, брань имѣющихъ въ сердцахъ, и гдѣ льстятъ своимъ языкомъ, хотя гортань ихъ есть открытая могила; но она обращается въ ничто передъ очищающимъ огнемъ божественнаго сужденія и ничего не оставляетъ по себѣ, кромѣ горькаго удушливаго смрада. Пришло время показать этимъ лицемѣрамъ, какъ хорошо извѣстна была Ему испорченность ихъ сердца, какъ глубоко ненавидѣлъ Онъ негодность ихъ жизни.

Всѣ чувствовали, что это былъ открытый разрывъ. Пиръ въ смятеніи прекратился. Книжники и фарисеи сбросили свою маску. Изъ льстивыхъ друзей и любознательныхъ вопрошателей они сразу выступили въ своемъ настоящемъ видѣ, какъ смер-

тельные противники. Они окружили Иисуса, бурно, настойчиво, почти съ угрозами наступали на Него; начали изливать на Него цѣлый потокъ вопросовъ, испытывать и экзаменовать, насильственно заставляя Его сказать что-нибудь такое, на что они, подобно охотникамъ изъ засады, бросились бы съ жадностью, обличая невѣжество или улавливая ошибку, и главнымъ образомъ стараясь напасть на какой-нибудь слѣдъ ереси, чтобы найти основаніе для законнаго обвиненія, при помощи котораго имъ давно уже хотѣлось низложить Его.

Какъ Спаситель освободился отъ этого непристойнаго зрѣлища, какъ Онъ могъ удалиться изъ среды такихъ дерзкихъ враговъ—объ этомъ ничего не сообщается. Вѣроятно, Ему достаточно было одного мановенія руки, чтобы устранить своихъ враговъ и заставить ихъ дать Ему свободный выходъ. Между тѣмъ и народъ видимо заподозрилъ что-нибудь или узналъ о томъ, что происходитъ въ домѣ. Мгновенно передъ домомъ собралась громадная толпа, въ поспѣшности толкая и тѣсня другъ друга, и глухой, гнѣвный ропотъ совнѣ быть можетъ во-время даль знать фарисеямъ, что было бы опасно заходить слишкомъ далеко. Иисусъ вышелъ къ народу, весь еще пылая праведнымъ и сильнымъ гнѣвомъ, наполнявшимъ Его душу. Тотчасъ же, обращаясь сначала къ своимъ ученикамъ, а чрезъ нихъ и ко всей многотысячной толпѣ, Онъ высказалъ торжественное предостереженіе: „Берегитесь заваски фарисейской, которая есть *лицемъ-rie*“. Онъ предостерегалъ ихъ, что есть всевидящее око, въ тысячи разъ свѣтлѣе солнца, и тайна для него невозможна. Онъ увѣщевалъ ихъ не бояться людей (въ чему могли склонять ихъ печальныя смятенія послѣднихъ дней), но бояться Того, который не только можетъ убить тѣло, но и душу можетъ свергнуть въ геенну огненную. Богъ, возлюбившій ихъ, будетъ пещись о нихъ, и Сынъ человѣческій исповѣдаетъ предъ ангелами Божиими тѣхъ, кто исповѣдаетъ Его предъ людьми.

Когда Онъ такъ бесѣдовалъ съ народомъ, бесѣда Его въ высшей степени неблагоприятно была прервана—на этотъ разъ не враждою, не несвоевременнымъ вмѣшательствомъ, не неудержимымъ восторгомъ, а просто расчетомъ и своекорыстіемъ. Какой-то алчный, но малоразвитой человѣкъ изъ толпы, видя эти

слушающія народныя массы, самъ слыша властныя слова великаго Пророка, узнавъ о недавнемъ обличеніи фарисеевъ и ожидая, быть можетъ, немедленнаго отравленія мессіанскаго могущества, порѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ для своихъ житейскихъ цѣлей. Онъ подумалъ, если можно такъ выразиться, что тутъ можно сдѣлать хорошій гешефтъ, и крайне неумѣстно и непристойно прервалъ Иисуса просьбой: „Учитель, скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлилъ со мною наслѣдство“.

Почти суровый приговоръ послѣдовалъ со стороны Спасителя на эту просьбу человѣка, всецѣло поглощеннаго своими себялюбивыми расчетами. Это, повидимому, былъ одинъ изъ тѣхъ нерѣдкихъ людей, для которыхъ вся вселенная пропитана ихъ личнымъ я; и онъ вѣжеся думалъ, что и главною цѣлью самаго пришествія Мессіи будетъ только то, чтобы обезпечить ему надлежащій раздѣлъ доставшагося ему наслѣдства и принудить въ нему несогласнаго брата. Иисусъ сразу разсѣялъ его до жалости грубыя ожиданія и затѣмъ предостерегалъ его и всѣхъ слушателей, чтобы они остерегались заключать всѣ свои надежды въ узкій горизонтъ земныхъ удобствъ и выгодъ. Какъ при всей своей краткости богата значеніемъ рассказанная Имъ при этомъ маленькая притча о богатомъ глупцѣ, который въ своемъ жадномъ, до богозабвенія самонадѣянномъ своекорыстіи намѣревался дѣлать то и другое, и который, совсѣмъ забывая, что существуетъ смерть и что душа не можетъ питаться хлѣбомъ, думалъ, что душѣ его надолго хватить этихъ „плодовъ“, „добра“ и „житницъ“ и что ей достаточно только „ѣсть, пить и веселиться“, но которому, какъ страшное эхо, прогремѣлъ съ неба потрясающій и полный ироніи приговоръ: *„Безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ?“* (Лук. XII, 16—21).

И затѣмъ Спаситель подробно развилъ свою мысль. Онъ говорилъ имъ, что душа больше пищи и тѣло больше одежды. Опять напомнилъ имъ, какъ Богъ одѣваетъ лучше славы Соломоновой нетрудящіяся лиліи и питаетъ беззаботныхъ вороновъ, не сѣющихъ и не жнущихъ. Пища, одежда и всякія имѣнія не составляютъ жизни; есть нѣчто лучше, чего и должно искать. Пусть же они не мнутъ на этомъ волнуемомъ морѣ

бездушной суеты; пусть жизнь ихъ будетъ преисполнена безстрашной надеждой, искреннимъ чловѣколюбіемъ, будетъ жизнью съ препоясанными чреслами и зажженными свѣтильниками — подобно жизни раба, каждое мгновение ожидающаго возвращенія своего господина.

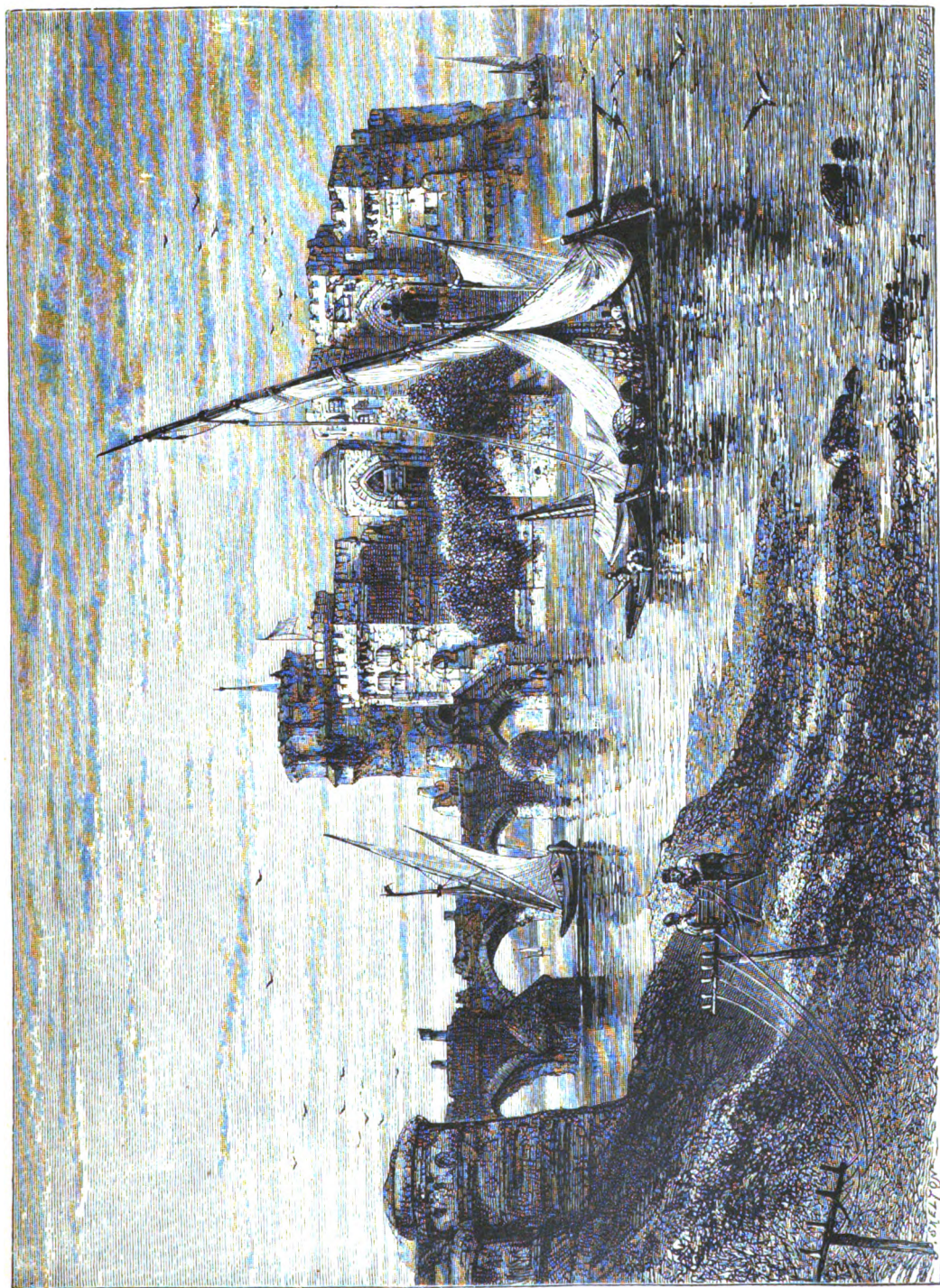
Наставленія эти главнымъ образомъ были обращены къ ученикамъ, хотя и для народа, слышавшаго ихъ, они во всякомъ случаѣ не теряли своей важности. Но здѣсь любопытство превозмогло Петра, и онъ спросилъ: ученикамъ ли собственно говорилась эта притча, или всѣмъ?

Спаситель не отвѣтилъ на этотъ вопросъ, и Его молчаніе было лучшимъ отвѣтомъ. Пусть только каждый чловѣкъ заботится, чтобы онъ именно былъ этимъ вѣрнымъ и мудрымъ рабомъ; блаженъ будетъ онъ тогда; но страшная, какъ разъ по мѣрѣ знанія и преимуществъ, кара постигнетъ прозорливаго, жестокаго, безпутнаго раба-пьяницу, котораго господинъ застанетъ среди его беззаконій.

И тогда при мысли объ этомъ страшномъ судѣ взволновался духъ Христа. Онъ думалъ объ отвергнутомъ мирѣ, который долженъ былъ окончиться яростной бранью, о раздѣленіи домовъ и разлученіи друзей. Ему должно было креститься огнемъ и душа Его томилась желаніемъ, пока оно не совершилось. Онъ пришелъ низвести огонь на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся! чтобы огонь былъ какъ бы духовнымъ крещеніемъ, тотъ очищающій огонь, который бы въ одно и то же время вдохновлялъ и ослѣплялъ, освѣщалъ и разрушалъ, въ одно и то же время закрѣплялъ бы глину и расплавлялъ золото. При этомъ намъ вспоминается одно изъ тѣхъ замѣчательныхъ изреченій, хотя только преданіемъ приписываемыхъ Христу, которое могло имѣть связь съ выраженною здѣсь мыслью:

„Кто близъ Меня, тотъ близъ огня; и кто далеко отъ Меня, тотъ далеко отъ царства небснаго“.

Но отъ этихъ печальныхъ мыслей Онъ опять возвратился къ ближайшимъ потребностямъ народа. По краснотѣ неба, по поднятію облаковъ они могли предсказывать, что пойдетъ ливень или подуеъ знойный вѣтеръ, — какъ же они не могли различать знаменій времени? Они всматривались въ отдаленныя

Сидонъ.

области неба, ища признавъ того, что совершается въ воздухѣ, которымъ дышать, и на землѣ, по которой ходятъ; но искали ли они какъ слѣдуетъ во внутреннемъ состояніи своихъ собственныхъ душъ? Если они хотятъ видѣть планету, которая управляетъ ихъ жизнью и вліяетъ на ихъ судьбу, то они должны исвать ее не во внѣшней измѣнчивости небесныхъ явленій, но каждый въ глубинѣ своего собственнаго сердца. Пусть же воспользуются они настоящимъ благопріятнымъ случаемъ для примиренія съ Богомъ. И для людей, и для народовъ бываетъ иногда наконецъ уже „поздно“.

На этомъ бесѣда, повидимому, и закончилась. Это въ послѣдній разъ народъ слышалъ Его ученіе, которое должно было прекратиться на нѣсколько времени. Окруженный врагами, не только могущественными, но и крайне ожесточенными теперь; непріятный ближайшимъ царедворцамъ того самаго царя, во владѣніи котораго Онъ жилъ; преслѣдуемый открытою ненавистью и тайными кознями шпіоновъ въ лицѣ людей, которыхъ привыкъ уважать народъ; чувствуя, что народъ не понимаетъ Его, а въ умахъ его вождей и наставниковъ уже готовъ для Него приговоръ осужденія и смерти,—Онъ на время оставилъ свою родную страну и отправился въ чужіе языческіе города, чтобы тамъ найти себѣ тотъ отдыхъ и миръ, въ которомъ Ему отказано было на родинѣ.

ГЛАВА XXXIV.

СРЕДИ ЯЗЫЧНИКОВЪ.

Свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ.
Сумеонъ Богопримецъ.

И

ВЫШЕДШИ оттуда, Иисусъ удалился въ страны Тирскія и Сидонскія (Матѣ. хv, 21—28; Марк. vii, 24—30).

Такая краткая замѣтка предпосылается немногимъ и скуднымъ извѣстіямъ о томъ періодѣ жизни и дѣятельности Спасителя, о которомъ, еслибы намъ дано было, мы съ глубочайшимъ интересомъ желали бы узнать нѣсколько побольше. Но изъ этого посѣщенія языческаго міра сообщается только

единственный случай. Казалось бы, что въ этой отдаленной странѣ можно было вполне разсчитывать не только на безопасность, но и на полный покой; но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Мы уже видѣли указанія на то, что слава о Его чудесахъ проникла даже до древнихъ финикійскихъ городовъ, и едва Онъ вступилъ въ ихъ окрестности, какъ оказалось, что ему нельзя было скрыть себя и здѣсь. Одна женщина уже искала Его и, слѣдуя за Его спутниками, усиленно просила: „помилуй меня, Господи, Сынь Давидовъ! дочь моя жестоко бѣснуется“.

Можно бы подумать, что Спаситель отвѣтитъ на такую мольбу немедленнымъ и охотнымъ исполненіемъ ея, тѣмъ болѣе, что, удовлетворяя ея просьбу, Онъ символически представилъ бы распространеніе своего царства на три величайшія вѣтви языческаго міра. Женщина эта была по происхожденію хананеянка и сирофиникіянка, по положенію римская подданная, по образованію и языку гречанка; и ея обращеніе къ милосердію Мессіи избраннаго народа могло казаться первымъ плодомъ той жатвы, на которой впоследствии долженъ былъ произрости обильный плодъ въ Тирѣ и Сидонѣ, въ Карфагенѣ, Греціи и Римѣ. Но Иисусъ (не служить ли это однимъ изъ безчисленныхъ доказательствъ того, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ шатвимъ и ложнымъ преданіемъ, а съ настоящимъ фактомъ?)— „не отвѣчалъ ей ни слова“.

Ни при какомъ другомъ случаѣ не сообщается о подобной видимой холодности со стороны Христа; не указывается здѣсь и причинъ, заставившихъ Его дѣйствовать такъ. Двѣ только представляются возможными здѣсь: быть можетъ, Онъ желалъ испытать чувства своихъ учениковъ, которые, при узкой исключительности іудейскаго духа, могли оказаться неподготовленными въ тому, чтобы видѣть Его оказывающимъ благодѣяніе не только язычницѣ, но хананеянкѣ, потомуку провлятаго рода. Правда, Онъ испѣдилъ слугу сотника, но тотъ былъ римлянинъ, очевидно благодѣтельствовавшій іудеямъ, и по всей вѣроятности прозелитъ вратъ. Но, еще вѣроятнѣе, знаа, что послѣдуетъ за этимъ, Онъ желалъ побольше испытать вѣру этой женщины, какъ для того, чтобы увѣнчать ее болѣе полной и славной наградой, такъ и для того, чтобы она узнала нѣчто гораздо больше относи-

тельно Его, чѣмъ простой іудейскій титулъ, быть можетъ, случайно подхваченный ею. И затѣмъ, такъ какъ всякое чудо исполнено также и нравственнаго значенія, Онъ, быть можетъ, желалъ на всѣ времена ободрить насъ въ нашихъ молитвахъ и упованіяхъ и научить не ослабѣвать, когда бы даже казалось намъ, что гнѣвно лицо Его къ намъ и слухъ Его отвращенъ отъ насъ.

Утомленные ея неотвязчивыми воплями, ученики стали просить Иисуса отпустить ее. Но какъ бы не придавая значенія даже *ихъ* просьбѣ, Онъ сказалъ имъ: „Я посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома Израилева“.

Тогда женщина подошла и, припавъ къ ногамъ Его, начала умолять Его, говоря: „Господи, помоги мнѣ“. Неужели же Онъ могъ не тронуться горемъ ея? Могъ ли Онъ отвергнуть такую мольбу и заставить ее ни съ чѣмъ возвратиться домой, чтобы съ убитымъ сердцемъ вновь смотрѣть на припадки бѣсноватой дочери? Спокойно вышелъ изъ тѣхъ устъ, которыя никогда еще не отвѣчали на мольбу просящаго чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ милосердія,—холодный отвѣтъ: „не хорошо взять хлѣбъ у дѣтей и бросить псамъ“.

Такой отвѣтъ могъ бы холодомъ охватить ея душу; и еслибы Спаситель не предвидѣлъ, что ея душа полна той рѣдкостной надежды, которая можетъ видѣть милосердіе и принятіе просьбы даже въ видимомъ отверженіи ея, то Онъ не отвѣтилъ бы ей такъ. Но и всѣ снѣга ея родныхъ Ливанскихъ горъ не могли бы заглушить того огня любви, который пылалъ на алтарѣ ея сердца, и быстро, какъ эхо, послѣдовалъ отъ нея славный и безсмертный отвѣтъ: „Такъ, Господи! но и псы ѣдятъ крохи, которыя падаютъ со стола господъ ихъ“!

И она восторжествовала, и больше чѣмъ восторжествовала. Ни на минуту больше Спаситель не продлилъ мукъ ея ожиданія. „О женщина! воскликнулъ Онъ, велика вѣра твоя; да будетъ тебѣ по желанію твоему“. Съ обычною краткостью и живописностью евангелистъ Маркъ заканчиваетъ это повѣствованіе трогательными словами: „И пришедши въ свой домъ, она нашла, что бѣсъ вышелъ, и дочь лежитъ на постели“.

Долго ли Спаситель пробылъ въ этихъ странахъ, и въ какихъ мѣстахъ останавливался—мы не знаемъ. Удаленіе Его отъ

сюда вѣроятно ускорено было тою гласностью, которою сопровождалась Его движенія даже здѣсь и которая въ странѣ, гдѣ главною Его цѣлью было сповойно поучать своихъ ближайшихъ возлюбленнѣйшихъ послѣдователей, а не проповѣдывать или совершать дѣла милосердія, могла только затруднять Его дѣло. Поэтому Онъ оставилъ эту замѣчательную страну. Несомнѣнно съ чувствомъ грусти и любопытства Онъ могъ посмотрѣть на Тирь, съ его торговымъ величіемъ, его древними преданіями, его пышнымъ и грязнымъ идолослуженіемъ, съ его отношеніемъ къ исторіи и пророчествамъ его родной страны; на Сареπτу, съ ея воспоминаніями о бѣгствѣ Иліи и чудесахъ Елисея; на Сидонѣ, съ его ловлями пурпурныхъ раковинъ, его гробницами нѣкогда знаменитыхъ, но давно забытыхъ царей; съ его башнями, поднимающимися изъ пальмовыхъ и лимонныхъ роцъ у берега синяго историческаго моря; на бѣлые паруса безчисленныхъ вораблей, плавающихъ къ островамъ язычниковъ и во всѣмъ благодатнымъ и знаменитымъ странамъ Греціи, Италіи и Испаніи. Но Его дѣло было не здѣсь, и, опять оставивъ эти финикійскіе предѣлы Мелварта и Аперы, вааловъ и асартъ, Онъ направился къ востоку (вѣроятно, по глубокой горловинѣ быстро и красиваго Леонта), и, достигнувъ такимъ образомъ истоковъ Иордана, отправился по его берегамъ на югъ въ страну Десятиградія.

Десятиградіемъ называлась область къ востоку отъ Иордана, простиравшаяся на сѣверъ, повидимому, до Дамаска и на югъ до рѣки Іавова, составлявшей сѣверный предѣлъ Перей. Это былъ союзъ десяти вольныхъ городовъ въ той области, которую іудеи по возвращеніи изъ плѣна нивогда уже не могли вернуть себѣ и которая поэтому занята была главнымъ образомъ язычниками, составлявшими отдѣльную часть этой римской провинціи. Приѣмъ Иисуса въ этой полуязыческой области повидимому былъ благопріятный. Куда бы Онъ ни пошелъ, Ему всегда приходилось по необходимости употреблять свои чудодѣйственныя силы въ пользу страдальцевъ, просившихъ Его помощи; и въ одномъ изъ этихъ городовъ Его умоляли исцѣлить челоувѣка, который былъ глухъ и едва способенъ говорить (Мар. VII, 32—37). Онъ могъ бы исцѣлить его словомъ, но очевидно тутъ

были обстоятельства, вторыя дѣлали желательнымъ, чтобы это исцѣленіе совершенно было постепенно, при посредствѣ видимыхъ знаковъ. Онъ отвелъ больного въ сторону, вложилъ свои пальцы въ уши ему и, плюнувъ, воснулъ его языка; ев. Маркъ передаетъ, что Онъ при этомъ вздохнулъ и взоръ свой поднялъ къ небу, произнесъ единственное слово: „εφφαε“, то-есть отверзись. Здѣсь опять не открывається намъ, что такъ внезапно печалило духъ Христа. Быть можетъ, Онъ вздохнулъ изъ жалости къ страдальцу, быть можетъ, изъ жалости ко всему этому народу, быть можетъ, о всѣхъ грѣхахъ и страданіяхъ, унижающихъ и удручающихъ человѣчество; но несомнѣнно Онъ вздохнулъ съ чувствомъ глубокой любви и состраданія, и вздохъ этотъ, какъ выраженіе безконечнаго ходатайства, донесся до слуха Господа силъ.

Народъ этой удаленной области, незнакомый съ Его чудесами, былъ чрезвычайно изумленъ. Внушеніе Спасителя о сохраненіи происшествія въ тайнѣ по обывновенію не было исполнено, и вся надежда на возможность уединенія исчезла. Исцѣленіе это, повидимому, было совершено неподалеку отъ восточнаго берега озера Галилейскаго; огромная толпа послѣдовала за Иисусомъ на вершину горы, съ которой открывається видъ на озеро, и, приводя туда съ собой хромыхъ, слѣпыхъ, нѣмыхъ, увѣчныхъ, повергали ихъ къ ногамъ великаго Врача, и Онъ исцѣлялъ ихъ всѣхъ. Исполненный необычнаго и радостнаго изумленія, народъ Десятиградія не могъ оторваться отъ Иисуса, и эти полужычники „прославляли Бога Израилева“ (Матѳ. xv, 29 — 39; Марк. viii, 1—9).

Трое сутокъ пробыли они съ Нимъ, и такъ какъ многіе прибыли издалека, то пища истощилась у нихъ. Иисусъ сжалился надъ ними и видя ихъ вѣру и не желая допустить, чтобы они ослабѣли въ дорогѣ, еще разъ приготовилъ для народа трапезу въ пустынѣ. Нѣкоторые находятъ страннымъ, что въ отвѣтъ на выраженіе Его сожалѣнія ученики не сразу догадались, что бы Онъ могъ сдѣлать для народа. Но въ этомъ видна особая черта деликатности и правды: они знали, что Ему несвойственна расточительность сверхъестественныхъ силъ, и Онъ безъ нужды не употреблялъ своего чудодѣйственнаго могущества. Много разъ

бывали они и прежде съ народомъ, и однако же только при одномъ случаѣ Онъ напиталъ его. Кромѣ того, послѣ совершенія этого чуда Онъ строго укорялъ тѣхъ, которые приходили къ Нему въ ожиданіи повторенія чуда, и произнесъ столь строгое и сильное внушеніе, что оно оттолкнуло отъ Него даже многихъ изъ Его друзей. Намевнуть Ему о повтореніи чудеснаго насыщенія народа поэтому было бы съ ихъ стороны нескромностью, которой не допускало все усиливавшееся въ нихъ благоговѣніе къ Нему, тѣмъ болѣе, что они помнили, съ какою рѣшительностью Онъ отказался совершить подобное знаменіе по просьбѣ другихъ. Но какъ только Онъ далъ имъ знать о своемъ намѣреніи, они съ полною вѣрою стали служить Ему. Они разсадили народъ, и раздавали ему чудесно увеличивавшіеся семь хлѣбовъ и пять малыхъ рыбъ; и на этотъ разъ уже безъ приказанія собрали оставшіеся куски и наполнили ими семь большихъ корзинъ послѣ того, какъ огромная толпа въ четыре тысячи человекъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, ѣла и насытилась. Затѣмъ благодушно и мирно, безъ всякаго проявленія со стороны народа того ложнаго, поддѣльнаго возбужденія, которымъ сопровождалось прежнее чудо, Спаситель вмѣстѣ со своими апостолами отпустилъ ликующій и благодарный народъ.

ЖИЗНЬ ИСУСА ХРИСТА.

СОЧИНЕНІЕ

Ф. В. ФАРРАРА,

ДОКТОРА БОГОСЛОВІЯ, ЧЛЕНА КОРОЛЕВСКАГО ОБЩЕСТВА, АРХИДИАКОНА И КАНОНИКА
ВЕСТМИНСТЕРСКАГО И ОРДЕНАРНАГО КАПЕЛЛАНА КОРОЛЕВЫ АНГЛІЙСКОЙ.

НОВЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ 30-го АНГЛІЙСКАГО ИЗДАНІЯ

А. П. ЛОПУХИНА.

ШЕСТОЕ ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНИЕ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 16-ти ПОЛИТИПАЖЕЙ.

Manet immota Fides.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавца И. Л. ТУЗОВА.

1893.

ГЛАВА XXXV.

ВЕЛИКОЕ ИСПОВѢДАНІЕ.

Сія познали, что Ты послалъ Меня.
Иоан. xvii, 25.

СОВЕРШЕННО иной приемъ ожидалъ Иисуса на другомъ берегу. Бѣдные язычники Десятиградія привѣтствовали Его съ восторженнымъ почтеніемъ: надменные фарисеи Иерусалима встрѣтили Его съ презрѣніемъ и ненавистью. Очень возможно, что послѣ времени, проведеннаго въ отсутствіи, Его человѣческая душа жаждала того единственнаго мѣста отдыха, которое Онъ могъ назвать своимъ домомъ. Сѣвъ въ лодку, Онъ направился черезъ озеро въ Магдалу. Вѣроятно Онъ намѣренно не поѣхалъ въ Виесаиду и Капернаумъ, которые лежали нѣсколько сѣвернѣе Магдалы и сдѣлались главнымъ мѣстопробываніемъ враждебныхъ Ему фарисеевъ. Но послѣдніе уже и такъ подсматривали за Его прибытіемъ. Они какъ будто наблюдали съ городской башни Магдалы за приближеніемъ Его лодки, и едва ступилъ Онъ на берегъ, какъ они уже вышли Ему на-встрѣчу. Но они были уже не одни: на этотъ разъ вмѣстѣ съ ними — зловѣщее предзнаменованіе! — были ихъ соперники и враги саддукеи, та скептическая, полурелигіозная, полуполитическая секта, къ которой въ это время принадлежали два первосвященника, равно какъ и члены царствующаго дома. Всѣ партіи въ высшихъ классахъ — фарисеи, сильные своимъ религіознымъ вліяніемъ на народъ; саддукеи, немногочисленные въ своемъ составѣ, но могущественные по

своему богатству и положенію; иродіане, сильные собственно вліяніемъ римлянъ и ихъ ставленниковъ — четвертовластниковъ; книжники и законники, авторитетные носители правовѣрія и учености — всѣ они теперь соединились противъ Него въ одну крѣпкую фалангу съ цѣлюю возней и противодѣйствія Ему, порѣшивъ главнымъ образомъ препятствовать Его проповѣди и охладить къ нему, насколько это было возможно, чувства народа, среди котораго совершилось большинство Его великихъ дѣлъ.

Они уже знали по опыту, что самымъ дѣйствительнымъ средствомъ подорвать довѣріе къ Его дѣлу и поколебать Его вліяніе было требованіе отъ Него знаменія, главнѣе всего знаменія съ неба. Еслибы Онъ былъ дѣйствительно Мессія, то почему бы Ему не дать имъ хлѣба съ небесъ, подобно тому, какъ давалъ Моисей? Гдѣ же этотъ громъ Самуиловъ и огонь Иліинъ? Почему бы не затмиться солнцу, лунѣ не обратиться въ кровь и звѣздамъ небеснымъ не поколебаться? Почему бы не появиться предъ Нимъ какому-нибудь столпу огненному, ведущему къ побѣдѣ или не разразиться грозному *Бат-Колу* для подтвержденія Его словъ?

Они знали, что имъ не будетъ дано никакого подобнаго знаменія, и сознавали также, что Онъ высказывалъ имъ самыя сильныя основанія своего трижды повтореннаго отказа удовлетворить ихъ заносчивое и грубо вещественное требованіе (Іоан. п, 18; vi, 30; Матѣ. хп, 38). Еслибы они знали о бывшемъ Ему искушеніи въ пустынѣ, то увидѣли бы, что первые отвѣты Его искушителю были въ этомъ же самомъ духѣ крайняго самоотреченія. Еслибы Онъ удовлетворилъ ихъ просьбу, то какая цѣль была бы достигнута этимъ? Вѣдь не вліяніе внѣшнихъ силъ, но внутреннее начало жизни въ самомъ зародышѣ даетъ ростъ доброму сѣмени; такъ и загрубѣлое сердце можетъ быть тронуту или упорное невѣріе поколеблено не грозными знаменіями и чудесными дѣлами, а внутреннимъ смиреніемъ и благодатію Божіею, сходящею, подобно росѣ небесной, незримо и тихо. Чтò вышло бы изъ того, еслибы имъ дано было знаменіе? Наличные его свидѣтели-очевидцы приписали бы его бѣсовской силѣ; тѣ, которымъ было бы сообщено о немъ, объяснили бы

его какъ-нибудь иначе, а въ слѣдующемъ поколѣніи стали бы отрицать его, какъ вымыселъ, или отнесли бы къ области мифа.

Несмотря на все это, фарисеи и саддукеи видѣли, что теперь такой отказъ удовлетворить ихъ требованію дать имъ удобное оружіе противъ Христа и будетъ надежнымъ средствомъ для ослабленія народнаго благоговѣнія къ Нему. Но Христосъ ни на минуту не задумался отвергнуть такое искушеніе съ ихъ стороны. По *ихъ* требованію Онъ такъ же не хотѣлъ совершить низагого удостовѣрительнаго чуда, какъ и по требованію искушителя-дѣвола. Онъ и теперь сказалъ имъ то же, что говорилъ раньше, именно, что знаменіе не дастся имъ, кромѣ знаменія Іоны пророка. Указывая на западный небосклонъ, зардѣвшій отъ сгущавшихся лучей заходящаго солнца, Онъ сказалъ имъ: „вечеромъ вы говорите: будетъ ведро, потому что небо красное; и поутру: сегодня ненастье, потому что багрово. Лицемѣры! различать лицо неба вы умѣете, а знаменій время не можете“ (Матѣ. хvi, 1—4; Марк. viii, 10—13)?

Сказавъ это, Онъ глубоко вздохнулъ. Въ теченіе нѣкотораго времени Онъ былъ на чужбинѣ. Съ полною вѣрою припадали къ Нему въ странахъ тирскихъ и сидонскихъ. Съ чувствомъ живѣйшей благодарности повсюду привѣтствовали Его въ области языческаго Десятиградія; здѣсь же на родинѣ подъ личиною лицемѣрной ревности по вѣрѣ Его встрѣтила торжествующая наглость противниковъ. Вотъ та дорогая Его сердцу равнина, гдѣ Имъ совершенно было столько славныхъ дѣлъ милосердія и высказано за все время столько высочайшихъ и безсмертныхъ истинъ. Онъ возвратился сюда, чтобы опять при случаѣ потрудиться въ этомъ небольшомъ округѣ, гдѣ за Нимъ нѣбогда слѣдовали тысячи ливущаго народа, съ глубочайшимъ вниманіемъ ловившаго всякое сказанное Имъ слово. Онъ приблизился къ Магдалѣ, небольшому селенію, имени котораго суждено было навсегда стать выразительнѣйшимъ словомъ любвеобильнѣйшаго божественнаго состраданія, хотѣлъ еще разъ войти въ эти маленькіе города и селенія, дававшіе Ему хоть тѣнь неимѣвагося у Него крова; — но едва Онъ ступилъ на кремнистый берегъ, едва вышелъ за опушку цвѣтущихъ вустовъ, окаймляющихъ воду, едва вслушался въ щебетанье многочислен-

ныхъ птичекъ, привѣтствовавшихъ Его опять своими знаемыми голосами,—какъ уже видить, что всѣ эти самодовольные лицемеры умирающей религіи дружно выступили противъ Него, чтобы не дать Ему хода!

Онъ не навязывалъ своихъ милостей тѣмъ, которые отвергали ихъ. Какъ въ послѣдующіе дни несчастный народъ предпочелъ разбойника и убійцу Господу жизни, такъ теперь галилеяне, предпочтя фарисеевъ, должны были лишиться Христа. Онъ оставилъ ихъ, какъ нѣкогда оставилъ гадарянъ, отвергнутый, лишенный возможности даже отдохнуть у себя дома; съ тяжелымъ сердцемъ, торжественно и грустно оставилъ Онъ ихъ, оставилъ навсегда, съ желаніемъ побывать еще разъ въ сосѣднихъ мѣстахъ, но никогда опять не возвращаться сюда гласно, никогда болѣе не совершать здѣсь чудесъ, не учить и не проповѣдывать.

Былъ уже поздній осенній вечеръ, когда Онъ снова вошелъ въ лодку и велѣлъ ученикамъ направить ее въ Виесаидѣ Юліиной, у сѣверной оконечности озера. По пути имъ приходилось плыть мимо яркихъ песчаныхъ береговъ западной Виесаиды, гдѣ Петръ и сыновья Зеведея играли въ дѣтствѣ; они видѣли также бѣлую мраморную синагогу капернаумскую, которая бросала тѣнь свою на зыблющіяся воды, отражавшія въ себѣ зарево вечерней зари. Не въ такой ли моментъ, когда Онъ оставлялъ Галилею съ полной увѣренностью, что Его дѣло кончено тамъ и что Онъ удалялся изъ нея подъ опалой отверженія и приговоромъ вѣрной смерти,—не въ эту ли великую минуту скорби изрекъ Онъ нераскааннымъ городамъ, въ которыхъ совершена была Имъ большая часть Его славныхъ дѣлъ, ожидавшее ихъ великое горе?

„Горе тебѣ, Хоразинъ! горе тебѣ, Виесаида! ибо еслибы въ Тирѣ и Сидонѣ явлены были силы, явленные въ васъ, то давно бы они во вретичѣхъ и пеплѣхъ покаялись.

„Но говорю вамъ: Тиру и Сидону будетъ отраднѣе въ день суда, нежели вамъ.

„И ты, Капернаумъ, до неба вознесійся, до ада низвергнешься; ибо еслибы въ Содомѣ явлены были силы, явленные въ тебѣ, то онъ оставался бы до сего дня.

„Но говорю вамъ, что землѣ Содомской отрадѣе будетъ въ день суда, нежели тебѣ“ (Мѡ. хі, 20—24; Лук. х, 12—15).

Были ли эти трогательныя слова произнесены при этомъ случаѣ какъ суровое и грустное прощаніе съ своимъ общественнымъ служеніемъ въ странѣ, которую Онъ любилъ, — мы не знаемъ; но несомнѣнно душа Его была отягчена сворбью о невѣрїи и сердечномъ ожесточенїи, о помраченїи разума и растлѣнїи совѣсти тѣхъ, которые не дали Ему возможности ступить на почву родной страны. Вѣрно было сказано однимъ великимъ, проницательнымъ ораторомъ, что „нѣтъ ненавистиѣе и омерзительнѣе вида самообольщенїа, чѣмъ тотъ, который скрываетъ упорство и ложь подъ личиною откровенности и религіознаго благочестїа“. Отвращенїе въ этому омерзительному пороку очевидно наполняло огорченное сердце Іисуса, когда Онъ во время плаванїа вдоль этихъ прелестныхъ береговъ, по направленїю къ сѣверу, сказалъ ученикамъ своимъ: „смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской“.

Онъ ничего больше не прибавилъ въ этому, и замѣчанїе Его до странности простоватыя ученики нелѣпо перетолковали. Они постоянно принимали Его образныя выраженїа за буквальные и Его буквальные выраженїа за иносказательныя. Когда Онъ назвалъ себя „хлѣбомъ съ небесъ“, они нашли это совершенно для себя непонятнымъ и думали: „какія странныя слова“. Когда Онъ сказалъ: „у Меня есть пицца, которой вы не знаете“, они нашлись только замѣтить: „развѣ кто принесъ Ему ѣсть“? Когда Онъ сказалъ: „Лазарь, братъ нашъ, уснулъ“, они отвѣчали: „Господи, если уснулъ, то выздоровѣетъ“. То же самое и теперь: хотя закваска считалась однимъ изъ самыхъ обычныхъ образовъ грѣха и особенно грѣха коварства и тайныхъ козней, они сумѣли придать этому замѣчанїю то единственное толкованїе, что Онъ предостерегалъ ихъ не повупать закваску у фарисеевъ и саддукеевъ, или быть можетъ восвенно уворялъ ихъ за то, что они, второпяхъ и въ смятенїи вслѣдствїе неожиданнаго отплытїа, взяли съ собой только одинъ каравай хлѣба! Спаситель былъ крайне огорченъ такимъ крайнимъ неразумнѣнїемъ ихъ, такимъ почти тупоумнымъ бувоѣдствомъ. Неужели они еще могли предполагать, что съ Тѣмъ, по слову котораго

чудесно умножались хлѣбы и рыбы, они, которые сами по насыщеніи пяти тысячъ народа собрали двѣнадцать корзинъ и по насыщеніи четырехъ тысячъ семь большихъ корзинъ остатковъ, неужели они еще послѣ этого могли думать, что имъ можетъ угрожать голодъ? Почти негодованіемъ звучать тѣ быстрые вопросы, въ которыхъ Онъ показывалъ имъ ихъ заблужденіе. „Что помышляете въ себѣ, маловѣрные, что хлѣбовъ не взяли? Еще ли не понимаете и не разумѣете? Еще ли оваменѣло у васъ сердце? Имѣя очи, не видите? Имѣя уши, не слышите? и не помните“? И затѣмъ, напомнивъ имъ о своихъ чудесахъ, Онъ еще разъ спросилъ ихъ: „какъ же не разумѣете“? Они не осмѣливались спросить у Него объясненія; въ Его личности было что-то такое великое и страшное, что, какъ ни сильна была ихъ любовь къ Нему, она уступала мѣсто благоговѣйному страху; но теперь и имъ становилось ясно, что Онъ разумѣлъ нѣчто другое и предостерегалъ ихъ не отъ хлѣбной завяски, а отъ ученія фарисеевъ и саддусеевъ.

Въ Внесайдѣ Юлиной, вѣроятно на слѣдующее утро, къ Нему приведенъ былъ слѣпецъ для исцѣленія. Исцѣленіе было совершено Имъ почти такъ же, какъ и исцѣленіе глухонѣмого въ Десятиградіи. Теперь у І. Христа не было уже той охотности, той самовызванности, которыми отличались Его прежнія чудеса. Въ одномъ отношеніи это чудо отличается отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ чудесъ тѣмъ, что оно было совершено, такъ сказать, методически. Иисусъ взялъ слѣпца за руку, вывелъ его за селеніе и, поклонувъ ему на глаза, возложилъ на него руки и спросилъ, видитъ ли онъ. Тотъ взглянулъ вдаль, но, будучи еще не совсѣмъ исцѣленнымъ, сказалъ: „вижу проходящихъ людей, какъ деревья“. Только уже когда во второй разъ Иисусъ возложилъ руки на его глаза, слѣпецъ сталъ видѣть все ясно. И тогда Иисусъ велѣлъ ему идти домой, не заходя въ Внесаиду, и не рассказывать никому о случившемся. Мы не имѣемъ возможности объяснить, почему Христосъ прибѣгъ на этотъ разъ къ такому способу исцѣленія. Невозможность полного уразумѣнія того, что руководило Его дѣйствіями, происходитъ отъ необычайной краткости повѣствованія, въ которомъ евангелистъ, какъ это часто бываетъ у писателей, слиш-

комъ близко знакомыхъ съ своимъ предметомъ, опускаетъ многія подробности, предполагая, что дѣло и безъ нихъ будетъ такъ же понятно всякому читателю, какъ и ему самому. Можно догадываться только, что тутъ имѣла значеніе нерасположенность Христа въ этимъ языческимъ иродіанскимъ городамъ, съ ихъ подражательной греческой архитектурой, ихъ распущенными нравами и даже самыми ихъ названіями, напоминавшими, какъ, напримѣръ, сама эта Виесаида Юліина, самыхъ гнусныхъ людей. Мы видимъ изъ самыхъ евангелій, что богатство и сила чудесъ всегда проявлялись соразмѣрно съ вѣрою принимающихъ: тамъ, гдѣ вѣра была скудная, вполнѣ естественно, что и чудесъ совершалось немного и совершались они притомъ неохотно, медленно.

Изъ Виесаиды Юліиной Иисусъ направился въ Кесарію Филипповой. Тутъ очевидно Онъ также не входилъ въ самый городъ, а только посѣтилъ „страны“ и „селенія“ его, то-есть близъ лежащія окрестности. Почему Онъ направился сюда именно, объ этомъ ничего не говорится. Городъ этотъ пережилъ много превратностей. Подъ названіемъ „Лаисъ“ онъ былъ во владѣніи распущенныхъ сидонцевъ, съ названіемъ „Дана“ онъ былъ главнымъ убѣжищемъ одной части воинственнаго колѣна Данова, сѣвернымъ пограничнымъ пунктомъ царства израильскаго и мѣстомъ поклоненія золотому тельцу. Съ поселеніемъ въ немъ грековъ онъ былъ переименованъ въ Панею, въ честь пещеры подъ возвышающейся надъ нимъ горой, искусственно передѣланной въ гротъ бога Пана и украшенной нишами, въ которыхъ нѣкогда стояли статуи лѣсныхъ нимфъ. Сдѣлавшись столицей Ирода Филиппа, онъ долженъ былъ опять принять новое имя — въ честь самого четверовластника и его покровителя Тиверія. Спаситель могъ съ любопытствомъ глядѣть здѣсь на изящные бряжи Ливана и Антиливана; любоваться великолѣпной снѣговидной громадой Ермона, сверкающей при разсвѣтѣ и пылающей при вечерней зарѣ; ходить вокругъ озера Фіала и смотрѣть на полноводный фонтанъ, гдѣ именно Иорданъ, пройдя подъ землей, бурно и весело вырывается на поверхность; но самый городъ могъ вызывать въ немъ только грусть — своими темными воспоминаніями объ отступничествѣ израильскаго царства, своимъ

жалкимъ подражаніемъ римскому имперіализму и сломанными статуями своей осѣверненной греческимъ идолопоклонствомъ пещеры.

Но на пути въ эту сѣверную область произошелъ случай, который вполне можно считать поворотнымъ пунктомъ въ земномъ служеніи Христа (Мате. хvi, 13—28; Марк. viii, 27; ix, 1; Лук. ix, 18—27). Онъ былъ одинъ. Толпа, которая постоянно тѣснилась около Него въ болѣе посѣщавшихся Имъ областяхъ, тутъ слѣдовала за Нимъ только въ отдаленіи. Когда Онъ одиноко молился поодаль, около Него были только ученики. И когда молитва кончилась, Онъ подозвалъ ихъ къ себѣ и, продолжая свой путь, предложилъ имъ два необычайно важныхъ вопроса, отъ отвѣта на которые зависѣлъ весь исходъ Его дѣятельности на землѣ.

Прежде всего Онъ спросилъ ихъ:

„За кого почитаютъ Меня люди?“

Отвѣтъ былъ грустный. Апостолы не смѣли и не хотѣли говорить ничего, кромѣ чистой, неподрашенной правды, и сдѣлали удручающее сообщеніе, что Мессія не былъ узнавъ міромъ, который Онъ пришелъ спасти. Они могли повторить только праздныя догадки народа. Нѣкоторые, отражая въ себѣ приговоръ виновной совѣсти Антипы, говорили, что Онъ Іоаннъ Креститель; другіе, слышавшіе быть можетъ самыя суровыя обличенія, сказанныя имъ въ порывѣ скорби, видѣли въ этихъ грозныхъ изреченіяхъ грома новаго Іліи; иные, которымъ пришлось слышать въ Его ученіи нѣжныя слова безконечной любви, видѣли въ Немъ жалобную душу Іереміи и думали, что это онъ пришелъ, быть можетъ, для возвращенія имъ потеряннаго Урима и исчезнувшаго ковчега; многіе, наконецъ, смотрѣли на Него какъ на пророка и предтечу. Но, несмотря на случайные мессіанскіе крики, вырывавшіеся изъ устъ восторженной толпы, изумленной какимъ-нибудь необычнымъ проявленіемъ чудесной силы, никто и не подозрѣвалъ, кто былъ Онъ на самомъ дѣлѣ. Свѣтъ сіялъ во тьмѣ, но тьма не постигла Его.

„А вы за кого почитаете Меня?“

Еслибы на этотъ великій вопросъ данъ былъ иной отвѣтъ, еслибы могъ быть данъ иной отвѣтъ, то измѣнилась бы вся судьба міра. Еслибы на него данъ былъ иной отвѣтъ, то, говоря по-

человѣчески, самое дѣло Спасителя потерпѣло бы полную неудачу, и христіанство не существовало бы. Все дѣло Христа зависѣло главнымъ образомъ отъ Его учениковъ: Онъ сѣялъ сѣмя, они пожинали жатву; Онъ обратилъ ихъ, а они міръ. Онъ никогда открыто не говорилъ о своемъ мессіанскомъ достоинствѣ. Іоаннъ Креститель, правда, свидѣтельствовалъ о Немъ, и тѣмъ, которые могли принять это свидѣтельство, Іисусъ восвѣнно давалъ знать словомъ и дѣломъ, что Онъ Сынъ Божій. Но Онъ хотѣлъ, чтобы свѣтъ откровенія постепенно возсіялъ въ душахъ чадъ Его, чтобы онъ скорѣе возникъ изъ истинъ, которыя Онъ проповѣдывалъ, и изъ жизни, которою Онъ жилъ, чѣмъ изъ чудесъ, которыя совершалъ Онъ; чтобы свѣтъ этотъ сообщился не въ необычайныхъ раскатахъ грома сверхъестественнаго величія или видѣніяхъ неизреченной славы, а чрезъ тихое посредство безгрѣшной и самоотверженной жизни. Въ Сынѣ человѣческомъ они должны были познать Сына Божія.

Но отвѣтъ послѣдовалъ такой, какъ искони онъ написанъ былъ въ книгѣ судебъ. Петру, вѣчно пылкому сердцемъ, ворифею апостольскаго лика, выпала безсмертная честь дать этотъ отвѣтъ за всѣхъ ихъ:

„Ты Христось, Сынъ Бога живаго“!

Такой отвѣтъ со стороны верховнаго апостола полнотою своей пронизательности и твердостью убѣжденія вознаградилъ за недостатокъ разумѣнія у народа. Онъ показалъ, что наконецъ открыта была тайна, сокровенная отъ вѣковъ и поколѣній. Апостолы по крайней мѣрѣ не только познали въ Іисусѣ Назарянѣ обѣтованнаго Мессію своего народа, но по особенной благодати Божіей имъ было открыто, что Мессія этотъ былъ не только тѣмъ, чѣмъ ожидали Его іудеи, не только царемъ, правителемъ и Сыномъ Давидовымъ, но больше того: былъ Сыномъ Бога живаго.

Съ величайшею торжественностью Спаситель подтвердилъ это великое исповѣданіе. „Тогда Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ; потому что не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ. И Я говорю тебѣ: ты Петръ (Пётрос), и на семь камнѣ (пѣтра) Я создамъ церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ея. И дамъ тебѣ ключи

царства небснаго, и что свяжешь на землѣ, то будетъ связано на небесахъ, и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ“.

Никогда даже и уста Спасителя не произносили болѣе достопамятныхъ и великихъ словъ. Это было Его собственное свидѣтельство о Себѣ самомъ. Это было обѣтованіе, что блаженны тѣ, которые могутъ признать Его. Имъ открывалось, что только тѣ могутъ признать Его, кого приведетъ къ тому Духъ Божій. Въ немъ навсегда заявлялось человѣчеству, что не земнымъ разсужденіемъ, а только при помощи небесной благодати можетъ быть достигнуто полное разумѣніе этой истины. Имъ закладывался краеугольный камень церкви Христовой, и тотъ случай, при которомъ впервые сказаны были эти достопамятные слова, впоследствии долженъ былъ получить огромное значеніе въ исторіи міра. Это было обѣтованіе, что церковь, основанная на камнѣ вдохновеннаго исповѣданія, останется несокрушимою при всѣхъ напорахъ силъ ада. Это было предоставленіе церкви, въ лицѣ ея типическаго представителя, власти вязать и рѣшить, и обѣщаніе, что власть эта, съ вѣрностью употребленная на землѣ, будетъ окончательно утверждена на небѣ.

Пусть кому угодно перебраютъ всю полемику, вызванную знаменитымъ извращеніемъ этого знаменитаго текста, который круговою надписью украшаетъ внутренность величественнаго собора св. Петра въ Римѣ. Но немного нужно силы для того, чтобы низвергнуть чудовищныя пирамиды аргументаціи, построенныя на этомъ текстѣ. Не будь это историческимъ фактомъ, право казалось бы невѣроятнымъ, чтобы на такомъ беспочвенномъ основаніи опиралось фантастическое притязаніе на неограниченную власть со стороны епископовъ церкви, о которой не вполнѣ даже извѣстно, дѣйствительно ли она основана ап. Петромъ, и того города, который не можетъ представить ни одного безспорнаго доказательства, чтобы въ немъ когда-нибудь ступала нога Петра. Безграничныя притязанія римской іерархіи; безобразныя злоупотребленія исповѣдью; воображаемая власть разрѣшеній отъ клятвы; честолюбивые захваты права низлагать и контролировать свѣтскую власть; чудовищное присвоеніе личной непогрѣшимости въ употребленіи опаснаго оружія анаемъ и отлученій; колос-

сальный деспотизмъ папства и отвратительныя жестокости инквизиціи — всѣ эти темныя явленія, можно надѣяться, навсегда канули въ вѣчность. Но церковь Христова, главнымъ основаніемъ которой былъ Петръ, пребываетъ камнемъ живымъ. Врата ада не одолѣли ея; она еще имѣетъ власть открывать врата царства небеснаго; она еще можетъ дѣлать для нашей совѣсти обязательными истины откровенной религіи и вѣчныя начала нравственнаго закона.

Это великое обѣтованіе замѣчательнымъ образомъ исполнилось на Петрѣ. Въ день Пятидесятницы онъ обратилъ въ христіанскую вѣру первую большую партію іудеевъ, и онъ же допустилъ перваго язычника въ полному братскому общенію съ христіанами. Его исповѣданіе сдѣлало его скалой, на которой основана была вѣра многихъ и которую силы ада могли потрясать, но никогда не могли одолѣть. Но, какъ прекрасно замѣчено однимъ изъ глубокомысленнѣйшихъ, наиболѣе уважаемыхъ и ученѣйшихъ учителей древней церкви: „кто бы ни исповѣдалъ такимъ образомъ, когда не плоть и кровь откроютъ ему это, а Отецъ нашъ небесный, онъ также получитъ обѣтованную награду: буква Евангелія, правда, говоритъ только святому Петру, духъ же его поучаетъ каждаго человѣка, что и онъ можетъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ былъ ап. Петръ“.

Можно сказать, что съ этого времени Спаситель могъ уже считать одну великую часть своего дѣла исполненною. Апостолы Его теперь убѣдились въ тайнѣ Его бытія; было уже заложено основаніе, на которомъ съ Нимъ, какъ краеугольнымъ камнемъ, должно было впоследствии воздвигаться все великое зданіе церкви.

Но Онъ пока еще запрещалъ открывать эту истину. Время для ея провозглашенія еще не настало. Они еще совѣмъ не знали объ истинномъ способѣ Его самооткровенія. Они еще не были настолько утверждены въ вѣрѣ, чтобы даже остаться вѣрными Ему въ часъ Его крайней нужды. Доселѣ Его признавали Христомъ только тѣ, духовная прозорливость которыхъ давала имъ возможность видѣть Его непосредственно въ Его жизни и дѣлахъ. Доселѣ Онъ еще не хотѣлъ ни прекословить, ни вопіять, ни чтобы голосъ Его былъ слышенъ на улицахъ (Матѣ.

хп, 19; Ис. хлп, 1). Только когда уже вѣра ихъ была незыблемо утверждена Его славнымъ воскресеніемъ, когда сердца ихъ исполнились Св. Духа и чело ихъ озарилось при окончательномъ посвященіи небеснымъ огнемъ, только тогда настала часть для нихъ идти и учить всѣ народы, что Иисусъ есть во истину Христосъ, Сынъ Бога живаго.

Но хотя они теперь и знали Его, они еще ничего не знали о томъ способѣ, какимъ Онъ хотѣлъ осуществить свои божественныя цѣли. Они должны были еще болѣе подготовиться къ тому; имъ нужно было еще узнать, что хотя Онъ и царь, но царство Его не отъ міра сего; необходимо было, чтобы всѣ праздныя земныя надежды на величіе и преимущество въ царствѣ Мессіи исчезли въ нихъ навсегда и чтобы они поняли, что царство Божіе состоитъ не въ ястіи и питіи, а въ праведности, мирѣ и въ радостяхъ вѣры.

Поэтому Онъ началъ постепенно и спокойно открывать имъ о предстоящемъ путешествіи своемъ въ Іерусалимъ, объ отверженіи Его вождями народа, объ ожидавшихъ Его поношеніяхъ и мукахъ, о страшной смерти и своемъ воскресеніи въ третій день. Правда, Онъ и прежде давалъ имъ различныя и отдаленныя намеки о предстоящихъ Ему страданіяхъ, но теперь въ первый разъ Онъ ясно говорилъ о нихъ простымъ и выразительнымъ языкомъ. Однако даже и теперь Онъ не открылъ имъ всего о страшномъ способѣ своей приближавшейся смерти. Онъ далъ имъ знать, что будетъ отвергнуть старѣйшинами, первосвященниками и книжниками, всѣми властями, религіозными и свѣтскими представителями народа, но не сказалъ, что будетъ выданъ язычникамъ. Онъ предупреждалъ ихъ, что будетъ убитъ, но до самаго послѣдняго путешествія въ Іерусалимъ не сообщалъ имъ ужасной истины, что Онъ будетъ *распятъ* (Мѡ. хvi, 22; хх, 19).

Такимъ образомъ Онъ открылъ имъ будущее лишь настолько, насколько они способны были снести, и даже тогда, чтобы утѣшить ихъ въ скорби и поддержать ихъ вѣру; Онъ уже вполне опредѣленно говорилъ имъ, что въ третій день воскреснетъ опять.

Но человѣческій умъ обладаетъ странною способностью отвергать то, чего не можетъ понять, оставлять безъ вниманія и

забывать все то, что не совпадаетъ съ его предвзятыми понятіями. Апостолы, всегда правдивые и всегда простые въ своемъ свидѣтельствѣ, никогда не скрываютъ отъ насъ ни тупости своего духовнаго зрѣнія, ни преобладанія въ ихъ душахъ іудейскихъ предубѣжденій. Они сами признаются, какъ иногда буйвальныя изреченія принимали за иносказательныя и иносказательныя за буйвальныя. Они слышали это откровеніе, но не могли ясно представить себѣ. „Они не поняли слова сего, и оно было закрыто отъ нихъ, такъ что они не постигли его“ (Лув. ix, 45), а спросить Его, какъ то много разъ бывало и при другихъ случаяхъ, боялись (Марк. ix, 32; Лув. ii, 50; xviii, 34). Предсказаніе Его о своей кончинѣ было такъ чуждо всему селаду ихъ мысли, что они отвергли бы его, какъ странное и непонятное, какъ тайну, которой они не могли постигнуть; а что касается воскресенія, о которомъ опять было предсказано наиболѣе духовно-просвѣщеннымъ изъ нихъ, то они могли только удивленно спрашивать другъ друга, что бы это означало—воскреснуть изъ мертвыхъ (Марк. ix, 10).

Но Петръ съ своей обычной порывистостью подумалъ, что онъ понялъ, и думалъ даже, что могъ воспрепятствовать этому, и потому прервалъ торжественныя заявленія Учителя своею слѣпою и самонадѣянною ревностью. Сознаніе, что ему дано было воспринять и выразить новую и высочайшую истину, вмѣстѣ съ только что полученными имъ высокой похвалой и обѣтованіемъ, сдѣлало надменнымъ разумъ его и вовлекло сердце его въ заблужденіе. Взявъ Иисуса за руку или одежду, онъ отвелъ Его въ сторону отъ учениковъ и началъ давать совѣты, и наставленія своему Господу. „Будь милостивъ къ Себѣ, Господи, сказалъ онъ; да не будетъ этого съ Тобою“. Проблескомъ внезапнаго негодованія Спаситель наказалъ его суетность и самонадѣянность. Отвернувшись отъ него и устремляя свой взоръ на другихъ учениковъ, Онъ во всеуслышаніе (такъ чтобы и тѣ, которые слышали слова великаго обѣтованія, могли слышать и слова укора) воскликнулъ: „отойди отъ Меня, сатана; ты Мнѣ соблазнъ; потому что думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое“. Этотъ твой грубо плотскій и человѣческій взглядъ, эта попытка отклонить Меня отъ Моего „крещенія

смерти“ есть грѣхъ противъ цѣлей Божіихъ. Петръ долженъ былъ узнать (еслибы и церковь, признающая себя полной наслѣдницей его исключительныхъ и сверхчеловѣческихъ притязаній, сознала это во-время!), что онъ далеко былъ отъ непогрѣшимости, что онъ способенъ былъ пасть, и притомъ такъ скоро, съ высшей божественной прозорливости въ бездну земного неразумія.

„Отойди отъ Меня, сатана!“ — это тѣ же самыя слова, которыя Онъ сказалъ искусителю въ пустынѣ. Укоръ былъ строгій, но намъ онъ кажется гораздо болѣе суровымъ и сильнымъ, чѣмъ могъ показаться непосредственно слышавшему его. Слово „сатана“ означаетъ просто „противникъ“ и во многихъ мѣстахъ Ветхаго Завѣта оно не только не означаетъ великаго противника челоѣчества—дѣвола, но даже прилагается иногда къ противоѣствующимъ ангеламъ. Оно въ дѣйствительности было въ большомъ ходу у іудеевъ и на востокѣ вообще до настоящаго времени, и имъ означалось все смѣлое, могущественное, дерзкое, всякій тайный противникъ или открытый врагъ. Но оно особенно приложимо было въ данномъ случаѣ, потому что Петръ усвоилъ какъ разъ ту же самую аргументацію, какую употреблялъ искуситель въ пустынѣ. Называя Петра соблазномъ, Иисусъ вѣроятно опять намекалъ на его имя и приравнивалъ его къ камню на пути, о который спотыкаются путники. Сравненіе это, очевидно, глубоко запало въ душу апостола, потому что онъ и въ своемъ посланіи предостерегаетъ своихъ читателей противъ тѣхъ, для которыхъ, по причинѣ ихъ невѣрія, краеугольный камень сдѣлался „камнемъ претыканія и камнемъ соблазна“ (1 Петр. II, 7—8).

Но сдѣлавъ предостереженіе и укоръ неразумной привязанности и духовной немощности самонадѣяннаго апостола, Спаситель воспользовался этимъ случаемъ для изложенія глубочайшаго ученія, съ которымъ Онъ обратился не только къ своимъ ученикамъ, но и ко всѣмъ вообще (Лук. IX, 23). Изъ евангелія Марка мы случайно узнаемъ, что даже въ этой отдаленной области за Нимъ во множествѣ слѣдовалъ народъ (ср. Марк. VIII, 34; VII, 24), который обыкновенно шелъ поодаль отъ Него и апостоловъ и иногда былъ подзываемъ къ Нему, чтобы слышать

благостное ученіе, исходящее изъ Его усть. Какъ народъ, такъ и ученики были еще заражены тѣми же ложными понятіями, которыя побудили Петра въ необдуманномъ вмѣшательствѣ. Ко всѣмъ имъ поэтому Онъ обратился съ поученіемъ, въ которомъ навсегда объяснялъ намъ, что сущность всякаго высшаго долга, смыслъ всякой истинной жизни, составляющей какъ самое пріятное служеніе Богу, такъ и самый облагораживающій примѣръ для людей, заключается въ законѣ самопожертвованія. При этомъ именно случаѣ сказалъ Онъ тѣ немногія слова, которыя оказали безконечно благотворное вліяніе на совѣсть человѣчества. „Какая польза человѣку, если онъ приобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дать человѣку за душу свою?“ И затѣмъ, объявивъ имъ, что и самъ Онъ будетъ преданъ суду, Онъ утѣшалъ ихъ въ потрясеніи отъ этого неожиданнаго предсказанія увѣреніемъ, что между присутствующими нѣкоторые не вкусятъ смерти, пока не увидятъ Сына человѣческаго, грядущаго въ царствіи своемъ. Все св. Писаніе показываетъ, что „царство Сына человѣческаго“ нужно понимать прежде всего въ духовномъ смыслѣ; поэтому нетрудно понять это увѣреніе въ томъ смыслѣ, что прежде чѣмъ всѣ изъ нихъ отойдутъ въ вѣчность, основы этого царства навѣки будутъ заложены отмѣной Ветхаго и установленіемъ Новаго Завѣта. Трое изъ нихъ будутъ ближайшими очевидцами Его преображенія; всѣ, кромѣ одного, будутъ свидѣтелями Его воскресенія; одинъ по крайней мѣрѣ — возлюбленный ученикъ — переживетъ взятіе Іерусалима и разрушеніе храма, сдѣлавшія невозможнымъ буквальное исполненіе Моисеева закона. Но предсказаніе это можетъ имѣть еще и болѣе глубокое значеніе, еще болѣе дѣйствительное, потому что болѣе духовное. „Если мы не хотимъ бояться смерти, говорить св. Амвросій, то станемъ тамъ, гдѣ Христосъ; Христосъ есть наша жизнь, Онъ и есть самая жизнь, которая не можетъ умереть“.

ГЛАВА XXXVI. ПРЕОБРАЖЕНІЕ.

И этотъ гласъ, принесшійся съ небесъ, мы слышали, будучи съ Нимъ на святой горѣ.
2 Петр. I, 18.

И ОДИНЪ изъ евангелистовъ не сообщаетъ о той недѣлѣ, которая слѣдовала за этимъ достопамятнымъ событіемъ. Они говорятъ только, что „по прошествіи шести дней“ Онъ взялъ съ собой трехъ наиболѣе близкихъ и духовно-просвѣщенныхъ учениковъ и возвелъ ихъ (какъ съ нѣкоторою торжественностью говорятъ евангелисты) на гору высокую или, какъ просто говоритъ ев. Лука, — на гору (Мѡ. XVII, 1—13; Мрк. IX, 2—13; Лук. IX, 28—36).

Предположеніе, что здѣсь разумѣется гора Өаворъ, сдѣлалось общимъ преданіемъ христіанской церкви. Воздвигнутые тамъ три церкви и монастырь въ концѣ шестого столѣтія способствуютъ также принятію этого преданія. Но почти несомнѣнно, что Өаворъ не былъ мѣстомъ этого великаго событія. Круглая вершина этой живописной и покрытой лѣсомъ горы, съ такимъ великолѣпіемъ выступающей въ ландшафтѣ, открывающемся предъ путешественникомъ, когда онъ приближается въ сѣвернымъ предѣламъ равнины Ездрилонской, съ незапамятныхъ временъ была уврѣпленнымъ и обитаемымъ мѣстомъ, и спустя менѣе чѣмъ тридцать лѣтъ послѣ этого, Іосифъ Флавій на этой самой горѣ уврѣплялъ существовавшую тамъ вѣрность Итабуріонъ. Сюда, слѣдовательно, Іисусъ не могъ взять трехъ апостоловъ, „особо ихъ однихъ“. Притомъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія, чтобы эти шесть промежуточныхъ дней употреблены были на путешествіе въ югу отъ Кесаріи Филипповой, гдѣ передъ тѣмъ находился Спаситель съ апостолами. Напротивъ, ев. Маркъ прямо говоритъ (IX, 30), что Іисусъ „проходилъ чрезъ Галилею“ (въ которой находится гора Өаворъ) только уже послѣ этого событія. Не подходитъ подъ сообщаемыя повѣствованіемъ данныя также и сравнительно незначительный холмъ Паніонъ, находящійся у самой Кесаріи Филипповой. Болѣе естественно поэтому предположить, что Спаситель, желая пройти священную землю своей родины до

самыхъ сѣверныхъ ея предѣловъ, тихо подвигался впередъ, пока не достигъ низменныхъ склоновъ величественной снѣговой горы, свербающая громада которой, видимая даже съ отдаленныхъ береговъ Мертваго Моря, составляетъ крайній сѣверный предѣлъ Палестины,—именно воспѣтой іудейскою поэзіей горы Ермона. Самое названіе ея означаетъ „гора“, и то великое событіе, свидѣтельницей котораго было она, было бы вполне достаточно для того, чтобы объяснить прилагаемое къ ней св. Писаніемъ почетное отличіе, именно названіе „святой“ (2 Петр. 1, 18). На ея росистыхъ пастбищахъ, охлаждаемыхъ свѣжимъ дыханіемъ вздымающихся надъ ними снѣговыхъ высотъ и представляющихъ ту уединенность среди величественныхъ красотъ природы, которой жаждалъ Онъ для освѣженія своего духа предъ началомъ предстоявшей Ему великой борьбы, Иисусъ могъ найти много мѣстъ, гдѣ можно было предаться всепоглощающей безмолвной молитвѣ.

Прохлада и уединеніе были еще болѣе желанны Мужу скорбей послѣ палящаго зноя восточнаго дня и утомляющаго общенія съ народомъ, который даже и въ этихъ отдаленныхъ предѣлахъ неотступно слѣдовалъ за Нимъ по стопамъ. Былъ уже вечеръ, когда Онъ всходилъ на гору, и когда Онъ взбирался по склону горы съ тремя избранными свидѣтелями — сынами грома и человѣкомъ скалы, несомнѣнно торжественнымъ блаженствомъ исполнялась Его душа, чувствомъ не только того небеснаго повоая, который водворялся въ Его духъ при всякомъ уединенномъ общеніи съ своимъ небеснымъ Отцомъ, но еще болѣе сознаніемъ того, что въ наступающій часъ Ему будутъ служить не сыны земли и освѣщать Его будетъ свѣтъ, который не нуждается ни въ солнцѣ, ни въ лунѣ, ни въ звѣздахъ. Онъ взшелъ туда приготовиться къ смерти и взялъ съ собой трехъ апостоловъ, чтобы они, увидѣвъ славу Его, славу едиnorodнаго отъ Отца, увѣрились сердцемъ, утвердились въ вѣрѣ и безъ колебанія могли бы смотрѣть на страшныя мученія и невыразимое униженіе Его на крестѣ.

Здѣсь Онъ всецѣло отдался молитвѣ, и молитва эта вознесла Его превыше всѣхъ скорбей и суеты міра, который отвергъ Его. И вотъ Онъ преобразился, лицо Его просіяло какъ солнце и одежды

Его сдѣлались бѣлы какъ снѣгъ. Все Его существо освѣтилось такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, что евангелисты только и могли сравнить этотъ небесный свѣтъ съ солнцемъ, снѣгомъ, молніей. И рядомъ съ Нимъ появились два мужа. Когда въ пустынѣ Онъ препоясывался для дѣла своей жизни, ангелы жизни приходили и служили Ему; теперь, когда Онъ среди самаго міра препоясывался для дѣла смерти, служащіе пришли въ Нему изъ могилы, но изъ могилы побѣжденной, — одинъ изъ гробницы подъ горой Аваримъ, запечатанной собственной рукой; другой изъ того вѣчнаго покоя, куда онъ отошелъ безъ истлѣнія. Это были Моисей и Ілія и бесѣдовали съ Нимъ объ исходѣ Его. И когда молитва кончилась, подвигъ былъ принятъ, тогда въ первый разъ съ того времени, какъ звѣзда свѣтила надъ Нимъ въ Вилеємѣ, великая слава осіяла Его съ небесъ и прогремѣло вѣчное свидѣтельство о Его сыновствѣ и могуществѣ: „Его слушайте“.

Изъ полнаго разсказа ев. Луки ясно, что апостолы не были свидѣтелями начала этого чудеснаго преображенія. Восточный человѣкъ, окончивъ свою молитву, закутывается въ свою *аббу* и, ложась на траву на открытомъ воздухѣ, быстро засыпаетъ глубокимъ сномъ. То же самое было и съ апостолами: какъ впоследствии въ саду Геосиманскомъ, такъ и теперь на Ермонѣ они спали глубокимъ сномъ. Они были „отягчены“ сномъ, но, внезапно пробудившись, они видѣли и слышали все.

Среди ночного мрака, проливая лучезарный свѣтъ на зеленые склоны горы, блисталъ прославленный ликъ Спасителя. Возлѣ Него, въ томъ же самомъ сіяніи славы, стояли два почтенныхъ мужа, въ которыхъ они по виду или словамъ узнали Моисея и Ілію. И эта славная троица среди окружающей тишины вела бесѣду о предстоящей кончинѣ въ Іерусалимѣ, о которой Спаситель только что предъ тѣмъ сообщилъ имъ.

Когда великолѣпное видѣніе начало исчезать, когда величественные посѣтители готовы были разстаться съ Спасителемъ и самъ Онъ вошелъ съ ними въ осѣнившее ихъ облако, Петръ изумленный, испуганный и восхищенный этимъ зрѣлищемъ, не зная, что сказать, но желая продлить ихъ присутствіе (не зная, что Голгова представить безконечно болѣе великое зрѣлище, чѣмъ

Ермонъ, не зная, что тутъ исполнялись законъ и пророки, и не вполне зная, что Господь его былъ невыразимо больше пророка синайскаго и мстителя кормильскаго), воселикнулъ: „Наставниѣ! хорошо намъ здѣсь быть; сдѣлаемъ три кущи, одну Тебѣ, одну Моисею и одну Иліи“. Иисусъ могъ бы улыбнуться наивному предложенію пылваго апостола о томъ, чтобы поселиться имъ всѣмъ шестерымъ въ маленькихъ *сукковахъ*, сплетенныхъ изъ вѣтвей, на склонѣ Ермона. Но не Петру было устроить вселенную по своему личному усмотрѣнію. Онъ долженъ былъ познать еще и значеніе Голгоѣы, какъ позналъ значеніе Ермона. Не въ облакѣ славы и не въ огненной колесницѣ надлежало Иисусу отойти отъ учениковъ, но въ мукахъ съ распростертыми руками на позорномъ крестѣ, испустить духъ не между Моисеемъ и Іліей, но между двумя разбойниками, распятыми съ Нимъ по обѣ Его стороны.

На эти необдуманная и неумѣстныя слова не послѣдовало отвѣта; но когда еще онъ говорилъ, облако, — не облако густой тьмы, какъ на Синаѣ, но облако свѣта, — осѣнило ихъ, и изъ него раздался голосъ: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, Его слушайте“. Ученики пали ницъ и скрыли свои лица въ травѣ (Мате. хvii, 6). И когда, оправившись отъ произведеннаго этимъ страшнымъ голосомъ и ослѣпляющимъ свѣтомъ потрясенія, они подняли глаза и осмотрѣлись кругомъ, то все уже кончилось. Свѣтлое облако исчезло, не было уже ни сіяющихъ лицъ, ни ослѣпительно бѣлыхъ одеждъ; только одинъ Иисусъ былъ съ ними и только звѣзды тихо изливали свой свѣтъ на склоны горы.

Сначала они боялись встать и даже приподняться, но Иисусъ, ихъ Учитель, такой же, какъ они видѣли Его раньше на молитвѣ, подошелъ къ нимъ, воснулъ ихъ и сказалъ: „встаньте, не бойтесь!“

Разсвѣтъ дня озарилъ Ермонъ, и когда они сходили съ горы, Спаситель запретилъ имъ рассказывать о видѣніи, пока Онъ не воскреснетъ изъ мертвыхъ. Видѣніе было для нихъ; они должны были хранить его въ глубинѣ своихъ сердецъ, такъ какъ возвѣстить о немъ другимъ ученикамъ — значило бы возбудить въ нихъ зависть и польстить собственному самолюбію; до воскре-

сенія оно нисколько не могло содѣйствовать вѣрѣ другихъ и могло только затемнять ихъ мысль объ истинномъ дѣлѣ Его на землѣ. Они исполнили повелѣніе Христа, но не могли понять значенія указанія на воскресеніе. Они спрашивали только другъ друга или въ безмолвіи размышляли въ себѣ: что значить воскреснуть изъ мертвыхъ? Умы ихъ занималъ и другой серьезный вопросъ. Они видѣли Илію, и теперь больше, чѣмъ когда-нибудь убѣждались, что Учитель ихъ воистину — Христосъ. „Но какъ же книжники говорятъ, спрашивали они, что Иліи надлежитъ прійти прежде и устроить все“? И развѣ пророчество Малахіи не въ ихъ пользу (iv, 5)? На это Спаситель объяснилъ имъ, что Илія уже пришелъ и не узнали его, и его постигла отъ руи своего народа та же самая судьба, которая предстоитъ и Ему. Тогда они поняли, что Онъ говорилъ имъ объ Іоаннѣ Крестителѣ.

ГЛАВА XXXVII.

ВЪСНОВАТЫЙ ОТРОКЪ.

Иные говорятъ, что лицо Его, сдѣлавшееся еще болѣе пріятнымъ отъ этого свѣта, привлекало народныя толпы.

Вл. Теофилактъ.

УТЕНІЕ евангелія невольно поражаетъ душу контрастомъ (схваченнымъ и увѣвовѣченнымъ въ знаменитой картинѣ Рафаэля) между миромъ, свѣтомъ и славнымъ небеснымъ общеніемъ на вершинѣ горы и тѣмъ смятеніемъ, неистовствомъ, безвѣріемъ и страданіемъ, съ которыми сразу должны были встрѣтиться Іисусъ и Его ученики, какъ только спустились они къ низменному уровню обыденной человѣческой жизни (Мате. xvii, 14—21; Марк. ix, 14—29; Лук. ix, 37—45).

Во время отсутствія ихъ случилось событіе, крайне встревожившее и взволновавшее другихъ учениковъ. Около нихъ собралась толпа народа вмѣстѣ съ нѣсколькими книжниками, которые своими спорами и торжествующимъ совопросничествомъ

сильно тѣснили уменьшившееся общество избранныхъ друзей и послѣдователей Христа.

Но тутъ какъ разъ народъ завидѣлъ Иисуса. Въ Его внѣшности, необыкновенномъ величїи и лучезарномъ взорѣ было нѣчто такое, что изумило народъ, и онъ устремился привѣтствовать Его. „О чемъ спорите вы съ ними“? строго спросилъ Онъ книжниковъ. Но книжники слишкомъ смутились отъ Его неожиданнаго появленїя и сами ученики слишкомъ стыдились своей неудачи и невѣрія, чтобы осмѣлиться отвѣчать. Въ это время черезъ толпу протолкался человекъ, который, преклоняя предъ Спасителемъ колѣна, громкимъ голосомъ кричалъ Ему, что онъ отецъ единственнаго сына, одержимаго бѣсомъ и страдающаго ужасными припадками, соединенными съ нѣмотой, безчувствїемъ и манїей самоубїйства. Онъ приводилъ несчастнаго страдальца къ ученикамъ, чтобы они изгнали изъ него злого духа, но неудача ихъ послужила только поводомъ къ насмѣшкамъ со стороны книжниковъ.

Все это крайне огорчило Иисуса. „О, родъ невѣрный и развращенный! воскликнулъ Онъ. Доколѣ буду съ вами? доколѣ буду терпѣть васъ“? Эти негодующїе возгласы относились ко всѣмъ — ко всей любопытной толпѣ, въ злобствующимъ книжникамъ, въ полувѣрующимъ и волеблющимся ученикамъ. „Приведите его ко Мнѣ сюда“.

Несчастный отроеъ былъ приведенъ, и едва увидѣлъ Иисуса, какъ былъ схваченъ новымъ припадкомъ своей болѣзни. Въ страшныхъ ворчахъ онъ упалъ наземь, и бился съ пѣной у рта. Это была самая ужасная и сильная форма припадочнаго сумасшествїя, для исцѣленїя какой когда-либо призывали Иисуса.

Спаситель не сразу приступилъ къ дѣйствию. Онъ хотѣлъ, чтобы сцена эта во всемъ ея ужасѣ напечатлѣлась въ сознанин тѣсняющагося народа, и чтобы всѣ знали, что невозможнаго для Него нѣтъ. Въ то же самое время Онъ хотѣлъ пробудить, обнаружить предъ всѣми и утвердить колеблющуюся вѣру трепещущаго просителя.

— „Какъ давно это сдѣлалось съ нимъ“? спросилъ Онъ отца.

— „Съ дѣтства; и многократно *духъ* бросалъ его и въ огонь,

и въ воду, чтобы погубить его; но *если что можешь*, сжался надъ нами и помоги намъ“.

— „*Если что можешь*“?—отвѣчалъ Иисусъ, возвращая ему обратно эти слова колеблющейся вѣры, „все возможно вѣрующему“.

И тогда злополучный отецъ испустилъ вопль, повторявшійся потомъ милліонами жаждущихъ вѣры сердець и такъ идущій къ вѣку, который, подобно нашему, „лишенъ былъ вѣры и однакожь тяготился скептицизмомъ“: „*Вѣрую, Господи! помоги моему невѣрію*“!

Между тѣмъ, когда происходилъ этотъ разговоръ, толпа собиралась все больше и больше, и Иисусъ, обращаясь къ самому страждущему, сказалъ: „духъ нѣмой и глухой! Я повелѣваю тебѣ, выйди изъ него, и впредь не входи въ него“. Раздался еще болѣе неистовый вопль и въ еще болѣе ужасныхъ корчахъ завертѣлся несчастный; затѣмъ, упавъ на землю, не корчась уже и не испуская пѣны, онъ неподвижно лежалъ, какъ мертвый. Нѣкоторые говорили, что онъ умеръ. Но Иисусъ взялъ его за руку и, среди возгласовъ изумленной толпы, возвратилъ его отцу — спокойнымъ и здоровымъ.

Иисусъ еще прежде далъ своимъ ученикамъ власть изгонять бѣсовъ и этою властью именемъ Его пользовались иногда даже люди, которые не были Его ближайшими учениками (Марк. ix, 38). И въ этомъ они не терпѣли неудачи. Естественно поэтому, что ученики воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ спросить Его о причинѣ послѣдняго своего неспѣха. Онъ прямо сказалъ имъ, что это было по причинѣ ихъ невѣрія. Можетъ быть сознаніе Его отсутствія ослабило ихъ вѣру; можетъ быть они сознавали себя менѣе способными справляться съ затрудненіями, когда съ ними не было Петра и сыновей Зеведеевыхъ, а можетъ быть также на умы слабѣйшихъ изъ нихъ произвела печальное вліяніе скорбная вѣсть объ отверженіи и смерти ихъ Учителя. Во всякомъ случаѣ, Онъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы преподать имъ два великихъ наставленія: одно, что есть виды столь сильнаго и застарѣлаго духовнаго, физическаго и нравственнаго зла, что съ нимъ можно бороться только молитвой, соединенной съ тѣмъ самоограниче-

нiемъ и самоотверженiемъ, самая дѣйственная и сильная форма котораго есть постъ; другое — что для совершенной вѣры возможно все. Вѣра, даже съ горчичное зерно, можетъ сказать самому Ермону: „перейди отсюда туда и ввергнись въ волны великаго моря, и онъ сдѣлаетъ такъ“.

Иисусъ дошелъ уже до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ святой земли и теперь началъ обратный путь. Изъ евангелiя Марка мы видимъ, что возвращенiе намѣренно дѣлалось тайно, уединенно и можетъ быть даже не по большимъ дорогамъ, а по горамъ и долинамъ верхней Галилеи къ западу отъ Иордана. Цѣлью Его было уже не поучать народъ, который былъ совращаемъ къ отверженiю Его и среди котораго Онъ едва ли могъ даже появиться безопасно, но продолжать другую, болѣе существенную часть своего дѣла, которая состояла въ подготовленiи апостоловъ. Постояннымъ предметомъ Его ученiя теперь были приближавшiяся предательство, смерть и воскресенiе. Но Онъ говорилъ къ слабовосприимчивымъ сердцамъ; при своемъ глубоко вкоренившемся предубѣжденiи ученики не понимали Его ясныхъ предостереженiй и въ то же время по своему маловѣрiю боялись просить у Него дальнѣйшаго разъясненiя. Нельзя найти болѣе поразительнаго доказательства необычайной перемѣны, произведенной въ нихъ воскресенiемъ, чѣмъ то, съ какою простою правдивостью они рассказываютъ о завоснѣлости своихъ собственныхъ недостатковъ во время тѣхъ драгоценныхъ дней, когда Спаситель былъ еще съ ними.

Изъ всего наставленiя они повидимому поняли только одно, что въ жизни Христа скоро должно совершиться какое-то необычайное и великое событiе, за которымъ послѣдуетъ открытiе царства Мессii; и это, къ сожалѣнiю, произвело въ нихъ единственное дѣйствiе, котораго оно не должно бы производить. вмѣсто возбужденiя чувства самоотреченiя, оно пробудило въ нихъ честолюбiе; вмѣсто усиленiя любви и смиренiя, оно возбудило въ нихъ зависть и гордость. Во время пути, имѣя въ виду быть можетъ то преимущество, которое оказано было на Ермонѣ Петру и сыновьямъ Зеведеевымъ, они спорили между собой: „кто бы изъ нихъ былъ больше?“

Въ это время Спаситель не обратилъ вниманiя на ихъ споръ

и предоставилъ ихъ суду ихъ собственной совѣсти. Но когда они пришли въ Капернаумъ и были уже въ домѣ, Онъ спросилъ ихъ: „О чемъ дорогою вы разсуждали между собою?“ Отъ глубокаго стыда они молчали, и это молчаніе было самымъ краснорѣчивымъ признаніемъ ихъ въ своемъ грѣховномъ честолюбіи. Тогда Онъ сѣлъ и опять, какъ часто бывало и прежде, началъ поучать ихъ, что кто хочетъ быть первымъ, тотъ долженъ быть послѣднимъ и слугою всѣмъ, и что путь къ почести есть смиреніе. Желая закрѣпить это наставленіе символомъ изящной нѣжности и красоты, Онъ подозвалъ къ себѣ дитя, поставилъ его посреди ихъ и, обнявъ его, говорилъ имъ, что если они не умалятся какъ это дитя, то не войдутъ въ царство небесное. Они должны быть какъ дѣти въ мірѣ, и всякій, кто приметъ такое малое дитя во имя Христа, тотъ приметъ Его и Отца, пославшаго Его (Мѡ. хvш, 1 — 35; Мрк. ix, 33 — 50; Лув. ix, 46 — 50).

Выраженіе „во имя Мое“ вѣзется и подсказало ап. Іоанну вопросъ, которымъ Онъ прервалъ нить разсужденія Христа. Они видѣли, сказалъ онъ, человѣка, который изгонялъ бѣсовъ именемъ Христа; но такъ какъ этотъ человѣкъ не принадлежалъ къ ихъ обществу, то они запретили ему. Правильно ли поступили они?

Нѣтъ, отвѣчалъ Иисусъ, „не запрещайте“. Кто можетъ дѣлать дѣла милосердія во имя Христово, тотъ не можетъ злоупотреблять именемъ этимъ. Кто не противъ нихъ, тотъ значить съ ними. Равнодушіе иногда равносильно враждѣ, нейтральность иногда бываетъ помощью.

И затѣмъ, возвращаясь опять къ своей бесѣдѣ, все еще держа ребенка на рукахъ и дѣлая его предметомъ рѣчи, Спаситель предостерегалъ отъ страшной вины и опасности оскорбленія, искушенія и совращенія съ пути невинности и праведности, наученія чему-нибудь худому или внушенія какой-нибудь злой мысли одному изъ малыхъ сихъ, ангелы которыхъ всегда видятъ лицо Отца Его на небесахъ. Такихъ злыхъ оболстителей, такихъ исполнителей дѣла діавола, говорилъ Онъ имъ въ небывало сильныхъ и грозныхъ словахъ, ожидаетъ такая горькая

участь, что лучше бы имъ было повѣсить мельничный жерновъ на шею и потонуть въ пучинѣ морской.

Нѣтъ такой великой жертвы, продолжалъ Онъ, которой не надо бы было принести, чтобы только избѣгнуть возможности искушеній полагать такіе камни преткванія на пути своей собственной души или другихъ людей. Лучше отсѣчь правую руку и войти въ царство небесное безрукимъ; лучше отрубить правую ногу и войти въ царство небесное хромымъ; лучше выколоть правый глазъ и кривымъ войти въ царство небесное, чѣмъ позволить рукѣ, ногѣ или глазу быть орудіемъ грѣха, который бы питалъ червя неумирающаго и возжигалъ огонь неугасающій. Лучше въ этомъ мірѣ утонуть съ мельничнымъ жерновомъ на шеѣ, чѣмъ на себѣ носить мельничный жерновъ нравственнаго и духовнаго соблазна, который можетъ потопить виновную душу въ огненномъ озерѣ отчужденія и отчаянія. Какъ соль посыпается на каждую жертву для ея очищенія, такъ и каждая душа должна очищаться огнемъ,—огнемъ, если нужно, самаго суроваго и страшнаго самопожертвованія. Пусть же горитъ въ нихъ этотъ очищающій, палящій и совершенствующій огонь безпощаднаго самоосужденія и суроваго самоиспытанія. Пусть эта соль не теряетъ своего вкуса и огонь не лишается своей очистительной силы. „Имѣйте въ себѣ соль; и миръ имѣйте между собою“.

И затѣмъ, чтобы подтвердить долгъ храненія этого взаимнаго мира, нарушеннаго ими, и показать имъ, что, какъ бы ни великъ былъ гнѣвъ Божій противъ соблазнительей другихъ, они-то никогда не должны питать ненависти даже противъ тѣхъ, которые причинили имъ вредъ, Онъ поучалъ ихъ, какъ поступать съ согрѣшившимъ братомъ: сначала должно увѣщевать его частно, а затѣмъ, если понадобится, и публично, но только кротко и съ любовью. Придерживаясь духа іудейскаго формализма, Петръ хотѣлъ бы точно знать предѣлы, до которыхъ должно доходить число прошеній; но Иисусъ отвѣчалъ, что число это можетъ быть безгранично. Наставленіе это Онъ пояснилъ прекрасной притчей о рабѣ, который, получивъ отъ своего царя прощеніе своего долга въ десять тысячъ талантовъ, немедленно послѣ этого схватилъ своего собственнаго товарища за горло и

не хотѣлъ даже отсрочить уплаты ничтожнаго долга въ сто динаріевъ, въ 1.250,000 разъ меньшую сумму, чѣмъ какая была прощена ему самому. Даже дитя, которое Спаситель держалъ у себя на рукахъ, могло бы понять нравоучительный смыслъ этой притчи. Насколько же глубже должно быть значеніе ея для насъ, съ дѣтства воспитывающихся въ познаніи искупительной любви Христа? Для насъ оно должно быть яснѣе, чѣмъ даже для Петра или Іоанна въ то время, когда она сказана была впервые.

ГЛАВА XXXVIII.

КОРОТКІЙ ОТДЫХЪ ВЪ КАПЕРНАУМЪ.

Итакъ, сыны свободны. Матѳ. хvii, 26.

ВО ВРЕМЯ короткаго на этотъ разъ пребыванія въ Капернаумѣ случилось еще одно событіе, о которомъ рассказываетъ только ев. Матѳей.

Съ незапамятныхъ временъ у іудеевъ существовалъ обычай собирать послѣ всякой новой переписи подать въ „полсиеля, сиеля священнаго“, съ каждаго іудея, достигшаго двадцатилѣтняго возраста, въ качествѣ „выкупа за душу свою Господу“ (Исх. xxx, 11—16). Деньги эти шли на храмъ и употреблялись на покупку жертвоприношеній, возловъ отпущенія, красныхъ телицъ, куреній, хлѣбовъ предложенія и другихъ предметовъ, требовавшихся въ храмѣ. Послѣ возвращенія изъ плѣна этотъ *беа* или полсиель обратился въ ежегодную добровольную подать, равную трети сиеля (Неем. x, 32), но въ послѣдующее время она опять возвысилась до первоначальной суммы. Эта подать платилась каждымъ іудеемъ, въ какой бы части свѣта онъ ни находился, богатый онъ былъ или бѣдный; и въ доказательство того, что всѣ души равны предъ Богомъ, должны были платить „богатый не больше и бѣдный не меньше полсиеля“. Сборъ этотъ давалъ большія суммы, которыя и препровождались въ Іерусалимъ съ почетными уполномоченными.

Подать эта была настолько обязательна, что когда собирали ее въ первый день мѣсяца Адара, ее требовали спокойно и вѣжливо; если же она не была уплачена до 25 числа, то сборщики ее могли даже брать залогъ отъ неисправнаго плательщика.

Точно такимъ образомъ почти немедленно по возвращеніи Спасителя въ Капернаумъ, сборщики подошли къ ап. Петру и деликатно спросили его, какъ предписывали раввины: „Учитель вашъ не дастъ ли дидрахмы“?

Съ вопросомъ этимъ связываются двѣ трудности, а именно: почему отъ Спасителя не спрашивали этой подати въ прежніе годы? и почему теперь она требовалась осенью, предъ наступленіемъ праздника кущей, а не въ мѣсяцѣ Адаръ, на полгода раньше? Отвѣтомъ на это, повидимому, можетъ служить то, что священники и выдающіеся раввины считались изъятыми отъ этой подати, что частое отсутствіе Спасителя изъ Капернаума служило причиной такой неправильности въ сборѣ и что иногда вообще позволялось уплачивать и послѣ.

Что сборщики обратились съ вопросомъ къ ап. Петру, а не прямо къ самому Иисусу, это одинъ изъ многочисленныхъ фактовъ, показывающихъ, какою благоговѣйнымъ страхъ внушалъ Онъ своею личностью даже злѣйшимъ своимъ врагамъ; тѣмъ болѣе, что и самое требованіе этой подати съ ихъ стороны, по всей вѣроятности, вызывалось желаніемъ обезпечить Его и показать пренебреженіе къ Его достоинству. Но Петръ, съ своею обычною стремительностью, не дожидаясь случая спросить объ этомъ своего Учителя, отвѣтилъ „да“.

Еслибы онъ подольше подумалъ, побольше зналъ и даже еслибы вспомнилъ о своемъ недавнемъ великомъ исповѣданіи, то конечно не отвѣтилъ бы такъ быстро и опрометчиво. Деньги эти, по крайней мѣрѣ, по своему первоначальному значенію, составляли выкупъ за душу каждаго человѣка; какимъ же образомъ могъ платить выкупъ за свою душу самъ Искупитель, который искуплялъ души всѣхъ цѣною своей жизни? Сборъ этотъ затѣмъ шелъ на храмъ. Какимъ же образомъ долженъ былъ платить его Тотъ, смертное тѣло котораго было новымъ духовнымъ храмомъ Бога живаго? Ему надлежало войти во святая святыхъ цѣною своей собственной крови. Но Онъ заплатилъ, чего не долженъ былъ

платить, чтобы избавить насъ отъ уплаты того, что мы были должны, но никогда бы не могли заплатить сами.

Поэтому, когда Петръ вошелъ въ домъ, сознавая уже, быть можетъ, въ это время необдуманность своего отвѣта, а также быть можетъ и то, что въ этотъ моментъ у нихъ не было въ запасѣ даже и такой малой суммы, которая требовалась, — Иисусъ, не дожидаясь выраженія имъ своего затрудненія, сказалъ ему: „какъ тебѣ кажется, Симонъ! Цари земные съ кого берутъ пошлины или подати? Съ сыновъ ли своихъ, или съ постороннихъ“?

Отвѣтъ могъ быть только одинъ: „съ постороннихъ“.

„Итакъ, сказалъ Иисусъ, сыны свободны“. Я, Сынъ великаго Царя, и даже ты, который также сынъ Его, хотя и въ другомъ отношеніи, не обязаны платить этой подати. Если мы платимъ ее, то плата эта должна быть дѣломъ не положительной обязанности, какъ недавно рѣшили фарисеи, а свободного и добродѣтельнаго даянія.

Въ томъ нѣжномъ способѣ, которымъ Спаситель показалъ пылкому апостолу, въ какое положеніе онъ доставилъ Его своимъ быстрымъ отвѣтомъ, есть нѣчто прекрасное и даже игривое. Мы видимъ изъ него, какія прекрасныя, дружественныя, любящія отношенія существовали между Христомъ и Его учениками. Въ то же время Онъ какъ бы постановляетъ вѣчнымъ правиломъ, что религиозное служеніе должно содержаться добровольными приношеніями и внутреннимъ сознаниемъ долга, а не вѣшнимъ принужденіемъ. Но даже и то, что законно — не всегда полезно, и нѣтъ ничего болѣе противнаго духу христіанства, чѣмъ насильственная настойчивость на исполненіи строгой буквы нашихъ правъ. Христіанинъ всегда скорѣе предпочтетъ уступить что-нибудь изъ своихъ правъ, взять меньше, чѣмъ ему должно. Поэтому и Спаситель, по стопамъ котораго должны слѣдовать всѣ, спойно прибавилъ: „Но чтобы намъ не соблазнить ихъ, пойди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми, и открывъ у нея ротъ, найдешь стирь, возьми его и отдай имъ за Меня и за себя“. Въ самомъ подчиненіи Его отражается величіе. Онъ пожелалъ заплатить подать, чтобы не смутить чьихъ-либо чувствъ, и особенно въ виду того, что

Его апостола уже обѣщала за Него, но заплатить ее путемъ необычайнымъ. „Онъ платитъ подать, говоритъ Иларій, но беретъ ее изо рта рыбы, чтобы показать свое величіе“.

ГЛАВА XXXIX.

ИСУСЪ НА ПРАЗДНИКЪ КУЩЕЙ.

Не удостовѣрились ли начальники, что Онъ подлинно Христосъ? Иоан. VII, 26.

ЦЕВѢРОЯТНО, чтобы Иисусъ могъ жить въ Капернаумѣ такъ, чтобы о Его пребываніи тамъ не знали хоть нѣкоторые жители. Но, несомнѣнно, пребываніе Его въ этомъ городѣ было очень короткое и имѣло совершенно частный характеръ. Изложенныя въ предыдущей главѣ поученіе и событіе—единственные факты, которые намъ извѣстны о немъ.

Наступила осень, и вся Галилея была озабочена приготовлениями, которыя обыкновенно совершались предъ отправленіемъ ежегоднаго каравана поелонниковъ на одинъ изъ трехъ великихъ годовыхъ праздниковъ — праздникъ Кущей. Праздникъ этотъ совершался въ воспоминаніе прохожденія израильтянъ чрезъ пустыню и проводился съ такимъ всеобщимъ ликованіемъ, что Иосифъ Флавій и Филонъ называютъ его „святѣйшимъ и величайшимъ праздникомъ“ и у іудеевъ онъ извѣстенъ былъ какъ праздникъ по преимуществу. Онъ совершался въ теченіе семи дней подъ рядъ, отъ 15 до 25 дня мѣсяца Тесри, и восьмой день проводился въ священномъ собраніи. Въ теченіе семи дней іудеи въ воспоминаніе своего странствованія по пустынѣ жили въ маленькихъ *сукковахъ* или шалашахъ, сдѣланныхъ изъ густолиственныхъ вѣтвей масличныхъ, пальмовыхъ и миртовыхъ деревьевъ, и каждый носилъ въ рукахъ *мулабъ*, состоящей изъ пальмовыхъ и ивовыхъ вѣтвей, изъ плодовъ персика и лимона. Въ продолженіе недѣли праздника всѣ священники по очереди совершали служеніе; семьдесятъ тельцовъ приносились въ жертву за семьдесятъ народовъ міра; ежедневно читался законъ (Нем.

вп, 18; см. Иоан. вп, 19) и каждый день храмовыя трубы по двадцать одному разу трубили вдохновенные и торжественные гимны. Ликованіе несомнѣнно усиливалось еще тѣмъ, что праздники этотъ наступалъ только спустя четыре дня послѣ страшныхъ обрядовъ великаго дня покаянія, въ который совершалось торжественное очищеніе грѣховъ всего народа.

Наканунѣ отправления на праздникъ домашніе и родственники Спасителя, — тѣ, которые въ евангеліяхъ обыкновенно называются Его „братьями“ и потомки которыхъ впоследствии известны были подъ именемъ Деспосиновъ, — еще разъ пришли къ Нему съ благонамѣреннымъ, но самонадѣяннымъ предложеніемъ. Подобно фарисеямъ, подобно народной толпѣ и даже Петру, они вообразили, что лучше самого Иисуса знаютъ, какимъ путемъ Онъ скорѣе можетъ совершить свое дѣло и ускорить всеобщее признаніе своего достоинства. Они пришли къ Нему съ выраженіемъ своихъ собственныхъ взглядовъ, своего недовольства, почти упрековъ и жалобъ. Зачѣмъ эта неосновательная и непонятная таинственность? Она противорѣчитъ Твоимъ правамъ; она колеблетъ Твоихъ послѣдователей. Ты имѣешь учениковъ въ Иудеѣ, иди туда, чтобы и тамъ ученики Твои видѣли дѣла, которыя Ты дѣлаешь. „Если Ты творишь такія дѣла, то яви себя міру“. Если они съ такими предложеніями могли обращаться къ Иисусу, если могли вызывать Его могущество, такъ сказать, на пробу, то знаніе ихъ о Немъ очевидно было такъ узко и несовершенно, что вполне оправдывается вставочное замѣчаніе возлюбленнаго ученика: „ибо и братья Его не вѣровали въ Него“ (Иоан. вп, 1—9).

Такія внушенія съ ихъ стороны, горькій плодъ нетерпѣливаго тщеславія и грубаго невѣжества, показывали въ нихъ крайне непростительную самонадѣянность; но Спаситель отвѣтилъ имъ съ спокойнымъ и кроткимъ достоинствомъ: „Нѣтъ, Мое время явить себя міру, который есть также и *вашъ* міръ и который поэтому не можетъ ненавидѣть васъ, какъ онъ ненавидитъ Меня, — еще не настало. Вы пойдите на праздникъ сей, а Я еще не пойду на сей праздникъ, потому что Мое время еще не исполнилось“. Такъ отвѣтилъ Онъ имъ и остался въ Галилеѣ.

И на это были свои причины. Въ видахъ безопасности Его

жизни, которая должна была продлиться еще на шесть мѣсяцевъ, въ видахъ осуществленія божественныхъ цѣлей, которыя были тѣсно связаны съ событіями послѣдующихъ дней — было весьма важно, чтобы братья не знали о Его планахъ. Поэтому Онъ отпустилъ ихъ въ полнѣйшей неизвѣстности касательно того, пойдетъ Онъ за ними, или нѣтъ. Конечно, еслибы ихъ сталъ спрашивать народъ, идетъ ли и Иисусъ на праздникъ, то они съ полною правдивостью могли отвѣчать только, что Онъ во всякомъ случаѣ не идетъ съ ними, а придетъ ли Онъ къ празднику или послѣ него, объ этомъ имъ ничего неизвѣстно. Что именно такъ и было и такъ именно они отвѣчали, видно изъ того, что по улицамъ повсюду слышались вопросы: „Гдѣ Онъ? здѣсь ли уже Онъ? идетъ ли Онъ“? А такъ какъ Онъ не появлялся, то въ толпѣ было много толковъ о Немъ, о Его достоинствѣ и обо всемъ Его дѣлѣ. „Онъ добръ“, говорили одни съ нерѣшительнымъ и боязливымъ одобреніемъ. „Нѣтъ, но Онъ *месия*—обольщаетъ народъ“, громко и злобно говорили обвинители. Никто, однако же, не осмѣливался высказаться о Немъ вполне открыто; каждый какъ бы не довѣрялъ своему сосѣду; всѣ боялись въ своихъ сужденіяхъ заходить слишкомъ далеко, пока еще мнѣніе „іудеевъ“, книжниковъ и фарисеевъ, не было объявлено съ окончательною рѣшительностью.

И вдругъ, среди этихъ толковъ и сужденій, въ половинѣ уже праздника явился Иисусъ — повидимому не сопровождаемый своими учениками и безъ всякаго извѣщенія со стороны Его друзей, вошелъ въ храмъ и началъ учить. Какимъ путемъ прибылъ Онъ въ святой городъ, какъ могъ незамѣтно пройти по кипащимъ народомъ улицамъ, принималъ ли участіе въ невинныхъ увеселеніяхъ праздника, жилъ ли Онъ также въ маленькомъ шалапѣ изъ пальмовыхъ вѣтвей въ теченіе остальныхъ дней недѣли и ходилъ ли также среди разряженной праздничной толпы съ *мулабомъ* и лимономъ въ рукахъ, раздавался ли Его голосъ въ священномъ аллилуія или великомъ гимнѣ осанна — объ этомъ мы ничего не знаемъ. Все, что сообщается о Немъ, это то, что Онъ, полагаясь, такъ сказать, на покровительство своихъ учениковъ, какъ галилейскихъ, такъ и іерусалимскихъ,

вдругъ явился въ одномъ изъ большихъ притворовъ храма, вѣдущихъ отъ дворовъ, и началъ учить тамъ.

Сначала іудеи слушали Его съ благоговѣйнымъ безмолвіемъ, но скоро старыя недоумѣнія взяли свое. Онъ не настоящій равви, рассуждали они между собою; не принадлежитъ ни къ одной изъ признанныхъ школъ; Его не считаютъ своимъ ни послѣдователи Гиллея, ни послѣдователи Шаммаи; Онъ просто назарянинъ, воспитанъ въ мастерской галилейскаго плотника. „Какъ же Онъ знаетъ Писанія, не учившись?“ Какъ будто тѣ избранники, которые учатся самимъ Богомъ, наука которыхъ есть наука сердца чистаго, ова просвѣщеннаго и жизни непорочной, не безконечно превосходятъ мудростью, а слѣдовательно и лучшимъ, истиннымъ знаніемъ, всѣхъ тѣхъ, наука которыхъ происходитъ только отъ другихъ людей! Вѣдь не голосъ учености, а лишь, какъ говоритъ древній греческій мыслитель, голосъ вдохновенія, голосъ божественной сивиллы, изрекающей простыя неподкрашенныя истины, бываетъ слышенъ въ теченіе безконечныхъ вѣковъ.

Иисусъ понялъ ихъ взгляды и сопровождающей ихъ ропоть. Онъ сказалъ имъ, что ученіе Его непосредственно исходитъ отъ Отца Его небеснаго, и сами они, еслибы только исполняли волю Божію, могли бы также постигнуть это великое ученіе. Во всѣ времена у людей была склонность эрудицію принимать за ученость, знаніе за мудрость; всегда трудно понималась истина, что мудрость великой и возвышенной личности можетъ совмѣщаться съ полнѣйшимъ невѣденіемъ во всемъ, что составляетъ сущность школьной учености. Въ *одномъ* смыслѣ, говорилъ Иисусъ своимъ слушателямъ, они знали законъ, данный имъ Моисеемъ; въ другомъ же они до прискорбія были невѣжественны въ немъ. Они не понимали его началъ, потому въ сущности и „не поступали по закону“. И затѣмъ Онъ прямо спросилъ ихъ: „за что ищете убить Меня“?

Рѣшеніе убить Его конечно было извѣстно Ему и нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые слушали Его; но это была преступная тайна, которая скрывалась отъ народной толпы. Тѣ, преступной совѣсти которыхъ касался этотъ вопросъ, угрюмо молчали; народъ же дерзко отвѣчалъ: „не бѣсъ ли въ Тебѣ? кто ищетъ

убить Тебя“?—Зачѣмъ же такая ненужная и дивная грубость въ словахъ? Не съ гораздо ли меньшимъ негодованіемъ отрицаемъ мы обвиненіе, о которомъ мы знаемъ, что оно не только ложно, но вполне нелѣпо и неосновательно? Не было ли въ душѣ даже этой, еще не совсѣмъ отчуждившейся отъ Него, толпы тревожнаго сознанія своей отдаленности отъ проповѣдника, того безконечнаго превосходства Его надъ нею, которое терзало, стыдило и раздражало ее? Не сознавали ли они даже при своихъ чисто плотскихъ и грубыхъ стремленіяхъ, что *этотъ* Пророкъ пришелъ не для того, чтобы снисходить къ тѣмъ взглядамъ, которыми они руководились, а возвестъ ихъ въ ту высшую область, въ которой они, какъ невольно чувствовалось ими, не могли бы дышать? Не было ли уже даже тогда въ ихъ сердцахъ той полусознательной ненависти, которую пороки питаютъ къ добродѣтели, не было ли враждебности тьмы по отношенію къ свѣту? Стали ли бы они говорить такъ грубо по поводу Его заявленія о томъ, что среди нихъ нѣкоторые замышляютъ на Его жизнь, еслибы не чувствовали, что сами они готовы почти каждое мгновеніе присоединиться къ этому гнусному замыслу, даже своими собственными руками привести его въ исполненіе?

Исусъ не обратилъ вниманія на эту грубую дерзость. Онъ сослался на одно совершенное имъ дѣло исцѣленія въ субботній день, которому они еще продолжали дивиться, и сказалъ, что имѣющій силу совершать такія дѣла въ субботу (Иоан. v, 5) очевидно долженъ стоять выше ихъ грубыхъ обрядовыхъ и матеріальныхъ понятій о святости субботы. И затѣмъ, повторяя свое обычное наставленіе, что любовь, а не буква составляетъ исполненіе закона, показалъ имъ, что даже съ точки зрѣнія ихъ чисто обрядовыхъ и левитскихъ постановленій Онъ своимъ цѣлительнымъ словомъ нисколько не нарушилъ субботы. Напримѣръ, Моисей постановилъ или, вѣрнѣе, возобновилъ законъ обрѣзанія въ восьмой день, и если восьмой день приходится на субботу, то они безъ всякаго смущенія приносятъ одно постановленіе въ жертву другому и, несмотря на связанный съ обрѣзаніемъ трудъ, совершаютъ его въ субботній день. Если же законъ обрѣзанія выше закона субботы, то не выше ли его законъ милосердія? Если можно было причинять кровавую рану, то ужели

нельзя единственнымъ словомъ совершить полнаго исцѣленія? Если того, что было только *знакомъ* избавленія, нельзя было откладывать ни на одинъ день, даже ради субботы, то почему же преступно не откладывать ради субботы дѣйствительнаго и полнаго избавленія? И затѣмъ Онъ обобщилъ свою самозащиту въ спокойномъ положеніи: „не судите по наружности, но судите судомъ праведнымъ“ (Іоан. vii, 24).

Слушатели Его были смущены и изумлены: „не Тотъ ли это, котораго ищутъ убить? Не удостовѣрились ли начальники, что Онъ подлинно Христосъ? Но мы знаемъ Его, откуда Онъ; Христосъ же когда придетъ, никто не будетъ знать, откуда Онъ“!

Въ отвѣтъ Иисуса была нѣкоторая иронія. Они знали, откуда Онъ пришелъ и кто Онъ, но на самомъ дѣлѣ Онъ пришелъ не самъ отъ себя, а отъ Того, котораго они совсѣмъ не знали. Такой отвѣтъ еще больше взбѣсилъ Его слушателей. Они хотѣли, но не осмѣливались схватить Его, тѣмъ болѣе, что среди народа были и такіе, которые увѣровали въ Него и ссылались на Его чудеса, какъ на неотразимое доказательство Его священнаго достоинства. Синедріонъ, часто собиравшійся на засѣданія въ одной изъ каменныхъ палатъ въ предѣлахъ храма, посредствомъ своихъ посланныхъ зналъ все, что Онъ дѣлалъ и говорилъ, и своими злобными и завистливыми глазами незамѣтно наблюдалъ за каждымъ Его движеніемъ. Эти высказываемыя въ пользу Иисуса сужденія, это глубокое благоговѣніе и вѣра въ Него, которая помимо ихъ власти росла предъ самыми ихъ глазами, — все это казалось синедріону оскорбительнымъ и опаснымъ. Онъ рѣшился на болѣе смѣлый способъ дѣйствія, и послалъ слугителей внезапно и тайно взять Его, при первомъ представившемся благопріятномъ случаѣ. Но Иисусъ не выказалъ страха. Ему надлежало побыть съ ними еще нѣсколько времени, и только тогда, а не раньше, Онъ долженъ былъ возвратиться въ Тому, который послалъ Его (сн. Іоан. viii, 21). И тогда они будутъ искать Его, не съ враждебными чамѣреніями, какъ теперь, но съ сокрушающими муками стыда и угрызения совѣсти, и исканіе ихъ будетъ тщетно. Враги совершенно не поняли Его намека, но тѣмъ горше и безотраднѣе пришлось понять имъ смыслъ его въ тѣ смутные и страшные дни, которые наступили впослед-

ствіи. Теперь они только насмѣшливо высказывали догадки, что быть можетъ Онъ имѣеть дикое намѣреніе идти проповѣдывать среди язычниковъ.

Такъ прошелъ этотъ знаменательный день, и опять въ послѣдній день праздника Иисусъ стоялъ въ храмѣ. Въ каждый изъ семи дней, а можетъ быть даже и на восьмой день, совершалась знаменательная и радостная церемонія. Каждое утро народъ отправлялся въ храмъ и, когда утренняя жертва полагалась на алтарь, одинъ изъ священниковъ шель съ золотымъ сосудомъ къ пруду Силоамскому, неподалеку отъ подножія Сіонской горы. Тутъ онъ съ большой торжественностью черпалъ три *логы* воды, которая затѣмъ въ торжественной процессіи приносима была водными воротами въ храмъ. При вступленіи этой процессіи въ предѣлы храма священныя трубы радостно трубили, пока процессія не доходила до самаго алтаря, гдѣ вода выливалась въ серебряную вазу съ лѣвой стороны, а въ серебряную же вазу съ правой стороны вливалось вино. Затѣмъ начиналось пѣніе великой „аллилуіи“, и когда доходили до стиха: „Славьте Господа, ибо Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его“, то каждый изъ празднично-одѣтыхъ богомольцевъ, стоя у алтаря, торжественно потрясалъ своимъ лубабомъ. Вечеромъ народъ предавался такимъ либованіямъ, что, по выраженію раввиновъ, — кто не видалъ этой „радости черпанія воды“, тотъ не знаетъ, что значитъ радость.

Очевидно намекая на это радостное торжество и быть можетъ даже въ виду народнаго сожалѣнія по случаю превращенія этого обряда въ восьмой день, Иисусъ направилъ мысли праздничной толпы въ храмѣ, какъ раньше при уединенномъ колодцѣ Онъ направлялъ мысли самарянки, къ новой истинѣ, которая болѣе чѣмъ осуществляла какъ духовное (Ис. хп, 3), такъ и историческое значеніе (1 Кор. х, 4) видѣнныхъ ими сценъ. Онъ всталъ и возгласилъ: „кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей. Кто вѣруетъ въ Меня, у того, какъ сказано въ Писаніи, изъ чрева потекутъ рѣки воды живой“. Лучшіе изъ нихъ чувствовали въ глубинѣ своего сердца (это одно изъ самыхъ сильныхъ доказательствъ истины христіанства для тѣхъ, которые душой и сердцемъ вѣруютъ въ Бога любви, пекущагося о чадахъ

своихъ въ родѣ человѣческомъ), что они глубоко нуждались въ утѣшеніи и спасеніи, въ изліяніи св. Духа, котораго могъ имъ дать только этотъ великій Пророкъ. Но то именно, что нѣкоторые начинали открыто говорить о Немъ, какъ о Пророкѣ и Христѣ, только ожесточало другихъ. Они не могли побѣдить самоизмышленнаго ими затрудненія, основывавшагося на полномъ незнаніи дѣла, но имѣвшаго непреодолимую силу для ихъ узбаго законническаго возрѣнія: „развѣ изъ Галилеи прійдетъ Христосъ? Не сказано ли въ Писаніи, что Христосъ прійдетъ отъ сѣмени Давидова, и изъ Виѣлеема, откуда былъ Давидъ?“ (Мих. v, 2; Ис. xі, 1; Іер. xxiii, 5, и проч.).

Вслѣдствіе такого-то разногласія служители, посланные фарисеями взять Иисуса, возвратились въ нимъ, не сдѣлавъ даже и попытки исполнить данное имъ порученіе. Обходя притворы храма, останавливаясь среди колоннъ, такъ чтобы не быть замѣченными Тѣмъ, кого они поджидали, они также не могли не слышать кое-чего изъ дивнаго ученія, лившагося изъ устъ Его. Послушавъ же Его, они уже не могли исполнить своего порученія. Они подчинились обаянію, котораго не могли преодолѣть; какая-то бесконечно-могущественная сила отнимала у нихъ волю, подрывала рѣшимость. Послушать Его значило не только быть обезоруженнымъ во всякомъ покушеніи противъ Него, но почти обращеннымъ изъ злѣйшаго врага въ благоговѣйнаго ученика. „Никогда человѣкъ не говорилъ такъ, какъ этотъ человѣкъ“,—вотъ все, что могли сказать они. Это дерзкое неповиновеніе прямому приказанію должно было бы заставить ихъ опасаться худыхъ послѣдствій для себя, но послушаніе требовало еще больше смѣлости отъ нихъ, не говоря уже о той зіяющей ранѣ, которою пробужденная совѣсть мучитъ преступную грудь.

Фарисеи могли только отвѣтить имъ гнѣвнымъ упрекомъ. Какъ, неужели и вы прельстились, и не думаете ли принять этого пророка и любимца невѣжественной, провлятой и жалкой толпы? Никодимъ осмѣлился-было возразить, что не слѣдовало ли бы сначала узнать хорошенько, прежде чѣмъ осуждать. Но это справедливое замѣчаніе осталось безъ вниманія, и члены синедриона опять обращались къ недостойнымъ насмѣшкамъ и сво-

ему невѣжественному законничеству: „И ты не изъ Галилеи ли? Разсмотри и увидишь, что изъ Галилеи не приходитъ пророкъ“.

Гдѣ же, однако, спросимъ мы, Гаефеферъ, откуда вышелъ Иона? Гдѣ Оисва, откуда пришелъ Илія? Гдѣ Елкошъ, откуда пришелъ Наумъ? Гдѣ сѣверный городъ, откуда вышелъ Осія? Новѣйшіе іудеи, лучше знающіе Писаніе, говорятъ, что Мессія долженъ придти изъ Галилеи, и многіе селятся въ Тиверіадѣ, потому что вѣрують, что Онъ выйдетъ изъ водъ моря Галилейскаго, и въ Сафедѣ, „городъ стоящемъ на верху горы“, потому что, по ихъ вѣрованію, Онъ прежде всего здѣсь поставитъ престоль свой. Но нѣтъ болѣе глубокаго невѣжества, чѣмъ то, которое не хочетъ знать, нѣтъ слѣпоты болѣе неизлечимой, чѣмъ та, которая не хочетъ видѣть. Въ такомъ-то именно настроеніи, не обращая вниманія на кроткую справедливость замѣчанія Никодима и на чудесное впечатлѣніе, произведенное Іисусомъ даже на ихъ собственныхъ враждебныхъ Ему служителей, члены синедріона оставили засѣданіе и разошлись по домамъ.

ГЛАВА XL.

ЖЕНЩИНА, ВЗЯТАЯ ВЪ ПРЕЛЮБОДѢЯНІИ.

Кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось на нее камень. Іоан. VIII, 7.

ВСЛѢДСТВІЕ трудностей, связанныхъ съ знаменитымъ событіемъ, которое подлежитъ нашему разсмотрѣнію, невозможно придти въ какому-нибудь рѣшительному заключенію касательно его дѣйствительнаго мѣста въ повѣствованіи. Такъ какъ, однако же, можно полагать съ вѣроятностью, что мѣсто ему дано сообразно съ истинною послѣдовательностью событій и такъ какъ въ послѣдующихъ бесѣдахъ есть, повидимому, нѣкоторыя, хотя и непрямая ссылки на него (напр. Іоан. VIII, 15, 17, 24, 46), то мы и расскажемъ о немъ здѣсь.

Къ вечеру того дня, о которомъ говорилось въ послѣдней главѣ, Іисусъ удалился на гору Елеонскую. Пошелъ ли Онъ въ

садъ Геосимансвій и въ домъ неизвѣстнаго, но дружественнаго ему владѣльца, или же, не имѣя гдѣ главы приклонить, просто спалъ по восточному обычаю на зеленомъ мхѣ подъ вѣковыми масличными деревьями — мы не знаемъ; но интересно еще разъ отмѣтить въ Немъ то отвращеніе къ люднымъ городамъ, ту любовь къ чистому, пріятному, свѣжему воздуху и къ тишинѣ уединенной горы, которыя замѣчаются въ Немъ въ теченіе всей Его жизни на землѣ. Это не значило, что въ Немъ была надменная сантиментальность и брезгливое себялюбіе, которыя заставляютъ людей уклоняться отъ всякаго общенія съ своими братьями; и Его истинные послѣдователи не могутъ принадлежать къ фантастическимъ челоуѣволюбцамъ, которыя, по выраженію поэта, „вздыхая о бѣдности, избѣгаютъ бѣдныхъ, и свою призрачную любовь къ нимъ лелѣютъ въ сладостномъ уединеніи“. Напротивъ, день за днемъ во все время своего дневного труда, Онъ жертвовалъ всѣмъ, что было наиболѣе дорого и пріятно Его душѣ, и, несмотря на жаръ, тѣсноту, вражду и усталость, спокойно совершалъ свой трудъ любви среди „низкихъ распръ безумствующей толпы“. Но въ ночное время, когда люди предаются покою, ничто уже не требовало Его присутствія въ стѣнахъ Іерусалима; и это знакомъ съ удушливой нечистотой восточныхъ городовъ, легко можетъ представить себѣ, какое облегченіе долженъ былъ Онъ чувствовать въ душѣ, когда, удалившись съ тѣсныхъ улицъ и людныхъ базаровъ, Онъ переходилъ за лощину и взбирался на высіяйся за нею зеленый склонъ горы, чтобы тамъ подъ покровомъ звѣздной ночи быть наединѣ съ своимъ Отцомъ небеснымъ.

Но лишь разсвѣтало, Онъ опять трудился въ городѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ только почти мы и видимъ Его — въ притворахъ дома Отца Своего. вмѣстѣ съ разсвѣтомъ же враги замыслили новыя козни противъ Него, не стѣсняясь обстановкой, которая дѣлала злобу ихъ даже болѣе прискорбной, чѣмъ опасною. Веселость и разгулъ праздника Куцей, почти обратившагося въ праздникъ собиранія винограда, вѣроятно часто вырождались въ дѣла распущенности и безнравственности, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе нарушенія обыденнаго порядка жизни и пребыванія всего населенія въ плетеныхъ шалапахъ представлялось и больше

соблазновъ въ тому. Одинъ такой поступокъ замѣченъ былъ во время предшествующей ночи, и провинившаяся женщина предана была на судъ книжниковъ и фариисеевъ.

Еслибы даже народная нравственность въ это время была такъ же чиста, какъ и въ тѣ дни, когда Моисей установилъ страшное испытаніе посредствомъ „воды ревности“ (Числ. v, 14 — 29), даже еслибы эти вожди и учителя народа святостью своей жизни настолько же въ дѣйствительности возвышались надъ своими современниками, насколько они выставляли это, то слѣдствіе и угрожавшее этой жалкой блудницѣ наказаніе едва ли не тронули бы всякую чистую и благородную душу состраданіемъ, вмѣстѣ съ ужасомъ, возбуждаемымъ ея грѣхомъ. Даже и при такихъ условіяхъ установленное наказаніе могло бы быть примѣнено къ ней со всею непоколебимою строгостью; но строгость суроваго и праведнаго судіи не исключаетъ жалости; эта строгость не причинитъ намѣренно ненужнаго страданія, она вполне совмѣстима съ справедливою нѣжностью и совершенно несомѣстима съ побужденіями низости и легкомыслія, съ духомъ злобы и омерзительнаго издѣвательства.

Но побужденія, руководившія книжниками и фариисеями, во всякомъ случаѣ не вытекали изъ чувства искренней и оскорбленной чистоты. При упадкѣ общественной жизни, при ежедневномъ знакомствѣ съ языческою распущенностью, при постепенномъ вытѣсненіи сердечной религіозности левитскою обрядностью, нравы народа сдѣлались крайне испорченными. Испытаніе посредствомъ „воды ревности“ давно было оставлено, и также давно уже вышло изъ обычая наказаніе за прелюбодѣяніе посредствомъ побіенія камнями. Даже книжники и фариисеи, при всей своей внѣшней набожности, въ дѣйствительности не питали отвращенія въ нравственной нечистотѣ, которою нерѣдко пятналась ихъ собственная жизнь. Въ дѣлѣ же виновной женщины, неожиданно попавшейся имъ въ руки, они видѣли только случай досадить, изловить и даже, быть можетъ, навлечь опасность на того Пророка галилейскаго, котораго они уже считали своимъ смертельнымъ врагомъ.

У іудеевъ былъ хорошій обычай совѣтоваться въ сомнительныхъ или затруднительныхъ случаяхъ съ знаменитыми равви-

нами; но здѣсь не было ни сомнѣнія, ни затрудненія. Моисеевъ законъ о преданіи блудницъ смерти давно уже не исполнялся; но даже и въ противномъ случаѣ римскій законъ, по всей вѣроятности, воспрепятствовалъ бы приведенію таковаго приговора въ исполненіе. Съ другой стороны, обезчещенному мужу открыты были гражданскіе и религіозные пути въ разводу, тѣмъ болѣе, что въ преступленіи этой женщины не было ничего особеннаго въ сравненіи съ подобными преступленіями другихъ. Притомъ, еслибы они честно и искренно желали узнать мнѣніе Иисуса, то имъ не было бы никакой надобности лично вести въ Нему женщину и тѣмъ подвергать ее нравственной пыткѣ, тѣмъ болѣе невыносимой, что женщины на востокѣ обыкновенно живутъ въ строгой отчужденности.

Поэтому, если они подвергли жалкую женщину ненужной пыткѣ этой омерзительной публичности, волочили ее, терзаемую стыдомъ только что уличеннаго преступленія, въ предѣлы храма, подвергали эту полураздѣтую, растрепанную, пораженную ужасомъ блудницу холодному и грубому любопытству злорадствующей черни, дѣлали ее, безъ малѣйшаго вниманія къ ея нравственнымъ мукамъ, простымъ орудіемъ своей ненависти къ Иисусу, и дѣлали все это не подъ давленіемъ нравственнаго негодованія, а только съ цѣлью удовлетворенія своей коварной злости, то все это показывало въ нихъ холодный, жестокій цинизмъ, безчувственную жестокость и безжалостность, дикое огрубѣніе сердца и совѣсти, которыя не могли не быть возмутительны и ненавистны Тому, Кто одинъ только былъ безконечно милостивъ, потому что былъ безконечно чистъ.

И вотъ такимъ образомъ они приволокли ее къ Нему и поставили посрединѣ — вопіющій грѣхъ подвергли взору непорочной невинности, преступное и жалкое ничтожество поставили предъ судомъ всесовершеннаго милосердія. Затѣмъ, какъ будто еще не насытившись издѣвательствомъ, они развязно и съ ироническимъ тономъ начинаютъ излагать Ему дѣло. „Учитель! эта женщина взята въ прелюбодѣянніи. А *Моисей* въ законѣ заповѣдалъ намъ побивать *такихъ* камнями: Ты что скажешь?“

Они думали, что теперь поставили Его въ безвыходное положеніе. Они знали Его необычайное милосердіе, которое лю-

было тамъ, гдѣ другіе ненавидѣли, восхваляло, гдѣ другіе презирали, и ободряло, гдѣ другіе сокрушали; имъ извѣстно было также, какъ этимъ милосердіемъ Онъ приобрѣлъ себѣ восторженную любовь многихъ и страстную преданность нѣкоторыхъ. Они знали, что мытарь былъ среди Его избранныхъ учениковъ, грѣшники сидѣли рядомъ съ Нимъ на пиршествахъ и блудницы безпрепятственно омывали Ему ноги и слушали Его ученіе. Такимъ образомъ ихъ занималъ вопросъ, оправдаетъ ли Онъ эту женщину и подвергнетъ себя этимъ обвиненію въ ереси, открыто становясь въ противорѣчіе съ священнымъ и суровымъ закономъ, или, съ другой стороны, подавивъ въ себѣ состраданіе, безжалостно осудитъ ее? Сдѣлавъ же послѣднее, не оттолкнетъ ли Онъ этимъ отъ себя народной толпы, увлекавшейся Его милосердіемъ, и возможностью народнаго волненія не навлечетъ ли на себя кары гражданскаго начальства по обвиненію въ возмущеніи? Казалось, Ему не было выхода изъ затрудненія. Тотъ и другой выходъ — ересь или измѣна, обвиненіе предъ синедріономъ или донесеніе римскому прокуратору, противорѣчіе правовѣрію или отчужденіе толпы — одинаково хорошо послужилъ бы ихъ беззастѣнчивымъ цѣлямъ. А одинъ изъ нихъ, думалось имъ, непременно долженъ послѣдовать. Какой счастливый случай представила имъ эта жалкая преступная женщина!

Но вышло не такъ. Ихъ низость, огрубѣніе и злоба, циническая выставка ими чувствъ, которыя должны бы находить ограниченіе въ жалости и деликатности, поразили сердце Иисуса. Онъ устыдился за свой народъ, за все человѣчество; Онъ устыдился не за паденіе жалкой обвиняемой грѣшницы, а за болѣе глубокую порочность ея безстыдныхъ обвинителей. Безконечно возмущенный тѣмъ, что враги Его прибѣгли къ такимъ подлымъ и низкимъ способамъ противодѣйствія Ему и сдѣлали Его невольнымъ центромъ такой позорной сцены; пылая негодованіемъ (вѣдь не будетъ неблагоговѣніемъ представить въ Немъ высшую степень тѣхъ чувствъ, которыя раздѣляются даже низайшимъ изъ Его послѣдователей), что святыня Его личной скромности нарушалась съ такимъ безстыдствомъ и что вниманіе Его съ грубымъ цинизмомъ обращали на вещи, о которыхъ чувство благородства заставляетъ умалчивать, — Онъ склонился ли-

цомъ внизъ и, какъ бы не разслышавъ или не желая слушать ихъ, молча писалъ пальцемъ на землѣ.

Для всякаго другого было бы этого довольно, но не для фарисеевъ. Еслибы даже нельзя было въ этомъ дѣйстви прямо видѣть символа прощенія, — символа того, что воспоминаніе о дѣлахъ, написанныхъ на прахѣ, заметется и исчезнетъ (Иерем. хvii, 13), то во всякомъ случаѣ нельзя было не понять этого дѣйстви въ смыслѣ яснаго указанія на то, что Онъ не хотѣлъ бы вмѣшиваться въ это дѣло. Но они не видѣли и не понимали ничего и съ безстыдствомъ стояли передъ Нимъ, все еще настаивая на своемъ грубомъ вопросѣ, все еще держа женщину, двусмысленно улыбаясь и издѣваясь надъ нею — безъ малѣйшаго смущенія въ своихъ лукавыхъ взглядахъ, безъ слѣда жалости въ своихъ каменныхъ сердцахъ.

Такого зрѣлища нельзя было долже выносить; и поэтому Иисусъ, ясно читавшій ихъ сердца, поднявъ голову, спокойно произнесъ свой мудрый судъ, заключающійся въ знаменитыхъ словахъ:

„Кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень“.

Это не было отмѣной Моисеева закона; напротивъ, тутъ признавалась справедливость его, и для женщины этотъ приговоръ несомнѣнно прозвучалъ осужденіемъ на смерть. Но приговоръ этотъ оказалъ совершенно неожиданное дѣйствіе. Страшный законъ заключался въ Писаніи, и теперь не время было, да Онъ и не хотѣлъ, отмѣнять Его. Но съ другой стороны, они сами, не поступивъ прямо по закону, а представляя все дѣло Ему, какъ будто бы оно нуждалось въ повомъ рѣшеніи, тѣмъ самымъ сознавались, что законъ этотъ потерялъ уже силу, не приводился въ исполненіе, и они не намѣрены были приводить его въ дѣйствіе и тогда, когда бы получили отъ Него разрѣшеніе. Такъ какъ все дѣло поэтому съ ихъ стороны было незаконное и неправильное, то онъ прямо и перенесъ его отъ суда закона къ суду совѣсти. Иногда судья бываетъ обязанъ осуждать приведеннаго къ нему преступника за грѣхи, въ которыхъ онъ виновенъ самъ; но совершенно иное дѣло — самозванные обвинители, настойчиво требующіе совсѣмъ ненужнаго осужденія. Осудить ее значило бы для нихъ ровнымъ обра-

зомъ осудить себя самихъ предъ Богомъ; первымъ бросить въ нее камень значило бы побить самого себя.

Христось только мелькомъ взглянулъ на нихъ, но этотъ взглядъ проникалъ ихъ затаенныя мысли. Онъ кротоко лишь сказалъ нѣсколько простыхъ словъ, но эти слова, подобно тихому голосу Или на Хоривѣ, были страшнѣе бури или землетрасенія. Они подобно искрѣ упали на дремлющія сердца и начали жечь ихъ, пока не запылала въ нихъ возмущенная совѣсть. Книжники и фарисеи стояли въ безмолвіи и страхѣ; руки ихъ невольно отдернулись отъ женщины, и дерзкіе взоры, исполненные коварства и злобы, потупились, какъ у преступниковъ. Тѣ, которые оскорбляли несправедливо, теперь справедливо чувствовали подавляющую муку невыносимаго стыда, и въ виновной совѣсти ихъ, подобно раскатамъ грома, проносились страшныя мысли: „нѣтъ тебѣ прощенія, о человѣкъ, когда ты судишь другого; въ чемъ ты судишь другого, въ томъ осуждаешь себя самого, ибо ты дѣлаешь то же, за что судишь другого. А мы знаемъ, что праведный судъ Божій постигнетъ тѣхъ, которые совершаютъ подобныя дѣла. Неужели думаешь ты, человѣкъ, что, судя другихъ за то, что дѣлаешь самъ, ты избѣгнешь суда Божія? Или пренебрегаешь богатство благодати, кротости и долготерпѣнія Божія, не сознавая, что благодать Божія ведетъ тебя въ покаянію? Но своею жестокостью и нераскаянностью сердца ты самъ уготовляешь себѣ гнѣвъ ко дню гнѣва и отвроченія праведнаго суда Божія, который воздастъ каждому по дѣламъ его“. А они именно были *таковы*, какъ и женщина, которую осуждали, и поэтому не смѣли оставаться тутъ дольше.

Съ пылающими лицами и стѣсненнымъ сердцемъ обличители одинъ за другимъ, всѣ—отъ стараго до молодого—молча удалились изъ храма. Христось не хотѣлъ своимъ наблюденіемъ за ними усиливать ихъ стыда и смущенія, не хотѣлъ дальше раскрывать, что Онъ знаетъ нечистые помыслы ихъ сердца, не хотѣлъ заставлять ихъ обнаруживать свое безстыдство и лгать противъ свидѣтельства своей совѣсти, а „опять, наклонившись низко, писалъ на землѣ“.

Когда Онъ опять поднялъ свою голову, то обвинители исчезли уже всѣ до одного: только женщина все еще трепетно

находилась предъ Нимъ на полу. Она также *могла* бы уйти; никто не воспрепятствовалъ бы ей, и кажется всего естественнѣе для нея было бы тотчасъ же скрыться куда-нибудь, чтобы избѣжать опасности и скрыть свою вину и позоръ. Но угрызения совѣсти и быть можетъ глубокой трепеть благодарности, въ которой надежда боролась съ отчаяніемъ, приволали ее на мѣстѣ предъ своимъ Судьей. Его взоръ, самый страшный для нея взоръ, какой только когда-либо приходилось встрѣчать ей, потому что онъ выходилъ изъ души, облеченной недосыгаемымъ величіемъ безпорочной невинности, свѣтился въ то же время безконечною кротостью и прощеніемъ. Неудаленіе ея было знакомъ ея покаянія; ея покаяніе, можно надѣяться, было вѣрнымъ залогомъ ея будущаго прощенія. „Тамъ оставались только двое, какъ прекрасно говорить бл. Августинъ, — горе и милосердіе“.

„Женщина! — спросилъ Спаситель, — гдѣ твои обвинители? Никто не осудилъ тебя?“

„Никто, Господи“. Это былъ единственный отвѣтъ, который она была въ силахъ дать; и затѣмъ она получила милостивое, но внушительное для сердца позволеніе удалиться:

„И Я не осуждаю тебя. Иди и впредь не грѣши“.

Еслибы доказательства критики, усиливающейся ниспровергнуть подлинность этого разсказа, были несравненно сильнѣе, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ, то въ немъ все-таки оставались бы черты, составляющія неопровержимое доказательство его несомнѣнной правдивости. Едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что представляемая имъ картина злобы и любви, противоположность между низкимъ, жестокимъ коварствомъ и возвышеннымъ благородствомъ ума и сердца, — превосходить всякую способность вымысла въ человѣческомъ воображеніи; а картина божественной прозорливости, читающей сокровенные помыслы сердца, и еще болѣе божественной любви, которая видитъ эти тайны дальше и лучше, чѣмъ мы сами, даетъ намъ такое представленіе о нравственномъ могуществѣ личности Христа, которое слишкомъ возвышенно и самобытно, чтобы могло основываться на чемъ-нибудь другомъ, кромѣ достовѣрнаго событія. Никто бы не въ силахъ былъ измыслить (даже только немногіе

и оцѣнить-то могли) той безвѣчной чистоты и непреодолимаго обаянія вроткой властности осужденія и прощенія, которыми отличается эта исторія. Многочисленные случаи, въ которыхъ Иисусъ безъ малѣйшаго смущенія разрушалъ коварные замыслы своихъ враговъ и изъ самаго разрушенія ихъ выводилъ назиданія для мысли и дѣятельности людей, составляютъ наиболѣе поразительныя и рѣшительныя довазательства Его сверхчеловѣческой мудрости; но нигдѣ этотъ священный огонь, высѣвавшійся, такъ связать, изъ столбовенія Его съ людскою злобою и ненавистью, не блеститъ ярче и прекраснѣе, чѣмъ здѣсь. Извѣстно, что исторія эта не пользовалась особеннымъ вниманіемъ въ первые вѣва христіанства; нѣкоторые считали ее опасною по своей мысли; знаменитые отцы и учителя церкви или совсѣмъ оставляютъ ее безъ вниманія, или же говорятъ о ней въ полуизвиняющемся тонѣ; но во всемъ этомъ мы видимъ самое рѣшительное довазательство того, что заключающійся въ ней нравоучительный смыслъ слишкомъ возвышенъ, чтобы считать всю исторію вымысломъ или незаконной вставкой въ священный текстъ. Странно было бы однако же, еслибы кто не видѣлъ, что въ лучахъ милосердія, изливавагося на жалкую грѣшницу, грѣхъ принимаетъ вдесятеро отвратительнѣйшій видъ въ глазахъ совѣсти челоуѣчества, всякой совѣсти, которая считаетъ закономъ жизни стремленіе въ святости и чистотѣ въ той же степени, какъ святъ и чистъ Самъ Богъ.

Какъ ни тягостно было все это дѣло для святого и любящаго сердца Спасителя, оно по крайней мѣрѣ облегчилось сознаніемъ милосерднаго избавленія,—избавленія, можно надѣяться, не временнаго только, но и вѣчнаго, — для одной преступной души! Но послѣдовавшія затѣмъ событія были завершеніемъ постоянныхъ недоразумѣній, колебаній и злобныхъ издѣвательствъ, и привели въ тому, что великій праздникъ ликованій закончился внезапной вспышкой ярости и попыткой вождей іудейскихъ покончить съ Нимъ—не посредствомъ законнаго обвиненія, а дивимъ насиліемъ.

Въ тотъ же самый день (въ восьмой день праздника, если послѣдняя исторія помѣщена не въ порядкѣ, или день *спустя* послѣ праздника, если она занимаетъ надлежащее мѣсто въ по-

рядкѣ слѣдованія событій) Иисусъ продолжалъ свои прерванныя бесѣды, въ которыхъ имѣлось въ виду почти въ послѣдній разъ ясно изложить іудейскому народу Его права на божественное достоинство.

Въ этотъ разъ Онъ сидѣлъ въ сокровищницѣ — въ особой ли храмовой пристройкѣ, называвшейся такъ, или въ той части двора женщинъ, гдѣ находилось тринадцать ящиковъ съ трубообразными отверстіями — такъ называемыми *шоферовъ*, въ которыхъ народъ и особенно фарисеи обыкновенно опускали свои пожертвованія. На этомъ дворѣ и слѣдовательно близъ Него стояли два исполинскихъ свѣтильнича, въ пятьдесятъ локтей высоты, блиставшіе богатой позолотой; ночью, во время праздника *дущей*, на нихъ зажигались свѣтильни, которыя изливали мягкій свѣтъ на весь городъ. Вокругъ этихъ свѣтильниковъ ликующей народъ и даже такія почтенныя лица, какъ священники и фарисеи, въ радостномъ восторгѣ совершали праздничныя пляски, между тѣмъ, какъ при звукахъ флейтъ и другихъ музыкальных инструментовъ левиты, чинно разставившись по пятнадцати ступенямъ, ведшимъ во дворъ, пѣли прекрасные псалмы, извѣстные подъ названіемъ „пѣсней восхожденія“ (Пс. cxix — cxxxix).

Намекая на эти свѣтильники, которые быть можетъ почему-либо сосредоточили на себѣ вниманіе присутствующихъ, Христосъ воскликнулъ народу: „Я свѣтъ міру“. Онъ постоянно бралъ поясненія для своихъ бесѣдъ изъ такихъ внѣшнихъ предметовъ, которые возбуждали наибольшее вниманіе и могли неизгладимо напечатлѣвать сказанное въ памяти слушателей. Фарисеи, слышавшіе эти слова, стали обвинять Его въ самопрославленіи. Въ отвѣтъ на это Онъ показалъ имъ, что имѣетъ свидѣтельство отъ Отца Небеснаго, но даже и помимо этого свѣтъ можетъ быть видимъ и познаваемъ только по своему внѣшнему существованію; безъ послѣдняго ни онъ, ни чтò другое не можетъ быть видимо. Они спросили Его: „гдѣ Твой Отецъ“? И Онъ отвѣчалъ, что, не зная *Его*, они не могутъ знать и Отца Его, и затѣмъ еще разъ съ грустью напомнилъ имъ, что скоро Онъ отходитъ, и что *тогда* они уже не могутъ прийти къ Нему. Отвѣтомъ на это съ ихъ стороны былъ только насмѣшливый

вопросъ, не думаетъ ли Онъ посредствомъ самоубійства погрузиться въ темную область преисподней. Но Онъ далъ имъ понять, что не Онъ, а именно *они* „отъ нижнихъ“ сферъ бытія, что не Онъ, а именно *они* въ случаѣ упорнаго невѣрія въ Его вѣчное бытіе обречены на темную кончину. „Кто же Ты“? еще разъ спрашивали они въ гнѣвномъ и невѣрующемъ озлобленіи. „Отъ начала Сущій, какъ и говорю вамъ“; спокойно отвѣтилъ Онъ. Имъ нуженъ былъ человѣкъ, который объявилъ бы себя Мессіей и сдѣлался бы ихъ земнымъ освободителемъ, а Онъ общалъ имъ гораздо болѣе глубокія, вѣчныя истины, что Онъ есть свѣтъ, жизнь, вода живая, и что пришелъ отъ Отца, какъ они и сами должны были узнать по вознесеніи Его на крестъ. Имъ нуженъ былъ просто Мессія іудейскій, а Онъ хотѣлъ, чтобы они узнали въ Немъ Искушителя міра, Спасителя душъ.

Когда Онъ говорилъ, то многіе даже изъ злѣйшихъ Его враговъ склонялись въ вѣрѣ въ Него; но это была колеблющаяся вѣра, полувѣра, ложная вѣра, переплетенная съ тысячами мірскихъ, ошибочныхъ бредней, не такая вѣра, которая могла имѣть спасительную силу и на которую можно бы положиться. Онъ немедленно подвергъ ее испытанію, которое и обнаружило ея пустоту и превратило въ безумную ненависть. Онъ сказалъ имъ, что признакомъ истинныхъ учениковъ служить вѣрность и повиненіе Его ученію, въ истинѣ котораго заключается истинная свобода. Слово „свобода“ немедленно обнаружило ложность ихъ начинающейся вѣры. *Они* не знали другой свободы, кромѣ политической, которую ложно провозглашали, а потому и обѣщаніе будущей духовной свободы тотчасъ же превратилось у нихъ въ мысль о настоящей національной свободѣ. Такимъ образомъ Іисусъ показалъ имъ, что они еще были рабами грѣха и только по имени, а не въ дѣйствительности были чадами Авраама или чадами Божиими. Они преисполнялись гордостью при мысли о чистотѣ своего происхожденія отъ древнихъ предковъ и о преимуществахъ своего исключительнаго единобожія; но Онъ говорилъ имъ, что на самомъ дѣлѣ, по духовному сродству, по сродству въ коварствѣ и лжи, они были чадами того, кто былъ лжецомъ и человеубійцей искони,—чадами діавола. Этотъ кровный укоръ привелъ ихъ въ бѣшенство. Они мстили Іисусу за это, называя

Его самаряниномъ и бѣсноватымъ. Спаситель кротко устранилъ эту насмѣшливую клевету, и еще разъ высказалъ обѣтованіе, что если кто соблюдетъ слово Его, то не только не умретъ въ грѣхахъ своихъ, но даже не увидитъ и самой смерти. Ихъ ослѣпленные злобою умы не могли даже и представить себѣ духовнаго значенія этихъ словъ. Они могли только обвинять Его въ бѣсовской дерзости и надменности, заставлявшей Его ставить себя выше Авраама и пророковъ, которыхъ они только и представляли себѣ, какъ мертвыхъ (Лук. хvi, 22; Матѹ. ххii, 32). На это Иисусъ говорилъ имъ, что въ пророческомъ видѣніи, быть можетъ также по духовному наитію, Авраамъ, который не былъ мертвъ, но живъ, радъ былъ увидѣть день Его, и увидѣвъ возрадовался. Такія слова показались имъ бессмысленными и богохульственными. Авраамъ умеръ семнадцать столѣтій тому назадъ, а Ему нѣтъ еще и пятидесяти лѣтъ, и Онъ видѣлъ Авраама!? Какъ понять это? Тогда весьма спокойно, но съ необычайною торжественностью и въ той формѣ утвердительности, которую Онъ употреблялъ только при изреченіи величайшихъ истинъ, Спаситель открылъ имъ свое предвѣчное бытіе, свое божественное предсуществованіе до вступленія въ храмъ смертнаго тѣла:

„Истинно, истинно говорю вамъ, прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь“ (Іоан. viii, 58).

Тогда, съ запальчивымъ бѣшенствомъ, однимъ изъ тѣхъ припадковъ внезапнаго, неудержимаго, диваго неистовства, которыми всегда отличался этотъ народъ, когда затрогивались его религиозныя убѣжденія, толпа схватилась за камни, чтобы побить Его. Но самая слѣпота ихъ ярости давала больше возможности избѣжать ея. Часъ Его не насталъ еще, и Онъ совершенно спокойно и невредимо вышелъ изъ храма.

ГЛАВА ХЛІ.

СЛѢПОРОЖДЕННЫЙ.

ИСУСЪ, проходя изъ храма послѣ сдѣланнаго ли на Него повушенія, или въ слѣдующую субботу, увидѣлъ человѣка слѣпотаго отъ рожденія, который, быть можетъ, сидя у дороги или вратъ храма, заявлялъ о своемъ жалбомъ положеніи, выпрашивая милостыню.

Это Пророкъ. Іоан. ix, 17.

Иудеи съ дѣтства воспитывались во взглядахъ, по которымъ каждое страданіе и несчастье было необходимымъ и прямымъ слѣдствіемъ соотвѣтствующаго грѣха. Изъ словъ Спасителя разслабленнымъ, которыхъ Онъ исцѣлилъ, одного при купальнѣ Виеезда, другого въ Капернаумѣ, ученики пожалуй могли заключить, что и Онъ держится такого же взгляда. Поэтому они спросили, отчего этотъ человѣкъ родился слѣпымъ. Не было ли это слѣдствіемъ грѣховъ его родителей? Если же нѣтъ, то можно ли думать, что это по его собственной винѣ? Въ первомъ случаѣ предположеніе было бы жестокимъ, въ послѣднемъ невозможнымъ. Вслѣдствіе этого они не знали, какъ это объяснить себѣ.

Спаситель отказался слѣдовать за ними въ бесплодную область такого празднаго умозрѣнія и вмѣстѣ устранилъ по обычаю наклонность судить о грѣхахъ другихъ. Ни грѣхи самого этого человѣка, сказалъ Онъ имъ, ни грѣхи его родителей не были причиною этого великаго несчастья; но теперь посредствомъ этого несчастья должны быть явлены дѣла Божіи. Онъ, Свѣтъ міра, еще въ леченіе нѣкотораго времени будетъ разгонять тьму его. Затѣмъ, плюнувъ на землю, Иисусъ сдѣлалъ брѣніе изъ пыли и, помазавъ имъ глаза слѣпому, велѣлъ ему пойти умыться въ купальнѣ Силоамъ. Слепецъ пошелъ, умылся и прозрѣлъ.

По вѣрованію древнихъ, слюна человѣка, давно не нарушавшаго поста, имѣла цѣлительную силу для слабыхъ глазъ, и сдѣланная изъ нея грязь употреблялась при леченіи опухоли на вѣкахъ. Но, конечно, въ данномъ случаѣ это натуральное дѣй-

ствіе нисколько не уменьшаетъ величія чуда, и мы никакъ не можемъ рѣшить, почему здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, Спаситель, который иногда исцѣлялъ единымъ словомъ, предпочиталъ обращаться къ медленнымъ и болѣе сложнымъ способамъ сообщенія своей сверхъестественной силы. Онъ никогда не объяснялъ причины такихъ своихъ дѣйствій, которыя несомнѣнно основывались на глубокомъ знаніи Имъ данныхъ обстоятельствъ и на прозрѣніи въ сердцахъ тѣхъ, кому давалось исцѣленіе. Навѣрно Онъ совершалъ эти дѣйствія съ выразительнымъ намѣреніемъ извлечь нравственные уроки изъ событій, слѣдовавшихъ за ними.

На этотъ разъ во всякомъ случаѣ способъ Его дѣйствія повлекъ за собою важныя послѣдствія. Человѣкъ этотъ хорошо извѣстенъ былъ въ Иерусалимѣ, какъ всѣмъ примелькавшійся слѣпой нищій, и теперь появленіе его зрящимъ произвело сильное смятеніе. Тѣ, кто знали его хорошо, даже едва вѣрили его собственному заявленію, что онъ именно тотъ слѣпой нищій, который такъ хорошо извѣстенъ былъ имъ. Они терались отъ изумленія и по нѣсколькxу разъ заставляли его рассказывать исторію своего исцѣленія. Но эта исторія прибавила къ ихъ изумленію и новое основаніе для фарисейскаго негодованія, потому что и это исцѣленіе совершенно было также въ субботу. Раввины запрещали вообще мазать брениемъ въ субботу даже одинъ изъ своихъ глазъ, кромѣ случаевъ смертельной опасности. Иисусъ же не только помазалъ оба глаза слѣпцу, но даже мѣшалъ слюну съ пылью! Это дѣло милосердія находилось въ глубочайшемъ внутреннемъ согласіи съ самыми основами установленія субботы и тѣми нравственными уровнями, постоянной провозвѣстницею которыхъ она предназначалась быть. Но духъ мертвой буквы, рабской мелочности и размѣреннаго послушанія закону, полагавшій спасеніе въ ариметическомъ разсчетѣ отношенія между добрыми и худыми поступками, давно уже низвелъ субботу съ высоты истиннаго ея назначенія на степень пагубнаго суевѣрія. Суббота раввинская, со всей ея рабской мелочностью, нивакимъ образомъ не была субботой любвеобильнаго и святаго закона Божія. Она выродилась въ то, что апостолъ Па-

велъ называетъ „немоцнымъ и бѣднымъ вещественнымъ началомъ“ (Гал. IV, 9).

Иудеи такъ были пропитаны этою крайнею мелочностью, что необычайное чудо милосердія пробуждало въ нихъ меньше изумленія и благодарности, чѣмъ негодованія за нарушение ихъ суетнаго почитанія субботы. Вслѣдствіе этого, со всею ревностью религіознаго буквоеклонства, они повели бывшаго слѣпца на совѣщаніе къ фарисеямъ. Тутъ послѣдовала сцена, которую евангелистъ Иоаннъ рассказываетъ въ девятой главѣ своего Евангелія съ неподражаемою живописностью. Прежде всего шли разспросы, какъ было все дѣло, за которыми слѣдовали увѣренія, что Иисусъ не можетъ быть отъ Бога, потому что не соблюдаетъ субботы; другіе отвѣчали на это, что настаивать на нарушении субботы значитъ допускать самое чудо, а допустить чудо значитъ признать фактъ, что совершившій его не можетъ быть преступникомъ, каковымъ стараются представить Его первые. Затѣмъ, ставъ совершенно втупивъ, они спросили самого исцѣленнаго, что онъ самъ думаетъ о своемъ благодѣтелѣ; а тотъ, не будучи посвященъ въ тайны ихъ коварнаго замысла, съ безстрашной прямою отвѣтилъ имъ, что „это — Пророкъ“.

Теперь они уже видѣли, съ чѣмъ приходилось имъ имѣть дѣло, и, стараясь во что бы то ни стало найти лазейку, которая дала бы имъ возможность отрицать или устранить чудо, послали за родителями бывшаго слѣпца. „Это ли сынъ вашъ, о которомъ вы говорите, что родился слѣпымъ? Какъ же онъ теперь видитъ?“ Быть можетъ они надѣялись угрозами или подкупомъ заставить родителей отказаться отъ своего родства или признать здѣсь обманъ; но родители также держались простой правды и съ извѣстнымъ іудейскимъ раболѣпствомъ и хитростью отказались дѣлать какіе-либо выводы, которые могли бы подвергнуть ихъ неприятнымъ послѣдствіямъ. „Мы знаемъ, говорили они, что это сынъ нашъ и что онъ родился слѣпымъ; а какъ теперь видитъ, не знаемъ. Самъ въ совершенныхъ лѣтахъ, самого спросите; пусть самъ о себѣ скажетъ“.

Тогда фарисеи въ страшномъ смущеніи, почти достойномъ сожалѣнія, опять обратились къ слѣпцу. Какъ онъ, такъ и его родители знали, что власти іудейскія уже постановили произно-

сить *херемъ* или отлученіе отъ синагоги всякому, кто осмѣлился бы признать Иисуса Мессіей; и фарисеи вѣроятно надѣялись, что онъ удовлетворится ихъ совѣтомъ воздать славу Богу, т.-е. отвергнуть или не признать чудо, и принять ихъ рѣшеніе, что Иисусъ грѣшникъ.

Но слѣпецъ былъ мужественнѣе своихъ родителей. Его нельзя было запугать властью или сбить пустыми увѣреніями. Онъ чувствовалъ себя совершенно свободно въ напускной атмосферѣ ихъ мнимой святости. „Мы знаемъ, сказали фарисеи, что человекъ тотъ грѣшникъ“. „Грѣшникъ ли Онъ, отвѣчалъ бывшій слѣпецъ, я не знаю, одно знаю, что я былъ слѣпъ, а теперь вижу“. Затѣмъ они вновь начали свои утомительные и пустые перекрестные допросы. „Что сдѣлалъ Онъ съ тобою? какъ отверзъ твои очи? Но тому уже наскучило все это. „Я уже сказалъ вамъ, и вы не слушали; что еще хотите слышать? или и вы хотите сдѣлаться Его учениками?“ Нужно было много смѣлости, чтобы иронически спросить этихъ важныхъ высокоомѣрно-набожныхъ членовъ синагоги, дѣйствительно ли они съ искреннимъ желаніемъ спрашиваютъ о назаретскомъ Пророкѣ, чтобы признать Его высокое достоинство! Ясно, что это былъ человекъ, смѣлой и открытой честности котораго нельзя было ни застрашать, ни заставить уклониться отъ истины. Съ нимъ ничего нельзя было подѣлать. Когда власть, угрозы, ласки — все оказывалось безсильнымъ, то они начали поносить его. „Ты ученикъ Его; а мы Моисеевы ученики. Мы знаемъ, что съ Моисеемъ говорилъ Богъ; сего же не знаемъ, откуда Онъ“. „Это и удивительно, отвѣчалъ тотъ, что вы не знаете, откуда Онъ, а Онъ отверзъ мнѣ очи. Но мы знаемъ, что грѣшниковъ Богъ не слушаетъ; но кто чтитъ Бога и творить волю Его, того слушаетъ. Отъ вѣва не слыхано, чтобы кто (и даже самъ великій Моисей) отверзъ очи слѣпорожденному. Еслибы Онъ не былъ отъ Бога, не могъ бы творить ничего“. Какъ? Великія тѣни Гиллея и Шаммаи! Простой нищій, невѣжественный еретикъ по природѣ, рожденный въ тому же во грѣхахъ, смѣетъ учить ихъ? Не въ силахъ болѣе сдержатъ взрыва своего негодованія, они выгнали его изъ засѣданія и отлучили отъ синагоги.

Но Иисусъ не оставилъ безъ вниманія своего перваго испо-

вѣдника. Онъ самъ по всей вѣроятности въ это время или нѣсколько раньше былъ подвергнутъ малому отлученію или исключенію изъ синагоги, потому что мы уже не видимъ опять, чтобы Онъ когда-нибудь входилъ въ одну изъ тѣхъ синагогъ, которыя въ теченіе прежнихъ лѣтъ служенія были Его любимыми мѣстами проповѣди и пребыванія. Онъ отыскалъ этого человѣка и спросилъ его: „Ты вѣруешь ли въ Сына?“ „А кто онъ, Господи, отвѣчалъ тотъ, чтобы мнѣ вѣровать въ Него?“

„И видѣлъ ты Его, и Онъ говорить съ тобою“.

„Вѣрую, Господи!“ отвѣтилъ онъ и поклонился Ему.

Вѣроятно вскорѣ послѣ этого событія Спаситель указалъ на то, какое различное дѣйствіе производитъ Его ученіе — слѣпые дѣлаются зрячими, а зрячіе слѣпыми. Фарисеи, съ постояннымъ безпокойствомъ и недовольствомъ слѣдя за Нимъ и при своемъ болѣзненномъ самолюбіи во всемъ видя намекъ на себя, спросили: „неужели и мы слѣпы?“ Иисусъ отвѣчалъ, что въ естественной слѣпотѣ не было бы вины, но тѣ, кто претываются въ слѣпотѣ упорнаго заблужденія, называя себя зрячими, осуждаютъ самихъ себя.

Если же вожди, учителя, руководители слѣпы, то какъ можетъ быть зрячимъ народъ?

Мысль эта естественно привела Его къ вопросу объ истинныхъ и ложныхъ учителяхъ, и Онъ изложилъ и выяснилъ его въ прекрасной бесѣдѣ — полупритчѣ, полуаллегоріи — объ истинномъ и ложномъ пастырѣ. Онъ говорилъ имъ, что Онъ — добрый пастырь, полагающій жизнь свою за овецъ; наемникъ же, убѣгая отъ опасности, оставляетъ свое стадо на расхищеніе. Онъ также есть та дверь во дворъ овчій, которою входили всѣ Его истинные предшественники; между тѣмъ, какъ всѣ ложные — отъ перваго вора и разбойника, проникающаго въ стадо Божіе, врываются иными путями. И затѣмъ Онъ прибавилъ, что Онъ добровольно положить душу свою за овецъ какъ этого, такъ и другихъ своихъ стадъ, и что въ Его собственной власти принять ее опять. Но всѣ эти божественныя тайны были выше ихъ разумѣнія, и между тѣмъ, какъ одни заявляли, что это бессмысленный бредъ помѣшаннаго и одержимаго бѣсомъ, другіе могли только возражать, что это не похоже на рѣчи

одержимаго бѣсомъ и что бѣсъ не могъ бы открыть глаза слѣпому

Такъ закончилось посѣщеніе Иисусомъ праздника Кущей, принося лишь мало плода для враговъ истины, кромѣ горькаго плода гнѣва и ненависти. И такъ какъ жизнь Его теперь была въ опасности, то Онъ еще разъ удалился изъ Иерусалима въ Галилею, чтобы еще разъ на короткое время посѣтить свою родину предъ послѣднимъ прощаніемъ съ нею.

ГЛАВА XLII.

ПРОЩАНІЕ СЪ ГАЛИЛЕЕЙ.

Я видѣлъ предѣлъ всякаго совершенства; но
Твоя заповѣдь безмѣрно обширна.

Пс. cxviii, 96.

ВСЛѢДЪ за только что изложенными событіями ев. Іоаннъ рассказываетъ другой случай, происшедшій два мѣсяца спустя, въ зимній праздникъ обновленія храма (х, 22—42). Согласно съ главною цѣлью своего Евангелія повѣствовать о дѣятельности Христа въ Іудеѣ и особенно въ Иерусалимѣ, которая вся опускается синоптиками, онъ ничего не говоритъ о происшедшемъ въ промежуточное время послѣднемъ посѣщеніи Спасителемъ Галилеи, ни о тѣхъ послѣднихъ путешествіяхъ въ Иерусалимъ, относительно которыхъ другіе евангелисты сообщаютъ такъ много подробностей. А что Иисусъ дѣйствительно возвратился въ Галилею, это ясно не только изъ другихъ евангелистовъ, но также изъ существа дѣла и нѣкоторыхъ случайныхъ указаній въ повѣствованіи самого Іоанна *).

*) Напр. ix, 57 — 62 (см. Мѡ. viii, 19 — 22), xi, 1 — 13 (см. Мѡ. vi, 9 — 15; viii, 7 — 12), xi, 14 — 26 (см. Мѡ. ix, 32 — 35), xi, 29; xii, 59 (ср. съ нѣкоторыми частями нагорной проповѣди и пр.). Известно, что одинъ большой отдѣлъ въ евангеліи Луки, именно съ ix гл. 51 ст. по xviii, 15, составляетъ такой эпизодъ въ евангельскомъ повѣствованіи, о многихъ событіяхъ котораго рассказываетъ только одинъ этотъ евангелистъ и въ кото-

Мѣстомъ жительства Иисуса въ теченіе этихъ немногихъ послѣднихъ дней пребыванія Его въ Галилеѣ конечно былъ Ка-

ромъ немногія указанія на время и мѣсто даютъ знать объ одномъ медленномъ и торжественномъ шествіи изъ Галилеи въ Иерусалимъ (ix, 51; xiii, 22, xiv, 11; x, 38). Послѣ праздника же обновленія Спаситель пошелъ въ Перею, гдѣ оставался до смерти Лазаря (Иоан. x, 40—42; xi, 1—46); послѣ воскресенія Лазаря Онъ удалился въ Ефраимъ (xi, 54) и оставался тамъ до самаго ухода въ Виванію, за шесть дней до своей послѣдней пасхи (xii, 1).

Такимъ образомъ, это великое путешествіе Спасителя изъ Галилеи въ Иерусалимъ, столь богатое происшествіями, вызвавшими нѣкоторыя изъ самыхъ достопамятныхъ Его изреченій, было путешествіемъ на праздникъ Бущей, или на праздникъ обновленія. Но что оно не *могло* быть первымъ, это можно считать рѣшеннымъ—не только въ виду другихъ данныхъ, но и главнымъ образомъ потому, что то путешествіе было *быстрое* и *тайное*, это же чрезвычайно открытое и медленное.

Что касается точной послѣдовательности и хронологіи событій въ разсматриваемый періодъ, но тутъ почти каждый изслѣдователь въ большей или меньшей степени держится различнаго взгляда. Не входя въ мелкія и скучныя изысканія, такъ какъ все равно невозможно придти къ чему-либо положительному, мы будемъ излагать этотъ періодъ жизни Спасителя въ томъ порядкѣ, который послѣ тщательнаго изученія евангелій представляется намъ наиболѣе вѣроятнымъ и въ своихъ отдѣльныхъ подробностяхъ подтверждается выводами другихъ независимыхъ изслѣдователей. Такимъ образомъ мы полагаемъ, что

1) указанный эпизодъ въ евангеліи Луки до xviii гл. 30 ст. главнымъ образомъ относится къ одному путешествію, хотя единство предмета или другія какія побужденія заставляли священнаго писателя вставлять въ свое повѣствованіе и такія событія или изреченія, которыя относятся къ болѣе раннему или болѣе позднему періоду;

2) порядокъ событій, рассказываемыхъ даже только однимъ ев. Лукою, не имѣетъ строго хронологическаго характера, такъ что мѣсто извѣстнаго событія въ повѣствованіи никоимъ образомъ не указываетъ еще [на его настоящее положеніе въ порядкѣ времени;

3) путешествіе это тождественно съ тѣмъ, о которомъ отчасти рассказывается въ ев. Мате. xviii, 1; xx, 16; Марк. x, 1—31;

4) событія, рассказываемыя въ ев. Мате. xx, 17—28; Марк. x, 32—45; Лук. xviii, 31—34, какъ очевидно изъ внутреннихъ данныхъ (см. наприм. Марк. x, 17 и Мате. xix, 16), относятся не къ этому, а *послѣднему* путешествію Иисуса, именно путешествію изъ *Ефраима* въ Виванію и Иерусалимъ.

Допуская основательность этихъ выводовъ (а можно думать, что по крайней мѣрѣ вѣроятность ихъ будетъ признана всякимъ, основательно изучив-

пернаумъ, Его собственный городъ, и когда Онъ готовился къ торжественному отшествію отсюда, чтобы нивогда уже болѣе не возвращаться, Его извѣстили объ одномъ изъ тѣхъ многочисленныхъ возмущеній, которыми отличалось время прокураторства Понтія Пилата. О событіи этомъ не имѣется больше никакихъ свѣдѣній; происшествія въ родѣ того, что нѣсколько буйныхъ фанатиковъ были убиты въ Іерусалимѣ римскимъ гарнизономъ, были такъ заурядны, что въ тѣ смутныя времена на нихъ не обращалось почти никакого вниманія. Навѣрно были сотни такихъ вспышекъ, о которыхъ ничего не сообщаетъ Іосифъ Флавій. Пылкій фанатизмъ іудеевъ того времени, безпокойныя надежды, постоянно разжигавшія въ нихъ ярость противъ римскаго правителя и дѣлавшія ихъ легковѣрными жертвами всякаго лже-мессіи, вызвали построеніе укрѣпленной башни Антоніи, которая грозно отбрасывала тѣнь свою на самый храмъ. Башня эта особой лѣстницей соединялась съ храмомъ, такъ что римскіе легіонеры быстро могли спускаться туда и подавлять всякія возмущенія, которыя какъ теперь, такъ и тогда при всякомъ религиозномъ празднествѣ грозили нарушить спокойствіе въ Іерусалимѣ. И изъ всѣхъ іудеевъ, галилеяне, какъ наиболѣе пылкіе и безпокойные, болѣе всего платились при подобныхъ столкновеніяхъ. Но въ данномъ случаѣ рассказчиковъ объ этомъ происшествіи повидимому поражало главнымъ образомъ не самое избіеніе, а то ужасное событіе, что кровь убитыхъ бунтовщиковъ смѣшана была съ кро-

шимъ этотъ вопросъ), мы естественно должны обратить вниманіе на то, — нѣтъ ли тутъ какихъ-нибудь событій, которыя могутъ быть отнесены только къ этому послѣднему пребыванію Іисуса Христа въ Галилеѣ послѣ праздника Кушей. Пребываніе это очевидно было очень непродолжительное и единственною цѣлю своей имѣло приготовленіе на проповѣдь семидесяти учениковъ и послѣднее провозглашеніе царства Христова въ той части святой земли, которая дотогѣ менѣе всего была знакома съ Его ученіемъ и дѣлами. Въ Его наставленіяхъ семидесяти ученикамъ заключалось уже послѣднее прощаніе съ Галилеей и самыя наставленія эти по времени, по всей вѣроятности, совпадали съ дѣйствительнымъ Его удаленіемъ изъ нея. Но въ XIII главѣ рассказывается о двухъ другихъ происшествіяхъ, которыя вѣроятно относятся ко времени того же короткаго пребыванія, — это именно вѣсть объ избіеніи галилеянъ и предостереженіе о кровавадныхъ замыслахъ Ирода на Его жизнь.

вавыми потоками жертвъ, принесенныхъ ими. Самая вѣсть Христу объ этомъ передавалась не столько изъ желанія выразить жалобу на кровожадную жестокость римскаго правителя, сколько изъ любопытства узнать, какіе именно тяжкіе грѣхи привели этихъ избитыхъ поклонниковъ въ столь ужасной и горестной участи.

Книга Іова въ библейской литературѣ была краснорѣчивымъ протестомъ противъ всѣхъ подобныхъ заключеній, основывающихся на дружелюбномъ безсердечіи; но духъ Елифаза, Софаза и Вилдада, безсердечныхъ друзей Іова, продолжалъ жить въ народѣ (Іов. iv, 7; vii, 20; xii, 5), и Спаситель при каждомъ удобномъ случаѣ старался уворить и подавить его. „Думаете ли вы, сказалъ Онъ, что эти галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ, но если не покаетесь, всѣ также погибнете“. При этомъ Онъ напомнилъ имъ о другомъ подобномъ же случаѣ внезапной смерти, именно, когда упала башня Силоамская и задавила восемнадцать человѣкъ, случившихся подъ нею, и говорилъ имъ также, что и эти несчастные не были какими-нибудь особенными преступниками, но всѣ, если не покаются, могутъ погибнуть также. Главною мыслью этого назиданія Христова было несомнѣнно то, что всякое бѣдствіе и всякое страданіе въ жизни не есть слѣдствіе пустого случая или прямого возмездія, а составляетъ часть въ великомъ планѣ промышленія, изъ котораго человѣку дано знать только одинъ господствующій законъ, именно, что такъ называемыя несчастныя случайности жизни могутъ быть съ каждымъ, но что всѣ должны въ надлежащее время получить каждый по дѣламъ своимъ (см. Амос. iii, 6; ix, 1). Но Его слова отчасти исполнились и буквально; между Его слушателями навѣрно были такіе, которые вспомнили ихъ въ послѣдствіи, доживъ до того времени, когда мечъ Тита безжалостно истреблялъ іудейскій народъ и когда послѣдніе защитники Іерусалима, наводнивъ улицы своею кровью, погибли наконецъ подъ пылающими развалинами храма, который даже и жизни не могъ спасти имъ.

Слова эти были суровы; но Христосъ не только высказывалъ грозныя предостереженія, но и поддерживалъ свѣтлой надеждой. Пусть даже смоковница нѣсколько разъ окажется

неплодную и праздно-занимающею землю, — у нея всегда найдется заступникъ. Если даже наконецъ велѣно срубить ее, занесенъ уже топоръ надъ корнемъ ея, и вдругъ въ этотъ послѣдній разъ оважнется, что, благодаря хорошему уходу, на ней показались признаки плодородія, то занесенный топоръ остановится въ воздухѣ, и его смертельные удары не обрушатся на нее.

Какъ ни коротко было Его пребываніе въ своемъ старомъ мѣстѣ жительства, но врагамъ хотѣлось сократить его еще больше. Имъ было тягостно и страшно пребываніе Спасителя, хотя они и не смѣли открыто заявить объ этомъ. Съ поддѣльною заботливостью о Его безопасности фари́сеи пришли къ Нему и сказали: „выйди и удались отсюда, ибо Иродъ хочетъ убить Тебя“.

Еслибы Іисусъ поддался страху и ускорилъ свой уходъ вслѣдствіе опасности, которая, если и дѣйствительная, а не воображаемая только, во всякомъ случаѣ была не настолько настоятельная, чтобы немедленно бѣжать отъ нея, то фари́сеи несомнѣнно втайнѣ порадовались бы своему торжеству на счетъ Его. Но Онъ съ необычайнымъ спокойствіемъ отвѣтилъ имъ: „Пойдите, скажите этой лисицѣ: се изгоняю бѣсовъ, совершаю исцѣленія сегодня и завтра, и въ третій день кончу“. И затѣмъ, съ полною увѣренностью въ своей безопасности, съ горькой ироніей грусти прибавилъ: „А впрочемъ, Мнѣ должно ходить сегодня, завтра, и въ послѣдующій день, потому что не бываетъ, чтобы пророкъ погибъ внѣ Іерусалима“. И быть можетъ при этомъ скорбномъ переломѣ отягчавшихъ Его чувствъ у Него вырвалось какое-нибудь грустно-торжественное восклицаніе касательно падшаго грѣховнаго города, обогрѣннаго кровью избитыхъ имъ пророковъ, подобное тому, которое произнесъ Онъ, когда оплакивалъ Іерусалимъ съ вершины горы Елеонской.

Замысль фари́сеевъ совершенно не удался. Дѣйствительно ли Иродъ замышлялъ схватить Іисуса и предать Его смерти подобно Его родственнику Іоанну, или вся эта молва была простымъ вымысломъ, — Спаситель не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія. Что бы ни замышлялъ Иродъ, Самъ Онъ порѣшилъ оставаться въ Галилеѣ, пока это было нужно Ему. У Него оставалось еще дня два времени, въ теченіе котораго Онъ могъ продолжать свои дѣла милосердія для всѣхъ нуждавшихся въ нихъ;

а послѣ этого краткаго промежутка должно было настать время, когда Онъ будетъ взятъ и долженъ будетъ въ послѣдній разъ оставить домъ юности своей и идти въ Иерусалимъ. Дотолѣ же (такъ должны были они передать своему коварному покровителю, на котораго они такъ похожи и сами) Онъ находился подъ непреоборимымъ покровомъ, куда не въ силахъ проникнуть ни ихъ злоба, ни ихъ жестокость.

Иродъ Антипа заслуженно навлекъ на себя отъ Спасителя единственное слово чистаго безграничнаго презрѣнія, какое когда-либо исходило изъ Его усть. Онъ произносилъ иногда слова, пылавшія гнѣвомъ, слова грознаго негодованія, слова горькой ироніи, слова веселаго юмора, — но нѣкоторые находятъ страннымъ слышать изъ усть Спасителя слова рѣзкаго презрѣнія. Но почему же такъ? Ни одна благородная душа не можетъ быть вполне лишена чувства презрѣнія. Гдѣ существуетъ высшая любовь, тамъ непременно существуетъ и высшее презрѣніе. Подобно гнѣву и силѣ нравственнаго негодованія, презрѣніе занимаетъ должное мѣсто въ здоровой жизни человѣческихъ чувствъ, и пока есть предметы, достойные презрѣнія, дотолѣ должно существовать и самое чувство презрѣнія. А если кто такъ заслуживалъ презрѣнія, такъ это именно тотъ низкій, вѣроломный царекъ — невѣрный своей религіи, невѣрный своему народу, невѣрный своимъ друзьямъ, невѣрный своимъ братьямъ, невѣрный своей женѣ, — котораго именно Спаситель назвалъ „лисицей“. Нечеловѣческіе пороки, которымъ предавались римскіе кесари подъ покровомъ своей неограниченной власти, сластолюбіе, жестокость, самодержавный произволь, разрушительныя излишества — все это, хотя и блѣдно, отражалось и въ этихъ маленькихъ областныхъ Неронахъ и Калигулахъ, въ этихъ областныхъ тиранахъ, полудумянахъ, полусамарянахъ, рабски подражавшихъ худшимъ обычаямъ и порядкамъ императорскаго двора, которому они обязаны были самымъ своимъ существованіемъ. Іудея стонала подъ заносчивымъ деспотизмомъ Иродовъ, этихъ шакаловъ, пресмыкавшихся у ногъ кесарскихъ львовъ. Почитаніе всякой власти предержавшей едва ли можетъ заключать, какъ справедливо замѣчено

вѣмъ-то, и обязанность чтить всякія бездарности и воплощенія порока.

Неизвѣстно, дошелъ ли до „этой лисицы“ отзывъ Иисуса, которымъ Онъ охарактеризовалъ его и его царствованіе; они никогда не встрѣчались между собою до самаго послѣдняго утра предъ распятіемъ, когда Антипа излилъ на Иисуса потоки своихъ оскорбленій. Теперь же Христосъ спокойно закончилъ свое дѣло въ Галилеѣ. Онъ собралъ своихъ послѣдователей и избралъ изъ нихъ семьдесятъ человекъ, чтобы приготовить путь Его. Число это вѣроятно символическое, и посыла таковаго большого числа учениковъ по двое во всѣ мѣста, которыя надлежало Ему посѣтить, для приготовления къ Его приходу, дѣлало Его послѣднее путешествіе необыкновенно открытымъ и торжественнымъ. Данныя имъ наставленія весьма схожи съ тѣми, которыми Онъ напутствовалъ двѣнадцать учениковъ. Они отличаются только бѣльшею краткостью, потому что и давались по случаю болѣе временной обязанности; въ нихъ опущены излишнія теперь ограниченія касательно непосѣщенія язычниковъ и самарянъ и быть можетъ имъ давалось и меньше силы чудотворенія. вмѣстѣ съ тѣмъ они звучали болѣе грустнымъ тономъ, очевидно навѣяннымъ грустными испытаніями постояннаго отверженія.

Наконецъ настало время отправляться отсюда, и Онъ былъ печаленъ. Онъ оставлялъ позади себя нѣсколько вѣрующихъ сердецъ, но увы—такъ мало! Галилея также отвергла его, какъ отвергла Его и Іудея. По одну сторону любимаго Имъ озера все населеніе единогласно просило Его удалиться изъ предѣловъ ихъ страны; по другую—тщетно старались отравить послѣдніе дни пребыванія Его съ своимъ народомъ, прибѣгая къ жалкимъ замысламъ, чтобы страхомъ принудить Его къ бѣгству. Въ Назаретѣ, этомъ гористомъ городкѣ Его счастливаго дѣтства,—въ Назаретѣ, гдѣ оставалось столько сладостныхъ воспоминаній о годахъ юности и родительскомъ домѣ,—съ Нимъ поступили съ такою дикою грубостью и насиліемъ, что Онъ уже не могъ опять посѣтить своего родного городка. Даже въ Хоразинѣ, Капернаумѣ и Виесайдѣ, на тѣхъ райскихъ берегахъ серебристаго озера, въ той зеленѣющей восхитительной равнинѣ, каждую пядь которой Онъ исходилъ съ своими апостолами, совершая дѣла мило-

сердія и изрекая слова любви,—даже тамъ больше любили повапленные гробы фарисейской набожности и бездушныя мелочи подзаконныхъ обрядовъ, чѣмъ свѣтъ и жизнь, предложенные Сыномъ Божиимъ. Тамъ люди питались прахомъ, и оболыщенное сердце отвратило ихъ отъ своего Спасителя. Надъ многими изъ знаменитыхъ городовъ древности, надъ Ниневіей и Вавилономъ, надъ Тиромъ и Сидономъ, надъ Содомомъ и Гоморрой разразился гнѣвъ Божій; но даже Ниневія и Вавилонъ отвергли бы свое пышное идолоповлонство, даже Тиръ и Сидонъ отвратились бы отъ своего алчнаго тщеславія, наконецъ даже Содомъ и Гоморра раскаялись бы въ своихъ грязныхъ похотяхъ, — еслибы только они видѣли дивныя дѣла, которыя совершены были въ этихъ маленькыхъ городахъ и селеніяхъ по берегамъ озера Галилейскаго. Поэтому—горе тебѣ, Хоразинъ! горе тебѣ, Вивсаида! а тебѣ, Капернаумъ,—Его собственный городъ,—тебѣ горше всѣхъ!..

Съ такими мыслями въ сердцѣ и съ такими словами на устахъ оставилъ Онъ мѣстность, отвергшую Его служеніе; и надъ всей этой страной и главнымъ образомъ надъ этой ея областью разразилось „горе“. Прекрасная еще въ своемъ внѣшнемъ великолѣпіи, теперь она пустынна и опасна. Безчисленныя птицы все еще поютъ въ ней свои веселыя пѣсни; водяныя птицы еще играютъ на кристальной поверхности озера; ручьи съ журчаніемъ стремятся къ нему съ сосѣднихъ горъ, „устилая свое дно жемчугомъ и украшая свой путь изумрудами“; ароматическія травы еще благоухаютъ подъ ступающими по нимъ ногами и высокіе олеандры по-прежнему наполняютъ воздухъ своимъ тонкимъ благоуханіемъ; но виноградники и плодовые сады исчезли; корабли и рыбацкія лодки перестали скользить по озеру; шумный говоръ людской замолкъ; потокъ оживленной торговли иссякъ. Самыя имена и мѣстоположеніе этихъ городовъ и селеній забыты, и гдѣ нѣкогда стояли они, богатые и многолюдные, бросая тѣни на сверкающія на солнцѣ воды, теперь лежатъ только сѣрыя кучи, въ которыхъ даже развалины распались до неузнаваемости. Одинокая пальма у жалкаго ряда хижинъ, грязныхъ и ужасныхъ даже для Палестины, еще обозначаетъ мѣсто и напоминаетъ названіе одного маленькаго городка, гдѣ жила та повалявшаяся грѣшница, во-

торая нѣкогда своими слезами омыла ноги Христа и своими волосами отерла ихъ.

Тому самому поколѣнію, которое отвергло Христа, суждено было среди тяжкихъ и безпримѣрныхъ мукъ вспомнить эти мирные счастливые дни Сына человѣческаго. Едва прошло тридцать лѣтъ, какъ буря римскаго нашествія яростно разразилась надъ этой 'благодатной страной. Всякій можетъ прочесть въ сочиненіи Іосифа Флавія „Объ іудейской войнѣ“ возмутительныя подробности о тѣхъ избіеніяхъ, которыя опустошили города Галилеи и заставили историка не разъ признаваться, что „это несомнѣнно Богъ наслалъ римлянъ для наказанія галилеянъ“, и предалъ жителей одного города за другимъ „на истребленіе ихъ смертельнымъ и кровожаднымъ врагамъ“. Вслѣдъ за знаменитымъ мѣстомъ, гдѣ онъ описываетъ озеро и долину Геннисаретскую, какъ „гордость природы“, слѣдуетъ описаніе той ужасной битвы на свѣтлыхъ водахъ озера, въ которой вмѣстѣ съ убитыми въ городѣ погибло шесть тысячъ пятьсотъ человѣкъ. Сотни были порублены римскими мечами или поволоты копьями; другіе старались спастись, ныряя въ воду, но лишь только поднимали изъ воды головы, какъ были убиваемы стрѣлами; подплывавшимъ къ римскимъ судамъ отрубали головы и руки; иные бросались на берегъ и тамъ ихъ избивали. „Тогда,—продолжаетъ историкъ,—все озеро сдѣлалось какъ бы кровавымъ и наполнилось трупами, потому что никто не избѣгъ смерти. Ужасный смрадъ носился надъ страной въ послѣдующіе дни, и она представляла самый печальный видъ; берега были покрыты обломками судовъ и распухшими трупами; и подъ палящимъ солнцемъ гніющія тѣла заражали воздухъ, такъ что бѣдствіе это было предметомъ сожалѣнія не только для іудеевъ, но даже и для тѣхъ, которые ненавидѣли ихъ и были виновниками самаго бѣдствія“. Изъ тѣхъ, которые погибли среди этого побоища; изъ тѣхъ, кого Веспасіанъ вслѣдъ затѣмъ предалъ звѣрскому и вѣроломному избіенію между Тарихеей и Тиверіадой; изъ тѣхъ тысячи двухсотъ „старыхъ и неспособныхъ“, которыхъ онъ послѣ велѣлъ предать смерти въ ристалищѣ; изъ шести тысячъ, которыхъ онъ послалъ Нерону для каторжныхъ работъ при попыткѣ прорыть перешеекъ Аеонскаго полуострова;

изъ тридцати тысячъ четырехсотъ проданныхъ имъ въ рабство,— изъ всей этой массы несчастнаго народа неужели не нашлось такихъ, которые бы въ своихъ мукахъ и рабствѣ, въ свой смертный часъ и день суда, призвали Того, кого они нѣкогда отвергли, и вспомнили, что въ заключеніе всѣхъ милостивыхъ словъ изъ устъ Его прогремѣло „горе“, вызванное ихъ невѣріемъ и ожесточеніемъ!

Конечно только съ грустью можно было разстаться съ такою странною; но божественный духъ Иисуса не могъ долго предаваться сокрушительной скорби. Изъ подъ мрачнаго гнета ея, производимаго непрерывной враждой невѣрія и грѣха, въ Немъ всегда просвѣчивали небесная чистота и миръ, изъ-подъ видимаго и преходящаго выступало невидимое и вѣчное, изъ мрака человѣческаго ничтожества возсіявалъ миръ Божій. „Въ тотъ часъ возрадовался духомъ Иисусъ“. Какова же была эта радость, каковъ безграничный, всепоглощающій восторгъ, когда Онъ думалъ уже не о судѣ, а о милости, когда Онъ не съ слабимъ предчувствіемъ, а съ полною увѣренностью обращался къ лучезарной надеждѣ; когда Онъ вспоминалъ, какъ то, что сокрыто было отъ мудрыхъ и разумныхъ, теперь открывалось младенцамъ; когда Онъ останавливался на мысли, что Онъ былъ посланъ не къ немногимъ богатымъ и ученымъ, а ко многимъ невѣжественнымъ и страждущимъ; когда Онъ говорилъ своимъ ученикамъ, что Отецъ Его небесный отдалъ Ему всю свою власть и что въ Немъ они видятъ и познаютъ Духъ Отца и чрезъ это могутъ видѣть и знать то откровеніе, котораго тщетно искали многіе цари и пророки. И затѣмъ, чтобы даже въ часъ отверженія никто въ нихъ не усумнился въ Его собственной любви и въ любви Его Отца, Онъ изрекъ въ этотъ же самый часъ восхищенности и радостнаго восторга любвеобильнѣйшія слова, когда-либо произносившіяся языкомъ человѣческимъ, какъ божественный призывъ чадамъ своимъ въ страждущей средѣ человѣчества: „Прійдите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ. Возьмите иго Мое на себя, и научитесь отъ Меня: ибо Я вротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ“.

Такъ надъ временною скорбью восторжествовала беспредѣль-

ная и вѣчная радость. Нѣкоторые съ крайнею исключительностью останавливаются на Иисусѣ, какъ человѣкѣ скорбей, считаютъ Его жизнь однимъ непрерывнымъ страданіемъ, почти одною нескончаемою скорбью. Но въ Библии, хотя только въ ней одной, мы находимъ полнѣйшую совмѣстимость, даже тѣсное сочетаніе радости и скорби: миллионы христіанъ, которые „со всѣхъ сторонъ были тревожимы и не унывали, смущаемы и не отчаявались, гонимы и не отступали, избиваемы и не уничтожены“, могутъ понять, какъ „человѣкъ скорбей“, даже во дни своей возмужалости, могъ жить болѣе счастливою жизнью, въ истинномъ смыслѣ счастья, — болѣе счастливою, потому что болѣе чистою, болѣе безгрѣшною, болѣе преданною и болѣе поглощенною утѣшеніемъ и радостью совершеннаго повиновенія своему небесному Отцу, — чѣмъ какая когда-либо была удѣломъ сыновъ человѣческихъ. Глубокой и чистый потокъ весело журчитъ на всемъ своемъ пути, хотя лѣсъ затемняетъ его и лучъ солнца не вездѣ сверкаетъ на его струяхъ.

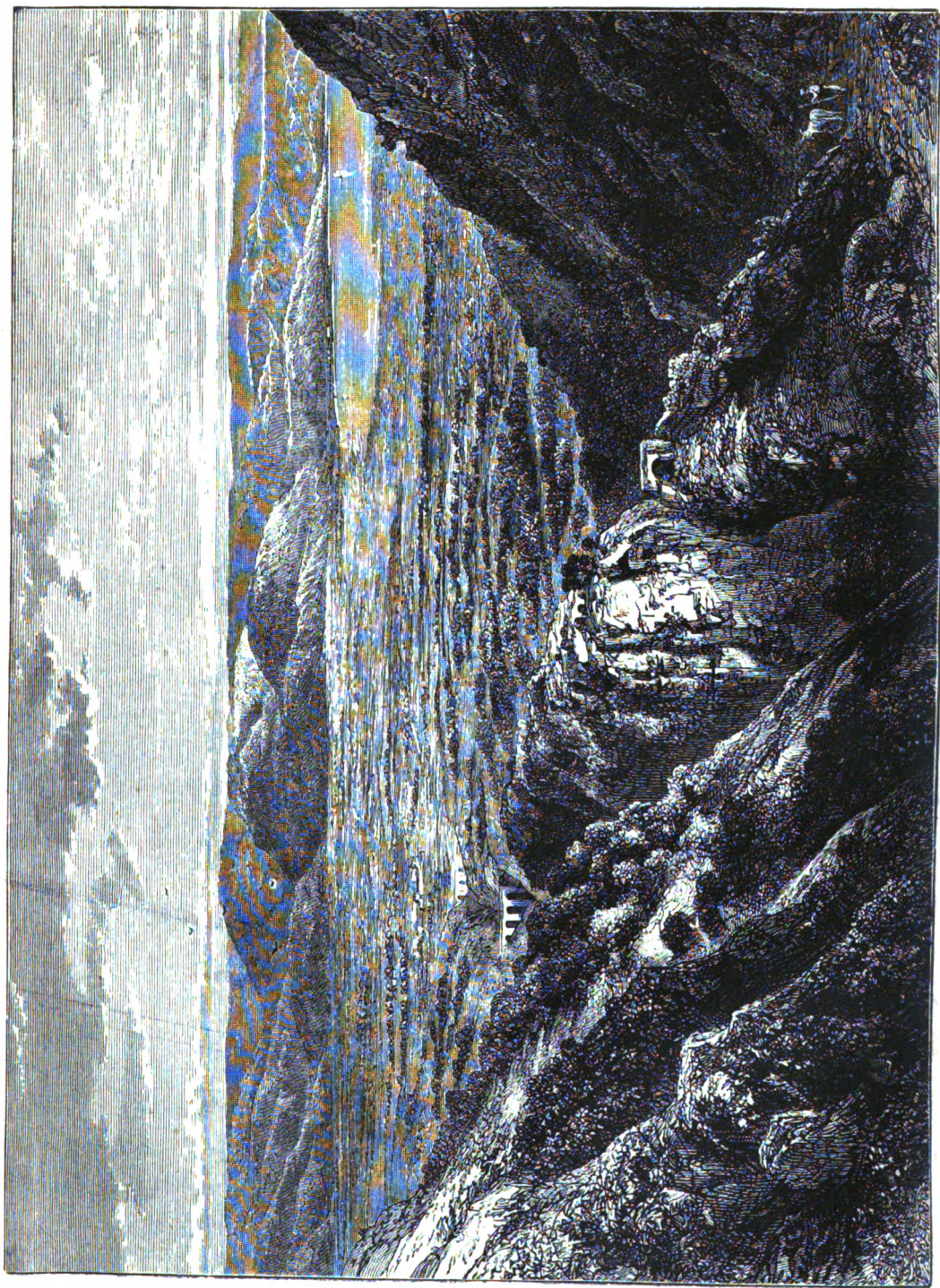
И если истинная, высочайшая радость „строга, чиста, одинока и безраздѣльна“, то какою постоянною, невыразимою, какою божественною радостью должна была быть радость Христа Иисуса, пришедшаго дать всѣмъ любящимъ Его такую радость, которую никто не можетъ отнять у нихъ, — радость, которой не можетъ дать имъ міръ, но и не отнять у нихъ никогда!

ГЛАВА XLIII.

СОБЫТІЯ ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНЯГО ПУТЕШЕСТВІЯ.

Религіи не свойственно принуждать къ религіи.
Тертуллианъ.

ИВАНГЕЛИСТЫ не даютъ прямого и точнаго указанія пути, каковымъ пошелъ Спаситель по оставленіи Геннисарета; но вѣроятно, миновавъ Назаретъ, съ его счастливыми и въ то же время глубоко прискорбными воспоминаніями, Онъ перешелъ чрезъ мостъ въ южной оконечности озера и такимъ образомъ окруженнымъ путемъ — долиной Беесансвой, или

Иорданская долина.

чрезъ гору Фаворъ и вокругъ малаго Ермона, минуя на пути Ендоръ, Наинъ и Сонамъ, могъ проникнуть въ равнину Ездрилонскую.

Перейдя черезъ равнину и пройдя Фанахъ и Мегиддонъ, Онъ могъ достигнуть уже цѣпи горъ, составляющихъ сѣверную границу Самаріи, гдѣ при самой подошвѣ ихъ лежитъ маленький городъ Ен-Ганнимъ или „источникъ садовъ“. Это первое самарянское поселеніе, куда Онъ могъ прибыть, и отсюда повидимому Онъ послалъ двоихъ вѣстниковъ, чтобы „приготовить для Него“. Хотя о событіи этомъ ев. Лука говоритъ раньше посольства семидесяти, но такой порядокъ вѣроятно зависѣлъ отъ его личнаго усмотрѣнія, и можно предполагать, что эти двое были изъ числа семидесяти, посланныхъ приготовить путь Его какъ въ духовномъ, такъ и въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, если только не принимать предположенія, что вѣстниками этими были Іаковъ и Іоаннъ, которые поѣтому могли съ особенною живостью почувствовать оскорбленіе по случаю Его отверженія. Во всякомъ случаѣ жители этого поселенія, которые и теперь не отличаются своимъ гостепріимствомъ къ странникамъ, рѣшительно отказались принять или допустить Его. Раньше, когда Онъ проходилъ чрезъ Самарію на своемъ пути къ сѣверу, самаряне не только охотно припимали Его, но даже старались удерживать Его у себя и жадно слушали проповѣдуемое Имъ ученіе. Теперь же обстоятельства были иныя въ двухъ отношеніяхъ: теперь Онъ завѣдомо направлялся въ городъ, который они ненавидѣли, и въ храмъ, который они презирали, и теперь Его сопровождали не апостолы только, а большая толпа, слѣдовавшая за Нимъ, какъ за признаннымъ пророкомъ и Мессіей. Еслибы цѣлью Его путешествія была гора Гаризимъ, а не Іерусалимъ, то было бы совсѣмъ иначе; но теперь Его цѣль и Его послѣдователи слишкомъ воспламеняли въ нихъ племенную вражду, чтобы они могли оказать приближавшимся путешественникамъ какое-нибудь гостепріимство. Если же настроеніе этого маленькаго пограничнаго поселенія Ен-Ганнима было до такой очевидности враждебно, то ясно, что всякая попытка путешествовать по всей странѣ самарянъ и особенно пройти, такъ сказать, подъ сѣнію ихъ соперничающей съ іерусалимскимъ хра-

момъ святѣни было бы опаснымъ, если не совсѣмъ безнадежнымъ дѣломъ. Поэтому Иисусъ перемѣнилъ направленіе своего пути, и опять повернулъ къ долиנѣ Иорданской. Отверженный Галилеей, получивъ отказъ въ Самаріи, Онъ спокойно направилъ стопы свои въ Переѣ.

Горькое чувство по случаю этого отказа воспламенило сердца Іакова и Іоанна сильнымъ негодованіемъ. Нѣтъ ничего тяжелѣе, нѣтъ ничего раздражительнѣе, какъ отказъ въ пищѣ, кровѣ и обыкновенномъ радушіи послѣ утомительнаго пути, когда особенно большой толпѣ, надѣявшейся на отдыхъ, приходилось вновь выступать въ путь. Исполненные надежды на царство Мессіи, которое наконецъ, по ихъ мнѣнію, находилось уже наванунѣ своего торжественнаго провозглашенія, негодующіе братья хотѣли открыть его съ пламенемъ грознаго мщенія, чтобы такимъ образомъ ободрить и оживить упавшій духъ послѣдователей, которые естественно пришли въ уныніе отъ такого скорого и рѣшительнаго отказа. „Господи! хочешь ли, мы свяжемъ, чтобы огонь спелъ съ неба и истребилъ ихъ, какъ и Ілія сдѣлалъ“? „Что удивительнаго, говоритъ св. Амвросій, что сыны грома хотѣли низвести молнію?“ Этотъ порывъ ихъ негодованія находилъ себѣ оправданіе не только въ мщеніи Іліи, но и въ томъ, что послѣднее имѣло мѣсто именно въ этой области Самаріи. Если такое дѣйствіе оказалось нужнымъ для личной защиты единичнаго пророка, то тѣмъ болѣе можно воспользоваться имъ для защиты чести Мессіи и Его послѣдователей! Но Христосъ запретилъ имъ и укорилъ ихъ. Небеса Божіи имѣютъ другое назначеніе, а не метаніе молній. „Не знаете,—сказалъ Онъ имъ,—какого вы духа“. Они не ясно представляли себѣ различіе, отдѣлявшее Синай и Кармиль отъ Голгоѣы и Ермона. Сынъ человѣческій пришелъ спасать, а не губить, а если кто услышитъ слово Его и не повѣритъ, то Онъ не осудитъ его (Іоан. III, 17; XII, 47). И такимъ образомъ, безъ одинаго гнѣвнаго слова Онъ пошелъ въ другое поселеніе, и ев. Іоаннъ, который въ то время уже зналъ, каково онъ духа, несомнѣнно вспомнилъ эти слова Христа, когда вмѣстѣ съ Петромъ ходилъ въ Самарію, для утвержденія новообращенныхъ и дарованія имъ Духа Святаго.

Вѣроятно при этомъ именно случаѣ грубаго отверженія и отказа, удобнѣе котораго и не могло представиться, Иисусъ, обратившись къ слѣдовавшему за нимъ народу, произнесъ ту знаменитую проповѣдь, въ которой говорилъ, что желающіе быть Его учениками должны приходить къ Нему, не ожидая земной любви или выгоды, а обрекая себя на отверженіе и вражду, и потому должны взвѣсить все это. Они должны, если понадобится, отказаться отъ всякихъ земныхъ привязанностей, должны совершенно отказаться отъ выгодъ міра, взять крестъ свой и идти за Нимъ. Это была необычайная для нихъ рѣчь, полный смыслъ которой они поняли только впослѣдствіи. Человѣкъ, начинающій строить башню, которой онъ по своимъ средствамъ не можетъ окончить; царь, вступающій въ войну, которая неизбежно приведетъ его къ бѣдствію и пораженію,—очевидно могутъ покрывать себя только позоромъ и обнаружить свое безуміе. Такъ ужъ лучше и не слѣдовать за Нимъ, если кто не можетъ оставить все земное и не можетъ пожертвовать всѣми мірскими и временными выгодами и жить только для вѣчности. Кто не вѣруетъ, тотъ несомнѣнно потерпитъ за это, но его участь однако же менѣе печальна, чѣмъ участь того, который только для того и сдѣлался ученикомъ, чтобы отречься опять; который, оглядывая оба пути, подобно женѣ Лотовой, тоскливо смотритъ туда, откуда бы онъ долженъ бѣжать, и прибѣгаетъ наконецъ къ невозможной и пагубной попыткѣ служить и Богу и мамонѣ.

Такъ какъ и Галилея, и Самарія теперь были закрыты для Спасителя, то на своемъ пути въ Перею Онъ могъ идти только по долину Веесанской, между границами обѣихъ областей. Тутъ произошелъ трогательный случай (Лук. xvii, 11—19). Въ окрестностяхъ одной деревни до него донесся глухой, хриплый, жалобный вопль; Онъ взглянулъ и увидѣлъ десять человѣкъ прокаженныхъ, соединенныхъ въ одно общество своимъ ужаснымъ недугомъ. Они остановились вдали, потому что не смѣли приблизиться, такъ какъ приближеніе ихъ влекло за собой оскверненіе, и они обязаны были предостерегать всѣхъ приближавшихся къ нимъ раздирающимъ душу крикомъ: „тамѣ тамѣ“, — „нечистъ, нечистъ!“ Проваза — это была, такъ сказать, живая смерть, представляла самый ужасный образъ страданія и бѣд-

ствія, разлагала и портила самыя источники живительной крови въ чловѣкѣ, обезображивала лицо, дѣлала омерзительнымъ самое прикосновеніе, медленно заражала и покрывала все тѣло язвами болѣзни, болѣе ужасной, чѣмъ смерть сама,—и пораженные ею всегда возбуждали въ сердцѣ Спасителя глубокое и живое состраданіе! Но никогда она не возбуждала въ Немъ болѣе живого участія, чѣмъ теперь. Едва услышавъ ихъ вопль: „Исусъ, Наставникъ! помилуй насъ!“ — Онъ тотчасъ же, даже не дожидаясь приближенія къ нимъ, громко сказалъ имъ: „пойдите, покажитесь священникамъ!“ Они знали значеніе этого повелѣнія: они знали, что Онъ повелѣвалъ имъ идти и просить у священниковъ признанія ихъ исцѣленными, удостовѣренія въ восстановленіи имъ всѣхъ правъ и преимуществъ общественной жизни (Лев. XIII, 2; XIV, 2). Уже при звукѣ этого чудодѣйственнаго голоса они почувствовали въ себѣ потокъ здоровой жизни, восстановленной силы, очищенной крови, заструившейся въ ихъ жилахъ: „и когда они шли, очистились“.

Кто не видѣлъ безобразнаго, ужасающаго зрѣлища прокаженныхъ, съ вривами обнажающихъ свои отвратительныя язвы и почти требующихъ милостыни при дорогѣ въ какой-нибудь восточный городъ, тотъ едва ли можетъ понять, какое необычайное и безконечное благо получили они такимъ образомъ отъ руки Иисуса. Можно бы подумать, что они не остановятся ни предъ какимъ препятствіемъ для выраженія своей восторженной благодарности, пробьются, еслибы оказалось нужнымъ, черезъ огонь и воду, только бы со слезами глубоко-сердечной признательности броситься къ стопамъ своего Спасителя и возблагодарить Его за даръ, который драгоцѣннѣе самой жизни.

Однако же всепоглощающее ли себялюбіе, іудейское ослѣпленіе, вмѣшательство фарисеевъ, или наконецъ новая и еще худшая проказа гнусной неблагодарности и суетвѣрнаго невѣжества—воспрепятствовала имъ. Мы не знаемъ, что именно, но знаемъ, что изъ десяти исцѣленныхъ возвратился только одинъ, и это былъ самарянинъ. На границѣ двухъ странъ общее бѣдствіе собрало ихъ вмѣстѣ, какъ собирается пѣна, сбиваемая къ берегу волной; но въ то же время какъ девять іудеевъ оказались позорно неблагодарными, одинъ самарянинъ возвратился опять и,

„громкимъ голосомъ прославляя Бога, палъ ницъ въ ногамъ Его, благодаря Его“. Какъ ни привычно было сердце Христа ко всякой неблагодарности, но и оно было возмущено столь вопіющимъ, столько безстыднымъ и столь чудовищнымъ примѣромъ ея. „Не десять ли очистились! спросилъ Онъ съ грустной удивленностью; гдѣ же девять? Какъ они не возвратились воздать славу Богу, кромѣ сего иноплеменника?“ Всѣ эти благодѣанія какъ бы падали въ глубокую безмолвную могилу. Голосъ ихъ бѣдствія вызвалъ мгновенный отголосокъ Его милосердія; но чудесный возгласъ Его милосердія, хотя онъ возродилъ все ихъ тѣлесное бытіе, не вызвалъ отголоска благодарности въ ихъ мірскихъ и проваженныхъ сердцахъ.

Однако же иноплеменникъ этотъ возвратился не даромъ, и рѣдкая добродѣтель—увы, какъ она рѣдка!—добродѣтель благодарности его не должна была остаться безъ вознагражденія. Не только его тѣло, но и душа, которая настолько же дороже, насколько ея недуги безконечно глубже,—должна была также получить исцѣленіе отъ Спасителя.

„Встань, иди,—сказалъ ему Спаситель;—вѣра твоя спасла тебя“.

ГЛАВА XLIV.

ПРОПОВѢДИ ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНЯГО ПУТЕШЕСТВІЯ.

И сдѣлайте ограду для закона. Пирке-Авоѳъ.

АЖЕ во время этого послѣдняго путешествія Спаситель не избѣгъ насмѣшекъ, вражды, унижительной клеветы, однимъ словомъ, фари́сейства — самихъ фари́сеевъ и подобныхъ имъ. Раздражавшія ихъ противъ Него обстоятельства были совершенно тѣ же, какъ и въ теченіе всей Его жизни, тѣ же, въ которыхъ примѣръ Его былъ наиболѣе возвышенный и ученіе его наиболѣе благодѣтельно, — именно совершеніе въ субботу дѣлъ милосердія и общеніе съ мытарями и грѣшниками.

Одно изъ этихъ субботскихъ преній произошло въ синагогѣ

(Лув. хп, 10 — 17). Иисусъ, какъ мы уже замѣтили выше, вслѣдствіе ли навлеченнаго Имъ на себя малаго отлученія, или по другой какой-либо причинѣ, въ послѣдній періодъ своей дѣятельности рѣдко входилъ въ синагоги. Отлученіе однако же отъ одной или нѣсколькихъ синагогъ не означало запрещенія входить въ синагогу вообще; и послѣдующій образъ дѣйствія настоятеля этой синагоги показываетъ, что онъ вмѣстѣ съ завистью и подозрѣніемъ питалъ и чувство страха къ Иисусу. Въ этотъ день между богомольцами была несчастная женщина, которая имѣла духа немощи, была скорчена и не могла выпрямиться. Сострадательное сердце Спасителя не могло устоять предъ нѣмой мольбой въ Нему несчастной. Онъ подзвалъ ее и, говоря ей: „Женщина! Ты освобождаешься отъ недуга твоего“, возложилъ на нее руки. Тотчасъ же она почувствовала въ себѣ чудесную силу, которая дала ей возможность выпрямить согнувшійся и скорченный станъ, и мгновенно же стала славить Бога. Но восторгъ ея благодарнаго чувства былъ прерванъ невѣжественнымъ негодованіемъ безсердечнаго начальника синагоги. Здѣсь, на его собственныхъ глазахъ, безъ малѣйшаго вниманія къ его власти, придававшей ему особенную важность и достоинство при всякомъ наступленіи субботы, женщина, принадлежащая къ его приходу — вдругъ возымѣла дерзость исцѣлиться! Вооружившись своими излюбленными „текстами“ и всею важностью должностнаго лицемѣрія, онъ встаетъ и начинаетъ уворять совершенно неповинный народъ, что исцѣляться въ такой священный день есть страшное дѣло нарушенія субботы, тѣмъ болѣе, что исцѣляться можно и въ каждый изъ шести другихъ дней недѣли. Что преступленіе онъ видѣлъ именно въ исцѣленіи, это очевидно, потому что онъ не могъ же разумѣть, что для больныхъ было преступленіемъ вообще приходить въ синагогу въ субботній день. Такъ какъ однако же женщина повидимому не просила словесно Иисуса и даже ничѣмъ вообще не обращала Его вниманія къ своему недугу, то крайне безсмысленная рѣчь начальника могла означать или то, что „больные не должны вовсе приходить въ синагогу по субботамъ при настоящихъ обстоятельствахъ, чтобы могущимъ совершиться надъ ними исцѣленіемъ не нарушить субботы“,

или же то, что „если кто хочет испѣлять ихъ въ субботу, они должны отвязываться“. Но у него не было ни мужества обратиться съ этимъ внушеніемъ къ самому Иисусу, ни откровенности обратиться съ нимъ къ испѣленной женщинѣ, и потому онъ просто на счетъ ихъ обоихъ обличалъ народъ, который тутъ былъ совсѣмъ ни при чемъ, и былъ простымъ свидѣтелемъ совершившагося.

Во всемъ евангельскомъ повѣствованіи не встрѣчается еще примѣра столь неразумнаго вмѣшательства и столь вопіющаго тупоумія; не прямой, лукавый путь, избранный начальникомъ синагоги для выраженія своего вопіющаго невѣжества, навлекъ на него негодующій возгласъ Спасителя, противъ котораго онъ не смѣлъ выступить открыто. „Лицемѣръ!“ сказалъ ему Иисусъ, однимъ сокрушающимъ словомъ обнажая низкую личность начальника синагоги, который порицалъ Его за то, что Онъ сказалъ нѣсколько словъ несчастной женщинѣ и возложилъ на нее цѣлительную руку, и самоѣ женщину за то, что она, будучи скорчена, выпрямилась и прославила Бога! Трудно бы и представить себѣ такое отупѣніе нравственнаго чувства, еслибы мы не видѣли постоянно, какое отупляющее дѣйствіе производитъ на разумъ „глубокая дремота ходячаго мнѣнія“, особенно, когда оно основывается единственно на бессмысленномъ преданіи. Иисусъ постоянно разнообразилъ доказательства и доводы, которыми Онъ старался показать фарисеямъ своего народа, что ихъ взгляды на субботу только превращали ее изъ божественнаго благодѣянія въ возмутительное рабство. Предъ раввинами Иерусалима Онъ оправдывалъ свои дѣйствія ссылкой на свое особенное достоинство и свою власть, подтверждаемую троякимъ свидѣтельствомъ — Іоанна Крестителя, св. Писанія и самого Отца небснаго, свидѣтельствовавшего о Немъ властью, которую Онъ далъ Ему (Іоан. 7, 17—47). Фарисеямъ Галилеи Онъ ссылался на прямые примѣры св. Писанія (Лук. 11, 3—5) или высказывалъ доводы, основанные на ихъ собственномъ здоровомъ смыслѣ и способности проникать въ существо дѣла (Лук. 11, 9). Но болѣе тупой и менѣ подвижной разумъ этихъ переицеви не могъ бы понять ни любви и свободы, заключавшейся въ сущности установленія субботы, ни равносильной власти самого Иисуса, какъ господина субботы.

Онъ не могъ подняться выше личной аргументаціи и способенъ былъ убѣждаться только доводами, основанными на обыденной жизни и принятыхъ постановленіяхъ. Между ними конечно не было человѣка, который бы не считалъ себя въ правѣ отвязать и вести своего вола или осла на водопой въ субботу, хотя для этого требовалось больше труда, чѣмъ для возложенія руки на больную женщину или даже исцѣленія ея чудодѣйственнымъ словомъ! Если же они своими субботними правилами поступались изъ-за нужды вола и осла, то неужели нельзя поступиться ими въ виду тяжелой нужды дщери Авраама? Если они могли трудиться столько въ субботу для сокращенія на нѣсколько часовъ жажды своего скота, то неужели Ему нельзя было сдѣлать даже гораздо меньшаго, чтобы освободить несчастную женщину отъ сатанинскаго рабства, тяготѣвшаго надъ ней вотъ уже восемнадцать лѣтъ? — Неудивительно, что при столь неотразимыхъ доводахъ противники Его устыдились, а простой и безхитростный народъ радовался о всѣхъ славныхъ дѣлахъ, совершенныхъ Имъ ради него.

Много разъ такимъ образомъ Спаситель вынужденъ былъ освобождать это великое первобытное установленіе божественной любви отъ узкихъ, формальныхъ, гибельныхъ ограниченій празднаго и неразумнаго преданія. Онъ очевидно столько же важности придавалъ благородной и любвеобильной свободѣ дня покоя, сколько они отупляющему бездѣйствию, въ которому они низвели истинный характеръ установленія субботы. Ихъ рабская привязанность къ субботству и ярость, переполнявшая ихъ, когда Онъ ставилъ ни во что ихъ субботскія строгости, зависѣли отъ многихъ причинъ. Они крѣпко держались религіозной системы, которая долго господствовала у нихъ, потому что вѣдь легче быть рабомъ бузвы, чѣмъ внимать въ духъ закона; легче исполнять извѣстное количество внѣшнихъ правилъ, чѣмъ разумно и самоотверженно повиноваться волѣ Божіей; легче опутать душу сѣтью мелочныхъ постановленій, чѣмъ повиноваться требованіямъ просвѣщеннаго сердца; легче быть надменно исключительнымъ, чѣмъ смиреннымъ въ духѣ; легче быть аскетомъ или формалистомъ, чѣмъ чистымъ и любящимъ, мудрымъ и свободнымъ; легче быть фарисеемъ, чѣмъ истин-

нымъ ученикомъ; гораздо легче принять самодовольную и ханжествующую систему раввинскаго пустосвятства, но гораздо труднѣе любить Бога всѣмъ сердцемъ, всею силою, всею душею и всею вѣрностью. Поднимая сѣкиру надъ корнемъ ихъ гордаго и невѣжественнаго субботаства, Онъ поднималъ сѣкиру надъ всей этой жалкой мелочностью, которую они привыкли считать за религію. Свободенъ ли и въ наше время духъ севтъ и расколовъ отъ этой завяски фарисейской, чтобы не нуждаться въ такомъ наставленіи? Не оскорбятся ли этими словами, составляющими только болѣе пространное изложеніе наставленій, постоянно преподававшихся Иисусомъ Христомъ, многіе изъ тѣхъ, которые прочтутъ ихъ?

Въ евангеліи разсказывается еще объ одномъ подобномъ случаѣ — о шестомъ ожесточенномъ спорѣ того же рода, въ которыя фарисеи вовлекали Иисуса *). Только именно субботаство, выродившееся въ болѣзненную мономанію, можетъ служить объясненіемъ того, почему они такъ часто старались завязать споръ, который всегда оканчивался ихъ полнымъ пораженіемъ. Въ одинъ изъ субботнихъ дней, бывшій главнымъ днемъ угощеній у іудеевъ, Иисусъ былъ приглашенъ въ домъ одного фарисея, который, судя по названію его начальникомъ фарисейскимъ, вѣроятно былъ человѣкъ высокаго положенія и можетъ быть даже членъ синедріона. Приглашеніе это было однимъ изъ тѣхъ, которыя такъ часто приходилось получать Спасителю, — не радужное или почтительное, а просто вызывавшееся празднымъ любопытствомъ или даже прямымъ коварствомъ. Во все время обѣда присутствующіе тщательно, съ враждебною внимательностью, наблюдали за Нимъ. Фарисеи, какъ хорошо замѣчено однимъ писателемъ, „обязанность религіознаго шпионства исполняли съ примѣрнымъ усердіемъ“. Среди непрошенныхъ гостей, которые, по восточному обычаю, стояли вокругъ обѣдающихъ и смотрѣли на нихъ, какъ это бываетъ еще и теперь, былъ одинъ человѣкъ, страдавшій водянкой. Видное мѣсто, на кото-

*) Лук. хiv, 1—6. Другіе случаи—исцѣленіе при куп. Вноезда (Іоан. v, 10, стр. 211); случай въ хлѣбныхъ поляхъ (Марк. ii, 23, стр. 249); исцѣленіе сухорукаго (Матѣ. хii, 10, стр. 251); слѣпота въ Силоамѣ (Іоан. ix, 14, стр. 330) и параличной женщины (Лук. хiii, 14, стр. 350).

ромъ онъ стоялъ, а также и зоркая наблюдательность фарисеевъ, даютъ поводъ думать, что онъ намѣренно былъ поставленъ тутъ, съ цѣлью или испытать, насколько почтительно Христосъ отнесется къ субботнымъ правиламъ, или опровергнуть силу Его чудодѣйствія въ случаѣ неудачи въ исцѣленіи болѣзни застарѣлой и менѣе поддающейся лечебнымъ средствамъ, чѣмъ всякая другая. Если такъ, то это еще одинъ изъ тѣхъ жалкихъ случаевъ, въ которыхъ эти бездушные учителя народа готовы были воспользоваться самымъ нестерпимымъ позоромъ или самымъ тяжкимъ несчастіемъ, какъ простымъ орудіемъ въ своихъ низкихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ по отношенію къ Іисусу. Но на этотъ разъ Христосъ предупредилъ ихъ и самъ выступилъ противъ тонкихъ замысловъ этого ученаго и знатнаго общества. Онъ предложилъ имъ самый простой вопросъ:

„Позволительно ли врачевать въ субботу“?

Они не хотѣли сказать „да“, но съ другой стороны не смѣли сказать и „нѣтъ“. Еслибы было непозволительно, то ихъ прямой долгъ былъ прямо заявить объ этомъ и безъ дальнѣйшихъ увертокъ лишить страдальца, насколько отъ нихъ зависѣло, чудснаго милосердія, приготовленнаго для него, и отвѣчать за послѣдствія. Если же они не смѣли сказать такъ,—изъ боязни ли народа или изъ боязни немедленнаго опроверженія, или быть можетъ потому, что находились подъ обаяніемъ непреодолимаго превосходства Христа надъ ними, или просто изъ надменной гордости, или наконецъ, если предположить въ нихъ возможность лучшихъ побужденій, потому, что въ глубинѣ своего сердца, если только тамъ оставался уголокъ, незараженный праздными и пустосвятскими предразсудками, они сознавали, что это было позволительно, даже болѣе чѣмъ позволительно, справедливо,—въ такомъ случаѣ они по своему собственному приговору представляли Іисусу полную свободу исцѣлять, не навлекая на себя порицанія. Ихъ молчаніе поэтому, даже на основаніи ихъ собственныхъ началъ и собственнаго признанія, было полнымъ для Него оправданіемъ. Ихъ неспособность отвѣтить на Его простой вопросъ вполне рѣшила весь споръ въ Его пользу. Поэтому Онъ привоснулъ къ больному, исцѣлилъ его и отпустилъ.

И затѣмъ Онъ, какъ и прежде, сослался на ихъ собствен-

ную практику. „Если у кого изъ васъ осель (сынъ) или вольт упадетъ въ колодезь; не тотчасъ ли вытащитъ его и въ субботу?“ Они сознавали, что не могутъ не допустить справедливости этого положенія, но съ допущеніемъ его доказательство становилось неотразимымъ, человекъ вѣдь важнѣ скота, а вытаскиваніе животнаго изъ колодезя требовало гораздо больше труда, чѣмъ испѣленіе человека. Ихъ низкій мелочный заговоръ окончился такимъ образомъ подавленнымъ и позорнымъ молчаніемъ при полнѣйшемъ пораженіи, котораго они однако же по своему малодушію не хотѣли признать.

Иисусъ Христосъ не хотѣлъ больше останавливаться на предметѣ, который для каждаго честнаго слушателя былъ рѣшенъ окончательно, и Онъ обратилъ мысли собесѣдниковъ на другіе предметы. Водянку напыщеннаго самодовольства было гораздо труднѣ испѣлить, чѣмъ болѣзнь страдальца, которымъ они воспользовались, какъ ловушкой противъ Него. Едва столъ былъ готовъ, какъ между членами этого знатнаго общества началась отчаянная и неприличная борьба за преимущества въ мѣстахъ,— борьба, которая своею распространенностью и почти даже всеобщностью показываетъ человѣческую природу съ самой немощной и презрѣнной ея стороны (Лук. хiv, 7—11). Ничто такъ не обнаруживало полнѣйшей пустоты фарисейской набожности, какъ ихъ безмѣрная гордость и мелочное самовозношеніе. Достаточно привести одинъ примѣръ. Царь Іанней по одному случаю пригласилъ къ себѣ нѣсколькихъ персидскихъ сатраповъ, и между гостями, приглашенными въ ихъ общество, былъ раввинъ Симонъ Бенъ Шетахъ. Послѣдній, войдя, сѣлъ за столомъ между царемъ и царицей. На вопросъ о причинѣ такого страннаго поступка, онъ отвѣчалъ, что въ книгѣ сына Сирахова написано: „Превозноси мудрость и она превознесетъ тебя и поставитъ тебя между властелинами“.

Иудеи этого времени въ расположеніи мѣстъ при пиршествахъ держались обычая, заимствованнаго у грековъ и римлянъ, ихъ извѣстнаго *триклинія* *), причемъ „первымъ мѣстомъ“ счи-

*) Подъ триклиніемъ разумѣлось такое расположеніе обѣденныхъ столовъ и лежанокъ, которое имѣло форму буквы П, причемъ мѣсто, находившееся

талось среднее мѣсто въ центрѣ тривлинія. Замѣтивъ стараніе каждаго гостя занять это именно мѣсто, Спаситель предложилъ болѣе мудрое и лучшее правило общественной деликатности, заключающее въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ глубочайшій урокъ духовнаго смиренія. Подобно тому, какъ въ земномъ обществѣ назойливый, надменный, самообольщенный человѣкъ долженъ быть всегда готовъ къ сильному отпору и часто принужденъ бываетъ уступить мѣсто скромной заслугѣ, такъ и въ небесномъ мірѣ „всякій, возвышающій самъ себя, униженъ будетъ, а унижающій себя возвысится“. Гордость, исключительность, самохвальство не имѣютъ мѣста въ царствѣ Божіемъ. Смиреніе — единственный путь, который ведетъ въ него. „Только смиреніемъ и можемъ входить мы на небеса; высоки тамъ своды, но низки врата“.

Затѣмъ Иисусъ перешелъ къ иному назиданію, направляя его на слабую сторону, бросающуюся въ глаза въ характерѣ самого хозяина дома (Лук. хiv, 12 — 14). Роскошь, тщеславная выставка своего богатства на показъ, надежда на отплату тѣмъ же — не составляютъ истинныхъ началъ гостепріимства. Доброту, оказанную бѣднымъ, ожидаетъ болѣе богатое возмездіе, чѣмъ льстивое угощеніе друзей и богатыхъ. Принимая друзей и родственниковъ, не надо забывать безпомощныхъ и страдающихъ. Разсчетливая благотворительность есть не что иное, какъ замаскированное себялюбіе. Быть можетъ ты приобрѣлъ бы гораздо болѣе надежное и нерушимое благословеніе, еслибы пригласилъ остаться у себя несчастнаго, страдавшаго водяной, еслибы бѣдняки, смотрящіе на твой пиръ, были бы также въ числѣ твоихъ гостей!

Въ этомъ мѣстѣ одинъ изъ гостей, думая, быть можетъ, что такое наставленіе было непріятно и сурово, вставилъ замѣчаніе, которое при данныхъ обстоятельствахъ едва возвышалось надъ уровнемъ выдохшейся, двусмысленной и плоской остроты (Лук. хiv, 15 — 24). „Блаженъ, кто вкусить хлѣба въ царствіи Божіемъ“, воскликнулъ онъ, желая этимъ общимъ без-

въ срединѣ верхней части этой формы, считалось первымъ и самымъ почетнымъ.

Перев.

личнымъ афоризмомъ загладитъ неприятность впечатлѣнія. Въ-сто того, чтобы воспользоваться этимъ божественнымъ назиданіемъ, онъ повидимому былъ бы болѣе доволенъ, еслибы весь этотъ вопросъ былъ отложенъ въ долгій ящикъ для отдаленнаго будущаго, какъ будто онъ былъ совершенно увѣренъ въ томъ блаженствѣ, о которомъ очевидно имѣлъ самое смутное и грубое представленіе. Но Спаситель обратилъ его пустое замѣчаніе въ новый случай для достопамятнаго поученія. Онъ сказалъ притчу, съ цѣлю показать имъ, что „вкушеніе хлѣба въ царствѣ небесномъ“ требуетъ условій, которыхъ не захотѣли бы принять даже и тѣ, кто были въ такой полной увѣренности касательно вкушенія его. Одинъ человѣкъ, сказалъ Онъ, разослалъ множество приглашеній на большой пиръ, но когда наступило время ужина, то всѣ отказались. Одинъ занятъ былъ устройствомъ своей земли и ему нужно было пойти и посмотреть вновь купленный участокъ. Другой былъ погруженъ въ куплю-продажу, съ неразлучными съ нею хлопотами. Третій настолько былъ занятъ своимъ семейнымъ дѣломъ, что о прибытіи его не могло быть и рѣчи. Тогда хозяинъ, разгнѣванный на этихъ непочтительныхъ и неотзывчивыхъ гостей, велѣлъ своимъ рабамъ немедленно идти по улицамъ и переулкамъ и звать всѣхъ нищихъ, увѣчныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ; когда это было исполнено и еще оставалось мѣсто, онъ послалъ своихъ рабовъ созывать даже безпріютныхъ странниковъ по законамъ и дорогамъ. Нравственное приложеніе притчи было очевидно для всѣхъ присутствующихъ. Преданное міру сердце, поглощенное хозяйственными ли хлопотами, накопленіемъ богатства или просто чувственностью самодовольной жизни, несовмѣстимо съ истиннымъ стремленіемъ къ пиршеству въ царствѣ небесномъ. Язычники и паріи, блудницы и мытари, придорожные рабочіе и уличные нищіе тамъ могутъ оказаться скорѣе, чѣмъ книжники съ своей вычливой ученостью и фарисеи съ своими широкими филактеріями. „Ибо сказываю вамъ, прибавилъ Спаситель отъ своего собственнаго лица, чтобы ближе приложить къ нимъ это нравоученіе, — что никто изъ тѣхъ званыхъ не вкуситъ Моего ужина“. Такое нравоученіе Онъ высказывалъ часто. Иное дѣло быть приглашеннымъ, иное принять приглашеніе. „Много зван-

ныхъ, но мало избранныхъ“. „Многіе, говорила древняя языческая пословица, носятъ нартексъ, но не многіе вдохновляются“.

Подобныя поученія проходятъ черезъ весь этотъ періодъ служенія Спасителя. Только что переданная притча въ своемъ глубокомъ и многостороннемъ значеніи заключала въ себѣ не только укоръ крайней исключительности фари́сеевъ, но и ихъ алчности и преданности суетѣ мірской. При другомъ случаѣ, когда Спаситель поучалъ главнымъ образомъ своихъ учениковъ, Онъ разсказалъ имъ притчу о неправедномъ домоправителѣ (Лув. хvi, 1 — 13), показывая, какъ необходимы стараніе и преданность, мудрость и благоразуміе, чтобы, заботясь о дѣлахъ и выгодахъ настоящей жизни, не лишиться наслѣдія вѣчныхъ благъ. Нельзя (такова сущность многихъ Его бесѣдъ) быть въ одно и то же время мірскимъ и духовнымъ, быть рабомъ Божиимъ и рабомъ мамоны. Съ необычайною и смѣлою выразительностью, сильнѣе напечатлѣвавшею Его божественное ученіе въ сердцахъ и памяти человѣчества, Онъ примѣромъ прозорливой догадливости преступнаго домоправителя побуждалъ ихъ къ прозорливости въ духовной жизни.

Спаситель собственно бесѣдовалъ съ апостолами, но при этомъ повидимому присутствовало и нѣсколько фари́сеевъ, которые также слышали Его; и замѣчательно, что это поученіе болѣе чѣмъ всякое другое вызвало съ ихъ стороны нескрываема на смѣшки. Они начинали относиться къ Нему съ открытымъ и дерзкимъ презрѣніемъ. А почему? Потому что они были фари́сеи и однако же любили деньги. Не разрѣшили ли они самымъ удачнымъ способомъ въ своей собственной личности задачу, какъ лучше всего воспользоваться и тѣмъ и другимъ міромъ? Кто могъ сомнѣваться въ полнѣйшей обеспеченности за ними будущей жизни, или даже въ безусловной достовѣрности, что они допущены будутъ на „первыя мѣста“, на самыя видныя и почетныя мѣста въ мірѣ грядущемъ? Въ такомъ случаѣ развѣ они не живые свидѣтели нелѣпости предположенія, что сребролюбіе несомнѣваемо съ любовью Божіей?

Отвѣтъ Спасителя чрезвычайно сжато передается ев. Лукою (хvi, 15 — 18), но очевидно заключаетъ въ себѣ тотъ смыслъ,

что иное дѣло житейскій почетъ, совсѣмъ другое — искренность сердца. Въ новое царство, для котораго Іоаннъ приготовилъ путь, стремились войти меньшіе міра сего и они будутъ приняты прежде большихъ, потому что послѣдніе отвергли Евангеліе, хотя оно было не разрушеніемъ, а высшимъ исполненіемъ закона. Нѣтъ, они были невѣрны даже самому закону, отъ котораго не должна пропасть ни одна черта, потому что они потворствовали нарушенію самыхъ ясныхъ его постановленій. Въ этомъ какъ бы отдѣльномъ замѣчаніи Онъ намекалъ по всей вѣроятности на ихъ отношеніе къ Ироду Антипѣ, по отношенію къ которому они ограничивались молчаніемъ и лестью и ни одинъ изъ нихъ не рѣшался выступить съ смѣлымъ уворомъ, какъ это дѣлалъ Іоаннъ Креститель, хотя по самому ясному опредѣленію высокочтимаго ими (на словахъ) закона разводъ его съ дочерью Ареты былъ преступенъ и его бракъ съ Иродиадой былъ вдвойнѣ преступнымъ прелюбодѣяніемъ.

Но чтобы излагаемую истину сдѣлать для нихъ еще яснѣе, Онъ сказалъ имъ притчу о богатомъ и Лазарѣ. Подобно всѣмъ другимъ притчамъ Спасителя, она полна значенія и приложима во многимъ обстоятельствамъ. Но для нихъ былъ ясенъ и очевиденъ по крайней мѣрѣ тотъ ея смыслъ, что рѣшенія будущаго міра часто будутъ противоположны оцѣнѣ, какая дается людямъ здѣсь на землѣ, что Богъ нелицепріятенъ, что сердце должно дѣлать выборъ между благами сей жизни и тѣми, для которыхъ вѣщнія условія жизни не имѣютъ никакого значенія. А то, что можно назвать эпилогомъ этой притчи, содержитъ еще болѣе высокое нравоученіе, именно, что средства благодати, даруемая милосердіемъ Божиимъ всякой живой душѣ, совершенно достаточны для его просвѣщенія и спасенія; если пренебрегаютъ ими, то не будетъ совершаемо чудесъ для пробужденія души, поглощенной суетой міра; что „если Моисея и пророковъ не слушаютъ, то еслибы кто и изъ мертвыхъ воскресъ,—не повѣрятъ“.

Это постоянное указаніе на жизнь, какъ время испытанія, и на послѣдній судъ, когда приговоръ „прійдите ко Мнѣ“ или „отойдите отъ Меня“—навсегда долженъ будетъ рѣшить всѣ споры и всѣ вопросы, естественно обращало мысли мно-

гихъ слушателей къ этимъ возвышеннымъ предметамъ. Но въ душѣ нашей есть постоянная склонность относить такіе вопросы скорѣе къ другимъ, чѣмъ къ себѣ, и дѣлать ихъ скорѣе вопросами умозрительной любознательности, чѣмъ практической важности. Такая склонность, лишаящая нравственное ученіе сей его благотворности, всегда находила укоръ и обличеніе въ Спасителѣ. Особенный случай представился Ему для этого въ то время, когда Онъ уча проходилъ по городамъ и селеніямъ, направляя путь въ Іерусалимъ (Лук. хп, 22 — 30; Матѣ. хп, 31, 32; Марк. іv, 30, 31). Онъ говорилъ, и вѣроятно не въ первый разъ, о маломъ началѣ и великомъ возрастаніи царства небеснаго какъ въ душѣ, такъ и въ мірѣ, и одинъ изъ слушателей изъ неразумнаго любопытства спросилъ Его. „Господи! неужели мало спасающихся“? Чѣмъ подсказанъ былъ этотъ вопросъ — увѣреннымъ ли самодовольствомъ, или жалкимъ уныніемъ, мы не знаемъ; но во всякомъ случаѣ отвѣтъ Спасителя заключалъ въ себѣ неодобреніе подобнаго разспроса и указаніе совершенно иного способа, какъ нужно подходить къ такимъ вопросамъ. „Мало“ и „много“ — понятія относительныя. Не теряйте драгоценнаго времени жизни на праздные вопросы, но *подвизайтесь*. Сквозь тѣ узкія врата нигто, даже еслибы онъ былъ тысячу разъ сѣменемъ Авраамовымъ, не можетъ войти безъ усиленныхъ стараній. Но такъ какъ усилія, старательныя, но ложныя усилія многихъ бывають безуспѣшны, такъ какъ придетъ день, когда врата будутъ заперты и уже поздно будетъ входить ими, такъ какъ тогда уже не будетъ принята никакая усиленная просьба и не будетъ признано нивагое право на старое знакомство и нѣкоторые изъ тѣхъ, которые по своей духовной гордости воображали, что они болѣе всего извѣстны Спасителю, услышать страшный отказъ: „Не знаю васъ, откуда вы“, — то *подвизайтесь* теперь же войти. Многіе прійдутъ отъ востока и запада, и сѣвера, и юга, и возлягутъ въ царствіи Божіемъ, а ты, сынъ Авраамовъ, можешь оказаться исключеннымъ. Но еще разъ пойми, хотя тебѣ и можетъ показаться это страннымъ, что „последніе будутъ первыми, и первые послѣдними“.

Такимъ образомъ всякое неумѣстное замѣчаніе, всякую

презрительную насмѣшку, всякій неразумный вопросъ, всякое печальное или радостное происшествіе Спаситель обращалъ въ случай для поученія своихъ слушателей и чрезъ нихъ всего міра въ томъ, что могло содѣйствовать ихъ душевному миру и нравственному возвышенію. То же самое было, когда „одинъ законникъ“ всталъ и, искушая Его, спросилъ—не съ цѣлью получить руководство, а просто чтобы найти предметъ для возраженія: „Учитель! что мнѣ дѣлать, чтобы наследовать жизнь вѣчную“? Иисусъ, провидя его коварныя побужденія, просто спросилъ его, какой отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ закономъ, изученіе и объясненіе котораго составляетъ самую цѣль его жизни. Законникъ далъ лучшее изложеніе, какое только было извѣстно въ то время. Иисусъ подтвердилъ его отвѣтъ и связалъ: „такъ поступаи и будешь жить“. Но добываясь нѣсколько больше этого и стараясь оправдать вопросъ, который даже съ его точки зрѣнія былъ излишенъ и заданъ былъ, какъ онъ самъ сознавалъ, съ неблагороднымъ намѣреніемъ, законникъ надумалъ прикрыть свое отступленіе новымъ вопросомъ: „а кто мой ближній“? Иисусъ зналъ, что если спросить собственного мнѣнія законника по этому вопросу, то оно было бы крайне узко и ложно; поэтому Онъ отвѣтилъ самъ или вѣрнѣе далъ законнику средство отвѣтить на него—одной изъ своихъ наиболѣе поразительныхъ притчей. Онъ рассказалъ, какъ однажды человекъ, проходя свалистымъ ущельемъ, ведущимъ изъ Іерусалима къ Іерихону, попалъ въ руки разбойниковъ, частыя нападенія которыхъ дали самому проходу зловѣщее названіе „кроваваго пути“. Грабители-бедуины, какъ часто бываетъ еще и теперь, бросили его на дорогѣ обнаженнымъ, истекающимъ кровью и полумертвымъ. Священникъ, возвращаясь этимъ путемъ въ свой священническій городъ, увидѣлъ его, но тотчасъ же перешелъ отъ него на другую сторону дороги. Проходилъ также левитъ, но еще съ болѣе холоднымъ равнодушіемъ посмотрѣлъ на него и прошелъ мимо. Но вотъ тѣмъ же путемъ проѣзжалъ самарянинъ, одинъ видъ котораго возбудилъ бы въ несчастномъ трепетъ племенной вражды и самую тѣнь котораго онъ почелъ бы оскверненіемъ,—добрый самарянинъ, образъ того божественнаго проповѣдника, котораго отвергали и презирали люди, но

который пришел исцѣлить кровавыя раны человѣчества, не находившія для себя цѣлебныхъ средствъ ни въ обрядовомъ, ни въ нравственномъ законѣ. Онъ подошелъ къ несчастному, сжалился надъ нимъ, перевязалъ ему раны, посадилъ на своего осла, самъ пошелъ пѣшкомъ по жесткой, раскаленной, пыльной и опасной дорогѣ и не оставилъ его до тѣхъ поръ, пока совершенно не обезпечилъ его безопасности и въ заключеніе даже великодушно позаботился о его будущихъ нуждахъ. „Кто же изъ этихъ троихъ, спросилъ Иисусъ законника, былъ ближній попавшемуся разбойникамъ“? Законникъ конечно не былъ настолько тупоуменъ, чтобы не видѣть — кто; однако же, чувствуя, что онъ никакъ не можетъ включить въ число ближнихъ ни самарянъ, ни язычниковъ, не имѣлъ мужественной откровенности выговорить „самарянинъ“, а употребилъ жалкій перифразъ: „оказавшій ему милость“. „Иди, сказалъ ему Иисусъ, и ты поступай также“. Я, другъ мытарей и грѣшниковъ, привелъ этотъ рассказъ о самарянинѣ въ примѣръ тебѣ (Лук. х, 25—37).

Мы не должны однако же думать, что эти два мѣсяца проповѣдническаго шествія всецѣло были заняты поученіями, поводомъ къ которымъ, какъ ни возвышенны они сами по себѣ, постоянно служили заблужденія и пререканія, встрѣчавшія Спасителя на пути и придававшія поученіямъ ихъ внѣшнюю форму. Въ это самое время было много и такихъ обстоятельствъ, которыя должны были наполнять Его душу радостью.

Самымъ главнымъ между ними было возвращеніе семидесяти учениковъ (Лук. х, 17—20). Нельзя конечно думать, что они возвратились всѣ вмѣстѣ, вѣрнѣе всего, что они время отъ времени, по мѣрѣ приближенія Спасителя къ различнымъ городамъ и селеніямъ, куда Онъ посылалъ ихъ, по двое приходили къ Нему съ извѣстіемъ объ успѣхѣхъ своей дѣятельности. Успѣхъ этотъ наполнялъ ихъ простыя сердца изумленіемъ и восторгомъ. „Господи, восселицали они, и бѣсы повинуются намъ о имени Твоемъ“! Хотя онъ и не давалъ имъ особаго порученія исцѣлять бѣсноватыхъ, хотя при одномъ извѣстномъ случаѣ даже апостолы потерпѣли неудачу при подобной попыткѣ, но они теперь могли изгонять бѣсовъ именемъ своего Учителя. Входя

въ ихъ радость, Іисусъ однако же сдерживалъ порывъ ихъ чрезмѣрнаго ликованія и давалъ ихъ чувствамъ болѣе возвышенное и святое направленіе. Онъ поучалъ ихъ, что добро безконечно могущественнѣе зла и что побѣда надъ сатаною, спадшимъ съ неба, какъ молнія, одержана и будетъ продолжаться во вѣки. Надъ всѣми злыми силами Онъ давалъ имъ власть и побѣду, и слово Его обѣтованія должно было служить для нихъ защитой отъ всякаго источника вреда. Они будутъ наступать на аспида и василиска, попираетъ льва и дракона; за то, что Онъ возлюбилъ ихъ, Онъ избавитъ ихъ; Онъ защититъ ихъ, потому что они познали имя Его. Но есть еще одинъ предметъ радости—еще болѣе глубокой, осязательной и истинной, сопряженной съ меньшими опасностями, потому что менѣе своекорыстной и видной, и на этотъ-то предметъ Онъ и обращаетъ ихъ мысли. Это именно то, что имена ихъ написаны въ книгѣ жизни и во вѣки не изгладятся изъ нея.

Эта простая вѣра и безграничная надежда учениковъ наполнила сердце Іисуса радостью; но Онъ радовался духомъ также и потому, что хотя и былъ отвергнутъ и презираемъ книжниками и фарисеями, но Его любили и боготворили мытари и грѣшники. Бѣдные, которымъ Онъ благовѣствовалъ, слѣпые, зрѣніе которымъ Онъ открывалъ, больные, которыхъ Онъ исцѣлялъ, погибшіе, которыхъ Онъ възскаивалъ и спасалъ— всѣ они съ искреннею и восторженною благодарностью тѣснились около своего добраго Пастыря и великаго Врача. Книжники и фарисеи по обыкновенію роптали, но какое дѣло до этого было счастливымъ слушателямъ? Трудяющимся и обремененнымъ Онъ постоянно во всевозможныхъ видахъ давалъ надежду, благословіе, одобреніе. Въ притчѣ о докучливой вдовѣ Онъ поучалъ ихъ долгу вѣры и показалъ, что на неотступную, усердную молитву непременно послѣдуетъ отвѣтъ (Лук. xviii, 1—8). Въ притчѣ о надменномъ, самодовольномъ своимъ почетомъ, своимъ постомъ и своею милостынею, фарисеѣ, который приходилъ въ храмъ только похвалиться предъ Богомъ и потому уходилъ всегда менѣе оправданнымъ, чѣмъ грѣшный мытарь, который съ опущенными глазами, ударяя себя въ грудь, только и повторялъ вопль о милосердіи Божіемъ, — Онъ поучалъ, что

Богъ больше любитъ кающееся смиреніе, чѣмъ простое виѣшнее служеніе, и что сердце смиренное и духъ сокрушенный — вотъ жертвы, которыхъ не презрять Онъ. Но. и это еще не все (Лук. хviii, 9—14). Онъ далъ имъ понять, что они дороги Богу, что хотя они и заблудшія дѣти, но все-таки Его дѣти. И потому въ притчамъ о заблудшей овцѣ и потерянной драхмѣ Онъ присоединилъ еще притчу, въ которой заключается все Евангеліе въ его славнѣйшей красотѣ и благостнѣйшей любви—притчу о блудномъ сынѣ.

Несомнѣнно никогда на человѣческомъ языкѣ не выражалось такъ много, какъ въ этихъ немногихъ бессмертныхъ словахъ, гдѣ выраженъ цѣлый міръ нѣжности, мудрости и любви. Каждая черта, каждая линія картины полна необычайно прекраснаго, вѣчнаго значенія. Жалкій самонадѣянный молодой человѣкъ, сразу требующій отъ жизни всего, что только она могла ему дать; оставленіе родительскаго дома; путешествіе въ далекую страну; короткій порывъ наслажденія тамъ; страшный голодъ въ странѣ той и быстрое истощеніе всего, что могло дѣлать жизнь веселой и сносной; наступившая затѣмъ бездна униженія и невыразимаго бѣдствія; опаматованіе и воспоминаніе о всемъ томъ, что было имъ оставлено позади; возвращеніе съ разбитымъ сердцемъ, въ раскаяніи и глубокомъ смиреніи; встрѣча съ отцомъ, завидѣвшимъ его издали, и охватившій отца порывъ состраданія и любви въ этому жалкому возвращающемуся расточителю; шумная радость во всемъ домѣ о томъ, кто былъ любимъ и потерянъ, а теперь возвратился; несправедливая зависть и низкая жалоба старшаго брата, и наконецъ это сладостное заключеніе всей притчи любящими словами отца старшему сыну: „Сынъ мой! ты всегда со мною, и все мое твое. А о томъ надо было радоваться, что братъ твой сей былъ мертвъ и ожилъ; пропадалъ и нашелся“, — все это поистинѣ божественная картина жизни человѣческой и любви Божіей, — картина, равной которой нѣтъ въ литературѣ и сластолюбіи которой не слышало ухо человѣческое. Сложите на одну чашу вѣсовъ все, что когда-либо сказали или написали Конфуцій, Будда, Зороастръ или Сократъ (а они написали и высказали много прекрасныхъ и великихъ истинъ), а на другую чашу

положите притчу о блудномъ сынѣ со всѣмъ ея глубочайшимъ и необъятнымъ значеніемъ, — и тогда можетъ ли кто изъ прамодушныхъ людей усумниться, гдѣ будетъ перевѣсъ въ богатствѣ содержанія, въ дивной примѣнимости въ нуждамъ человѣческимъ?

Такъ мало-по-малу это великое путешествіе приближалось къ концу. Страшная торжественность, тѣнь, такъ сказать, грядущаго суда, слышащееся во всѣхъ рѣчахъ предостереженіе всѣмъ, кто изъ-за своего упорства терялъ благопріятный случай для покаянія и вѣры — таковы характеристическія черты единственнаго извѣстія о немъ, сохраненнаго, въ счастью, ев. Лукою. Въ немъ слышится какъ бы подавленный тонъ того глубокаго томительнаго напряженія, которое и прежде выражалъ Христосъ: „Крещеніемъ Я долженъ креститься; и какъ Я томлюсь, пока сіе совершится“. Это была скорбь изъ-за той бури и яростной вражды, которую внесетъ Его ученіе на землѣ, сознание того, что скоро Онъ долженъ будетъ отдаться на великую муку на плывшемъ уже вострѣ вражды въ Нему (Лув. хп, 49 — 53). Слова эти повидимому поразили всѣхъ, кто слышалъ ихъ. Они всѣ ожидали чего-то великаго — страшнаго или радостнаго, смотря по состоянію совѣсти cadaго. Чувствовалась близость какого-то новаго явленія, новаго откровенія для мысли и сердца человѣческаго. Наконецъ фарисеи взяли на себя смѣлость спросить Его: „когда прійдетъ царствіе Божіе“ (Лув. хvii, 20 — 37). Въ вопросѣ этомъ была извѣстная нетерпѣливость, извѣстный матеріализмъ, можетъ быть даже доля сарказма и презрительности, въ родѣ того, что дескать „когда кончится вся эта проповѣдь и все это приготовленіе и настанетъ настоящее время“? Отвѣтъ Христа по обыкновенію показалъ, что ихъ *точка зрѣнія* совершенно ложная. Наступленія царства Божія нельзя опредѣлить посредствомъ того узкаго и любопытствующаго наблюденія, которому они предавались. Ложные мессіи и ложные учителя могутъ кричать: „вотъ оно здѣсь, или вотъ тамъ“, но истинное царство было уже среди нихъ; мало того, еслибы они имѣли мудрость распознать и желаніе принять его, то оно уже *внутри* ихъ. Для фарисеевъ было достаточно и этого отвѣта, но ученикамъ Онъ прибавилъ еще нѣсколько дальнѣйшихъ поясненій. Даже они

не могли ясно представить себѣ, что царство Божіе уже наступило. Ихъ мысли были устремлены впередъ и они съ напряженнымъ томленіемъ ожидали славнаго будущаго; но въ будущемъ, какъ оно ни славно, они будутъ смотрѣть съ еще болѣе глубокимъ томленіемъ и сожалѣніемъ назадъ въ этому самому прошлому, въ тѣмъ днямъ Сына человѣческаго, когда глаза ихъ видѣли и руки осязали самое Слово жизни. Въ тѣ дни да не обольщаются они восклицаніями: „вотъ оно здѣсь, или вотъ оно тамъ“! и да не истощаютъ въ лихорадочной и бесполезной суетливости спокойныхъ и драгоценныхъ благъ жизни (см. 2 Фессал. въ разныхъ мѣстахъ). То пришествіе Сына человѣческаго будетъ лучезарное, внезапное, страшное, всемірное, неотразимое, какъ блескъ молніи. Но предъ тѣмъ Онъ долженъ потерпѣть отверженіе и муки. Кромѣ того, пламя Его второго пришествія вспыхнетъ въ полночь надъ погруженнымъ въ чувственность, неожиданнымъ Его міромъ, подобно тому какъ потопъ хлынулъ на ливущую чувственность во дни Ноя, какъ огонь и сѣра ринулись съ неба на преданныя гнусности города поглощенной Мертвымъ моремъ равнины. Горе тѣмъ, которые въ тотъ день будутъ съ сожалѣніемъ оглядываться на міръ, обреченный пламени! Хотя жизнь со всѣми ея заботами и общественными отношеніями, со всѣми связями дружбы, семьи и труда будетъ продолжаться до послѣдняго момента, но эта одна послѣдняя ночь страшнымъ и окончательнымъ ударомъ порѣшитъ все!

Ученики испугались и устрашились столь необычайныхъ и торжественныхъ предсказаній. „Гдѣ, Господи?“ тревожно спрашивали они. Но на вопросъ „гдѣ“ также не могло быть отвѣта, какъ и на вопросъ „когда“, потому что наступленіе царства Божія также не зависитъ отъ условій пространства, какъ и времени. „Гдѣ трупъ, тамъ соберутся и орлы“, сказалъ Онъ имъ. Таинственный Армагеддонъ (Откр. хvi, 16) не такое мѣсто, которое можно бы было опредѣлить географически градусами широты и долготы. Гдѣ только есть личная грѣховность, гдѣ только есть общественное разложеніе, гдѣ только есть глубокое національное растлѣніе — туда орлы божественнаго мщенія издали направятъ полетъ свой; туда съ отдаленныхъ концовъ земли съ быстротою орловъ нагрянутъ народы, свирѣпые видомъ, — чтобы

терзать и пожирать. „Птенцы орла пьютъ кровь, и гдѣ трупъ, тамъ и онъ“. Іерусалимъ, нѣтъ, весь іудейскій народъ быстро разлагался отъ своего внутренняго растлѣнія, и уже слышались въ воздухѣ взмахи тяжелыхъ крыльевъ приближавшихся мстителей. А затѣмъ, когда и весь міръ повергнется въ состояніе безнадежнаго растлѣнія, тогда еще въ воздухѣ будетъ слышенъ шумъ — отъ множества налетающихъ орловъ.

Не есть ли вся исторія одинъ длинный, необъятный комментарий на эти великія пророчества? Въ судьбахъ народовъ и племенъ не приходилъ ли по временамъ Христосъ, чтобы спасти или судить?..

ГЛАВА XLV.

ПРАЗДНИКЪ ОБНОВЛЕНІЯ.

Я и Отець—одно. Іоан. х, 30.

НИГДѢ по всей вѣроятности Христосъ не проводилъ болѣе сповойныхъ и счастливыхъ часовъ, какъ въ мирномъ домѣ того небольшого семейства въ Вифаніи, которое, какъ сообщаетъ ев. Іоаннъ, „Онъ любилъ“. Семейство это, насколько намъ извѣстно, состояло только изъ трехъ членовъ — Марѳы, Маріи и ихъ брата Лазаря. Что Марѳа была вдова, что мужемъ ея былъ Симонъ прокаженный, что Лазарь одно и то же лицо съ благочестивымъ раввиномъ того же имени, упоминаемымъ въ талмудѣ, — всѣ эти соображенія могутъ быть и вѣрны и нѣтъ. Но изъ евангелій видно, что это было довольно зажиточное семейство и занимало такое почетное положеніе въ обществѣ, что пользовалось значительнымъ вниманіемъ не только въ своемъ собственномъ селеніи — Вифаніи, но даже и въ Іерусалимѣ. Небольшая уединенная деревушка эта, лежащая среди своихъ мирныхъ горъ близъ Іерусалима, и однако же совершенно закрытая отъ него вершиной Елеонской горы, будучи такимъ образомъ „совсѣмъ не въ мірѣ суеты, но не совсѣмъ и внѣ его“, всегда должна была представлять особенную

прелесть для души Спасителя, тѣмъ болѣе, что семейство это всегда съ любовью и дружескимъ почтеніемъ предоставляло свой тихій и благословенный домъ въ Его полное распоряженіе. Въ этомъ именно домѣ мы находимъ Его наканунѣ праздника обновленія храма, въ которому закончилось торжественное путешествіе, имѣвшее свою цѣль полное и окончательное провозглашеніе Его градушаго царства.

Понятно, что прибытіе такого гостя должно было произвести нѣкоторое движеніе въ маленькомъ хозяйствѣ, и Марѳа, хлопотливая, живая, радушная хозяйка, „дышащая гостепріимствомъ“, суетливо бѣгала взадъ и впередъ, старалась получше приготовить для Него угощеніе. Сестра ея Марія также заботилась о приличномъ приѣмѣ, но понятія ея о должномъ ихъ гостю почтеніи были различны. Зная, что сестра ея до блаженства была рада сама сдѣлать все, что можно, для Его матеріальнаго удобства, она въ глубокомъ смиреніи сѣла у ногъ Христа и слушала слова Его.

Марію нельзя порицать за это, потому что сестра ея очевидно съ радостью отдалась заботѣ по возможности лучше выполнить требованія гостепріимства и безъ всякой помощи могла сдѣлать все, что требовалось для того. Нельзя порицать также и Марѳу за ея хлопотливость; единственная ошибка ея состояла въ томъ, что она при своей внѣшней дѣятельности потеряла необходимое равновѣсіе съ требованіями внутренней жизни. Когда она такъ трудилась и хлопотала, нѣчто въ родѣ зависти нарушило ея душевное спокойствіе при видѣ того, какъ сестра ея „праздно“, думалось ей, сидитъ у ногъ ихъ высокаго Посѣтителя и всѣ хлопоты сваливаетъ на нее одну. Еслибы она вдумалась побольше, то конечно не могла бы не признать, что въ увлоненіи Маріи отъ заботъ домашняго хозяйства было не столько себялюбія, сколько здраваго размышленія, но быть справедливымъ и великодушнымъ всегда трудно, а когда кто дозволить себѣ поддаться низкому чувству въ родѣ мелочной зависти, то даже и невозможно. Такъ въ порывѣ своей раздраженности, Марѳа, вмѣсто того, чтобы ласково попросить свою сестру помочь ей, если только дѣйствительно нужна была эта помощь, — на которую, если мы вѣрно понимаемъ характеръ Маріи, та живо от-

Вієанія.

вликнулась бы, — она почти съ досадою и непочтительною подбѣгаетъ и спрашиваетъ Иисуса, неужели Ему нѣтъ нужды, что сестра ея сидитъ сложа руки, между тѣмъ, какъ она одна должна хлопотать по хозяйству. Не скажетъ ли Онъ ей, чтобы она пошла и помогла по хозяйству (Марѳа была очевидно слишкомъ добросовѣстна, чтобы прибавить обычное выраженіе строптивыхъ людей — что дескать ей самой бесполезно говорить объ этомъ).

Люди несовершенной души, понимая, что такое добро, величіе и истина, но часто терпя неудачу въ попыткѣ достигнуть ихъ, склонны быть жестокими въ своихъ сужденіяхъ о недостаткахъ другихъ. Но душа божественная и великая, — душа, которая полнѣе достигла мѣры возраста совершеннаго человѣка, относится съ болѣе сповойнымъ и кроткимъ, вообще съ болѣе широкимъ взглядомъ въ тѣмъ слабостямъ и недостаткамъ, которые приходится встрѣчать постоянно. Такимъ былъ и отвѣтъ Христа: если онъ и заключалъ въ себѣ укоръ, то во всякомъ случаѣ безконечно тонкій и нѣжный, который могъ только возвысить, но не огорчить преданное сердце бѣдной хлопотливой хозяйки, въ которой онъ былъ обращенъ. „Марѳа, Марѳа, сказалъ Онъ съ тѣмъ тономъ, въ которомъ невольно видится полугрустная, полуигривая и во всякомъ случаѣ добрая и спасительная улыбка, просіявшая на Его лицѣ, — ты заботишься и суетишься о многомъ; а одно только нужно. Маріа же избрала благую часть, которая не отнимется отъ нея“. Тутъ нѣтъ основанія видѣть какое-либо особое превозношеніе созерцательной жизни надъ дѣятельною. Та и другая можетъ быть необходима, и нужно сочетать ихъ обѣ. Апостоль Павель при самой пылкой дѣятельности въ то же время отличался созерцательностью и внутреннимъ покоемъ Маріи; а ап. Іоаннъ при самомъ восторженномъ духѣ созерцанія могъ однако же проявлять и дѣятельность Марѳы. Спаситель не хотѣлъ порицать труда, предпринятаго ради служенія Ему, а порицалъ только духъ хлопотливости и шумной суеты, недостатокъ спокойствія и кротости, выставку излишняго гостепрѣимства, которыми сопровождался этотъ трудъ, и еще болѣе склонность порицать и укорять другихъ, такъ часто замѣчаемую въ христіанахъ, которые такъ же хлопотливы, какъ

Марѳа, но не имѣють святаго упованія и совершеннаго покоя Маріи.

Очень вѣроятно, что именно въ Вифаніи Христось жилъ во время посѣщеній Имъ Іерусалима, такъ какъ отъ нея короткій и пріятный путь черезъ гору Елеонскую приводилъ Его въ храмъ. Была уже зима и наступилъ праздникъ Обновленія. Праздникъ этотъ совершался 25 хаслева, что, по вычисленію Визилера, совпадало въ томъ году съ 8 декабря. Онъ былъ установленъ Іудой Маккавеемъ въ память очищенія храма въ 164 г. до Р. Х., спустя шесть съ половиною лѣтъ послѣ страшнаго освещенія его Антіохомъ Епифаномъ. Подобно Пасхѣ и празднику Кущей онъ продолжался восемь дней и праздновался съ большою торжественностью. Онъ также называется праздникомъ огня, такъ какъ одною изъ особенностей праздника было зажиганіе блистательной иллюминаціи въ память знаменательнаго чуда, состоявшаго въ чудесномъ увеличеніи въ теченіе восьми дней священнаго масла, какъ это оказалось, по засвидѣтельствованію Іуды Маккавея, въ одномъ сосудѣ, запечатанномъ печатью первосвященника. Присутствіе Спасителя на такомъ праздникѣ освящаетъ право каждой церкви устанавливать свои собственные обряды и церемоніи и показываетъ, что Онъ не безъ одобренія смотрѣлъ на радостный восторгъ народнаго патриотизма.

Восточный притворъ храма все еще носилъ имя притвора Соломонова, потому что онъ по крайней мѣрѣ построенъ былъ изъ матеріала, составлявшаго часть древняго храма. Здѣсь, среди этой свѣтлой колоннады, убранной для праздника яркими украшеніями и трофеями, спокойно, повидимому безъ всякихъ спутниковъ прохаживался Іисусъ Христось, иногда быть можетъ взглядывая черезъ долину кедронскую на бѣлыя гробницы пророковъ, которыхъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ избивали іудеи, и наслаждаясь мягкими лучами зимняго солнца. Но вотъ вдругъ, какъ бы по сдѣланному заранѣе соглашенію, фарисеи со своими вождями во главѣ окружили Его со всѣхъ сторонъ и начали задавать вопросы. Быть можетъ самое мѣсто, гдѣ Онъ ходилъ, связанное съ живыми воспоминаніями о ихъ древней славѣ, быть можетъ самыя ликованія совершавшагося праздника, какъ годовщины воспоминанія о славномъ освобожденіи отъ страш-

ной тиранніи, низвергнутой горстью доблестныхъ мужей, — дѣлали ихъ вопросы особенно настойчивыми и рьяными. „Долго ли Тебѣ, въ нетерпѣнїи спрашивали они, держать насъ въ недоумѣнїи? Если Ты Христосъ, скажи намъ прямо“. Скажи намъ *здѣсь*, въ притворѣ Соломоновомъ, *теперь*, когда видъ этихъ щитовъ и золотыхъ вѣнцовъ, мелодія этихъ цитръ и вимваловъ напоминаютъ славу Іуды Асмонейскаго, — не окажешься ли Ты могущественнѣе Мавзавея, славнѣе Соломона? Не будутъ ли эти лимоны, эти вѣтви и пальмы, которыя мы носили въ честь этого дня побѣды, когда-нибудь носимы и въ честь Тебя? — Это былъ странный, настойчивый, нетерпѣливый запросъ, и онъ полонъ значенія. Онъ составляетъ самое сильное самообвиненіе для нихъ, потому что ясно показываетъ, что Его ученіе и совершенныя Имъ дѣла даже въ ихъ глазахъ оправдывали Его притязаніе на высшее достоинство, еслибы только Онъ рѣшительно высказалъ его теперь. Еслибы Онъ открыто высказалъ его и главнымъ образомъ еслибы Онъ высказалъ его въ томъ именно смыслѣ и съ тою цѣлью, которыхъ они добивались, то вѣроятно они тотчасъ же привѣтствовали бы Его съ шумными восклицаніями. Мѣсто, на которомъ они разговаривали, пробуждало самыя сладостныя грезы о ихъ древней монархіи; самый праздникъ дышалъ героическимъ воспоминаніемъ объ одномъ изъ храбрѣйшихъ и побѣдоносныхъ воиновъ; окружавшія ихъ политическія обстоятельства были совершенно такія же, отъ которыхъ избавилъ ихъ благородный Асмоней. Одна искра этого древняго пламени зажгла бы въ ихъ пылеихъ умахъ такое зарево неудержимаго фанатизма, что на время они низвергли бы и римлянъ, и Иродовъ, но — такъ какъ часть ихъ паденія уже пробилъ и чаша ихъ беззаконія уже переполнилась, то это только ускорило бы на нѣсколько лѣтъ постигшія ихъ полный разгромъ, когда они тысячами побивались при разрушеніи Іерусалима Титомъ, а затѣмъ и впоследствии, когда лжемессія Баръ-Кохба и его послѣдователи преданы были ужасному избиенію при взятіи Веэира.

Но день политическаго избавленія миновалъ навсегда; насталъ день для болѣе великаго, глубокаго, всеобъемлющаго, вѣчнаго избавленія. Но они жаждали перваго и отвергали послѣднее.

Страстно желая видѣть въ Иисусѣ земнаго національнаго Мессію, они съ ненавистью отвергали въ Немъ Сына Божія, Спасителя міра. Что Онъ былъ ихъ Мессія въ болѣе возвышенномъ и духовномъ смыслѣ, чѣмъ какъ мечтали они, это часто высказывалось въ Его словахъ; но Мессіей въ томъ смыслѣ, въ какомъ желательно было имъ, Онъ не былъ и не хотѣлъ быть. Поэтому Онъ, чтобы не ввести ихъ въ заблужденіе, и не говорить имъ: Я вашъ Мессія, а только ссылается на то неоднократно высказывавшееся ученіе, которое доказывало, какъ ясно Его право на это достоинство, и на дѣла, которыя свидѣтельствовали о Немъ (Іоан. v и vii). Еслибы они были овцами Его стада — и при этомъ Онъ припомнилъ имъ ту бесѣду, которую Онъ преподалъ два мѣсяца предъ тѣмъ, во время праздника Кущей, — то они послушали бы Его голоса, и Онъ далъ бы имъ жизнь вѣчную и они не погибли бы подъ Его защитой, потому что никто бы тогда не могъ похитить ихъ изъ руки Отца Его. „Я и отецъ одно“ — торжественно прибавилъ Онъ.

Значеніе этихъ словъ было ясно. Въ нихъ Онъ объявлялъ себя не только Мессіей, но и Богомъ. Еслибы единство съ Отцомъ, приписываемое Имъ себѣ, было не что иное, какъ духовное единство вѣры и послушанія, какое существуетъ между всѣми святыми душами и ихъ Создателемъ, то Его слова не могли бы показаться болѣе оскорбительными, чѣмъ многія подобныя же изреченія ихъ собственныхъ царей и пророковъ. Но дѣло въ томъ, что *esset judaei intellexerunt quod non intelligunt ariani* (іудеи поняли здѣсь то, чего не понимаютъ аріане) — Они сразу поняли, что слова эти означаютъ безконечно больше. Тотчасъ же они яростно схватились за камни, оставшіеся отъ необоженныхъ храмовыхъ построекъ, и еслибы часъ Его уже насталъ, то Ему не избѣгнуть бы мучительной смерти, которой подвергся впоследствии Его первомученикъ Стефанъ. Но Его невозмутимое величіе обезоружило ихъ. „Много добрыхъ дѣлъ показалъ Я вамъ отъ Отца Моего, сказалъ Онъ: за которое изъ нихъ хотите побить Меня камнями?“ „Не за доброе дѣло хотимъ побить Тебя камнями, отвѣчали они, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человѣкъ, дѣлаешь Себя Бо-

гомъ“. Отвѣтъ Христа представляетъ одинъ изъ тѣхъ свѣтозарныхъ лучей, которые Онъ часто проливалъ на священное Писаніе. „Не написано ли въ законѣ вашемъ, спросилъ Онъ ихъ: Я сказалъ, вы боги (Пс. lxxxі, 6)? Если оно называетъ богами (*Елогимъ*) тѣхъ, кому дано слово Божіе (а такъ именно признается въ вашемъ Писаніи), то какъ вы говорите Тому, кого Отецъ освятилъ и послалъ въ міръ, „богохульствуешь“, потому что Я сказалъ: „Я сынъ Божій?“ И онъ сослался на свою жизнь и свои дѣла, какъ на неопровержимое доказательство своего единства съ Отцомъ. Если Его безгрѣшность и Его чудеса не были доказательствомъ того, что Онъ не *могъ* быть дерзкимъ богохульникомъ, въ качествѣ котораго они хотѣли побить Его,—то какое еще доказательство можно представить имъ? Они, воспитанные въ строжайшемъ единобожіи и привыкшіе представлять Бога безконечно далекимъ отъ человѣка, могли узнать даже изъ закона и пророковъ, что Богъ близокъ, что Онъ въ самыхъ устахъ и въ самомъ сердцѣ тѣхъ, которые любятъ Его, и даже сообщаетъ имъ внутренній свѣтъ своей собственной славы. Не долженствовало ли это быть для нихъ знаменіемъ того, что Тотъ, который пришелъ исполнить законъ и возвѣстить вмѣсто него другой болѣе возвышенный законъ,—Тотъ, о комъ свидѣтельствовали всѣ пророки, кому Іоаннъ приготавлиалъ путь, кто говорилъ такъ, какъ никогда не говорилъ человѣкъ, кто совершалъ дѣла, какихъ не дѣлалъ никто съ основанія міра, кто подтверждалъ всѣ свои слова и придавалъ значеніе всѣмъ своимъ дѣламъ безпорочною красотой безусловно безгрѣшной жизни,—Тотъ дѣйствительно говорилъ истину, когда сказалъ, что Онъ одно съ Отцомъ и что Онъ—Сынъ Божій?

Доказательство было неотразимое, они не смѣли побить Его; но такъ какъ Онъ былъ среди нихъ одинъ и беззащитенъ, то они попытались схватить Его. Но и этого не могли. Видъ Его устранилъ ихъ. Они разступились предъ Нимъ и съ пылающими отъ ненависти лицами смотрѣли на Него, какъ Онъ удалялся изъ среды ихъ. Послѣ этого стало еще яснѣе, что продолжать ученіе среди нихъ невозможно. Они не могли подняться до Его понятія о Мессіи, какъ и Онъ не могъ снизойти до ихъ понятія. Остаться между ними значило только напрасно подвергать

свою жизнь постоянной опасности. Иудея поэтому была закрыта для Него, какъ закрыта была для Него и Галилея. Во всей родной землѣ для Него оставалась только одна область, гдѣ Онъ еще могъ быть безопасенъ, именно Перея, область заиорданская. Онъ удалился поэтому въ другую Виванію, Виванію заиорданскую, гдѣ нѣкогда крестилъ Іоаннъ, и тамъ остановился. Какими событіями сопровождалось это послѣднее пребываніе и какъ продолжительно было оно, мы не знаемъ. Но мы видимъ однако же, что оно не имѣло вполнѣ частнаго характера: ев. Іоаннъ сообщаетъ, что многіе приходили къ Нему и вѣровали въ Него, и говорили, что Іоаннъ Креститель, котораго они считали пророкомъ, хотя онъ и не сотворилъ никакого чуда, свидѣтельствовалъ объ Иисусѣ въ этомъ именно мѣстѣ, и „все, что Іоаннъ сказалъ о Немъ, было истинно“ (х, 41, 42).

ГЛАВА XLVI.

ПОСЛѢДНЕЕ ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ПЕРЕВѢ.

Въ вечернее время явится свѣтъ. Зах. xiv, 7.

ДѢ только служеніе Спасителя принимало хотя сколько-нибудь общественный характеръ, тамъ непременно мы встрѣчаемъ фарисеевъ, которые слѣдятъ за Нимъ, подстерегаютъ Его, искушаютъ, стараются изловить Его на какомъ-нибудь ошибочномъ сужденіи или опасномъ рѣшеніи. Но быть можетъ ихъ злобная изобрѣтательность никогда не придумывала вопроса, отвѣтъ на который былъ сопряженъ съ такими затрудненіями, какъ предложенная ими на разрѣшеніе задача: „По всякой ли причинѣ позволительно человѣку разводиться съ женою?“ (Матѣ. xix, 3—12; Марк. x, 2—12).

Вопросъ этотъ былъ обставленъ трудностями со всѣхъ сторонъ и по многимъ причинамъ. Прежде всего постановленіе Моисея касательно этого предмета выражено двусмысленно, вслѣдствіе чего возникло рѣшительное различіе въ его толкованіи между двумя наиболѣе важными и славившимися школами раввиновъ. Различіе школъ зависѣло въ свою очередь отъ

различія въ обычаяхъ народа. Наконецъ богословскія, научныя, нравственныя и народныя затрудненія усложнялись еще политическими, потому что государь, во владѣніяхъ котораго предлагался вопросъ, былъ сильно заинтересованъ въ отвѣтѣ на него и уже предаль смерти величайшаго изъ пророковъ за смѣлое выраженіе взгляда, оказавшагося несогласнымъ и враждебнымъ его собственному образу дѣйствій. Какъ бы ни изворачивались въ своемъ ученіи раболѣпствующіе раввины Галилеи, Іоаннъ Креститель съ своей стороны не оставилъ и тѣни сомнѣнія касательно своего толкованія этого закона Моисея и жизнью заплатилъ за свою прямоту и откровенность.

Моисей постановилъ правило, что когда человѣкъ „возьметъ жену и она не найдетъ благоволенія въ глазахъ его, потому что онъ находитъ въ ней что-нибудь противное (буквально „наготу дѣла“ — *эрааъ дабаръ*), то пусть *) напишетъ ей разводное письмо и дастъ ей въ руки, и отпустить ее изъ дома своего. И она выйдетъ изъ дома его, пойдетъ и выйдетъ за другаго мужа“ (Втор. xxiv, 1, 2). При толкованіи этого постановленія все зависѣло отъ значенія выраженія *эрааъ дабаръ* или даже отъ значенія одного слова *эрааъ*. Оно означаетъ вообще пятно или оскверненіе, и Гиллель съ своей школою объяснялъ это мѣсто въ томъ смыслѣ, что мужъ „могъ давать разводъ женѣ за все, что ему не понравится въ ней“, даже, какъ смѣло высказывалъ знаменитый послѣдователь этой школы раввинъ Акиба,—если онъ видѣлъ другую женщину, которая нравится ему больше; напротивъ школа Шаммаи толковала его въ томъ смыслѣ, что разводъ могъ имѣть мѣсто только въ случаяхъ позорной невѣрности. Отсюда у іудеевъ была пословица: „Гиллель развязывалъ, что связывалъ Шаммаи“.

Шаммаи былъ правъ нравственно, но неправъ въ толкованіи; Гиллель напротивъ былъ правъ въ толкованіи, но неправъ

*) Въ русск. Синод. переводѣ — и. Смотри въ соч. А. П. Лопухина „Законодательство Моисея. Исслѣдованіе о семейныхъ, соціально-экономическихъ и государственныхъ законахъ Моисея, съ приложеніемъ трактата: Судъ надъ І. Христомъ, разсматриваемый съ юридической точки зрѣнія“. Спб. 1882 г., стр. 86—90.

нравственно. Шаммаи былъ правъ лишь настолько, насколько онъ видѣлъ, что духъ Моисеева законодательства не оправдывалъ развода предъ судомъ совѣсти, кромѣ случаевъ самой гнусной безнравственности; Гиллель лишь настолько правъ, насколько онъ видѣлъ, что Моисей допускалъ возможность для развода предъ судомъ гражданскимъ и въ менѣе важныхъ случаяхъ, чѣмъ прелюбодѣяніе. Но при такихъ обстоятельствахъ рѣшить въ пользу одной школы значило бы не только нанести смертельную обиду другой, но въ то же время — или возбудить ярость многихъ распущенныхъ, или вызвать неудовольствіе немногихъ высоконравственныхъ. Въ то развращенное время огромное большинство во всякомъ случаѣ дѣйствовало на основаніи правила, изложеннаго Гиллелемъ, какъ еще и теперь продолжаютъ дѣйствовать евреи на востокѣ. Таковъ уже былъ общій духъ тѣхъ временъ. Въ языческомъ и особенно въ римскомъ мірѣ строгость брачныхъ узъ такъ позорно ослабла, что въ то время, какъ въ періодъ республики, въ теченіе столѣтій былъ только единственный примѣръ легкаго развода; во времена имперіи разводъ былъ уже правиломъ, и супружеская вѣрность исключеніемъ. Времена Виргиній, Лукрецій и Корнелій прошли; настала вѣкъ Юлій, Помпей, Мессалинъ и Агриппинъ, — тотъ вѣкъ, когда, какъ говоритъ Сенека, женщины считали свои годы не по консульствамъ, а по числу своихъ разведенныхъ мужей. Иудеи заразились этимъ позорнымъ примѣромъ, и такъ какъ многоженство вышло изъ обычая, то они близко воспроизводили его въ той легкости, съ какою они отпускали одну жену и брали другую. Даже Іосифъ Флавій, фарисей изъ фарисеевъ, который при всякомъ удобномъ случаѣ выставляетъ себя человекомъ строгимъ и религіознымъ, безъ малѣйшаго самооправданія рассказываетъ, что его первая жена оставила его, а со второй онъ развелся самъ уже послѣ того, какъ прижилъ съ нею троихъ дѣтей, затѣмъ женился на третьей. Но еслибы Спаситель рѣшилъ въ пользу Шаммаи (а Его прежнее ученіе заставляло фарисеевъ думать, что Онъ такъ именно и рѣшить въ этомъ вопросѣ), то Онъ публично высказалъ бы мнѣніе, что Иродъ Антипа былъ вдвойнѣ прелюбодѣй, прелюбодѣйно женившійся на прелюбодѣйной женѣ.

Но Христосъ никогда не руководился при своихъ отвѣтахъ правилами практическаго расчета, и былъ совершенно равнодушенъ какъ въ ярости толпы, такъ и въ гнѣву тирана. Цѣлью Его было только давать даже коварнымъ совопросникамъ отвѣты, которые возводили бы ихъ въ область болѣе возвышеннаго созерцанія. Въ ихъ собственномъ вопросѣ: „позволительно ли?“ еслибы только вопросъ былъ искренній, заключался уже и отвѣтъ на него. Ничто то не позволительно человѣку, въ позволительности чего онъ сомнѣвается. Поэтому, вмѣсто отвѣта имъ, Христосъ направляетъ ихъ къ тому источнику, гдѣ можно найти истинный отвѣтъ. Сопоставляя первобытный порядокъ съ Моисеевымъ установленіемъ, отвѣчая на ихъ вопросъ „позволительно ли?“ встрѣчнымъ вопросомъ: „не читали ли вы?“ — Онъ напоминаетъ имъ, что Богъ, сотворившій въ началѣ мужчину и женщину, тѣмъ самымъ заявилъ свою волю, что бракъ долженъ быть самой тѣсной и самой неразрушимой изъ всѣхъ связей, превосходящей и даже, если нужно, отмѣняющей всѣ остальные.

„Какъ же, спрашиваютъ они, стараясь поймать Его на противрѣчїи закону, Моисей *заповѣдалъ* давать разводное письмо и разводиться съ нею?“ Форма ихъ вопроса заключала одинъ изъ тѣхъ ложныхъ оборотовъ, которые такъ обычны среди поклонниковъ буквъ; и на этомъ ложномъ оборотѣ они основывали извращенное построеніе своихъ ложныхъ выводовъ. Христосъ сразу же поправилъ ихъ: „Моисей по жестокосердію вашему *позволяетъ* вамъ разводиться съ женами вашими; а сначала не было такъ“; и затѣмъ, хотя не называя имени, Онъ высказываетъ формальное и безстрашное осужденіе поступка Ирода Антипы — съ такою ясностью, какая только возможна на языкѣ человѣческомъ: „кто разведется съ женою своею не за прелюбодѣянїе и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ; и женившійся на разведенной прелюбодѣйствуетъ“. Поступокъ же Ирода былъ худшимъ примѣромъ обѣихъ формъ прелюбодѣянїя, потому что онъ, будучи женатъ на невинной и неразведенной женѣ, женился на порочной, но тоже еще неразведенной женѣ Ирода Филиппа, своего собственнаго брата и гостепріимнаго хозяина; и притомъ сдѣлалъ это безъ тѣни какой бы то ни было извинительной при-

чины, просто из преступной страсти, хотя періодъ юношескихъ увлеченій какъ въ его жизни, такъ и въ жизни его любовницы уже давно прошелъ.

Еслибы фарисеи теперь же захотѣли воспользоваться этимъ, то могли бы привести Иисуса въ столкновеніе съ Антипой и навлечь на Него судьбу Иоанна; и вмѣстѣ съ тѣмъ могли бы еще больше вооружить противъ Него школы Гиллея и Шаммаи, такъ какъ Онъ обѣ ихъ обличалъ въ заблужденіи, происходившемъ въ школѣ Гиллея отъ недостатка нравственной пронидательности и въ школѣ Шаммаи отъ недостатка точности въ толкованіи; а между тѣмъ, Онъ еще разъ пролилъ потовъ свѣта на трудное мѣсто Моисеева законодательства, показавъ, что само это законодательство условное, а не окончательное, временное, а не вѣчное. То, что іудеи, слѣдуя своему знаменитому Гиллею, считали божественнымъ правомъ, которымъ можно было гордиться, было напротивъ только терпимымъ зломъ, позволительнымъ лишь во внѣшней жизни, но не въ глубинѣ просвѣщенной совѣсти или чистаго сердца, — было въ сущности живымъ доказательствомъ ихъ грубаго и порочнаго состоянія.

Будучи озадачены, смущены, по обыкновенію пристыжены, фарисеи опять увидѣли себя предъ лицомъ безконечно высшей мудрости и безконечно болѣе чудесной пронидательности, чѣмъ какою они обладали сами; поэтому они удалились, чтобы замышлять новыя возни — одинаково злостныя и одинаково безплодныя. Но ничто такъ ясно не показываетъ потребности въ ученіи Христа, какъ то, что даже ученики были смущены и подавлены имъ. Въ тотъ порочный вѣкъ, когда развращеніе было такъ всеобще, когда въ Римѣ бракъ былъ въ такомъ пренебреженіи и настолько вышелъ изъ обыкновенія, что понадобился даже законъ, по которому безбрачные подвергались штрафу, — ученики поняли чистую строгость ученія Спасителя въ томъ смыслѣ, что безбрачіе по нему выше и лучше. Такое мнѣніе они выразили, когда уже были съ Нимъ въ домѣ. Какой роковой ударъ былъ бы нанесенъ счастью міра и нравственности человѣчества, еслибы Христосъ согласился съ ихъ быстрымъ заключеніемъ! Какое чудесное доказательство Его божественности

завлючается въ томъ, что въ то время, какъ нѣтъ такого выдающагося правоучителя даже среди лучшихъ и величайшихъ изъ нихъ, который бы не высказалъ или не одобрилъ хоть одного опаснаго и гибельнаго заблужденія, способнаго отравлять жизнь или сповойствіе народовъ, — все ученіе Господа Иисуса, въ каждомъ словѣ Его, безусловно свято и божественно здраво. Въ своемъ отвѣтѣ Онъ не даетъ какаго-либо особаго предпочтенія безбрачію, что было бы высоко цѣнимо отшельниками и иноками и смущало бы совѣсть милліоновъ, союзъ которыхъ благословенъ небомъ. Все, что Онъ сказалъ, это то, что ихъ заявленіе о нежелательности брака не имѣетъ безусловнаго значенія; что безбрачіе невозможно и нежелательно для всѣхъ, оно только для немногихъ и исключительныхъ личностей. Есть такіе, которые непригодны къ брачной жизни по условіямъ своего рожденія или организаціи; другіе вслѣдствіе безобразныхъ, но въ то время обычныхъ, жестокостей и истязаній въ силу господствовавшаго повсюду рабства; иные наконецъ удалялись отъ всякой мысли о бракѣ для религиозныхъ цѣлей или вслѣдствіе высшихъ потребностей. На обязанности однихъ — жениться и служить Богу въ брачномъ состояніи; на обязанности другихъ можетъ быть — не вступать въ бракъ и служить Богу въ безбрачномъ состояніи. Въ словахъ Христа совсѣмъ нѣтъ той трудности и неясности, которую иные видятъ въ нихъ. Его ученіе находитъ лучшее для себя объясненіе въ VII и IX главахъ перваго посланія къ Коринѣянамъ. Смыслъ его очевидно тотъ, что, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ естественной неспособности къ браку, есть люди (ихъ немного и въ этомъ только немногимъ и приложимо заявленіе учениковъ), которые могутъ держаться убѣжденія, что въ извѣстное время, по особымъ обстоятельствамъ или по требованію исключительныхъ обязанностей, имъ лучше и разумнѣе отказать отъ брака, потому что они получили отъ Бога даръ и благодать воздержанія, способность къ цѣломудренной жизни, происходящую отъ чистаго сердца, возвышеннаго призваніемъ къ особенному служенію.

И затѣмъ въ видѣ трогательнаго и прекраснаго толкованія на это возвышенное ученіе, какъ бы въ доказательство того, что по ученію Христа бракъ честенъ и ложе нескверно, послѣдо-

вала сцена, очаровывавшая воображеніе поэтовъ и живописцевъ всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. Какъ бы съ цѣлю разрушить всѣ ложныя и неестественныя понятія объ исключительной славѣ религіознаго дѣвства, Спаситель, въ числѣ первыхъ дѣйствій котораго при выступленіи на общественное служеніе было благословеніе брачнаго пира, въ концѣ своего служенія захотѣлъ поласкать дѣтей на своихъ рукахъ. Въ Переѣ повидимому знали, что время Его отхода приближалось. Чувствуя быть можетъ внутренній смыслъ только что произнесенныхъ имъ словъ, отцы, матери и друзья приводили въ Нему плоды святаго союза — дѣтей и даже приносили младенцевъ (Мѡ. хіх, 13; Лук. хviii, 15), чтобы Онъ коснулся ихъ и благословилъ. Прежде, чѣмъ Онъ совсѣмъ оставитъ ихъ, они хотѣли торжественно проститься съ Нимъ; они хотѣли получить, такъ сказать, завѣщаніе Его особеннаго благословенія поколѣніямъ грядущимъ. Ученики сочли образъ дѣйствія ихъ докучливымъ и непочтительнымъ. Они не желали, чтобы Учителя ихъ безъ нужды беспокоили праздныя толпы, и имъ непріятно было, что постоянно нарушали ихъ возвышенныя бесѣды съ Нимъ. Они негодовали, что тутъ праздно мѣшалась толпа простыхъ женщинъ и дѣтей, отстраняя быть можетъ болѣе важныхъ личностей съ болѣе важными дѣлами. Въ древности женщины не пользовались такимъ почетомъ и дѣти такой любовью, какъ теперь; ихъ не окружалъ ореолъ любящей нѣжности; напротивъ, слишкомъ часто они находились въ полномъ пренебреженіи и подвергались постыднымъ жестокостямъ. Но Тотъ, кто пришелъ быть другомъ грѣшниковъ, облегчить тягости всѣмъ страждущимъ и больнымъ, пришелъ также возвысить женщину на степень должнаго ей почета, и сталъ покровителемъ и другомъ безпомощнаго младенчества и невиннаго дѣтства. Даже несознательныя малютки должны были войти въ Его церковь посредствомъ таинства крещенія, чтобы сдѣлаться членами Его тѣла и наслѣдниками Его царства. Сдѣланный учениками уворъ Онъ обратилъ на нихъ самихъ. „Пустите дѣтей“, сказалъ Онъ словами, которыя каждый изъ синоптиковъ сохранилъ для насъ во всей ихъ безсмертной нѣжности, — „пустите дѣтей приходить ко Мнѣ, и не возбраняйте имъ; ибо таковыхъ есть царствіе Божіе“. И

ласвая малютокъ, Спаситель возлагалъ на нихъ руки, благословлялъ и затѣмъ еще разъ прибавилъ постоянно нуждающееся въ напоминаніи и потому часто повторявшееся Имъ внушеніе: „Кто не приметъ царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него“ (ср. Марк. ix, 35; Лув. xxi, 26; Матѣ. xx, 26, 27; xxiii, 11).

Когда кончилась эта прекрасная и глубоко назидательная сцена, Онъ, какъ повѣствуетъ ев. Матеей, удалился отсюда, чтобы вѣроятно отправиться въ путь въ другую Виванію, о чемъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ. На пути произошелъ новый случай, который такъ глубоко запечатлѣлся въ душѣ зрителей, что евангелисты передаютъ о немъ въ тройномъ повѣствованіи.

Одинъ весьма богатый молодой человѣкъ, высокаго положенія, вдругъ пришелъ въ печальному убѣжденію, что онъ доселѣ преступно пренебрегалъ драгоценнымъ случаемъ для спасенія своей души и что Тотъ, кто одинъ только и могъ объяснить ему истинное значеніе и тайну жизни, готовъ уже былъ удалиться отъ нихъ. Рѣшившись поэтому не упустить случая, онъ прибѣжалъ съ крайнею поспѣшностью и задыхаясь, такъ что удивилъ всѣхъ присутствующихъ, и, падая въ ногамъ Іисуса, воскликнулъ: „Учитель благій! что сдѣлать мнѣ добраго, чтобы имѣть жизнь вѣчную?“

Если въ этой стремительности и вмѣстѣ смиреніи такого молодого, знатнаго и въ то же время отервеннаго и искренняго человѣка и было нѣчто привлекательное, то въ самомъ вопросѣ его было много отталкивающаго, и Спаситель повидимому отвѣтилъ ему такъ: „зачѣмъ спрашиваешь ты Меня о добромъ? И что ты называешь Меня благимъ? Никто не благъ, какъ только одинъ Богъ“. Онъ не хотѣлъ принимать названія благого также, какъ и названія Мессіи, когда оно давалось въ ложномъ смыслѣ. Онъ не хотѣлъ, чтобы Его считали просто „благимъ Учителемъ“, на степень котораго въ настоящее время стараются Его низвести болѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Христосъ хотѣлъ показать юношѣ, что если только онъ пришелъ къ Нему не какъ къ Тому, кто выше людей, то все его обращеніе и самый вопросъ его—ошибочны. Никто не можетъ положить иного основанія, кромѣ лежащаго, и если знатный юноша совершилъ

ошибку, смотря на Иисуса какъ на раввина необычайной святости, то вѣдь ни одинъ раввинъ, какъ бы ни былъ святъ, не принималъ названія „благого“ и не предписывалъ какихъ-нибудь чаръ для сохраненія добродѣтельной жизни. И въ томъ же самомъ духѣ Онъ прибавилъ: „Если хочешь войти въ жизнь вѣчную, соблюди заповѣди“.

Юноша не ожидалъ столь очевиднаго и простаго отвѣта. Онъ не можетъ представить себѣ, что ему указываютъ просто на десятословіе, и потому удивленно спрашиваетъ: какія же заповѣди? Такъ какъ юноша дѣйствительно хотѣлъ сдѣлать что-нибудь доброе, то Иисусъ просто перечислилъ ему заповѣди второй скрижали, потому что, какъ вѣрно замѣчено, „Христосъ отсылаетъ гордыхъ къ закону, и смиренныхъ призываетъ къ Евангелію“. „Учитель, въ удивленіи отвѣчалъ юноша, все это сохранилъ я отъ юности моей“. По буквѣ онъ быть можетъ и сохранилъ все это, какъ сохраняютъ и миллионы другихъ, но онъ очевидно мало зналъ о томъ, какъ истолковывались эти заповѣди Христомъ. „Иисусъ, взглянувъ на него, полюбилъ его“ (Марк. х, 21), и подвергъ его испытанію, которое сразу показало его дѣйствительное состояніе. Онъ видимо не удовлетворялся обыденнымъ и стремился къ какому-нибудь особенному подвигу, или, вѣрнѣе, думалъ, что стремился. Поэтому Иисусъ предложилъ ему совершить геройское дѣло. „Одно тебѣ недостаетъ“, сказалъ Онъ, и велѣлъ ему идти, продать все свое имѣніе, раздать нищимъ и слѣдовать за Нимъ.

Этого было для него слишкомъ много. Юноша отошелъ печальный, съ грустью въ сердцѣ и мрачною тѣнью на лицѣ, потому что онъ былъ очень богатъ. Онъ предпочелъ удобства земныя сокровищамъ небеснымъ, и не захотѣлъ купить вѣчныхъ благъ оставленіемъ временныхъ; онъ далъ, какъ говоритъ Данте, „великій отказъ“. И съ этимъ онъ исчезаетъ изъ евангельской исторіи; евангелисты больше ничего не знаютъ о немъ. Но суровая и мрачная фантазія поэта слѣдуетъ за нимъ и дальше, и тамъ, среди мириадъ тѣхъ, которые за предѣлами внѣшняго міра разсыяны подобно осеннимъ листьямъ, отвергнуты небомъ, презираемы даже адомъ, ненавистны какъ Богу, такъ и врагамъ Его, онъ видитъ

И гнѣвъ того, кто малодушно
Великій далъ отказъ.

Мы можемъ, даже почти должны надѣяться и вѣровать, что лучшая конечная доля постигла того, кого съ перваго взгляда полюбилъ Христосъ. Но неудача юноши, не выдержавшаго испытанія, опечалила Спасителя, и посмотрѣвъ вокругъ на учениковъ своихъ, Онъ сказалъ: „Какъ трудно имѣющимъ богатство войти въ царствіе Божіе!“ Слова эти также показались имъ весьма суровыми. Неужели же добрый человѣкъ не можетъ быть богатымъ, и богатый не можетъ быть добрымъ? Но на это Христосъ отвѣчалъ только—смягчая грусть и суровость своихъ словъ нѣжнымъ обращеніемъ „дѣти“: „Дѣти, какъ трудно войти въ царствіе Божіе“; трудно для *всякаго*, но, прибавилъ Онъ, пристально смотря на своихъ учениковъ и особенно, какъ видно изъ посланія къ Евреямъ, обращаясь къ Петру, „удобнѣ верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти въ царствіе Божіе“ *). Ученики чрезвычайно изумились. Неужели же не было никакой надежды и для Ниводима, для Іосифа Аримаѣйскаго? Конечно была. Ученіе Христа о богатствѣ было такъ же чуждо евіонитства, какъ и ученіе о брацѣ было чуждо ессейства. Невозможное для природы возможно для благодати; невозможное человѣку возможно Богу.

Тогда, съ отгнѣнкомъ ли самоудовлетворенія или отчаянія, Петръ сказалъ: „вотъ мы оставили все и послѣдовали за Тобою“, и что же мы выиграемъ этимъ, какъ бы прибавилъ онъ или выразилъ тономъ. Отвѣтъ Іисуса Христа былъ въ одно и то же время великимъ одобреніемъ и торжественнымъ предостереженіемъ. Одобрение состояло въ томъ, что нѣтъ такого самопожертвованія, которое даже въ этомъ мірѣ и даже среди гоненій не получило бы сторицею въ жатвѣ духовныхъ благъ, и въ будущемъ мірѣ будетъ награждено безконечнымъ возмездіемъ

*) Это трудное мѣсто подвергалось многочисленнымъ толкованіямъ, и нѣкоторые даже измѣняли самое слово „верблюдъ“ въ *kámilon* „канать“; но правильность этого измѣненія доказывается другими подобными поговорками, встрѣчаемыми въ Талмудѣ (въ родѣ—слонъ и игольное ушко). По одному объясненію „игольнымъ ушкомъ“ назывались боковые городскія ворота, черезъ которыя съ трудомъ проходили навьюченные верблюды. Это объясненіе гораздо правдоподобнѣе, но нуждается въ подтвержденіи.

вѣчной жизни; предостереженіе состояло уже въ знакомомъ имъ замѣчаніи, слышанномъ раньше, что первые будутъ послѣдними и послѣдніе первыми. И чтобы еще полнѣе и глубже напечатлѣть въ нихъ мысль, что царство Божіе не можетъ быть предметомъ торгашества и мелочного разсчета, что съ небеснымъ Домовладыкой нельзя торговаться, что предъ болѣе яснымъ и проникающимъ судомъ Божиимъ язычники могутъ быть допущены прежде іудеевъ, мытари прежде фарисеевъ и юные обращенцы прежде престарѣлыхъ апостоловъ, Онъ сказалъ имъ знаменитую притчу о работникахъ въ виноградникѣ. Притча эта, вмѣстѣ съ другими наставленіями, заключала въ себѣ истину, что хотя всѣ служащіе Богу не будутъ лишены своей справедливой, полной и богатой награды, но на небѣ не можетъ уже быть ни ропота, ни зависти, ни завистливаго сравненія своихъ заслугъ съ другими, ни низкой борьбы за первенство и преимущество, ни жалкихъ споровъ о томъ, кто совершилъ больше всѣхъ службы или кто получилъ меньше всѣхъ благодати.

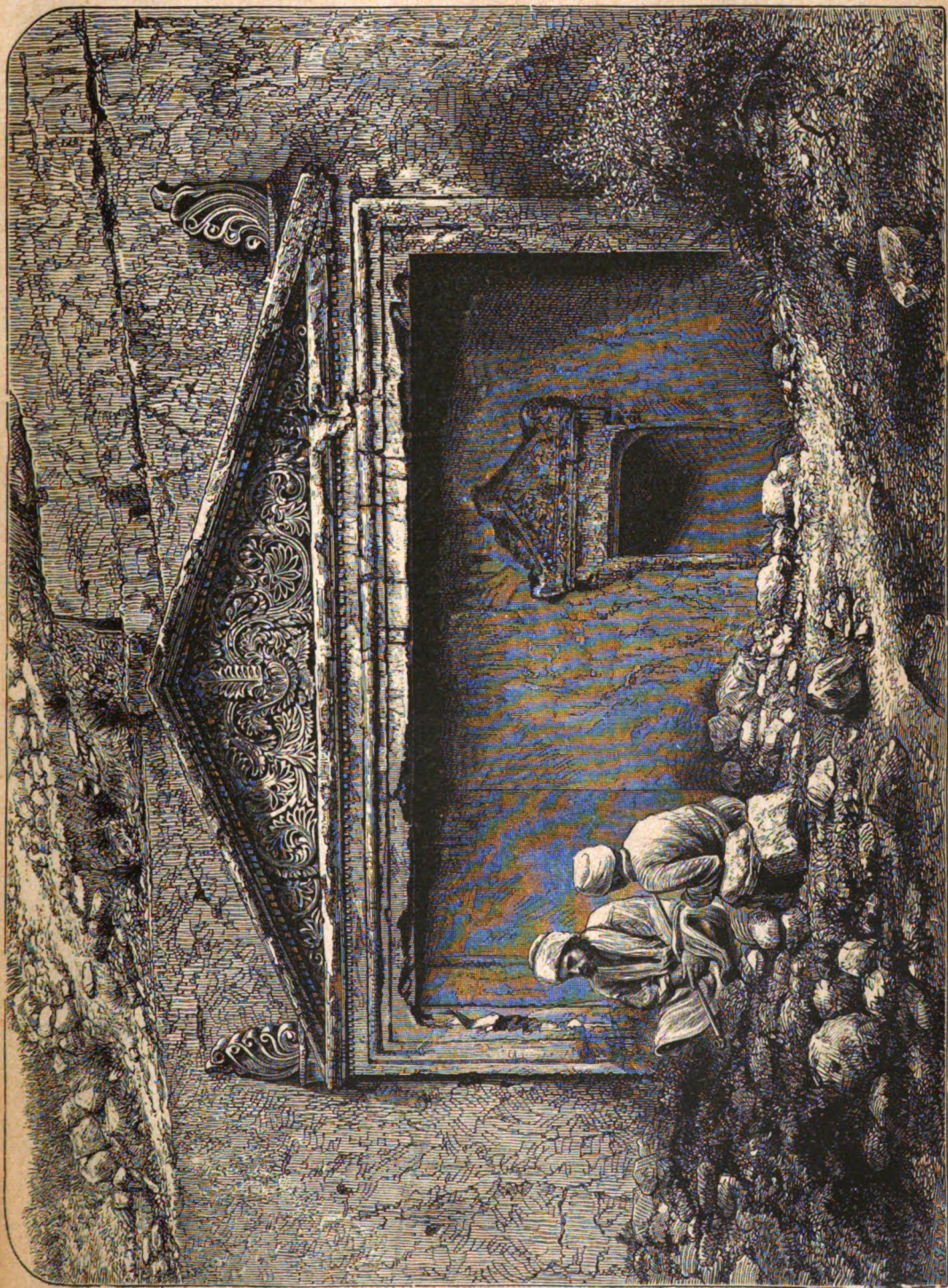
ГЛАВА XLVII.

ВОСКРЕШЕНІЕ ЛАЗАРЯ.

Имѣю ключи отъ ада и смерти. Откр. 1, 18.

ПРОЩАЛЬНЫЯ эти бесѣды и поученія вѣроятно относятся въ двумъ послѣдующимъ днямъ, когда Іисусъ Христосъ, оставаясь еще въ Виваніи перейской, получилъ изъ другой Виваніи, гдѣ Онъ такъ часто находилъ себѣ кровь, печальное извѣстіе, что „тотъ, кого Онъ любилъ, былъ боленъ“ (Іоан. xi, 1 — 46). Лазарь былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ личныхъ друзей Христа, какіе только были у Него внѣ круга апостоловъ, и нарочитое извѣщеніе очевидно выражало просьбу, чтобы Тотъ, въ присутствіи котораго, какъ мы знаемъ, никогда смерть не торжествовала своей побѣды, прибылъ поскорѣе.

Но Христосъ не пошелъ. Занятый своими важными дѣлами, Онъ послалъ только извѣстіе, что „эта болѣзнь не къ смерти,

Ръзная гробница въ Иерусалимъ.

၈

а къ славѣ Божіей“, и пробыль еще два дня въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился. Только уже по прошествіи ихъ Онъ сказалъ своимъ ученикамъ: „пойдемъ опять въ Іудею“. Ученики напомнили Ему, какъ недавно еще іудеи хотѣли побить Его камнями, и спрашивали, какъ же Онъ опять хочетъ идти туда; но Онъ отвѣчалъ, что въ теченіе двѣнадцати часовъ своего трудового дня Онъ можетъ ходить безопасно, потому что свѣтъ Его долга, составлявшаго волю Отца небеснаго, предохранялъ Его отъ опасности. И затѣмъ Онъ сказалъ имъ, что Лазарь уснулъ, и что Онъ идетъ теперь пробудить его. Трое по крайней мѣрѣ изъ нихъ должны были помнить, какъ при другомъ извѣстномъ случаѣ Спаситель говорилъ о смерти, какъ снѣ; но или это говорили не они, а другіе, или же были слишкомъ несообразительны, чтобы вспомнить объ этомъ. Такъ какъ они поняли Его слова въ смыслѣ простаго естественнаго сна, то Онъ долженъ былъ прямо сказать имъ, что Лазарь умеръ и что Онъ радовался этому ради нихъ, чтобы они увѣровали, потому что теперь Онъ идетъ воскресить его къ жизни. „Пойдемъ и мы, сказалъ чувствительный, но всегда сумрачно-настроенный Фома, умремъ съ нимъ“, какъ бы говоря этимъ: все это предпріятіе бесполезно и опасно, а все-таки пойдемъ.

Отправившись въ путь раннимъ утромъ, Христосъ легко могъ пройти раздѣлявшее Его разстояніе—около сорока трехъ верстъ—до захода солнца. Но по прибытіи Онъ остановился внѣ селенія. Близость его къ Іерусалиму, отъ котораго оно отстоитъ всего на три съ половиной версты, и выдающееся богатство и знатность семейства привлекли много знатныхъ іудеевъ, прибывшихъ утѣшить осиротѣвшихъ сестеръ и погоревать съ ними; а среди такихъ рѣшительныхъ враговъ очевидно нужно было дѣйствовать съ предосторожностями. Но между тѣмъ, какъ Марія, вѣрная своей созерцательной и любящей уединеніе натурѣ, сидѣла дома, не зная о приближеніи Спасителя, болѣе дѣятельная Марѳа уже узнала, что Онъ находится тутъ и немедленно отправилась на-встрѣчу въ Нему. Лазарь умеръ въ тотъ самый день, когда Іисусъ получилъ извѣстіе о его болѣзни; два дня еще послѣ этого Онъ провелъ въ Переѣ, четвертый день прошелъ въ путешествіи. Марѳа не могла понять этой печальной медлитель-

ности. „Господи, сказала она съ тономъ легкаго упрека, еслибы Ты былъ здѣсь, не умеръ бы братъ мой“, но и теперь она по-видимому питала неясную надежду, что Онъ можетъ какимъ-нибудь образомъ облегчить тяжесть ихъ горя. Послѣдовавшія въ отвѣтъ на это немногія слова имѣютъ необычайную важность, такъ какъ заключаютъ въ себѣ провозглашеніе Христомъ того, что доставило утѣшеніе не только Марѣѣ, но и милліонамъ послѣдующихъ поколѣній, и милліонамъ, имѣющимъ явиться до скончанія міра:

„Воскреснетъ братъ твой“.

Марѣа очевидно не могла и вообразить себѣ, чтобы братъ ея теперь же могъ пробудиться отъ сна смерти, и потому отвѣтила только: „Знаю: что воскреснетъ въ воскресеніе, въ послѣдній день“.

Исусъ сказалъ ей: „Я есмь воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ. И всякій живущій и вѣрующій въ Меня, не умретъ во вѣкъ. Вѣришь ли сему?“

Не уму Марѣы конечно было различать въ этомъ глубокомъ изреченіи, что въ немъ относилось къ тѣлесной и что къ духовной смерти; но не останавливаясь на изслѣдованіи глубины его, она своею вѣрующей любовью быстро нашла отвѣтъ: „Такъ, Господи, я вѣрую, что ты Христосъ, Сынъ Божій, грядущій въ міръ“.

Выразивъ это великое исповѣданіе, она тотчасъ отправилась за своей сестрой, о которой уже спрашивалъ Христосъ и сердце которой, какъ невольно сознавала Марѣа, было болѣе способно къ усвоенію такихъ возвышенныхъ истинъ. Она нашла Марію дома, и та таинственность, съ которою она передала ей извѣстіе, и вмѣстѣ та безмолвная поспѣшность, съ которою Марія встала и пошла встрѣтить своего Господа, показываютъ, что предосторожность была необходима, и что посѣщеніе Исуса не было свободно отъ опасности. Іудеи, которые утѣшали ее и которыхъ она такъ неожиданно оставила, пошли за ней, думая, что она отправилась къ гробу оплакивать брата; но они скоро увидѣли дѣйствительную цѣль ея ухода. За предѣлами селенія они нашли Христа, окруженнаго учениками, и Марія устремилась къ Нему и пала къ ногамъ Его съ тѣмъ же мучительнымъ

упрекомъ, какою выразила и сестра ея: „Господи, еслибы Ты былъ здѣсь, не умеръ бы братъ мой“. Она была такъ взволнована и такъ потрясена горемъ, что только и могла сказать эти немногія слова. Быть можетъ, ея любовь къ умершему брату была слишкомъ глубока, чтобы предаваться пылкимъ надеждамъ своей сестры, или быть можетъ она съ смиреннымъ благоговѣніемъ хотѣла все предоставить Спасителю. Видъ всей этой любви и горя, жалкое зрѣлище человѣческаго лишенія, крайняя бесплодность въ это время всякаго человѣческаго утѣшенія, рѣзкое смѣшеніе наемнаго и притворнаго плача со всѣмъ этимъ дѣйствительнымъ страданіемъ, невысказанный упрекъ: „О, почему же Ты не пришелъ сразу и не вырвалъ жертвы у врага и не спасъ Твоего друга отъ жала смерти, а насъ отъ еще болѣе остраго жала вѣчной разлуки?“ — все это тронуло нѣжную, сострадательную душу Иисуса. Потребовалось необычайное усиліе самообладанія,—усиліе, потрясшее все Его существо, прежде чѣмъ Онъ могъ говорить, и потомъ Онъ былъ только въ силахъ спросить: „Гдѣ вы положили его?“—„Господи, иди и посмотри“, отвѣтили Ему. Когда Онъ слѣдовалъ за ними, изъ очей Его текли безмолвныя слезы. Эти слезы не остались незамѣченными, и между тѣмъ, какъ нѣкоторые іудеи съ почтительнымъ сочувствіемъ увидѣли въ нихъ доказательство Его любви къ покойному, другіе спрашивали съ сомнѣніемъ и почти съ насмѣшкой: не могъ ли отверзшій очи слѣпому сдѣлать, чтобы и другъ Его не умеръ? Они не слышали, какъ Онъ въ отдаленномъ городѣ Галилеи воскресилъ мертваго, но знали, что въ Иерусалимѣ Онъ отерылъ глаза слѣпорожденному, и это представлялось имъ не менѣ поразительнымъ чудомъ. Но Иисусъ зналъ и слышалъ ихъ толки, и еще разъ все это зрѣлище — дѣйствительная скорбь, наемныя плакальщицы, неутешимая ненависть, — все это собравшееся вокругъ страшнаго дѣла смерти такъ потрясло Его духъ, что, несмотря на предстоявшее воскресеніе мертвеца, Онъ еще разъ былъ увлеченъ бурей скорбнаго чувства. Гробница Лазаря, подобно большинству гробницъ богатыхъ іудеевъ, представляла собою выемъ, продольно высѣченный въ скалѣ и закрытый при входѣ плитой или массой камней. Иисусъ велѣлъ отнять этотъ *золаз*, какъ назывался пригробный камень. Но

Марѳа частью вслѣдствіе своего убѣжденія, что душа уже совсѣмъ оставила соприсутствіе съ тлѣющимъ тѣломъ, частью опасаясь вслѣдствіе своей естественной деликатности возможности оттапливающего зрѣлища, которое открылось бы съ удаленіемъ камня, возразила противъ этого. Въ томъ жаркомъ климатѣ погребеніе по необходимости совершается немедленно послѣ смерти, а такъ какъ теперь уже былъ вечеръ четвертаго дня со времени смерти Лазаря, то было полное основаніе думать, что наступило уже разложеніе. Но Христосъ торжественно напомнилъ ей о своемъ обѣщаніи, и камень былъ отваленъ отъ пещеры, гдѣ лежалъ умершій. Спаситель остановился при входѣ, а всѣ другіе невольно отшатнулись назадъ, устремивъ свои взоры на эту мрачную и безмолвную пещеру. Всѣ притаили дыханіе, когда Иисусъ возвелъ очи свои къ небу и благодарилъ Бога за предстоящее услышаніе Его молитвы. И затѣмъ, возвысивъ свой голосъ до потрясающей и повелительной властности въ сильныхъ краткихъ словахъ, обычныхъ у Него при всѣхъ подобныхъ случаяхъ, Онъ воскликнулъ: „Лазарь, иди вонъ!“ Слова эти громомъ пронеслись по непроницаемо-таинственной области, отдѣляющей насъ отъ будущаго міра; и едва прозвучали они, какъ изъ скалистой гробницы, подобно привидѣнію, вышла фигура, окутанная бѣлыми погребальными пеленами, съ платкомъ на головѣ, уже четвертый день покоившаяся сномъ смерти, со связанными руками и ногами; но лицо привидѣнія не было ни мертвенно-багровымъ, ни ужаснымъ: вся фигура дышала жизнью, и юная здоровая кровь текла въ жилахъ воскресеннаго Лазаря, который, какъ сообщаетъ преданіе, еще жилъ послѣ того тридцать лѣтъ жизнью любви и мира.

Остановимся нѣсколько на вопросѣ, который довольно естественно возникаетъ при изложеніи этого событія: почему первые три евангелиста (синоптики) совершенно умалчиваютъ объ этомъ великомъ чудѣ? Вполнѣ рассмотреть этотъ предметъ значило бы написать длинное изслѣдованіе о составѣ евангелій, но и тогда не было бы возможности придти къ окончательному объясненію этого очевиднаго затрудненія. Евангелія по самой своей сущности завѣдомо отрывочны, и можно съ достовѣрностью полагать, что первые три евангелія были заимствованы

главнымъ образомъ изъ общаго устнаго прѣданія или основаны на одномъ-двухъ первоначальныхъ документахъ, которые были отрывочны сами по себѣ (Лук. 1, 1). Синоптики почти вполнѣ ограничиваются исторіей служенія въ Галилеѣ, Иоаннъ исторіей служенія Христа въ Иудеѣ, хотя синоптики ясно предполагаютъ и имѣютъ въ виду служеніе въ Иерусалимѣ, а Иоаннъ служеніе въ Галилеѣ. Ни одинъ изъ четырехъ евангелистовъ не имѣетъ въ виду дать полнаго, исчерпывающаго весь предметъ повѣствованія или даже только перечислить всѣ притчи, бесѣды и чудеса І. Христа; и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ своею цѣлью написать полную исторію Его служенія въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ Его общественной жизни. Каждый изъ нихъ рассказываетъ событія, которыя ближе всего подходятъ въ его цѣли и лучше всего извѣстны были ему, по личному ли присутствію при нихъ, или по отдѣльнымъ записямъ и устному преданію, и каждый изъ нихъ сообщаетъ достаточно для того, чтобы показать, что Іисусъ есть Христосъ, Сынъ Бога живаго, Спаситель міра. Такъ какъ воскрешеніе Лазаря могло показаться имъ не большимъ проявленіемъ чудодѣйственной силы, чѣмъ это было въ другихъ рассказанныхъ уже случаяхъ (Іоан. хі, 37); такъ какъ вообще весьма трудно измѣрять сравнительное величье чудесъ и такъ какъ это чудо совершилось въ предѣлахъ Иудеи, то опущеніе въ ихъ повѣствованіи этого чуда представляется не болѣе необъяснимымъ, чѣмъ и то, что они опустили чудо исцѣленія расслабленнаго при купели Вивеэда или открытія глазъ слѣпорожденному. Но кромѣ этого мы замѣчаемъ у синоптиковъ вообще особенную сдержанность по отношенію вивеэдскаго семейства. Домъ, въ которомъ Спаситель и апостолы пользуются такимъ радушнымъ гостепріимствомъ, называется у нихъ просто „домомъ Симона проваженнаго“; Марія называется у евр. Маттея и Марка просто „женщиной“ (Мѣ. ххvi, 6, 7; Марк. хiv, 3); и ев. Лука ограничивается названіемъ Вивеэди „однимъ селеніемъ“ (х, 38), хотя ему вполнѣ было извѣстно ея собственное названіе (хix, 29). Поэтому вполнѣ правдоподобно предположеніе, что когда впервые явилось евангеліе Маттея и когда собирались матеріалы, которымъ воспользовались двое другихъ синоптиковъ, навѣрно были особыя причины для умолчанія

объ этомъ чудѣ: оно могло бы поставить въ опасное положеніе человѣка, бывшаго живымъ свидѣтелемъ чудодѣйственной силы Христа, такъ какъ іудеи постарались бы во что бы то ни стало отдѣлаться отъ такого непріятнаго для нихъ свидѣтеля (Іоан. XII, 10). Но даже еслибы современемъ и миновала эта собственно опасность, то для спокойнаго вианскаго семейства было бы крайне непріятно сдѣлаться предметомъ назойливаго и кощунственнаго любопытства и подвергаться разспросамъ о такихъ вещахъ, которыхъ никогда еще никто не отрывалъ. Такимъ образомъ, были причины, которыя „запечатлѣли уста“ первыхъ трехъ евангелистовъ,—но эти причины давно уже перестали существовать въ тому времени, когда впервые увидѣло свѣтъ евангеліе Іоанна, который поэтому и счелъ возможнымъ разсказать объ этомъ великомъ чудѣ.

„Если Моисея и пророковъ не слушаютъ, былъ отвѣтъ Аврааму богачу въ притчѣ, то еслибы кто изъ мертвыхъ воскресъ (хоть бы именно Лазарь), не повѣрятъ“. Такъ именно и было. Многіе изъ очевидцевъ этого чуда увѣровали во Христа, но были между ними и такіе, которые просто съ негодованіемъ и тревогой пошли разсказать о Немъ синедріону въ Іерусалимѣ.

Синедріонъ собрался въ духѣ ненависти и смущенія (Іоан. XI, 47—54). Онъ не могъ отрицать чуда, но не хотѣлъ и вѣровать въ Того, кто совершилъ его. Онъ опасался возрастающаго вліянія Иисуса и возможности, что Онъ воспользуется этимъ вліяніемъ, чтобы провозгласить себя царемъ, и такимъ образомъ все дѣло можетъ окончиться римскимъ вмѣшательствомъ и уничтоженіемъ ихъ политическаго бытія. Когда члены синедріона безсильно неистовствовали въ бесплодныхъ разсужденіяхъ, къ нимъ обратился съ рѣчью Іосифъ Каіафа. Онъ былъ официальнымъ первосвященникомъ народа и занималъ эту должность въ теченіе одиннадцати лѣтъ съ 25 г. по Р. Х., когда Валерій Гратъ опредѣлилъ его на нее, до 36, когда низвергъ его Вителлій. Значительная часть почестей, связанныхъ съ его положеніемъ, правда, оставалась за Ананомъ, Анной или, какъ онъ собственно назывался по-іудейски, Хананомъ, который былъ лишенъ первосвященства просто римскою властью, но (какъ увидимъ впо-

слѣдствіи) все еще быть можетъ оставался *наси* или *саганомъ* (предсѣдателемъ) и во всякомъ случаѣ со стороны строгихъ іудеевъ считался дѣйствительнымъ первосвященникомъ. Формально однако же въ это время первосвященникомъ былъ именно Каіафа. Поэтому за нимъ признавался тотъ даръ пророчества, который, по сохранявшемуся вѣрованію, еще обиталъ въ преемникахъ и потомкахъ Аарона и послѣ того, какъ исчезли уже видѣнія, Уримъ, знаменія, пророки и *Бат-коль*, бывшіе на различныхъ ступеняхъ обычными средствами сообщенія воли Божіей. И такимъ образомъ, когда всталъ Каіафа и, съ безстыдною отвращенностью выражая свою возмутительно себялюбивую и коварную политику, надменно говорилъ синедріону, что всѣ доселѣ сдѣланныя предложенія недѣйствительны и бессмысленны, что нужно сдѣлать только одно—пожертвовать однимъ человѣкомъ (невиннымъ или преступнымъ—онъ этого не касался) за весь народъ, даже, какъ прибавляетъ ев. Іоаннъ, не только за народъ, но и за разсѣянныхъ по всему міру чадъ Божіихъ,—то синедріонъ тотчасъ же принялъ этотъ голосъ несознательнаго пророчества. Принявъ же его, члены синедріона переполнили чашу своего беззаконія и совершили преступленіе, навлекшее на ихъ голову то именно бѣдствіе, которое они хотѣли предотвратить имъ. Это именно принесеніе Молоху болѣе чѣмъ человѣческой жертвы и осудило ихъ, какъ и во время Манассіи, на второе, болѣе ужасное и болѣе продолжительное истребленіе. Конечно между ними были лица, которыя не были на этой „горѣ злаго совѣта“ (какъ и доселѣ называется то мѣсто, гдѣ, по преданію, находился домъ Каіафы, въ которомъ состоялось это совѣщаніе), или по крайней мѣрѣ не дали на него своего согласія; но съ этого дня уже получилъ свою силу тайный приговоръ, что Іисусъ долженъ быть преданъ смерти. Отселѣ Онъ жилъ подъ смертнымъ приговоромъ, который уже висѣлъ теперь надъ Его головой.

Приговоръ этотъ былъ тайный, но онъ быстро сталъ извѣстенъ всѣмъ. Христосъ также зналъ о немъ, и на немногія послѣднія недѣли своей жизни, до наступленія Пасхи, во время которой Онъ хотѣлъ положить свою жизнь, тайно удалился въ малоизвѣстный городъ, близъ пустыни, называемой Ефраймъ. Тамъ, въ полной безопасности отъ всѣхъ замысловъ и козней своихъ смер-

тельныхъ враговъ, Онъ спокойно и счастливо провелъ послѣднія недѣли жизни, окруженный только своими учениками, которыхъ Онъ въ этомъ мирномъ уединеніи подготавливалъ къ великому дѣлу—труда на зрѣющей жатвѣ міра. Никто или только немногіе, кромѣ вѣрныхъ учениковъ, знали о мѣстѣ Его нахождения; поэтому фарисеи, найдя невозможнымъ долѣе скрывать своего намѣренія, издали приказаніе, что всякій, кто узнаетъ, гдѣ Онъ, долженъ дать знать о томъ, чтобы взять Его, если нужно даже силою, для приведенія въ исполненіе рѣшенія, въ которому пришелъ синедрионъ. Но приказаніе пока не имѣло силы.

Сколько времени продолжалось это вызванное опасностью удаленіе, объ этомъ ничего и не сообщается, равно какъ и вообще ничего неизвѣстно о событіяхъ этого времени. Если рѣшеніе, въ которому пришелъ синедрионъ въ домѣ Каиафы, считалось формальнымъ приговоромъ смерти, то вѣроятно эти мелочные законники должны были дать сорокъ дней сроку на присканіе свидѣтелей въ пользу обвиняемаго. Но вѣроятно же всего, что замышлявшееся убіеніе Христа предполагалось совершить какимъ-нибудь болѣе тайнымъ способомъ, имѣлось въ виду скорѣе умертвить Его насильственно, чѣмъ формально предавать законному суду.

ГЛАВА XLVIII.

ІЕРИХОНЪ И ВИΘΑΝІА.

Три могучихъ слова гѣ —
 Ἰησοῦ ἐλέησόν με,
 Θάρσει, ἔγειραι, φωνεῖ σε,
 Ἡ πίστις σου σέσωχέν σε *).

ЛОНГФЕЛЛО.

ГѢ остроконечной вершины Ефраима Иисусъ могъ видѣть партіи поклонниковъ, которые съ приближеніемъ Пасхи потянулись внизъ по іорданской долинѣ по направленію къ Іерусалиму для очищенія себя отъ всякой скверны передъ началомъ великаго праздника. Пришло и для Него время оставить мѣсто своего уединеннаго пребыванія, и Онъ спустился отъ Ефраима на большую дорогу, чтобы присоединиться къ большому каравану галилейскихъ поклонниковъ (Матѣ. xx, 17 — 19; Марк. x, 32—34; Лук. xviii, 31—34).

Когда Онъ совсѣмъ покинулъ маленькій городокъ и отправился въ путешествіе, имѣвшее своею конечною цѣлью Іерусалимъ, пророческая торжественность и возвышенность души, борющейся съ естественной немощью плоти, ужасавшейся великой жертвы, переполняла все Его существо и придавала особое и необычайное величіе каждому Его движенію и взгляду. Это было преображеніе самопожертвованія и, подобно прежнему преображенію славы, наполняло видѣвшихъ Его изумленіемъ и страхомъ, котораго они не могли объяснить себѣ. Въ Евангеліи немного картинъ болѣе поразительныхъ, чѣмъ та, которая изображаетъ Христа идущимъ на смерть: самъ Онъ одиноко спускался по тропинкѣ въ глубокую долину, а за Нимъ въ трепетномъ благоговѣніи, съ смѣшаннымъ чувствомъ страха и надежды, устремивъ глаза на Того, который впереди шелъ съ пониженой головой во всемъ величій скорби — шли ученики и не смѣли прервать Его размышленій. Наконецъ Онъ остано-

*) Иисусе, помилуй меня;
 Не бойся, вставай, Онъ зоветъ тебя;
 Вѣра твоя спасла тебя.

видся и подозвалъ ихъ къ себѣ, и тогда еще разъ, именно въ третій разъ, съ болѣе полными, болѣе ясными, болѣе поразительными и ужасными подробностями, чѣмъ когда либо прежде, говорилъ имъ, что Онъ будетъ преданъ первосвященникамъ и книжникамъ, и осудятъ Его на смерть и предадутъ язычникамъ; язычники поругаются надъ Нимъ и будутъ бить Его и—теперь въ первый разъ Онъ ясно открылъ имъ завершающій ужасъ, что Онъ будетъ *распятъ*, но на третій день воскреснетъ. Но ихъ умы все еще переполнены были мессіанскими надеждами; они такъ были предзаняты мыслью о предстоявшемъ наступленіи царства Божія во всемъ его величіи, что предсказаніе это, какъ вѣтеръ, пронеслось мимо ихъ; они не поняли и не хотѣли понять его.

Ничто такъ поразительно не доказываетъ ихъ неспособности усвоить значеніе того, что говорилъ имъ Христосъ, какъ то, что немного спустя и именно во время этого самаго пути со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ заявлена была крайне неблаговременная и изумительно себялюбивая просьба, о которой вслѣдъ затѣмъ передаютъ евангелисты (Матѣ. xx, 20 — 28; Марк. x, 35 — 45; Лук. xviii, 32 — 34). Саломія, одна изъ постоянныхъ спутницъ Христа, съ своими двумя сыновьями, Іаковомъ и Іоанномъ, бывшими изъ числа самыхъ приближенныхъ апостоловъ, подошла къ Иисусу и съ скрытнымъ и таинственнымъ видомъ кланялась Ему, прося обѣщать имъ особенную милость. Онъ спросилъ, чего они желаютъ; и тогда мать, говоря за своихъ пылкихъ и честолюбивыхъ сыновей, просила, чтобы въ царствѣ своемъ Онъ посадилъ одного изъ нихъ по правую руку и другого по лѣвую. Христосъ кротко отнесся къ такому ихъ себялюбію и заблужденію. Они по слѣпотѣ своей просили о положеніи, которое лишь нѣсколько дней спустя, какъ они должны были увидѣть, занято было въ позорѣ и мученіи двумя распятыми разбойниками. Воображеніе ихъ рисовало предъ ними двѣнадцать престоловъ, а Онъ говорилъ имъ о трехъ крестахъ. Они мечтали о земныхъ коронахъ, а Онъ говорилъ имъ о чашѣ горечи и о крещеніи кровью. Могли ли они пить съ Нимъ эту чашу, или креститься этимъ крещеніемъ? Быть можетъ, болѣе понимая теперь значеніе Его словъ, они смѣло отвѣчали: „мо-

жемъ“; и тогда Онъ сказалъ имъ, что имъ дѣйствительно придется оправдать слова свои, но что сидѣть по правую и по лѣвую сторону Его предоставлено будетъ тѣмъ, кому уготовано Отцомъ небеснымъ. Престоль, говоритъ Василій Великій, есть „вознагражденіе за трудъ, а не милость, даваемая честолюбію; награда праведности, а не уступка домогательству“.

Остальные десять учениковъ естественно вознегодовали, когда узнали объ этой скрытной попыткѣ двоихъ братьевъ обезпечить за собою преимущество чести; они конечно не знали, что, насколько дѣло касалось земли (а о земномъ только они и помышляли), это первенство чести для одного должно было стать первенствомъ въ мученичествѣ, а для другаго — въ продолжительности страданія (Дѣян. хп, 2; Откр. 1, 9). Все это будетъ открыто имъ въ свое время, но даже и теперь Іисусъ, подозревая ихъ всѣхъ вмѣстѣ, поучалъ ихъ, какъ часто поучалъ и прежде (Матѣ. хvii, 4; ххп, 11), что высшая честь пріобрѣтается высшимъ смиреніемъ. Призрачныя власти земли представляютъ собою лишь тѣнь короткаго господства надъ собратьями; имъ естественно пользоваться этимъ господствомъ съ надменностью и угнетеніемъ; въ царствѣ же небесномъ господинъ всѣхъ долженъ быть рабомъ для всѣхъ, подобно тому какъ даже и высочайшій Господь провелъ свою жизнь въ униженномъ служеніи и готовъ былъ отдать ее въ искупленіе многихъ.

По мѣрѣ того, какъ они подходили въ Іерихону, по палящему и безлѣсному Эль-Гору, толпа сопутствующихъ поклонниковъ становилась все больше и больше около Него. Въ четвергъ вечеромъ 7 нисана, или въ пятницу утромъ 8 нисана, они прибыли въ окрестности этого знаменитаго города, города благоуханій, города розъ, города пальмъ, „рая Божія“. Теперь это жалкая разоренная арабская деревня, но тогда онъ былъ богатымъ и многлюднымъ городомъ, стоявшимъ на богатомъ растительностью и цвѣтущемъ оазисѣ (Сирах. ххiv, 14), изобиловавшемъ медомъ, медовыми растеніями и миррой, въ избыткѣ орошавшемся источникомъ Елисея и другими многоводными родниками. Неподалеку отъ города сидѣлъ слѣпецъ Вартимей, сынъ Тимея, просившій милостыню вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ по несчастью. Услышавъ шумъ проходящаго народа и узнавъ, что

туть проходить Иисусъ Назарянинъ, они начали кричать: „Помилуй насъ, Господи, сынъ Давидовъ!“ Народъ хотѣлъ заставить ихъ замолчать, считая этотъ громкій крикъ непристойнымъ въ присутствіи Того, который долженъ былъ войти въ Іерусалимъ, какъ Мессія своего народа. Но Христосъ услышалъ ихъ вопль и Его сострадательное сердце тронулось имъ. Онъ остановился и велѣлъ подзвать ихъ въ себѣ. Тогда народъ перемѣняетъ свой тонъ и говоритъ Вартимею (настолько выдающемуся во всемъ этомъ повѣствованіи, что двое изъ синоптиковъ совсѣмъ и не упоминають о его товарищѣ): „Не бойся, вставай, зоветь тебя“. Въ порывѣ радости онъ поспѣшно сбросилъ свою аббу, вскочилъ и подошелъ къ Иисусу. „Чего ты хочешь отъ Меня?“ спросилъ Спаситель. „Раввуні“, отвѣчалъ тотъ, давая Иисусу самый почетный титулъ, каковой, только былъ извѣстенъ ему, „чтобы мнѣ прозрѣть“. „Прозри, сказалъ Иисусъ, вѣра твоя спасла тебя“. Онъ прикоснулся къ глазамъ ихъ, и тотчасъ прозрѣли глаза ихъ и они пошли за Нимъ, слава Бога.

Въ Іерихонѣ нужно было отдохнуть, прежде чѣмъ выступить въ опасную, скалистую, постоянно угрожаемую разбойниками горловину, которая ведетъ къ Іерусалиму. Она представляетъ собою трудный, почти непрерывный шести-часовой подъемъ, подошва котораго на 600 футовъ ниже, а вершина почти на 3,000 футовъ выше уровня Средиземнаго моря. Двумя наиболѣе выдающимися классами въ населеніи Іерихона были священники и мытари. Такъ какъ это былъ священнической городъ, то естественно бы ожидать, что Царь, сынъ Давидовъ, преемникъ Моисея, будетъ принять въ домѣ какаго-нибудь потомка Аарона. Но мѣсто, которое избралъ Христосъ для отдыха, опредѣлилось другими обстоятельствами (Лук. xix, 1 — 10). Въ городѣ было поселеніе мытарей для сбора пошлинъ съ обширной торговли бальзамомъ, который добывался здѣсь въ большемъ количествѣ, чѣмъ гдѣ-либо еще, и для наблюденія за ввозной и вывозной торговлей, производившейся между римскими провинціями и владѣніями Ирода Антипы. Однимъ изъ начальниковъ этихъ мытарей былъ Завхей, вдвойнѣ ненавистный народу, какъ іудей и какъ исполнявшій свою должность вблизи святаго города. Его начальственное положеніе только усиливало народную

нелюбовь къ нему, потому что іудеи считали это положеніе какъ бы наградой ему за особенную ревность на службѣ ихъ угнетателямъ римлянамъ, а на его богатство смотрѣли какъ на доказательство безсовѣстнаго взяточничества. Этотъ человѣкъ имѣлъ глубокое желаніе увидѣть своими собственными глазами, что за личность былъ Іисусъ; но будучи малъ ростомъ, онъ не могъ изъ-за густой толпы даже взглянуть на Него. Поэтому, когда Іисусъ проходилъ черезъ городъ, онъ забѣжалъ впередъ и взобрался на низкія вѣтви сикомора, т.-е. египетской смоковницы, стоявшей у дороги. Подъ этимъ деревомъ долженъ былъ проходить Іисусъ, и мытарю представлялась полная возможность видѣть Того, кто одинъ во всемъ народѣ не только не показывалъ непримиримой и фанатической ненависти къ тому классу, къ которому онъ принадлежалъ, но находилъ среди мытарей своихъ наиболѣе ревностныхъ слушателей и одного изъ нихъ возвысилъ даже въ званіе апостола. Когда І. Христосъ приблизился, Закхей дѣйствительно увидѣлъ Его; но какою радостью и благодарностью должно было забиться его сердце, когда великій пророкъ, признанный Мессія своего народа, остановился подъ деревомъ, взглянулъ вверхъ и, называя его по имени, велѣлъ ему скорѣе сойти внизъ, потому что намѣревался быть у него въ домѣ. Закхей долженъ былъ не только видѣть Его, но и принять въ своемъ домѣ, ужинать съ Нимъ, и предложить Ему ночлегъ у себя, — презрѣнный мытарь долженъ былъ имѣть своимъ гостемъ славнаго Мессію. Съ нескрываемою радостью Закхей поспѣшно слѣзъ съ вѣтвей сикомора и повелъ великаго гостя къ себѣ въ домъ. Но народъ единодушно и громко возропталъ: для него казалось непристойнымъ, несообразнымъ, унижительнымъ, чтобы царь въ самой средѣ своихъ восторженныхъ послѣдователей остановился въ домѣ человѣка, занятіе котораго было символомъ національнаго униженія и который даже въ этомъ званіи, какъ открыто говорилось въ толпѣ, не пользовался доброй славой. Но одобрительная улыбка, милое слово Іисуса значили больше для Закхея, чѣмъ весь ропоть и всѣ оскорбленія толпы. Его не презиралъ Іисусъ: какое же дѣло было ему до презрѣнія толпы? Мало того, Іисусъ дѣлалъ ему честь; поэтому онъ самъ долженъ поддержать свою

честь и уваженіе къ себѣ. Какъ всѣ низкія страсти въ немъ дерзко выступали на вызовъ презрѣнія и ненависти, такъ все, что было въ немъ благороднаго, вышло на-встрѣчу почтенію и добротѣ. Онъ постарается быть достойнымъ, по крайней мѣрѣ *болѣе* достойнымъ своего славнаго гостя; по крайней мѣрѣ онъ сдѣлаетъ все, чтобы не обезчестить Его. Поэтому, ставъ на видномъ мѣстѣ среди толпы, онъ произнесъ — не *имъ*, потому что они презирали его и онъ не обращалъ на нихъ вниманія, а своему Господу обѣтъ, который однимъ высочимъ поступкомъ великодушія сразу засвидѣтельствовалъ о его покаяніи и запѣчатлѣлъ его прощеніе. „Господи! половину имѣнія моего я отдамъ нищимъ, и если кого чѣмъ обидѣлъ, воздамъ вчетверо“. Это великодушное пожертвованіе тѣмъ, что дотолѣ было для него дороже всего на свѣтѣ, это въ предѣлахъ возможности полное возвращеніе всякой когда-либо нечестно пріобрѣтенной прибыли, это общественное признаніе и открытое обѣщаніе — должны были служить для Спасителя залогомъ, что милость Его была не напрасна. Такъ любовь однимъ привосновеніемъ открыла бьющіе родники покаянія, которые презрѣніе держало бы закрытыми навсегда. Никакое другое событіе во все время этого торжественнаго шествія не могло дать Спасителю болѣе глубокой и святой радости. Не состояло ли самое призваніе Его въ томъ, чтобы взыскивать и спасать погибшихъ? Смотри на мытаря, такъ облагороженнаго этимъ мгновеннымъ отверженіемъ плодовъ грѣха, какъ самымъ истиннымъ свидѣтельствомъ искренняго покаянія, Христосъ сказалъ ему: „Нынѣ пришло спасеніе дому сему, потому что и онъ сынъ Авраама“ — вонечно въ истинномъ духовномъ смыслѣ, а не въ пустомъ, горделивомъ и чувственномъ только.

Чтобы показать народу, какъ ошибочны были волновавшія его теперь ожиданія, какъ ошибочны, напримѣръ, были основанія, на которыхъ толпа только что осуждала Его за пользованіе гостепримствомъ Закхея, Онъ (или еще за столомъ въ домѣ мытаря, или, что болѣе вѣроятно, когда опять отправился въ путь) сказалъ притчу о талантахъ (Лук. хіх, 11—27).

Взявъ въ основу своей притчи обстоятельство, съ которымъ народъ хорошо былъ знакомъ изъ исторіи Иродова дома, Исусъ

разсказаль о нѣкоторомъ человѣкѣ высокаго рода, который, отправляясь въ дальнюю страну за полученіемъ себѣ царства *), далъ каждому изъ своихъ слугъ по минѣ серебра, чтобы они употребили ихъ въ оборотъ до его возвращенія. Граждане ненавидѣли его и отправили вслѣдъ за нимъ посольство, чтобы воспрепятствовать ему въ достиженіи своей цѣли; несмотря на это, царство однако же было утверждено за нимъ, и онъ возвратился съ цѣлью наказать своихъ враговъ и наградить своихъ рабовъ, смотря по ихъ вѣрности и заслугамъ. Одинъ невѣрный рабъ, вмѣсто того, чтобы пустить въ оборотъ вѣренную ему мину серебра, спряталъ ее въ платкѣ и возвратилъ господину съ непристойной и дерзкой жалобой на его жестокость. Поэтому серебро было отобрано у него и отдано тому, кто наиболѣе заслужилъ изъ добрыхъ и вѣрныхъ рабовъ; послѣдніе были щедро награждены, между тѣмъ, какъ непокорные граждане были схвачены и преданы смерти. Притча эта имѣла многостороннее приложеніе: она указывала на Его скорое удаленіе изъ міра, на ненависть, съ которою отвергали Его, на обязанность вѣрности въ пользованіи всѣмъ, что вѣрено; на неизвѣстность времени Его возвращенія; на несомнѣнность того, что по возвращеніи Его всѣ должны будутъ дать строгій отчетъ; на осужденіе лѣнливыхъ, на великую награду всѣмъ, которые вѣрно послужатъ Ему, и на конечную гибель тѣхъ, которые старались отвергнуть власть Его. Когда Онъ говорилъ

*) „Нѣкоторый человѣкъ высокаго рода отправлялся въ дальнюю страну, чтобы получить себѣ царство“ — это было бы совершенно непонятно, еслибы мы по счастью не знали изъ свидѣтельства І. Флавія, что такъ именно поступали какъ Архелай, такъ и Антипа. А въ дѣлѣ Архелая іудеи дѣйствительно отправляли депутацію изъ пятидесяти человѣкъ къ императору Августу съ цѣлью принести жалобу на его жестокости и противодействовать его домогательствамъ, которыя однако же, не удавшись на время, увѣнчались успѣхомъ впоследствии. Филиппъ защищалъ собственность Архелая въ его отсутствіе отъ посягательства проконсула Сабина. Великолѣпный дворецъ, построенный въ Іерихонѣ Архелаемъ, естественно могъ напомнить Спасителю эти обстоятельства, и притча эта представляетъ новый поразительный примѣръ того, какъ Онъ пользовался всякими самыми обыкновенными обстоятельствами и клалъ ихъ въ основу своихъ возвышенныхъ поученій. Это также новое доказательство подлинности и правдивости евангелій.

эту притчу, караванъ вѣроятно остановился и повлонники столпились около Него. Оставляя ихъ однихъ поразмыслить надъ ея значеніемъ, Онъ опять одинъ двинулся впередъ во главѣ этого длиннаго шествія народа. Повлонники почтительно остались позади и изумленными взорами слѣдили за Нимъ, какъ Онъ тихо поднимался по длинной, знойной, обнаженной горловинѣ, ведущей изъ Іерихона въ Іерусалиму (Лук. хіх, 28).

Онъ не имѣлъ въ виду сдѣлать мѣстомъ своего пребыванія самый Іерусалимъ, а предпочелъ по обыновенію остановиться въ любимомъ домѣ въ Виваніи. Туда Онъ прибылъ въ пятницу вечеромъ, 8 нисана 780 года отъ основанія Рима (31 марта 30 г. по принятому лѣтосчисленію), за шесть дней до Пасхи, передъ солнечнымъ заходомъ, съ котораго начинались часы субботы. Здѣсь Онъ разстался съ партіей повлонниковъ, изъ которыхъ иные отправились въ городъ воспользоваться гостепріимствомъ своихъ друзей и знакомыхъ, а иные, какъ это бываетъ еще и теперь, начали строить себѣ палатки и шалаши въ долинѣ Кедрона и по западнымъ склонамъ горы Елеонской.

Субботу Онъ провелъ въ отдыхѣ и покоѣ, а въ вечеру Ему приготовленъ былъ ужинъ (Мѡ. ххvi, 6—13; Мрк. хiv, 3—9; Іоан. хii, 1—9). Матеей и Маркъ нѣсколько таинственно говорятъ, что угощеніе это дано было въ домѣ Симона проваженнаго. Ев. Іоаннъ совсѣмъ не упоминаетъ о Симонѣ проваженномъ, о которомъ вообще не говорится еще нигдѣ; но изъ его повѣствованія ясно, что виванское семейство во всѣхъ отношеніяхъ занимало главное положеніе при этомъ угощеніи. Вся хозяйственная часть ужина повидимому находилась подъ наблюденіемъ Марѡы, а присутствовавшій на немъ воскресшій Лазарь былъ почти такимъ же предметомъ любопытства, какъ и самъ Іисусъ. Такъ какъ это было знатное семейство и члены его пользовались повсюду широкою извѣстностью и любовью, то посмотрѣть на Лазаря собралось столько народа, что необычайное и безспорное чудо, совершенное надъ нимъ, заставило многихъ увѣровать въ І. Христа. Все это привело правящую партію въ Іерусалимѣ въ такую ярость, что въ своемъ злобномъ неистовствѣ она даже составила совѣщаніе о томъ, какъ отдѣлаться отъ этого живого свидѣтеля сверхъестественныхъ силъ

Мессіи, отвергнутого ею. Такъ какъ воскресеніе Лазаря находится въ тѣсной связи со всѣмъ кругомъ событій, о которыхъ такъ подробно говорятъ первые три евангелиста, то мы опять по необходимости приходимъ къ заключенію, что вѣроятно существовало особое основаніе, о которомъ можно гадать только съ нѣкоторою вѣроятностью, почему именно они какъ бы нарочно умалчиваютъ объ этомъ предметѣ. Это умалчиваніе доходитъ до того, что Марію они называютъ просто „одной женщиной“, совершенно не упоминаятъ о Марѣѣ и Лазарѣѣ и говорятъ, что угощеніе это предложено было въ домѣ Симона прокаженнаго. Кто же таковой этотъ Симонъ прокаженный? Что онъ уже не былъ дѣйствительно прокаженнымъ, это понятно само собою, иначе онъ не могъ бы жить въ своемъ домѣ и вращаться въ обществѣ. Въ такомъ случаѣ не былъ ли онъ очищенъ отъ проказы І. Христомъ? А если такъ, то не это ли было одною изъ причинъ той глубокой вѣры въ Него, которая господствовала въ этомъ маленькомъ семействѣ, и той нѣжной любви, съ которою они всегда привѣтствовали Его? Или быть можетъ Симона уже не было въ живыхъ? Мы не можемъ отвѣтить на эти вопросы и не имѣемъ даже достаточныхъ данныхъ, которыя дали бы намъ возможность опредѣлить, былъ ли это отецъ Марѣѣ, Маріи и Лазаря, или же, какъ иные догадываются, не былъ ли онъ покойнымъ мужемъ Марѣѣ, оставшейся послѣ него вдовою и наслѣдницею его дома.

Какъ бы то ни было, угощеніе это достопамятно главнымъ образомъ не по числу іудеевъ, собравшихся на него, чтобы посмотрѣть и на Пророка назаретскаго, и на человѣка, котораго Онъ воскресилъ изъ мертвыхъ, но по одному достопамятному случаю, который произошелъ во время угощенія и былъ прямымъ началомъ мрачнаго и ужаснаго конца.

Марія, сидя въ присутствіи своего возлюбленнаго и чудесно возвращеннаго ей брата, и еще болѣе глубоко обожаемаго ею Господа, не могла дальше сдерживать своихъ чувствъ. Она не занята была хлопотами по устройству угощенія, всецѣло взятыми ея сестрой на себя, но сидѣла, смотрѣла и размышляла, пока не запылалъ въ ней священный внутренній огонь. Она почувствовала непреодолимую потребность казимъ-нибудь внѣшнимъ зна-

комъ выразить Ему свою любовь, свою благодарность и свое благоговѣніе. Она встала, взяла алавастровую вазу индійскаго драгоценнаго нардоваго мѳра и, тихо подойдя сзади къ Иисусу, разбила вазу и полила драгоценную благоуханную влагу сначала на голову Ему, а потомъ и на ноги, и затѣмъ, какъ бы не видя никого изъ постороннихъ присутствующихъ, вытерла Его ноги длинными локонами своихъ распущенныхъ волосъ, и воздухъ наполнился сладостнымъ благоуханіемъ пролитаго мѳра. Это былъ поступокъ всецѣло-преданной любви, необычнаго самоотреченія, и бѣдные галилеяне, слѣдовавшіе за Иисусомъ, такъ мало привычныя ко всякой роскоши, но понимая однако же цѣну этого дара, естественно не могли не изумиться, что такая драгоценность растрочена была въ одинъ мигъ. Только самые возвышенные духомъ могли сознавать, что это сладостное благоволеніе, наполнившее домъ, могло быть принято Богомъ, какъ благоуханіе духовное, что даже эта драгоценность была безконечна мала въ сравненіи съ любовью той, которая пожертвовала ею, или съ достоинствомъ того, Кому она приносилась.

Но тутъ присутствовалъ одинъ человѣкъ, которому этотъ поступокъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ ненавистенъ и противенъ. Нѣтъ порока, который бы такъ поглощалъ всего человѣка, такъ дѣлалъ его неразумнымъ и низкимъ, какъ порокъ алчности, а она-то и была грѣхомъ, отягчавшимъ мрачную душу Іуды предателя. Неуспѣхъ въ борьбѣ съ своими собственными искушеніями; разочарованіе во всѣхъ ожиданіяхъ, какія сначала привлекли его къ Иисусу; невыносимый укоръ всему своему существу отъ постояннаго общенія съ безгрѣшной чистотой; невольное сознаніе, что его преступная душа отбрасываетъ все болѣе темную тѣнь при лучезарномъ свѣтѣ, въ которомъ онъ находился въ теченіе столькаго времени; тревожное чувство, что глаза Учителя и быть можетъ даже нѣкоторыхъ изъ его апостоловъ начинаютъ читать или уже читали сокровенныя тайны его сердца—все это постепенно усиливало въ немъ отчужденіе, переходившее въ полное отпаденіе и ненависть. И теперь при видѣ щедрой жертвы Маріи, сознавая, что все это пропало даромъ и потраченная большая сумма безвозвратно потеряна

для имѣвшагося у него денежнаго ящика, простое завѣдываніе которымъ, помимо того, что онъ могъ красть изъ него, удовлетворяло его алчность къ золоту,—душа его переполнилась негодованіемъ и бѣшенствомъ. Въ немъ былъ діаволь. Онъ чувствовалъ, что тутъ какъ бы лично ему нанесенъ ущербъ, какъ бы деньги были его собственныя и онъ совершенно безсмысленнымъ образомъ лишень ихъ. Къ чему такая трата? съ негодованіемъ связалъ онъ; и увь! — какъ часто повторяются его слова! Гдѣ только бываетъ подвигъ благороднаго самоотреченія, тамъ непременно является и Іуда съ ропотомъ и издѣвательствомъ надъ нимъ. „Для чего бы не продать это муро за триста динаріевъ и не раздать нищимъ?“ *Триста динаріевъ* — вѣдь это семьдесятъ пять рублей, или даже больше! При мысли о безумной потерѣ такой крупной суммы у него голова завружилась отъ злости; вѣдь за какую-нибудь треть такой суммы этотъ сынъ погибели готовъ былъ предать своего Господа! Марія считала этотъ даръ недостаточнымъ для помазанія ногъ Христа: Іуда же третью часть его цѣны почелъ бы почти достаточной для себя выручкой отъ продажи самой жизни Его!

Весьма поучительна эта ссыла на „раздачу нищимъ“. Это вѣроятно было покрывало, которымъ пользовался Іуда, чтобы даже отъ самого себя прикрыть низость своихъ побужденій, такъ какъ въ дѣйствительности онъ былъ воръ и поступленіе этихъ денегъ въ находившійся въ его завѣдываніи ковчежець дало бы ему возможность увеличить изъ нихъ свои частныя средства. Люди рѣдко грѣшатъ при полномъ свѣтѣ своего самосознанія; обыкновенно они ослѣпляютъ себя ложными предлогами и особыми побужденіями. Іуда не могъ скрыть своей низости отъ ев. Іоанна, но онъ вѣроятно скрылъ ее отъ самого себя сознаниемъ, что онъ дѣйствительно возставалъ противъ поступка бесполезной расточительности и ратовалъ въ пользу дѣла безкорыстнаго чело-вѣколюбія.

Но Іисусъ Христосъ не позволилъ этому бездушному негодованію, заразившему уже нѣкоторыхъ изъ его простодушныхъ учениковъ, распространиться дальше, и не хотѣлъ допустить также, чтобы Марія, уже ставшая предметомъ неблагоприятныхъ замѣчаній, безпокоившихъ и мучившихъ ее, терпѣла дольше за послѣд-

ствія своего благороднаго поступка. „Что смущаете вы женщину?—сказалъ Онъ. Оставьте ее; она доброе дѣло сдѣлала для Меня. Ибо нищихъ всегда имѣете съ собою, а Меня не всегда. Она сберегла это муро на день погребенія Моего“. И въ этому Онъ прибавилъ пророчество, чудесно исполнившееся до настоящаго времени, что гдѣ только будетъ проповѣдано Евангеліе, тамъ съ честью будетъ повѣдано и о дѣлѣ ея.

„На день погребенія Моего“—сказалъ Онъ; значить близокъ былъ день Его осужденія, смерти и погребенія. Это былъ новый смертельный ударъ ложнымъ мессіанскимъ надеждамъ. Ни земного богатства, ни царственнаго величія не должны были ожидать послѣдователи Того, кому скоро надлежало умереть. Это вѣроятно было новымъ поводомъ къ разочарованію вороватаго предателя, который не только долженъ былъ замолчать, но и получилъ косвенный укоръ. Потеря денегъ, которыя его алчное воображеніе готово было отдать въ его собственное распоряженіе, разжигала тайную злость въ его мрачной, угрюмой душѣ. Но онъ не хотѣлъ терять всего. Охваченный ненавистью, бѣшенствомъ и отчаяніемъ, онъ въ ту же ночь исчезъ изъ Виваніи и отправился въ Іерусалимъ, введенъ былъ въ совѣщательную палату главныхъ священниковъ въ домъ Каиафы и имѣлъ первое роковое свиданіе, въ которомъ онъ предложилъ имъ предать своего Господа. „Что вы дадите мнѣ, чтобы я предалъ вамъ Его?“ Какъ происходилъ этотъ кровожадный торгъ—неизвѣстно, равно какъ неизвѣстно и то, долго ли торговались скупые ненавистники Христа, прежде чѣмъ рѣшились на скудную плату за кровь. Несомнѣнно одно, что пронирыливые іудейскіе вожди сбили съ толку бѣднаго невѣжественнаго апостола іудейскаго. Они предложили заплатить ему всего только тридцать сребренниковъ, около тридцати рублей, выкупную плату за самаго ничтожнаго раба. За такую-то цѣну пришлось ему продать своего Учителя, а продавая Его, продать свою собственную жизнь и получить взамѣнъ проявленіе міра во всѣхъ грядущіе роды родовъ. И вотъ въ теченіе послѣдней недѣли своей собственной жизни и жизни своего Учителя, Іуда ходилъ съ мыслью убійства въ своей мрачной и отчаянной душѣ. Но дня еще не было назначено и планъ дѣйствія не рѣшенъ, только сдѣ-

лано условіе о платѣ за предательство. Повидимому, всѣ были согласны въ томъ, что въ теченіе праздника нельзя было дѣлать попушенія, такъ какъ могъ бы произойти бунтъ среди преданнаго Ему народа, и особенно среди густыхъ массъ поклонниковъ изъ его родной Галилеи. Предполагалось, что можетъ представиться еще много удобныхъ случаевъ, въ самомъ ли Иерусалимѣ или въ другомъ какомъ мѣстѣ, по окончаніи праздника, когда въ священномъ городѣ опять возстановится обычный покой.

Событія слѣдующаго дня представили разительное подтвержденіе коварной расчетливости этого злобнаго рѣшенія.

ГЛАВА XLIX.

ВХОДЪ ГОСПОДЕНЬ ВО ИЕРУСАЛИМЪ.

Благословенъ грядый во имя Господне.

Въ народѣ повидимому уже заранѣе всѣ были убѣждены, что, несмотря на только что совершившіяся событія, Иисусъ все-таки будетъ на праздникѣ Пасхи. Среди народа постоянно шли толки объ этомъ и всѣ съ необычайнымъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ ожидали прибытія Пророка Галилейскаго (Мате. ххi, 1—11; Марк. xi, 1—11; Лук. хix, 28—40; Иоан. хii, 12—19).

Вслѣдствіе этого, когда на слѣдующій день утромъ стало извѣстно, что Онъ непременно вступитъ въ священный городъ, возбужденіе повсюду было сильное. Извѣстіе объ этомъ могло быть распространено нѣкоторыми изъ тѣхъ іудеевъ, которые предыдущимъ вечеромъ были въ Виваніи, именно, когда съ солнечнымъ закатомъ закончилась суббота и имъ представилась возможность переступить предѣлы субботняго пути. Такимъ образомъ, народъ былъ подготовленъ въ встрѣчѣ Спасителя, о которомъ гремѣла молва, что Онъ воскресилъ мертваго.

Онъ пѣшкомъ отправился въ путь. Изъ Виваніи вели въ Иерусалимъ три дороги черезъ гору Елеонскую. Одна изъ нихъ проходитъ между ея сѣверной и средней вершинами; другая

поднимается на самую высокую часть горы и спускается через теперешнюю деревню Эт-Туръ; третья, которая всегда считалась главной дорогой, огибала южный отрог срединной массы и вела между нею и такою называемой „Горой злого совѣта“. Первые двѣ скорѣе представляютъ собою горныя тропинки, чѣмъ настоящія дороги, и такою какъ Иисусъ Христосъ былъ сопровождаемъ множествомъ учениковъ и послѣдователей, то Онъ выбралъ третій и самый удобный путь.

Выйдя изъ-подъ пальмовыхъ деревъ Виоаніи, Онъ приблизился къ смоковничнымъ садамъ Виофагіи, „дома смоковницъ“, маленькаго пригорода или селенія, которое вѣроятно находилось къ югу отъ Виоаніи и въ виду ея. Въ это селеніе или быть можетъ въ одну изъ близъ лежащихъ деревень І. Христосъ отправилъ двоихъ учениковъ. Подробное описаніе у ев. Марка заставляетъ предполагать, что однимъ изъ нихъ былъ Петръ, и если такою, то вѣроятно спутникомъ его былъ Іоаннъ. Спаситель сказалъ имъ, что, когда они войдутъ въ селеніе, тамъ найдутъ ослицу на привязи и осленка съ ней; пусть отвязжутъ ихъ и приведутъ къ нему; а если кто возразитъ противъ этого, то пусть скажутъ, что „они надобны Господу“. Все случилось такою, какъ Онъ сказалъ. Обойдя домъ, то-есть позади его, они дѣйствительно нашли привязанную ослицу и молодого осла, который былъ пригоденъ для ихъ священной цѣли, потому что еще никто изъ людей не садился на него. Владѣльцы, услышавъ о ихъ цѣли, тотчасъ позволили имъ взять животныхъ, и ученики повели ихъ къ І. Христу, покрывъ ихъ своими одеждами въ знакъ царскихъ почестей Ему (ср. 4 Цар. ix, 13). Затѣмъ Христосъ сѣлъ на молодого осла, и торжественное шествіе двинулось. Шествіе это не имѣло своею цѣлью возбужденіе политическаго энтузіазма и не было „мятежнымъ тщеславіемъ“ съ цѣлью возвышенія честолюбиваго торжества. Это былъ просто порывъ радости провинціаловъ, невинный восторгъ бѣдныхъ галилеянъ и презираемыхъ учениковъ. Христосъ ѣдетъ не на боевомъ конѣ, а на животномъ, представляющемъ символъ мира. Надменные язычники, еслибы увидѣли это скромное шествіе, крайне насмѣялись бы надъ нимъ, какъ они и дѣйствительно издѣвались надъ повѣствованіемъ о немъ; но апостолы вспоми-

нали впоследствии, что въ немъ исполнилось пророчество Захаріи: „Ливуй отъ радости, дочь Сіона; торжествуй, дочь Іерусалима; се Царь твой градеть къ тебѣ, праведный и спасающій, кроткій, сидящій на ослицѣ и на молодомъ ослѣ, сынѣ подъяремной“ (Зак. ix, 9; Ис. lxi, 11). Да, это шествіе было самымъ скромнымъ и непритязательнымъ, и однако же какъ рядомъ съ нимъ совершенно затмеваются и тускнѣютъ величайшія побѣдныя шествія во время наступательныхъ войнъ и несправедливыхъ завоеваній?

Исусъ Христосъ сѣлъ на молодого осла, котораго вѣроятно нѣкоторые изъ Его учениковъ повели подъ уздцы. И едва только двинулся Онъ, какъ народъ началъ своими верхними одеждами устилать Ему путь, срывалъ или срѣзывалъ вѣтви смоковницъ, оливковыхъ и каштановыхъ деревъ и бросалъ ихъ предъ Нимъ. Затѣмъ въ порывѣ восторга ученики восвеликнули: „Осанна Сыну Давидову! Благословенъ грядущій во имя Господне! Осанна въ вышнихъ“. Народъ подхватилъ этотъ радостный кликъ, и въ толпѣ разносилась молва о томъ, какъ Онъ воскресилъ Лазаря изъ мертвыхъ.

Дорога тутъ постепенно поднимается на гору Елеонскую, по зеленымъ полямъ и подъ тѣнистыми деревьями, и на вершинѣ ея круто поворачиваетъ къ сѣверу. На этомъ-то именно поворотѣ впервые открывается видъ на Іерусалимъ, который до-толѣ скрывается за отрогомъ горы. Тамъ, въ прозрачномъ воздухѣ, поднимаясь изъ окружающей глубокой долины, стоялъ предъ Нимъ знаменитый историческими воспоминаніями городъ, и утреннее солнце, сверкавшее на мраморныхъ башняхъ и золоченныхъ кровляхъ храмовыхъ зданій, отражалось въ морѣ ослѣпительнаго блеска, предъ которымъ зритель долженъ былъ закрывать глаза. Этотъ видъ на знаменитый городъ дѣйствительно поражалъ своимъ великолѣпіемъ, и многіе іудейскіе и языческіе путешественники останавливали здѣсь своихъ коней и съ восторгомъ нѣмого изумленія глядѣли на это дивное зрѣлище. Іерусалимъ въ то время, съ своею „царственной мантией гордыхъ башенъ“, считался однимъ изъ чудесъ міра и представлялъ неизмѣримо болѣе великолѣпное зрѣлище, чѣмъ упавшій и ветхій городъ настоящаго времени. Кто не можетъ

истолковать, кто может обнять могучій порывъ божественнаго состраданія, который при этомъ зрѣлицѣ потрясъ душу Спасителя? Когда онъ смотрѣлъ на это море „золота и свѣта“ — неужели не шевельнулось чувство гордости или не заливало восторгомъ сердце его истиннаго Царя? Совсѣмъ нѣтъ. У могилы Лазаря Онъ пролилъ только *нѣмыя* слезы; здѣсь Онъ громко заплакалъ. Весь поворъ издѣвательства и вся боль Его страданій спустя пять дней безсилны были исторгнуть хоть одинъ стонъ изъ Его груди или омочить Его вѣки хоть одной блеснувшей слезинкой; здѣсь же Его внутренняя скорбь пересилила Его человѣческой духъ, и Онъ не только плакалъ, но не удержимо предался рыданію, въ которомъ подавленный голосъ едва могъ произносить слова. Странный триумфъ для Мессіи! Странный переходъ отъ торжественныхъ вливовъ! Избавитель оплакиваетъ городъ, который теперь уже поздно спасти; царь предсказываетъ конечную гибель народа, которымъ пришелъ Онъ управлять! „О, еслибы и ты“, воскликнулъ Онъ, когда народъ въ изумленіи смотрѣлъ и не зналъ, что подумать или сказать, — „о, еслибы и ты хотя въ сей твой день узналъ, что служить къ миру твоему!“ Скорбь прервала Его слова, и когда задушенный рыданіемъ голосъ нѣсколько оправился опять, Онъ могъ только прибавить: „но это сокрыто нынѣ отъ глазъ твоихъ; ибо прійдутъ на тебя дни, когда враги обложатъ тебя оковами, и окружатъ тебя, и стѣснятъ тебя отовсюду и раззорятъ тебя, и побьютъ дѣтей твоихъ въ тебѣ, и не оставятъ въ тебѣ камня на камнѣ за то, что ты не узналъ времени посѣщенія твоего“... Это былъ послѣдній призывъ со стороны „славы Божіей на горѣ Елеонской“, и съ того времени *шехина* на вѣки скрылась отъ Израиля.

Пятьдесятъ лѣтъ спустя пророчество Иисуса исполнилось со всею суровостью и со всѣмъ ужасомъ его буквального смысла. За четыре года до начала войны, когда еще городъ наслаждался полнымъ миромъ и благоденствіемъ, какой-то помѣшанный меланхоликъ бродилъ по его улицамъ, постоянно крича одно и то же: „голосъ съ востока, голосъ съ запада, голосъ отъ четырехъ вѣтровъ! голосъ противъ Іерусалима и святаго дома, голосъ противъ жениховъ и невѣстъ и голосъ противъ всего народа“. Никакія

истязанія и пытки не могли вынудить у него другихъ словъ, кромѣ зловѣщихъ восклицаній: „горе, горе Іерусалиму; горе городу; горе народу, горе святому дому!“ которыя онъ неустанно повторялъ, пока семь лѣтъ спустя онъ не былъ во время осады убитъ камнемъ изъ катапульты. Его вопли были лишь новымъ отголоскомъ пророчества Христа.

Тить первоначально не хотѣлъ осаждать городъ, но отчаянное упорство іудеевъ заставило окружить его сначала земляными окопами, а затѣмъ, когда они были разрушены, онъ обнесъ его каменнымъ валомъ. Онъ не хотѣлъ губить храма, даже дѣлалъ всевозможныя усилія спасти его, но былъ вынужденъ оставить вмѣсто его кучу пепла. Онъ не хотѣлъ быть жестокимъ въ жителямъ, но смертельный фанатизмъ ихъ сопротивленія совершенно подавилъ въ немъ всякое желаніе щадить ихъ, и онъ даже рѣшился почти истребить все это племя: сотнями распиналъ ихъ, тысячами выставлялъ въ амфитеатрѣ и безчисленными массами продавалъ въ рабство. Іосифъ Флавій говоритъ, что послѣ осады Іерусалима Титомъ никто бы не узналъ уже красоту Іудеи въ окружающей пустынѣ развалинъ, такъ что если бы какой-нибудь іудей неожиданно прибылъ въ городъ, то, какъ бы ни былъ онъ хорошо знакомъ съ нимъ прежде, теперь невольно спросилъ бы: „какое это мѣсто?“ И теперь въ новѣйшемъ Іерусалимѣ кто хочетъ искать остатковъ древняго, много разъ разрушавшагося города временъ Христа, долженъ искать ихъ на двадцать футовъ ниже поверхности, да и тамъ едва ли найдетъ ихъ. Въ одномъ только мѣстѣ сохранилось нѣсколько огромныхъ надпочвенныхъ строеній, и то какъ бы для того только, чтобы показать, какую громадную развалину представляютъ они, и здѣсь въ каждую пятницу собираются немногіе удрученные бѣдностью іудей, останавливаются каждый въ своемъ саванѣ, приготовленномъ для погребенія, и вопять о погибшей славѣ своего разрушеннаго и осверженнаго храма.

Когда Іисусъ оплакивалъ городъ и произносилъ свое пророчество надъ нимъ, шествіе приостановилось. Но теперь и народъ, находившійся въ долинѣ Кедронской и около стѣнъ Іерусалима, а также и всѣ поклонники, расположившіеся въ шалашахъ и палаткахъ, густо пестрѣвшихъ по зеленымъ склонамъ внизу, за-

видѣли приближеніе народной массы на горѣ, услышали отголоски радостныхъ вѣливъ и поняли, что означало все это. Въ то время въ окрестностяхъ Іерусалима было множество пальмовыхъ деревъ, отъ которыхъ теперь остались лишь жалкіе слѣды. Срывая съ нихъ зеленныя красивыя вѣтви, народъ бросился по дорогѣ на гору встрѣчать приближавшаго Пророка. И когда встрѣтились эти двѣ народныхъ волны, одна, сопровождавшая Его изъ Виваніи, и другая, вышедшая на-встрѣчу въ Нему изъ Іерусалима, то Онъ оказался въ срединѣ народной массы, которая шла и впереди, и сзади, крича: „осанна“ и махая вѣтвями—до самыхъ воротъ Іерусалима.

Среди толпы было нѣсколько фари́сеевъ, и восторгъ народа былъ для нихъ острѣе меча. Что значать эти мессіанскіе крики и царскіе титулы? Развѣ они не опасны, развѣ пристойны? Зачѣмъ Онъ допускаетъ ихъ? „Учитель, запрети ученикамъ Твоимъ“. Но Онъ не хотѣлъ останавливать ихъ. „Если они умоленуть, сказалъ Онъ въ отвѣтъ, то камни возопіють“. Слова эти, быть можетъ, напомнили имъ угрозы, которыя встрѣчаются у пророка Аввакума среди обличеній алчности и жестокости іудеевъ, и заключаются предсказаніемъ страшнаго разрушенія, какъ возмездія имъ: „Камни изъ стѣнъ возопіють, и перекладыны изъ дерева будутъ отвѣчать имъ“. Фарисеи чувствовали, что они бессильны остановить приливъ народнаго восторга.

Когда шествіе приблизилось въ городскимъ стѣнамъ, то весь городъ объять былъ необычайнымъ волненіемъ и тревогой. „Кто это?“ спрашивали жители, смотря на шествіе изъ-за рѣшетокъ и съ кровлей, стоя на базарахъ и улицахъ, по которымъ двигалось оно; и народъ отвѣчалъ съ нѣкоторою гордостью за своего соотечественника, а вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ сказать, и съ тѣнью недовѣрія, падашею на ихъ высшія мессіанскія надежды, по мѣртвотоу, какъ имъ приходилось сталкиваться съ презрѣніемъ и враждебностью столицы: „это Іисусъ, пророкъ изъ Назарета галилейскаго“.

Шествіе это могло продолжаться только до подошвы горы Моріа (*Гар-и-беитъ*—Ис. II, 2), дальше которой нельзя было идти въ дорожномъ одѣяніи или съ пыльными ногами. Не доходя до Сузскихъ вратъ храма, народъ разсѣялся, а Христосъ во-

шелъ въ храмъ. Господь, котораго искали, самъ неожиданно пришелъ въ свой храмъ — вѣстникомъ завѣта; но тутъ не признали Его и не порадовались Ему, хотя первымъ дѣломъ Его было очистить храмъ, чтобы можно было приносить жертву Господу въ правдѣ (Мал. III, 1—3). Когда Онъ осмотрѣлся вокругъ себя, то сердце Его опять наполнилось сильнымъ негодованіемъ. Три года тому назадъ, во время первой своей Пасхи, Онъ очистилъ храмъ; но увы — бесполезно. Алчность опять побѣдила благоговѣніе; мозаичные полы и изящныя колоннады двора язычниковъ опять переполнены были гуртами воловъ и овецъ, продавцами голубей и ростовщиками; великолѣпный портикъ занавоженъ былъ прогоняемымъ скотомъ и оглашался гуломъ торгующихся голо-совъ и звономъ монетъ. Онъ не хотѣлъ проповѣдывать въ такомъ оскверненномъ мѣстѣ. Еще разъ, съ смѣшаннымъ чувствомъ скорби и гнѣва, Онъ выгналъ отсюда всѣхъ и никто не осмѣлился воспротивиться Его сокрушающей ревности. Онъ не потерпѣлъ даже, чтобы народъ нарушалъ тишину святилища, проходя чрезъ него съ сосудами и дѣлая его мѣстомъ обыкновеннаго прохода. Огромная масса іудеевъ, доходившая, какъ говорятъ, до трехъ милліоновъ и наводнявшая священный городъ во время недѣли праздника, несомнѣнно дѣлала дворъ язычниковъ еще болѣе безобразнымъ и шумнымъ зрѣлищемъ, чѣмъ во всякое другое время, тѣмъ болѣе, что въ тотъ день по закону всѣми поклонниками выбирался и покупался пасхальный агнецъ. Но никакіе доводы нужды и удобства не могли оправдать того, чтобы домъ Отца небеснаго, бывшій домомъ молитвы для всѣхъ народовъ, обращенъ былъ въ мѣсто — болѣе всего похожее на тѣ грязныя пещеры, которыя Іисусу такъ часто приводилось видѣть въ долину Гаммамъ, гдѣ разбойники спорили при дѣлежѣ злопріобрѣтенной добычи.

Свою обычную проповѣдь Онъ началъ не раньше, какъ по приведеніи храма въ состояніе приличія и тишины. Трудъ этотъ былъ теперь несомнѣнно легче, потому что Онъ ужъ разъ совершался. Когда прекратилась безобразная торговая суетня, храмъ опять принялъ свой обычный видъ. Страждущіе приходили къ Нему и Онъ исцѣлялъ ихъ. Слушатели сотнями тѣснились къ Нему, дивились Его ученію, жадно ловили каждое слово изъ

Его усть. Даже дѣти храма въ своемъ невинномъ восторгѣ радостно продолжали торжественные клики осанна, которыми привѣтствовали Его народъ. Главные священники, книжники, фарисеи и представители народа, видя все это, презрительно роптали и теряли свои головы. Они могли только бессильно скрежетать зубами, не смѣя ничего сдѣлать и дѣлясь другъ съ другомъ чувствами своей бессильной злобы, потому что весь народъ пошелъ за Нимъ; но они еще надѣялись, что придетъ и для нихъ часъ, настанетъ время и для силы тьмы. Хотя они осмѣлились сдѣлать Ему замѣчаніе, но должны были со стыдомъ удалиться, пораженные Его сповойнымъ отвѣтомъ. Они гнѣвно обратили Его вниманіе на крики мальчиковъ въ притворахъ храма: „Слышишь ли, чтò они говорятъ?“ Вѣроятно, это были мальчики, употреблявшіеся для пѣнія при богослуженіи въ храмѣ, и если такъ, то это еще болѣе разжигало ярость спрашивавшихъ. Но Иисусъ спокойно защитилъ дѣтей отъ ихъ нескрываемой злобы: „да, сказалъ Онъ; развѣ вы никогда не читали: изъ усть младенцевъ и грудныхъ дѣтей ты устроилъ хвалу“ (Пс. viii, 3)?

Такъ въ возвышенной бесѣдѣ, среди тщетныхъ попытокъ враговъ досадить и воспрепятствовать Ему, проходили часы этого достопамятнаго дня; но въ теченіе его произошелъ одинъ еще болѣе замѣчательный случай. Нѣкоторые греки, вѣроятно іудейскіе прозелиты, прибывшіе въ Іерусалимъ по случаю праздника, будучи поражены всѣмъ, что они видѣли и слышали, подошли къ Филиппу и просили его, чтобы онъ предоставилъ имъ случай отдѣльно побесѣдовать съ Иисусомъ (Іоан. xii, 20—50). Халдеи съ востока отыскивали колыбель Его; эти греки съ запада прибыли къ кресту Его. Кто были они и зачѣмъ хотѣли видѣться съ Нимъ, мы не знаемъ. Одно интересное преданіе говоритъ, что это были посланные отъ Авгаря V, царя едесскаго, который, узнавъ о чудесахъ Иисуса и объ опасностяхъ, которымъ Онъ подвергался теперь, отправилъ этихъ пословъ предложить Ему убѣжище въ своихъ владѣніяхъ. Сказаніе прибавляетъ, что Иисусъ хотя и отвергъ предложеніе, но наградилъ вѣру Авгаря, написавъ Ему письмо и исцѣливъ его отъ болѣзни *).

*) Апокрифическое письмо Авгаря Христу передается у Евсевія (въ его Церковной исторіи), который будто бы заимствовалъ его изъ сирійскихъ до-

Ев. Иоаннъ ничего не говоритъ объ этомъ; онъ не говоритъ даже, почему эти греки подошли именно въ Филиппу. Такъ какъ Вивсаида была роднымъ городомъ этого апостола и такъ какъ многіе іудеи въ это время усвоили языческія имена, особенно ходячія въ семействѣ Ирода, то нельзя придавать особенной важности греческой формѣ его имени. Филиппъ не сразу осмѣлился удовлетворить ихъ просьбу, что составляетъ интересное указаніе на то личное благоговѣніе, съ которымъ апостолы относились къ своему Учителю: онъ сначала пошелъ посоветоваться съ своимъ землякомъ Андреемъ и уже вмѣстѣ съ нимъ доложили Иисусу о желаніи грековъ. Дѣйствительно ли они лично представили Ему грековъ—мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ въ этомъ событіи Онъ увидѣлъ новый знакъ, что настала часъ, когда имя Его должно было прославиться въ человѣчествѣ. Онъ отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что какъ пшеничное зерно должно сначала умереть, прежде чѣмъ принести плодъ свой, такъ и путь Его къ славѣ лежалъ чрезъ юдоль униженія, и тѣ, кто слѣдуютъ за Нимъ, должны быть всегда готовы слѣдовать за Нимъ даже до смерти. При мысли объ этой приближающейся смерти человѣческій страхъ ея боролся въ Немъ съ ревностью послушанія, и сознавая, что выступить противъ этого страшнаго часа значитъ побѣдить его, Онъ воскликнулъ: „Отче, прославь имя Твое!“ Тогда въ третій разъ въ Его жизни прогремѣлъ голосъ съ неба: „И прославилъ, и еще прославлю“ (Іоан. хп, 28)! Ев. Иоаннъ ясно говоритъ, что голосъ этотъ слышался не для всѣхъ одина-

кументовъ, сохранившихся въ Едессѣ и приведенныхъ у Моисея Хоренскаго. Письмо и отвѣтъ вѣроятно относятся къ III столѣтію. Авгаръ говоритъ, что, услышавъ о чудесахъ Иисуса и заключивъ изъ нихъ о его божественности: „я написалъ съ цѣлью просить Тебя потрудиться прибыть ко мнѣ и исцѣлить меня отъ болѣзни, въ которой я нахожусь. Я слышалъ также, что іудеи ропщутъ на Тебя и хотятъ нанести Тебѣ вредъ. У меня же небольшой и прекрасный городъ, котораго будетъ достаточно для насъ обокъ“. Отвѣтъ, который почти весь облеченъ языкомъ св. Писанія, начинается смысломъ на Іоан. хх, 29 и, отклонивъ предложеніе царя, прибавляетъ: „Когда Я буду взятъ, Я пошлю одного изъ моихъ учениковъ исцѣлить тебя отъ болѣзни; онъ дастъ также спасеніе тебѣ и находящимся съ тобою“. Болѣзнь эта по одному свидѣтельству была проказа, по другому—подагра. •

ково. Народная толпа вообще приняла его за простой раскатъ грома; другіе же говорили: „Ангель говорилъ Ему“. Голосъ этотъ раздѣльно слышенъ былъ только немногимъ. Но І. Христось сказалъ, что не для Него былъ гласъ этотъ, а для народа, потому что близокъ уже былъ судъ надъ міромъ вмѣстѣ съ осужденіемъ его за грѣхи отъ Духа Святаго, и князь міра сего будетъ изгнанъ вонъ. Какъ змѣй былъ вознесенъ въ пустынь, такъ вознесенъ будетъ и Сынъ человѣческой, и тогда Онъ всѣхъ привлечетъ къ себѣ. Народъ былъ смущенъ подобными темными намеками и спрашивалъ, чтò означаетъ это Его изреченіе, что „Сынъ человѣческой будетъ вознесенъ?“ Если это значить, что Онъ насильственно будетъ преданъ позорной смерти, то какъ это возможно? Развѣ Сынъ человѣческой не есть титулъ Мессіи? А развѣ не говорилъ пророкъ, что царство Его будетъ вѣчно? Истинный отвѣтъ на эти вопросы могъ быть полученъ только духовно-просвѣщенными; народъ не былъ готовъ къ нему, и онъ только смутилъ бы и оскорбилъ его. Поэтому Христось не отвѣтилъ на нихъ. Онъ только внушалъ своимъ слушателямъ ходить во свѣтѣ, пока еще малое время Свѣтъ пребывалъ съ ними, и такимъ образомъ быть чадами свѣта. Онъ пришелъ какъ свѣтъ въ міръ, и слова, которыя Онъ говорилъ, будутъ судомъ для отвергающихъ Его, потому что слова эти, всякій краткій отвѣтъ и всякая длинная бесѣда — были отъ Отца небеснаго, лучи отъ Отца свѣтовъ, жизнедательные лучи отъ жизни вѣчной.

Но всѣ эти славныя и спасительныя истины были темны для ослѣпленныхъ глазъ и мертвы для ожесточенныхъ сердець; и даже тѣ немногіе, которые, будучи болѣе развиты и болѣе возвышенны сердцемъ, отчасти понимали ихъ и отчасти вѣровали имъ, не смѣли однако же исповѣдать Его, потому что исповѣдать Его значило навлечь на себя страшный *херемъ* (отлученіе) синедріона, а на это они не могли рѣшиться, „ибо возлюбили больше славу человѣческую, нежели славу Божию“.

Такимъ образомъ, нѣкоторая скорбь и чувство отверженности омрачили уже вечеръ самаго дня торжества. Для І. Христа небезопасно было оставаться въ городѣ, да и не было согласно Его желаніямъ. Онъ тайно удалился изъ храма, скрылся отъ зоркихъ враговъ и, ставъ за стѣнами города подъ защиту своихъ

восторженныхъ галилейскихъ послѣдователей, „вышелъ вонъ изъ города въ Виванію съ двѣнадцатью учениками“. Но очень вѣроятно, что Онъ, идя по направленію къ Виваніи, не вошелъ въ самое селеніе; на этотъ разъ повидимому Онъ имѣлъ своею цѣлью укрыться, чего едва ли бы можно было достигнуть возвращеніемъ въ хорошо извѣстный домъ, гдѣ столько народа видѣло Его на пиршествѣ въ предыдущій вечеръ. Болѣе вѣроятно, что Онъ искалъ убѣжища съ своими учениками гдѣ-нибудь подъ тѣнью масличныхъ деревъ на склонѣ горы, недалеко отъ того мѣста, гдѣ встрѣчаются дороги, ведущія къ селенію. Онъ не былъ непривыченъ къ ночлегу на открытомъ воздухѣ, и какъ Онъ, такъ и апостолы, завернувшись въ свои верхніе плащи, могли спать мирнымъ и здоровымъ сномъ на зеленой травѣ подъ покровомъ вѣтвистыхъ деревъ. Предатель находился тутъ же съ другими учениками. Спалъ ли и онъ также спокойно, какъ остальные? Можетъ быть: потому что „совѣсть своими угрызениями беспокоитъ сонъ человѣка только, когда онъ дѣлаетъ первую попытку на преступленіе; равнымъ образомъ и впоследствии, когда онъ вполнѣ выпьетъ чашу преступленія, страшныя фуріи своимъ призракомъ также гонятъ сонъ отъ полуночной подушки. Но средина между первой попыткой и концомъ большею частью бываетъ спокойна, и когда человѣкъ сталъ на избранный имъ путь, то ему предоставляется одному пройти его весь до конца“.

ГЛАВА I.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ СТРАСТНОЙ НЕДѢЛИ. — ДЕНЬ ПРИТЧЪ.

Золотыя яблоки въ серебряныхъ прозрачныхъ сосудахъ. Притч. xxv, 11.

РАНИМЪ утромъ вставъ съ своего ночлега въ окрестностяхъ Виваніи, Іисусъ Христосъ тотчасъ же отправился опять въ городъ и въ храмъ, но на пути почувствовалъ голодъ. Понедѣльникъ и четвергъ у строгонабожныхъ людей того времени считались постными днями, и на это именно намекалъ фарисей, говорившій въ притчѣ: „поцусь два

раза въ недѣлю“. Но постъ этотъ былъ добровольный, онъ не предписывался и не освящался закономъ и пророками. Независимо отъ поста, Спаситель, при своей неустанной дѣятельности по назиданію народа, часто пренебрегалъ самыми обыкновенными потребностями жизни, а такъ какъ быть можетъ на мѣстѣ ночлега не было возможности достать пищи, то Онъ взалкалъ и принужденъ былъ поисвать плодовъ, чтобы поддержать себя на дневной трудъ. Нѣсколько финиковъ или смовъ, кусокъ чернаго хлѣба и глотокъ воды — всегда достаточны для удовлетворенія простыхъ потребностей жителя востока.

Въ этой мѣстности даже и теперь много деревьевъ, хотя и не особенно много пальмъ, смоковницъ и каштановъ, которые до порубокъ ихъ Титомъ во время осады дѣлали окрестности Иерусалима тѣнистымъ паркомъ. Смоковницы большею частью сажались по сторонамъ дорогъ, потому что пыль считалась полезною для ихъ роста, и плоды ихъ были общимъ достояніемъ. Вдали, впереди себя, І. Христосъ замѣтилъ одинокую смоковницу (Мѡ. ххi, 19), и хотя время, когда обыкновенно поспѣваютъ смоквы, еще и не настало, но такъ какъ она была покрыта зеленью и такъ какъ плоды на ней являются прежде листвы, то дерево это видимо обѣщало многое. Богатая листва его повидимому свидѣтельствовала о его плодovitости, а необыкновенно раннее развитіе ея могло указывать на то, что дерево не только плодovито, но и особенно сочно и здорово. Поэтому вполне можно было рассчитывать найти на немъ или запоздавшія темнокрасныя *кермусы*, осеннія смоквы, часто остававшіяся на деревьяхъ въ теченіе всей зимы и даже до распусканія новыхъ весеннихъ листьевъ, или превосходныя *баккуровы*, первые созрѣвшіе плоды смоковницы, которыми особенно любятъ лакомиться на востокѣ. Поэтому недоумѣніе, вызываемое выраженіемъ ев. Марка, что „еще не время было собираенія смовъ“, не представляется неразрѣшимымъ. На равнинахъ Геннисарета Іисусъ привывъ видѣть зрѣлыя смоквы на деревьяхъ, если вѣрить свидѣтельству І. Флавія, въ теченіе круглаго года, кромѣ января и февраля; и въ настоящее время въ Палестинѣ особый родъ бѣлыхъ или раннихъ смовъ созрѣваетъ весной гораздо раньше обыкновенныхъ или черныхъ смовъ. Поэтому вполне естественно, что І. Христосъ

могъ ожидать найти нѣсколько смоквъ для утоленія своего голода на этомъ многообѣщающемъ, покрытомъ листьями, деревѣ, хотя обыкновеннаго времени смоквъ еще и не настало.

Но когда Онъ подошелъ къ смоквонницѣ, долженъ былъ разочароваться. Дерево имѣло здоровые соки; листва придавала ему красивый видъ, но плодовъ на немъ не было совсѣмъ. Оно было бесплодно, представляя удачный образъ лицемѣра, внѣшность котораго обманчива и поддѣльна, поразительный образъ народа, въ которомъ наружное исповѣданіе религіи не приносило „плода доброй жизни“. И бесплодность его къ тому же была *безнадежная*: еслибы оно было плодovито хоть въ предыдущемъ году, то на немъ осталось бы нѣсколько *кормусъ*, свывавшихся подъ зеленой листвою; еслибы было плодovито въ этомъ году, то превосходные и вкусные *баккуровы* уже висѣли бы на немъ раньше появленія листьевъ. Но на этой бесплодной смоквонницѣ не было ни задатка будущихъ плодовъ, ни слѣдовъ прошлыхъ.

Поэтому, такъ какъ дерево было обманчиво и бесплодно, бесполезно обременяло землю, І. Христось сдѣлалъ его вѣчнымъ предостереженіемъ противъ лицемѣрной жизни, а вслухъ учениковъ произнесъ торжественный приговоръ: „Да не будетъ же впредь отъ тебя плода во вѣкъ“. И тотчасъ же по Его слову бесплодная жизнь дерева остановилась и оно начало засыхать.

Это чудо подвергалось множеству критическихъ сужденій, но всѣ они отличаются крайнею пустотою и легкомысленностью, потому что основаны по большей части на невѣжествѣ или предразсудкахъ. Тѣ, которые отвергаютъ божество І. Христа, называли даже это чудо карательнымъ, чудомъ мести, чудомъ недостойнаго гнѣва, ребяческимъ обнаруженіемъ досады при обманутомъ ожиданіи, невѣжественнымъ раздраженіемъ противъ неповинной природы.

Никто конечно изъ тѣхъ, которые признають, что исторія эта представляетъ дѣйствительное и чудесное событіе, не дерзнутъ осуждать побужденій Того, кто совершилъ его; но нѣкоторые стараются доказать, что самый этотъ рассказъ невѣренъ и ошибоченъ, потому что въ немъ повѣствуется о томъ, что они считаютъ недостойнымъ обнаруженіемъ гнѣва при малѣй-

шемъ разочарованіи, чудомъ разрушенія, нарушившимъ даже право собственности владѣльца дерева или вообще народа. Но что касается перваго возраженія, то на него достаточно сказать, что каждая страница Новаго Завѣта показываетъ невозможность представлять, будто апостолы и евангелисты имѣли столь низкое и ложное понятіе объ Иисусѣ, чтобы думать, будто Онъ выместилъ свое мимолетное неудовольствіе на безответномъ предметѣ. Могли ли они представлять себѣ, чтобы Тотъ, кто, по предложенію искусителя, отказался удовлетворить свой голодь обращеніемъ въ хлѣбъ камней пустыни, могъ вдругъ запылать гнѣвомъ не бессознательное дерево? Подобную кощунственную нелѣпость можно бы найти въ апокрифахъ; но еслибы евангелисты были способны увѣковѣчить ее, то конечно они не могли бы имѣть ни способности, ни желанія рисовать тотъ божественный и вѣчный портретъ Господа Иисуса, который они, благодаря своему знанію истины и помощи Св. Духа, имѣли возможность представить міру, какъ его вѣчное и драгоцѣнное достояніе.

Что же касается до насильственнаго изсушенія дерева, то развѣ когда-нибудь осуждали господина въ притчѣ за то, что онъ сказалъ о своей безплодной смоковницѣ: „сруби ее; на что она и землю занимаетъ?“ Обвиняли ли когда-нибудь Іоанна Крестителя въ жестокости и разрушительности за то, что онъ говорилъ: „уже сѣкира при корнѣ дерева лежитъ; всякое дерево, не приносящее добраго плода, срубаютъ и бросаютъ въ огонь“. Или обвиняли ли древняго пророка въ ложномъ изображеніи свойствъ Божіихъ, когда онъ говоритъ: „Я, Господь, зеленѣющее дерево изсушаю“ (Иезек. хvii, 24), равно какъ и „сухое дерево дѣлаю цвѣтущимъ“. Когда градъ побиваетъ побѣги виноградника, когда молнія разбиваетъ маслину или сокрушаетъ могучій, гордый дубъ, то кто, кромѣ крайне невѣжественныхъ и грубыхъ людей, станетъ произносить хулу противъ Бога? Развѣ *всегда* уже преступно уничтожать *безполезное* дерево? Если нѣтъ, то развѣ *болѣе* преступно уничтожать его посредствомъ чуда? Почему же Спаситель міра, для котораго цѣлаго Ливана было бы слишкомъ мало для всесоженія, подвергается со стороны „критиковъ“ порицанію за то, что Онъ

ускорилъ засыханіе одного безплоднаго дерева и на разрушеніи его бесполезнаго существованія основалъ три вѣчныхъ урока — сдѣлавъ его символомъ гибели нераскаяннаго грѣшника. предостереженіемъ отъ опасности лицемѣрія и живымъ примѣромъ силы вѣры?

Продолжая отсюда путь свой, они по обыкновенію направились въ храмъ, и едва вошли въ него, какъ встрѣтились съ новымъ доказательствомъ крайне враждебнаго и тревожнаго настроенія, господствовавшаго среди правящихъ классовъ въ Иерусалимѣ. Къ нимъ подошла огромная депутація, поражавшая численностью и знатностью своихъ членовъ. Тутъ были главные священники, главы двадцати четырехъ чредъ, ученые книжники, ученые раввины, представители всѣхъ классовъ синедриона, явившіеся съ тою цѣлью, чтобы на Того, въ кому они презрительно относились, какъ въ бѣдному невѣжественному пророку изъ презрѣннаго Назарета, навести страхъ всѣмъ тѣмъ, что было самаго почтеннаго въ то время, знаменитаго мудростью или важнаго по своему вліянію въ верховномъ совѣтѣ народа. Народъ, который онъ поучалъ, почтительно разступился предъ ними, чтобы своимъ привосновеніемъ не осквернить ихъ развѣвающихся мантій и пышныхъ вистей, и они, обступивъ Иисуса Христа, прямо и строго спросили Его: „Какою властью Ты это дѣлаешь? и кто Тебѣ далъ такую власть?“ Они требовали отъ Него удостовѣрительнаго свидѣтельства на право публичнаго присвоенія себѣ обязанностей раввина и пророка, на вѣздѣ въ Иерусалимъ среди торжественныхъ народныхъ елизовъ „осанна“, на очищеніе храма отъ продавцевъ, ведшихъ тамъ свою торговлю съ ихъ дозволенія (Марк. хі, 27—33; Мѣ. ххі, 23—27; Лук. хх, 1—8).

Отвѣтъ Иисуса поразилъ и смутилъ ихъ. Съ тѣмъ необычайнымъ присутствіемъ духа, подобнаго которому не представляетъ исторія, съ тѣмъ спокойствіемъ, которое не терялось при самыхъ враждебныхъ нападеніяхъ, Онъ сказалъ имъ, что отвѣтъ на ихъ вопросъ будетъ зависѣть отъ того отвѣта, который они дадутъ на *Его* вопросъ. „Крещеніе Іоанна откуда было — съ небесъ, или отъ человѣковъ?“ Водворилась мгновенная тишина. „Отвѣчайте Мнѣ“, сказалъ Христосъ, прерывая ихъ

шепотливые переговоры. Конечно тѣ, которые посылали депутацию публично изслѣдовать права Іоанна, были въ состояніи отвѣчать на этотъ вопросъ. Но отвѣта не послѣдовало. Они вполне понимали значеніе и цѣль вопроса. Отклонить его, какъ не относящійся въ дѣлу, не было никакой возможности. Іоаннъ открыто и выразительно свидѣтельствовалъ объ Іисусѣ, признавая Его, предъ самыми ихъ уполномоченными, не только пророкомъ, но пророкомъ гораздо бѣльшимъ себя самого, даже величайшимъ Пророкомъ, Мессіей. Признавали ли они это свидѣтельство, или нѣтъ? Ясно, что Христосъ имѣлъ право требовать отъ нихъ отвѣта на *этотъ* вопросъ, прежде чѣмъ отвѣчать имъ. Но они не *могли* или, вѣрнѣе, не *хотѣли* отвѣчать на него. Онъ поставилъ ихъ въ безвыходное положеніе. Они не *хотѣли* сказать „съ неба“, потому что они отвергли его; они не смѣли сказать „отъ человѣковъ“, потому что вѣра въ Іоанна (какъ видно даже изъ Іосифа Флавія) была такъ сильна и единодушна, что открыто отвергать его значило бы подвергать опасности свою личную безопасность. Поэтому они — учителя израилены — поставлены были въ позорную необходимость сказать: „не знаемъ“.

Есть прекрасная еврейская пословица, которая гласитъ: „Учи свой языкъ говорить — я не знаю“. Но сказать „не знаемъ“ въ данномъ случаѣ было совершенно унижительно для нихъ, позорно для ихъ ученаго авторитета, было смертельнымъ ударомъ для ихъ положенія. Это было невѣжество въ той области, въ которой невѣжество для нихъ было непростительно. Они, эти присяжные толкователи закона, признанные учителя народа, ревнивые монополисты въ изученіи св. Писанія и устнаго преданія — вдругъ поставлены въ необходимость, вопреки своего дѣйствительнаго убѣжденія, заявить, и притомъ при народной толпѣ, что они *не могутъ сказать*, былъ ли дѣйствительно боговдохновеннымъ пророкомъ, или льстивымъ обманщикомъ чловѣкъ, который имѣлъ такое громадное религиозное вліяніе на народъ, признавалъ св. Писаніе, истолковываемое ими, и осуществлялъ въ своей жизни правила и обычаи, которые почитаются ими! Неужели же раздѣлительная черта между вдохновеннымъ пророкомъ (*наби*) и наглымъ обманщикомъ (*месіахъ*)

такъ сбивчива и неясна? Это по-истинѣ было страшное униженіе для нихъ, каеого они никогда не могли ни забыть, ни простить. И однако же какъ праведно было возмездіе, которое они сами навлекли на свои головы! Провлѣтія, которыя они рассчитывали для другого, обрушились на нихъ самихъ; торжественный вопросъ, которымъ они хотѣли собрушить другого, неожиданно обратился въ нимъ самимъ, повергая ихъ въ смущеніе и стыдъ.

Исусъ Христосъ не настаивалъ на ихъ окончательномъ пораженіи, хотя вполне зналъ, какъ показывала форма ихъ отвѣта, что ихъ „не знаемъ“ есть въ дѣйствительности — „не можемъ и не хотимъ связать“. Такъ какъ поэтому они не отвѣтили на Его вопросъ, то это очевидно освобождало и Его самого отъ необходимости дальше говорить имъ о власти, относительно которой они, по собственному сознанию, были вполне некомпетентны рѣшать, и Онъ повончилъ всю эту сцену, просто сказавъ имъ: „И Я вамъ не скажу, какою властью Я это дѣлаю“.

Такимъ образомъ, они должны были отступить, а Онъ продолжалъ прерванное ими поученіе народу, и опять началъ говорить притчами, которыхъ едва ли не могли понять какъ народъ, такъ и присутствовавшіе тутъ члены синагога. Онъ выразительно обратилъ ихъ вниманіе на то, что хотѣлъ сказать. „А какъ вамъ кажется?“ спросилъ Онъ, потому что теперь за ними была очередь отвѣчать; и рассказавъ о двухъ сыновьяхъ, изъ которыхъ первый, отказавшись сначала исполнить просьбу отца, потомъ раскаялся и исполнилъ ее, а другой льстиво далъ обѣщаніе, но никогда его не исполнилъ, Спаситель спросилъ ихъ: „какой изъ двухъ исполнилъ волю отца?“ Они конечно могли отвѣтить только „первый“. Тогда Онъ показалъ имъ ясное и глубокое значеніе ихъ собственного отвѣта. Оно состояло въ томъ, что самые мытари и блудницы, несмотря на свое открытое и позорное нарушеніе закона, показывали имъ, — имъ, точнымъ и высокопочтеннымъ законникамъ избраннаго народа, — путь въ царство небесное. Эти грѣшники, которыхъ они ненавидѣли и презирали, прежде ихъ входили въ эти врата, пока еще они не были закрыты. Иоаннъ приходилъ въ іудеямъ „путь праведности“, т.-е. съ проповѣдью ихъ при-

нятаго закона и обычаевъ жизни, и они только на словахъ говорятъ, что приняли его, а на самомъ дѣлѣ отвергли; мытари же и блудницы показались по его зову. Несмотря на свои густыя вѣсти и широкія филактеріи, они, эти священники, вожди, раввины своего народа, передъ очами Божиими были *хуже* тѣхъ грѣшниковъ, въ которыхъ даже пальцемъ привоснуться они считали осверненіемъ.

Затѣмъ Онъ предложилъ имъ „выслушать другую притчу“, — притчу о непокорныхъ виноградаряхъ, которые не хотѣли отдать плодовъ виноградника. Этотъ виноградникъ Господа снль былъ домъ Израиля, народъ іудейскій былъ Его возлюбленнымъ насажденіемъ (Матѣ. ххі, 33—46; Марк. хп, 1—12; Лук. хх, 9—19; Ис. v, 1—7; Пс. lxxix). Вожди и учителя, которымъ ввѣренъ былъ народъ, естественно должны были отдавать господину всѣ произведенія виноградника. Но, несмотря на все, что Онъ дѣлалъ для своего виноградника, отъ него не было плодовъ, или быть можетъ были только дикіе плоды. „Онъ искалъ суда, а нашелъ притѣсненіе; искалъ праведности, а нашелъ вопль“. Такъ какъ виноградари не *могли* представить плодовъ и не *смѣли* обнаружить своей непроизводительности, за которую были отвѣтственны, то они оскорбляли, били, ранили и убивали одного вѣстника за другимъ, которыхъ посылалъ къ нимъ господинъ виноградника. Наконецъ, онъ послалъ своего сына; но этого сына, котораго они узнали и не могли не узнать, они также били, выгнали вонъ и убили. „Итакъ, когда придетъ хозяинъ виноградника, что сдѣлаетъ онъ съ этими виноградарями?“ Слушатели изъ народа, по своему искреннему убѣжденію, или присутствующіе фарисеи, съ цѣлью показать свое презрительное отношеніе ко всему, что могла означать эта притча, отвѣчали, что злодѣевъ этихъ онъ предастъ злой смерти, а виноградникъ отдастъ другимъ виноградарямъ, которые будутъ отдавать ему плоды во времена свои. Второй разъ такимъ образомъ они вынуждены были дать отвѣтъ, который роковымъ образомъ осуждалъ ихъ самихъ; они своими собственными устами признавались, что справедливость Божія требуетъ отнять у нихъ ихъ исключительныя преимущества и передать ихъ язычникамъ.

Чтобы показать имъ, что самое Писаніе пророчесвенно об-

личаетъ ихъ, Христось спросилъ, неужели они никогда не читали въ Писаніи (Пс. сѣхп) о камнѣ, который отвергнуть былъ строителями, но который тѣмъ не менѣе, по чудеснымъ цѣлямъ Божиимъ, сдѣлался главой угла? Какъ могли они дальше оставаться *строителями*, когда весь планъ ихъ строительства былъ отвергнуть и измѣненъ? Развѣ древнее мессіанское пророчество не показываетъ ясно, что Богъ призоветъ *другихъ* строителей на созданіе своего храма? Горе тѣмъ, которые претывались, какъ это было съ ними, объ этотъ отвергнутый камень; но даже и теперь еще было время избѣгнуть конечной гибели для тѣхъ, на кого можетъ упасть этотъ камень. Отвергать Его въ Его человечествѣ и смиреніи уже значило терпѣть прискорбную потерю; но оказаться отвергающимъ Его, когда Онъ придетъ во славу, не значило ли бы это „окончательно погибнуть отъ лица Господа?“ Сѣсть на сѣдалище суда и осуждать Его—значило навлекать гибель на себя и на народъ; но быть осужденнымъ отъ Него — не будетъ ли это значить быть „стертымъ во прахъ“ (Дан. п, 34—44)?

Теперь уже яснѣе, чѣмъ когда-нибудь, они видѣли смыслъ и цѣль этихъ притчъ и жаждали мщенія! Но страхъ еще сдерживалъ ихъ, потому что для народа Исусъ Христось еще былъ пророкомъ.

Въ этотъ день притчъ Онъ высказалъ еще одно предостереженіе въ притчѣ о брачномъ пирѣ царскаго сына. По своей сущности и внѣшнему характеру она очень похожа на притчу о великомъ пиршествѣ, сказанную во время послѣдняго путешествія, въ домѣ фарисея; но она отличается отъ нея многими своими подробностями и всѣмъ заключеніемъ. Здѣсь неблагодарные, которымъ разосланы приглашенія, не только не обращаютъ на нихъ вниманія и продолжаютъ свои обычныя дѣла, но нѣкоторые изъ нихъ даже оскорбляютъ и убиваютъ царскихъ слугъ, посланныхъ съ приглашеніемъ къ нимъ, и за это (тутъ притча переходитъ въ пророчество) они подвергаются истребленію, и городъ ихъ сожигается. Но конецъ притчи представляетъ еще болѣе знаменательныя сцены, исполненъ еще болѣе глубокаго смысла. На пирѣ были приглашены другіе; собрались на него добрые и злые; царь входитъ и замѣчаетъ, что одинъ вошелъ въ

брачное общество въ своемъ вретипцѣ, не доставъ или не принявъ брачной одежды, какъ требовалось простымъ правиломъ приличія.

Этотъ грубый, нахальный, дерзкій гость выгоняется слугами царскими вонъ, во тьму еромѣшнюю, гдѣ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ; и затѣмъ слѣдуетъ въ послѣдній разъ предостереженіе, высказывавшееся въ различныхъ формахъ и вслѣдствіе своей важности часто повторявшееся, что „много званыхъ, но мало избранныхъ“.

Столь очевидныя по своей цѣли и значенію проповѣди все больше и больше озлобляли іудейскихъ главарей и фарисеевъ. Въ началѣ дня Онъ отказался отвѣчать на ихъ повелительные вопросы, вполне оправдывая свой отказъ. Его встрѣчный вопросъ не только показалъ Его спокойное превосходство даже въ томъ вліяніи, которымъ они надменно пользовались надъ народомъ, но принудилъ ихъ въ позорному лицемѣрному молчанію, которымъ они должны были прикрывать свое безсиліе предъ Нимъ. Затѣмъ слѣдовали притчи. Въ первой изъ нихъ онъ обличалъ ихъ въ ложномъ исповѣданіи, не сопровождаемомъ дѣлами; во второй изобразилъ всю отвѣтственность ввѣренной имъ должности и показалъ страшное возмездіе за жестокое и преступное злоупотребленіе ею; въ третьей Онъ указалъ какъ на наказаніе, которое послѣдуетъ за насильственнымъ отверженіемъ Его приглашеній, такъ и на невозможность обмануть ово небеснаго Отца простымъ кажущимся принятіемъ ихъ. Лгущее лицемѣріе, возмутительное невѣріе, слѣпая самонадѣянность—вотъ грѣхи, которые Онъ старался напомнить ихъ совѣсти. Легко представить ту неотразимую силу, съ которою слова Его поражали ихъ подобно обоюдоострому мечу, проникавшему до раздѣленія костей и мозга. Но преступныхъ людей ничто такъ не раздражаетъ, какъ обличеніе ихъ самообмана. Ярость іудейскихъ властей, едва срываема ими, была такъ велика, что они готовы бы были сейчасъ же схватить Его. Только боязнь народа удерживала ихъ, и потому Онъ могъ невредимо удалиться въ свое спокойное убѣжище. Но въ эту самую ночь или рано утромъ на слѣдующій день враги Его составили новое совѣщаніе (теперь повидимому они почти ежедневно составляли совѣщанія), чтобы обсудить,

нелзя ли было сдѣлать еще одного совмѣстнаго, коварнаго, неотразимаго усилія „уловить Его въ словахъ“, обличить въ невѣжествѣ или въ заблужденіи, поколебать въ нему довѣріе народа или впутать Его въ опасныя отношенія къ гражданской власти. Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, каковъ былъ плодъ ихъ коварныхъ замысловъ.

ГЛАВА LI.

ДЕНЬ ИСКУШЕНІЙ. ПОСЛѢДНІЙ И ВЕЛИЧАЙШІЙ ДЕНЬ ОБЩЕСТВЕННАГО СЛУЖЕНІЯ ИСУСА ХРИСТА.

И двери затворились. Матѣ. ххv, 10.

НА СЛѢДУЮЩЕЕ утро Иисусъ Христосъ въ послѣдній разъ отправился съ своими учениками въ притворы храма. На своемъ пути они проходили мимо той же одинокой смоковницы, но она уже не блистала роскошнымъ нарядомъ зеленой листвы, а посохла вся отъ корня до верхушки, во всѣхъ своихъ вѣтвяхъ. Зоркій глазъ Петра первый замѣтилъ это, и онъ въ изумленіи воскликнулъ: „Равви! посмотри, смоковница, которую Ты провѣлялъ, засохла“. Ученики остановились посмотрѣть на нее и выражали свое удивленіе той быстротѣ, съ которою исполнился приговоръ надъ ней. Ихъ особенно поражало *могущество* Иисуса, болѣе же глубокое значеніе этого символическаго дѣйствія еще не было доступно для нихъ. Желая постепенно просвѣтить ихъ сознание къ воспріятію нравоучительнаго значенія всего этого событія I. Христосъ воспользовался ихъ настроеніемъ въ данный моментъ и обратился съ поученіемъ, что если только у нихъ есть вѣра въ Бога,—такая вѣра, которая давала бы имъ возможность возносить свои молитвы съ совершенною и непоколебимою увѣренностью, то они не только будутъ способны совершать чудеса въ родѣ того, что совершилось съ смоковницей, но даже если скажутъ „горѣ сей“, и при этомъ Онъ бытъ можетъ указалъ на Масличную гору или гору Моріа, „поднимись и ввергнись въ море, то сбудется по словамъ ихъ“. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ мо-

гущество употреблено было на разрушеніе, то Онъ присоединилъ и важное предостереженіе. Они не должны думать, что совершившійся предъ ними случай давалъ имъ волю пользоваться чудесными силами, которыя могутъ сообщить имъ вѣра и молитва, въ видахъ мщенія и гнѣва; нѣтъ, сердцу, не умѣющему прощать, не будетъ дано силы, и *непрощающее* сердце само никогда не получить прощенія. Они не должны прибѣгать къ такимъ средствамъ, какъ мечъ, голодъ и язва, да даже и думать не должно о томъ, чтобы низводить на своихъ враговъ огонь небесный или „убійственный холодъ смерти“. Тайна успѣшной молитвы заключается въ вѣрѣ; путь къ вѣрѣ въ Бога лежитъ черезъ прощеніе прегрѣшеній; прощеніе же возможно для нихъ только тогда, когда они и сами готовы прощать другихъ.

Едва Онъ успѣлъ сѣсть въ храмъ, какъ плодъ злобныхъ замысловъ Его враговъ сказался въ новомъ стратегическомъ приѣмѣ. Они прибѣгли къ одной изъ самыхъ опасныхъ и хитро задуманныхъ уловокъ, съ цѣлью уловить Его и погубить. Отчаянный характеръ замысла связывался уже въ томъ, что для исполненія его фарисеи прибѣгли къ зловѣщему соглашенію съ иродіанами, такъ что обѣ эти партіи, обыкновенно стоявшія въ сильной враждѣ между собой, сошлись на заговоръ для пораженія своего общаго врага. Ханжи и вольнодумцы, іерархическая мелочность и политическій индифферентизмъ, школа теократической ревности и школа ловкой политики личной выгоды соединились такимъ образомъ между собою, чтобы смутить и низложить Христа. Иродіане рѣдко появляются въ евангельскомъ повѣствованіи *). Самое ихъ названіе (облатиненное прилагатель-

*) Раньше мы встрѣчаемъ иродіанъ только въ Марк. ш, 6. Они повидному были политическими потомками *антиохіанъ* (2 Макк. iv, 9). Въ дѣйствительности это быть можетъ были *Воееусими* и ихъ приверженцы, которые связаны были съ Иродомъ Великимъ брачными узами и мірскими интересами. Иродъ Великій, влюбившись въ Маріамну, дочь Симона, сына нѣкоего Воеа изъ Александріи, съ цѣлью возвысить достоинство своего тестя, сдѣлалъ Симона первосвященникомъ. Эти Воееусими держали въ своихъ рукахъ первосвященство въ теченіе тридцати-пяти лѣтъ и раздѣляли соединенное съ этимъ достоинствомъ влияніе съ семействомъ Анны. Вообще священническая партія этого времени повидному вся болѣе или менѣе состояла изъ саддукеевъ и болѣе или менѣе изъ иродіанъ. Они потеряли всякое

ное, примѣненное къ говорящимъ по-гречески царедворцамъ иудейскаго князя, который, благодаря римскому вмѣшательству, сдѣлался іудейскимъ царемъ) обнаруживало ихъ не чисто іудейское происхожденіе. Ихъ существованіе имѣло главнымъ образомъ *политическое* значеніе, и они стояли внѣ теченія религиозной жизни, кромѣ развѣ того, что ихъ эллинистическія наклонности и мірскіе интересы заставляли ихъ выказывать видимое пренебреженіе къ закону Моисееву. Это просто были областные царедворцы, — люди, такъ сказать, грѣвшіеся у престола мелкихъ тирановъ, которыхъ они и поддерживали ради своихъ собственныхъ интересовъ и цѣлей. Главною ихъ цѣлью было поддерживать домъ Ирода посредствомъ сохраненія его добрыхъ отношеній къ римскому двору, для чего необходимо было подавлять всѣ національныя движенія среди іудеевъ. Съ этою цѣлью они придавали греческую форму своимъ семитическимъ именамъ, усвоили языческія обычаи, посѣщали амфитеатры, свободно принимали символы языческаго владычества, и даже заходили такъ далеко, что всякими искусственными средствами старались изгладить и уничтожить всѣ отличительныя черты іудейской національности. Если фарисеи теперь сочли нужнымъ даже хотя на время побрататься съ такими людьми, самое существованіе которыхъ было крайнимъ оскорбленіемъ ихъ наиболѣе лѣтвяныхъ убѣжденій, то это даетъ намъ возможность точнѣе опредѣлить ту степень ненависти, которую возбуждалъ въ нихъ І. Христосъ. И эта ненависть должна была сдѣлаться еще смертельнѣе; она уже и теперь была распалена до крайности, но ученіе и дѣла этого дня должны были усилить ее до степени неистовой злобы.

Иродіане могли подойти къ Іисусу, не возбуждая подозрѣнія въ худыхъ побужденіяхъ; но фарисеи, старавшіеся застать Его врасплохъ, не явились лично. Они послали нѣкоторыхъ изъ своихъ младшихъ учениковъ, которые (уже навывки въ лицемѣріи) должны были подойти къ Нему какъ бы съ невинною простотою

вліяніе на народъ и оставили всякую заботу о немъ, и хотя не доходили до столь открытаго безстыдства, но все-таки были прямыми представителями тѣхъ худыхъ первосвященниковъ, которые со времени Іасона и Менелая старались ввести „эллинизмъ и идолопоклонство“ (2 Макк. iv, 13, 14).

объясненныя совопросниговъ. Они очевидно хотѣли придать всему дѣлу тотъ видъ, что будто бы между ними и иродіанами возникъ споръ и что для рѣшенія его они хотѣли обратиться къ окончательному и высшему авторитету великаго пророка. Такимъ образомъ, они подошли къ Нему съ видимымъ почтеніемъ и вѣжливостью. „Учитель, сказали они съ льстивой серьезностью, мы знаемъ, что Ты справедливъ, и истинно пути Божію учишь, и не заботишься объ угожденіи кому-либо; ибо не смотришь ни на какое лицо“. Этимъ они какъ бы просили Его безбоязненно и нелицеприятно высказать имъ свое личное мнѣніе, какъ будто они дѣйствительно нуждались въ Его мнѣніи для своего руководства въ нравственномъ вопросѣ практической важности и были совершенно увѣрены, что Онъ только одинъ могъ разрѣшить удручавшее ихъ недоумѣніе. Но напрасны были всѣ эти лукавые подходы и извивы змѣиной лести. Острое жало и ядовитые зубы обнаружилились сразу. „Итакъ, скажи намъ: какъ Тебѣ вѣжется? позволительно ли давать подать кесарю, или нѣтъ?“ Должны мы или нѣтъ платить эту поголовную подать, которую всѣ мы такъ ненавидимъ, но законность которой поддерживаютъ эти иродіане? Кто изъ насъ правъ? — Мы ли, презирающіе и отвергающіе ее, или иродіане, которые довольны ею? (Матѣ. ххii, 15—22; Лук. хх, 19—26; Марк. хii, 13—17).

Онъ *долженъ*, думали они, отвѣчать да или нѣтъ; отъ такого простаго вопроса, предложеннаго такъ осторожно, искренно и почтительно, нельзя увернуться. Быть можетъ, Онъ отвѣтитъ: „да, позволительно“. Если такъ, то всѣ опасенія Его со стороны иродіанъ устранятся, потому что тогда Онъ едва-ли будетъ опасенъ для нихъ и для ихъ взглядовъ. За то если Тотъ, котораго народъ принимаетъ за Мессію, заявитъ себя открытымъ сторонникомъ языческой тираніи и освятитъ самый ненавистный для него налогъ, то такое рѣшеніе сразу подорветъ и расфѣтъ всякое почтеніе въ Нему въ народѣ и такимъ образомъ отстранитъ опасность, представляемую восторженною преданностью Ему народа. Если же съ другой стороны, какъ они думали навѣрное, Онъ приметъ взгляды своего соотечественника Іуды Гавлонита и отвѣтитъ: „нѣтъ, не позволительно“, тогда и въ этомъ случаѣ также они все равно отдѣлаются отъ Него;

тогда Онъ окажется въ открытомъ возстаніи противъ римской власти, и эти новые друзья ихъ продіане тотчасъ же предадутъ его суду прокуратора. Понтій Пилать сурово повончить съ Его притязаніями и, если нужно, безъ малѣйшаго смущенія смѣшаетъ Его кровь съ кровью жертвъ, какъ онъ недавно поступилъ съ другими галилеянами.

Съ затаеннымъ дыханіемъ ожидали они отвѣта; но еслибы даже имъ удалось скрыть ненависть, сверкавшую въ ихъ лукавыхъ глазахъ, то Христось все-таки сразу почувствовалъ жало и шипѣніе фарисейскаго змѣя. Они льстили Ему названіями „Учитель“, восхваляли Его справедливость, безпристрастіе и безбоязненность; а Онъ поражаетъ ихъ однимъ гнѣвнымъ словомъ: „Лицемеры!“ Слово это сразу же должно было обнажить ихъ замысль, разбить ихъ коварство. „Что искушаете Меня, лицемеры? Покажите Мнѣ монету, которою платится подать“. Они едва ли носили при себѣ ненавистныя римскія монеты съ языческими символами, хотя навѣрно постоянно имѣли въ своихъ поясахъ храмовые сивлы. Но стоило только выйти изъ притвора язычниковъ, чтобы у мѣновщиковъ денегъ достать ходячія римскія монеты. Народъ съ безмолвнымъ удивленіемъ стоялъ, пока они сбѣгали и принесли динарій, который подали Ему. На одной сторонѣ монеты были выбиты надменные, красивыя черты императора Тиверія съ злобною презрительностью на устахъ; на оборотной сторонѣ—титуль его Pontifex Maximus. Что на монетѣ оказалось изображеніе этого жестокаго, распущеннаго деспота,—это вѣроятно была простая случайность, потому что римляне, съ полупрезрительною снисходительностью къ народнымъ предразсудкамъ, отличавшею ихъ управленіе, дозволяли для іудеевъ чеканить особенную монету, на которой значилось только имя, а не было портрета царствующаго императора. „Чье это изображеніе и надпись?“ спросилъ Онъ. „Кесарева“—отвѣтили тѣ. Тогда коварный вопросъ ихъ разрѣшался самымъ простымъ образомъ: „Итакъ, отдавайте кесарево кесарю“. Одного этого было бы достаточно, потому что это значило, что самое принятіе съ ихъ стороны этой монеты служило отвѣтомъ на ихъ вопросъ и обнаруживало его праздность. Самое слово, употребленное Имъ, заключаетъ въ себѣ правоучительный смыслъ. Они спросили

Его: „позволительно ли давать?“ Онъ поправляетъ ихъ и говорить: „отдавайте“ — давайте назадъ. Это былъ не добровольный даръ, а законная обязанность; не добротное приношеніе, а политическая необходимость. Іудеи вполне понимали это, и величайшіе ихъ раввины позднѣйшаго времени ясно говорили, что принимать монету какаго-нибудь государя значитъ признавать его владычество надъ собою. Принимая динарій поэтому, какъ ходячую монету, они открыто признавали, что кесарь ихъ верховный государь, и они, по крайней мѣрѣ лучшіе изъ нихъ, рѣшали этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что позволительно, законно платить поголовную подать, — рѣшали самымъ дѣломъ уплаты ея. Такимъ образомъ, повиноваться власти, очевидно признанной ими, былъ ихъ долгъ, и подать при такихъ обстоятельствахъ была только уплатой за выгоды, которыя они получали сами. Но Христосъ не остановился только на этомъ урокъ. Онъ прибавилъ еще болѣе глубокія и важныя слова — „и Божіе Богу“. Кесарю они обязаны были монетой, принимавшейся ими въ качествѣ символа его власти и носящей его изображеніе и надпись; Богу они обязаны были самымъ своимъ бытіемъ, самими собою. Ничто такъ полно не раскрываетъ всю глубину гнуснаго лицемерія этихъ іудейскихъ совопросниковъ, какъ то, что они, несмотря на этотъ божественный отвѣтъ и несмотря на свое тайное внутреннее убѣжденіе, впоследствии основывали на немъ свое лживозлостное обвиненіе противъ Христа, будто Онъ „запрещалъ давать подать кесарю“ (Лув. ххп, 2).

Смущенные и униженные этимъ неожиданнымъ и полнымъ разстройствомъ плана, казавшагося имъ столь неотразимымъ, они были принуждены, вопреки самимъ себѣ, восхищаться незлобивою мудростью, которая мгновенно распутала всѣ сѣти ихъ коварной злобы, и удалились въ мрачномъ настроеніи. Въ Его словахъ не было ничего такого, за что могли бы ухватиться даже они. Но не смущаясь этой позорной неудачей, саддукеи, съ своей стороны, думали, что, быть можетъ, на ихъ долю выпадетъ больше успѣха (Мѣ. ххп, 23—33; Марк. хп, 18—27; Лув. хх, 27—39). Въ вопросъ, который предложили они, было нѣчто болѣе высокоумное и открытое, и они подошли не столько съ ненавистью, сколько съ насмѣшкой и презрѣніемъ. До сихъ

поръ эти холодные эпикурейцы ограничивались только презрительнымъ отношеніемъ къ назаретскому пророку. Опираясь въ качествѣ секты на приверженность первосвященниковъ, а также нѣкоторыхъ изъ богатѣйшихъ гражданъ, и находясь въ лучшихъ, чѣмъ фарисеи, отношеніяхъ какъ съ иродіанскою, такъ и римскою властью, они доселѣ не придавали никакой особенной важности всему этому дѣлу и просто задавались тѣмъ, чтобы какъ-нибудь досаждать Иисусу, ставя Его въ затруднительное положеніе. Такъ и теперь они приступили съ своей старой выдохшейся казуистикой (построенной въ томъ же духѣ самодовольнаго невѣжества, какъ и многія изъ возраженій, выставляемыхъ новѣйшими саддукеями противъ воскресенія тѣла), но еще настолько хлесткой, что она могла служить аргументомъ въ пользу невѣрія и ставить противниковъ въ затруднительное положеніе. Съ притворнымъ почтеніемъ обращаясь къ І. Христу, они обратили Его вниманіе на Моисеево постановленіе о деверскомъ бракѣ, и затѣмъ изложили, въ качествѣ дѣйствительнаго происшествія, грубо вымышленный случай, въ которомъ вдова послѣ смерти старшаго брата, оставшагося бездѣтнымъ, послѣдовательно вступала въ замужество съ шестью младшими братьями, которые всѣ также померли одинъ за другимъ, оставивъ ее опять вдовою. „Итакъ, въ воскресеніи, когда воскреснуть, насмѣшливо спрашиваютъ они, котораго изъ нихъ она будетъ женою? Ибо семеро имѣли ее женою“. Фарисеи, какъ можно судить по талмудическимъ трактатамъ, уже рѣшили этотъ вопросъ самымъ яснымъ образомъ и съ полною удовлетворительностью для себя, именно, что въ воскресеніи она должна быть женою перваго своего мужа. Но еслибы даже І. Христосъ далъ имъ этотъ плохой отвѣтъ, то въ виду того, что отвѣтъ этотъ принятъ людьми, высокочтимыми за свою мудрость, трудно понять, какъ саддукеи могли бы поколебать силу отвѣта, или чего вообще достигли бы этимъ своимъ празднымъ и грубымъ вопросомъ. Но Христосъ не удовлетворился такимъ отвѣтомъ, хотя, быть можетъ, имъ удовлетворились бы даже Гиллель и Шаммаи. Даже когда обороты и формы Его рѣчи были схожи съ оборотами прежнихъ или современныхъ учителей народа, духъ и значеніе ея всегда были безконечно отличны отъ нихъ. Еслибы Онъ былъ подобенъ

другимъ человѣческимъ учителямъ, то могъ бы отнести къ этому вопросу съ тѣмъ пренебрежительнымъ презрѣніемъ, ка-кого онъ только и заслуживалъ; но презрительность была чужда голубиной кротости Господа Иисуса, и безъ всякаго пренебреже-нія Онъ далъ на ихъ хитрозадуманный и коварный вопросъ са-мый глубокій отвѣтъ. Хотя вопросъ для Него былъ совершенно неожиданный, Онъ далъ на него вѣчнопамятный отвѣтъ, который шире раскрылъ внутренность рая и далъ возможность видѣть въ немъ то, чего никогда прежде не видѣли люди. Въмѣстѣ съ тѣмъ Онъ выставилъ противъ одной изъ самыхъ распростра-ненныхъ формъ невѣрія таковой аргументъ, котораго не приво-дилъ ни одинъ раввинъ и ни одинъ пророкъ. Саддукеямъ Онъ отвѣтилъ не съ тою суровостью, которою отличался Его отвѣтъ фарисеямъ и иродіанамъ, потому что цѣль ихъ обнаруживала скорѣе пошлое легкомысліе, чѣмъ затаенную злобу; но Онъ сказалъ имъ, что они заблуждаются отчасти по невѣденію Пи-санія, отчасти по невѣденію силы Божіей. Еслибы они знали силу Божію, то не думали бы, что жизнь по воскресеніи будетъ лишь воспроизведеніемъ и повтореніемъ жизни чадъ міра сего. Въ небесномъ загробномъ мірѣ хотя любовь и остается, но все чувственныя стороны въ человѣческихъ отношеніяхъ исчезаютъ или преобразуются. „Сподобившіеся достигнуть того вѣва и воскресенія изъ мертвыхъ ни женятся, ни замуъ не выхо-дятъ. И умереть уже не могутъ; ибо они равны ангеламъ и суть сыны Божіи, будучи сынами воскресенія“. Что же ка-сается ихъ незнанія Писанія, то Онъ спросилъ ихъ, развѣ они нивогда не читали въ томъ отдѣлѣ книги „Исходъ“, которая называлась „вупиной“, какъ Богъ отерылъ себя ихъ великому законодателю Богомъ Авраама, Богомъ Исаака и Богомъ Іакова. Какъ пустъ и ничтоженъ былъ бы этотъ титулъ, еслибы Авраамъ, Исаакъ, и Іаковъ въ то время были уже только при-горшней сѣраго рассыпающагося праха или вучей мертвыхъ ко-стей, тлѣющихъ въ пещерѣ хеттейской. „Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ. Итакъ, вы весьма заблуждаетесь“. Возможно ли, чтобы онъ назвалъ себя Богомъ праха и пепла? Этимъ дано было новое, блистательное, глубокое начало въ тол-кованіи св. Писанія. Саддукеи, вѣроятно, полагали, что слова эти

просто означаютъ: „Я Богъ, на котораго Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ уповали“; однако же какъ пустъ былъ бы этотъ титулъ и какъ мало пригоденъ для того, чтобы вдохновлять вѣру и мужество, необходимыя для самоотверженныхъ подвиговъ! „Я Богъ, на котораго Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ уповали“, — но къ чему же, если нѣтъ воскресенія, могло сводиться ихъ упованіе? — въ смерти, ничтожеству, вѣчному безмолвію, въ сѣни смертной и мрачной, и это послѣ жизни, исполненной испытаній,—жизни, которую послѣдній изъ этихъ патриарховъ называлъ странствованіемъ малыхъ и злыхъ лѣтъ! Но Богъ разумѣлъ нѣчто большее. Онъ разумѣлъ, и такъ именно истолковалъ это титло Сынъ Божій,—что Онъ, содѣйствуя уповающимъ на Него здѣсь, будетъ для нихъ помощію и заступленіемъ во вѣки вѣковъ, и будущій міръ не будетъ для нихъ страной забвенія.

ГЛАВА ЛII.

ВЕЛИКОЕ ОБЛИЧЕНІЕ.

Изречи пророчество на пастырей Израилевыхъ,
изречи пророчество. Іезек. xxxiv, 2.

ГЛУБОКІЕ отвѣты Спасителя привели въ восхищеніе всѣхъ слышавшихъ ихъ, даже надменныхъ саддукеевъ. Народъ изумлялся и восторгался ими; даже нѣкоторые изъ книжниковъ, довольные блистательнымъ пораженіемъ скептицизма, съ которымъ они не въ силахъ были совладать своими доводами, не могли не выразить благодарной признательности І. Христу. „Учитель, Ты хорошо сказалъ!“ Болѣе чѣмъ человѣческая мудрость и прозорливость этихъ отвѣтовъ произвела даже среди его враговъ временный поворотъ въ Его пользу. Но ненасытный духъ вазуистивы и препирательства опять воспрянулъ въ нихъ, и теперь одинъ книжникъ, специально изучавшій *тору* (законъ), рѣшилъ съ своей стороны испытать объемъ учености и глубину мудрости Христа. Онъ обратился съ вопросомъ, который тотчасъ же обнаруживалъ ложную и узкую точку зрѣнія:

„Учитель! какая наибольшая заповѣдь въ законѣ“ (Мѡ. ххп, 34—40; Мрѡ. хп, 28—34)?

Раввинскія школы, при своемъ запутанномъ, плотскомъ, поверхностномъ направленіи, выражавшемся въ словосплетеніи и буквоповлонствѣ, придумали множество мелочныхъ тонкостей, приплетенныхъ къ системѣ Моисеева закона. Между прочимъ раввины изошряли свой праздный умъ на фантастическихъ попыткахъ сосчитать, распредѣлить по классамъ, взвѣсить и измѣрить всѣ отдѣльныя постановленія обрядоваго и нравственнаго закона. Они пришли въ этомъ отношеніи къ велемудрому заключенію, что въ немъ было 248 положительныхъ постановленій, именно по числу членовъ человѣческаго тѣла, и 365 отрицательныхъ, по числу артерій и венъ, или дней въ году. Всѣхъ постановленій такимъ образомъ 613, а столько же именно буквъ находится въ Десятословіи. Къ тому же выводу они приходили и инымъ путемъ. Іудеямъ повелѣвалось (Числ. хv, 38) носить на углахъ своихъ *таллиѡвъ* кисти (*цицѡвъ*), привязанныя голубой ниткой; а такъ какъ каждая кисть состояла изъ восьми нитей и пяти узловъ, и буквы въ словѣ *цицѡвъ* составляютъ сумму 600, то все число постановленій опять будетъ то же, именно 613. Но при такомъ громадномъ числѣ постановленій и запрещеній всѣ они конечно не могутъ имѣть одинаковаго значенія: одни „полегче“, другія „потяжелѣ“. Но какія же именно? и какая же наибольшая заповѣдь въ законѣ? По ученію нѣкоторыхъ раввиновъ, самыя важныя тѣ, которыя касаются *теффиллинъ* и *цицѡвъ*, філактерій и висточекъ, и кто поэтому „усердно соблюдаетъ ихъ, тотъ какъ бы соблюдаетъ весь законъ“ *).

*) Когда равв. Іосифъ спросилъ равв. Іосифа Бенъ-Раббу, какую заповѣдь отецъ его внушалъ ему больше всѣхъ, отвѣчалъ: „Законъ о кистяхъ. Однажды, когда, сходя по гѣстницѣ, отецъ мой наступилъ на одну изъ нитей и оторвалъ ее, онъ не хотѣлъ двинуться съ мѣста, пока не починили ея“. Эти кисти должны быть изъ четырехъ нитей, изъ которыхъ одна голубая; продернутыя черезъ колечко и перегнутыя, нити эти удвоились въ числѣ; семь должны быть одинаковой длины, а восьмая должна быть таковой длины, чтобы ея хватало на пять узловъ, означающихъ пять книгъ закона! и пр. Что касается *теффиллинъ*, то правила касательно ихъ были подробны до изумительности.

Нѣкоторые ставили неисполненіе предписанныхъ омовеній наравнѣ съ человѣкоубійствомъ; иные думали, что всѣ постановленія мишны „тяжелы“, а изъ постановленій закона инья тяжеля, инья легкія. Другіе считали *третью* заповѣдь наибольшею. Никто изъ нихъ не сознавалъ глубокой истины, что произвольное нарушеніе одной заповѣди есть преступленіе противъ всѣхъ (Іав. п, 10), потому что цѣль всего закона есть духъ *послушанія Богу*. По вопросу, предложенному книжникомъ, послѣдователи Шаммаи и Гиллеля расходились между собою и по обыкновенію обѣ школы заблуждались: послѣдователи Шаммаи въ томъ, что придавали важное значеніе самому просто внѣшнему исполненію обрядовыхъ предписаній, независимо отъ внутренняго настроенія, съ которымъ они совершаются, и начала, которое въ нихъ выражалось; послѣдователи Гиллеля напротивъ въ томъ, что не признавали важности въ положительномъ содержаніи каждой заповѣди самой по себѣ и не видѣли, что великія начала необходимы при должномъ исполненіи даже малѣйшихъ обязанностей.

Однако же лучшіе и наиболѣе просвѣщенные изъ раввиновъ уже ясно сознавали, что наибольшею изъ всѣхъ заповѣдей, *источникомъ* всѣхъ другихъ была та, которая повелѣвала любить единого истиннаго Бога. Христосъ уже имѣлъ однажды случай выразить свое одобреніе такому взгляду (Лук. х, 27), и теперь повторилъ его. Указавъ книжнику на его собственную филактерію, въ которой одинъ изъ четырехъ отдѣловъ содержалъ *шему* (Втор. vi, 4), дважды въ день прочитываемую каждымъ набожнымъ іудеемъ, Онъ сказалъ ему, вотъ это наибольшая изъ всѣхъ заповѣдей: „Слушай, Израиль! Господь Богъ вашъ есть Господь единый“, и вторая подобная ей: „возлюби ближняго твоего, какъ самого себя“. Любовь къ Богу, имѣющая своимъ послѣдствіемъ любовь къ человѣку, и любовь къ человѣку, нашему ближнему, происходящая отъ любви къ нашему Отцу Богу, — вотъ двѣ заповѣди, на которыхъ утверждаются весь законъ и пророки.

Въ томъ смыслѣ, въ какомъ вопросъ этотъ предложенъ былъ книжникомъ, онъ представлялъ собою одну изъ тѣхъ „распрей о законѣ“ (Тит. iii, 9), которыя, при усвоенной школами раз-

работѣ ихъ, были „безполезны и безцѣльны“. Но книжникъ не могъ не замѣтить, что І. Христосъ взглянулъ на этотъ вопросъ совсѣмъ не въ праздномъ духѣ сварливой логомахи, къ которой тотъ привыкъ, и въ своемъ отвѣтѣ отнюдь не одобрилъ ходячихъ заблужденій о превосходствѣ обрядоваго закона надъ нравственнымъ, преданія надъ торой или опредѣленій софери-мовъ надъ пророками. Еще болѣе далекъ Онъ былъ отъ рововаго заблужденія раввиновъ, по которому они исполненіе закона въ одной какой-нибудь части считали достаточнымъ возмездіемъ за нарушеніе въ другой. Заповѣди, на которыя Онъ указалъ какъ на наибольшія, были не спеціальныя, по общія, не избранныя изъ многихъ, но заключающія въ себѣ всѣ остальные. Книжникъ имѣлъ настолько ума, чтобы видѣть, и настолько откровенности, чтобы признать, что отвѣтъ І. Христа былъ возвышенный и мудрый. „Хорошо, Учитель! воскликнулъ онъ: истину сказалъ Ты“. Затѣмъ онъ доказалъ, что не безъ пользы изучалъ св. Писаніе; онъ привелъ нѣкоторыя изъ тѣхъ вдохновенныхъ изреченій пророковъ, которыя доказываютъ, что любовь къ Богу и любовь къ ближнему „больше всѣхъ всесожженій и жертвъ“. Христосъ одобрилъ его искренность и отвѣтилъ ему словами, въ которыхъ заключалось какъ милостивое одобреніе, такъ и серьезное предостереженіе: „Недалеко ты отъ царства Божія“. Для него поэтому легче войти, но и опаснѣе увлечься въ сторону. Войдя же, онъ увидитъ, что самый духъ его вопроса ошибоченъ и ложенъ, и что „кто сохранитъ весь законъ, но нарушитъ хотя одну іоту, повиненъ всему закону“ (Іак. II, 10).

Послѣ этого уже не дѣлалось болѣе попытокъ уловить или запутать І. Христа на словахъ. Синедрионъ, потерпѣвъ поражение на самыхъ хитрыхъ своихъ замыслахъ и униженіе въ своей хваленной мудрости, теперь по опыту зналъ, что достаточно было одного луча съ той солнечной высоты, гдѣ парилъ духъ І. Христа, чтобы разсѣять и разогнать туманы словопреній и пустыхъ хитросплетеній, въ которыхъ они всецѣло жили, двигались и существовали. Но имъ слѣдовало бы убѣдиться, какъ легко было Ему, еслибы только Онъ захотѣлъ, съ сокрушительною силою направить противъ нихъ то самое оружіе, ко-

торымъ они тщетно пользовались противъ Него съ такими печальными для себя результатами. Поэтому Онъ предложилъ имъ одинъ простой вопросъ, основанный на ихъ собственныхъ началахъ толкованія св. Писанія, и взятый изъ псалма (сіх), который они считали ясно мессіанскимъ. Въ этомъ псалмѣ есть выраженіе: „сказалъ Господь (*Иегова*) Господу моему (*Адонаи*): сѣди одесную Меня“. Какъ же Мессія могъ быть сыномъ Давида? Могъ ли Авраамъ назвать Исаака, Іакова, Іосифа или кого-нибудь изъ своихъ близкихъ или отдаленныхъ потомковъ своимъ *Господомъ*? Если нѣтъ, то какъ же Давидъ могъ сказать такъ? — На это могъ быть только одинъ отвѣтъ, именно, что этотъ Сынъ — божественный, а не человѣческій, сынъ Давида по человѣческому рожденію, но Господь Давида по своей божественной сущности. Но имъ и на умъ не приходило такое простое объясненіе, да и вообще имъ нельзя было такъ объяснять себѣ этого мѣста; они не могли объяснять его такъ, потому что Іисусъ былъ ихъ Мессія, а они отвергали Его. Они не хотѣли признавать, что Онъ по плоти сынъ Давида; а когда Онъ, въ качествѣ ихъ Мессіи, назвалъ себя Сыномъ Божиимъ, то они въ благочестивомъ ужасѣ всплеснули руками и взялись за камни, чтобы побить Его. Такимъ образомъ, опять и здѣсь отвергая нить вѣры, которая могла бы привести ихъ къ истинѣ, они при всей своей мудрости жестоко заблуждались. Хотя они высокомерно считали себя вождями народа, но даже и на такомъ обыкновенномъ и столь важномъ предметѣ, какъ ихъ мессіанскія надежды, они во второй разъ въ теченіе одного дня были изобличены въ томъ, что они слѣпые вожди слѣпыхъ.

Но они любили слѣпоту; они не сознавались въ своемъ невѣдѣніи; они не раскаивались въ своихъ неправдахъ; злобный ядъ ненависти къ Нему не смирился предъ Его вротостью и непроницаемая тьма ихъ развращенія не разсѣивалась предъ Его мудростью. Они окончательно рѣшили погубить Его и цѣль эту преслѣдовали съ неотступнымъ упорствомъ; если не удавался одинъ замысль, они съ еще болѣе ожесточеннымъ упорствомъ прибѣгали въ другому. И такъ какъ любовь поэтому не могла уже тронуть ихъ, то теперь должна была выступить справедливость; такъ какъ Свѣтъ міра не могъ просвѣтить ихъ,

то грозная молнія должна была по крайней мѣрѣ предостеречь ихъ отъ опасности. Теперь уже не было надежды на ихъ примиреніе съ Нимъ; они только все болѣе и болѣе воснѣли въ нераскаянной злобѣ къ Нему. Обращаясь поэтому къ своимъ ученикамъ, но въ слухъ народа, Христосъ разразился громами осужденія, которые раскатъ за раскатомъ поражали ихъ преступныя головы (Мѡ. ххш, 1—39). Онъ поучалъ своихъ слушателей уважать ихъ, какъ представителей законной внѣшней власти, но предостерегалъ отъ подражанія ихъ лживости, ихъ угнетеніямъ, ихъ хвастовству, ихъ страсти къ общественному почету и титуламъ, ихъ ненасытной жадности и самохвальственной гордости. Онъ внушалъ имъ остерегаться широкихъ філактерій и увеличенныхъ кистей, длинныхъ одеждъ, что прикрывали кровожадныя сердца, и длинныхъ молитвъ, которыми они отвращаютъ вниманіе отъ своихъ темныхъ замысловъ. И затѣмъ Онъ съ страшною торжественностью изрекъ на нихъ восьмеричное „горе“: „Горе вамъ, книжники и фариसेи, лицемеры!“ Подобно молніи и грому это страшное предостереженіе восемь разъ разражается надъ ними, обнажая и поражая всю мерзость ихъ внутренняго запустѣнія. Горе имъ за невѣжественную ученость, закрывавшую врата неба, и за пагубную зависть, не позволявшую другимъ входить ими. Горе имъ за лицемеріе, съ которымъ они угнетаютъ другихъ, и за ханжество, прикрывающее ихъ алчность. Горе за фанатическую ревность въ обращеніи язычниковъ, которая приводила только къ болѣе губительному развращенію. Горе имъ за слѣпоту и безумную мелочность, съ которой они извратили святость вѣяत्वъ и тѣмъ приводили многихъ къ кощунству. Горе имъ за пустосвятскую точность, съ которою они платили десятину съ мяты, аниса и тмина, и совсѣмъ позабыли о правдѣ, любви и вѣрѣ, оцѣживали комара, но поглощали верблюда. Горе имъ за соблюденіе внѣшней чистоты чашъ и блюдь, стоящей въ разительномъ противорѣчїи съ обьяденіемъ и пьянствомъ, для которыхъ служили эти предметы. Горе этимъ гробамъ, что подражаютъ святынѣ храма — блестящей внѣшности, которая только усиливаетъ омерзительность внутренняго содержанія. Горе имъ за притворное покаяніе, съ которымъ они осуждали своихъ отцовъ за избіеніе пророковъ и въ то же время носили

въ себѣ этотъ кровожадный духъ своихъ предковъ, и даже переполнили и превзошли мѣру ихъ преступленій еще болѣе ужаснымъ злодѣйствомъ. Да, на это поволеніе должна была пасть вся кровь праведная, пролитая на землѣ, отъ крови Авеля праведнаго до крови Захаріи, котораго они убили между храмомъ и жертвенникомъ. Гроза возмездія уже сгущалась надъ ними и готова была разразиться молніей и громомъ надъ ихъ преступными головами.

Но тутъ этотъ голосъ, гремѣвшій праведнымъ гнѣвомъ, вдругъ тронуть былъ самою нѣжною, любящею жалостью къ злополучному городу: „Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! Сколько разъ хотѣлъ Я собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли! Се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ. Ибо связываю вамъ: не увидите Меня отнынѣ, доколѣ не воскричите: благословенъ грядый во имя Господне!...“

„Горе вамъ, книжники и фариसेи, *лицемѣры!*“ Есть люди, которые дерзаютъ укорять произнесшаго эти слова въ несправедливости, ожесточенности, и приписываютъ ихъ взрыву недостойнаго и неосновательнаго гнѣва по случаю неисполнившихся ожиданій. Но развѣ нельзя укорять грѣха? Развѣ нельзя изобличать лицемѣрія? Развѣ негодованіе на пограніе нравственныхъ законовъ не свойственно чувствамъ брагородной души? И развѣ сама іудейская литература не подтверждаетъ обвиненій, высказанныхъ Христомъ противъ фариसेевъ? „Не бойся *истинныхъ* фариसेевъ, но сильно бойся *подкрашенныхъ* фариसेевъ“, сказалъ Александръ Іанней своей женѣ на смертномъ одрѣ. „Верховный судъ, говоритъ раввинъ Нахманъ, должнымъ образомъ накажетъ лицемѣровъ, которые окутываются *таллиаами*, чтобы вазаться *истинными* фарисеями, на самомъ дѣлѣ не будучи ими“. Даже талмудъ, съ необычайной остротой и суровостью сарказма, избразилъ семь классовъ фариसेевъ, изъ которыхъ *шесть* характеризовалъ гордецами и обманщиками. Между ними были фарисеи-*шехемиты*, т.-е. *согбенные*, ходившіе съ согбенной спиной въ знакъ того, что они несли на своихъ плечахъ всю тяжесть закона; *стотыкающіеся* фарисеи (*нижфи*), которые были такъ

смирены, что никогда не поднимали ногу отъ земли и потому постоянно спотыкались; *истекающіе кровью* фарисеи (*кимаи*), которые всегда натывались на стѣны и ранили себя, потому что были такъ цѣломудренны, что не могли ходить съ открытыми глазами, боясь увидѣть женщину; *известковые* фарисеи (*медоркиа*), которые какъ бы известкой залѣпляли себѣ глаза по той же самой причинѣ; фарисеи *скажи-мнѣ-другую-заповѣдь-и-я-исполню-ее*, многіе изъ которыхъ встрѣчаются и во время служенія Спасителя, и *боязливые* фарисеи, которые во всемъ дѣйствуютъ по побужденіямъ страха. Только послѣдній седьмой классъ составляли „фарисеи по любви“, которые повиновались Богу вслѣдствіе своей сердечной любви къ Нему. Всѣ остальные были заражены самымъ закоснѣлымъ, бездушнымъ лицемеріемъ, приводившимъ къ безстыдному нарушенію того самаго закона, въ охраненіи котораго они полагали самую цѣль своей жизни *).

*) Укажемъ нѣсколько примѣровъ тѣхъ уловокъ, къ которымъ прибѣгали эти лицемеры, чтобы обойти законъ, когда онъ не соглашался съ ихъ интересами и цѣлями. Быть можетъ, самымъ поразительнымъ примѣромъ этого служить способъ, посредствомъ котораго они ухищались освобождать себя отъ постановленнаго ими самими обязательства не проходить въ субботній день болѣе 2000 локтей.

У фарисеевъ былъ обычай собираться на *сисситин*, т.е. общія ежедневныя пирушки, которыя они обставляли самыми строгими условіями и во всѣхъ отношеніяхъ уподобляли ихъ священническимъ вечернямъ. Но такъ какъ дома ихъ часто находились болѣе чѣмъ на 2000 локтей отъ мѣста собранія и такъ какъ носить бремя въ субботу было строго запрещено (Неем. xiii, 15; Иерем. xvii, 21; Исх. xvi, 29), то имъ, безъ помощи уловки, пришлось бы отказаться отъ общихъ прршествъ въ тотъ самый день, въ который они больше всего любили ихъ. Небольшая уловка однако же освобождала ихъ отъ этого затрудненія.

Вечеромъ передъ субботой они клали нѣсколько пищи на разстояніи 2000 локтей отъ своего дома, дѣлая такимъ образомъ мнимый домъ; отъ этого мнимаго дома затѣмъ можно было пройти еще 2000 локтей до мѣста собранія, позволяя себѣ такимъ образомъ двойное разстояніе противъ узаконеннаго. Такая лицемерная продѣлка мягко называлась „сочетаніемъ мѣстъ“ или *эрубъ* („смѣшеніе“), названіе, подъ которымъ она извѣстна и теперь. Чтобы поборотъ дальнѣйшія затрудненія, прибѣгали еще къ болѣе жалкой уловкѣ: по улицамъ разставляли косяки и притолки дверей, такъ что все пространство между ними можно было считать какъ бы однимъ огромнымъ домомъ.

Гробница Давида въ Иерусалимѣ.

„Се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ“. И развѣ это предсказаніе не исполнилось во всей своей ужасной дѣйствительности? Кто не слышитъ отголоска его въ словахъ Тациты: „Expasse repente delubri fores, et audita major humana vox excedere

Могли ли быть слишкомъ строги поэтому пылающія слова обличенія въ отношеніи такой игры съ постановленіями, которыя считались божественными и священными и за нарушеніе которыхъ фарисеи готовы были мстить нарушителю смертью? Они должно быть думали, что легко обмануть какъ божество, такъ и совѣсть.

Саддукеи также обходили эти затрудненія, но болѣе смѣлыми и не столь жалкими способами, спокойно утверждая, что ихъ обѣды составляли продолженіе храмоваго служенія и поэтому къ нимъ относится положеніе, что „нѣтъ суббота въ храмѣ“.

Такихъ примѣровъ можно привести множество. Напр., если у іудея умираетъ воля, то онъ можетъ убить его и въ *святой день*, если только съѣсть кусокъ мяса величиною съ плодъ маслины, чтобы показать, что воля былъ убитъ для необходимаго питанія. Если іудею нужно купить что-нибудь такое, что продается вѣсомъ или мѣрой, то онъ можетъ купить и въ святой день, если только расплатится на слѣдующій день и при покупкѣ не упомянетъ названія, вѣса или мѣры покупаемой вещи. Если іудею нужно купить скота, птицъ и пр. въ святой день, то онъ можетъ купить, только не долженъ упоминать о деньгахъ или о требующемся ему количествѣ. Онъ можетъ покупать у мясника въ святой день, только не долженъ говорить: „дай мнѣ мяса на столько-то денегъ“, а только — „дай мнѣ порцію или полпорцію“, и притомъ заплатить на слѣдующій день. Можно ли при самой великодушной снисходительности не назвать все это законничествомъ, измышленнымъ съ цѣлью обмануть Бога исполненіемъ буквы, а не духа? Слишкомъ ли сурово слово „лицемѣры“ для тѣхъ, кто такіа уловки возвели въ священную систему?

Другой примѣръ того же рода интересенъ по тому способу, какъ они относились къ субботному году. До Христа и во время Его они обходили законъ о прощеніи долговъ тѣмъ, что считали доблестнымъ дѣломъ со стороны должника, если онъ самъ не пользовался Моисеевымъ постановленіемъ, а уплачивалъ свои долги, несмотря на субботній годъ. Но, чтобы не стать въ вопіющее противорѣчіе съ закономъ, эти мудрецы постановили, что кредиторъ долженъ сказать: „согласно съ субботнымъ годомъ я прощаю тебѣ долгъ“, на что должникъ долженъ отвѣтить: „я все-таки хочу заплатить его“, и затѣмъ кредиторъ получалъ деньги. Дѣйствительно остроумная уловка, но едва ли терпимая въ людяхъ, которые заявляли сильное усердіе и безграничную преданность во всякому положенію, слову и даже ко всякой буквѣ Моисеева законодательства. Можно бы подумать, что всѣ эти законническія уловки вызваны ложнымъ положеніемъ. Но гораздо болѣе постыдное доказа-

Deos“ (внезапно настезь отворились ворота храма и раздался великій человѣческій голосъ: выходятъ Боги)? Говоря объ убіеніи младшаго Ханана и другихъ знатныхъ вельможъ и іерарховъ, Іосифъ Флавій говоритъ: „Я не могу думать иначе, какъ то, что Богъ осудилъ этотъ городъ на разрушеніе, какъ городъ нечестивый, и опредѣлилъ очистить свое святилище огнемъ, и предаль избіенію его великихъ защитниковъ и благожелателей; тѣ, которые не задолго передъ тѣмъ носили священныя одежды, стояли во главѣ общественнаго богослуженія и были высокочтимы всѣми обитающими на землѣ, теперь были нагими выбрасываемы вонъ, и тѣла ихъ дѣлались пищею собакъ и дикихъ звѣрей“. Исторія еще не представляетъ повѣствованія, которое было бы исполнено столькихъ ужасовъ, неистовствъ, невыразимаго звѣрства и неслыханныхъ бѣдствій, какъ исторія осады Іерусалима. Никакое пророчество не исполнялось съ большею точностью и болѣе ужаснымъ образомъ, чѣмъ это пророчество Христа. Мужчины переодѣвались въ женскія нарядныя платья и ходили повсюду со скрытымъ подъ нимъ оружіемъ; соперничающіе между собою Іоаннъ и Симонъ старались превзойти другъ друга безчинствомъ и буйствомъ; священники, поражен-

тельство систематическаго лицемѣрія представляетъ совѣтъ, данный раввиномъ Ила тѣмъ, кто страдалъ отъ искушеній чувственности. Онъ встрѣчается въ двухъ мѣстахъ талмуда. Мы не можемъ [привести этихъ мѣстъ, но сущность ихъ заключается въ томъ, что грѣхъ прелюбодѣанія позволителенъ, если онъ умѣло скрытъ. Другое раввинское правило касательно развода представляетъ собой такое же тонкое лицемѣріе, такую же циническую поблажку. „Человѣкъ не долженъ жениться на женщинѣ съ *намыреніемъ* развестись съ ней; но если онъ заранѣе извѣститъ ее, что женится на ней только на время, то разводъ позволителенъ“.

Шамман, узкоумный соперникъ Гиллея, былъ такъ точенъ, что почти голодомъ уморилъ своего сына въ день оищенія и на постели своей снохи сдѣлалъ нѣчто въ родѣ шалаша, чтобы его маленькій внукъ (только что родившійся!) могъ должнымъ образомъ соблюсти праздникъ кущей. И однако же о немъ сообщается, что это былъ человѣкъ себялюбивый и любившій роскошь. Вѣдь легче соблюдать десятину мяты, чѣмъ жить благочестиво. Тѣ, кто держатъ говорить, что Спаситель былъ слишкомъ суровъ по отношенію къ фарисеямъ, должны бы помнить изреченіе, приписываемое царю Александру Іаннею, что „истымъ фарисеямъ былъ тотъ, кто хотѣлъ играть роль Хазвы и получить награду Финееса“.

ные стрѣлами съ верхнихъ притворовъ храма, замертво падали у самыхъ своихъ жертвенниковъ; кровь отъ множества труповъ — священниковъ, пришельцевъ и простого народа — лужами стояла на священныхъ дворахъ; мертвыя тѣла рядами и кучами лежали у подножія самага алтаря; огонь жадно пожиралъ кедровую рѣзбу, покрытую золотомъ; друзья и враги въ отчаянной рѣзнь скучивались на мозаичномъ полу, убивая другъ друга; священники, пухнушіе отъ голода, въ безумствѣ бросались во всепожирающее пламя, пока наконецъ это пламя не закончило своего разрушительнаго дѣла, и отъ того, что было храмомъ іерусалимскимъ, великолѣпнымъ и святымъ домомъ Божиимъ, осталась только груда развалинъ, пылающіе останки которыхъ съ шипѣніемъ гасли въ лужахъ человѣческой крови.

Тутъ какъ бы дѣйствительно вся праведная кровь, пролитая на землѣ со времени Авеля, пала на этотъ злополучный народъ. Многіе конечно изъ того самага поколѣнія дожили до того времени, когда имъ пришлось видѣть и пережить всѣ эти ужасы, описываемые І. Флавіемъ. Тогда они видѣли, какъ ихъ соплеменниковъ съ издѣвательствомъ распинали „одного такъ, другого иначе“, пока уже „не стало мѣста для крестовъ, и крестовъ не стало для труповъ“; испытывали ужасъ безмолвныхъ ночей въ промежуткахъ безумствъ и кровопролитій; видѣли 600,000 труповъ, выносимыхъ изъ городскихъ воротъ; видѣли друзей, безумно дерущихся изъ-за пучка кореньевъ или глотка воды; видѣли окровавленныхъ зилотовъ, которые „съ разинутыми отъ голода ртами, шатаясь, бродили и падали подобно бѣшеннымъ собакамъ“; слышали ужасный разговоръ объ одной злополучной матери, которая въ припадкѣ голоднаго бѣшенства пожрала своего собственнаго ребенка. Они видѣли, какъ ихъ продавали въ рабство въ такомъ множествѣ, что никто уже не хотѣлъ покупать; какъ по улицамъ струились потоки крови и горячія головни разрушаемыхъ домовъ тухли въ крови ихъ защитниковъ; видѣли, какъ ихъ сыновей сотнями продавали въ рабство или уводили для того, чтобы выставить ихъ въ амфитеатрѣ въ жертву мечу гладиатора или ярости львовъ, пока наконецъ „по избіеніи народа, по сожженіи дома Божія и разрушеніи города врагамъ ничего уже больше не оставалось дѣлать въ немъ“. Во время этой ужасной осады, по-

лагають, погибло около 1.000,000 человекъ, кромѣ 97,000 уведенныхъ въ плѣнъ и впослѣдствіи погибшихъ также на аренѣ и въ рудникахъ. И страшно было сознавать, какъ сознавали это нѣкоторые изъ очевидцевъ, пережившихъ эти ужасы и не бывшихъ христіанами, „что городъ заслужилъ свою гибель, произведя поколѣніе людей, сдѣлавшихся причиной его бѣдствій“, и что „ни одинъ городъ еще не перенесъ такихъ бѣдствій, но въ то же время и ни одинъ вѣкъ съ самаго начала міра еще не воспитывалъ поколѣнія, которое было бы болѣе преступно и злобно, чѣмъ жившее въ то время“.

ГЛАВА LIII.

ПРОЩАНІЕ СЪ ХРАМОМЪ.

Не останется здѣсь камня на камнѣ.
Матѣ. xxiv, 2.

ВСѢМЪ было ясно, что великое обличеніе, о которомъ рассказано въ предыдущей главѣ, составляло окончательный и безвозвратный разрывъ. Послѣ столь грознаго обличенія не могло уже быть примиренія. Было уже „слишкомъ поздно“. Дверь была закрыта. Когда Іисусъ Христосъ оставлялъ храмъ, то ученики ясно видѣли, что Онъ оставлялъ его навсегда.

Но когда Онъ оставлялъ его или, быть можетъ, когда Онъ съ печальнымъ сердцемъ, потушивъ взоры, сѣлъ во дворѣ женщинъ отдохнуть душой, возмущенной необычайной напряженностью нравственнаго негодованія и утомленной этими постоянными нападами, произошелъ новый, менѣе печальный случай, который далъ Ему возможность оставить предѣлы дома Отца своего не съ выраженіемъ гнѣва, а съ словами одобренія. Во дворѣ женщинъ было тринадцать ящичковъ, называвшихся *шоферовъ*, изъ которыхъ каждый имѣлъ форму трубы, расширавшейся внизъ отъ отверстия, и каждый былъ украшенъ разными надписями. Въ эти ящики опускались тѣ благочестивыя и благотворительныя приношенія, которыя и содѣйствовали какъ на-

вопленію въ храмѣ его несмѣтныхъ богатствъ, такъ и его великолѣпію. Когда І. Христосъ сидѣлъ тамъ, народъ проходя опускалъ свои жертвы, и среди его замѣтно выдавались наиболѣе богатые жертвователи, которые съ показнымъ самодовольствомъ опускали свое золото и серебро. Поднявъ глаза, быть можетъ отъ мысленно предносившихся образовъ скорби, Спаситель однимъ взглядомъ обнялъ все значеніе представившейся картины. Въ это самое время бѣдная женщина боязливо опустила свое малое приношеніе (Лув. ххі, 1). Лица богатыхъ жертвователей исказились отъ презрѣнія къ ничтожному приношенію, меньше котораго уже нельзя было приносить на храмъ. Она опустила двѣ *пруты*, самыя мелкія изъ ходячихъ монетъ, такъ что опускать одну уже не позволялось закономъ даже и для самыхъ бѣдныхъ. *Лента* или *прута* составляла восьмую часть *аса* и стояла немного болѣе полушки, такъ что все ея приношеніе составляло немного болѣе денежки. Давая столь ничтожный даръ, она могла бы устыдиться своей бѣдности, когда кругомъ ея богачи сыпали золотомъ. Но Христосъ былъ доволенъ ея вѣрою и самоотверженіемъ. Ея жертва была той „чашей холодной воды“, которая, будучи подана съ любовью, не останется въ царствѣ Его безъ должной награды. Вслѣдствіе этого Онъ захотѣлъ преподать вѣчное наставленіе, что сущность благотворенія есть самоотреченіе; а самоотреченіе этой вдовы при ея бѣдности было гораздо больше, чѣмъ богатѣйшаго фарисея, приносившаго золото. „Ибо всѣ они владѣли отъ избытка своего; она отъ скудости своей положила все, что имѣла, все пропитаніе свое“. „Одна монета изъ малаго, говоритъ св. Амвросій, лучше, чѣмъ сокровище изъ многого; потому что принимается во вниманіе не то, сколько дается, а сколько остается“. „Ибо если есть усердіе, говоритъ ап. Павелъ, то оно принимается, смотря по тому, что имѣеть, а не потому, чего не имѣеть“.

Наконецъ І. Христосъ въ послѣдній разъ оставилъ храмъ; но апостолы все еще льнуть съ гордою національною любовью къ этой великой и достопамятной святынѣ. Они остановились, чтобы бросить на него послѣдній тоскливый взглядъ, и одинъ изъ нихъ не утерпѣлъ, чтобы не обратить вниманія Учителя на многоцѣнные камни и великолѣпныя украшенія храма, на

его девять вратъ, отягченныхъ массаами золота и серебра, и на одни еще болѣе цѣнныя врата—изъ цѣльной коринеской бронзы; на эти великолѣпныя, башнями вздымавшіеся притворы; на эти граненныя глыбы мрамора въ сорокъ локтей длины и десять локтей вышины, свидѣтельствующія о трудѣ и щедрости столѣбыхъ поколѣній; на эти двойные ходы и стройныя колонны; на эти роскошныя украшенія скульптурой и арабесками; на эти смѣняющіяся глыбы краснаго и бѣлаго мрамора, напоминающія гѣнистый гребень и зіяющую бездну волнующагося моря, и на эти огромныя золотыя вѣтви винограда, величиною въ человѣческой ростъ, которыя съ изящнымъ великолѣпіемъ висѣли надъ золотыми вратами. Они какъ бы хотѣли заставить Его посмотрѣть вмѣстѣ съ ними на возвышающіяся террасы дворовъ храма: вотъ дворъ язычниковъ съ его богатой мозаикой и колоннами изъ цѣльныхъ глыбъ камня; за нимъ четырнадцать ступеней вели во дворъ женщинъ; другія пятнадцать ступеней вели во дворъ священниковъ, и наконецъ еще двѣнадцать ступеней вели на послѣднюю площадку, завершавшуюся дѣйствительнымъ святилищемъ и мѣстомъ святая святыхъ, которое равнины любили сравнивать по формѣ со спящимъ львомъ и которое при своей мраморной бѣлизнѣ и золоченыхъ кровляхъ походило на величественную гору, снѣговая вершина которой золотомъ горѣла на солнцѣ. Они какъ бы думали, что красота и великолѣпіе этого зрѣлища повліяютъ на Него и тронутъ Его сердце своею нѣмою мольбой. Но сердце Христа было прискорбно. Для Него единственной красотой храма была чистота и искренность сердца молящихся; что же касается внѣшности, то ни золото, ни мраморъ, никакая изысканность блестящей рѣзбы по ведровому дереву, никакія скульптурныя украшенія не могли сдѣлать для Него изъ вертепа разбойниковъ дома молитвы. Строители еще занимались своимъ дѣломъ—въ теченіе почти пятидесяти послѣднихъ лѣтъ, но дѣлу ихъ, какъ не имѣвшему на себѣ благословенія Божія, суждено было рушиться, прежде полного окончанія, рушиться подобно потрясенному подземнымъ ударомъ форуму Помпей. Отвернувшись отъ блистательнаго зрѣлища, І. Христосъ кратко и почти строго замѣтилъ: „Видите сіи великія зданія? Все это будетъ разрушено, такъ что не останется камня

на камнѣ“. Это былъ послѣдній возгласъ удаляющагося Божества. Тацитъ и Иосифъ Флавій рассказываютъ, что страшный возгласъ удалявшагося Божества — „уйдемъ отсюда!“ — былъ слышенъ во время осады Іерусалима; но теперь онъ раздался въ дѣйствительности, хотя и не сопровождался ни землетрясеніемъ, ни чудесами, которыя бы показывали, что тутъ завершалась великая эпоха въ исторіи человѣчества. Переходъ совершился спокойно, какъ и часто въ исторіи спокойно зрѣютъ сѣмена великихъ событий. Но тридцать пять лѣтъ спустя храмъ этотъ разрушенъ былъ въ прахъ, и ни Адріанъ, ни Юліанъ, никто уже не могъ возстановить его на томъ же мѣстѣ, а теперь даже и самое мѣсто его съ точностью неизвѣстно.

Печально и молчаливо, съ тяжелыми думами на сердцѣ, оставили они священныя зданія храма, которыя представляли собою какъ бы олицетворенную исторію іудейскаго народа со времени Соломона. Перейдя долину ведронскую, они пошли по крутой тропѣ, ведущей чрезъ гору Елеонскую въ Виваніи. На вершинѣ горы они остановились, и І. Христосъ сѣлъ отдохнуть, быть можетъ подъ зелеными вѣтвями двухъ великолѣпныхъ кедровъ, нѣкогда украшавшихъ вершину горы. Отерывавшееся отсюда зрѣлище способно было вдохнуть самыя возвышенныя мысли. Съ одной стороны, глубоко внизу подъ Нимъ лежалъ священный городъ, который давно уже сдѣлался блудницей и даже теперь въ этотъ день, послѣдній день общественнаго служенія Христа, окончательно доказалъ, что не позналъ времени своего посѣщенія. Подъ ногами у Него разстилались склоны горы и садъ Геосиманскій. На противоположномъ склонѣ высились городскія стѣны и посреди ихъ широкая площадь, увѣнчанная мраморными колоннадами и золочеными кровлями храма. Къ востоку, за обнаженными, скалистыми холмами пустыни іудейской, видѣлась пурпурная града горъ Моавитскихъ, которыя при солнечномъ закатѣ сверкаютъ подобно цѣпи изъ драгоценныхъ камней. Въ глубокой, сожженной солнцемъ котловинѣ Гора, пестрѣющей сумрачными глыбами кобальта, колыхались таинственныя воды озера Лотова. И такимъ образомъ, смотря съ вершины горы, Спаситель повсюду видѣлъ слѣды гнѣва Божія и грѣха человѣческаго. Съ одной стороны сумрачно свергало

Мертвое море, смолистая и одурающія волны котораго составляют постоянное свидѣтельство мщенія Божія за плотское разращеніе, а подъ ногами былъ знаменитый, но преступный городъ, который проливалъ кровь пророковъ и осужденъ былъ подпасть еще болѣе страшному возмездію за еще болѣе гнусное злодѣяніе. И заходящее солнце земной жизни Христа отбрасывало еще болѣе густыя и печальныя тѣни на всю сцену Его земного странствованія.

Внѣшнее отраженіе Его мыслей, быть можетъ, придавало необычайную торжественность Его позѣ и чертамъ, когда Онъ безмолвно сидѣлъ среди безмолвнаго и печальнаго общества своихъ немногихъ вѣрныхъ послѣдователей. Не безъ чувства страха ближайшіе и наиболѣе возлюбленные изъ апостоловъ, Петръ, Іаковъ, Іоаннъ и Андрей, подошли къ Нему, и вида, что взоры Его устремлены на храмъ, спросили Его наединѣ. „Скажи намъ, когда это будетъ, и какой признакъ Твоего пришествія и кончины вѣка?“ По одному изъ незанисанныхъ изреченій Христа Онъ будто бы такъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ: „когда два будетъ одно и то, что вовнѣ, какъ то, что внутри, и мужескій съ женскимъ будетъ немужескимъ и неженскимъ“. Но по свидѣтельству евангелистовъ вопросъ этотъ Онъ оставилъ теперь безъ отвѣта. Когда І. Христу предлагался какой-нибудь невѣжественный, неблагоговѣйный или непристойный вопросъ, то Онъ обыкновенно не прямо уворялъ за него, а обойдя вопросъ, вмѣсто отвѣта высказывалъ какое-нибудь великое правоученіе, которое находилось въ связи съ нимъ и единственно могло имѣть цѣну (ср. Лук. хш, 23, 24). Такъ и теперь вопросъ апостоловъ послужилъ поводомъ къ великой эсхатологической бесѣдѣ,—бесѣдѣ о послѣднихъ міровыхъ событіяхъ, основной тонъ которой заключается въ четырехъ нравственныхъ призывахъ: „берегитесь!“ „смотри!“ „терпите“ и „молитесь!“

Эта возвышенная бесѣда переполнена таинственными указаниями. Иносказательный языкъ, въ который она облечена, и намѣренная неясность, скрывающая по намѣреніямъ Божиимъ всѣ подробности о будущемъ, которыя могли бы только удовлетворять праздное любопытство или возбуждать удручающій страхъ, навсегда должны будутъ дѣлать нѣкоторыя части ея трудными

для разумѣнія. Но если мы сравнимъ изложеніе этой бесѣды у трехъ синоптиковъ (Матѣ. xxiv, xxv; Марк. xiii; Лук. xxi) и найдемъ, что они взаимно объясняютъ и дополняютъ другъ друга; если мы примемъ во вниманіе, что у всѣхъ трехъ бесѣда Иисуса Христа несомнѣнно сокращена и передается только въ своемъ существенномъ содержаніи, съ допущеніемъ разногласія въ словахъ; если будемъ имѣть въ виду, что евангелисты излагаютъ ее по всей вѣроятности въ переводѣ съ арамейскаго языка, на которомъ она была произнесена; если мы признаемъ за несомнѣнное, что предметомъ и цѣлью пророчествъ всегда было въ безконечно большей степени нравственное предостереженіе, чѣмъ самое неопредѣленное хронологическое указаніе, такъ какъ для видѣнія пророка, какъ и для очей Божіихъ, все время есть только одно вѣчное настоящее, „одинъ день какъ тысяча лѣтъ, и тысяча лѣтъ какъ одинъ день“; если наконецъ съ спокойнымъ благоговѣніемъ будемъ держаться яснаго указанія самого Спасителя, что Ему, по Его человѣческой природѣ, не были извѣстны день и часъ, относящіеся къ тѣмъ „временамъ и лѣтамъ, которыя Отецъ содержитъ въ своей власти“; если, говоримъ, мы будемъ читать эти главы, постоянно имѣя въ виду все это, — то можно быть увѣреннымъ, что для каждаго искренняго и серьезнаго читателя большая часть этихъ трудностей исчезнетъ сама собой.

Изъ сравненія ев. Луки съ другими синоптиками ясно, что Спаситель направлялъ мысли учениковъ своихъ на два различныхъ горизонта — одинъ близкій и другой отдаленный, давая имъ видѣть одинъ край картины будущаго. При этомъ одинъ изъ нихъ былъ прообразомъ другого; судъ надъ Іерусалимомъ, за которымъ слѣдовало установленіе видимой церкви на землѣ, предвозвѣщалъ судъ надъ всѣмъ міромъ и основаніе царства Христова при второмъ Его пришествіи. Если неопредѣленный пророческій языкъ и образы въ евангеліи Маттея, а также въ нѣкоторой степени и въ евангеліи Марка, и могутъ производить впечатлѣніе, будто эти два событія поставляются въ тѣсную связь между собою или по крайней мѣрѣ сопредѣльны, то съ другой стороны изъ евангелія Луки мы ясно видимъ, что Спаситель выразительно внушалъ вопрошавшимъ

Его апостоламъ, что хотя за многими предсказанными Имъ знаменіями немедленно послѣдуетъ завершеніе одной великой эпохи въ исторіи міра, но съ другой стороны великая кончина міра *послѣдуетъ не тотчасъ же*, и поэтому они не должны были тревожиться смутами и волненіями міра и предаваться лихорадочному ожиданію. Вообще, если разъ мы усвоимъ себѣ ту мысль, что Христось въ этой бесѣдѣ говорилъ отчасти и прежде всего о паденіи іудейскаго народа и отмѣнѣ заключеннаго съ нимъ завѣта, и уже во-вторыхъ — о кончинѣ міра, и что такъ какъ въ живой бесѣдѣ слова и мысли о томъ и другомъ событіи перемѣшивались между собою, — какъ это вполне естественно у Того, все существо котораго обитало въ области вѣчности, а не временности, — то евангелисты не могли ясно различать, что въ этой бесѣдѣ по преимуществу относилось къ одному, и что къ другому событію. Имѣя это въ виду, мы не поддадимся поверхностнымъ и ошибочнымъ выводамъ, и намъ будетъ ясно, что передъ послѣдней кончиной Иисусъ Христось предсказывалъ о совершеніи двухъ великихъ событій. Первое изъ нихъ — долгое пограбіе Іерусалима, „доколѣ не окончатся времена язычниковъ“ (Лук. ххі, 24, то-есть окончится ихъ могущество и уступитъ мѣсто христіанству), второе событіе — это проповѣданіе Евангелія царства Божія всѣмъ народамъ земли (Матѣ. ххiv, 14).

Въ бесѣдѣ этой Христось прежде всего предостерегалъ ихъ отъ ложныхъ мессій и ложныхъ пророковъ. Онъ говорилъ имъ, чтобы они не ужасались отчаянной борьбы народовъ и тѣхъ физическихъ бѣдствій и потрясеній, которыя такъ часто совпадаютъ по времени съ великими переворотами въ исторіи, потому что все это будетъ только предвѣстіемъ наступленія возрожденія міра, первыми родовыми муками наступающей эпохи. Онъ предсказывалъ о страшныхъ гоненіяхъ, безграничномъ нечестіи, объ упадкѣ вѣры и широкомъ распространеніи евангельской проповѣди, какъ о знаменіяхъ приближающагося конца. Какъ видно изъ многихъ другихъ мѣстъ св. Писанія, эти знаменія, уже появлявшіяся при разрушеніи Іерусалима, въ еще большихъ размѣрахъ появятся вновь предъ послѣдней кончиной міра (см. 1 Тесс. v, 3; 2 Тесс. ii, 2 и пр.).

Слѣдующій отдѣлъ этой бесѣды останавливается главнымъ образомъ на ближайшемъ будущемъ. Въ немъ ясно предсказывается разрушеніе священнаго города и даются указанія, по которымъ можно было судить о приближеніи этого событія, чтобы позаботиться о своей безопасности. Когда они увидятъ Іерусалимъ обложеннымъ войсками, когда мерзость, ставшая причиною запустѣнія, водворится на мѣстѣ святомъ, тогда они даже съ полей и кровлей должны бѣжать изъ Іудеи и въ заіорданскихъ горахъ искать убѣжища отъ тѣхъ ужасовъ, которые должны послѣдовать. Но даже и тогда они не должны увлекаться обманчивыми призраками ложныхъ мессіанскихъ надеждъ. Многіе будутъ кричать: „вотъ здѣсь! и вотъ тамъ“! — но пусть они не обращаютъ вниманія на эти крики; потому что когда Христосъ придетъ, то пришествіе Его, подобно молніи, проносящейся отъ востока до запада, будетъ безошибочно видимо всему міру, и какъ орлы собираются на трупы, такъ и исполнители Его мщенія направятъ свой полетъ на весь грѣховный міръ. Благодаря такимъ предостереженіямъ, христіане заблаговременно спаслись. Прежде чѣмъ Іоаннъ Гискальскій заперъ ворота Іерусалима и Симонъ Гераскій началъ избивать бѣглецовъ, такъ что „кто избѣгалъ тирана внутри стѣнъ, былъ избиваемъ другимъ тираномъ за городскими воротами“; прежде чѣмъ римскіе орлы спустились на обреченный гибели городъ или оргія беззаконій и убійствъ въ ужасѣ изгоняла молящихся изъ дворовъ храма, — христіане заблаговременно воспользовались предостереженіемъ и въ небольшомъ перейскомъ городѣ Пеллѣ были внѣ опасности отъ грабежа, убійства, голода, людоедства и человекоистребленія, сдѣлавшихъ осаду Іерусалима болѣе ужаснымъ и возмутительнымъ зрѣлищемъ, чѣмъ какое когда-либо видимо было съ самаго начала міра.

Затѣмъ Иисусъ Христосъ перешелъ въ предсказанію о помраченіи солнца и луны, о паденіи звѣздъ и потрясеніи небесныхъ силъ. Знаменія эти могутъ имѣть и буквальный, и иносказательный смыслъ, и они будутъ предшествовать явленію Сына человеческого на небѣ, когда Онъ пошлетъ ангеловъ своихъ съ трубою громогласною собирать избранныхъ отъ четырехъ вѣтровъ, отъ края до края. Этотъ день Господень также будетъ имѣть свои

знаменія, и Спаситель внушалъ своимъ ученикамъ во всѣ времена наблюдать за этими знаменіями и истолковывать ихъ точно такъ же, какъ они истолковываютъ признаки приближенія лѣта по распусканію листьевъ на смоковницѣ. Но день тотъ придетъ внезапно, неожиданно, неотразимо, и такъ какъ онъ будетъ днемъ награды всѣмъ вѣрнымъ рабамъ, то въ то же время будетъ и днемъ мщенія и наказанія для обжоры и пьяницы, для лицемеря и угнетателя. Чтобы еще сильнѣе напечатлѣть въ ихъ душахъ это наставленіе о бдительности и вѣрности и еще выразительнѣе предостеречь ихъ отъ опасности безпечной жизни и погашенія свѣтильника бдительности, Онъ разсказалъ имъ двѣ великолѣпныя, простыя, но въ то же время богатыя назидательностью притчи о десяти дѣвахъ и талантахъ и нарисовалъ для нихъ картину того великаго дня страшнаго суда, когда Царь небесный будетъ отдѣлять всѣ народы одни отъ другихъ, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ. Въ тотъ день оказавшіе хоть малѣйшее добро наименьшему изъ братьевъ Его будутъ считаться оказавшими это добро лично Ему. Но чтобы эти величественныя эсхатологическія изреченія не подали повода къ какому-нибудь старымъ ошибочнымъ мессіанскимъ воззрѣніямъ, Онъ закончилъ ихъ печальнымъ, но уже знакомымъ для нихъ предсказаніемъ, что прежде всего этого послѣдуетъ Его страданіе и смерть. Теперь уже съ полною явностью и простотой открывается самый поводъ, способъ и день: „Вы знаете, что чрезъ два дня будетъ пасха, и Сынъ человѣческой преданъ будетъ на распятіе“.

Такъ закончилась эта великая бесѣда на горѣ Елеонской. Солнце уже сѣло, и Онъ всталъ и пошелъ съ своими апостолами по дорогѣ въ Визанію. Это уже въ послѣдній разъ Онъ шелъ по этой дорогѣ на землѣ, и послѣ испытаній, утомленія, возвышенной проповѣди и страшныхъ волненій этого богатаго происшествіями дня, какъ восхитительно пріятными должны были казаться Ему эти часы тихихъ сумерекъ и вечерняго покоя; какъ освѣжительны были миръ и любовь, окружавшіе Его въ этомъ тихомъ селеніи и благословенномъ домѣ! Какъ уже замѣчено было раньше, Иисусъ Христосъ не любилъ городовъ и едва ли когда-нибудь проводилъ ночь въ ихъ предѣлахъ. Ихъ стадное нечестіе,

ихъ неугомонная общественность, ихъ лихорадочная суетливость, ихъ монотонная безцвѣтность — все это отталкивало и возмущало Его нѣжную, чистую душу. Восточный городъ всегда грязенъ; нечистоты выбрасываются на улицы; мостовыхъ нѣтъ; бродячія собаки — единственные подбиратели нечистотъ; животныя и люди смѣшанно толкуются на тѣсныхъ улицахъ и проходахъ. Поэтому, хотя по долгу своего служенія Спаситель долженъ былъ часто посѣщать Іерусалимъ и проповѣдывать огромнымъ толпамъ народа, собиравшагося на годовые праздники со всѣхъ областей и странъ свѣта, но при всякомъ удобномъ случаѣ Онъ повидимому удалялся за городскія ворота — частью быть можетъ для безопасности, частью по бѣдности, частью потому, что любилъ этотъ благословенный домъ въ Виваніи, а частью также быть можетъ и потому, что Онъ чувствовалъ больше мира, радости въ душѣ, когда ступалъ по травѣ, растущей на горахъ, чѣмъ по жесткимъ камнямъ города, и высшимъ блаженствомъ для Него было общеніе съ Отцомъ небеснымъ подъ тѣнію масличныхъ деревъ, гдѣ, вдали отъ людского шума и возмутительныхъ зрѣлищъ, Онъ мирно могъ наблюдать за чудной красой заходящаго солнца и чувствовать освѣжающую сладость осѣдавшей росы.

И конечно этотъ послѣдній вечеръ по пути въ Виванію, вечеръ вторника страстной недѣли, могъ только вдохнуть въ Его душу глубокій миръ. Правда, мысль о горькой чашѣ, которую Ему скоро предстояло испить, предносилась Его душѣ, но предносилась только со стороны возвышенной жертвы и совершенія высочайшаго дѣла любви. Не муви, которыя Онъ долженъ былъ выносить, но муви, отъ которыхъ Онъ долженъ былъ спасти; не сила тьмы, праздноющая свой кратковременный триумфъ, а искупительная побѣда, полное, совершенное и безконечное удовлетвореніе за грѣхи — вотъ что, какъ можно съ благоговѣніемъ предполагать, было предметомъ, занимавшимъ Его думы. Чарующая красота палестинскаго вечера; нѣжныя краски весеннихъ травъ и цвѣтовъ; торжественнымъ сумракомъ окутанныя долины кругомъ; отдаленныя горы, утопающія въ заревѣ вечерняго небосклона; прохлада и благоуханіе тихаго вѣтерка послѣ палящаго дневного зноя — какимъ блаженствомъ все это было для Того,

кому природа была открытой книгой, на каждой страницѣ которой Онъ читалъ имя своего небеснаго Отца! Это была родная для Него земля. Вифанія для Него была почти вторымъ Назаретомъ; около Него были тѣ, кого Онъ любилъ, да и шель Онъ въ тѣмъ, кого любилъ и вѣмъ былъ любимъ и самъ. Поэтому легко представить, что Онъ шель въ глубокомъ молчаніи, недоступномъ для словъ; ученики Его шли за Нимъ; полная луна поднималась изъ-за горъ и заливала серебристымъ свѣтомъ трепещущую листву масличныхъ деревъ, и съ каждымъ шагомъ ярвія краски дня уступали мѣсто блѣдному свѣту сумерекъ и луны, подобно тому, какъ и въ самой жизни Его счастливый полдень Его служенія теперь быстро уступалъ мѣсто страшному сумраку ожидавшихъ Его мученій.

ГЛАВА LIV.

НАЧАЛО КОНЦА.

И они отвѣсятъ въ уплату Миѣ тридцать сребренниковъ. Злх. xi, 12.

РОЗНЫЯ слова негодованія, высказанныя Иисусомъ Христомъ въ этотъ послѣдній день своего служенія, неизбѣжно должны были чрезмѣрно распалить ненависть и ярость въ членахъ священнической партіи среди іудеевъ. Они не только были поражены и посрамлены въ открытомъ столкновеніи и притомъ въ самомъ мѣстѣ своего высоваго служенія и достоинства и въ присутствіи своихъ наиболѣе благоговѣйныхъ приверженцевъ; не только должны были признаться въ незнаніи того самаго Писанія, толкованіе котораго было ихъ признаннымъ достояніемъ, не только обнаружить свою неспособность высказать свое опредѣленное мнѣніе по предмету, рѣшать который было ихъ обязанностью; но еще послѣ всего этого униженія, Тотъ, котораго они презирали, какъ молодого, невѣжественнаго пророва изъ Назарета, который пренебрегалъ ихъ обычаями и нарушалъ ихъ преданія, пагубному для нихъ ученію котораго съ такимъ восхищеніемъ внималъ народъ, — вдругъ

обратился къ нимъ и у самыхъ дверей палаты ихъ собранія пронесъ на нихъ, при всемъ благоуханіи ихъ святости, — на *нихъ*, привывшихъ всю жизнь свою дышать куреніемъ безграничнаго поклоненія, столь обличительное, потрясающее и страшное „горе“, котораго нельзя уже было забыть тому, кто его слышалъ. Надо же было положить этому конецъ. Фарисеи, саддукеи, иродіане, священники, книжники, старѣйшины, хитрый и жестокій Анна, низкій и раболѣпный Каіафа — всѣ поднялись теперь на ноги. Боясь какаго-то имъ самимъ невѣдомаго взрыва религіозной анархіи, могущей потрясть самыя основы ихъ системы, они собрались вѣроятно въ тотъ же самый вечеръ во дворцѣ Каіафы, потопляя всѣ свои разногласія въ общемъ увлеченіи ненавистью къ давно-обѣтованному Мессіи, въ которомъ они видѣли только своего общаго врага. Это былъ союзъ фанатизма, невѣрія и порока, соединившихся для погубленія Христа; тутъ соединились между собою ярость изувѣровъ, презрѣніе безбожниковъ и отвращеніе людей мірскаго разчета. И слишкомъ ясно было, что отъ мстительной ненависти такого союза не могла уже избавить никакая сила земная.

О подробностяхъ совѣщанія намъ ничего неизвѣстно; но евангелисты передаютъ о двухъ рѣшеніяхъ, къ которымъ пришли высшіе злоумышленники: одно состояло въ болѣе рѣшительномъ опредѣленіи, что Его во что бы то ни стало нужно немедленно предать смерти; другое — что это нужно совершить изъ боязни народа не насиліемъ, а хитростью, и по этому самому, а не по причинѣ святости праздника, убійство это нужно отложить до окончанія Пасхи, когда многочисленные поклонники разойдутся и разсѣются по домамъ.

Совѣщаніе это, по всей вѣроятности, происходило во вторникъ вечеромъ, когда страсти, возбужденныя событіями дня, еще бушевали съ вулканической силой. Такимъ образомъ, когда на „горѣ злого совѣта“ рѣшалось, чтобы въ теченіе праздника Пасхи не закалывать нашего пасхальнаго Агнца, въ этотъ самый моментъ, сидя на склонѣ горы Елеонской, І. Христосъ съ спокойною увѣренностью предсказывалъ своимъ ученикамъ, что Онъ будетъ принесенъ въ жертву въ тотъ самый день, въ который съ вечера закалался агнецъ и начинался праздникъ Пасхи.

Такъ дѣйствительно и было. Прежде чѣмъ кончилось совѣщаніе, случилось событіе, сразу измѣнившее рѣшеніе совѣта и давшее возможность немедленно схватить І. Христа безъ всякаго народнаго смятенія, котораго опасались. Восьмидневный срокъ, который совѣтъ изъ страха, а не изъ милости, предоставилъ Ему до исполненія смертнаго приговора, теперь пришлось отмѣнить и сразу нанести осужденному тайный ударъ.

Прежде чѣмъ совѣщавшіеся разошлись, имъ принесено было извѣстіе, которое бросило въ ихъ сердца лучъ злобной радости, хотя въ то же время, какъ можно легко предположить, оно поразило ихъ и нѣкоторымъ изумленіемъ и страхомъ. Несомнѣнно сознавая въ глубинѣ своихъ душъ, какое страшное преступленіе намѣревались они совершить, они почти невольно должны были содрогнуться, когда ихъ преступному намѣренію вдругъ представился вполне благопріятный случай для исполненія, когда злой духъ поставилъ ихъ прямо на дорогу къ преступленію. Имъ доложили, что человекъ, знавшій Иисуса, бывавшій съ Нимъ, Его собственный ученикъ и притомъ одинъ изъ самыхъ приближенныхъ къ Нему двѣнадцати послѣдователей—готовъ былъ положить конецъ ихъ затрудненіямъ и возобновить съ ними переговоры, которые уже завязывалъ разъ.

Домъ Каіафы вѣроятно находился въ самыхъ предѣлахъ храма или близъ него. Ворота какъ города, такъ и храма обыкновенно запирались съ закатомъ солнца; но во время огромнаго стеченія народа по случаю годовыхъ праздниковъ правило это для общаго удобства нѣсколько ослаблялось. Поэтому, когда Іуда уврадкой оставилъ своихъ собратій въ этотъ роковой вечеръ, онъ могъ рассчитывать безъ затрудненія проникнуть въ городъ и явиться къ старѣйшинамъ. Онъ обратился къ „начальникамъ“ храма, членамъ левитской стражи, имѣвшей на своемъ попеченіи всѣ священныя зданія (см. 2 Парал. xxxv, 8; Дѣян. iv, 1; v, 24), и они сразу дали о немъ знать собранію и лично ввели его въ присутствіе вождей іудейскаго народа.

Нѣкоторые изъ членовъ синедріона уже видѣли Іуду въ прежнемъ своемъ собраніи; другіе несомнѣнно могли узнать его. Если вѣрно изображеніе его, сохраненное преданіемъ, то по „скрытому лицу, мрачно исподлобья сверкающимъ глазамъ и влоч-

вами ниспадающимъ рыжимъ волосамъ“ они едва ли не могли узнать въ челоуѣкѣ изъ Каріота того изъ послѣдователей Иисуса, котораго и быть можетъ больше всѣхъ презирали и ненавидѣли, какъ почти единственнаго іудея среди апостоловъ-галилеянъ. Но теперь имъ нужно было вступить съ нимъ въ сообщество по злодѣянію. Мысль о томъ, что тотъ, кто жилъ съ Иисусомъ, слышалъ все Его ученіе и видѣлъ всѣ Его дѣла, теперь готовъ былъ предать Его—укрѣпляла ихъ въ задуманномъ дѣлѣ, а то, что они, эти іерархи и вожди народные, готовы были не только одобрить, но даже и наградить Іуду за предложенную имъ услугу, укрѣпляло его въ темномъ и отчаянномъ намѣреніи. Какъ въ водѣ лицо отвѣтствуетъ лицу, такъ и сердце Іуды и іудеевъ находило соотвѣтствіе во взаимномъ сочувствіи. Какъ желѣзо точитъ желѣзо, такъ и тупое оружіе дикой злобы Іуды еще болѣе изощряло ихъ острую ненависть во Христу.

Самъ ли Іуда потребовалъ плату за предложенную кровь, или она предложена была ему; немедленно ли она была выплачена ему, или только послѣ взятія І. Христа; вся ли плата состояла въ выданной ему ничтожной суммѣ — тридцати сикляхъ, цѣнѣ ничтожнѣйшаго раба (около тридцати рублей), или это былъ только задатокъ на дальнѣйшую уплату бѣльшей суммы — все это вопросы, которые пролили бы много свѣта на характеръ и побужденія Іуды, но на которые слишкомъ общія выраженія евангелистовъ не даютъ намъ возможности отвѣтить съ болѣе или менѣе опредѣленною достовѣрностью. О подробностяхъ этой сдѣлки вѣроятно было вообще очень мало извѣстно. Ни Іуда, ни его высшіе соумышленники не имѣли причинъ останавливаться на нихъ съ самодовольствомъ. Евангелисты и первые христіане вообще, говоря объ Іудѣ, повидимому содрагались и наполнялись невыразимымъ ужасомъ при самой мысли о немъ. Только одно въ этомъ темномъ дѣлѣ во всемъ своемъ ужасѣ представлялось ихъ воображенію, именно то, что Іуда былъ предатель, что Іуда былъ одинъ изъ двѣнадцати и однако же продалъ своего Господа. Вѣроятно онъ сразу получилъ всѣ деньги. Съ сверкающею въ глазахъ алчностью, бывшею его главнымъ грѣхомъ, онъ жадно смотрѣлъ на серебряныя монеты, носившія на одной сторонѣ (странная иронія исторіи!) изображеніе ма-

сличной вѣтви — символа мира, на другой кадилъницы — образа молитвы, съ надписью надъ ними: „Іерусалимъ Святой“. Если эти старѣйшины, по обычаю своего народа, какъ можно заключать изъ повѣствованія, торговались съ Іудой, то они вѣроятно говорили ему, что посредничество его не имѣетъ особенной важности, что предлагаемая имъ услуга можетъ лишь немного облегчить дѣло, и что дѣли своей они, если захотятъ, могутъ достигнуть и безъ его помощи. Достоверно однако же только одно: онъ оставилъ ихъ уже какъ подраженный предатель и съ этихъ поръ искалъ только благопріятнаго случая, чтобы предать своего Учителя, когда близъ Него не будетъ дружественнаго Ему народа.

Какія побужденія руководили этимъ человѣкомъ? Кто можетъ изслѣдовать зияющую бездну и разобраться среди смятеннаго хаоса сердца, увлекаемаго непреодолимыми и глубоко-уворенившимися страстями? Евангелисты говорятъ только, что въ него вошелъ сатана. Преступленіе этого человѣка казалось имъ слишкомъ чудовищнымъ, чтобы объяснять его какимъ-нибудь человѣческимъ или естественнымъ побужденіемъ. Повѣствованія синоптиковъ ясно указываютъ на алчность, какъ на причину гибели Іуды. Первые его сношенія съ синедріономъ они ставятъ въ тѣсную и намѣренную связь съ приливомъ негодованія, которое онъ почувствовалъ при видѣ невозможности утаить для себя изъ тѣхъ „трехсотъ динаріевъ“, на которые онъ уже потому, что они *могли* бы пойти въ его владѣніе, смотрѣлъ какъ на отнятыя у себя лично; а ев. Іоаннъ, который не можетъ говорить о немъ безъ ужаса и отвращенія, прямо и опредѣленно говоритъ, что онъ былъ привычный воръ (Іоан. XII, 6). Какъ ни мало они сами были знакомы съ роковымъ рабствомъ и разительностью господствующей страсти, съ непроницаемой слѣпотой и страшнымъ одуреніемъ, удручающими преступника, — это однако же не повѣритъ и этому повидимому совсѣмъ недостаточному побужденію? Самое простое наблюденіе надъ ежедневными явленіями въ области нравственнаго міра представляетъ много довазательствъ того, что совершеніе преступленія такъ же часто выходитъ изъ ничтожныхъ, повидимому совсѣмъ недостаточныхъ побужденій, какъ и отъ сильныхъ, необычайныхъ искушеній.

Развѣ мы не знаемъ изъ Ветхаго Завѣта, что есть люди, которые безславятъ Бога предъ народомъ „за горсти ячменя и за куски хлѣба“, или „продаютъ праваго за серебро и бѣднаго за пару сандалій“ (Иез. XIII, 19; Ам. II, 6; VIII, 6). Внезапный приступъ искушенія могъ бы показаться страшнымъ, но плоды его подготовлялись всѣмъ настроеніемъ прежней жизни; взрывъ пожирающаго пламени былъ только результатомъ того огня, который давно уже вурлился и тлѣлъ въ глубинѣ сердца Іуды.

Къ главному побужденію несомнѣнно примѣшивались и другія, которыя укрѣпляли его и быть можетъ даже подставлялись вмѣсто него въ глазахъ самообманывающейся и ослѣпленной души предателя. Не побудитъ ли Его эта мѣра, могъ думать онъ, скорѣе объявить свое мессіанское царство? Въ самомъ худшемъ случаѣ, развѣ Ему трудно будетъ спасти себя чудомъ? Если же нѣтъ, то развѣ Онъ не говорилъ имъ нѣсколько разъ, что Ему предстоитъ умереть? А если такъ, то почему же мнѣ нельзя извлечь нѣкоторую выгоду изъ того, что во всякомъ случаѣ неизбѣжно? Или, съ другой стороны, развѣ не будетъ похвальнымъ сдѣлать то, что одобряется главными священниками? — Тысячи подобныхъ лукавыхъ мыслей могли роиться въ душѣ предателя и легко примѣшивались къ чувству его собственнаго недовольства тѣмъ, что его самоотреченіе въ послѣдованіи Іисусу Христу послѣ всего очевидно окажется тщетнымъ, что оно не доставитъ ему ни богатства, ни знатности, а только бѣдность и гоненія. Къ этому присоединялось быть можетъ также и чувство мстительности за сдѣланный ему укоръ; быть можетъ, также горькая зависть, что Христосъ любилъ его меньше, чѣмъ другихъ своихъ учениковъ; быть можетъ озлобленность по случаю неоправдавшихся ожиданій; быть можетъ, наконецъ, отчаянная ненависть, возбуждаемая сознаніемъ, что онъ находился уже въ подозрѣніи. Увы, грѣхи растутъ и умножаются съ чудовищной быстротой и незаметно сплетаются съ сродными имъ злыми наклонностями. „Вся нравственная природа человѣка затмевается ими; умъ темнѣетъ, сердце помрачается“. Въ душѣ Іуды въ это время, вѣроятно, бушевалъ грязный хаосъ всевозможныхъ грѣховъ — злобы, мірскаго честолюбія, хищности, ненависти во всему доброму и чистому, гнусной неблагодарно-

сти, дерзкаго гнѣва, и все это, завершалась гнуснымъ и страшнымъ дѣломъ предательства, съ слѣпою, одуряющею яростью рвалось наружу изъ этой мрачной души.

„Сатана вошелъ въ него“. Это выраженіе въ концѣ-концовъ, въ буквальномъ или переносномъ смыслѣ, лучше всего изображаетъ ужасное состояніе предателя. Это было неистовство разочарованія въ себялюбивыхъ надеждахъ. Убѣдивъ себя, что „новое царство“ есть только пустой обманъ, онъ позволилъ себѣ сдѣлаться жертвой этого оболъщенія, которое и привело его къ тягостному сознанію, что онъ промѣнялъ дѣйствительность на призракъ. Вѣдь онъ не всегда былъ въ такомъ положеніи. Онъ не всегда былъ такъ худъ. Было время, когда и онъ былъ невиннымъ мальчикомъ, юношей настолько серьезнымъ, чтобы даже выдѣлиться изъ массы другихъ послѣдователей и войти въ число приближенныхъ двѣнадцати, быть вѣстникомъ новаго царства не безъ высокихъ надеждъ. Бѣдность и странствованія въ первый періодъ дѣятельности Христа могли подавлять въ немъ искушенія. Особенное искушеніе, тѣмъ болѣе опасное, что направлялось на господствовавшую въ немъ страсть, вѣроятно началось въ то время, когда дѣятельность Спасителя приняла болѣе постоянный и опредѣленный характеръ (Лук. x, 3). Но даже и тогда оно не сразу овладѣло имъ. Онъ получилъ строгое и торжественное предостереженіе (Іоан. vi, 70), нѣкоторое время у него оставалась надежда на исправленіе; онъ боролся между безчестностью и благородствомъ, попеременно склоняясь то на ту, то на другую сторону. Но такъ какъ онъ не поборолъ своей страсти, то страсть овладѣвала имъ и повела его какъ раба къ заслуженной имъ долѣ и гибели. Пробрался ли онъ въ ту ночь опять въ Виванію съ своими деньгами врови въ кошелевѣ? Спалъ ли вмѣстѣ съ своими собратьями-апостолами? — Все, что мы знаемъ, это то, что съ этихъ поръ онъ съ нетерпѣніемъ, настойчиво и осторожно искалъ случая, удобнаго для своей преступной цѣли.

Слѣдующій день—среда страстной недѣли—навѣрно озадачилъ его. Каждый день утромъ Иисусъ Христосъ оставлялъ Виванію и отправлялся въ Іерусалимъ. Почему же Онъ не шелъ въ этотъ день? Не подозрѣвалъ ли Онъ измѣны? Въ тотъ день народъ

напрасно толпился во дворахъ храма, ожидая услышать голосъ Его. Народъ несомнѣнно ожидалъ Его съ нетерпѣніемъ; несомнѣнно и священники съ фарисеями поджидали Его съ злобной надеждой; но Онъ не пришелъ. День этотъ Онъ провелъ, насколько намъ извѣстно, въ глубокомъ уединеніи, въ полномъ покоѣ и безмолвіи. Въ мирѣ и молитвѣ Онъ готовился къ ужасамъ предстоявшей Ему борьбы. Быть можетъ, Онъ ходилъ по горнымъ возвышенностямъ, окружающимъ это мирное селеніе, и тамъ, подъ лучами весенняго солнца, возвышенно бесѣдовалъ съ своимъ небеснымъ Отцомъ. Мы не знаемъ, какъ прошелъ для Него этотъ день. Повровъ священнаго молчанія лежитъ надъ Нимъ. Онъ былъ окруженъ лишь тѣми немногими, которые любили Его и вѣровали въ Него. Съ ними быть можетъ бесѣдовалъ Онъ, но дѣло Его, какъ Учителя на землѣ, закончилось навсегда.

Въ наступившую ночь Онъ въ послѣдній разъ имѣлъ ночлеги на землѣ. Въ четвергъ утромъ Онъ пробудился, чтобы никогда уже больше не спать.

ГЛАВА LV.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

Онъ не ѣлъ узаконеннаго агнца, но самъ пострадалъ, какъ истинный Агнецъ. Пасх. Хроника.

ВО ВТОРНИКЪ страстной недѣли вечеромъ Иисусъ Христосъ указалъ на Пасху, какъ на время своей смерти. Еслибы можно было строго и точно исполнять обычаи, предписываемые закономъ, то пасхальнаго агнца для Него и апостоловъ нужно было бы выбрать еще въ предыдущее воскресенье вечеромъ. Но со времени плѣна вавилонскаго въ древнихъ постановленіяхъ касательно совершенія Пасхи по измѣнившимся обстоятельствамъ вѣроятно произошло много вполне естественныхъ и уважительныхъ измѣненій. При огромномъ стеченіи богомольцевъ просто не было никакой возможности всѣмъ заранѣе запастись пасхальнымъ агнцемъ.

Въ четвергъ утромъ, въ великій четвергъ, между Христомъ и Его учениками произошелъ разговоръ о празднованіи Пасхи. Они спросили Его, гдѣ бы Онъ хотѣлъ, чтобы сдѣланы были приготовленія въ ней. Такъ какъ Онъ теперь оставилъ общественную дѣятельность и проводилъ этотъ четвергъ, какъ провелъ и предыдущій день, въ полномъ уединеніи, то они вѣроятно полагали, что Онъ будетъ ѣсть пасхальнаго агнца въ Виваніи, которая, по опредѣленію раввиновъ, въ этомъ отношеніи считалась въ предѣлахъ Іерусалима. Но Его намѣренія были иныя. Ему, истинному пасхальному Агнцу, разъ навсегда надлежало быть принесеннымъ въ жертву въ священномъ городѣ, гдѣ вѣроятно въ эту именно Пасху и въ самый тотъ день назначено было къ убою около 260,000 агнцевъ, которыхъ Онъ былъ первообразомъ.

Вслѣдствіе этого Онъ послалъ Петра и Іоанна въ Іерусалимъ, и указывая для нихъ таинственный признакъ, сказалъ имъ, что при входѣ въ ворота они встрѣтятъ слугу съ кувшиномъ воды, почерпнутой въ одномъ изъ источниковъ для вечерняго употребленія; слѣдуя за нимъ, они придутъ въ домъ, хозяину котораго они должны передать о намѣреніи Учителя ѣсть въ этомъ домѣ пасху съ своими учениками, и хозяинъ этотъ (по предположенію нѣкоторыхъ Іосифъ Аримаеѣвскій, по другимъ — Іоаннъ Маркъ) тотчасъ же предоставитъ въ ихъ полное распоряженіе готовую убранныю горницу, снабженную необходимыми столами и лежанками. Они нашли все, какъ сказалъ имъ Іисусъ Христосъ, „и приготовили пасху“. Есть достаточныя основанія думать, что это была не обыкновенная іудейская пасха, а вечера, совершенная Спасителемъ и Его апостолами за день раньше, въ четвергъ вечеромъ, 13 нисана; ей былъ приданъ какъ бы пасхальный характеръ, но на самомъ дѣлѣ ею имѣлось въ виду замѣнить іудейскій праздникъ другимъ торжествомъ, имѣющимъ гораздо болѣе глубокое и возвышенное значеніе.

Къ вечеру, когда сгущавшійся сумракъ могъ избавить отъ всѣхъ нежелательныхъ наблюдений, Спаситель пошелъ съ своими учениками изъ Виваніи старой знакомой дорогой черезъ гору Елеонскую, по которой уже не суждено было болѣе ступать Его священнымъ ногамъ, кромѣ какъ уже по воскресеніи.

Насколько они привлекли къ себѣ народное вниманіе, или какъ Тотъ, личность котораго была такъ многимъ извѣстна, который, какъ главный виновникъ народнаго возбужденія, четыре дня предъ тѣмъ былъ сопровождаемъ вливами торжества, а день спустя былъ преслѣдуемъ воплями безумныхъ оскорбленій, — какъ Онъ могъ со своими послѣдователями войти въ Иерусалимъ незамѣченнымъ, мы не знаемъ. Мы видимъ ихъ уже собравшимися въ той „большой горницѣ“, быть можетъ той самой, гдѣ три дня спустя пораженные горемъ апостолы впервые увидѣли воскресшаго Спасителя, быть можетъ въ той же самой горницѣ, гдѣ при шумѣ какъ бы несущагося сильнаго вѣтра ихъ смиренное чело впервые увѣнчано было огненными вѣнцами Св. Духа въ день Пятидесятницы.

Когда они прибыли, вечеря была уже готова, столъ накрытъ, триклиній расположенъ съ диванами для гостей. Воображеніе любить воспроизводить всѣ вѣроятныя подробности этого глубоко трогательнаго и священнаго зрѣлища; и если сравнить описанія древнихъ іудейскихъ обычаевъ съ тѣми, которые еще существуютъ и теперь на неизмѣнномъ востокѣ, то не трудно представить себѣ общій характеръ этой вечера. Она совершенно не похожа на ту, съ которой мы такъ хорошо знакомы, благодаря гению Леонардо да-Винчи и другихъ великихъ художниковъ-живописцевъ. Комната вѣроятно была съ бѣлыми стѣнами и въ ней не было ничего, кромѣ самой необходимой мебели и убранства. Лежанки или возглавія, каждое на три человѣка, были разставлены вокругъ трехъ сторонъ одного или нѣсколькихъ низкихъ, ярко-окрашенныхъ деревянныхъ столовъ, изъ которыхъ каждый былъ едва ли выше мѣстъ возлежанія. Почетнымъ мѣстомъ было среднее, въ центрѣ триклинія. Оно конечно занято было Спасителемъ. Обычай ѣсть Пасху стоя былъ уже давно оставленъ. Возлежаніе считалось наиболѣе сообразнымъ и удобнымъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что оно признавалось положеніемъ свободныхъ людей. Каждый гость возлежалъ во всю свою длину, облокачиваясь на лѣвую руку, такъ, чтобы правая могла быть свободной. По правую сторону Иисуса Христа возлежалъ возлюбленный ученикъ, голова котораго поэтому во всякое время могла склониться на грудь его друга и Господа.

Возможно, что при самомъ занятіи мѣстъ за столомъ въ душѣ апостоловъ опять шевельнулось соперничество изъ-за преимущества (Лук. ххп, 24), — то чувство, за которое уже раньше Спаситель съ такою нѣжностью и тонкостью укорялъ ихъ. Не невозможно даже, что споръ поднять былъ изъ-за притязаній Иуды на болѣе почетное мѣсто, какъ должностного лица (казначей) въ маленькой общинѣ апостоловъ. Простой вопросъ о мѣстѣ за столомъ повидимому долженъ бы быть слишкомъ ничтоженъ и мелоченъ, чтобы волновать чувства добрыхъ и самоотверженныхъ людей въ такой возвышенный и торжественный часъ; но любовь къ „первымъ мѣстамъ“ на пиршествахъ и вообще, которую Иисусъ Христосъ не разъ избличалъ въ фарисеяхъ, не только присуща сердцу, но и настолько сильна, что по временамъ была причиною ужасныхъ трагическихъ происшествій. Но въ этотъ моментъ, когда душа І. Христа была занята такими возвышенными цѣлями, когда Онъ вдыхалъ въ себя чистый воздухъ вѣчности и вѣчность уже была, несмотря на Его смертную оболочку, не только присуща Ему, но и осязательна, — такіа пререканія были мучительны для Него болѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Они показывали, какъ мало еще даже эти Его избранные послѣдователи вникли въ смыслъ Его жизни. Они показывали, что злой духъ гордости и себялюбія еще не былъ изгнанъ изъ горделивыхъ душъ. Они показывали, что даже и теперь они еще всеѣмъ не понимали многихъ и настойчивыхъ объясненій Его касательно сущности Его царства и предстоящей ему участи. Что предстояло *какое-то* великое событіе, что Учителю ихъ надлежало пострадать и быть убитымъ — это они уже *навѣрно* сознавали отчасти; но они повидимому смотрѣли на это какъ на просто временное затменіе, за которымъ немедленно послѣдуетъ блистательное торжество, когда Онъ поставитъ на землѣ свой мессіанскій престолъ.

Въ грустномъ безмолвіи Спаситель слушалъ сварливыя пререканія своихъ учениковъ, когда они занимали мѣста на вечерахъ (Іоан. хпв, 2). И Онъ захотѣлъ не простымъ словеснымъ укоромъ, а глубокознаменательнымъ и трогательнымъ дѣйствіемъ преподавать имъ и всеѣмъ любящимъ Его болѣе возвышенный урокъ.

На востокъ, во всякой комнатѣ, за исключеніемъ самыхъ бѣдныхъ домовъ, срединная часть пола обыкновенно бываетъ покрыта коврами или цыновками, и при входѣ въ комнату всякій снимаетъ свои сандалии у порога, главнымъ образомъ чтобы не загрязнить чистыхъ бѣлыхъ цыновокъ пылью и нечистотой съ дороги или съ улицъ, а отчасти (по крайней мѣрѣ у мусульманъ) и потому, что это мѣсто считается священнымъ вслѣдствіе совершаемыхъ на немъ колѣнопреклоненій во время молитвы. Прежде чѣмъ возлечь за столомъ, ученики несомнѣнно исполнили этотъ разумный обычай чистоплотности; но при этомъ былъ опущенъ другой пріятный обычай, который, какъ мы знаемъ, цѣнилъ Христомъ. Ноги ихъ навѣрно были покрыты пылью отъ хожденія по знойной и каменистой дорогѣ изъ Вифаніи въ Иерусалимъ, и въ такомъ случаѣ пріятно было бы освѣжиться для вечери омытіемъ ногъ послѣ снятія сандалій. Но омыкать ноги было дѣломъ рабовъ, и такъ какъ никто не вызвался исполнить этого добраго дѣла, то самъ Господь Иисусъ, въ своемъ безконечномъ смиреніи и самоотреченіи, всталъ изъ-за стола, чтобы исполнить рабскую службу, которой никто изъ Его учениковъ не предложилъ сдѣлать для Него (Іоан. XIII, 1 — 20). Изумленіе возлюбленнаго ученика явно сказывается въ его повѣствованіи объ этомъ, такъ какъ онъ останавливается на всѣхъ подробностяхъ этого торжественнаго происшествія. „Иисусъ, зная, что Отецъ все отдалъ въ руки Его, и что Онъ отъ Бога исшелъ, и къ Богу отходить, всталъ съ вечери, снялъ съ себя верхнюю одежду и, взявъ полотенце, препоясался“. Возможно, что для выраженія крайняго самоотреченія, Онъ вполне обнажилъ верхнюю часть своего тѣла, снялъ не только *симгу*, но и *кетоневъ*, какъ бы самый послѣдній рабъ, и обернулъ свою талию полотенцемъ. Затѣмъ, наливъ воды въ большой мѣдный тазъ, всегда имѣющійся во всякомъ домѣ на востокъ, Онъ началъ безмолвно омыкать ноги своимъ ученикамъ, вытирая ихъ полотенцемъ, служившимъ для Него опоясаніемъ. Смущеніе и стыдъ повергли ихъ въ глубокое молчаніе, пока Онъ не дошелъ до Петра, неудержимое волненіе котораго выразилось въ изумленномъ полунегодующемъ вопросѣ: „Господи! Тебѣ ли умывать мои ноги?“ Ты, Сынъ Божій, Царь израи-

левь, имѣющій слова жизни вѣчной, ноги котораго цари востока должны бы помазывать драгоценнѣйшимъ мѣромъ и кающіяся грѣшницы омывають своими слезами, — Ты ли умываешь ноги Петра?—Это было то же боязливое чувство самоуничуженія, которое три съ половиною года тому назадъ заставило воскликнуть грубаго рыбака галилейскаго: „выйди отъ меня, Господи, ибо я грѣшный человѣкъ“; это было старое самовольство, которое за годъ предъ тѣмъ выразилось въ самонадѣянной просьбѣ надменнаго человѣка-камня: „Будь милостивъ къ себѣ, Господи, да не будетъ этого съ Тобою!“ Признавая въ своей благодати, что было добраго въ этомъ порывѣ стремительнаго ученика, Спаситель спокойно сказалъ ему, что онъ еще не созрѣлъ до разумѣнія Его дѣйствій, но придетъ время, когда и ему ясно будетъ ихъ значеніе. Но Петръ, съ непоколебимымъ и пылымъ упрямствомъ, какъ бы чувствуя даже больше самого Господа величіе Того, который совершалъ услугу, и ничтожество того, для кого она должна была совершиться, стоялъ на своемъ: „Не умоешь ногъ моихъ во вѣкъ“, запальчиво воскликнулъ онъ. Тогда І. Христосъ указалъ ему на опасность самовольства, скрывавшагося въ его ложномъ смиреніи. „Если не умою тебя, не имѣешь части со Мною“. Если хочешь быть Моимъ, то долженъ оставить и самонадѣянность, и самоуничуженіе. Мои послѣдователи должны принимать Мою волю, когда даже совсѣмъ не понимаютъ ея, когда даже она повидимому противорѣчитъ ихъ собственнымъ понятіямъ обо Мнѣ. Эти спокойныя слова измѣнили все направленіе мысли и чувства въ пыломъ, увлекающемся ученикѣ. Какъ? не буду имѣть части съ Тобою!? Сохрани Богъ! „Господи! Не только ноги мои, но и руки и голову!“ Но нѣтъ: еще разъ онъ долженъ подчиниться тому, чего хочетъ Христосъ, не по своему измышленію, а по указанію Христа. Полнаго омовенія не требовалось. Крещеніе на вступленіе въ общеніе съ Христомъ было уже совершено, онъ былъ уже омытъ въ этой банѣ возрожденія. Теперь требовалось только постоянное очищеніе отъ меньшей и вновь приражающейся нечистоты. Ноги, загрязняемыя пристающею пылью ежедневныхъ грѣховъ, нужно очищать ежедневнымъ омовеніемъ; но сердце и существо человѣка были уже омыты, очищены и освящены. „Иисусъ го-

ворить ему: омытому нужно только умыть ноги, потому что чистъ весь; и вы чисты“, и при этомъ Онъ принужденъ былъ съ тяжелымъ вздохомъ прибавить, „но не всѣ“. Последнія слова указывали, что Онъ сознавалъ присутствіе предателя. Онъ зналъ, чего еще не знали *они*, что именно руки Господа жизни только что омыли ноги предателю. Какъ непостижима чудовищная бездна человѣческаго оболъщенія и неблагодарности! Предатель все видѣлъ, все зналъ и могъ спокойно вынести все это въ своемъ черномъ, лживомъ, измѣнническомъ, проклятомъ сердцѣ. Онъ чувствовалъ привосновеніе въ себѣ этихъ милостивыхъ и любящихъ рукъ, былъ омытъ освѣжительной влагой, видѣлъ, какъ эта священная глава наклонялась въ его ногамъ, загрязненнымъ торопливой тайной ходьбой, когда онъ пробирался въ сонмище святотатственныхъ злоумышленниковъ за переваломъ Елеонской горы. Но для него не было уже очищенія въ этой прозрачной водѣ; діаволь не изгнанъ былъ изъ него этимъ кроткимъ голосомъ, и проказа его сердца уже не исцѣлялась отъ чудодѣйственнаго привосновенія.

Другіе апостолы не тотчасъ же замѣтили это грустное исключеніе— „но не всѣ“. Быть можетъ на совѣсти всѣхъ, даже самыхъ преданныхъ изъ нихъ, тяготѣло скорбное чувство тайнаго недоумѣнія, не въ нему ли относилось оно. Христось же, омывъ имъ ноги, надѣлъ свои одежды и опять возлегъ за столомъ, облокотившись на лѣвую руку. Справа возлежалъ Іоаннъ, склоняя голову въ груди Іисуса. Рядомъ съ Іоанномъ, на краю слѣдующей лежанки, вѣроятно былъ братъ его Іаковъ, а по лѣвую сторону Спасителя, какъ можно заключать по немногимъ подробностямъ, сообщаемымъ о вечери, возлежалъ Искаріотъ, который или самъ нахально занялъ это мѣсто, или же какъ хранитель общей казны пользовался нѣкоторымъ преимуществомъ въ средѣ этого маленькаго общества. Мѣсто Петра, какъ можно думать съ вѣроятностью, находилось на краю слѣдующей лежанки, по лѣвую сторону отъ Іуды. Когда началась вечеря, І. Христось сталъ объяснять имъ значеніе своего дѣйствія. Они правильно и съ надлежащимъ почтеніемъ называли Его Учителемъ и Господомъ, потому что Онъ „точно то“, и однако же, хотя господинъ выше раба и посылающій выше своихъ апостоловъ, Онъ,

ихъ Господь и Учитель, умылъ ноги имъ. Это было доброе и милостивое дѣло, но такъ должны и они поступать другъ съ другомъ. Онъ сдѣлалъ это, чтобъ научить ихъ смиренію, научить ихъ самоотреченію и любви: блаженны тѣ, которые исполняютъ наставленіе это! Блаженны тѣ, которые поймутъ, что борьба за преимущество, притязательность, настойчивость на правахъ своего достоинства, страсть въ властолюбію составляютъ отличительное свойство тираніи и незрѣлости языческой, а самый великій изъ христіанъ долженъ быть самымъ смиреннымъ. Тотъ долженъ быть первымъ между ними, кто ради другихъ съ радостью возьметъ на себя тягчайшее бремя и приметъ самую низкую службу. Еще разъ предостерегалъ Онъ ихъ не ожидать земной награды или земныхъ благъ. Его престоль и царство не отъ міра сего (Лук. ххп, 24—30; Иоан. хп, 1—17).

Затѣмъ опять опечалился духъ Его. Онъ говорилъ о тѣхъ, кого Онъ избралъ, а не обо всѣхъ ихъ. Среди благословеннаго общества находился человѣкъ, который уже навлекалъ проклятіе на свою собственную голову. Такъ было съ Давидомъ, ближайшій другъ котораго сдѣлался его ожесточеннѣйшимъ врагомъ; такъ же надлежало быть и съ Сыномъ Давидовымъ. Скоро они должны были узнать, съ какимъ яснымъ предвѣденіемъ Онъ шелъ на все то, чтò ожидало Его; скоро они должны были понять, что какъ всякій, принимающій во имя Христа Его низайшаго раба, принимаетъ Его, такъ и отвергающій Его отвергаетъ Его Отца, и это преступное отверженіе живаго Бога совершалось въ этотъ именно моментъ и совершалось среди нихъ самихъ.

Тамъ, отдѣляемый отъ Него только однимъ человѣкомъ, неподвижно слушая всѣ эти слова, полный дерзкаго упрямства и ненависти, крайне ожесточивъ свое сердце и всею тяжестью демонскаго обдержанія упершись въ дверь милосердія, которую даже теперь и даже здѣсь Спаситель готовъ былъ открыть для него, тамъ сидѣлъ Іуда, съ ложной улыбкой лицемерія на лицѣ, но съ злобой, грѣхомъ, алчностью, нетерпѣніемъ и вѣроломствомъ въ сердцѣ. Близкое присутствіе такого тяжкаго несчастія, безсиліе даже Его восторженной любви колебать гнусное намѣреніе этого человѣка — до глубины души

возмутило Спасителя и вырвало изъ устъ Его еще болѣе ясное и мучительное предсказаніе: „Истинно, истинно говорю вамъ, что *одинъ изъ васъ* предастъ Меня“. Въ ту ночь оставлять Его *остъ*, даже наиболѣе возлюбленные Имъ. Но это еще не все: въ ту ночь даже самый мужественный изъ нихъ влѣтвенно отречется отъ Него; но это не *то*; нѣтъ, но одинъ изъ нихъ — *предастъ* Его. Когда они услышали это, зловѣщее предчувствіе охватило сердца ихъ. Глубокая, невыразимая скорбь отуманила ихъ священную трапезу. Подобно тому, какъ сумрачное и грозное зарево сливается съ нѣжными красками заходящаго солнца, такъ темное предзнаменованіе омрачило ихъ, ими овладѣло безпредметное предчувствіе зла, невыразимое чувство боязни. Если такъ разбиваются всѣ ихъ надежды, если въ эту самую Пасху Тотъ, ради котораго они отказались отъ всего и который былъ для нихъ все, будетъ дѣйствительно преданъ однимъ изъ нихъ самихъ страшной и безславной вончинѣ, если возможно это, то возможно все. Сердца ихъ были поражены скорбью. Все сознаніе недостаточности въ себѣ благородства, вся ихъ слабость въ любви, вся глубина ихъ самолюбія, вся нетвердость ихъ вѣры, „всякая злая мысль, когда-либо думанная ими, всякое злое слово, когда-либо сказанное ими, и всякое злое дѣло, когда-либо сдѣланное ими“ — все теперь разомъ всплыло и заройлось въ памяти у нихъ, и ужасомъ наполнялась ихъ совѣсть. *Никто* изъ нихъ не былъ чистъ отъ *всего*, и каждый изъ нихъ читалъ то же самонедовѣріе въ глазахъ своего собрата-апостола. Въ этотъ-то моментъ высшей скорби и почти отчаянія, съ трепетомъ въ голосѣ и съ поблѣднѣвшими устами каждый обращался въ Учителю съ подавленнымъ и робкимъ вопросомъ: „не я ли, Господи?“ Такой вопросъ всегда лучше вопроса: не *онъ* ли? — покаянная бдительность самоосуждающаго смиренія лучше надменнаго фарисейства съ его осуждающей гордостью. Самый ужасъ, слышавшійся въ ихъ вопросѣ, самая правдивость, вызывавшая его, — уже заключали въ себѣ оправданіе для нихъ. Спаситель оставался безмолвнымъ, чтобы даже тогда, если возможно, дать время покаяться Иудѣ. Но Петръ не въ силахъ былъ подавить своей скорби и своего безповойства. Порывался знать и предупредить предательство, не будучи видѣнъ Господу Иисусу, возлежав-

шему за столомъ спиной въ нему, онъ сдѣлалъ знавъ Іоанну спросить, „кто это“. Голова Іоанна была близко въ І. Христу, и онъ, съ нѣжною преданностью навлонивъ ее въ груди своего Учителя, тихо спросилъ Его: „Господи, кто это?“ Отвѣтъ, данный такимъ же тихимъ тономъ, былъ слышенъ только одному Іоанну и подтвердилъ подозрѣніе, которое видимо уже внушала ему отталкивающая личность Іуды. За столомъ на востокѣ всѣ гости ѣдятъ руками изъ общаго блюда, и при этомъ часто бываетъ, что кто-нибудь обмакиваетъ въ блюдо кусокъ тонкаго мягкаго пряника, лежащаго предъ каждымъ, и, захвативъ имъ часть мяса или риса въ блюдѣ, подаетъ другому гостю. Такое заурядное явленіе, ежедневно повторяющееся за столомъ, конечно не могло обратить на себя особеннаго вниманія. Спаситель подаль подобный кусокъ апостолу-предателю, и это было, какъ Онъ сказалъ Іоанну, знакомъ, который долженъ былъ показать ему, а чрезъ него быть можетъ и Петру, кто именно былъ преступнымъ членомъ въ обществѣ апостоловъ. И затѣмъ Онъ громко прибавилъ — въ выраженіяхъ, которыя могли имѣть только одно значеніе, въ самыхъ страшныхъ и сокрушительныхъ словахъ, какія когда-либо исходили изъ Его усть: „Впрочемъ Сынъ человѣческой идетъ, какъ писано о Немъ; но горе тому человѣку, которымъ Сынъ человѣческой предается: лучше было бы этому человѣку не родиться“. Это были, по удачному выраженію, „слова неизмѣримой гибели, слова неизмѣримаго горя“, и тѣмъ болѣе страшныя, что изречались устами неизмѣримой любви; слова, которыя способны были, еслибы только оставалась какая-нибудь возможность, открыть погибающей душѣ предателя ту мрачную ужасающую бездну, которая зіяла у его погъ. Онъ навѣрно зналъ о происшедшемъ; навѣрно слышалъ часть разговора или по крайней мѣрѣ смутно чувствовалъ, что дѣло нѣкоторымъ образомъ касалось его. Онъ быть можетъ даже зналъ, что когда его рука встрѣтилась съ рукой І. Христа надъ блюдомъ — въ этомъ дѣйствіи заключалось особое значеніе. Когда другіе разсуждали между собой о томъ, „кто же предатель?“ — онъ съ нагло-презрительнымъ ожесточеніемъ или съ мрачной злобой преступника оставался безмолвнымъ; но вотъ, уязвленный, быть можетъ,

нѣкоторымъ чувствомъ потрясающаго ужаса, съ которымъ всѣ смотрѣли на самую возможность его преступленія, онъ и самъ дерзнулъ на гнусный и безстыдный вопросъ. Когда всѣ другіе погрузились въ молчаніе, до слуха Спасителя донесся хриплый шепотъ подавленнаго голоса, который съ извительностью дерзкой насмѣшки спрашивалъ Его: „не я ли, *Раави?*“ намѣренно употребляя этотъ холодный формальный титулъ, вмѣсто любящаго почтенія, выраженнаго другими въ названіи Его *Господомъ*. „Ты сказалъ“, послѣдовалъ тихій неукоризненный отвѣтъ, запечатлѣвшій его виновность. Отвѣтъ этотъ быть можетъ уловленъ былъ Петромъ и Іоанномъ; другіе не слышали его. Іуда съѣлъ кусокъ, поданный ему І. Христомъ, „и послѣ сего куска вошелъ въ него сатана“. Какъ иногда въ бурную ночь съ дивимъ завываніемъ рвется вѣтеръ чрезъ треснувшія стѣны какаго-нибудь заброшеннаго провлятаго мѣста, такъ и въ погибельной душѣ Іуды бушевали зависть и алчность, ненависть и неблагодарность. Въ этомъ одурающемъ смятеніи души, запятнанной смертельнымъ грѣхомъ, сатанинскія силы восторжествовали надъ человѣческими; въ этомъ мрачномъ сердцѣ земля и адъ слились въ одно; въ этой погубившей душѣ грѣхъ зачалъ и рождалъ смерть. „Что дѣлаешь, дѣлай скорѣе“, громко сказалъ ему Христосъ. Онъ зналъ, какой смыслъ заключали въ себѣ эти слова, зналъ, что они означали: „твой гнусный замыселъ созрѣлъ, исполняй его безъ всякаго лъстиваго лицемѣрія и бесполезныхъ отсрочекъ“. Іуда всталъ изъ-за стола. Простосердечные апостолы думали, что Учитель послалъ его сдѣлать закупки къ наступающей завтра пасхѣ, или раздать сколько-нибудь изъ общей кассы бѣднымъ на покупку пасхальнаго агнца. И онъ немедленно вышелъ, оставивъ такимъ образомъ освѣщенную горницу, священную вечерю, благословенное общество и своего Господа. „А была ночь“, прибавляетъ возлюбленный ученикъ, съ содроганіемъ и ужасомъ навсегда опускаая мрачную завѣсу надъ темной личностью предателя.

Достовѣрно неизвѣстно, когда собственно произошло все это— прежде или послѣ установленія евхаристіи, и принималъ ли Іуда участіе въ этомъ святомъ таинствѣ или нѣтъ. Неизвѣстно также, сообразовался ли Спаситель и насколько именно въ соблюденіи

подробностей совершения своей тайной вечери съ полурадостнымъ и полугрустнымъ обычаемъ пасхальнаго праздника; равнымъ образомъ неизвѣстно, насколько обряды совершения Пасхи въ то время походили на тѣ, подробности которыхъ сообщаются въ раввинской литературѣ. Древній способъ воспоминанія іудеевъ о своемъ избавленіи отъ рабства египетскаго и отъ смертоноснаго ангела былъ чрезвычайно простъ. Главною особенностью праздника было поспѣшное ѣденіе пасхальнаго агнца, съ прѣснымъ хлѣбомъ и горькими травами, въ стоячемъ положеніи, съ препоясанными чреслами и обувью на ногахъ — точно такъ, какъ они поспѣшно ѣли его въ ночь своего избавленія. Такъ именно еще и теперь самаряне ежегодно ѣдятъ пасхальнаго агнца на вершинѣ горы Гаризимъ, и теперь они подаютъ страннику небольшой оливкообразный кусокъ прѣснаго хлѣба, заключающій въ себѣ нѣсколько лепестковъ диваго цикорія или какой-нибудь другой горькой травы, что все быть можетъ похоже, за исключеніемъ обмакиванія въ блюдо, на тотъ именно кусокъ, который Іуда принялъ изъ рукавъ Христа. Но даже если тайная вечеря представляла собою пасху, то извѣстно, что іудеи давно уже перестали ѣсть ее стоя или наблюдать правило, запрещавшее всѣмъ участвовавшимъ въ ней оставлять домъ до утра. Вообще они дѣлали много существенныхъ различій между пасхой египетской и постоянной, совершавшейся впоследствии. Последняя начиналась тѣмъ, что присутствовавшимъ наливалась чаша вина, надъ которой глава семейства произносилъ благословеніе. Послѣ этого мылись руки въ приготовленномъ тазѣ съ водой, и приносился столъ, на которомъ вѣлились горькія травы, прѣсный хлѣбъ, *харосевъ* (кушанье, приготовленное изъ финиковъ, изюма и уксуса), пасхальный агнецъ и мясо *лаина*. Отецъ семейства обмакивалъ пучекъ травы въ *харосевъ*, съ благословеніемъ съѣдалъ его и всѣмъ раздавалъ по подобному же пучку. Затѣмъ наливалась вторая чаша вина; младшій изъ присутствующихъ спрашивалъ о значеніи пасхальной ночи; отецъ семейства отвѣчалъ полнымъ разговоромъ объ установленіи праздника; пѣлась первая часть великаго аллилуія (пс. сѹт — сѹт), повторялось благодареніе, выпивалась третья чаша вина, произносилось благодареніе, на-

ливалась четвертая чаша, пѣлась остальная часть аллилуія (пс. сxiv — сxvii), и вся церемонія заванчивалась славословіемъ псалма. Нѣкоторыя подробности совершенія тайной вечера безъ сомнѣнія можно поставить въ связь съ нѣкоторыми частями этой церемоніи. Такъ, напримѣръ, вечера видимо началась благословеніемъ и обнесеніемъ всѣмъ присутствовавшихъ чашей вина, которую Иисусъ велѣлъ ученикамъ раздѣлить между собою, говоря, что не будетъ пить отъ плода винограднаго, пока не придетъ царствіе Божіе (Лук. xxii, 17). Другую чашу, обнесенную послѣ вечера, нѣкоторые отождествляютъ съ „чашей благословенія“ (*kosz na-berecha*) — третьей чашей іудейской церемоніи (1 Кор. x, 16), а пѣснь, которую воспѣло святое общество предъ уходомъ въ Геесиманскій садъ, съ большою правдоподобностью считаютъ второю частью великаго аллилуія.

Отношеніе этихъ подробностей вечера къ различнымъ пасхальнымъ обрядамъ, изложеннымъ нами, однако же довольно сомнительно. Что не подлежитъ сомнѣнію и имѣетъ глубочайшій интересъ для всѣхъ христіанъ, это установленіе во время этой вечера таинства евхаристіи. О немъ мы имѣемъ цѣлыхъ четыре разсказа, причемъ краткое описаніе ап. Павла почти съ буквальною точностью согласно съ описаніями синоптиковъ. Въ каждомъ описаніи мы ясно видимъ главные факты, которые, какъ выразительно говоритъ ап. Павелъ, онъ „отъ самого Господа принялъ“, именно, „что Господь Иисусъ въ ту ночь, въ которую преданъ былъ, взялъ хлѣбъ и, возблагодаривъ, преломилъ и сказалъ: „примите, ядите, сіе есть Тѣло Мое, за васъ ломимое; сіе творите въ Мое воспоминаніе. Также и чашу послѣ вечера, и сказалъ: сія чаша есть Новый завѣтъ въ Моей крови, сіе творите, когда только будете пить въ Мое воспоминаніе“ (1 Кор. xi, 23 — 25). Со времени этого достопамятнаго вечера церковь никогда не переставала исполнять заповѣдь Спасителя. Изъ вѣка въ вѣкъ съ того времени это благословенное и святое таинство совершается въ воспоминаніе смерти Христа, въ уврѣпленіе и обновленіе души Тѣломъ и Кровью, какъ тѣло обновляется и уврѣпляется хлѣбомъ и виномъ.

ГЛАВА LVI.

ПОСЛѢДНЯЯ БЕСѢДА.

Нынѣ прославился Сынъ человѣческій.

КАКЪ только Іуда оставилъ горницу, настроеніе святаго общества оживилось, какъ будто они освободились отъ страшнаго призрака, приводившаго ихъ въ оцѣпенѣніе. Присутствіе гнусной личности лежало страшною тяжестью на душѣ ихъ Учителя, и какъ только удалился Іуда, печальное настроеніе вечера видимо облегчилось. Радостная восторженность, наполнившая душу Господа, какъ яркое солнечное сіяніе, пробившееся сквозь окутывавшую земную поверхность мглу, сообщилась и Его послѣдователямъ. Сумрачныя облака освѣтились лучами вечерней зари. Въ сладостномъ и любящемъ общеніи незамѣтно прошло, быть можетъ, около двухъ часовъ за этимъ мирнымъ пиршествомъ. Въ это-то время, сознавая предстоящую разлуку и безповоротно остановившись на своемъ возвышенномъ рѣшеніи, Спаситель открылъ свое сердце малому обществу тѣхъ, которые любили Его, и велъ съ ними ту прощальную бесѣду, передаваемую только ев. Іоанномъ, которая представляетъ „дивную смѣсь скорби и радости и какъ смарагдами украшена тайнами“. „Нынѣ, какъ бы съ чувствомъ особаго облегченія сказалъ Онъ, прославился Сынъ человѣческій, и Богъ прославился въ Немъ“. Часъ этого прославленія уже насталъ, того прославленія, достигнуть котораго предстояло путемъ униженія и муки. Ему недолго уже оставалось быть съ ними, и Онъ какъ говорилъ іудеямъ, такъ теперь сказалъ и имъ, что куда идетъ Онъ, они не могутъ прійти. Говоря же имъ объ этомъ въ первый и послѣдній разъ, Онъ называетъ ихъ малыми „дѣтьми“. Тутъ были Петръ и Іоаннъ, мужи, ученіе и дѣла которыхъ отселѣ должны были упрочить ихъ вліяніе на человѣчество до свончанія міра, которые должны были стать покровителями народовъ, въ честь которыхъ будутъ строиться величественныя соборы и храмы и по имени которыхъ будутъ называться города; но ихъ величіе было только слабымъ,

тусклымъ отраженіемъ славы Воскресшаго, было только искрой Духа, котораго Онъ пошлетъ имъ. Помимо Его они не имѣли никакого значенія, были невѣжественные галилейскіе рыбаки, неизвѣстные за предѣлами своихъ деревень; не имѣли бы ни разума, ни знанія, еслибы Онъ не сообщалъ имъ, какъ своимъ „дѣтямъ“. Но хотя имъ и нельзя слѣдовать за Нимъ, куда Онъ идетъ, но Онъ не сказалъ имъ, какъ сказалъ раньше іудеямъ (Іоан. vii, 34; viii, 21), что они будутъ искать Его и не найдутъ. Нѣтъ, Онъ даже далъ имъ новую заповѣдь, по которой они, идя по стопамъ Его и будучи извѣстны всѣмъ, какъ Его ученики, скоро найдутъ Его. Эта новая заповѣдь состояла въ томъ, чтобы они любили другъ друга. Въ нѣкоторомъ смыслѣ, правда, она была не новой. Даже въ законѣ Моисея (Лев. xix, 18) не только находило себѣ мѣсто положеніе: „люби ближняго твоего, какъ самого себя“, но это положеніе мудрыми іудейскими учителями считалось даже главнымъ и существеннымъ, какъ „царскій законъ по писанію“, какъ „благовѣствованіе отъ начала“ (Іак. ii, 8; 1 Іоан. iii, 11). И однако же, какъ объясняетъ ев. Іоаннъ въ своемъ посланіи, хотя эта заповѣдь въ одномъ смыслѣ старая, въ другомъ—она совершенно новая по приданному ей вновь особенному значенію, новая по новымъ побужденіямъ, по которымъ она внушена, новая по новому примѣру, которымъ была подтверждена, и новая по тому новому вліанію, которое она должна была получить съ этихъ поръ. Эта была любовь какъ признакъ и условіе ученичества,—любовь, которая даже больше вѣры и надежды, любовь какъ исполненіе закона.

Въ этомъ мѣстѣ ап. Петръ вмѣшался съ вопросомъ. Прежде чѣмъ І. Христосъ перешелъ къ другому предмету, онъ хотѣлъ бы получить объясненіе того, что не совсѣмъ было понято имъ. Почему эта бесѣда Господа имѣетъ прощальный характеръ? „Господи, куда Ты идешь?“

„Куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти, а послѣ пойдешь за Мною“.

Петръ понялъ теперь, что Онъ разумѣлъ *смерть*; но почему же и ему не умереть? Развѣ онъ не готовъ связать вмѣстѣ съ Осомою: „пойдемъ и мы умремъ съ нимъ“ (Іоан. xi, 16)! „Господи!

почему я не могу идти за Тобою теперь? Я душу мою положу за Тебя!“

Почему!.. Спаситель могъ бы отвѣтить: потому что сердце твое обманчиво; потому что недостатокъ смиренія обольщаетъ тебя; потому что даже самъ ты не знаешь, сколько трусливой слабости и себялюбія въ твоихъ побужденіяхъ. Но Онъ не хотѣлъ обращаться такъ съ чистосердечнымъ, хотя и слабымъ, порывистымъ апостоломъ, любовь котораго была совершенно искренна, хотя и не могла выдержать испытанія. Онъ щадить его отъ всякаго укора, и только съ вопросительною ласкою повторивъ его увѣреніе—открываетъ ему горькую истину: „душу твою за Меня положишь? Истинно, истинно, говорю тебѣ: не пропоетъ пѣтухъ, какъ отречешься отъ меня трижды“. Была уже ночь. Прежде чѣмъ на восточномъ небосклонѣ забрежжится заря рокового утра, прежде чѣмъ въ глубокой тьмѣ раздастся пѣніе пѣтуха, какъ вѣстника близкаго разсвѣта, Христосъ начнетъ полагать свою жизнь за Петра и за всѣхъ согрѣшающихъ, а Петръ уже въ это время, забывъ даже объ этомъ предостереженіи, трижды отречется отъ своего Господа и Спасителя, трижды отвергнетъ какъ клевету и оскорбленіе самую мысль, что онъ даже знаетъ Его. Все, что можно было сдѣлать для избавленія его отъ мукъ этого нравственнаго униженія, І. Христосъ уже сдѣлалъ — увѣщаніемъ, любовью, молитвой къ своему Отцу небесному. Онъ молился о немъ, чтобы не оскудѣла вѣра его, какъ и вѣра другихъ. Сатана просилъ, чтобы сѣять ихъ какъ пшеницу, и несмотря на свою самоувѣренность, несмотря на увѣренія въ преданности, несмотря на воображаемую искренность, Петръ окажется мякиной. Замѣчательно, что въ данномъ мѣстѣ евангелія отъ Луки встрѣчается единственный примѣръ, когда Спаситель обращался къ Симону съ именемъ Петра, которое Онъ далъ ему самъ. Онъ какъ бы хотѣлъ напомнить ему, что сила его заключалась не въ немъ самомъ, а въ томъ великомъ исповѣданіи, которое онъ нѣкогда произнесъ. Но Христосъ не оставилъ его и безъ милостивой надежды. Онъ полагается и возвратится къ своему Господу, отвергнутому имъ, и когда придетъ это время, онъ долженъ будетъ представить самое вѣрное и благородное доказательство своего покаянія —

долженъ утвердить другихъ. Если его паденіе во всемъ ужасѣ показало ему значеніе предостереженій Спасителя, за то и показаніе достойно исполнило эти утѣшительныя предсказанія. Въ высшей степени интересно замѣтить, что то же самое слово, которое употребилъ І. Христосъ въ обращеніи къ нему, встрѣчается и въ его посланіи, и притомъ въ такомъ сочетаніи, которое показываетъ, какъ глубоко оно запало ему въ душу.

Но Господь Іисусъ хотѣлъ дать знать своимъ апостоламъ, что пришло время, когда все будетъ иначе, чѣмъ было въ тѣ счастливые дни, когда Онъ впервые посылалъ ихъ на проповѣдь въ Галилею. Тогда Онъ посылалъ ихъ безъ денегъ, безъ сумы и сандалій, и однако же имъ ни въ чемъ не было недостатка. Теперь же нужны будутъ и деньги, и сума, даже можетъ оказаться роковою необходимостью и мечъ, и потому „у кого нѣтъ меча, продай одежду свою и купи“. Самый тонъ выраженія показывалъ, что его нельзя было понимать въ строго-буквальномъ смыслѣ. Такъ какъ слова Спасителя, которыя Онъ говорилъ для всѣхъ временъ, должны были упрочиться навсегда, какъ упрочиваютъ зданіе сѣрѣпами и гвоздями, то Онъ обыкновенно облекалъ свое нравственное ученіе въ форму яреихъ метафоръ и сильныхъ своеобразныхъ положеній. Онъ хотѣлъ теперь предупредить своихъ учениковъ объ измѣнившихся обстоятельствахъ, когда они должны будутъ сдѣлаться предметомъ ненависти, презрѣнія и вражды и когда даже самозащита можетъ оказаться для нихъ настоятельнымъ долгомъ. Но чтобы ясно показать имъ, что Онъ не разумѣетъ немедленной заботы о самозащитѣ, чтобы заранѣе устранить всякую попытку на защиту Его жизни, которою Онъ жертвовалъ добровольно, Онъ прибавилъ, что конецъ близокъ и, согласно съ древнимъ пророчествомъ, Онъ будетъ въ „злѣдѣмъ причтенъ“ (Лук. ххп, 37). Но апостолы, по своей обычной непонятливости, невѣжественно перетолковали Его слова, видя въ нихъ не духовное нравственное поученіе, а самый простой обыденный смыслъ. „Господи! вотъ здѣсь два меча“ — почти съ дѣтскою наивностью истолковали они Его слова. Два меча! — какъ будто этого достаточно было для защиты Его священной жизни отъ физическаго насилія! какъ будто это было достаточно обезпеченіе для Того, по слову

котораго могло бы явиться болѣе двѣнадцати легионовъ ангеловъ! какъ будто такое ничтожное оружіе, находящееся въ такихъ слабыхъ рукахъ, могло избавить Его отъ соединенной ненависти цѣлаго народа — Его враговъ! „Довольно“, грустно сказалъ Онъ. Нечего было продолжать толковать объ этомъ предметѣ; наступающее событіе въ саду Геосиманскомъ покажетъ имъ, какъ мало поняли они Его слова. Онъ оставилъ этотъ предметъ и, отстраняя предложенные мечи, перешелъ къ болѣе настоящей задачѣ утѣшенія ихъ, по поводу которой Онъ многое имѣлъ сказать имъ.

Онъ говорилъ имъ, чтобы они не смущались; они вѣровали, и вѣра ихъ должна была принести свой плодъ. Онъ оставлялъ ихъ лишь для того, чтобы приготовить имъ мѣсто во „многихъ обителяхъ“ дома Отца небеснаго. Имъ извѣстно было, куда Онъ шель, и извѣстенъ былъ путь.

„Господи, не знаемъ, куда идешь; и какъ можемъ знать путь? смущенно замѣтилъ печальный Фома.

„Я есмь путь и истина, и жизнь; никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня. Еслибы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отнынѣ знаете Его, и видѣли Его“.

Тутъ послѣдоваль опять одинъ изъ тѣхъ, такъ правдиво и живо передаваемыхъ евангелистами, наивныхъ вопросовъ, которые обнаруживаютъ въ ученикахъ полнѣйшую неспособность пониманія, поразительное духовное невѣденіе послѣ столь долгаго божественнаго назиданія. Но мы можемъ быть только глубоко благодарны за то, что объ этой непонятливости и невѣденіи апостоловъ въ евангеліяхъ передается съ такою откровенностью и смиреніемъ; потому что ничто еще болѣе этого не можетъ съ такою неотразимою силою показать необычайную переменъ, которая должна была совершиться въ ихъ духовной жизни, прежде чѣмъ эти робкіе, погрязшіе въ предрассудкахъ іудейства, непросвѣщенные простаки могли преобразиться въ апостоловъ, которые, вдохновившись видѣннымъ ими и Духомъ Святымъ, давшимъ имъ мудрость и силу слова, въ теченіе своей короткой жизни, окончившейся мученически, сдѣлались величайшими учителями чело- вѣчества.

„Господи! покажи намъ Отца, сказалъ Филиппъ изъ Вилсаиды, и довольно для насъ“.

Покажи намъ Отца! Чего же ожидалъ Филиппъ? развѣ землепотрясающаго богоявленія? какаго-нибудь ослѣпительнаго сіянія на небѣ? Развѣ Онъ не зналъ еще, что Невидимый не можетъ быть видимъ смертными глазами, что конечное существо не можетъ достигнуть видѣнія Безконечнаго, что тѣ, кто хотѣли бы видѣть Бога—должны видѣть Его не въ образахъ или подобіяхъ, что Его страшное безмолвіе можетъ быть нарушаемо для насъ только при посредствѣ человѣческаго голоса и что бытіе Его можетъ быть постигаемо только при посредствѣ того, что Имъ сотворено? И развѣ онъ совсѣмъ не могъ понять, что въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ онъ ходилъ съ Богомъ, что ни онъ, ни другой смертный человѣкъ не можетъ знать Бога въ этомъ мірѣ больше того, что откроетъ о Немъ „Единородный Сынъ Божій, сущій въ лонѣ Отца?“

Безъ малѣйшаго, опять гнѣва, только съ легкимъ отгѣнкомъ печальнаго удивленія, сказалъ ему І. Христосъ: „столько времени Я съ вами, и ты не знаешь Меня, Филиппъ? Видѣвшій Меня, видѣлъ Отца; какъ же ты говоришь: покажи намъ Отца?“

И затѣмъ, ссылаясь на свое ученіе и на свои дѣла, возможные только по соприсутствію живущаго въ Немъ Отца, Онъ сталъ раскрывать имъ, что придетъ Духъ Святой, и Утѣшитель этотъ, обитая въ нихъ, сдѣлаетъ ихъ единими и съ Нимъ, и съ небеснымъ Отцомъ.

Но тутъ встрѣтилъ затрудненіе Іуда Леввея. Онъ не понималъ, что видѣть можно только то, что входитъ въ область присущей ему зрительной способности. Онъ не могъ уяснить себѣ, что Богъ можетъ быть видимъ только для тѣхъ, умственныя очи которыхъ настолько открыты, что могутъ различать духовные предметы. „Господи! что это, что Ты хочешь явить себя намъ, а не міру?“ спросилъ онъ.

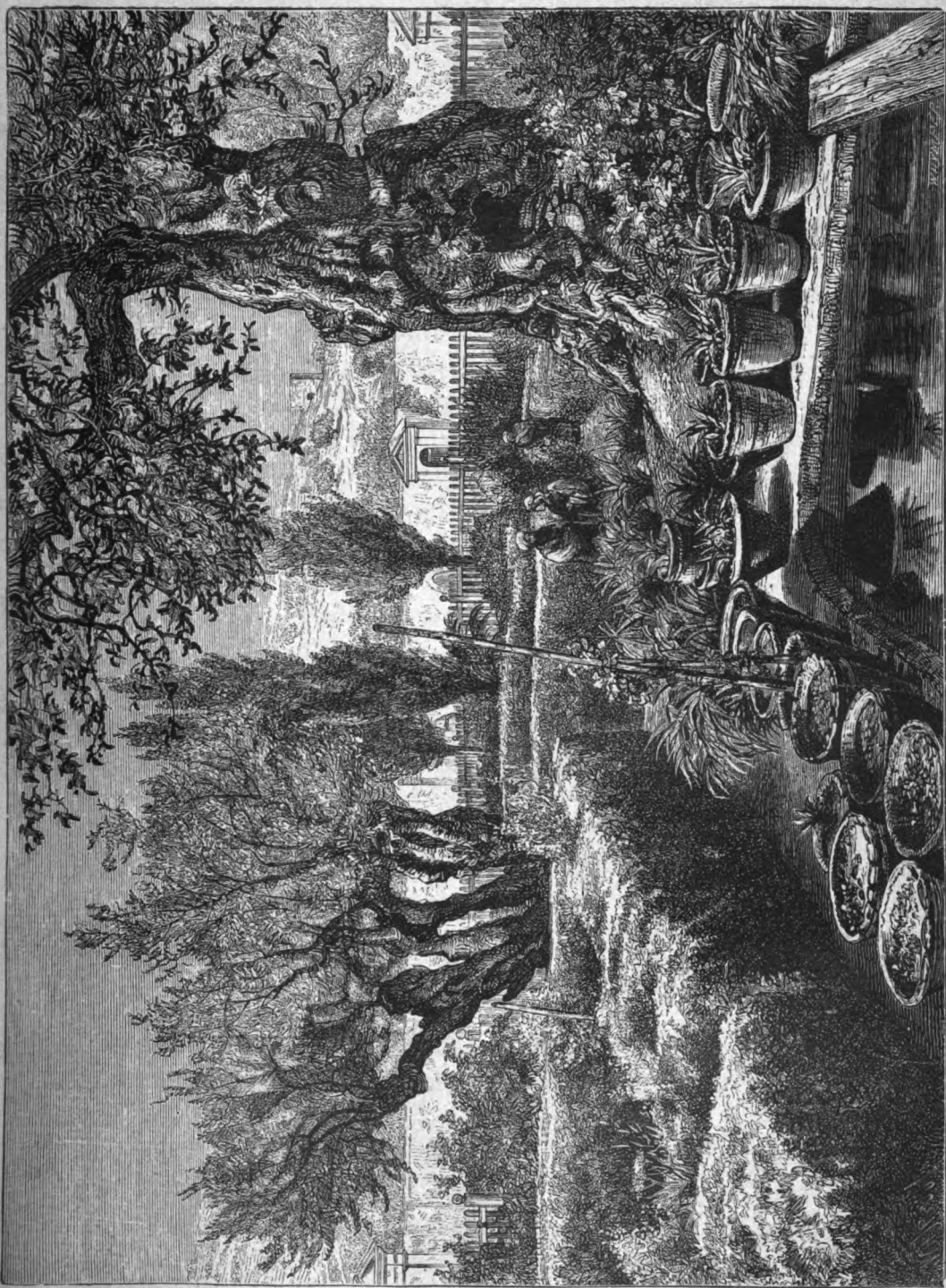
Его затрудненіе было точно такое же, какъ и Филиппа—полная неспособность различать между вещественнымъ и духовнымъ явленіемъ. Не устраняя его формально, Иисусъ Христосъ еще разъ далъ имъ всѣмъ истинную нить пониманія своихъ словъ, именно, что Богъ обитаетъ съ тѣми, которые любятъ Его, и

что доказательствомъ любви служить повиновеніе. Подробнѣе объ этомъ научить ихъ Утѣшитель Духъ, который будетъ посланъ имъ отъ Отца и напомнить все, что Онъ говорилъ Имъ. А теперь Онъ оставляетъ имъ благословеніе мира, не надѣясь уже поучать ихъ много, потому что теперь должна начаться борьба Его съ княземъ міра сего.

При этихъ словахъ ученики пришли въ движеніе. „Встаньте, сказалъ Христосъ, пойдете отсюда“.

Они встали изъ-за стола и всѣ вмѣстѣ запѣли гимнъ, быть можетъ часть великаго аллилуія, вѣроятно 115, 116 и 117 псалмы. Какой неизгладимый интересъ получаютъ эти псалмы отъ этого именно обстоятельства и какое глубокое значеніе для нѣкоторыхъ изъ св. общества должны были имѣть многіе стихи этихъ псалмовъ! Съ какою силою чувства должны были они пѣть напр. такіа слова: „объяли меня болѣзни смертныя, муви адскія постигли меня; я встрѣтилъ тѣсноту и скорбь. Тогда призвалъ я имя Господне: Господи! избавь душу мою“; или „Что воздамъ Господу за всѣ благодѣянія Его во мнѣ? Чашу спасенія прииму и имя Господне призову“; или такіе стихи: „Сильно тольнули меня, чтобъ я упалъ; но Господь поддержалъ меня. Господь сила моя и пѣснь; Онъ содѣлался моимъ спасеніемъ. Камень, который отвергли строители, содѣлался главою угла. Это отъ Господа, и есть дивно въ очахъ нашихъ“.

Прежде чѣмъ они двинулись въ путь въ саду Геосиманскому, быть можетъ, когда они еще стояли вокругъ своего Господа по окончаніи пѣснопѣнія, Онъ еще разъ обратился къ нимъ со словомъ. Прежде всего Онъ говорилъ имъ о необходимости тѣснѣйшаго единенія съ Нимъ, если только они хотятъ принести плодъ и спастись отъ гибели. Свое поученіе Онъ облекъ въ иносказаніе о виноградной лозѣ и ея вѣтвяхъ. Нѣтъ надобности искать особаго обстоятельства, которое могло навести мысль на такую иносказательную форму, кромѣ „плода винограднаго“, бывшаго у нихъ на вечерахъ. Но еслибы оно требовалось, то можно предположить, что, выглянувъ изъ горницы подъ открытое ночное небо, Онъ видѣлъ, какъ луна заливала своими серебристыми лучами листья виноградныхъ лозъ, обвивавшихъ рѣшетчатое окно, или бросала свой свѣтъ на ко-

Салъ Геосиманскій.

лоссалыныя золотыя грозды, украшавшіе одни изъ вратъ въ храмъ. Напечатлѣвъ въ ихъ сознаніи эту истину яркой приточной формой, Спаситель затѣмъ показалъ имъ, каковой глубокой истинѣ радостей найдутъ они въ тѣхъ гоненіяхъ, которыя ожидали ихъ со стороны озлобленнаго міра, и еще съ болѣею полнотою, ясностью и глубиною, чѣмъ когда-либо прежде, Онъ говорилъ имъ, что, несмотря на все душевное томленіе, съ которымъ они смотрѣли на предстоящую разлуку съ Нимъ, она въ дѣйствительности будетъ къ *лучшему* для нихъ. Онъ долженъ лично удалиться отъ нихъ, чтобы духовно быть съ ними еще тѣснѣе и ближе, чѣмъ когда-либо прежде. Такъ будетъ съ пришествіемъ Духа Святаго, когда Онъ, бывшій теперь съ ними, навсегда будетъ *съ* ними. Когда придетъ Утѣшитель, Онъ „обличитъ міръ о грѣхѣхъ, и о правдѣ, и о судѣ“, наставитъ *ихъ* на всякую истину и возвѣститъ будущее. „Онъ прославитъ Меня, потому что отъ Моего возьметъ, и возвѣститъ вамъ“. А теперь Онъ идетъ къ Отцу своему; еще немного, и они не увидятъ Его; и затѣмъ еще немного, и они увидятъ Его опять.

Неувѣренность касательно того, что Онъ разумѣлъ подъ этимъ, опять заставила учениковъ спрашивать другъ друга, когда въ Его бесѣдѣ наступила одна изъ торжественныхъ паузъ. Они съ радостью спросили бы Его, но были подавлены чувствомъ глубокаго благоговѣнія, и у нихъ не хватало смѣлости. Они уже нѣсколько разъ прерывали теченіе Его мыслей вопросами, которые хотя и не встрѣчали укора съ Его стороны, но очевидно печалили Его тою пустотою и непонятливостью, которую они обнаруживали во всемъ, что Онъ старался внушить имъ. Такимъ образомъ ихъ шепотливые вопросы замолкли опять, но добрый Учитель самъ пришелъ имъ на помощь. Часъ скорби ихъ, говорилъ Онъ имъ, будетъ вратомъ, но за нимъ послѣдуетъ радость, которой уже никто не отниметъ отъ нихъ. Радости этой не будетъ предѣла, потому что о чемъ бы ни попросили они Отца, будетъ дано имъ. Къ этому-то Отцу, который самъ возлюбилъ ихъ за ихъ вѣру въ Него—къ этому Отцу, отъ котораго пришелъ Онъ въ міръ, теперь Онъ долженъ возвратиться опять.

Учения были глубоко благодарны за эти ясныя и утѣшительныя слова. Еще разъ они единодушно выразили свою вѣру, что Онъ пришелъ отъ Бога. Но Христосъ съ грустью прервалъ ихъ восторгъ. Своими словами Онъ хотѣлъ дать имъ миръ въ настоящемъ, мужество и надежду для будущаго; но Онъ зналъ и прямо сказалъ имъ, что, несмотря на всѣ увѣренія ихъ, близокъ часъ, когда всѣ они разсѣятся въ себялюбивомъ страхѣ, и оставятъ Его одного,—но не одного, впрочемъ, потому что Отецъ будетъ съ нимъ.

Сказавъ это, Иисусъ Христосъ возвелъ очи свои въ небо и произнесъ свою великую первосвященническую молитву: въ ней Онъ прежде всего просилъ, чтобы Отецъ небесный облекъ Его добровольное человѣческое естество предвѣчной славой, которой Онъ лишилъ самого себя, принявъ видъ раба; затѣмъ, чтобы сохранилъ во имя свое тѣхъ возлюбленныхъ Имъ, которые были съ Нимъ въ мѣрѣ; и наконецъ просилъ, чтобы Отецъ освятилъ и содѣлалъ совершенными не ихъ только, но и всѣ тѣ миллионы, всѣ тѣ поколѣнія, которыя впослѣдствіи увѣруютъ по слову ихъ.

И затѣмъ, когда смолкли звуки этой божественной молитвы, они оставили горницу и вступили въ безмолвное царство лунной восточной ночи.

ГЛАВА LVII.

САДЪ ГЕОСИМАНСКІЙ. МОЛЕНИЕ О ЧАШѢ И ВЗЯТІЕ ПОДЪ СТРАЖУ.

Не какъ Я хочу, но какъ Ты. Матѣ. xxvi, 39.

ДУТЬ ихъ велъ чрезъ одни изъ городскихъ воротъ, вѣроятно тѣ, которыя соотвѣтствуютъ теперешнимъ воротамъ св. Стефана, внизъ по крутой лощинѣ, чрезъ долину Кедронскаго потока, лежащаго на сто футовъ ниже, и затѣмъ вверхъ на зеленую, тихую отлогость за нимъ. Кто посѣщалъ эту мѣстность въ это именно время года и въ тотъ самый часъ ночи; кто чувствовалъ торжественную тишь безмолвія даже на такомъ близкомъ разстояніи отъ городской стѣны; кто видѣлъ густыя тѣни, от-

брасываемыя стволами вѣвовыхъ маслинъ, и трепетаніе свѣта, падающаго на мураву черезъ ихъ залитую лунными, серебряными лучами листву,—тому легче представить себѣ невольный страхъ, заврадывавшійся въ душу этихъ немногихъ галилеянъ, когда они почти въ ненарушимомъ безмолвіи, съ нѣкоторою быть можетъ таинственностью и съ тяжелымъ чувствомъ невѣдомаго страха слѣдовали за Тѣмъ, кто съ понижшею головой и скорбнымъ сердцемъ шелъ впереди ихъ на вольную страсть (Лув. ххп, 39).

Намъ сообщается только объ одномъ событіи во время этого послѣдняго достопамятнаго полуночнаго пути въ знакомому имъ саду Геосиманскому (Мат. ххvi, 31—35; Марк. хvi, 27—31). Это именно послѣднее предостереженіе ученикамъ вообще, а апостолу Петру въ особенности. Ночной сумракъ, окружающее безмолвіе, неувѣренность въ своемъ положеніи, глухіе отзвуки ихъ шаговъ, таинственный видъ ихъ движеній, мучительное чувство, что предательство было уже въ дѣйствиіи теперь,—все это быть можетъ начало уже производить въ ихъ душѣ леденящій холодъ трусости. Иисусъ Христосъ обернулся и съ грустью сказалъ имъ, что въ эту ночь всѣ они соблазнятся о Немъ, и исполнится древнее пророчество: „поражу Пастыря и разбѣятся овцы стада“. Но, несмотря на все это, Онъ, какъ пастырь, предварить ихъ въ Галилеѣ. Они всѣ отвергали возможность таковаго оставленія своего Господа, и Петръ, взволнованный уже этимъ явнымъ недоувѣріемъ въ его постоянству, мучимый быть можетъ опасеніемъ, чтобы І. Христосъ не усумнился въ *немъ*, отрицалъ это громче и настойчивѣе всѣхъ. Еслибы даже соблазнились всѣ, то онъ одинъ не соблазнится никогда. Не тайное ли зловѣщее предчувствіе собственнаго сердца заставляло его такъ настойчиво и сильно завѣрять въ себѣ? Даже повтореніе прежняго предсказанія, что, прежде чѣмъ пропоетъ пѣтухъ, онъ трижды отречется отъ своего Господа, не могло поколебать его въ своемъ положительномъ завѣреніи, что даже смерть никогда не принудитъ его въ такому грѣху. Спаситель только въ грустномъ безмолвіи слушалъ эти обѣты, которые такъ скоро должны были разлетѣться въ прахъ.

Такъ они пришли въ Геосиманію, находившуюся на разстоя-

ни трех четвертей версты отъ городскихъ стѣнъ. Это былъ садъ, обнесенный вѣроятно какою-нибудь легкою изгородью, и такъ какъ онъ былъ мѣстомъ частаго убѣжища для Христа и Его послѣдователей, то можно думать, что онъ принадлежалъ какому-нибудь дружественному имъ владѣльцу. Самое названіе „Геосиманія“ означаетъ „жомъ масличный“, и она названа была такъ несомнѣнно отъ жомъ для выжиманія маслинъ, собираемыхъ съ многочисленныхъ деревь, отъ которыхъ самая гора получила свое названіе. Кто отдыхалъ весною въ полдень въ садахъ Ен-Ганнима или Назарета и помнитъ пріятную тѣнь, даваемую переплетающимися вѣтвями маслинъ и гранатъ, смовоницъ и лавровъ, тотъ легко представитъ себѣ, каковаго рода было это мѣсто. Указываемую преданіемъ мѣстность, какъ ни почтенна и ни прекрасна она по своимъ вѣковымъ величественнымъ маслинамъ, изъ которыхъ одна еще и теперь извѣстна подъ названіемъ „дерева душевной муки“, едва ли однако же можно считать за это именно мѣсто, такъ какъ она, находясь въ углу, образуемомъ двумя дорогами, ведущими черезъ вершину и откосъ Елеонской горы, всегда навѣрно была слишкомъ людной и общедоступной. Мѣстомъ этой страшной и потрясающей истомы духа человѣческаго была, вѣроятно, одна изъ уединенныхъ ложбинъ, неподалеку отсюда. Но хотя съ достовѣрностью и нельзя опредѣлить въ точности того самаго мѣста, общее положеніе Геосиманіи однако же ясно. Какъ тогда, такъ и теперь трепетаніе пробивающагося луннаго свѣта, сѣроватыя листья, темнобурые стволы, мягкая мурава, лощина съ возвышающейся надъ ней Елеонской горой къ востоку и Іерусалимомъ къ западу — составляютъ главныя особенности мѣста, на которое, пока стоитъ міръ, всегда съ неослабнымъ интересомъ будутъ смотрѣть какъ на то именно мѣсто, гдѣ Спаситель человѣчества одинъ вошелъ въ долину тѣни смертной.

Иисусъ Христосъ зналъ, что страшный часъ Его глубочайшаго униженія насталъ, что съ этого момента до великаго возгласа, съ которымъ Онъ предалъ духъ свой, Ему ничего не оставалось на землѣ, вромѣ муки, тѣлесной боли и терзаній душевной тоски. Все, что только можетъ вынести человѣческая природа, поразило Его страждущее тѣло; вся мука, какую только можетъ

причинить жестокое и сокрушительное оскорбленіе, обрушится на Его душу. Самая жгучая боль, сокрушительный позоръ, вся тяжесть грѣха и тьма человѣческаго бытія въ состояніи богоотступничества и паденія—вотъ съ чѣмъ Онъ долженъ былъ встрѣтиться теперь, въ самомъ чудовищномъ ихъ сочетаніи. Но оставалось сдѣлать еще одно, прежде чѣмъ началась дѣйствительная борьба, истинная мука. Нужно было уврѣпить свое тѣло, ободрить душу молитвой и уединеніемъ, подготовить духъ для встрѣчи того часа, когда все, что есть злого въ царствѣ зла, обрушится на Невиннаго и Святого. Онъ одинъ долженъ встрѣтить этотъ часъ: ни одинъ человѣческій глазъ не долженъ видѣть глубины Его страданій, кромѣ какъ издали—черезъ сумракъ и тѣнь. Но Онъ радъ бы былъ сочувствію близкихъ Ему людей; Ему пріятно было въ этотъ скорбный часъ сознавать, что они около Него и ближе всѣхъ тѣ, кого Онъ больше любилъ. „Посидите тутъ, сказалъ Онъ большинству, пока Я пойду помолюсь тамъ“. Завернувшись въ свои плащи, апостолы расположились уснуть на влажной травѣ, а Онъ, взявъ съ собою Петра, Іакова и Іоанна, пошелъ подальше, на разстояніе полета брошеннаго камня. Петру полезно было видѣть все, что неразлучно съ приверженностью во Христу; Іакову и Іоанну полезно было знать, какова та чаша первенства, пить которую добивались они. Но скоро для Него стало невыносимымъ даже присутствіе этихъ избранныхъ и вѣрныхъ друзей. Невыразимая скорбь, невыносимая борьба, головокружащій ужасъ и оцѣпенѣніе овладѣли душой Его, какъ бы въ послѣднемъ припадкѣ наступающей смерти. Это была буря чувствъ, которой не долженъ былъ видѣть никто. „Душа Моя, сказалъ Онъ, скорбитъ смертельно; побудьте здѣсь, и бодрствуйте“. Съ усиленіемъ рванулся Онъ отъ ихъ ободряющей любви и преданности, и отошелъ еще дальше, быть можетъ изъ-подъ луннаго свѣта въ тѣнь. И пока дремота не одолѣла ихъ, они видѣли, какъ пламенна была Его молитва и какъ тяжело страданіе, которое выносилъ Онъ. Они видѣли, какъ Онъ въ молитвенномъ порывѣ то превлонялся, то совсѣмъ падалъ ницъ на влажную траву, и слышали подавленный ровотъ выражений смертельной скорби, въ которыхъ Его человѣчество ходатайствовало предъ божественной волей Отца. Слова были раз-

личны, но сущность ихъ одна и та же: „Отче Мой! если возможно, да минуешь Меня чаша сія; впрочемъ не какъ Я хочу, но какъ Ты“.

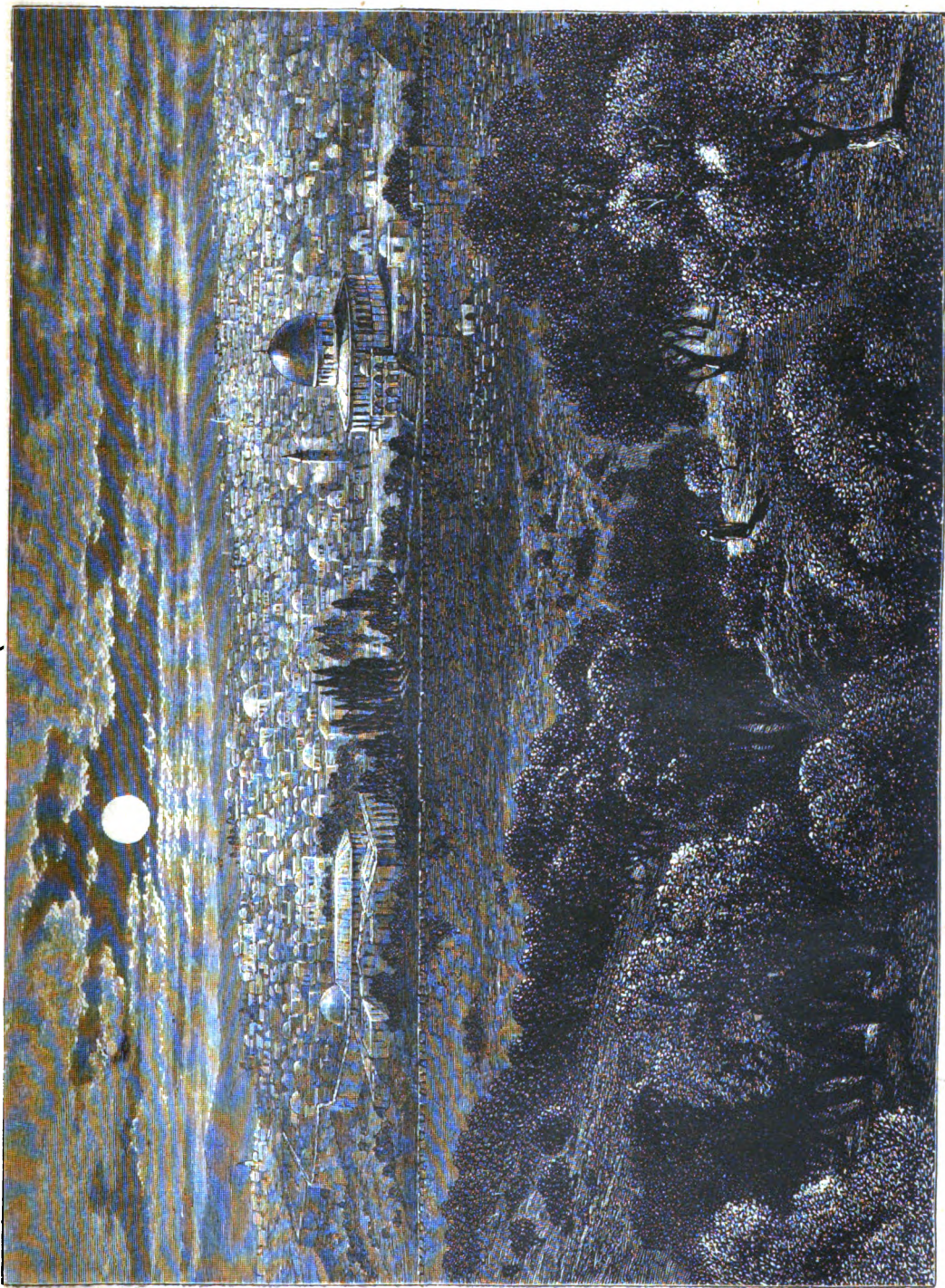
И эта молитва, принесенная съ безконечнымъ упованіемъ и благоговѣніемъ, была услышана, этотъ крѣпкій вопль и горячія слезы не были отвергнуты. Мы не можемъ близко вторгаться въ это великое зрѣлище. Оно окружено обаяніемъ святости и тайны, въ которую не можетъ проникнуть умъ человѣческой. По отношенію къ нему мы похожи на Его учениковъ — сознаніе наше смутно, понятія неясны. Мы можемъ только войти въ ихъ изумленіе и тяжкую скорбь. Едва борясь съ неодолимо давившей ихъ тяжелой, мучительной дремотой, они только неясно чувствовали, что были свидѣтелями невыразимой душевной муки, гораздо болѣе глубокой, чѣмъ какую могли постигнуть они, и далеко превосходящей предѣлы нашего разумѣнія даже въ самые возвышенные и чистые моменты нашей духовной жизни. Тутъ повидимому лицомъ въ лицу встрѣтились добро и зло и выступили въ страшную, но безмолвную борьбу между собой за окончательную побѣду. Апостолы видѣли, какъ Тотъ, отъ котораго въ смятеніи и ужасѣ бѣжали бѣсы, теперь лежалъ ницъ на землѣ. Тотъ голосъ, который повелѣвалъ вѣтру и морю и они повиновались ему, теперь стоналъ и лепеталъ въ мучительной борьбѣ. Отъ смертельной истомы душевныхъ мукъ на лицѣ Его выступили капли кроваваго пота. Подъ темной тѣнью деревъ, среди пробивавшагося луннаго свѣта, имъ видѣлся ангелъ, который поддѣрпывалъ Его слабѣвшія силы и помогъ Ему побѣдно встать послѣ этой первой молитвы — съ кровавыми лишь слѣдами мучительной борьбы на челѣ.

Откуда же происходило все это мучительное уныніе, это страшное оцѣпенѣніе, этотъ мрачный ужасъ, это страданіе, которое почти свело Его въ могилу, прежде чѣмъ нанесенъ былъ хоть одинъ ударъ, которое вызвало въ немъ рѣдкое и необычайное явленіе кроваваго пота и которое почти окончательно поразило душу и тѣло? Не было ли это простымъ страхомъ смерти, простымъ усиленіемъ на рѣшимость идти на - встрѣчу тому, что Онъ предвидѣлъ во всей ужасной неизбѣжности, но отъ чего тѣмъ не менѣе душа Его рвалась освободиться? Къ

великому стыду и позору челоѣчества, есть люди, которые дерзають легкомысленно говорить о Геесиманіи, смотрять на это страшное зрѣлище съ высоты своего жалкаго самонадѣяннаго невѣжества, почти съ презрительнымъ отвращеніемъ говорятъ, что будто бы тутъ Иисусъ вывазалъ малодушную слабость. Та-кимъ образомъ, въ тотъ самый моментъ, когда бы мы должны болѣе всего изумляться и благоговѣть, они даже и предъ лицомъ святаго не обуздываютъ своего дерзкаго, вощунственнаго языка. Но даже если ничѣмъ другимъ нельзя убѣдить такихъ людей, если они просто считаютъ Его пророкомъ, готовящимся въ жестокой смерти, если никакое чувство приличія, никакая сила сочувствія не могутъ воздержать ихъ отъ нанесенія оскорбленій Мученику въ самый тяжкій моментъ Его страданій, то простая добросовѣстность, самая обыкновенная историческая правда развѣ не показываетъ имъ, какъ холодна и лжива должна быть та жалкая заскорузлость, которая не даетъ имъ видѣть, что не простая боязнь смерти такъ глубоко волновала чистую и невинную душу Сына челоѣческаго? Ребенокъ можетъ в дѣть, какъ несообразно такое предположеніе съ тою геройскою крѣпостью, которой не могли поколебать пятнадцать часовъ послѣдующей непрерывной муки, съ величавымъ безмолвіемъ предъ первосвященниками, прокураторомъ и царемъ; съ выносливостью, не издавшей ни малѣйшаго вопля при самыхъ мучительныхъ пыткахъ; съ спокойнымъ и безконечнымъ величіемъ, вызвавшимъ невольное уваженіе въ ожесточенномъ и безсердечномъ, вполне преданномъ міру римлянинѣ; съ тѣмъ невозмутимымъ превосходствомъ души, которое открыло врата рая показавшемуся злодѣю и дышало сострадательнымъ прощеніемъ богоотступнымъ учителямъ. Могъ ли Сынъ челоѣческой малодушно поддаваться простому страху смерти, когда только по вѣрѣ въ имя Его дряхлые старцы, слабыя дѣвы, робкіе юноши — Поликарпъ, Бланина, Атталъ — безтрепетно смотрѣли прямо въ лицо предстоявшей имъ смерти? Странно, что богохульственные языки такъ оскорбляютъ Того, кто привнесъ въ міръ жизнь и безсмертіе, благодаря которымъ явилось „мужество героевъ, готовыхъ ринуться на мечъ, явились люди,

съ отвагой идущіе на смерть и не падающіе жизни, въ надеждѣ, что она возвратится имъ за гробомъ“.

Самые тупоумные люди, самые законсѣлые преступники всходили часто на эшафотъ безъ трепета и стона; многіе звѣрскіе и безумные убійцы твердой ногой ступали на лѣстницу висѣлицы и съ недрогнувшимъ лицомъ смотрѣли на окружающую народную толпу. „Въ душѣ человѣческой нѣтъ настолько слабой страсти, которая бы не могла подавить и поборотъ страха смерти. Мщеніе торжествуетъ надъ смертью, любовь презираетъ ее, честь рвется на смерть, горе стремится къ ней, страхъ предупреждаетъ ее. Но и помимо отваги или бѣдствія, человѣкъ часто готовъ умереть просто отъ усталости и скуки своей однообразной жизни. Не менѣе интересно замѣтить, какъ мало перемѣны приближеніе смерти производитъ въ добрыхъ людяхъ: до самаго послѣдняго момента они неповолебимо остаются какъ были“. Смерть такое же естественное явленіе, какъ и рожденіе. Христіанину едва ли нужно объяснять, что вовсе не этотъ простой страхъ вызывалъ кровавый потъ на лицѣ Спасителя. Нѣтъ, это было нѣчто безконечно болѣе и безконечно выше того, что можетъ обнять нашъ разумъ. Это было нѣчто гораздо смертельнѣе самой смерти. Это было таинственное бремя грѣховъ цѣлаго міра, ввалившееся на сердце Христа; это было вкушеніе Имъ, при божественной непорочности своей человѣческой жизни, горькой чаши, отравленной грѣхомъ; это было склоненіе божественной главы къ принятію удара изъ-за человѣческаго беззаконія, приведшаго къ страшной возможности такого преступленія. Это было сознаніе того, какъ могущественна и ужасна была сила зла въ Божьемъ мірѣ, когда оказалась нужда въ такой безконечной жертвѣ. Это было сокрушительное чувство совершенной невинности, принужденной вынести лютейшую злобу, какую только можетъ измыслить ненависть человѣческая; испытать на своей неповинной, безконечно-любящей душѣ все, что есть омерзительнаго въ человѣческой неблагодарности, все, что есть ядовитѣйшаго въ человѣческомъ лицемѣрїи и что есть жесточайшаго въ человѣческой ярости. Это значило выступить на послѣднюю побѣдоносную борьбу съ сатанинской враждой и злобой, выставившей противъ Него всѣ

Гора Елеонская при лунномъ свѣтѣ.

огненные стрѣлы іудейской лживости и языческаго порока, дружное озлобленіе богатыхъ и знатныхъ и дикое неистовство грубой и ослѣпленной черни. Это значило чувствовать, что Его собственный народъ, къ которому Онъ пришелъ, возлюбилъ тьму больше свѣта, что весь избранный народъ всецѣло охваченъ былъ безумною ненавистью къ безконечной благодати, чистотѣ и любви.

Все это пережилъ Христосъ въ тѣ минуты, когда съ непереносимымъ для насъ безгрѣшнымъ ужасомъ предвкусалъ горечь, которая была горше горечи смерти. Спустя нѣсколько времени, побѣдоносно выйдя изъ этой молитвенной борьбы, но подобно своему предку Іакову утомленный почти до изнеможенія, Онъ возвратился къ своимъ тремъ апостоламъ, чтобы въ этихъ избранныхъ изъ избранниковъ найти хоть сколько-нибудь поддержки въ ихъ человѣческомъ сочувствіи. Увы! Онъ нашелъ ихъ спящими. Время было страшное и опасное, но ни близость опасности, ни любовь къ Учителю, ни состраданіе къ Его невыразимой скорби не были въ силахъ поддержать ихъ въ бодрственномъ состояніи. Въ своей скорби, утомленіи и крайнемъ возбужденіи они искали успокоенія въ глубокомъ снѣ. Даже Петръ послѣ всѣхъ своихъ горячихъ увѣреній погруженъ былъ въ глубокой сонъ, потому что глаза его отяжелѣли. „Симонъ, ты спишь?“ сказалъ Христосъ. Когда грустный упрекъ коснулся ихъ соннаго слуха и пробудилъ ихъ отъ дремоты, Онъ прибавилъ: „такъ ли не могли вы и одинъ часъ бодрствовать со Мною? бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе“. И затѣмъ не съ цѣлью оправдать ихъ слабость, а скорѣе указать на опасность ея, Онъ прибавилъ „духъ бодръ, плоть же немощна“.

Еще разъ оставилъ Онъ ихъ и опять съ еще большею напряженностью повторилъ ту же молитву, и во время перерыва изліянія своихъ чувствъ опять возвратился къ ученикамъ своимъ. Но они опять спали глубокимъ сномъ, и когда даже разбудилъ Онъ ихъ, они отъ отяжелѣнія чувствъ и смущенія не могли найтись, что сказать Ему. По-истинѣ Онъ могъ сказать словами псалмопѣвца: „Поношеніе сокрушило сердце мое, и

я изнемогъ, ждалъ состраданія, но нѣтъ его, — утѣшителей, но не нахожу“ (Ис. lxviii, 20).

Въ третій и послѣдній разъ, но теперь уже съ полнымъ спокойствіемъ и тихою безмятежностью той торжествующей увѣренности, которою пронивнута была Его первосвященническая молитва, удалился Онъ отъ учениковъ, чтобы найти единственное свое утѣшеніе въ общеніи съ Богомъ. И Онъ нашелъ тамъ все, что было нужно. Онъ приготовился ко всему, что только могъ сдѣлать для Него худшаго сатана или человѣкъ. Онъ зналъ, что ожидаетъ Его; быть можетъ Онъ завидѣлъ уже мерцаніе неурочныхъ огней, съ которыми враги выходили изъ предѣловъ храма. Однако же въ Его спокойныхъ словахъ не было уже и слѣда волненія, когда, придя въ третій разъ и найдя своихъ учениковъ спящими опять, Онъ сказалъ имъ: „Вы все еще спите и поживаете? Конечно, пришелъ часъ; вотъ предается Сынъ человѣческій въ руки грѣшниковъ“. Въмѣсто того, чтобы оказать Мнѣ поддержку, подкрѣпить Меня своимъ сочувствіемъ, вы спите. Но теперь уже все кончено. Теперь Я не буду уже нарушать вашего крѣпкаго сна. Его грубо и дерзко прервутъ теперь другіе. „Встаньте, пойдемъ: вотъ, приблизился предающій Меня“.

Да, пора уже было вставать, потому что, когда невинные спали, злодѣи строили возни и усиленно хлопотали за приготовленіями. Когда апостолы спали, подавленные своею тяжелою скорбью, предатель неусыпно бодрствовалъ въ своей злобной заботѣ. Болѣе двухъ часовъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ онъ изъ свѣтлой горницы ихъ счастливой вечера погрузился въ ночной мракъ, и все это время онъ былъ занятъ по горло. Онъ пошелъ къ первосвященникамъ и фарисеямъ, поднялъ ихъ на ноги и торопилъ съ свойственнымъ ему лихорадочнымъ проворствомъ. Частью быть можетъ дѣйствительно страпась Того, съ которымъ ему предстояло имѣть дѣло, частью желая придать себѣ особенную важность, онъ добился у начальниковъ іудейскихъ того, что ему дали сборный отрядъ, состоявшій изъ слугъ и храмовой стражи и даже изъ части римскаго гарнизона съ башни Антоніи, подъ командой трибуна. Они шли противъ Того, кто былъ оставленъ всѣми и беззащитенъ; однако же

воины были вооружены мечами, и даже сборная толпа сторожей запаслась дреколіями. Они шли взять Того, кто не сдѣлаетъ попытки бѣжать или скрыться, и полная луна освѣщала путь въ ихъ гнусномъ предпріятіи; однако же, чтобы Онъ не скрылся отъ нихъ въ какой-нибудь пещерѣ или въ густой тѣни маслинъ, они несли съ собою фонари и фавелы. Движенія свои они очевидно производили, насколько было возможно, безъ шума и скрытно; но благодаря мертвой тишинѣ, обыкновенно царящей ночью надъ городами востока, такая большая толпа не могла пройти незамѣченной. Будя своихъ спящихъ учениковъ, Иисусъ Христосъ уже слышалъ въ отдаленіи лязгъ мечей, звуки торопливыхъ шаговъ и плохо скрываемый шумъ приближающейся толпы. Онъ зналъ, что предстояло Ему; Онъ зналъ, что мирный, любимый Имъ садъ, гдѣ Онъ такъ часто проводилъ время съ своими учениками въ счастливыхъ бесѣдахъ, былъ хорошо извѣстенъ предателю. Эти непривычные и злобщіе звуки, эти красные языки свѣтильниковъ и фавеловъ, мелькавшихъ сверху вѣтви масличныхъ деревъ, явно давали знать, что Іуда выдалъ тайну Его уединенія и теперь былъ уже близко.

Едва Христосъ успѣлъ произнести эти слова, какъ явился и самъ предатель. Усердствуя въ своемъ дѣлѣ, съ торопливой поспѣшностью совершая настолько гнусное преступленіе, что страшился и самъ остановиться на раздумьи о немъ, онъ первый вошелъ въ ограду и далеко опередилъ всѣхъ остальныхъ (Лук. ххп, 47). „Другъ! для чего ты пришелъ?“ сказалъ ему Господь Иисусъ, когда онъ поспѣшно выдвинулся впередъ. Глубокое волненіе прервало Его мысль. Но Іуда не далъ Ему отвѣта, занятый лишь тѣмъ, чтобы дать своимъ соучастникамъ постыдный, заранѣе условленный знакъ. „Кого я поцѣлую, предупреждалъ онъ ихъ, Тотъ и есть; возьмите Его и ведите осторожно“. И такимъ образомъ, подойдя къ Христу и обращаясь къ Нему съ своимъ обычнымъ холоднымъ титуломъ, онъ воскликнулъ: „радуйся, Равви!“—и осквернилъ священную ланиту своего Учителя поцѣлуемъ предательскаго привѣта. „Іуда, сказалъ ему Иисусъ Христосъ съ печальнымъ и строгимъ упрекомъ, цѣлованіемъ ли предаешь Сына человѣческаго?“ Этихъ словъ было достаточно для того, чтобы открыть предателю его самого: они во всей наготѣ

представили ему его ужасное дѣло. Самый способъ его предательства былъ такъ безпримѣренъ по своей гнусности, такъ безцѣленъ и такъ преднамѣренно гадоу, что было бы излишне всякое дальнѣйшее объясненіе. Объятый чувствами, надъ которыми сжалились бы сами демоны, несчастный бросился назадъ къ воротамъ изгороди, около которыхъ уже теперь тѣснилась приведенная имъ стража.

„Господи! не ударить ли намъ мечемъ?“ въ тревогѣ спросилъ ап. Петръ, у котораго только вмѣстѣ съ другимъ ученикомъ и было оружіе. Они еще очевидно не знали о числѣ явившейся для взятія Его стражи. Спаситель не сразу отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Поразивъ гнусную алчность Іуды, Онъ тотчасъ же самъ вышелъ изъ загороди прямо къ своимъ преслѣдователямъ. Не думая бѣжать или скрываться, Онъ прямо сталъ передъ ними, при полномъ сіяніи луны, безоружный въ своемъ одинокомъ величіи, посрамляя своимъ спокойствіемъ ихъ ненужные факелы и излишнее оружіе.

„Кого ищите?“ спросилъ Онъ.

Вопросъ былъ не безцѣльный. Онъ сдѣланъ былъ, какъ показываетъ ев. Іоаннъ, съ цѣлью оградить апостоловъ отъ всякаго насилія; можно также думать, что Онъ хотѣлъ этимъ сдѣлать всѣхъ присутствующихъ свидѣтелями своего ареста и тѣмъ отвратить возможность тайнаго убійства или какого-нибудь гнуснаго съ собой поступка.

„Исуса Назорея“, отвѣчали тѣ.

При своемъ возбужденіи и невольномъ страхѣ они предпочли дать этотъ непрямой отвѣтъ, хотя едва ли у нихъ могло быть какое-нибудь сомнѣніе касательно говорившей съ ними личности. Притомъ тутъ же былъ и Іуда; зоркій глазъ евангелиста усмотрѣлъ его, несмотря на то, что тотъ старался укрыться среди толпы; и потому онъ могъ предупредить всякую ошибку, которая могла бы произойти вслѣдствіе неудачи слишкомъ поспѣшно и потому бесполезно даннаго знака.

„Это Я“, сказалъ Исусъ Христось.

Эти спокойныя слова потрясли толпу внезапнымъ ужасомъ и изумленіемъ. Этотъ тихій отвѣтъ „былъ сильнѣе вѣтра восточнаго, могучѣе раската громоваго, потому что Богъ былъ въ этомъ

тихомъ голосѣ, и онъ повергъ ихъ на землю“. Въ исторіи нѣтъ недостатка въ примѣрахъ, когда невозмутимое чело, простой взглядъ, спокойное положеніе беззащитнаго человѣка обезоруживали и приводили въ оцѣпенѣніе враговъ. Дикіе и звѣрскіе галлы не могли поднять мечей, чтобы поразить величавыхъ сенаторовъ Рима. „Я не могу убить Маріа“, воскликнулъ грубый рабъ, роняя свой мечъ и стремглавъ бросаясь изъ тюрьмы, въ которую его послали убить престарѣлаго героя. Есть ли поэтому основаніе для насмѣшливаго скептицизма, съ которымъ иные относятся къ простому, но поразительному разсказу, что при словахъ „это Я“ толпу объялъ паническій страхъ и, въ смятеніи бросаясь назадъ, многіе изъ нихъ попадали на земь! Ничего не можетъ быть естественнѣе и проще. Нужно имѣть въ виду при этомъ, что между ними былъ Иуда, душа котораго несомнѣнно находилась въ состояніи ужасной возбужденности; что народъ на востокѣ особенно подверженъ внезапной паникѣ, а страхъ есть крайне заразительное чувство; что большинство изъ нихъ навѣрно слышали о великихъ чудесахъ Иисуса, и во всякомъ случаѣ всѣмъ было извѣстно, что Онъ былъ пророкъ; что самый способъ встрѣчи Имъ стражи, которая, по тревожному настоянію Иуды, считалась необходимою для Его взятія, наводилъ на мысль о вѣроятности какаго-нибудь проявленія Имъ сверхъестественныхъ силъ, и что наконецъ они заняты были однимъ изъ тѣхъ преступныхъ дѣлъ мрачнаго, полуночнаго насилія, которыя подавляютъ мужество даже въ самыхъ смѣлыхъ людяхъ. Когда мы все это будемъ имѣть въ виду и будемъ помнить, что во многихъ случаяхъ земной жизни І. Христа одного Его присутствія и простого слова было достаточно для того, чтобы утишить ярость толпы и остаться непривосновеннымъ среди нея (Лук. IV, 30; Иоан. VII, 30; VIII, 59; X, 39; Мар. XI, 18), то едва ли окажется нужнымъ прибѣгать къ чуду для объясненія того явленія, что эти злодѣи по обязанности и ихъ гнусный вожакъ отшатнулись назадъ отъ простыхъ словъ „это Я“, — все равно, какъ еслибы молнія сверкнула имъ въ лицо.

Когда они нерѣшительно и боязливо толпились на мѣстѣ, Иисусъ Христосъ спросилъ ихъ опять: „Кого ищете?“ — „Иисуса Назорея“, послѣдовалъ тотъ же отвѣтъ. „Я сказалъ вамъ, отвѣчалъ Онъ, что

это Я. Итакъ, если Меня ищите, оставьте ихъ, пусть идутъ“. Въдъ Онъ самъ въ молитвѣ своей говорилъ: „изъ тѣхъ, которыхъ Ты Мнѣ далъ, Я не погубилъ нивого“.

Слова эти были знакомъ апостоламъ, что они не могутъ уже болѣе оказать Ему помощи и должны позаботиться, если только хотять, о своей собственной безопасности. Но когда они видѣли, что Онъ не намѣренъ былъ оказать нивакого сопротивленія и хотѣлъ сдаться своимъ врагамъ, то въ пылкой душѣ Петра вспыхнуло чувство благородства или стыда. Какъ ни безнадежно и ни бесполезно было теперь всякое сопротивленіе, онъ выхватилъ мечъ и слабымъ, неумѣлымъ ударомъ отсѣвъ ухо служителю первосвященника Малху. Христось тотчасъ же остановилъ неумѣстную и опасную борьбу. „Вложи мечъ въ ножны“, сказалъ Онъ Петру; и затѣмъ уворительно спросилъ своего порывистаго ученика, неужели онъ дѣйствительно думалъ, что Его Учитель не могъ бы избѣгать всего этого, еслибы только хотѣлъ? Еслибы Онъ не добровольно, во исполненіе Писанія, хотѣлъ испить чашу, данную Отцомъ, то развѣ по одному молитвенному вздоху не явилась бы Ему помощь не двѣнадцати робкихъ апостоловъ, а болѣе чѣмъ двѣнадцати легионовъ ангеловъ? И затѣмъ, обращаясь къ державшимъ Его воинамъ, сказалъ: „Оставьте, довольно“, и, совершая послѣднее чудодѣйственное дѣло милосердія, коснулся пораненнаго уха и исцѣлилъ его.

Въ ночномъ смятеніи этотъ случай прошелъ почти совершенно незамѣченнымъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не произвелъ впечатлѣнія на загрубѣлую толпу. Боязнь ихъ совершенно разсѣялась и уступила мѣсто наглой увѣренности. Великій пророкъ самъ сдался имъ. — Онъ былъ ихъ беспомощнымъ плѣнникомъ. Ни громъ не прогремѣлъ, ни ангелы не явились съ неба для Его освобожденія, нивакой чудесный огонь не попалилъ ихъ. Они видѣли предъ собою просто слабого безоружнаго человѣка, котораго выдалъ одинъ изъ Его ближайшихъ послѣдователей и при арестѣ котораго беспомощно трепетало нѣсколько устранныхъ галилеянъ. Онъ вполнѣ былъ въ ихъ рукахъ, такъ что теперь уже и нѣкоторые священники, старѣйшины и начальники храмовой стражи рѣшились выйти изъ темныхъ закоулковъ, откуда они очевидно слѣдили за Его взятіемъ, и толпились около

Него съ нахальнымъ любопытствомъ. Къ нимъ-то собственно обращаясь главнымъ образомъ, сказалъ Христосъ: „какъ будто на разбойника вышли вы съ мечами и колющими, чтобы взять Меня. Каждый день бывалъ Я съ вами въ храмѣ, и вы не поднимали на Меня руку; но теперь ваше время и власть тьмы“. Эти роговыя слова помрачили послѣдній лучъ надежды въ сердцахъ Его послѣдователей.— „Тогда, оставивъ Его, всѣ бѣжали“ (Мѡ. ххvi, 56), даже пылкій Петръ, даже любящій Іоаннь. Въ эту послѣднюю минуту только одинъ неизвѣстный юноша, быть можетъ владѣлецъ Геосиманіи, или евангелистъ Маркъ (такъ какъ онъ одинъ только сообщаетъ объ этомъ), быть можетъ даже Лаваръ, братъ Марѡи и Маріи, осмѣлился крайне возбужденно сновать по толпѣ. Онъ повидимому только что всталъ съ постели, потому что на немъ былъ только *синаонъ*, полотняное одѣяло, въ которомъ онъ спалъ. Но іудейскіе слуги, пораженные ли просто страннымъ видомъ полураздѣтаго человѣка, или подозрѣвая что-нибудь особенное въ его насильственномъ вторженіи въ толпу, схватили его за прикрывавшее его одѣяло. Устрашенный этимъ, онъ рванулся и убѣжалъ совершенно нагой, оставивъ одѣяло въ рукахъ стражи.

Теперь Христосъ былъ совершенно одинъ во власти своихъ враговъ. По призыванію трибуна, Ему связали руки назадъ (Іоан. хviii, 12), и римскіе воины, окруживъ Его плотно рядами, усиленными толпой іудейскихъ служителей, повели Его опять въ эту ночь черезъ Кедронъ, на крутой склонъ въ городу, въ домъ первосвященника.

ГЛАВА LVIII.

ИСУСЪ ХРИСТОСЪ ПЕРЕДЪ СВАЩЕННИКАМИ И СИНЕДРИОНОМЪ.

Будь медлителенъ въ судѣ. Пирке-Авовъ.

СКЕПТИКИ съ особенною настойчивостью любятъ останавливаться на множествѣ „разногласій“, которыя будто бы находятся въ повѣствованіи четырехъ евангелистовъ о допросѣ, осужденіи, смерти и воскресеніи Христа. Но всѣ эти разногласія не такого рода, чтобы возбуждать хоть малѣйшее смущеніе въ изслѣдователѣ-христианинѣ и не могутъ

вызывать никакого недоумѣнія въ томъ, кто, не будучи даже заинтересованъ въ этомъ предметѣ своими болѣе глубокими чувствами, приступаетъ къ евангеліямъ безъ всякой предзанятой теоріи о ихъ погрѣшимости или недостовѣрности, а просто приметъ ихъ за то, что они представляютъ собой на самомъ дѣлѣ—честные и правдивые историческіе рассказы о томъ, что только исполнѣ известно ихъ авторамъ, но завѣдомо отрывочные и очевидно неполные, если брать каждый изъ нихъ отдѣльно. Тщательно изучивъ ихъ, мы смѣло заявляемъ, что хотя незначительныхъ разностей въ нихъ много, наиболѣе мелкія подробности быть можетъ не всегда передаются съ строгою точностью, и каждый изъ этихъ рассказовъ, взятый отдѣльно, далъ бы неполную картину событія, тѣмъ не менѣе въ этомъ отдѣлѣ евангельской исторіи не только нѣтъ непримиримаго противорѣчія, но съ совершенною ясностью можно видѣть, какъ одинъ евангелистъ пополняетъ подробности, сообщаемыя другимъ, такъ что, сводя въ одно цѣлое всѣ сообщаемыя ими отдѣльныя черты, исполнѣ можно уяснить себѣ истинную послѣдовательность событій. Во всякомъ случаѣ мы ясно видимъ, что Спаситель нашъ шесть разъ подвергался допросу, четыре раза поруганію, трижды былъ оправданъ и дважды осужденъ.

Изъ трехъ послѣдовательныхъ допросовъ, которымъ подвергался Христосъ въ рукахъ іудеевъ, первый допросъ—передъ первосвященникомъ Анной—передается только ев. Іоанномъ, второй—передъ Каиафой—евв. Матѳеемъ и Маркомъ, третій—передъ синедриономъ—передается только ев. Лукою. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, такъ какъ первый допросъ былъ только дознаніемъ, второй предварительнымъ слѣдствіемъ и третій дѣйствительнымъ и формальнымъ рѣшеніемъ, чтобы судебнымъ порядкомъ добиться смертнаго Ему приговора.

По приказанію трибуна, командовавшаго отрядомъ, римскіе воины, связавъ Иисуса, повели Его безъ всякой попытки сопротивленія съ Его стороны. Было уже за полночь, когда они, выведя Его изъ-подъ лунныхъ тѣней Геосиманскаго сада, повели по безмолвнымъ улицамъ спящаго города—къ дворцу первосвященника. Дворецъ этотъ повидимому совмѣстно былъ занимаемъ первыми зачинщиками этого гнуснаго злодѣйства, Анной

и его зятемъ Іосифомъ Каіафой. Сначала они повели Его въ Аннѣ. Правда, этотъ Хананъ, сынъ Сиса, Ананъ Іосифа Флавія и Анна евангелистовъ, дѣйствительнымъ первосвященникомъ былъ только въ теченіе семи лѣтъ (7 — 14 по Р. Х.) и болѣе уже двадцати лѣтъ передъ тѣмъ былъ низложенъ прокураторомъ Валеріемъ Гратомъ. Ему наслѣдовали сначала Измаилъ Бенъ Фабій, затѣмъ сынъ его Елеазаръ и наконецъ зять его Іосифъ Каіафа. Но священническая партія не придавала важнаго значенія этому низложенію, такъ какъ оно въ глазахъ строгихъ блюстителей закона было недѣйствительно и святотатственно; и притомъ такой хитрый народъ какъ іудеи, конечно, легко могли найти способъ обойти римское рѣшеніе, и дѣйствительнымъ, хотя и неофициальнымъ, первосвященникомъ продолжали считать Анну. Со времени Ирода Великаго первосвященство низведено было изъ постоянной религіозной должности на степень временнаго гражданскаго отличія. Но еслибы и иначе было, то для грубыхъ легіонеровъ рѣшительно было безразлично, куда бы ни вестъ свою жертву. Еслибы трибунъ спросилъ объ этомъ, то начальнику храмовой стражи, которымъ былъ по всей вѣроятности, какъ это извѣстно изъ послѣдующаго времени, одинъ изъ сыновей самого Анны, было бы легко выставить Анну *Саганомъ* или *Наси*, „уполномоченнымъ“ или предсѣдателемъ синедріона, и такимъ образомъ лично, правоспособной произвести предварительное слѣдствіе.

1. Такимъ образомъ именно предъ Хананомъ впервые предсталъ І. Христосъ въ качествѣ обвиняемаго на судъ (Іоан. XVIII, 13, 19—24). Родомъ изъ Александріи, онъ съ своимъ семействомъ вызванъ былъ сюда Иродомъ Великимъ, какъ способный ратоборецъ въ пользу ненавистной народу тираніи. Іудейскій историкъ называетъ Анну счастливѣйшимъ человекомъ своего времени, потому что жилъ онъ до преклонныхъ лѣтъ, и какъ самъ, такъ и пятеро сыновей его, не говоря даже о зятѣ, послѣдовательно носили высочій санъ первосвященника, такъ что въ дѣйствительности почти въ теченіе полвѣка онъ держалъ въ своихъ рукахъ всю силу священнической партіи *). Но похвала

*) Первосвященство въ это время монополизировано было кружкомъ, состоявшимъ изъ подложны тѣсно связанныхъ между собою семействъ, осо-

со стороны таковаго отступника, какъ Іосифъ Флавій, имѣеть болѣе чѣмъ сомнительное достоинство. Несмотря на свое благоденствіе, Анна оставилъ послѣ себя худую память, и мы достаточно знаемъ о его характерѣ даже изъ совершенно постороннихъ и безпристрастныхъ источниковъ, чтобы видѣть въ немъ не что иное, какъ хитраго, жестокаго, преданнаго мірской суетѣ саддукея, далеко не почтеннаго (несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ) старика—полнаго змѣиной злобы и низости, стоявшихъ въ крайнемъ противорѣчій съ значеніемъ его имени, и даже въ этотъ самый моментъ занятаго темнымъ, гнуснымъ заговоромъ, котораго устыдился бы наихудшій человѣкъ. Предъ этимъ-то коварнымъ чужеземцемъ-іерархомъ началась первая часть этого длиннаго и ужаснаго судопроизводства (Іоан. хviii, 19—24).

Почему ев. Іоаннъ сохранилъ для насъ эту именно часть допроса, на это были вполнѣ основательныя причины, хотя прежде всего очевидно потому, что она опущена была другими евангелистами. Не раньше, какъ по прошествіи многихъ лѣтъ, въ народѣ начинаютъ ясно видѣть, кто были главными виновниками событій, которыхъ онъ былъ современникомъ. Въ самое время совершенія ихъ наиболѣе выдающійся дѣятель обыкновенно считается и наиболѣе отвѣтственнымъ, хотя въ дѣйствительности онъ можетъ быть лишь незначительнымъ членомъ въ общей махинаціи. Но кто именно больше всѣхъ повиненъ былъ

бенно Воеусимовъ, семейство Ханана, Камнеовъ и Канееровъ; но со времени Ирода первосвященники сдѣлались настолько игрушками свѣтской власти, что въ теченіе 106 лѣтъ ихъ было не менѣе двадцати восьми (І. Флавій, Древности, XX, 10, § 1). Какъ Іосифъ Флавій, такъ и талмудъ вполнѣ подтверждаютъ свидѣтельство евангелій, что первосвященническая власть болѣе принадлежала кастѣ, чѣмъ личностямъ. Дѣло въ томъ, что даже въ эти худыя времена должность первосвященника требовала известной степени вышняго достоинства и самоотреченія, которую иные могли выносить только на время, и честолюбивымъ стремленіемъ ихъ было то, чтобы какъ можно больше членовъ ихъ семейства прошли эту должность. Марса, дочь Воева, купила первосвященство для своего мужа Іисуса, сына Гамалы, и велѣла разостлать ковры отъ своего дома до самаго храма, когда отправлялась смотрѣть, какъ онъ въ первый разъ совершалъ священнодѣйствіе. Этотъ первосвященникъ заказалъ себѣ шелковыя перчатки, чтобы не загрязнить рукъ при жертвоприношеніи!

въ смерти І. Христа, такъ это Анна. Его преклонныя лѣта, высочій санъ, общественное положеніе и вліяніе, какъ человѣка, находившагося въ лучшихъ отношеніяхъ съ Иродовымъ домомъ и прокураторами, давали особенный вѣсъ его вліятельному рѣшенію. Уже самое обращеніе съ его стороны вниманія на І. Христа показывало, что онъ придавалъ Его ученію *политическое* значеніе, показывало, что онъ по меньшей мѣрѣ боялся, чтобы Исусъ еще болѣе не отчуждилъ народа отъ первосвященнической влики, чѣмъ какъ это было сдѣлано Шемаіей или Авталіономъ. Въ высшей степени замѣчательно то обстоятельство, едва ли однако же, насколько намъ извѣстно, замѣченное кѣмъ-нибудь прежде, что хотя фарисеи несомнѣнно пылали ненавистью въ І. Христу и даже настолько жаждали Его смерти, что охотно дѣйствовали заодно съ аристократическими, стоявшими во главѣ священнической партіи, саддукеями, съ которыми они въ обыкновенное время рѣзко расходились во всемъ — въ политическомъ, общественномъ и религіозномъ отношеніяхъ, но съ того момента, какъ окончательно созрѣлъ заговоръ на Его взятіе и осужденіе, они принимали такъ мало участія въ этомъ дѣлѣ, что самаго имени ихъ уже не упоминается прямо въ событіяхъ, связанныхъ съ взятіемъ, допросомъ, поруганіемъ и распятіемъ Христа. Фарисеи какъ бы совершенно исчезаютъ со сцены, а на ихъ мѣсто выступаютъ первосвященники и старѣйшины. Сомнительно даже, были ли кто-нибудь изъ болѣе знатныхъ фарисеевъ членами того жалкаго учрежденія, которое въ то темное время еще гордо величало себя синедриономъ. Если можно вѣрить немногимъ указаніямъ талмуда, то синедрионъ этотъ былъ едва ли лучше замѣнутой, безрелигіозной, непатріотической корпораціи исключительныхъ и своекорыстныхъ священниковъ — Воеусимовъ, Камиеовъ, Фабіевъ, семейства Анны, болшею частью не палестинскаго происхожденія, которые поддерживаемы были правительствомъ, но ненавистны народу, и душой которыхъ былъ именно этотъ гнусный интриганъ — Анна.

Но можно указать и еще причины уклоненія фарисеевъ отъ всякаго дѣятельнаго участія въ осужденіи и преданіи Христа на смерть, и именно не только въ приписываемой имъ болшей мягкости и сравнительной незначительности въ граждан-

свѣихъ правительственныхъ сферахъ, но также и въ полномъ отсутствіи согласія съ тѣми, въ роковыя руки которыхъ они предали Сына Божія. Тутъ было одно (доселѣ кажется незамѣченное) обстоятельство, которое, до крайности распалая ярость саддукеевъ, сочувствіе ихъ соперниковъ скорѣе склоняло въ пользу Христа. Чтò именно подняло тревогу въ этихъ безпечныхъ могущественныхъ аристократахъ? Нравственно незначительные покровители и приверженцы возрѣвнѣй, которыя такъ мало оказывали вліянія на народъ, что Христосъ никогда и десятой доли не направлялъ противъ нихъ тѣхъ суровыхъ обличеній, которыми Онъ поражалъ фарисеевъ, они играли лишь небольшую роль во враждебной оппозиціи, по пятамъ преслѣдовавшей дѣятельность Спасителя. Мало того, они даже хотѣли быть заодно съ Нимъ — въ отверженіи и пренебреженіи мелочныхъ и казуистическихъ измышленій устнаго закона; они почти радовались, находя на Немъ святого и могучаго союзника въ противодѣйствіи разнымъ *гадодвамъ* и *галаховамъ*, пышно разросшимся на всемъ остовѣ Моисеева законодательства. Откуда же этотъ внезапный взрывъ смертельной и беспощадной вражды? Мы склоняемся къ предположенію, которое не высказывалось еще нѣмъ, но которое, благодаря увазаніямъ талмуда, съ сильною убѣдительною напрашивается на мысль, — именно, что ярость этой священнической партіи была главнымъ образомъ возбуждена ученіемъ и дѣйствіями Спасителя касательно дома Божія, который они считали исключительно своимъ достояніемъ, и сильнѣе всего Его вторымъ публичнымъ очищеніемъ храма. Въ своихъ обвиненіяхъ они, конечно, не могли настаивать на этомъ пунктѣ, потому что поступку этому, по всей вѣроятности, живо сочувствовали, по крайней мѣрѣ тайно, фарисеи; настаивая на немъ, они лишились бы возможности выставить передъ Пилатомъ общее единодушіе въ осужденіи Христа. Первое очищеніе храма могло пройти еще какъ дѣйствіе личнаго религіознаго рвенія, и потому ему не придано было особенной важности, тѣмъ болѣе, что ученіе І. Христа ограничивалось главнымъ образомъ презрѣвнѣйшей и далекой Галилеей; но второе было уже болѣе всенароднымъ и громкимъ дѣломъ и потому видимо пробудило болѣе общее негодованіе противъ грубыхъ злоупотребленій,

вызвавшихъ этотъ поступокъ Христа. Поэтому, у всѣхъ трехъ евангелистовъ мы находимъ извѣстie, что роптавшie на этотъ поступокъ были не фарисеи, а „первосвященники и книжники“ (Мѡ. ххi, 15; Марк. хi, 18; Лук. хix, 47), которые повидимому нашли въ этомъ новое для себя побужденie искать гибели I. Христа.

Но можно спросить еще, не было ли, кромѣ этого смѣлаго нарушенiя ихъ власти, этого негодующаго попраиia порядка, ими одобреннаго, и еще причины, которая могла бы привести въ ярость эти священническiя фамилии? Да, мы ясно видимъ изъ талмуда, что этотъ поступокъ Христа уязвилъ ихъ алчность, задѣлъ ихъ незаконные и постыдные интересы. Алчность, господствующiй грѣхъ iудейскаго народа, былъ также господствующимъ грѣхомъ и семейства Анны. Оно именно основало *хануиооы* — четыре знаменитыя лавки подъ двойчатыми ведрами горы Елеонской, въ которыхъ продавались предметы чистые по закону и въ которыхъ дѣло велось съ такою торговою ловкостью, что даже цѣна голубей искусственно поднята была до золотой монеты за штуку, пова народъ не былъ избавленъ отъ этого наглаго вымогательства негодующимъ вмѣшательствомъ внука Гиллея. Есть всѣ основанiя думать, что торговыя лавки, проникшия даже въ притворы храма, не только пользовались ихъ властнымъ покровительствомъ, но и приносили имъ доходъ. Вмѣшаться въ это дѣло значило лишить ихъ важнаго источника того богатства и мiрскаго роскоши, которымъ они придавали такое необычайное значенie.

Поэтому были достаточныя причины, почему Анна, главный представитель порожденiя ехиднина, какъ ихъ называетъ писатель талмуда, долженъ былъ напрягнуть всѣ силы своей жестокой власти, чтобы сокрушить пророка, дѣйствiя котораго грозили возбудить въ народѣ презрѣнiе ко всему его роду и подорвать его доходы.

Съ такими-то чувствами ожесточенной ненависти и злобы, отставной первосвященникъ открылъ первый допросъ I. Христу. Не смѣя обнаружить своихъ чувствъ, даже принужденный скрывать ихъ отъ другихъ, онъ тѣмъ большимъ озлобленiемъ кипѣлъ внутри. Даже самый способъ судопроизводства, повидимому,

былъ незаконенъ, какъ незаконно и самое отправленіе какой бы то ни было судебной дѣятельности въ такомъ мѣстѣ и въ такіе часы. Стараясь во что бы то ни стало подысать какое-нибудь болѣе или менѣе значительное обвиненіе въ тайной неблагонадежности, неправовѣрномъ ученіи, онъ спросилъ І. Христа о Его ученикахъ и ученіи. Послѣдовавшій отвѣтъ, при всемъ своемъ спокойствіи, заключалъ въ себѣ глубокой укоръ: „Я говорилъ явно міру: Я всегда училъ въ синагогѣ и храмѣ, гдѣ всегда іудеи сходятся, и тайно не говорилъ ничего. Что спрашиваешь Меня? спроси слышавшихъ, что Я говорилъ имъ; вотъ они, — прибавилъ Онъ, вѣроятно указывая на присутствующихъ, — знаютъ, что Я говорилъ“. Выразительное повтореніе личного „Я“, которымъ съ необычною многозначительностью заканчивается каждая мысль, указываетъ на желаніе выразить контрастъ. Онъ какъ бы такъ говорилъ: Такія полуночныя дѣянія, такая неблагонамѣренность, скрытность, такое неприличное издѣвательство надъ справедливостью свойственны *вамъ*, а не *Мнѣ*. Въ Моемъ ученіи не было ничего скрытнаго; ничего не скрывалъ Я и въ своихъ дѣйствіяхъ; среди Моихъ послѣдователей нѣтъ никакихъ подпольныхъ заговоровъ и козней. А ты? а въ твоихъ дѣйствіяхъ? — Даже клеветы Анны невольно чувствовали ложное положеніе своего главы предъ лицомъ этого спокойнаго уора; они чувствовали, что закоснѣлое лицемѣріе коварнаго саддукея терялось предъ очевидною невинностью юнаго раввина изъ Назарета. „Такъ отвѣчаешь Ты первосвященнику?“ — въ порывѣ безстыдной дерзости сказалъ одинъ изъ нихъ, и затѣмъ, не встрѣтя уора со стороны сановитаго нарушителя справедливости, осквернилъ первымъ гнуснымъ ударомъ священную ланиту Христа. Тогда впервые то лицо, на которое, по выраженію вдохновеннаго проповѣдника, „ангелы зрятъ съ умиленіемъ, какъ дѣти на солнце“, было поражено презрѣннымъ рабомъ. Оскорбленіе было снесено съ благороднымъ смиреніемъ. Даже ап. Павелъ, будучи оскорбленъ подобнымъ же образомъ, мгновенно воспылалъ гнѣвомъ на такое грубо-незаконное насиліе и отплатилъ дерзкому рабу и его подстрекателю жестокимъ укоромъ: „Богъ будетъ бить тебя, стѣна подбѣленная!“ (Дѣян. ххш, 3). А Онъ, Сынъ Божій, безконечно превысшій всѣхъ апо-

столовъ и ангеловъ, безъ всякаго гнѣва, не возвысивъ даже тона отъ естественнаго негодованія, спокойно упрекнулъ дерзкаго нарушителя законнаго порядка вроткими словами: „Если Я сказалъ худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?“ Ясно было, что больше ничего нельзя было добиться отъ Него; предъ такимъ судомъ Онъ не хотѣлъ отвѣчать. Связаннаго, въ знавъ того, что Онъ подлежитъ осужденію, хотя Его еще не выслушали и формально не осудили, Анна отправилъ Его черезъ дворъ въ своему зятю Іосифу Каиафѣ, который не милостью Божіей, а милостью римскаго прокуратора былъ оффиціально первосвященникомъ.

II. Каиафа, подобно своему тестю, былъ саддудей, одинаково коварный и беззастѣнчивый, какъ и Анна, но обладавшій меньшею силой характера и воли. Въ его домѣ произошелъ второй допросъ—столь же частный и незаконный. Тамъ собрались самыя смертельные враги І. Христа изъ священниковъ и саддудеевъ. Простодушные апостолы не могли и часа пободрствовать во время молитвы своего Учителя въ утѣшеніе Ему, а эти гнусныя злоумышленники, пылая смертельной злобой, бодрствовали всю ночь. Для составленія засѣданія синедріона необходимо было по крайней мѣрѣ присутствіе двадцати трехъ членовъ. И можно съ вѣроятностью полагать, что собраніе, въ которому приведенъ былъ Христосъ, состояло главнымъ образомъ изъ священниковъ. Въ дѣйствительности было три синедріона или, какъ лучше назвать ихъ, три комитета синедріона, которые засѣдали въ различныхъ мѣстахъ — въ *Ликкатъ-гагаззионъ*, т.-е. мощеной палатѣ, въ *Безъ-Мидрашъ*, или палатѣ у перегородки храма, и близъ вратъ храмовой горы. Въ такомъ случаѣ не неосновательно предположеніе, что комитеты эти состояли изъ различныхъ классовъ, и одинъ изъ нихъ быть можетъ главнымъ образомъ состоялъ изъ священниковъ. Если такъ, то этотъ именно комитетъ, въ настоящій критическій моментъ, могъ скорѣе всѣхъ принять самыя рѣшительныя и насильственныя мѣры противъ Того, ученіе котораго угрожало даже самому существованію священническаго самовластія.

Но каковъ бы ни былъ составъ судилища, на которомъ теперь предсѣдательствовалъ Каиафа, очевидно то, что священ-

ниги должны были измѣнить свою тактику. Въмѣсто того, чтобы подобно Аннѣ, попытаться запугать и запутать І. Христа коварными вопросами и такимъ образомъ навлечь на Него обвиненіе въ тайномъ расколѣ, они теперь старались заклеить Его преступленіемъ открытой ереси. Правда, ихъ собственныя несогласія и взаимная враждебность крайне затрудняли задачу обвиненія. Еслибы они настаивали на предполагаемомъ противодѣйствіи Его гражданской власти, то это скорѣе способно было склонить фариसेевъ въ Его пользу; еслибы они настаивали на предполагаемыхъ нарушеніяхъ субботы или неисполненіи предписаній преданія, то такіе Его поступки оказались бы въ согласіи со взглядами саддусеевъ. Саддуеи не смѣли обвинять Его въ очищеніи храма; фарисеи или ихъ представители находили бесполезнымъ обращаться къ вопросу о нарушеніи Имъ преданія. Но І. Христось, будучи безконечно благороднѣе благороднѣйшаго изъ своихъ апостоловъ, не хотѣлъ раздувать этой скрытой взаимной вражды своихъ враговъ, не хотѣлъ пользоваться для своего освобожденія поджиганіемъ спора между противниками по убѣжденіямъ. Онъ не нарушилъ временнаго соглашенія, объединившаго ихъ общою ненавистью къ Нему. Такъ какъ поэтому не къ чему было привязаться, то первосвященники и весь синедріонъ *искали лжесвидѣтельства*, какъ во всей ужасающей простотѣ говоритъ евангелистъ, — „искали лжесвидѣтельства противъ Ісуса, чтобы предать Его смерти“. Многіе люди, большею частью мелочные, низкіе и злобные, съ алчною и неестественною гнусностью ищутъ лжесвидѣтельства, и силы злобы обыкновенно снабжаютъ ихъ имъ. Талмудъ старается показать, что въ дѣлѣ Христа судьи слѣдовали будто бы общему въ то время обычаю, по которому два свидѣтеля были помѣщены въ скрытномъ мѣстѣ въ то время, какъ вѣроломный ученикъ, очевидно Іуда Искаріотъ, вызвалъ Его на признаніе въ своихъ притязаніяхъ. Но это такъ же ложно, какъ и крайне нелѣпое и несоотвѣтствующее по времени увѣреніе трактата „Синедріонъ“, будто бы І. Христось былъ отлученъ раввиномъ Іошуа Бенъ Перахія за принесеніе Имъ черной магіи изъ Египта и развращеніе народа и что хотя герольдъ въ теченіе сорока дней провозглашалъ о Его преступленіи, ни одинъ свидѣтель не вы-

ступилъ въ Его пользу. Оставляя эти нелѣпыя измышленія, мы видимъ изъ евангелій, что хотя агенты священнической партіи лгали съ усиленною ревностью, ихъ свидѣтельство, однако же, было *такъ* ложно, шатко, самопротиворѣчиво, что оно тотчасъ же падало само собой, такъ что даже эти несправедливые и ожесточенные судьи не могли принять его, не нарушая приличія. Но вотъ наконецъ выступили еще двое, лжесвидѣтельство которыхъ повидимому обѣщало дать кое-что. Они слышали, что Онъ что-то говорилъ о разрушеніи храма и построеніи его вновь въ теченіе трехъ дней. По одному показанію, Онъ говорилъ: „могу разрушить храмъ“, по другому: „разрушу храмъ сей“. На самомъ дѣлѣ Онъ не говорилъ ни того, ни другого, а только сказалъ: „разрушите храмъ сей“, и эта предположительно повелительная форма была обращена только въ нимъ. Они должны были разрушить, а Онъ только обѣщалъ создать вновь. Это было какъ разъ одно изъ тѣхъ лжесвидѣтельствъ, которое было тѣмъ болѣе опасно, что имѣло нѣкоторое отдаленное подобіе истины; придавая другой *оттѣнокъ* дѣйствительно связаннымъ Имъ словамъ, они съ клеветническою изобрѣтательностью извратили ихъ смыслъ и надѣялись основать на нихъ обвиненіе въ богохульствѣ. Но даже это правдоподобное лжесвидѣтельство пало само собой. І. Христосъ безмолвно слушалъ, какъ враги Его безнадежно путались во взаимно противорѣчивыхъ показаніяхъ. Виновный часто горячо оправдывается тамъ, гдѣ вполнѣ невинный остается совершенно нѣмъ. Спаситель просто предоставлялъ своимъ лживымъ обвинителямъ и ихъ лживымъ слушателямъ путаться въ гнусномъ сплетеніи своей злобой лжи. Молчаніе невиннаго Христа было искупленіемъ за оправданія виновнаго Адама.

Но это величавое безмолвіе тревожило, озадачивало, смущало и бѣсило судей. На время оно даже подавило ихъ тяжестью невыносимаго самоосужденія. Передъ этимъ безмолвіемъ они чувствовали, будто бы обвиняемыми были они, а Онъ—судей. Такъ какъ всѣ ядовитыя стрѣлы ихъ тщательно заготовленныхъ лжесвидѣтельствъ безвредно падали у Его ногъ, какъ бы отскакивая отъ щита Его явной невинности, они начали опасаться, какъ бы въ концѣ концовъ ихъ жажда крови Его не осталась

безъ утоленія и весь замыселъ ихъ не разрушился. Неужели они такимъ образомъ будутъ поражены слабостью своего собственнаго оружія, когда Онъ даже не двинулъ пальцемъ и не вымолвилъ ни единого слова? Неужели назаретскій пророкъ выйдетъ побѣдителемъ просто благодаря безсилію нѣсколькихъ неудачныхъ жесвидѣтельствъ? Неужели жизнь Его была заволована даже противъ клеветы, подтверждаемой клятвами? Это было невыносимо!..

Тогда Каиафа охваченъ былъ порывомъ страха и ярости. Вскочивъ съ своего судейскаго мѣста и выступивъ на средину, онъ — можно вообразить какимъ голосомъ и съ какими жестами — воскликнулъ: „что же *ничего* не отвѣчаешь? Что они противъ Тебя свидѣлствуютъ?“ Еслибы Христось не зналъ, что судьи Его готовы были пользоваться всякими низкими средствами и добивались лжи, Онъ могъ бы отвѣчать имъ; но теперь Его страшное безмолвіе осталось ненарушеннымъ.

Тогда, доведенный до крайняго отчаянія и изступленія, этотъ ложный первосвященникъ, съ чудовищною непослѣдовательностью, съ постыдною незаконностью, продолжая стоять въ угрожающей позѣ передъ обвиняемымъ, закричалъ: „Заклинаю Тебя Богомъ Живымъ, скажи намъ“: — что? что Ты злодѣй? что Ты тайно училъ ереси? что Ты открыто богохульствовалъ? — нѣтъ! „скажи намъ (и въ вопросѣ этомъ явно слышится страшное предчувствіе, не оставившее ихъ при всѣхъ смертельныхъ возняхъ противъ Него): Ты ли Христось, Сынъ Божій?“

Странный вопросъ связанному, беззащитному, осужденному преступнику, и еще болѣе странный въ устахъ такого лица, какъ первосвященникъ своего народа! Странный вопросъ со стороны судьи, который добивался ложныхъ свидѣтельствъ противъ обвиняемаго! Но такъ закливаемый и при такомъ вопросѣ І. Христось не могъ остаться безмолвнымъ; въ этомъ отношеніи Онъ не могъ оставить въ недоумѣніи касательно Самого себя. Во время своего болѣе счастливаго служенія, когда народъ хотѣлъ взять Его силой, чтобы сдѣлать царемъ, въ то время, когда объявить себя Мессіей въ ихъ смыслѣ значило бы удовлетворить ихъ пылкимъ мечтамъ и поставить себя на пьедесталъ ихъ восторженнаго поклоненія, — въ *то* время Онъ всячески заслонялъ свое достоин-

ство какъ Мессіи; теперь же, въ этотъ страшный рѣшительный моментъ, когда смерть была близка, когда, говоря по-человѣчески, признаемъ этимъ нельзя было ничего выиграть, а все должно было потерять, изъ устъ Его раздался торжественный отвѣтъ, раздался на всѣ вѣка, раздался на вѣчность съ ея безконечнымъ кругомъ настоящаго, прошедшаго и будущаго: „Я; и вы узрите Сына человеческого, сидящаго одесную силы, и грядущаго на облакахъ небесныхъ“. Въ этомъ отвѣтѣ прогремѣлъ громъ — громносиѣ чѣмъ на Синаѣ, хотя уши цинника и саддувея не слышали его тогда, какъ не слышатъ и теперь. Въ притворномъ и зловѣщемъ ужасѣ несправеднаго суди, нашедшаго такимъ образомъ замѣну неудавшихся лжесвидѣтельствъ, которыхъ онъ тщетно искалъ, ложный первосвященникъ разодралъ свои льняныя одежды предъ Истиннымъ и потребовалъ отъ собранія Его немедленнаго осужденія.

„Онъ богохульствуетъ! восклинулъ Каиафа; на что еще намъ свидѣтелей? Вотъ, теперь вы слышали богохульство Его. Какъ вамъ кажется?“ Въ смятеніи и съ бурными криками: „Онъ *миш мавее*“, „человѣкъ смерти“, „повиненъ смерти“, темное судилище закрыло свое засѣданіе, и такъ окончилась вторая часть суда надъ І. Христомъ (ср. Числ. xxxv, 31).

ГЛАВА LIX.

МЕЖДУ ДОПРОСАМИ.

Я предалъ хребетъ Мой біющимъ и ланиты Мои поражающимъ; лица Моего не закрывалъ отъ поруганій и оплеванія. Ис. I, 6.

КАКЪ-то іудеи приняли наконецъ своего обѣтованнаго Мессію, котораго съ пламенными надеждами ожидали въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ и за котораго должны были нести потомъ горькое возмездіе еще почти двѣ тысячи лѣтъ! Съ этого момента всѣ должностныя лица іудейскаго суда смотрѣли на Него какъ на еретика, подлежащаго смерти чрезъ побіеніе камнями. Его оставили подъ стражей только до

разсвѣта, потому что Онъ законно могъ быть осужденъ только днемъ, въ *Ливикатъ-гамаззионъ*, т.-е. палатѣ суда, и только при полномъ засѣданіи всего синедріона. Но такъ какъ теперь они смотрѣли на Него какъ на личность, которую можно оскорблять безнаказанно, то Его повлекли черезъ дворъ въ караульню, сопровождая ударами и ругательствами, въ которыхъ принимали участіе быть можетъ не только приставленные служителя, но даже и холодные, а теперь разсвирѣпѣвшіе саддукеи. Было уже далеко за полночь, и весенній воздухъ былъ рѣзокъ и холоденъ. Посреди двора слуги священниковъ грѣлись вокругъ огня подъ морознымъ звѣзднымъ небомъ. И когда вели Спасителя мимо этого огня, Онъ слышалъ, — а это было для Него неизмѣримо горше всего, чѣмъ только могли отравить Ему чашу скорби Его звѣрскіе мучители, — слышалъ, какъ самый смѣлый изъ Его апостоловъ клятвенно отрицался отъ Него.

Въ теченіе тѣхъ двухъ скорбныхъ часовъ начавшейся трагедіи, когда Онъ стоялъ въ палатахъ Анны и Каиафы, на дворѣ совершилась другая нравственная трагедія, о которой уже предсказывалъ Христосъ.

Насколько можно судить по различнымъ повѣствованіямъ, дворецъ въ Иерусалимѣ, совмѣстно занимаемый Анной и Каиафой — дѣйствительнымъ и титулованнымъ первосвященниками, повидимому построенъ былъ вокругъ четырехугольнаго двора, куда вела арва или крытый проходъ; на отдаленной сторонѣ его, вѣроятно вверхъ по небольшой лѣстницѣ, находилась палата, въ которой засѣдалъ комитетъ синедріона. Позади печальной процессіи, ведшей Христа на судъ, робко и издали слѣдовали два апостола, успѣвшіе нѣсколько оправиться отъ перваго ужаса. Одинъ изъ нихъ — возлюбленный ученикъ, извѣстный, быть можетъ, въ домѣ первосвященника въ качествѣ молодого рыбака съ озера Галилейскаго, былъ сразу допущенъ во дворъ, безъ всякаго скрытія своей личности или своихъ симпатій. Не такъ случилось съ другимъ. Какъ неизвѣстный галилеянинъ, онъ остановленъ былъ у самаго входа молодой привратницей. Лучше, гораздо лучше было бы, еслибы совсѣмъ не допустили его во дворъ. Это была ночь смятенія, ужаса, всеобщихъ подозрѣній, а Петръ былъ слабъ, его сильная любовь не чужда была страха,

и однако же онъ осмѣлился вступить въ самую свору своихъ наиболѣе опасныхъ враговъ. Иоаннъ, сожалѣя о его недопущеніи у входа и судя быть можетъ о твердости своего друга по своей собственной, употребилъ свое вліяніе, чтобы его также впустили на дворъ. Съ смѣлымъ неблагоразуміемъ и скрывая свои лучшія, приведшія его сюда побужденія, Петръ, будучи уже предостереженъ, но предостереженъ напрасно, вошелъ во дворъ и сѣлъ въ самой срединѣ слугъ тѣхъ самыхъ людей, къ которымъ въ этотъ моментъ Господь его привлеченъ былъ на судъ смерти. Привратница, послѣ впуска всѣхъ участвовавшихъ въ дѣлѣ взятія І. Христа, повидимому была смѣнена (какъ и естественно въ эти поздніе часы) другой служанкой, и подойдя къ группѣ другихъ служителей, она остановила любопытный и упорный взглядъ на подозрительномъ чужомъ человѣкѣ, сидѣвшемъ передъ самымъ пыломъ огня, и затѣмъ, узнавъ его, она воскликнула вдругъ. „И ты былъ съ Иисусомъ Галилеяниномъ?“ Петръ не ожидалъ такого вопроса. Въ этотъ періодъ жизни его подвижная натура легко поддавалась впечатлѣнію момента, и онъ быстро переходилъ изъ крайности въ крайность. Долго спустя потомъ мы совершенно неожиданно находимъ подтвержденіе вѣроятной возможности этого печального эпизода въ его жизни, именно въ той готовности, съ какою онъ склонился ко взглядамъ апостола языковъ, и въ одинаковой легкости, съ какою ложный стыдъ и боязнь тѣхъ, что „были отъ обрѣзанія“, заставили его свернуть въ сторону ложныхъ, узкихъ воззрѣній, проповѣдуемыхъ „пришедшими изъ Іудеи“. И вотъ такимъ образомъ случилось, что вопросъ любопытной служанки самою своею неожиданностью испугалъ его и заставилъ быстро отречься отъ своего Господа. Въ данный моментъ отреченіе это несомнѣнно представлялось ему дѣломъ простаго благоразумія—во избѣжаніе ненужной опасности. Но надѣялся ли онъ остановиться на этомъ? Увы—разъ отрекшись, трижды отречешься, и минутное уклоненіе отъ истины всегда и быстро переходитъ въ полное и намѣренное попраніе ея. Ложь подобна камню, брошенному съ горы, который быстро и независимо отъ бросившаго самъ развивается въ себѣ двигательную силу.

На время быть можетъ его отреченію повѣрили, потому что оно было сдѣлано открыто и выразительно. Но оно напомнило

ему объ опасности. Украдкой пробирается онъ опять къ пылающей жаровнѣ, къ выходной аркѣ двора, а пѣніе пѣтуха уже довольно внятно раздалось въ его тревожныхъ ушахъ. Ему недолго пришлось свободно вздохнуть. Привратница, на обязанности которой отчасти было обращать вниманіе на неизвѣстныхъ подозрительныхъ людей, очевидно успѣла уже поговорить о немъ съ служанкой, смѣлившей ее у воротъ. Тутъ же стояло нѣсколько другихъ праздныхъ слугъ, и эта вторая служанка указала имъ на него, какъ на несомнѣннаго сообщника Иисуса Назаретскаго. Ложь теперь казалась больше необходимой, чѣмъ когда-нибудь, и чтобы освободиться отъ всякихъ дальнѣйшихъ оскорбленій, Петръ даже подтвердилъ ее вклятвою. Но бѣгство теперь казалось невозможнымъ, потому что оно усилило бы только подозрѣніе; поэтому съ отчаянною мрачною рѣшимостью, можно вообразить съ какими чувствами, онъ опять присоединяется къ враждебной и подозрительной толпѣ, стоявшей вокругъ огня.

Прошелъ цѣлый часъ, и для него это былъ страшный часъ, котораго нельзя позабыть. Темпераментъ Петра былъ слишкомъ горячій и бурный, чтобы онъ могъ легко чувствовать себя при новомъ усложненіи въ себѣ неблагодарности и лжи. Оставаясь безмолвнымъ среди этихъ священническихъ прислужниковъ, онъ выдавалъ себя безпокойствомъ внутренняго самосознанія злой тайны, тщетно усиливавшейся прикрыться подобіемъ равнодушія. Еслибы даже онъ захотѣлъ прикрыться смѣлой, беззаботной болтовней, то его сразу выдалъ бы его грубый галилейскій выговоръ. Несмотря на отреченіе и клятву, служители очевидно не вѣрили ему и приставали съ презрительными насмѣшками. Наконецъ одинъ слуга первосвященника, родственникъ раненаго Малха, еще разъ съ особенною настойчивостью и увѣренностью сталъ обвинять его въ томъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ Иисусомъ въ саду, и въ доказательство этого насмѣшливо передразнивалъ областной выговоръ его рѣчи. Другіе не замедлили присоединиться къ обвиненію. Не настаивать теперь на сдѣланномъ отреченіи значило потерять все то, чего онъ хотѣлъ достигнуть имъ. Быть можетъ, еще одно усиліе совершенно освободитъ его отъ этихъ непріятныхъ приставаній

и дать ему возможность дожидаться конца всего дѣла. Все больше и больше тѣснымъ пасмѣшливой, угрожающей толпой праздныхъ прислужниковъ, глубже и глубже падая въ бездну невѣрности и страха, „онъ началъ клясться и божиться, что не знаетъ сего человѣка“. И въ этотъ роковой, преступный моментъ, который могъ стать для него моментомъ столь же рокового и окончательнаго отступничества, какъ и отступничество его собрата апостола, въ этотъ именно роковой моментъ, когда эти позорныя вкляты еще раздавались въ воздухѣ, въ холодномъ сѣромъ сумракѣ опять заплѣлъ пѣтухъ; и въ тотъ же самый моментъ, слышавъ послѣдніе отзвуки этихъ вѣроломныхъ вклятъ или черезъ открытую дверь судебной палаты, или когда Его съ грубыми толчками и издѣвательствами, ударами и оплеваніями проводили черезъ дворъ мимо толпы, грѣвшейся у огня, Спаситель, при всѣхъ мукахъ своего униженія, въ величавомъ безмолвіи, „обратившись, взглянулъ на Петра“. Блаженны тѣ, на кого Господь, взглянувъ въ скорби, взглянетъ и въ любви! Этого было довольно. Какъ стрѣла пронзило его душу нѣмое краснорѣчіе этого томнаго уворительнаго взгляда. Какъ отъ дѣйствія солнечнаго луча, державшійся на скалѣ снѣгъ мгновенно теряетъ опору и лавиной рушится въ бездну, такъ рушилось и ложное себялюбіе падшаго апостола. Кончено все: „онъ не видѣлъ больше враговъ, не зналъ больше опасности, не боялся больше смерти“. Завулавъ свою голову въ плащъ, онъ такъ же, подобно Іудѣ, ринулся со двора въ царство ночи. Въ царство ночи, но не какъ Іуда: ринулся въ кромѣшную тьму скорбнаго самоосужденія, а не въ мракъ безнадежной жизни и отчаянія; въ царство ночи, но для того, какъ прекрасно замѣчено, „чтобъ встрѣтить утренній разсвѣтъ“. Если оставилъ его ангелъ невинности, то ангелъ покаянія кротко простеръ ему руку. Строго, но съ любовью духъ благодати привелъ кающагося и разбитаго сердцемъ грѣшника къ суду его собственной совѣсти, и тамъ вся его прежняя жизнь, весь прежній позоръ, вся прежняя слабость, все прежнее его я приговорены были къ той смерти истиннаго сокрушенія, отъ которой онъ долженъ былъ воскреснуть къ новой и благороднѣйшей жизни.

И это-то преступление, совершенное противъ Него человѣкомъ, который первый провозгласилъ Его Христомъ, который ходилъ въ Нему по безднѣ бурнаго моря, извлекъ мечъ въ защиту Его въ Геосимани, который съ такимъ негодованіемъ утверждалъ, что онъ скорѣе умретъ, чѣмъ отречется отъ Него,— это именно отреченіе, подтверждаемое вѣтвями, слышалъ І. Христось вслѣдъ за осужденіемъ на смерть и при самомъ началѣ первыхъ ужасныхъ издѣвательствъ надъ Нимъ. Въ караульнѣ, въ которую Онъ отведенъ былъ въ ожиданіи дневнаго разсвѣта, на Него обрушилась вся невѣжественная злоба фанатической ненависти, все дерзкое нахальство грубой толпы, вся холодная жестокость, скрывающаяся подъ маской приниженаго восточнаго раболѣпства. Самая Его кротость, самое Его молчаніе, самая величавость Его, самая безукоризненность Его невинности и самое величіе Его славы, все то, что поднимало Его на высоту неизмѣримаго превосходства надъ своими мучителями, все это тѣмъ болѣе дѣлало Его жертвой ихъ низкаго, злораднаго, демонскаго звѣрства. Они плевали Ему въ лицо, били Его палками, ударили кулаками и надѣляли пощечинами. Въ избыткѣ яростной злобы и нахальства, они измыслили даже родъ забавы на счетъ Его страданій. Завязавъ Ему глаза, они учащенно ударили Его по лицу съ насмѣшливымъ вопросомъ: „проречи намъ, Мессія, кто ударилъ Тебя?“ Такъ коротали они темные холодные часы до утра, отмщая на Его безответной невинности свою настоящую подлость и прежній страхъ, и посреди этой дикой и наглой дворни, съ завязанными глазами и скрученными назадъ руками, въ тягостномъ и безмолвномъ страданіи, беззащитно и одиноко стоялъ Сынъ Божій. Это было первое поруганіе надъ Нимъ: Христось былъ поруганъ, Судья осужденъ, Святѣйшій былъ преступникомъ, Избавитель въ узахъ!

ш. Наконецъ томительные часы ночи прошли, забрезжился сѣроватый разсвѣтъ, и настало утро достопамятнаго дня. Съ раннимъ разсвѣтомъ (вѣдь такъ предписывалъ устный законъ, а тѣ, которые попирали всякую правду и милость, были слишкомъ точны въ соблюденіи самыхъ мелочныхъ правилъ) І. Христось отведенъ былъ въ *Лижкатъ-гагаззиезъ*, мощеную палату въ юго-

восточной части храма, или быть можетъ въ *Хануїооп*—лавни, самымъ существованіемъ своимъ обязанна Аннѣ и его семейству, и тамъ созванъ былъ синедріонъ для третьяго допроса, но формально перваго, законнаго суда надъ Нимъ. Было вѣроятно около шести часовъ утра, когда открылось полное засѣданіе синедріона. Почти всѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ благородныхъ членовъ — Ниводима, Іосифа Аримаеѣйскаго и также, можно надѣяться, Гамаліила, внука Гиллея, — неумолимо склонялись къ смертному приговору надъ Нимъ. Тутъ были священники, алчность и себялюбіе которыхъ Онъ уворялъ; старѣйшины, лицемѣріе которыхъ Онъ обнажалъ; книжники, невѣжество которыхъ Онъ изобличалъ, и хуже всѣхъ преданные мірскимъ интересамъ, скептическіе, якобы философствующіе саддукеи, самые жестокіе и опасные изъ противниковъ, пустую мудрость которыхъ Онъ такъ позорно раскрывалъ. Всѣ они жаждали Его смерти; всѣ были возмущены этой безконечной благостью; всѣ пылали ненавистью къ челоуѣку, который былъ болѣе благороденъ, чѣмъ сколько даже могли представить они себѣ въ своемъ возвышеннѣйшемъ умозрѣніи. И однако же имъ не легко было исполнить задуманное дѣло — Его погубленія. Іудейскія басни о Его смерти въ талмудѣ, безстыдно лживыя отъ начала до конца, рассказываютъ, что будто бы въ теченіе сорока дней, несмотря на ежедневное приглашеніе герольдовъ, никто не вызвался, чтобы, согласно обычаю, засвидѣтельствовать о Его невинности, и что поэтому Онъ сначала былъ побитъ камнями, какъ обольститель народа (*месіахъ*), а затѣмъ повѣшенъ на деревѣ. Но дѣло въ томъ, что члены синедріона не имѣли власти предать Его смерти, и даже если фарисеи навѣрно воспользовались бы для этого общимъ смятеніемъ, какъ они сдѣлали это впоследствии по отношенію къ Стефану первоученику, то не настолько изувѣрные и болѣе космополитичные саддукеи менѣе склонны были дѣйствовать такъ. Не довольствуясь поэтому *херемомъ*, т.-е. провозглашеніемъ высшаго отлученія, имъ оставалось только для осуществленія Его казни предать его въ руки свѣтской власти. Теперь они имѣли противъ Него только обвиненіе въ богохульствѣ, основанное на признаніи, вынужденномъ отъ Него самимъ первосвященникомъ,

послѣ того какъ даже подставленнымъ ими свидѣтелямъ не удалось удовлетворить ихъ своими лжесвидѣтельствами. У нихъ было много противъ Него прежнихъ обвиненій, но они не могли опираться на нихъ. Случай нарушенія Имъ субботы по большей части связывались съ чудесами, и потому ставили ихъ на опасную почву. Отверженіе Имъ устнаго преданія выдвигало вопросъ, по которому саддукеи и фарисеи находились въ смертельной враждѣ между собой. Властное очищеніе Имъ храма могло находить сочувствіе какъ у раввиновъ, такъ и въ народѣ. Обвиненіе въ тайномъ ученіи опровергалось крайнею открытостью Его жизни. Обвиненіе въ открытой ереси падало само собой вслѣдствіе полного отсутствія подтверждающихъ свидѣтельствъ. Имъ предстояла трудная задача обратить церковное обвиненіе въ богохульствѣ въ гражданское обвиненіе въ измѣнѣ. Но какъ было сдѣлать это? Въ послѣднемъ, ночномъ и потому незаконномъ засѣданіи въ домѣ Каиафы не присутствовало и половины членовъ синедріона, а между тѣмъ, если они всѣ должны осудить Его формальнымъ приговоромъ, то всѣ также должны и выслушать данныя, на которыхъ можно бы основываться при подачѣ голоса. Въ отвѣтъ на заклинаніе Каиафы, Иисусъ торжественно заявилъ, что Онъ Мессія и Сынъ Божій. Послѣднее заявленіе не могло имѣть никакого значенія въ обвиненіи Его передъ трибуналомъ римскаго правительства; но если бы Онъ повторилъ первое, то его можно бы было какъ-нибудь перетолковать въ смыслѣ политической измѣны. Но, несмотря на всю ихъ настойчивость, Онъ не хотѣлъ повторить этого заявленія, потому что зналъ, что они хотѣли злостно перетолковать его, и потому что они дѣйствовали очевидно съ вопіющимъ нарушеніемъ своихъ явныхъ правилъ и преданій, требовавшихъ отъ нихъ, чтобы они на каждого подлежащаго суду преступника смотрѣли какъ на невиннаго, пока дѣйствительно не будетъ доказана его виновность.

Когда они засѣдали такимъ образомъ передъ своимъ связаннымъ и беспомощнымъ Царемъ, безмолвно стоявшимъ среди ихъ шумныхъ воплей, нѣкоторымъ изъ наиболѣе почтенныхъ членовъ быть можетъ припомнилось, насколько различное зрѣлище представляло то засѣданіе, когда одинъ только Шемаія (Самея) на-

рушилъ гробовое молчаніе ихъ подлой трусливости, не осмѣливавшейся высказать суда надъ Иродомъ за его убійства. Въ тотъ разъ, какъ замѣтилъ имъ Самея, стоялъ предъ ними Иродъ, „не въ позѣ униженнаго подчиненія, съ растрепанными волосами и въ черномъ, траурномъ одѣяніи“, а „одѣтый въ пурпуръ, съ изящно убранными волосами и съ оруженосцами вокругъ себя“. И такъ какъ никто не осмѣливался изъ боязни даже упомянуть объ обвиненіяхъ противъ него, то Шемаія предсказалъ имъ, что настанетъ день отмщенія и тотъ самый Иродъ, предъ которымъ они трепетали вмѣстѣ съ своимъ княземъ Гирканомъ, сдѣлается нѣкогда исполнителемъ гнѣва Божія противъ нихъ всѣхъ. Какъ не похоже было настоящее зрѣлище на предыдущее, бывшее полвѣка предъ тѣмъ! Теперь они шумѣли, а Царь ихъ молчалъ; они были могущественны, а Царь ихъ беззащитенъ; они преступны, а Царь ихъ безконечно невиненъ;—они служители мірскаго гнѣва, а Царь ихъ—посредникъ божественнаго возмездія.

Но наконецъ, чтобы покончить это жалкое и безобразное зрѣлище, І. Христосъ прорекъ: „Если скажу вамъ, вы не повѣрите; если же и спрошу васъ, не будете отвѣчать Мнѣ“. Однако же, чтобы не дать имъ возможности оправдываться незнаніемъ, кто Онъ, Онъ прибавилъ тономъ торжественнаго предостереженія: „Отнынѣ Сынъ Человѣческой возсядетъ одесную силы Божіей“. „Итакъ Ты, разомъ воселикнули они всѣ, Сынъ Божій?“—„Вы говорите, что Я“, отвѣчалъ Онъ въ хорошо извѣстной имъ формѣ, полное значеніе которой было совершенно понятно имъ. И тогда они, подобно Каіафѣ, закричали всѣ: „Какое еще намъ нужно свидѣтельство? Ибо мы сами слышали изъ устъ Его“. И такимъ образомъ этимъ третьимъ осужденіемъ со стороны іудейской власти,—осужденіемъ, которое, какъ они надѣялись, будетъ просто утверждено Пилатомъ и утолить ихъ пылающую злобу,—завончилась третья часть суда надъ Спасителемъ. За приговоромъ этимъ также по видимому послѣдовало *второе* поруганіе, подобное первому, но еще болѣе оскорбительное и тяжкое, насколько тяжелѣе было переносить его отъ священниковъ и старѣйшинъ, чѣмъ отъ простыхъ слугъ и лакеевъ.

Страшное возмездіе скоро постигло главнаго дѣятеля на низшемъ поприщѣ этого злодѣянія. Въ теченіе всего этого времени

Иуда несомнѣнно былъ близкимъ зрителемъ всего происходившаго. Когда утренній свѣтъ разогналъ холодный сумракъ ночи, и предатель узналъ о рѣшеніи синедріона, когда увидѣлъ, что Иисуса Христа предають на распятіе римскому правителю, тогда у него впервые вполнѣ открылись глаза на то, что онъ сдѣлалъ. Великія преступленія обладаютъ страшною силою озаренія. Сила эта озааряетъ совѣсть неестественнымъ свѣтомъ и, сумракомъ затѣняя своекорыстіе, показываетъ дѣйствія и побужденія въ ихъ полномъ и истинномъ видѣ. Подобное же озареніе мгновенно совершилось и въ Иудѣ, какъ и въ тысячахъ раньше него: у него открылись глаза не только на его ужасный послѣдній грѣхъ, но и на всѣ тѣ грѣхи, которые привели его къ нему. Онъ ужаснулся своей собственной мерзости и сознаніе ея неудержимо гнало его отъ угрызений совѣсти къ отчаянію, отъ отчаянія къ бѣшенству, отъ бѣшенства къ самоубійству. Еслибы онъ даже тогда пошелъ къ своему Господу и Спасителю, палъ къ ногамъ Его, умоляя о прощеніи, — все было бы забыто ему. Но увы! — вмѣсто этого онъ пошелъ къ своимъ покровителямъ, сообщникамъ и искусителямъ въ преступленіи. Но въ нихъ онъ не встрѣтилъ ни жалости, ни привѣта. Онъ былъ презрѣннымъ, ненужнымъ больше орудіемъ, и потому теперь оттолкнуть былъ ими. До бѣшенства доводившія его угрызения совѣсти встрѣтили въ нихъ холодное равнодушіе и наглое презрѣніе. „Согрѣшилъ я, неистово вопилъ онъ имъ, предавъ кровь неповинную!“... Но неужели онъ ожидалъ встрѣтить въ нихъ утѣшеніе въ мучительныхъ терзаніяхъ своей совѣсти, сочувствіе въ совершенномъ имъ дѣлѣ, оправданіе со стороны ихъ властнаго одобренія? „Что намъ до того? смотри самъ“ (Мѡ. ххvii, 4), отвѣчали они, единственно такого только безсердечнаго отвѣта удостоивая злосчастнаго предателя, котораго сами же они подстревали, одобряли и побуждали на его гнусное дѣло. Тогда онъ увидѣлъ, что въ немъ не нуждаются больше, что въ преступленіи нѣтъ мѣста для взаимнаго уваженія, мѣста для другихъ чувствъ, кромѣ взаимнаго отвращенія. Жалкіе тридцать сребрениковъ составляли все, что только и могъ онъ получить. За нихъ онъ продалъ свою душу, и ими онъ могъ воспользоваться не больше, чѣмъ своекорыстный Анаанъ

спрятаннымъ имъ золотомъ или Ахавъ отнятымъ у Навуея виноградникомъ. Съ отчаяніемъ бросивъ ихъ на полъ—на священное мѣсто, гдѣ засѣдали священники и куда самъ онъ не смѣлъ войти, Іуда ринулся въ область безотраднaго уединенія, откуда уже не вышелъ живымъ. Намъ неизвѣстно, какіе духи витали надъ его головой въ этомъ уединеніи. Существуютъ различные рассказы о смерти злополучнаго предателя. Подробности ея вѣроятно никому въ точности не были извѣстны. По одному рассказу, онъ повѣсился, и преданіе еще указываетъ въ Іерусалимѣ на сучковатое, безобразное, безлистное дерево, которое называется „деревомъ Іуды“. По другому рассказу, не непримиримому съ первымъ, если предположить, что веревка могла оборваться или сукъ сломиться подъ тяжестью его тѣла, онъ низринулся внизъ, чрево его разсѣлось и „выпали всѣ внутренности его“ (Дѣян. 1, 18). По третьему рассказу, ходившему между древними христіанами, тѣло его вздулось до огромной величины отъ какого-то ужаснаго пораженія слоновой проказой, и онъ былъ раздавленъ проходившимъ возомъ. Высокіе злоумышленники, при своемъ святотатственномъ законничествѣ, не хотѣли вложить возвращенную цѣну крови въ „ворвань“ или священную сокровищницу, а посовѣтовавшись между собою, купили на эти деньги поле горшечника для погребенія странниковъ, быть можетъ тотъ самый участокъ земли, который рассчитывалъ купить для себя Іуда и на которомъ нашелъ себѣ злосчастный конецъ. Поле это долго было извѣстно подъ именемъ *Акедамы*—„земли крови“, и всѣ съ ужасомъ проходили мимо этого страшнаго, провлятаго мѣста.

ГЛАВА LX.

ИСУСЪ ХРИСТОСЪ ПЕРЕДЪ ПИЛАТОМЪ.

Онъ наказанъ былъ прокураторомъ Понтіемъ
Пилатомъ. Тацитъ. Ann. xv, 44.

ДОСТРАДАЛЪ при Понтіискомъ Пилатѣ — такъ въ христіанскомъ символѣ вѣры несчастное имя римскаго прокуратора передается изъ рода въ родъ для вѣчнаго провлятія. Но оно помѣщено въ символѣ вѣры собственно

лишь для опредѣленія времени, и въ дѣйствительности изъ всѣхъ гражданскихъ и церковныхъ властей, суду которыхъ подвергался Христосъ, Пилать былъ наименѣе виновенъ въ злобѣ и ненависти, такъ какъ всячески старался даже если уже не избавить Его отъ мученій, то по крайней мѣрѣ спасти Ему жизнь.

Что же это былъ за человекъ, въ руки котораго властью свыше предана была окончательная судьба земной жизни Спасителя міра? О его происхожденіи, а также и о предшественникахъ по управленію до 26 года по Р. Х., когда онъ сдѣлался шестымъ прокураторомъ Іудей, имѣются нѣкоторыя свѣденія. По своему общественному положенію онъ принадлежалъ къ *ordo equester* и своимъ назначеніемъ на должность правителя обязанъ былъ вліянію Сеяна. Его имя „Понтій“, повидимому, указываетъ на самнитское происхожденіе, прозвище „Пилать“ — на воинственность предковъ. Его пропомен'а, если только было таковое, не сохранилось. Въ Іудеѣ онъ дѣйствовалъ съ высокомѣрнымъ насиліемъ и беззапѣнчивою жестокостью, обычными у римскихъ правителей. Едва будучи утвержденъ въ должности прокуратора, онъ, позволивъ своимъ войнамъ перенести ночью изъ Кесаріи въ священный городъ серебряныхъ орловъ и другіе значки легионовъ, вызвалъ среди іудеевъ взрывъ яростнаго негодованія на это дѣйствіе, которое они считали языческимъ оскверненіемъ святаго мѣста. Въ теченіе пяти дней и ночей они неотступно, часто падая ницъ на голую землю, окружали и почти осаждали его резиденцію въ Кесаріи бурными просьбами и угрозами и не хотѣли отставать и на шестыя сутки, даже, когда грозила имъ опасность немедленнаго и поголовнаго избіенія отъ рукъ воиновъ, которыхъ онъ послалъ окружить ихъ. Тогда онъ сумрачно уступилъ, и это первое столкновеніе съ непреклонною фанатическою рѣшимостью народа, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло, отравило все его управленіе чувствомъ непреодолимаго отвращенія къ іудеямъ.

Второе возмущеніе іудеевъ имѣло можетъ быть менѣе оправданій для себя, но его можно бы избѣгнуть, еслибы Пилать нѣсколько повнимательнѣе изучилъ ихъ характеръ и оказалъ побольше снисходительности къ ихъ господствующимъ предраз-

судьямъ. Иерусалимъ, повидимому, всегда страдалъ, какъ ужасно страдаетъ и теперь, отъ худого и недостаточнаго снабженія водой. Чтобы устранить это неудобство, Пилать предпринялъ устройство водопровода, посредствомъ котораго вода могла бы доставляться изъ „прудовъ Соломоновыхъ“. Считая это предпріятіе дѣломъ общественной пользы, онъ употребилъ на него часть денегъ изъ „корвана“ или церковной сокровищницы; но народъ тотчасъ же яростно заволновался и возсталъ противъ употребленія священныхъ денегъ на гражданское дѣло. Раздраженный оскорбленіями и упреками толпы, Пилать выслалъ въ нее переодѣтыхъ въ іудейскія одежды воиновъ, которые, скрывая подъ платьемъ кинжалы и мечи, должны были наказать зачинщиковъ мятежа. Послѣ отказа іудеевъ разойтись спокойно, данъ былъ сигналъ, и воины выполнили свое порученіе съ такимъ ревностнымъ усердіемъ, что множество было ранено и убито, какъ виновныхъ, такъ и невиновныхъ, и произошло такое страшное смятеніе, что многіе до-смерти задавлены были подъ ногами устрешенной и бросившейся въ бѣгство толпы. Такимъ образомъ, въ народѣ, произведшемъ *сикариевъ* (тайныхъ убійцъ), Пилать самъ подаль роковой примѣръ сикарійскаго образа дѣйствій; тайные убійцы нашли въ своемъ прокураторѣ примѣръ и одобреніе политическаго убійства.

Третье возмущеніе должно было еще больше усилить отвращеніе римскаго правителя къ подвластному ему народу, показавъ ему, до какой степени невозможно было жить среди такого народа, даже при самомъ примирительномъ духѣ, не оскорбляя какихъ-нибудь чувствительныхъ предразсудковъ. Въ Иродовомъ дворцѣ въ Иерусалимѣ, который онъ занималъ во время праздниковъ, онъ вывѣсилъ нѣсколько позолоченныхъ щитовъ, посвященныхъ Тиверію. Въ рѣчи Агриппы предъ императоромъ Каемъ, какъ она передается Филономъ, поступокъ этотъ приписывается злобному своеволю; но такъ какъ, по заявленію самого царя, щиты были совершенно простые, украшенные только посвятителною надписью, то можно думать, что іудеи нашли оскорбленіе для себя въ томъ именно, чѣмъ Пилать имѣлъ въ виду просто сдѣлать лишь безобидное украшеніе, и притомъ такое, которое онъ едва ли могъ удалить безъ опасенія оскор-

бить мрачнаго и подозрительнаго императора, такъ какъ щиты были выставлены въ его честь. Такъ какъ онъ не хотѣлъ уступить, то вожди народа написали жалобу самому Тиверію. Въ политику Тиверія, между прочимъ, входило то, чтобы всячески поддерживать довольство въ провинціяхъ, и его мужественный умъ презиралъ упорство, которое не хотѣло пожертвовать прихотью даже передъ опасностью народнаго бунта. Поэтому онъ сдѣлалъ выговоръ Пилату, и возбуждавшіе неудовольствіе щиты приказалъ перенести изъ Іерусалима въ храмъ Августа въ Кесаріи.

О послѣднемъ случаѣ рассказываетъ только Филонъ; но кромѣ этихъ возмущеній, въ евангеліяхъ повѣствуется еще объ одномъ страшномъ бунтѣ, во время котораго Пилатъ смѣшалъ кровь галилеянъ съ ихъ жертвоприношеніями. Наконецъ онъ былъ лишенъ прокураторства вслѣдствіе жалобы, принесенной на него самарянами, которые жаловались Люцію Вителлію, легату Сиріи, что онъ безпричинно напалъ на нихъ, избилъ и вазнилъ множество народа, собравшагося на горѣ Гаризимъ по приглашенію какаго-то обманщика, быть можетъ Симона волхва, который обѣщалъ показать ковчегъ и священные сосуды храма, сокрытые будто бы тамъ Моисеемъ. Образъ дѣйствія Пилата при этомъ случаѣ повидимому былъ безъ нужды скоръ и жестокъ, и хотя по прибытіи его въ Римъ Тиверія уже не было въ живыхъ, но даже и Кай Калигула отказался возстановить его въ должности правителя, считая несомнѣнно худымъ знакомъ то, что онъ такъ непріятно сталкивался съ населеніемъ всякаго округа въ небольшой подвластной ему провинціи. Сеянъ выказывалъ крайнее отвращеніе въ іудеямъ, и Пилатъ вѣроятно вторилъ антипатіи своего покровителя.

Таковъ былъ Понтій Пилатъ, котораго неразлучныя съ большимъ годовымъ праздникомъ торжества и опасности вызвали изъ его обычной резиденціи въ Кесаріи Филипповой въ столицу ненавистнаго ему народа и въ главный очагъ презираемаго имъ фанатизма. Въ Іерусалимѣ онъ занималъ одинъ изъ двухъ великолѣпныхъ дворцовъ, которые воздвигнуты были первымъ Иродомъ съ безумною расточительностью архитектурнаго искусства. Дворецъ этотъ расположенъ былъ въ верхней части го-

рода, въ юго-западу отъ храмовой горы, и подобно такому же зданію въ Кесаріи, по переходѣ отъ областного цара въ пользование римскаго правителя, назывался Иродовой преторіей. Это было одно изъ тѣхъ „превосходящихъ всякое описаніе“ зданій, которыя вполнѣ соответствовали требованіямъ того вѣка и на которыхъ Иосифъ Флавій останавливается съ восторгомъ умиленія. Между двумя колоссальными флигелями изъ бѣлаго мрамора, называвшимися въ духъ обычной иродіанской лести императорскому дому — одинъ Caesareum и другой Agrippaeum, находилось открытое пространство, откуда открывался великолѣпный видъ на Іерусалимъ; оно было украшено скульптурными портиками и разноцвѣтнаго мрамора колоннами, вымощено богатой мозаикой и снабжено фонтанами и резервуарами, чередовавшимися съ зелеными аллеями, въ которыхъ находили для себя пріятное убѣжище цѣлыя стаи голубей. Совнѣ это была масса высокихъ стѣнъ, башенъ и сверхающихъ кровлей, представлявшихъ изысканную смѣсь разнообразнаго блеска; внутри — его пышныя залы, достаточно помѣстительныя для сотни гостей, были убраны роскошною мебелью и сосудами изъ золота и серебра. Великолѣпное жилище для простаго римскаго губернатора! И однако же, яростный фанатизмъ населенія въ Іерусалимѣ дѣлалъ такъ мало привлекательнымъ этотъ дворецъ, что ни Пилатъ, ни его предшественники повидимому не наслаждались его роскошью больше чѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ году. Они вынуждены были присутствовать въ іудейской столицѣ во время тѣхъ многочисленныхъ празднествъ, которыя всего легче могли нарушаться взрывами горячаго патріотизма, и скоро узнали, что даже великолѣпный дворецъ можетъ оказаться отвратительнымъ жилищемъ, когда онъ построенъ на зыблущейся почвѣ вулкана.

Въ этомъ-то царственномъ дворцѣ, въ двери котораго во дни свободы никогда не вступала нога Спасителя, началась тремя отдѣльными дѣйствіями четвертая стадія возмутительнаго зрѣлища, предшествовавшаго окончательнымъ мученіямъ Христа. Она была непохожа на праздный допросъ Анны, на вынужденное признаніе, добытое Каиафой, на незаконное рѣшеніе синедриона. Здѣсь судья былъ въ Его пользу, и со всею силою

холодной гордости, со всею смѣлостью виновной трусости и со всею жалостью, какою можетъ имѣть кровожадная натура, онъ старался освободить Его. Это послѣднее судбище было страстно и бурно: оно представляетъ тройкую переменную зрѣлища — тройкое обвиненіе, тройкое оправданіе со стороны римскаго правителя, тройкій протестъ іудеевъ, тройкое предостереженіе Пилату и тройкое, дѣлавшееся съ постоянно возрастающей энергіей и постоянно усиливающимся возбужденіемъ, усиліе съ его стороны разстроить планы обвинителей и освободить отъ нихъ неповинную жертву.

1) Было вѣроятно около семи часовъ утра, когда члены синедриона, несомнѣнно съ Каиафой во главѣ, думая запугать прокуратора своею многочисленностью и сановитостью, въ торжественномъ шествіи повели Иисуса Христа съ веревкой на шеѣ изъ палаты собранія по высокому мосту, перекинутому черезъ долину Тиропеонъ, — повели въ виду всего города со связанными руками, какъ приговореннаго уже преступника — истинное зрѣлище ангеламъ и человѣкамъ!

Встревоженный въ такой ранній часъ и вѣроятно предполагая какое-нибудь пасхальное возмущеніе, болѣе важное чѣмъ обыкновенно, Пилать вышелъ въ палату суда, куда приведенъ былъ І. Христосъ въ сопровожденіи (какъ видно съ достаточною ясностью) нѣсколькихъ Его обвинителей и лицъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ Его дѣлѣ. Но высшіе іудейскіе іерархи, страшась обрядоваго оскверненія больше, чѣмъ преступленія, отвращаясь отъ вкушенія кваснаго хлѣба, но не отъ пролитія невинной крови, отказались войти въ языческую палату, чтобы не оскверниться и не потерять такимъ образомъ права ѣсть пасху въ эту ночь. Далекое не въ благодушномъ настроеніи, а съ чувствомъ высокоумной и полувынужденной снисходительности къ тому, что представлялось ему презрѣннымъ предразсудкомъ низшей расы, Пилать выходитъ къ нимъ изъ преторіи подъ яркіе лучи утренняго солнца восточной весны. Однимъ высокоумнымъ взглядомъ обидываетъ онъ какъ пышное сборище іерархической знати, такъ и буйную чернь этого своеобразнаго народа, одинаково ненавистнаго ему, какъ римлянину и какъ правителю. Уловивъ однимъ этимъ взглядомъ яростное

буйство страстей обвинителей, среди которых невольно выдавалось краткое величіе ихъ безотвѣтной жертвы, онъ коротко и строго спросилъ: „Въ чемъ вы обвиняете человѣка сего?“ Вопросъ этотъ озадачилъ ихъ и показалъ имъ, что они должны быть готовы къ нескрываемому противодѣйствию ихъ намѣреніямъ. Пилать очевидно желалъ судебного разслѣдованія, а они ожидали только простаго позволенія предать смерти, и притомъ не іудейскимъ способомъ казни, а такимъ, который они считали наиболѣе ужаснымъ и проклятымъ. „Еслибы Онъ не былъ злодѣй, неопредѣленно и дерзко отвѣчали они, мы не предали бы Его тебѣ“. Но Пилать, при своемъ римскомъ знаніи закона, при своемъ римскомъ чувствѣ справедливости, при своемъ римскомъ презрѣніи къ ихъ кровожадному фанатизму, не могъ рѣшиться на дѣйствіе на основаніи такого совершенно неопредѣленнаго обвиненія и дать свое правительственное утвержденіе ихъ темному, беспорядочному рѣшенію. Онъ не хотѣлъ быть исполнителемъ въ дѣлѣ, въ которомъ онъ не былъ судьей. Хорошо, отвѣчалъ онъ съ гордою презрительностью, „возьмите Его вы, и по закону вашему судите Его“. Но этимъ онъ только принудилъ ихъ къ унижительному признанію, что, будучи лишены *jus gladii* (права предавать смертной казни), они никого не могли предавать смерти, а она только и могла удовлетворить ихъ въ данномъ случаѣ; да и въ предвѣчномъ совѣтѣ положено было, что Христосъ долженъ умереть не отъ іудейскаго побіенія камнями или удавленія, но отъ римской казни, которая возбуждала въ іудеяхъ безпредѣльный ужасъ, именно, чрезъ распятіе на крестѣ *); умереть страшно знаменательною и типическою смертью, всенародною, медленною, сознательною, проклятою, мучительною, худшею чѣмъ даже сожженіе, худшею всѣхъ возможныхъ смертей, какъ худшимъ слѣдствіемъ того прокля-

*) Второз. XXI, 22, 23. Отсюда ненавистное названіе „попшисный“, прилагаемое къ Христу въ талмудѣ; и христіане называются „служителями повѣшеннаго“. Кромѣ ненависти и мщенія, у іудеевъ могли быть и различныя другія побужденія, заставлявшія ихъ желать Его распятія: 1) это покрыло бы имя и самую память Іисуса Христа глубочайшимъ поворомъ; 2) сдѣлало бы римскую власть соучастницей по отвѣтственности въ убійствѣ и 3) уменьшило бы возможность народнаго возмущенія.

тія, которое Онъ долженъ былъ искупить этою смертію, чтобъ править міромъ съ Креста своего. Поэтому, оставляя на этотъ разъ обвиненіе въ богохульствѣ, которое не отвѣчало бы цѣли (ср. Дѣян. хш, 14), іудеи раздражаются противъ Него бурей ругательствъ, въ которыхъ можно различать три обвиненія, именно — что Онъ развращалъ народъ, запрещалъ платить подать кесарю и называлъ себя царемъ. Всѣ три обвиненія были нагло лживы и третье тѣмъ болѣе, что заключало въ себѣ крупицу истины. Но такъ какъ обвинители не выставляли противъ І. Христа ни дозвѣдательствъ, ни свидѣтелей, то Пилатъ, во всемъ обращеніи и языкѣ котораго явственно выступаетъ отвращеніе, усиливается боязнью, внушаемою со стороны іудеевъ, обращаетъ вниманіе только на третье обвиненіе и приступаетъ къ разслѣдованію, не дастъ ли собственное сознаніе обвиняемаго, всегда считающееся желательнымъ по римскому закону, какое-нибудь разъясненіе дѣлу. Оставивъ нетерпѣливыхъ членовъ синедріона и волнующуюся толпу, онъ удалился въ судебную палату. Одинъ только ев. Іоаннъ передаетъ послѣдовавшую достопамятную сцену. І. Христосъ, хотя и не въ „мягкихъ одеждахъ“, хотя и не обитатель царскихъ дворцовъ, введенъ былъ по превосходнымъ ступенямъ лѣстницы въ палату съ агатовымъ и лазурнымъ поломъ, съ блистающимъ позолотой, кедровою рѣзьбою и яркою живописью потолкомъ дворца, оставшагося послѣ „великаго“ царя іудеевъ. Тамъ, среди этого пышнаго блеска, Пилатъ, уже заинтересовавшись обвиняемымъ, уже сознавая въ Немъ особенное благородство, тронувшее его римскую натуру, съ чувствомъ сострадательнаго удивленія спросилъ Его: „Ты царь іудейскій?“ — Ты, жалкій, истомленный, заплаканный отверженникъ въ этотъ горькій часъ своего злополучія, Ты, блѣдный, одинокій, оставленный всѣми, бѣдствующій человекъ, въ своемъ убогомъ сельскомъ одѣяніи, со связанными руками и страшными слѣдами оскорбленій на лицѣ и на одеждѣ, Ты, такъ непохожій на жестокаго величественнаго Ирода, котораго этотъ народъ, что жаждетъ Твоей крови, признавалъ своимъ царемъ, — Ты царь іудейскій? — Есть царственность, которой Пилатъ и подобные ему люди не могутъ понять, — царственность святости, величіе самопожертвованія. Сказать „нѣтъ“ не соотвѣт-

ствовало бы истинѣ; сказать „да“ значило бы ввести римскаго начальника въ заблужденіе. „Отъ себя ли Ты говоришь это?“ съ вротемъ достоинствомъ сказалъ ему Иисусъ, „или другіе сказали тебѣ обо Мнѣ?“— „Развѣ я іудей?“ презрительно спрашиваетъ Пилать. „Твой народъ и первосвященники предали Тебя мнѣ; что Ты *сдѣлалъ*?“ Что сдѣлалъ? — творилъ чудеса, дѣла милосердія и любовь — и только. Но Иисусъ возвращается къ первому вопросу, подготовивъ уже Пилата къ пониманію отвѣта: да, Онъ Царь, но не отъ міра сего, не такой царь, за котораго бы слуги Его стали сражаться. „И такъ Ты Царь?“ изумленно говоритъ Ему Пилать. Да! но царь не въ этой области жи и тѣни, но на то пришедшій въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ, и всякій, кто отъ истины, послушаетъ гласа Его. Отъ истины — нетерпѣливо сказалъ Пилать, но „что есть *истина*?“ Что ему, дѣловому римскому правителю, за дѣло до этихъ туманныхъ отвлеченностей? какое отношеніе имѣли онѣ къ вопросу о жизни и смерти? Что это за непрактическое сумасбродство, что за сказочное увлеченіе мечтательной фантазіи? Да, онъ съ пренебреженіемъ оставилъ весь этотъ разговоръ, но былъ вмѣстѣ съ тѣмъ тронутъ и взволнованъ имъ. Судейскій смыслъ, юридическое воспитаніе, знакомство съ человѣческой природой, дававшее ему нѣкоторую проникающую въ отношенія характеровъ людей, показали ему, что Иисусъ не только былъ совершенно невиненъ, но былъ безконечно выше и лучше своихъ неистовыхъ святотатственныхъ обвинителей. Совершенно оставляя безъ вниманія призрачную на его взглядъ мысль о неземномъ царствѣ, Пилать видѣлъ въ стоявшемъ передъ нимъ узникѣ невиннаго, одареннаго высокой душой мечтателя, и больше ничего. Оставляя такимъ образомъ Иисуса Христа, онъ опять вышелъ къ іудеямъ и выразительно, открыто произнесъ свой первый оправдательный приговоръ: „Я никакой вины не нахожу въ Немъ“.

2) Но это публичное оправдательное рѣшеніе только еще больше разожгло неистовство Его враговъ. Неужели послѣ всѣхъ отчаянныхъ трудовъ и хлопотъ, послѣ бессонной, проведенной въ заговорахъ ночи, послѣ заклинаній и поруганія, цѣль ихъ не будетъ достигнута, благодаря вмѣшательству тѣхъ самыхъ

язычниковъ, при помощи которыхъ они рассчитывали привести дѣло въ самому злomu концу? Неужели эта жертва, которую они держали уже въ своихъ смертельныхъ когтяхъ, будетъ освобождена отъ первосвященниковъ и начальниковъ презрѣніемъ или жалостью дерзваго язычника? Это было бы невыносимо! Голоса ихъ еще неистовѣе загладѣли: Онъ обманщикъ, *месіазъ*, „возмущаетъ народъ, уча по всей Іудеѣ, начиная отъ Галилеи до сего мѣста“.

Среди этихъ смятенныхъ и запальчивыхъ восклицаній привычное ухо Пилата подхватило имя „Галилея“, и онъ понялъ, что Галилея была главнымъ мѣстомъ дѣятельности Іисуса (Лук. ххп, 6). Ища случая покончить съ дѣломъ, отъ котораго ему пріятно было бы освободиться, Пилатъ искуснымъ оборотомъ ловкой политики нашелъ возможнымъ отдѣлаться отъ затруднявшаго его Узника, избавить себя отъ непріятнаго рѣшенія, сдѣлавъ вмѣстѣ съ тѣмъ неожиданную любезность недружелюбному въ нему галилейскому четвертовластнику, который по обычаю прибылъ въ Іерусалимъ—номинально для совершения пасхи, а въ дѣйствительности просто въ угоду своимъ поданнымъ и съ цѣлью полюбоваться праздничными торжествами, представлявшими интересное зрѣлище вслѣдствіе густыхъ массъ приплаго люда, скоплявшагося въ это время въ столицѣ. Согласно съ этимъ, радуясь въ тайнѣ умытъ свои руки отъ непріятной ему отвѣтственности, Пилатъ отослалъ І. Христа въ Ироду Антипѣ, который, вѣроятно, занималъ старшій Асмонейскій дворецъ, служившій царскою резиденціей въ Іерусалимѣ, пова не былъ превзойденъ другимъ, болѣе великолѣпнымъ дворцомъ, построеннымъ расточительнымъ деспотомъ — его отцомъ. И такимъ образомъ, по люднымъ и узкимъ улицамъ, среди изступленныхъ воплей буйной толпы, опять повлекли страждущаго Спасителя.

Мы имѣли уже случай познакомиться отчасти съ Иродомъ Антипой, и неизвѣстно, есть ли въ портретной галлерей исторіи болѣе отвратительная личность, чѣмъ этотъ безобразный, распущенный саддужей-идумеянинъ, этотъ ничтожный царекъ, утопавшій въ преступленіяхъ и крови. Къ нему было обращено единственное чисто презрительное выраженіе, какое когда-либо

употреблялъ Иисусъ (Лув. хп, 32). Суевѣріе обыкновенно идетъ рука объ руку съ невѣріемъ; завязтые невѣры часто вѣрятъ въ гаданія, и люди невѣрующіе въ Бога вѣрують въ духовъ. Антипа былъ чрезвычайно радъ посмотрѣть на Иисуса. Онъ давно желалъ видѣть Его вслѣдствіе носившихся слуховъ о Немъ, и этотъ убійца пророковъ надѣялся, что Иисусъ изъ уваженія къ его царственному достоинству удовлетворитъ его любопытство какимъ-нибудь забавнымъ чудомъ. Онъ пыталъ Его и предлагалъ многіе вопросы, но не получилъ ни единого звука въ отвѣтъ. На всѣ его надменные вопросы Спаситель отвѣчалъ величавымъ молчаніемъ. По отношенію къ такому человѣку, который даже презрѣніе обращалъ въ добродѣтель, всякая рѣчь была бы оскверненіемъ. Тогда вся дивая грубость царька вышла наружу изъ-подъ тонкаго слоя поверхностнаго просвѣщенія. Во второй разъ Христосъ подвергнутъ былъ поруганію, поруганъ былъ на этотъ разъ какъ пророкъ и первосвященникъ. Иродъ съ своими распутными любимцами и наемщиками „уничжилъ Его, насмѣялся надъ Нимъ“, поступилъ со всею наглостью старательно измышленнаго издѣвательства. Въ насмѣшку надъ Его невинностью и бѣдностью надѣвъ на Него свѣтлую праздничную одежду, пустой и злобный царекъ отослалъ Его обратно къ прокуратору, съ которымъ полупримирился теперь послѣ давней вражды. Самъ онъ удовольствовался этими жестокими оскорбленіями, сваливъ съ себя дальнѣйшую отвѣтственность за исходъ дѣла и предоставивъ ее обычной судебной власти. Первосвященники и книжники осаждали его единодушными подстрекательствами совершить новое гнусное убійство на основаніи изъ настойчивыхъ обвиненій, но онъ, шутливо отнесясь къ ихъ обвиненіямъ, на самомъ дѣлѣ показалъ, что считаетъ эти обвиненія смѣшными и несостоятельными. Это былъ пятый допросъ Иисуса Христа и второе явное публичное Его оправданіе.

3) И теперь, когда І. Христосъ опять стоялъ предъ смущеннымъ, волеблующимся правителемъ, началась шестая, послѣдняя самая бурная и томительная фаза этого страшнаго суда. Теперь предстояло Пилату поступить съ яснымъ и правымъ убѣжденіемъ и навсегда очистить себя отъ вины въ крови невинной. Онъ

вышелъ опять, и сѣвъ на великолѣпную *бему*, быть можетъ, золотой престолъ Архелая, поставленный на возвышенномъ помостѣ изъ разноцвѣтнаго мрамора, подозвалъ къ себѣ священниковъ, членовъ синагога и народъ. Онъ торжественно изложилъ передъ ними, что они обвиняютъ Иисуса въ мятежъ и изменѣннѣ, но что онъ, ихъ римскій правитель, послѣ тщательнаго и добросовѣстнаго разслѣдованія дѣла нашелъ ихъ узника совершенно невиннымъ во взводимыхъ на Него преступленіяхъ; что онъ послалъ Его въ Ироду, ихъ собственному царю, но и тотъ также пришелъ въ заключенію, что Иисусъ не совершилъ такого преступленія, за которое могъ бы подлежать смерти. Тутъ Пилату представлялся золотой случай доказать величіе императорской справедливости своей страны, именно, объявивъ Его совершенно невиннымъ, совершенно и освободить Его. Но именно тутъ онъ заколебался и замедлилъ. Боязнъ новаго возстанія давила его, какъ кошмаръ. Онъ готовъ былъ пойти на уступки, чтобы угодить этимъ опаснымъ фанатикамъ. Чтобы оправдать ихъ такъ связать въ ихъ обвиненіи, онъ готовъ былъ навязать Иисуса, предать Его публичному бичеванію, чтобы сдѣлать притязанія Его смѣшными, обезчестить и унижить Его — „обезславить Его передъ глазами ихъ“ и затѣмъ освободить. Эта мысль освободить Его подсказала ему новый оборотъ политической уловки. Какъ онъ, такъ и народъ почти одновременно вспомнили, что по случаю праздника, въ видѣ пасхальнаго дара, всегда освобождался какой-нибудь осужденный узникъ. Пилатъ задумалъ воспользоваться этимъ обычаемъ, чтобы сдѣлать оправданіе Иисуса дѣломъ не настоящей справедливости, а случайной милости.

Высказывая эту мысль, онъ попираетъ такимъ образомъ свое внутреннее чувство правды, и противъ своей воли отказываясь отъ лучшаго преимущества своей власти, онъ уже поступалъ вопреки полученнаго имъ предостереженія. Это первое предостереженіе состояло въ глубокомъ тайномъ недоумѣннн, сильномъ предчувствіи, охватившемъ его, когда онъ смотрѣлъ на этого безмолвнаго, съ понижшею головой стоявшаго передъ нимъ Узника. Но какъ бы въ подрѣпленіе своей рѣшимости воспрепятствовать полному поправанію *всей* справедливости, онъ по-

лучилъ второе торжественное предостереженіе, и притомъ такое, которое для всякаго римлянина, и особенно помниваго объ убіеніи Цезаря и сновидѣніи Кальпурніи, могло показаться таинственно зловѣщимъ. Его собственная жена Клавдія Прокла осмѣлилась послать ему открытое извѣстіе, даже когда онъ засѣдалъ уже въ судилищѣ, — извѣстіе, что въ утренніе часы, когда сны бывають истинны, она видѣла тревожный и мучительный сонъ объ этомъ Праведникѣ и, будучи смѣлѣе своего мужа, просила его остерегаться отъ нанесенія Ему какаго-нибудь оскорбленія.

Съ радостью, съ истинною радостью Пилать уступилъ бы своимъ собственнымъ предчувствіямъ, удовлетворилъ бы своему чувству сожалѣнія и правды, принялъ бы во вниманіе предостереженіе, сообщенное такимъ таинственнымъ предзнаменованіемъ. Съ радостью даже онъ удовлетворилъ бы худшему и низшему инстинкту — настоять на своей власти и разстроить планы этихъ дерзкихъ и ненавистныхъ ему фанатиковъ, которые завѣдомо жаждали крови неповинной. Онъ хорошо зналъ, какъ нелѣпо было предполагать искренность въ обвиненіи Иисуса въ измѣнѣ со стороны тѣхъ, для большинства которыхъ измѣна была дыханіемъ жизни. Ихъ крайне прозрачное лицемѣріе въ этомъ дѣлѣ только усиливало въ немъ нескрываемое презрѣніе. Еслибы онъ осмѣлился дать волю своимъ дѣйствительнымъ чувствамъ, то онъ прогналъ бы ихъ отъ своего судилища со всѣмъ высокомеріемъ гордаго римлянина. Но Пилать чувствовалъ за собою вину, а вина есть трусость, а трусость есть слабость. Его собственныя прежнія жестокости, возвращаясь въ нѣкоторомъ родѣ на его собственную голову, заставляли его теперь подавить порывъ состраданія и прибавить къ своимъ прежнимъ жестокостямъ и неправдамъ еще одно и болѣе страшное дѣло. Онъ зналъ, что надъ его головою висѣли тяжкія обвиненія. Эти самаряне, которыхъ онъ оскорбилъ и избилъ; эти іудеи, которыхъ онъ изранилъ, пославъ въ толпу отрядъ переодѣтыхъ воиновъ; эти галилеяне, кровь которыхъ онъ смѣшалъ съ ихъ жертвами, — развѣ кровь ихъ не вопіяла о мщеніи? Развѣ даже теперь не угрожало ему посольство съ жалобой на него? Развѣ не угрожала опасность ускоренія его, еслибы онъ въ такомъ сомни-

тельномъ дѣлѣ, какъ обвиненіе въ притязаніи на царство, довелъ до возмущенія народъ, въ отношеніи котораго для римлянъ всего важнѣе и выгоднѣе было, чтобы онъ спокойно носилъ свои цѣпи? Неужели онъ осмѣлится скорѣе довести дѣло до новаго и видимо ужаснаго возмущенія, чѣмъ снизить до простой уступки, которая быстро принимала видъ политическаго и даже необходимаго компромисса?

Его гнусная политика обрушивалась на его собственную голову и дѣлала невозможнымъ исполненіе его собственныхъ желаній. Судьба мстила ему за прошлыя неправды, лишая его теперь возможности дѣлать правду. Подстрекаемый членами синедріона, народъ неотступно требовалъ пасхальнаго дара, о которомъ напомнилъ Пилать; но при этомъ онъ еще болѣе рѣшительно обнаружилъ зловѣщій характеръ своей ненависти къ своему Избавителю. Приходя въ неистовство отъ предполагаемой мятежности Того, кто былъ совершенно кротокъ и смиренъ сердцемъ, иудеи кричали объ освобожденіи человѣка, извѣстная мятежность котораго была запятнана разбоемъ и убійствами. Ненавидя Невиннаго, они возлюбили преступнаго и требовали отъ прокуратора помилованія не Иисусу изъ Назарета, а человѣку, который по странной ироніи судьбы назывался также Иисусомъ — Иисусу Вар-Аввѣ, который не только былъ тѣмъ, что они ложно приписывали Христу, не только былъ зачинщикомъ мятежей, но и разбойникомъ и убійцей. Вполнѣ было встать, чтобы тѣ, которые предпочитали низкаго саддукея своему истинному первосвященнику, развратнаго идумеянина своему Господу и Царю, охотно предпочли также разбойника своему Мессіи.

Возможно, что Вар-Авва былъ также приведенъ сюда, и такимъ образомъ Иисусъ кровожадный убійца и Иисусъ невинный Избавитель стояли рядомъ передъ судилищемъ (Матѣ. xxii, 21). Народъ, подстрекаемый своими вождями, шумно требовалъ освобожденія мятежника и разбойника. На него показывали всѣ руки; всѣ голоса шумѣли за него. За святого же, неповиннаго, непорочнаго, за Того, кого лишь пять дней тому назадъ привѣтствовали тысячекласныя „осанна!“ — теперь не слышно было ни единого слова заступничества или состраданія. „Онъ былъ презрѣнъ и умаленъ предъ людьми!“

Намѣренно предложивъ имъ вопросъ, Пилать съ презрительнымъ негодованіемъ слушалъ ихъ выборъ, и потому, давъ волю своему отвращенію и гнѣву въ презрительной насмѣшкѣ, которая однако же безъ всякой пользы для его цѣли только еще больше раздражила іудеевъ, онъ насмѣшливо спросилъ ихъ: „Что же хотите, чтобы я сдѣлалъ съ царемъ іудейскимъ?“ Тогда впервые раздался неистовый крикъ: „распи, распи Его!“ Напрасно Пилать, пользуясь каждымъ затишемъ въ смятеніи, настаивалъ на своемъ, настаивалъ правда упорно, но съ каждымъ моментомъ ослабѣвая все больше и больше, потому что только болѣе невинный человѣкъ, чѣмъ Пилать, даже будучи римскимъ правителемъ, могъ бы безтрепетно слушать неистовые вопли восточной черни. „Какое же зло сдѣлалъ Онъ?“ спрашиваетъ опять Пилать. „Я ничего достойнаго смерти не нашелъ въ Немъ. Итакъ, наказавъ Его, отпускаю“. Такое нерѣшительное противодѣйствіе было совершенно бесполезно. Оно только выдало іудеямъ внутрення опасенія ихъ прокуратора и прагматически все дѣло отдавало въ ихъ руки. Все сильнѣе и сильнѣе оглашали они воздухъ своими неистовыми отвратительными криками: „Смерть Ему! отпусти намъ Варавву! Распи, распи Его!“

На время Пилать повидимому окончательно уступилъ народной бурѣ. Онъ освободилъ Варавву, а Христа предалъ на бичеваніе. Оно производилось не розгами, потому что у Пилата не было ликторовъ, а тѣмъ, что Горацій называетъ „horribile flagellum“ (страшный бичъ). Такое бичеваніе обыкновенно предшествовало распятію и другимъ видамъ смертной казни. Это было по-истинѣ ужасное, душу возмущающее наказаніе, и оно давно уже отиѣнено тѣмъ состраданіемъ къ человѣчеству, которое такъ усилено было и до нѣкоторой степени создано постепеннымъ воспринятіемъ истины христіанства. Несчастнаго страдальца всенародно раздѣвали донага, привязывали руками въ согнутомъ положеніи къ столбу и затѣмъ по содрогающимся нервамъ спины наносили удары кожаными плетями съ налитыми свинцомъ концами; удары случайно, а иногда съ ужаснымъ варварствомъ и преднамѣренно, были наносимы часто по лицу и по глазамъ. Наказаніе было такъ тяжело, что жер-

тва въ мучительномъ терзаніи обыкновенно лишалась чувствъ, часто умирала, а еще чаще человѣкъ медленно погибалъ отъ нравственнаго позора и нервнаго истощенія, слѣдовавшихъ за такимъ наказаніемъ. И за этой страшной жестокостью, на которой мы не смѣемъ останавливаться дольше, за этой жестокостью, отъ которой содрогается и цѣпенѣтъ сердце, — немедленно слѣдовало третье и тягчайшее поруганіе надъ Христомъ, какъ царемъ.

У цивилизованныхъ народовъ дѣлается все возможное для избавленія осужденнаго на смерть человѣка отъ всякаго ненужнаго страданія; но у римлянъ оскорбленія и поруганія или издѣвательства всегда предшествовали казни. По свидѣтельству Тацита, преступники подвергались издѣвательству даже во время самой агоніи смерти. Такой обычай представлялъ собою образецъ той худшей формы человѣческой злобы, которая улаживается причиненіемъ страданія, находить безчеловѣчное удовольствіе въ издѣвательствѣ надъ муками другого, даже когда онѣ переносятся напрасно. Простое зрѣлище муки пріятно низкой душѣ. Грубые солдаты преторіи, — не римляне, которые навѣрно съ большимъ чувствомъ врожденнаго достоинства отнеслись бы къ безмолвному Страдальцу, а большею частью простой наемный сбродъ и подонки областного населенія, — повели Его въ свою казарму и тамъ въ дикомъ неистовствѣ надругались надъ Царемъ, который отданъ былъ имъ на мученія. Злорадство ихъ еще усиливалось отъ того, что въ рукахъ у нихъ былъ іудей по происхожденію, человѣкъ невинной жизни и высокаго благородства. Случай этотъ такъ пріятно нарушалъ грубое однообразіе ихъ жизни, что они созвали всѣхъ незанятыхъ солдатъ вогорты — посмотрѣть на ихъ звѣрскую забаву. Предъ глазами этихъ закоснѣлыхъ негодяевъ, они продѣляли всю унижительную церемонію насмѣшливой коронаціи, насмѣшливаго облаченія и насмѣшливаго поклоненія. Въ нахальное подражаніе лавровому вѣнцу императора, они надѣли на голову Христа вѣнокъ изъ терновыхъ вѣтвей *); въ связанныя и трепещущія

*) Неизвѣстно, изъ какого собственно растенія сдѣланъ былъ этотъ колючій вѣнецъ. *Нубкъ* (*sisyphus lotus*) показался намъ, какъ и другимъ путешественникамъ по Палестинѣ, наиболѣе подходящимъ какъ для издѣватель-

руки на мѣсто скипетра вложили тростинку; сняли съ Его истерзанныхъ и обливающихся кровью плечъ бѣлую одежду, въ которую насмѣшливо облачили Его Иродъ и которая теперь навѣрно вся пропитана была кровью, и набросили на Него старую красную мантию (paludamentum) — какой-нибудь заброшенный военный плащъ съ пурпурными нашивками изъ гардероба преторіи. Съ притворною торжественностью они застегнули ее на правомъ плечѣ ея блестящей застѣжкой, и затѣмъ каждый проходилъ передъ Нимъ, то издѣвательски превлоня колѣна, то дерзко плюя Ему въ лицо, то нанося удары по головѣ тростниковымъ скипетромъ, держать котораго не могли Его связанные руки, и съ издѣвательствомъ привѣтствовали Его, „радуйся, царь Іудейскій!“ (Іоан. XIX, 3).

Даже и теперь еще Пилать хотѣлъ, надѣялся, даже старался спасти Его. Онъ могъ взглянуть на это страшное бичеваніе не какъ на предварительное наказаніе передъ распятіемъ, а какъ на допросъ посредствомъ пытки, которая однако же не вынудила нивакихъ дальнѣйшихъ признаній. Когда Иисусъ Христосъ приведенъ былъ вновь, когда Онъ съ мученическимъ видомъ стоялъ рядомъ съ нимъ на прекрасной мозаикѣ судилища, — съ кровавыми пятнами на зеленомъ, впивавшемся въ тѣло вѣнцѣ, съ знаками ударовъ и оплеваній на лицѣ, съ смертельнымъ утомленіемъ на безсонныхъ очахъ, въ изношенной багряницѣ, покрытой кровавыми пятнами отъ ранъ Его истерзаннаго тѣла и оставившей, быть можетъ, кровавые слѣды на мозаичномъ полу, даже тогда, даже въ этотъ часъ своего крайняго униженія, когда Онъ въ величій своего святого спокойствія стоялъ на возвышеніи передъ неистовствующей толпой, весь видъ Его поражалъ такимъ богоподобнымъ достоинствомъ, такимъ божественнымъ величіемъ, что у Пилата невольно вырвалось восклицаніе, которое приводитъ въ восторгъ милліоны сердецъ:

ства, такъ и причиненія боли, такъ какъ листья у него широки и шипы особенно остры и крѣпки; но хотя *кубка* очень распространенъ на берегахъ Галилейскаго озера, мы не видѣли его вблизи Іерусалима. Но онъ могъ быть въ саду дворца Иродова, а солдаты, конечно, не много безпокоились о выборѣ и воспользовались первымъ растеніемъ, какое только попало имъ подъ руку.

„Се человекъ!“

Но это восклицаніе вызвало только еще болѣе яростный взрывъ воплей: „распи, распи!“ Одинъ видъ Его, даже въ невыразимомъ униженіи и скорби, только распалалъ ненависть іудеевъ. Напрасно языческой правитель-солдатъ обращается къ человѣчности іудейскихъ священниковъ: ни одно сердце не забилось состраданіемъ, ни одинъ голосъ жалости не прервалъ этого однообразнаго вопля „распи!“ — этого диваго воя ихъ неистоваго служенія смерти. Въ римлянинѣ, который проливалъ кровь, какъ воду, и на полѣ битвы, и въ открытомъ побоищѣ, и въ тайныхъ убійствахъ, легко предположить ледяное и каменное сердце; но еще холоднѣе и жестче было сердце этихъ мелочныхъ обрядниковъ-лицемѣровъ, преданныхъ міру священниковъ. „Возьмите Его вы и распните, съ отвращеніемъ сказалъ Пилать; ибо я не нахожу въ Немъ вины“. Странное рѣшеніе римскаго судьи!—Насколько я вижу, Онъ совершенно невиненъ; но если вамъ *нужно* распять Его — возьмите и распните. Я не могу одобрить этого, но я готовъ сквозь пальцы смотрѣть на нарушеніе вами закона,—какъ бы такъ рассуждалъ Пилать. Но даже и этотъ жалкій, преступный изворотъ не удался ему. Сатана требуетъ отъ своихъ слугъ полного завершения преступленія и наконецъ даже собственноручной подписи въ полномъ согласіи на него. Чего добивались іудеи, чего непременно хотѣли они, это — не молчаливаго снисхожденія, а полного утвержденія. Они уже сознавали свою силу. Они видѣли, что запятанный кровью правитель не смѣетъ стать противъ нихъ; они знали, что римская политика терпитъ уступки мѣстнымъ суевѣріямъ и предразсудкамъ. Смѣло поэтому они бросаютъ всякій вопросъ о политической измѣнѣ и со всѣмъ безстыдствомъ лицемѣрной ревности, разожженной пыломъ злобной страсти, неистово кричатъ: „Мы имѣемъ законъ, и по закону нашему Онъ долженъ умереть, потому что сдѣлалъ себя Сыномъ Божиимъ“.

Сыномъ Божиимъ! Понятіе это было менѣе страннымъ и отталкивающимъ для язычника, чѣмъ для іудея, и слово это, не слышанное имъ прежде, поразило Пилата, какъ третье предзнаменованіе, заставивъ его трепетать отъ преступленія, въ которое онъ вовлекался чувствомъ своей виновности и страха. Еще

разъ оставляя неистовствующую толпу, онъ беретъ Иисуса Христа съ собой во внутренность палаты суда и, „будучи въ своей совѣсти уже христіаниномъ, какъ прекрасно замѣчаетъ Тертуліанъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ спрашиваетъ Его: „Откуда Ты?“ Увы! отвѣчать было уже поздно. Пилать уже слишкомъ глубоко погрязъ въ своей жестокости и несправедливости; собственно *ему* Христосъ говорилъ уже довольно, а для дивихъ звѣрей, что злобно рычали тамъ совнѣ, Ему нечего уже было говорить. Онъ не отвѣчалъ. Тогда почти гнѣвно воскликнулъ Пилать: „мнѣ ли не отвѣчаешь? не знаешь ли, что я имѣю власть распять Тебя, и власть имѣю отпустить Тебя?“ Власть — какъ же такъ? Развѣ уже справедливость ничто? а истина? а невинность? а совѣсть — тоже ничто? Въ дѣйствительности Пилать *не* имѣлъ такой власти; даже въ самовольномъ чувствѣ деспота это было пустой похвальбой, потому что въ этотъ самый моментъ онъ не смѣлъ настаивать на своемъ собственномъ желаніи. Христосъ сжалился надъ безнадежнымъ заблужденіемъ человѣка, котораго преступныя дѣйствія сдѣлали изъ правителя рабомъ. Не укоряя и не смущая его, нѣтъ, даже скорѣе смягчая, чѣмъ усиливая виновность своего судьи, Иисусъ Христосъ кротко отвѣтилъ ему: „ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, еслибы не было дано тебѣ свыше; посему болѣе грѣха на томъ, кто предалъ Меня тебѣ“. Ты дѣйствительно совершаешь великое преступленіе, но Іуда, Анна, Каіафа, эти священники и іудеи — преступниѣ тебя. Такъ съ безконечнымъ достоинствомъ и вмѣстѣ безконечною кротостью Христосъ судилъ своего судью. Въ глубинѣ своего сердца Пилать сознавалъ истину этихъ словъ, молчаливо признавалъ превосходство надъ собой своей связанной, истерзанной жертвы. Все, что оставалось въ немъ человѣчнаго и благороднаго, „сознавало теперь, что такое благодѣтели и какъ прекрасна добродѣтель, сознавало и оплакивало свое паденіе“. Все, что осталось въ душѣ его неиспорченнымъ гордостью и жестокостью, тревожно отозвалось на эти спокойныя слова Сына Божія. Иисусъ осудилъ порочность, и однако же осужденіе это не только не оскорбило его, а напротивъ, усилило его благоговѣніе въ таинственному страдальцу, самая безпомощность котораго казалась величественнѣе и грознѣе самаго страшнаго могущества. Съ этого

времени Пилать еще усиленнѣе заботился о томъ, чтобы спасти Его. Съ бурей въ своей совѣсти онъ въ третій и послѣдній разъ вышелъ на судейское мѣсто и сдѣлалъ еще одно отчаянное усиліе. Онъ вывелъ Иисуса Христа впередъ, и смотря на Него, когда Онъ въ нѣмомъ страданіи спокойно стоялъ на блестящей *Гавваон* или мозаичномъ помостѣ въ виду звѣрскаго буйства толпы, въ порывѣ искренней убѣжденности сказалъ неистовымъ мятежникамъ: „се Царь вашъ!“ Но названіе этого невиннаго, поруганнаго страдальца ихъ царемъ для іудеевъ прозвучало постыдной насмѣшкой. Еще болѣе мрачная струя пробѣжала по кипѣвшей злобой толпѣ. Среди кривовъ „распни!“ начали слышаться злобѣщія угрозы. Было уже около девяти часовъ, и почти уже три часа народъ тутъ волновался и ждалъ. Имя кесаря стало слышаться въ гнѣвномъ ропотѣ народа. „Царя ли вашего распну?“ спросилъ Пилать, давая волю своему раздраженію и скорби въ насмѣшкахъ надъ ними. „Нѣтъ у насъ царя, кромѣ кесаря!“ отвѣчали первосвященники и саддукеи, попирая всякую національную гордость и всякую мессіанскую надежду. „Если отпустишь Его, вопила и вторила чернь, ты не другъ кесарю! Всякій, дѣлающій себя царемъ, противникъ кесарю!“ При этомъ страшномъ, мрачномъ имени кесаря дрогнулъ Пилать. Это было залятое имя, и оно обезоружило его. Онъ вспомнилъ о томъ страшномъ орудіи деспотизма, объ обвиненіи въ *laesa majestas*, оскорбленіи величества, предъ которымъ блѣднѣли всѣ другія обвиненія, которое такъ часто приводило къ конфискаціи и пыткѣ и благодаря которому кровь иногда какъ вода лилась по улицамъ Рима. Ему представился Тиверій, престарѣлый, мрачный императоръ, который тогда жилъ на островѣ Капрей, скрывая отъ людей свое проваженное лицо, свои злобныя подозрѣнія, свое болѣзненное распутство, свою отчаянную месть. Въ это самое время онъ еще больше распаленъ былъ въ своей кровожадной, мизантропической ярости вслѣдствіе обнаружившейся лживости и измѣны его единственнаго друга министра Сеана, а Сеану-то и обязанъ былъ Пилать своимъ положеніемъ. Въ самой толпѣ могли оказаться доносчики. Пораженный ужасомъ, неправедный судія, подчиняясь своимъ собственнымъ страхамъ, сознательно предалъ неповинную жертву на муки смерти.

Арка «Се чeлoвѣкѣ» въ Иерусалимѣ.

Такъ часто прежде оскорбляя справедливость, онъ теперь уже не въ силахъ былъ совершить и одного дѣла справедливости, котораго желалъ. Такъ часто прежде убивая въ себѣ жалость, теперь онъ не смѣлъ уже насладиться сладостнымъ чувствомъ состраданія, которымъ пылалъ. Такъ часто прежде злоупотребляя своею властью, теперь онъ уже безсиленъ былъ употребить ее въ пользу праваго дѣла. По-истинѣ его собственная виновность сдѣлалась для него фуріей-мстительницей, его пороки превратились въ орудіе его наказанія. Когда онъ освобождалъ Вар-Авву и осуждалъ Христа, не пронесли ли въ его памяти тяжкимъ укоромъ торжественныя и благородныя слова двѣнадцати таблицъ: „не должно слушать пустые крики народа, когда они требуютъ оправданія ли виновнаго, или осужденія невиннаго?“ Быть можетъ — да. Во всякомъ случаѣ совѣсть не оставила его въ покоѣ. Онъ послалъ за водой и, умывъ свои руки передъ народомъ, сказалъ: „не виновенъ я въ крови Праведника сего; смотрите вы!“ Неужели онъ думалъ смыть свою вину? Онъ могъ мыть свои руки, но могъ ли омыть и сердце? Не могъ ли онъ съ гораздо большею правдой сказать вмѣстѣ съ царемъ-убійцей въ великолѣпной трагедіи:

Всѣ воды океана могутъ ли смыть кровь
Съ моихъ преступныхъ рукъ? Нѣтъ, эти руки
Скорѣй все море окровавятъ необъятное,
И море синее багровымъ станеть.

Быть можетъ, когда онъ такъ убивалъ свою совѣсть, въ душѣ его промелькнула страшная мысль, выраженная словами родного поэта —

Не думайте, что можно смыть текучею водой
Слѣды ужасныхъ преступленій!

Но если и такъ, то мысль эта мгновенно заглушена была воплемъ—самымъ ужаснымъ и отвратительнымъ, самымъ памятнымъ въ исторіи міра: „*Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!*“... Тогда Пилатъ уступилъ окончательно. Неохотно и съ негодованіемъ произнесъ онъ роковое: *Ibis ad crucem* (Ты долженъ идти на крестъ) и предалъ Христа іудеямъ *на распятіе*.

Но замѣйте мщеніе исторіи. Развѣ не пала кровь Его на нихъ и на чадъ ихъ? Развѣ не пала на всѣхъ тѣхъ, кто были

ближайшими участниками ужаснаго злодѣянія? Прежде чѣмъ еще принесена была страшная жертва, Іуда въ ужасѣ погибъ отъ гнуснаго самоубійства. Каіафа былъ низложенъ въ слѣдующемъ году. Иродъ умеръ въ позорѣ и ссылке. Пилать, очень скоро затѣмъ лишенный прокураторства по тому самому обвиненію, котораго онъ хотѣлъ избѣжать преступной уступкой, гонимый несчастіями, погибъ въ ссылкѣ отъ самоубійства, оставивъ по себѣ лишь проклинаемое имя. Домъ Анны, поколѣніе спустя, былъ разрушенъ разсвирѣпѣвшею чернью, которая съ побоями и бичеваніями волокла его сына по улицамъ, до самаго мѣста убійства. Нѣкоторые изъ тѣхъ, кто были участниками и свидѣтелями ужаснаго зрѣлища этого дня, и тысячи дѣтей ихъ были свидѣтелями и жертвами продолжительныхъ ужасовъ осады Іерусалима, которая безпримѣрна въ исторіи по своей кровавой ошесточенности — той „войны іудейской“, когда какъ бы вся народность обречена была на конечное истребленіе. Іудеи кричали: „нѣтъ у насъ царя, кромѣ кесаря!“ и у нихъ дѣйствительно *не было* царя, кромѣ кесаря. На время только оставивъ за ними призрачную тѣнь мѣстнаго жалкаго самоуправленія, кесари одинъ за другимъ оскорбляли, деспотически давили, грабили и угнетали ихъ, пока наконецъ іудеи яростно не возстали противъ того самаго кесаря, котораго только и хотѣли считать своимъ царемъ, и кесарь потопилъ въ крови храбрѣйшихъ защитниковъ развалины и пепель ихъ осверженнаго храма. Они принудили римлянъ распять своего Христа, считая это наказаніе самымъ ужаснымъ, но сами они и дѣти ихъ тысячами были распинаемы римлянами за стѣнами своего города, такъ что не доставало уже мѣста и лѣса и солдаты изощряли свою изобрѣтательность въ жестокости, придумывая новые способы смертной казни для нихъ. Они дали тридцать сребрениковъ за кровь своего Спасителя, и сами были тысячами продаваемы за еще меньшую цѣну. Они разбойника Вар-Авву предпочли своему Мессіи, и для нихъ уже не было больше Мессіи. Они приняли на себя вину крови, и послѣднія страницы ихъ исторіи залиты рѣвами ихъ крови, и кровь эта съ тѣхъ поръ изъ вѣка въ вѣкъ непрестанно проливалась съ безумною жестокостью. Пусть кто хочетъ видѣть въ подобныхъ

событіяхъ простыхъ, не имѣющихъ особеннаго значенія *случайности* исторіи; но въ исторіи нѣтъ ничего безъ значенія для того, кто смотритъ на нее какъ на голосъ Божій, говорящій въ судьбахъ человѣческихъ. Но будетъ ли человѣкъ видѣть какое-нибудь значеніе въ подобныхъ событіяхъ или нѣтъ, слѣпъ долженъ быть тотъ, кто не видитъ, что съ убіеніемъ Христа събира была уже у корня иссохшаго дерева іудейской народности. Съ того времени Іерусалимъ и его окрестности, съ ихъ „на версты тянущимися надгробными камнями и безконечной мостовой изъ могилъ и гробницъ“, стали не больше, какъ однимъ обширнымъ кладбищемъ, Ажелдамой, полемъ крови, полемъ горшечника для погребенія странниковъ. Вина этой крови какъ клеймо Каиново напечатлѣлась на челѣ этой народности, и она будетъ носить это клеймо, пока оно не смоется этою самою кровью. По милости Божіей кровь эта была пролита и за тѣхъ, которые проливали ее. Тотъ голосъ, который они старались заставить смолкнуть въ смерти, въ своей послѣдней молитвѣ возвышался и за убійцъ своихъ. Да будетъ же и для нихъ искупительна эта кровь! Да будетъ услышана молитва Его!

ГЛАВА LXI.

РАСПЯТИЕ.

Совершилось!

IMILES, exredi spicem — „иди, воинъ, приготовь кресты!“ Въ такихъ знаменательныхъ словахъ Пилать навѣрно отдалъ послѣдній приказъ. Было уже, вѣроятно, девять часовъ, и казнь немедленно послѣдовала за осужденіемъ. Времени для необходимыхъ приготовленій требовалось немного, и въ теченіе этого короткаго промежутка войны, на обязанности которыхъ было наблюдать за исполненіемъ приговора, соевлекли съ Іисуса Христа военный багряный плащъ, теперь еще болѣе запятанный кровью, и надѣли на Него прежнія Его собственныя одежды. Когда крестъ былъ готовъ, они взвалили его или одну часть его на плечи Ему и повели къ мѣсту казни.

Близость большого праздника и огромное стеченіе народа въ Іерусалимѣ навели на мысль воспользоваться этимъ случаемъ для устрашенія всѣхъ злодѣевъ страны. Поэтому для казни въ одно и то же время съ І. Христомъ были выбраны еще двое разбойниковъ и мятежниковъ низшаго разбора. Ихъ кресты были наложены на нихъ, прикомандированъ былъ подъ начальствомъ сотника отрядъ воиновъ въ полномъ вооруженіи, и среди тысячъ холодно любопытныхъ или яростно враждебныхъ зрителей шествіе двинулось въ путь.

Крестъ не былъ и не могъ быть такимъ массивнымъ и высокимъ, какимъ онъ обыкновенно изображается на картинахъ. Распятіе было обыкновеннымъ наказаніемъ у римлянъ, и, понятно, они не много заботились о построеніи этого орудія позора и пытки. Онъ сдѣланъ былъ, вѣроятно, изъ самаго простого дерева, какое случилось подъ рукой, быть можетъ изъ маслины или сивамора, и сбитъ самымъ грубымъ способомъ. Однако же, чтобы выдержать человѣка, крестъ требовался значительнаго объема и тяжести, и нести такую ношу для истощеннаго страшною жестокостью недавняго бичеванія страдальца было бы новымъ мученіемъ. Но Іисусъ Христосъ былъ смертельно истомленъ не только этою жестокостью, но и предшествовавшими днями страшной внутренней борьбы и муки, сильными волненіями на вечера, безпокойствомъ и страданіемъ бессонной ночи, нравственнымъ потрясеніемъ въ саду Геосиманскомъ, тремя допросами и тремя смертными приговорами со стороны іудеевъ, долгими и томительными сценами въ преторіи, допросомъ передъ Иродомъ, звѣрскими и мучительными издѣвательствами, которымъ Онъ подвергался сначала отъ членовъ синадріона и ихъ слугъ, затѣмъ отъ тѣлохранителей Ирода, и наконецъ отъ римской когорты. Все это, вмѣстѣ съ убійственнымъ истязаніемъ бичеванія, окончательно сломило Его тѣлесную крѣпость. Его подкашивающіяся ноги, а быть можетъ и паденіе подъ страшной ношей, явно давали знать, что Онъ не въ силахъ донести креста отъ преторіи на Голгоу. Если бы даже воины и не сожалели надъ Его слабостью, они естественно не могли допустить отсрочки или замедленія въ исполненіи казни. Но они нашли легкій способъ устранить затрудне-

ніе. Не успѣли они еще выйти за городскія ворота, какъ встрѣтили шедшаго съ поля человекѣа, извѣстнаго первымъ христіанамъ подъ именемъ „Симона Киринайскаго, отца Александра и Руфа“. Быть можетъ по намекамъ кого-нибудь изъ сопутствовавшихъ іудеевъ на счетъ сочувствія Симона ученію Божественнаго Страдальца, воины безъ малѣйшей застѣнчивости заставили его нести позорное орудіе казни.

Ужасное шествіе вновь двинулось въ путь. Апокрифическія преданія римской церкви разсказываютъ множество событій изъ этого „скорбнаго пути“—*via dolorosa*,—но въ евангельской исторіи разсказывается только единственный случай. Ев. Лука передаетъ, что среди множества народа, слѣдовавшаго за Іисусомъ Христомъ, было много и женщинъ. Отъ *мужчинъ* въ этой двигающейся народной массѣ Онъ повидимому не получилъ ни единого слова состраданія или сочувствія. Тутъ навѣрно были кое-кто изъ тѣхъ, которые видѣли Его чудеса, слышали Его ученіе; кое-кто изъ тѣхъ, которые, слушая Его великія бесѣды, произносившіяся Имъ въ храмѣ, если не совсѣмъ, то почти были убѣждены въ Его мессіанствѣ; несомнѣнно кое-кто изъ той толпы, которая пять дней тому назадъ сопровождала Его восторженными кликами „осанна!“ и привѣтствовала съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ. Если и такъ, то маловѣрная робость или глубокое уныніе, быть можетъ даже безграничная скорбь — смыкали имъ уста. Но женщины, болѣе отзывчивыя на состраданіе, менѣе способны управлять своими чувствами, не могли и не хотѣли скрывать скорби и ужаса, которыми наполняло ихъ это зрѣлище. Они били себя въ грудь и воздухъ оглашали плачемъ, пока самъ Іисусъ Христосъ не заставилъ ихъ прекратить эти вопли словами торжественнаго предостереженія. Обращаясь къ нимъ (чего Онъ не могъ бы сдѣлать, еслибы былъ обремененъ тяжестью своего креста), Онъ сказалъ имъ: „Дщери іерусалимскія! не плачьте обо Мнѣ, но плачьте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ. Ибо приходятъ дни, въ которые скажутъ: блаженны неплодныя, и утробы неродившія, и сосцы непитавшіе. Тогда начнутъ говорить горамъ: падите на насъ, и холмамъ: покройте насъ. Ибо если съ зеленѣющимъ деревомъ это дѣлаютъ, то съ сухимъ что будетъ?“ Съ ихъ сто-

роны это былъ только взрывъ женственныхъ потрясенныхъ чувствъ, которыхъ онѣ не могли подавить при видѣ того, какъ великій Пророкъ челоѳчества переживалъ часъ позора и слабости, какъ шедшій впереди Его герольдъ объявлялъ о преступленіяхъ, въ которыхъ Онъ обвинялся, какъ римскіе воины несли насмѣшливый титулъ Его, а Симонъ сгибался подъ тяжестью дерева, въ которому должны были пригвоздить Его. Но Онъ предостерегалъ ихъ, что не все свое горе выплачутъ онѣ при настоящемъ зрѣлищѣ: гораздо горшія бѣдствія ожидаютъ ихъ самихъ, дѣтей ихъ и весь народъ ихъ. Многія изъ нихъ и большинство ихъ дѣтей доживутъ до того времени, когда увидятъ такія рѣви кровопролитія, такія ужасающія страданія, какихъ не видѣлъ прежде міръ, — настанутъ дни, когда страданія будутъ превосходить способность выносливости челоѳческой и заставятъ людей желать скрыться, еслибы только было возможно, подъ самой горой, на которой стоитъ ихъ городъ. Смоковница ихъ національной жизни еще зеленѣетъ: если такія темныя дѣянія возможны *теперь*, то что будетъ тогда, когда дерево увянетъ и посохнетъ и годно будетъ только для сожженія? Если во дни благоденствія и надеждъ они могли предать проклятію своего Избавителя, то что будетъ во дни богохульства, безумства и отчаянія? Если при полномъ свѣтѣ дня первосвященники и книжники могли распять Неповиннаго, то что будетъ дѣлаться во время полуночныхъ оргій и кровавыхъ вакханалій изувѣровъ и убійцъ? Это былъ день торжества преступления; то будетъ день, когда преступленіе сдѣлается самоотмщающей фуріей. Торжественное предостереженіе, послѣдняя проповѣдь Христа на землѣ прежде всего относились къ тѣмъ, которые ихъ слышали; но подобно всѣмъ поученіямъ Христа они имѣютъ и болѣе глубокое, болѣе широкое значеніе — для всего челоѳчества. Слова эти напоминаютъ всякому сыну земли, что за днемъ беззаботныхъ наслажденій и богохульственнаго невѣрія послѣдуетъ грозный судъ; они предостерегаютъ всякое челоѳческое существо, которое живетъ наслажденіемъ на землѣ, ѣсть, пить и упивается, что хотя Богъ и долготерпѣливъ и до времени безмолвно смотритъ на грѣхи челоѳ-

ческіе, но настануть дни, когда Онъ возглаголетъ въ громъ и гнѣвъ Его будетъ подобенъ огню палающему.

Но вотъ шествіе приблизилось уже къ роковому мѣсту, называемому Голгоѳой или Лобнымъ мѣстомъ. Почему оно такъ называлось — неизвѣстно. Возможно, что это было обычное мѣсто казни, или быть можетъ получило свое названіе отъ обнаженнаго, круглаго лобообразнаго возвышенія. Принято называть его „горой Голгоѳой“, но евангелисты просто называютъ его „мѣстомъ, а не „горой“. Касательно мѣстоположенія Голгоѳы написаны цѣлые томы, но опредѣленнаго ничего неизвѣстно. Для болѣе или менѣе достовѣрнаго опредѣленія совершенно нѣтъ данныхъ, и по всей вѣроятности дѣйствительное мѣсто ея погребено и забыто подъ горами развалинъ много разъ разорявшагося города. Скалистая и обрывистая гора, изображаемая обыкновенно на картинахъ, есть простой плодъ воображенія, равно какъ и черепъ или голова Адамова, часто изображаемая у подножія креста. Какъ самое изумительное и потрясающее событіе въ исторіи человѣчества, распятіе Христа, естественно, вызвало множество разныхъ сказаній; но все, что мы знаемъ о Голгоѳѣ, что будемъ всегда знать и что Богу угодно было открыть намъ, это то, что она находилась внѣ городскихъ воротъ. Религія Христа духовна, памятники и святые мѣста въ ней имѣютъ лишь второстепенное значеніе; она не говоритъ своимъ чадамъ: „вотъ здѣсь“ или „вотъ тамъ“, но—„царство Божіе внутри васъ“.

Какъ ни звѣрско и не возмутительно было само по себѣ названіе посредствомъ распятія, теперь вотъ уже болѣе какъ полторы тысячи лѣтъ отмѣненное благодаря общему чувству отвращенія въ нему человѣчества, какъ у іудеевъ, такъ и у римлянъ были обычаи, которые обнаруживаютъ нѣкоторую сострадательность и человѣчность. Римскій обычай состоялъ въ томъ, что страдальцу наносился подъ мышку ударъ, который, не причиняя смерти, однако же ускорялъ ее. О немъ нѣтъ надобности говорить, потому что онъ почему-то не былъ соблюденъ въ этотъ разъ. Іудейскій же обычай, который, повидимому, обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ болѣе мягкой натурѣ іудейства и основывался на счастливомъ толкованіи раввинами Притч. xxxi, 6, состоялъ въ томъ, что осужденному, немедленно послѣ совершенія казни,

давался глоток вина, приправленнаго сильнымъ усыпляющимъ средствомъ. Это одуряющее питье обыкновенно заготовляли богатыя дамы Иерусалима на собственный счетъ и давали его всякому преступнику, независимо отъ личныхъ симпатій. Оно, вѣроятно, было охотно принято двумя разбойниками, но когда было предложено Иисусу Христу, то Онъ не хотѣлъ его принять. Отвазъ этотъ былъ дѣломъ необычайнаго геройства. Цѣлью напитка было притупить нервы, отуманить умъ, сдѣлать нечувствительнымъ по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой части медленныхъ мукъ этой ужасной смерти. Но Тотъ, кого новѣйшіе невѣры съ безстыдствомъ обвиняютъ въ женственной слабости и трусливомъ отчаяніи, предпочелъ „смотреть смерти въ лицо“, встрѣтить ее во всемъ ея ужасѣ, не ослабляя ни одного мучительнаго чувства и не утишая судорожныхъ болей своихъ истерзанныхъ нервовъ.

Всѣ три креста были положены наземь, причемъ крестъ Иисуса Христа, который несомнѣнно былъ выше другихъ, помѣщенъ былъ для бдльшаго издѣвательства въ срединѣ. Только теперь, быть можетъ, прибили поперечину, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ верхинѣ, креста была прибита теперь и доска съ надписью, которую или самъ Иисусъ Христосъ несъ повѣшенною у себя на шеѣ, или одинъ изъ воиновъ впереди Его. Послѣ этого съ Него сняли одежды, и затѣмъ послѣдовалъ самый страшный моментъ. Его положили на орудіе казни. Руки Его растянули вдоль перекладины, и по срединѣ открытыхъ ладоней наставлено было по огромному гвоздю, которые ударами молота вогнали въ дерево. Затѣмъ въ каждую ногу отдѣльно или быть можетъ, если онѣ были положены одна на другую, черезъ обѣ вмѣстѣ вбитъ былъ новый огромный гвоздь. Привязали ли вмѣстѣ съ тѣмъ страдальца ко кресту, мы не знаемъ; но чтобы руки и ноги не разорвались подъ тяжестью тѣла, которое „покилось только на четырехъ ужасныхъ ранахъ“, по срединѣ креста сдѣланъ былъ деревянный выступъ, достаточно крѣпкій для того, чтобы по крайней мѣрѣ отчасти поддерживать человѣческое тѣло, скоро тяжелѣвшее отъ муки.

Вѣроятно въ этотъ именно моментъ невообразимаго ужаса раздался голосъ Сына Божія—не съ воплемъ естественной муки

Скорбный путь. Via dolorosa.

при этой страшной казни, а съ спокойной мольбой въ Божественному милосердію за своихъ звѣрскихъ и безжалостныхъ убійць, да и за всѣхъ тѣхъ, которые по своему грѣховному невѣденію распинаютъ Его вновь: „Отче! прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ“.

И затѣмъ „проклятое дерево“ *), съ висящимъ на немъ въ беспомощной муцѣ живымъ человѣческимъ тѣломъ, при каждомъ движеніи терпѣвшимъ все новыя терзанія отъ новыхъ разрывовъ въ рукахъ и ногахъ, медленно было поднято воинами и нижній конецъ его твердо былъ установленъ въ нарочно вырытой для этой цѣли ямѣ. Ноги лишь немного возвышались надъ землю. Жертва была вполне доступна всѣмъ, такъ что всякій, кто только хотѣлъ, могъ выразить свою ненависть ударами и всевозможными издѣвательствами. Въ теченіе цѣлыхъ часовъ пребыванія на крестѣ Онъ могъ подвергаться издѣвательствамъ и даже пыткамъ со стороны постоянно передвигающейся толпы, которая съ отличающимъ грубое сердце желаніемъ неустанно тѣснилась посмотрѣть на ужасное зрѣлище, отъ котораго скорѣе нужно бы было плакать кровавыми слезами.

Въ мукахъ распятія, которыя съ каждымъ моментомъ становились все болѣе и болѣе ужасны, несчастныя жертвы долго могли бы томиться отъ этой заживо наступающей смерти. Онѣ были такъ жестоки, что часто сами страдальцы вынуждены были просить и умолять зрителей или исполнителей казни изъ простой жалости положить конецъ этимъ нестерпимымъ страданіямъ; до конца сохраняя сознаніе, они часто со слезами мучительнаго отчаянія просили у своихъ враговъ безцѣннаго для нихъ дара—смерти. Отсюда много было примѣровъ, когда осужденныхъ сначала задушали или почти убивали и затѣмъ уже распинали; были также примѣры, когда осужденные большими поддупами добивались этого ужаснаго, но благодѣтельнаго преимуществу.

*) Теперь, когда это „древо проклятія и позора“ носится на скипетрахъ, изображается на коронахъ царей и служитъ предметомъ благоговѣнія миллионъ, мы едва ли можемъ вообразить то отвращеніе и ужась, съ которыми смотрѣли на него, когда оно было только синонимомъ „муки, вины и позора“.

И дѣйствительно, смерть чрезъ распятіе заключала въ себѣ все, что только мука и смерть могутъ имѣть ужаснаго и нестерпимаго: головокруженіе, судороги, жажду, голодь, лихорадку, изступленіе, всенародный позоръ, продолжительность мученій, ужасъ ожиданія смерти, воспаленіе ранъ; — и все это усилено настолько, насколько могло быть выдержано, и немного лишь не доведено до той степени, на которой для страдальца послѣдовало бы облегченіе въ неосознательности. Неестественное положеніе дѣлало каждое движеніе мучительнымъ; воспаленныя вены и разодранныя жилы подергивались съ непрестанною болью; зіяющія раны постепенно заражались антоновымъ огнемъ; артеріи, особенно въ головѣ и желудкѣ, крайне надувались и напрягались отъ переполненія кровью, и вдобавокъ во всѣмъ этимъ постепенно усиливавшимся страданіямъ присоединялась нестерпимая мука жгучей, отчаянной жажды. Сочетаніе всѣхъ этихъ тѣлесныхъ страданій причиняло такую внутреннюю тоску, которая самой смерти, — этому страшному таинственному врагу, при одномъ приближеніи котораго обыкновенно содрогается человѣкъ, — придавало видъ желанной и сладостной избавительницы.

Такова была смерть, на которую осужденъ былъ Христосъ; и хотя для Него она счастливо ускорила отъ всего вынесеннаго Имъ предварительно, Онъ все-таки томился на крестѣ съ полдня и почти до солнечнаго захода, прежде чѣмъ „испустилъ духъ“.

Когда уже былъ поднятъ крестъ, вожди іудеевъ впервые ясно замѣтили смертельное оскорбленіе, нанесенное имъ Пилатомъ. Въ своемъ слѣпомъ неистовствѣ они воображали, что способъ распятія былъ поруганіемъ, направленнымъ на *Исуса*; но теперь, когда они видѣли Его висящимъ между двумя разбойниками, но на болѣе высокомъ крестѣ, имъ сразу стало ясно, что эта казнь была публичнымъ поруганіемъ для нихъ самихъ. На бѣлой деревянной покрытой гипсомъ доскѣ, такъ ясно выдававшейся надъ головою *Исуса*, на крестѣ виднѣлась черная надпись на трехъ извѣстнѣйшихъ языкахъ древняго міра, — на тѣхъ трехъ языкахъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одинъ навѣрно былъ знакомъ каждому въ собравшейся тутъ толпѣ, —

именно на официальном латинскомъ, ходячемъ греческомъ и туземномъ арамейскомъ. Надпись гласила, что этотъ человекъ, который претерпѣвалъ такимъ образомъ позорную рабскую смерть, этотъ человекъ, распятый въ глазахъ всего міра между двумя злодѣями, былъ

Царь іудейскій.

Для Распятого никакая низкая ложь не могла имѣть ничего поругательнаго. Онъ царствовалъ даже на крестѣ; даже тамъ Онъ былъ какъ бы божественно превознесенъ надъ приведенными Его въ смерти первосвященниками и грубой, праздною, нахальной толпой, собравшейся услаждаться Его страданіями. Низкая злоба бессильна была противъ Того, духовное и нравственное величіе котораго внушало благоговѣніе умирающимъ злодѣямъ и языческимъ палачамъ, даже въ безднѣ своего уничтоженія. Въ злой насмѣшкѣ римскаго правителя вѣроятно была и искра серьезности. Злорадно отмщая своимъ ненавистнымъ подчиненнымъ поступкомъ публичнаго оскорбленія, Пилатъ вѣроятно имѣлъ въ виду отчасти выразить и то, что это былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ дѣйствительно царь іудейскій, — величайшій, благороднѣйшій и правдивѣйшій человекъ въ своемъ народѣ, котораго поэтому и распялъ народъ. Не Царь былъ недостойнъ своего царства, а царство—Царя. Нѣчто гораздо выше нѣе даже царственности свѣтилось въ этихъ кроткихъ глазахъ, которые не переставали скорбно смотрѣть на городъ праведныхъ, ставшій теперь городомъ убійцъ. Іудеи вполне поняли злостность насмѣшки, съ которой Пилатъ отнесся къ нимъ. Она совершенно отравила ихъ дикое торжество, и они отправили къ Пилату депутацію изъ священниковъ, прося его перемѣнить возмущавшую ихъ надпись. „Не пиши, сказали они, Царь іудейскій, но что Онъ *говорилъ*: Я Царь іудейскій“. Но смѣлость Пилата, такъ быстро улетучившаяся при имени вesarя, теперь ожила вновь. Онъ радъ былъ какимъ бы то ни было способомъ досадить и сдѣлать наперекоръ людямъ, мятежные вопли которыхъ заставили его утромъ поступить противъ желанія. Не многіе могли съ такою силою выражать свое высочайшее презрѣніе, какъ римляне. Не удостаивая даже оправ-

данія своего поступка, Пилать сразу же отпустилъ гордыхъ іерарховъ съ короткимъ и презрительнымъ отвѣтомъ: „что я написалъ, то написалъ“.

Чтобы воспрепятствовать возможности какой-нибудь попытки снятія со креста (извѣстны были случаи, когда преступниковъ снимали и возвращали въ жизни), около крестовъ была поставлена стража изъ четырехъ воиновъ — кватерніонъ — съ сотникомъ. Одежды жертвъ всегда доставались въ добычу тѣмъ, которымъ приходилось нести эту тяжелую и неприятную обязанность. Поэтому воины, не подозрѣвая нисколько, какъ точно исполняли они таинственныя предсказанія древняго пророчества, приступили въ дѣлежу одеждъ Іисуса Христа между собою. *Талмъ* они разодрали на четыре части, вѣроятно распоровъ его по швамъ; *кетоневъ* же или хитонъ, сорочка, былъ сдѣланъ изъ одной сплошной ткани и раздирать его значило бы только испортить. Поэтому они порѣшили предоставить его въ собственность тому, кому выпадетъ по жребію. Покончивъ съ дѣлежомъ, воины сѣли и сторожили распятыхъ, коротая свучные часы ѣдой и питьемъ, разговоромъ и игрой въ кости.

Зрѣлище было возмутительное. Большинство народа, повидимому, молча стояло и смотрѣло на кресты; но нѣкоторые изъ проходившихъ мимо креста, быть можетъ, нѣкоторые изъ жесвидѣтелей и другихъ злоумышленниковъ предшествовавшей ночи, все еще издѣвались надъ Іисусомъ въ оскорбительныхъ возгласахъ и насмѣшкахъ, въ особенности предлагая Ему сойти со креста и спасти самого себя, если ужъ Онъ такъ могущъ, что могъ разрушить храмъ и въ три дня построить его. И сами первосвященники, книжники и старѣйшины, менѣ смущенные, менѣ сострадательные, чѣмъ масса народа, не стыдились срамить своихъ сѣдыхъ волосъ и сана, и свои издѣвательства присоединяли къ издѣательствамъ злобнаго меньшинства.

Не сдерживаемые муками Страдальца, не насытивъ чувства своего злобнаго мщенія, не тронутые зрѣлищемъ безпомощной муки и взоромъ начинавшихъ уже меркнуть глазъ, они подъ самымъ крестомъ съ насмѣшливою дерзостью переговаривались другъ съ другомъ: „Другихъ спасалъ, а Себя не можетъ спасти. Христось, Царь Израилевъ, пусть сойдетъ теперь съ креста,

чтобы мы видѣли, и увѣруемъ“. Неудивительно, что невѣжественные воины приняли участіе въ этомъ издѣвательствѣ вмѣстѣ съ этими безстыдными іерархами; неудивительно, что и во время вѣды они забавлялись надъ умирающимъ Страдальцемъ, подносили къ Его воспламененнымъ устамъ чашу съ кислымъ виномъ и вторили насмѣшкамъ іудеевъ надъ безсиліемъ Царя, престоломъ котораго былъ крестъ и короной терновый вѣнецъ. Мало того, даже жалкіе злодѣи, распятые вмѣстѣ съ нимъ, заразились тѣмъ же. Товарищи бытъ можетъ отпущеннаго Вар-Аввы, преемники мятежныхъ неистовствъ Іуды Гавлонита, привышіе признавать только одного мессію—мессію меча и разбоя, они съ ругательствами обращались къ Іисусу, что если Онъ дѣйствительно Мессія, то пусть спасетъ Себя и ихъ. Такимъ образомъ, вокругъ распятаго Христа раздавались голоса богохульства и злобы, и во время долгой и медленной агоніи смерти ухо Его не слышало ни одного звука благодарности, состраданія или любви. Низость, лживость, звѣрство, изступленіе—вотъ съ чѣмъ нагло выступало человѣчество предъ послѣднимъ угасаніемъ сознанія своего Спасителя, вотъ какой грязный потокъ человѣческаго нечестія бушевалъ подъ крестомъ предъ меркнувшимъ взоромъ Христа.

Но среди этого хора издѣвательствъ безмолвствовалъ Христосъ. Онъ могъ бы говорить. Муки распятія не отуманивали разума, не отнимали способности рѣчи. Мы знаемъ, что многіе распятые, цѣлые часы вися на крестѣ, всякій по своему выражали свою скорбь, бѣшенство или отчаяніе, иные неистовствовали и проклинали, плевали на своихъ враговъ; другіе съ унижительными просьбами умоляли о состраданіи; а одинъ даже съ своего креста, какъ съ трибуны, обращаясь съ рѣчью къ толпѣ своихъ соотечественниковъ и изобличалъ ихъ въ негодности и порокахъ. Но Іисусъ Христосъ никогда ничего не говорилъ, кромѣ словъ благословенія и поученія, кромѣ того, что могло послужить къ счастью и благу другихъ. Несмотря на всѣ издѣательства прохожихъ, первосвященниковъ и членовъ синедріона, воиновъ и этихъ жалкихъ злодѣевъ, страдавшихъ вмѣстѣ съ Нимъ, Онъ, какъ раньше на допросахъ, такъ и теперь на крестѣ, не нарушалъ своего царственнаго безмолвія.

Но это безмолвіе вмѣстѣ съ терпѣливымъ величіемъ, божественною святостью и невинностью, свѣтлымъ ореоломъ освѣтившими лицо Его, было краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Прежде всего оно тронуло одного изъ распятыхъ разбойниковъ. Этотъ „добрый разбойникъ“ сначала, повидимому, также отчасти присоединился къ упрекамъ, приносимымъ со стороны его товарища по преступленію; но когда эти упреки перешли въ дикое богохульство, онъ высказалъ, что у него собственно было на душѣ. Вѣроятно онъ и раньше встрѣчалъ Иисуса Христа, слышалъ Его ученіе и быть можетъ былъ однимъ изъ тѣхъ тысячъ народа, которыя видѣли Его чудеса. Преданіе приписываетъ ему имя Дисмы, и о немъ существуетъ прекрасное сказаніе, что онъ спасъ жизнь Приснодѣвѣ и Ея Младенцу во время ихъ бѣгства въ Египетъ. Во всякомъ случаѣ очень возможно, что на равнинахъ Геннисарета онъ иногда приближался къ Иисусу Христу, выходя изъ какой-нибудь разбойничьей пещеры въ дивныхъ оврагахъ долины Голубей, и быть можетъ былъ однимъ изъ тѣхъ мытарей и грѣшниковъ, которые тѣснились къ Нему — послушать Его. И слова Христа нашли добрый уголокъ въ его сердцѣ: не всѣ пали на каменистую почву, и въ самый часъ позора и смерти, когда онъ несъ праведное возмездіе за свои прошлыя злыя дѣянія, вѣра восторжествовала въ немъ. Какъ среди угасающаго востра иногда вдругъ вспыхиваетъ пламя, такъ и подъ пепломъ грѣховной жизни, толстымъ слоемъ лежавшимъ на его сердцѣ, еще не совсѣмъ погашено было пламя любви къ Богу и Спасителю. Во всѣхъ адскихъ выкрикахъ и вопляхъ, раздававшихся вокругъ креста Господа Иисуса, слышалось какое-то тайное тягостное предчувствіе. Часть ихъ видимо вызывалась сомнѣніемъ и страхомъ. Даже въ самопоздравленіяхъ первосвященниковъ и книжниковъ слышится затаенное чувство опасенія. А что, если даже теперь совершится какое-нибудь величественное чудо? Что, если даже теперь это мученическое тѣло мгновенно заблестаетъ величіемъ Мессіи, и Царь, казавшійся въ послѣдней агоніи позорной смерти, вдругъ грозно созоветъ легіоны ангеловъ и, сойдя со креста на облакъ небесномъ, въ пламени огненномъ обратится съ отмщеніемъ на своихъ враговъ? Самый воздухъ, казалось, былъ полонъ предзнаменованій. На

небѣ сгущалась тьма, подъ ногами дрожала и сотрясалась земля, кругомъ чуялось вѣяніе какихъ-то страшныхъ привидѣній, которыя, витая надъ ужаснымъ зрѣлищемъ, приводили сердца присутствующихъ въ оцѣпенѣніе. Умирающій разбойникъ сначала полупрезрительно и съ полусожалѣніемъ относился къ слабости и униженію, которыя такъ противорѣчили тому, на что онъ надѣялся; но теперь эта слабость стала казаться ему сильнѣе могущества, это униженіе славнѣе побѣды. Когда онъ смотрѣлъ на Иисуса, мерцавшая въ сердцѣ его вѣра разгоралась все больше и больше—въ цѣлое пламя. Онъ уже давно пересталъ издѣваться; теперь онъ уже упрекалъ своего товарища за богохульство. Развѣ эта невинность висѣвшаго между ними Страдальца не должна была устыдить и заставить смолгнуть ихъ — неспихъ праведное возмездіе за свои преступленія? И затѣмъ, повернувъ голову къ Иисусу Христу, онъ умиленно воскликнулъ: „Помани меня, Господи, когда приидешь во царствіе Твое!“ Тогда Тотъ, который оставался нѣмъ среди издѣвательствъ, сразу же отвѣтствовалъ на смиренную мольбу: „Истинно говорю тебѣ, нынѣ же будешь со Мною въ раю“.

Хотя никто не сказалъ ни слова въ утѣшеніе Спасителю на крестѣ, хотя глубокая скорбь, ужасъ и смущеніе свовали у всѣхъ языкъ, но въ толпѣ были все-таки люди, сердца которыхъ бились сочувствіемъ къ великому Страдальцу. Въ отдаленіи стояло нѣсколько женщинъ, которыя смотрѣли на Него, даже въ этотъ страшный часъ, ожидая быть можетъ немедленнаго избавленія. Въ большинствѣ это были тѣ женщины, которыя служили Ему въ Галилеѣ и пришли оттуда въ праздникъ съ другими галилейскими богомольцами. Виднѣе всѣхъ въ этой ужасомъ обвѣтой группѣ выдавалась пресв. мать Его Марія, Марія Магдалина, Марія, жена Клеопы, мать Іакова и Іосіа, и Саломія, жена Зеведея. Нѣкоторыя изъ нихъ все ближе и ближе украдкой подвигались къ кресту, и наконецъ томный взоръ Спасителя палъ на Его мать Марію, когда она съ пронзившимъ ея сердце оружіемъ скорби стояла вмѣстѣ съ ученикомъ, котораго любилъ Онъ. Во время Его служенія мать Его, повидимому немного бывала съ Нимъ. Обязанности и заботы по скромному хозяйству, быть можетъ, дѣлали это невозможнымъ для нея. Во

всякомъ случаѣ мы слышимъ о ней только тогда, когда она бывала съ Его братьями и вмѣстѣ съ ними старалась по своему направить Его мессіанское служеніе независимо отъ Его собственныхъ намѣреній и воли. Но хотя при самомъ началѣ служенія Онъ кротою далъ ей знать, что земное и сыновнее отношеніе должно было уступить мѣсто другому, болѣе возвышенному и божественному, и хотя такое окончаніе всѣхъ ея лучшихъ надеждъ должно было подвергнуть ея вѣру тяжкому испытанію скорби, она все-таки сохраняла вѣру въ Него до самаго послѣдняго часа Его униженія и хотѣла сдѣлать для Него все, что только могутъ сдѣлать материнское сочувствіе и любовь. Самъ же Онъ никогда не могъ забыть той, которая склонилась надъ Его колыбелью и съ которой провелъ Онъ первыя тридцать лѣтъ своей жизни въ хижинѣ Назарета. Съ нѣжною заботливостью и скорбью думалъ Онъ о будущности, ожидавшей ее въ теченіе остальныхъ лѣтъ ея жизни на землѣ,—тѣхъ лѣтъ, которыя будутъ отягчены тревогами и гоненіями на распространяющуюся вѣру. Послѣ воскресенія ей суждено быть съ апостолами, и тому апостолу, котораго Онъ любилъ больше всѣхъ, который былъ ближе къ Нему въ сердцѣ и жизни, лучше всего было поручить и заботу о ней. Ему поэтому, Іоанну, котораго Онъ любилъ больше, чѣмъ братьевъ своихъ,—Іоанну, голова котораго на тайной вечери склонилась къ Нему на грудь, Онъ отдалъ ее на попеченіе. „Жено, сказалъ Онъ ей въ немногихъ, но дышащихъ глубокою нѣжностью словахъ, **се сынъ твой**“, и обращаясь къ Іоанну: „**се мать твоя**“. Онъ не могъ сдѣлать движенія своими пригвожденными руками, но могъ показать наклоненіемъ головы. Въ безмолвномъ волненіи выслушали они эти слова, и съ этого времени, быть можетъ даже съ этой минуты, уводя ее отъ зрѣлища, которое только терзало ея душу безплодной мукой, „ученикъ тотъ взялъ ее къ себѣ“.

Быль уже полдень, и въ святомъ городѣ солнце должно бы освѣщать страшное зрѣлище пальцами лучами нашего лѣта. Но вмѣсто этого небо было мрачно, и полуденное солнце въ этотъ великій и страшный день Господень „обратилось во тьму“. Это не могло быть естественнымъ затменіемъ, потому что во время пасхи было полнолуніе; но это было одно изъ

тѣхъ „знаменій на небѣ“, которыхъ напрасно добивались фари́сеи во время земного служенія Христа. Древніе отцы въ подтвержденіе этой тьмы ссылались на языческихъ писателей — историка Фалла и лѣтописца Флегонта; но мы не имѣемъ возможности провѣрить точность этихъ ссылокъ, и очень возможно, что тьма эта была мѣстною и покрыла только преступный городъ и его окрестности. Но какою бы она ни была, ясно то, что она еще больше усилила тайное предчувствіе всѣхъ видѣвшихъ ее. Издѣвательства и насмѣшки іудейскихъ священниковъ и воиновъ-язычниковъ очевидно ограничивались только первыми часами распятія, а затѣмъ какъ виновные, такъ и невинные одинаково объаты были чувствомъ трепета и ужаса. О событіяхъ послѣднихъ трехъ часовъ въ евангеліяхъ не сообщается ничего: это страшное потемнѣніе полуденнаго солнца могло привести всѣхъ въ оцѣпенѣніе, о которомъ нечего было сообщать. Что *тогда* претерпѣлъ Иисусъ Христосъ за насъ и за наше спасеніе — мы не можемъ знать, потому что въ теченіе этихъ часовъ Онъ висѣлъ на крестѣ въ безмолвіи и мракѣ, или если и говорилъ, то некому было передать Его словъ. Но въ концу этого времени муки Его достигли своей высшей степени, и Онъ, въ конецъ лишенный той славы, которую имѣлъ отъ начала міра, до дна выпивъ чашу униженія и горечи, претерпѣвъ не только лишеніе принятаго имъ на себя зрака рабія, но и послѣднее поруганіе, какое только человѣческая злоба можетъ причинить безпомощному рабу, произнесъ таинственное воззваніе, полного значенія котораго никогда не постигнуть человѣку:

„Илі́, или́! лама савахѣани, то-есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставилъ?“

Для выраженія своей скорби Онъ заимствовалъ эти слова изъ псалма, въ которомъ Давидъ выражалъ свою скорбь и въ которомъ древніе отцы справедливо видѣли древнее пророчество о страданіи Христа. Въ этотъ часъ Онъ былъ оставленъ всѣми. Страданія Его становились все глубже и глубже, пока наконецъ, при самомъ приближеніи смерти, которая Ему, какъ Богу, ставшему человѣкомъ, была еще ужаснѣе, чѣмъ всякому изъ сы-

новъ человѣческихъ, казалось, даже Его божественная человѣчность не могла выносить ихъ больше.

Голосъ Страдальца въ этомъ страшномъ душевномъ потрясеніи, которое для всякаго другого было бы верхомъ отчаянія, несомнѣнно раздался громко; но отъ состоянія, въ которомъ находился Иисусъ Христосъ, онъ сталъ не такъ внятень и отчетливъ. Поэтому во мракѣ, при смѣшанномъ шумѣ и глухомъ топотѣ движущейся толпы многіе не разслышали, что Онъ сказалъ. Они уловили только первыя слова и передавали другъ другу, что Онъ призывалъ Ілію. Живость, съ которою они поддались этому ложному впечатлѣнію, служить новымъ доказательствомъ того диваго состоянія возбужденности и ужаса, невольнаго страха передъ чѣмъ-то великимъ, непредвидѣннымъ и ужаснымъ, которое они чувствовали послѣ прежнихъ своихъ дерзкихъ издѣвательствъ. Ілія, великій пророкъ Вѣтхаго Завета, былъ неразлученъ со всѣми іудейскими ожиданіями Мессіи, и эти ожиданія были страшны. Пришествіе Іліи должно было ознаменоваться наступленіемъ ужаснаго дня, въ который солнце померкнетъ, луна обратится въ кровь и силы небесныя поколеблются. Полуденное солнце уже окуталось неестественной мглой: не разверзнутся ли сейчасъ небеса и не сойдетъ ли грозный пророкъ, который прикоснется къ городамъ и они воздымятся? Неясныя опасенія чувствовавшихъ свою вину преступниковъ не оправдались. Пока не таковъ еще былъ способъ дѣйствій Бога. Его внушенія человѣку еще на многіе вѣка должны были состоять не въ громѣ и землетрясеніи, не въ бушующемъ вѣтрѣ или рокоцущемъ пламени, а въ „тихомъ голосѣ“, говорящемъ всегда среди кажущагося безмолвія времянь шепотомъ, внятнымъ лишь сердцу человѣческому. Въ немъ нѣтъ ни рѣчи, ни языка, хотя и слышится голосъ.

Но быстро приближался и самый конецъ. Иисусъ Христосъ, который висѣлъ уже почти шесть часовъ на крестѣ, страдалъ отъ той мучительной жажды, которую труднѣе всего сносить тѣлу человѣческому, быть можетъ отъ самаго мучительнаго изъ всѣхъ страданій, которыя сочетались въ этой худшей формѣ смерти. Эта палящая жажда несомнѣнно усиливалась при видѣ питья римскихъ воиновъ у креста. И вотъ Онъ произнесъ одно

и единственное слово, какое только вырвалось у Него из груди отъ тѣлеснаго страданія въ теченіе всѣхъ тѣхъ часовъ, въ которые Онъ перенесъ все, что только могъ причинить Ему мучительнаго человѣкъ. „Жажду!“ — громко произнесъ Онъ. Нѣсколько часовъ раньше вриетъ этотъ, вѣроятно, вызвалъ бы только новый взрывъ издѣвательствъ; но теперь страхъ заставилъ зрителей быть человѣчнѣе. Подлѣ креста стоялъ на землѣ большой глиняный сосудъ съ особаго рода напиткомъ росса (приготовившимся изъ воды, уксуса и яиць), который обыкновенно употребляли римскіе воины. Отверстіе сосуда было заткнуто губкой, служившей вмѣсто пробки. Тотчасъ же кто-то, — неизвестно — другъ или врагъ, или просто кто-нибудь изъ находившихся здѣсь изъ любопытства, вынулъ губку и обмакнулъ ее въ напитокъ, чтобы подать Иисусу. Но крестъ былъ настолько высокъ, что невозможно было рукой достать до головы Страдальца, лежавшей на поперечникѣ проклятаго дерева; поэтому, надѣвъ губку на стебель иссопа, бывающій съ поларшина длины, онъ поднесъ ее къ воспаленнымъ, умирающимъ устамъ Спасителя. Но и это простое дѣло состраданія, не отвергнутое Иисусомъ, только еще больше усилило тревожную возбужденность, съ которою многіе смотрѣли въ толпѣ. „Постой, говорили они, посмотримъ, прійдетъ ли Ілія спасти Его“. Подававшій питье не оставилъ своего дѣла милосердія, но, сдѣлавъ его, по видимому самъ вторилъ этимъ замѣчаніямъ (Марк. хv, 36). Но Ілія не пришелъ, никто не пришелъ: ни человѣкъ-утѣшитель, ни ангель-освободитель. Такова была воля Бога, такова была воля Сына Божія: Онъ долженъ былъ „сдѣлаться совершеннымъ чрезъ страданія“ (Евр. v, 7, 8; ii, 10; Фил. ii, 8, 9) и въ вѣчный примѣръ всѣмъ чадамъ своимъ до скончанія міра долженъ былъ „пострадать до конца“.

Но вотъ пришелъ и конецъ. Еще разъ употребляя слова сладкопѣвца Израилева (Пс. cxix, 6; ср. Дѣян. vii, 59; 1 Петр. ii, 23), но прибавляя къ нимъ титулъ безпредѣльной любви, которое чрезъ Него сдѣлалось достояніемъ человѣчества, Иисусъ громкимъ голосомъ возопилъ: „Отче! въ руки Твои предаю Духъ Мой“. Затѣмъ, сдѣлавъ послѣднее усиліе, Онъ издалъ послѣдній вопль, послѣднее побѣдное слово: „Совершилось!“ Возможно, что

при этомъ возгласѣ разорвались нѣкоторые изъ сосудовъ Его сердца, потому что едва раздался этотъ возгласъ, какъ голова Его упала на грудь, и Онъ предалъ свою жизнь — „искупленіе за многихъ“ — какъ добровольную жертву Отцу Небесному. Закончилась Его святая жизнь, съ жизнью закончилась борьба, съ борьбою Его дѣло, съ дѣломъ искупленіе, съ искупленіемъ созданіе новаго міра. Въ этотъ самый моментъ завѣса въ храмѣ разодралась надвое сверху до низу, земля потряслась и скалы разсѣлись; огромные камни, закрывавшіе входы въ гробницы, отвалились отъ своихъ мѣстъ, „и гробы отверзлись; и многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли и, вышедши изъ гробовъ по воскресеніи Его, вошли въ святой градъ и явились многимъ“. Эти изумительныя обстоятельства, вмѣстѣ со всѣмъ, что было замѣчено въ Распятомъ, смутили даже жестокое и беззаботное равнодушіе римскихъ воиновъ. На сотника, командовавшего ими, все это зрѣлище произвело особенно глубокое впечатлѣніе. Стоя передъ крестомъ и видя умирающаго Спасителя, онъ прославилъ Бога и воскликнулъ: „Истинно человекъ этотъ былъ праведникъ“, нѣтъ, даже больше того — „человѣкъ сей былъ Сынъ Божій“. Даже народъ, уже совсѣмъ отрезвившійся отъ упоенія ярости, началъ сознавать въ своей преступной совѣсти, что видѣнное имъ зрѣлище было болѣе страшно, чѣмъ можно бы ожидать, и, возвратясь въ Іерусалимъ, бія себя въ грудь, вопилъ. И надо было вопить! Это была послѣдняя капля въ переполненную чашу беззаконія; это было начало конца для города, для народа и его имени.

По-истинѣ зрѣлище это было болѣе страшно и велико, чѣмъ могли понять тогда или даже сколько мы можемъ понять теперь. Ни одинъ свѣтскій историкъ, какимъ бы ни былъ онъ свептикомъ, не можетъ не видѣть въ немъ центральнаго пункта въ исторіи человечества. Будь онъ вѣрующій во Христа или нѣтъ, онъ не можетъ допустить, что эта новая религія изъ наималѣйшаго сѣмени возросла въ могучее дерево, въ вѣтвяхъ котораго находятъ пріютъ птицы небесныя, что она была какъ бы маленькимъ камнемъ, который вдребезги разгромилъ колоссальный символъ языческаго величія и, возросши въ гору, наполнилъ землю. Какъ для вѣрующаго, такъ и для невѣра распятіе есть

раздѣлительный моментъ между древнимъ и новымъ мірами. Не только въ нравственномъ и физическомъ, но и умственномъ отношеніи вѣра Христова была возрожденіемъ міра. Какъ начало новой весны была она для народовъ, „растлѣвшихъ отъ упоенія порокомъ“. Борьба была долгая и тяжелая, но съ того момента, какъ умеръ Христосъ, раздался похоронный звонъ для всякой сатанинской тираніи, для всякой терпѣвшейся до толѣ мерзости. Съ того момента святость стала идеаломъ всѣхъ именующихъ Христа своимъ Господомъ, и достиженіе этого идеала стало общимъ наслѣдіемъ душъ, въ которыхъ обитаетъ Духъ Божій.

Великія послѣдствія дѣла Христа въ исторіи человѣчества неоспоримы даже для невѣра. Оно изгнало жестокость, обуздало страсти, заклеило позоромъ самоубійство, наказало и подавило отвратительное дѣтоубійство, постыдные пороки язычества заставило укрыться въ сродный имъ мракъ. Едва ли есть такой классъ людей, котораго бы оно не избавило отъ удручавшихъ его бѣдствій и неправды. Оно избавило гладиатора, освободило раба, защитило плѣнника, дало уходъ больному, приютъ сиротѣ, возвысило женщину и ореоломъ священной невинности окружило нѣжные годы ребенка. Въ каждой области жизни почувствовалось его благодѣтельное вліяніе. Считавшееся порокомъ состраданіе оно обратило въ добродѣтель. Бѣдность оно возвело отъ проклятія на степень блаженства. Оно облагородило трудъ, сдѣлавъ изъ него, какъ презрѣнной работы, почетную обязанность. Оно осватило бракъ, возвысивъ его изъ почти обременительнаго состоянія въ святое таинство. Оно впервые открыло ангельскую красоту цѣломудрія, въ которомъ отчаявались люди, и кротости, надъ которой они издѣвались. Оно создало самое понятіе благотворительности и расширило предѣлы ея обязательности отъ тѣснаго круга „ближнихъ“ до обширной области всего человѣчества. Оно развило идею о человѣчествѣ какъ общемъ братствѣ,—идею, принятую даже тамъ, гдѣ не принято Христово благовѣстіе; по всему же міру, гдѣ принято это благовѣстіе, оно очищаетъ жизнь и возвышаетъ душу всѣхъ вообще и каждаго отдѣльно. И во всѣхъ странахъ, гдѣ только вырабатывались характеры истинно вѣрующихъ, оно создавало столь чистыя сердца, столь мирную

жизнь, столь благословенные дома, что какъ бы самые ангелы, возвѣщавшіе о наступленіи его, сладостно нашептывали всякому угнетенному и отчаявающемуся страдальцу среди сыновъ человѣческихъ: „расположившись въ удѣлахъ (своихъ), вы стали какъ голубица, которой крылья покрыты серебромъ, а перья чистымъ золотомъ“.

Другіе, если они *могутъ* и *хотятъ*, пусть видятъ во всемъ этомъ не дѣло Божественнаго провидѣнія; пусть считаютъ признакомъ философской просвѣщенности мысль, что происхожденіе христіанства и христіанскаго міра вполне объяснимо праздными мечтами самообольщеннаго человѣка и пылкими галлюцинаціями изступленнаго. Мы не преслѣдуемъ ихъ, не поносимъ ихъ и не осуждаемъ ихъ; но мы говоримъ, что если только жизнь не есть мечта пустая, то невозможно, чтобы таковой жалкой причинѣ обязана была своимъ происхожденіемъ единственная міровая религія, которая поддерживаетъ совершенное равновѣсіе между философіей и простодушной вѣрой, между религіей и правдивностью, между вроткою покорностью и гордой свободой, между идеаломъ и дѣйствительностью, между внѣшнимъ и внутреннимъ, между скромнымъ спокойствіемъ и геройскимъ самоотверженіемъ, даже наконецъ между самымъ мягкимъ консерватизмомъ и самыми смѣлыми планами всемірнаго преобразования. Свидѣтельство исторіи о Христѣ есть свидѣтельство неотразимое и принудительное для ума. Такого свидѣтельства исторія и никому еще не давала, вромѣ Него.

Но если даже и невѣръ не можетъ не видѣть того, какое значеніе имѣетъ для міра жизнь и смерть Иисуса Христа, то для вѣрующаго онѣ имѣютъ еще болѣе глубокое значеніе: для него онѣ — воскресеніе изъ мертвыхъ. Въ крестѣ Христовомъ онъ видитъ нѣчто такое, что превосходитъ его историческое значеніе. Онъ видитъ въ немъ какъ исполненіе всѣхъ пророчествъ, такъ и завершеніе всякой исторіи; онъ видитъ въ немъ объясненіе тайны рожденія и побѣду надъ тайной смерти. Въ этой жизни онъ находитъ совершеннѣйшій примѣръ, въ этой смерти безконечное искупленіе. Внивая въ воплощеніе и распятіе, онъ уже не думаетъ больше, что Богъ далекъ отъ него, не думаетъ, что земля эта лишь заброшенная песчанка въ безконечной ла-

зури небесъ и самъ онъ лишь ничтожный атомъ, случайно брошенный среди миллионовъ душъ безчисленной породы, но восклицаетъ въ вѣрѣ, надеждѣ и любви: „И будетъ у нихъ жилище Мое и буду ихъ Богомъ, а они будутъ Моимъ народомъ“; „вы храмъ Бога живаго, какъ сказалъ Богъ: вселюсь въ нихъ и буду ходить въ нихъ“ (Иезек. xxxvii, 26; 2 Кор. vi, 16).

Когда тьма разсѣялась надъ закланной жертвой, солнце уже склонялось къ западу. Тѣ, которые не считали осверненіемъ начать свой праздникъ убіеніемъ своего Мессіи, теперь страшно беспокоились о томъ, чтобы святость слѣдующаго дня, начинавшагося съ закатомъ солнца, не нарушена была висящими трупами на крестѣ. Распятые, страшно связать, часто жили помного часовъ, даже дня по два, въ своихъ мукахъ. Поэтому іудеи просили Пилата, чтобы вазненнымъ были перебиты ноги и тѣла сняты съ крестовъ. Это *scutifragium*, какъ оно называлось, состояло въ томъ, что по ногамъ страдальцевъ ударяли тяжелымъ молотомъ, чѣмъ всегда ускорялась, если только мгновенно не причинялась, смерть. Да и не однимъ іудеямъ хотѣлось ускорить ихъ конецъ нанесеніемъ смертельныхъ ударовъ. Пока еще не погасла жизнь, воины, приставленные при казни, не смѣли оставить своего поста. Просьба поэтому была охотно удовлетворена. Воины сначала перебили голени обоимъ разбойникамъ, а затѣмъ, подойдя къ Іисусу Христу, нашли, что великій возгласъ Его былъ послѣднимъ въ Его жизни и что Онъ уже былъ мертвъ. Поэтому они не перебили Ему голени и такимъ образомъ непредназначенно сохранили символъ пасхальнаго агнца, котораго Онъ былъ первообразомъ и относительно котораго постановлено было, чтобы „кости Его не сокрушались“. Но такъ какъ Онъ могъ быть только въ обморокѣ, — какъ и бывали примѣры, когда, повидимому, мертвые люди снимались съ креста и затѣмъ оживали, — и такъ какъ воины отвѣчали своею жизнью за всякую оплошность въ этомъ отношеніи, то одинъ изъ нихъ, чтобы вполне удостовѣриться въ смерти, вонзилъ Ему въ бокъ широкое лезвіе своего конья. Ударъ, какъ и предназначался, прошелъ въ область сердца, и „тогда“, съ выразительнымъ тономъ правдивца очевидца говорить ев. Іоаннъ, „тогда истекла кровь и вода“. Была ли эта вода слѣдствіемъ

каких-нибудь ненормальныхъ физиологическихъ условій, причиненныхъ ужасающимъ сочетаніемъ страданій Спасителя, или это сворѣе означаетъ, что остріе копья разорвало предсердіе и что снимавшіе тѣло замѣтили на немъ водянистыя капли, смѣшанныя съ кровью,—въ томъ и другомъ случаѣ этого удара копья было совершенно достаточно для того, чтобы заставить, смолгнуть всё нечестивыя увѣренія, будто бы Иисусъ Христосъ только казался умершимъ. Какъ онъ увѣрилъ воиновъ, такъ долженъ увѣрить и всѣхъ сомнѣвающихся, что Тотъ, который воскресъ въ третій день, воистину былъ распятъ, умеръ и погребенъ, и что душа Его переселилась въ невидимый міръ.

ГЛАВА LXII.

ВОСЪРЕСЕНІЕ.

По необходимости мало должны мы говорить о Христѣ, какъ о Богѣ. ТЕРТУЛЛІАНЪ.

ВЪ ТОТЪ моментъ, когда умеръ Христосъ, едва ли могло быть что-нибудь болѣе унижительно слабымъ, болѣе мучительно безнадежнымъ, съ большею несомнѣнностью обреченнымъ на презрѣніе, отчаяніе и исчезновеніе, какъ именно церковь, которую Онъ основалъ. Она считала въ себѣ лишь горсть слабыхъ послѣдователей, изъ которыхъ самый смѣлый богохульственно отривался отъ своего Господа и самый преданный оставилъ Его и бѣжалъ. Они были бѣдны, невѣжественны, безъ всякихъ надеждъ въ будущемъ. Они не могли располагать ни одной синагогой, ни однимъ мечемъ. Когда они говорили на своемъ родномъ языкѣ, то онъ выдавалъ ихъ своимъ смѣшаннымъ нарѣчіемъ, а когда они говорили на ходячемъ греческомъ, то это былъ лишь презиравшійся тогда и испорченный провинціализмъ. Они были такъ слабы и ничтожны, что повазалось бы глупымъ пристрастіемъ предсказывать имъ даже ограниченное существованіе въ качествѣ какой-нибудь жалкой галилейской секты. Какъ же случилось, что эти тупые и невѣжественные люди съ своимъ древомъ крестнымъ восторжествовали надъ обаятельной силой

чувственныхъ мнѳологій, побѣдили царей съ ихъ войсками и покорили мїръ?

Что же это такое, что изъ презрѣнной слабости сдѣлало такую огромную силу? На это есть только одинъ и *возможенъ* только одинъ отвѣтъ — воскресеніе изъ мертвыхъ. Весь этотъ огромный переворотъ обязанъ силѣ воскресенія Христа. Если мы сопоставимъ то, что казалось безнадежной и позорной катастрофой, которою окончилось Его дѣло, съ божественнымъ достоинствомъ, присвоиваемымъ Ему не *вопреки*, но *вслѣдствіе* этого именно страданія и позора, то мы будемъ чувствовать крайнюю безнадежность въ соглашеніи самаго факта съ торжествующимъ выводомъ изъ него, если не допустимъ промежуточнаго факта, столь же достовѣрнаго, какъ и страданіе Христа, но достаточно славнаго, чтобы вполне преобразить его скорбность въ ливующее торжество.

Солнце уже стояло на окраинѣ небослона, и близокъ былъ субботній день. А „та суббота была день великій“, суббота особеннаго блеска и торжественности, потому что это была и суббота, и вмѣстѣ пасха (Іоан. хіх, 31; Втор. ххі, 22, 23; Лев. ххш, 7). Іудеи приняли всѣ мѣры, чтобы предотвратить обрядовое оскверненіе для столь священнаго дня, и позаботились о томъ, чтобы немедленно послѣ смерти распятыхъ жертвъ тѣла ихъ были сняты съ крестовъ. О самомъ погребеніи они не заботились, предоставляя случайнымъ услугамъ друзей и родственниковъ похоронить вазненныхъ въ ихъ безвѣстныхъ могилахъ. Мертвое тѣло Иисуса оставалось на крестѣ до послѣдняго момента, потому что одно весьма важное лицо отправилось въ Пилату просить позволенія снять Его для погребенія по своему желанію.

Это былъ Іосифъ Аримаеѳскій, богатый человекъ возвышенной души и безупречной жизни, видный членъ синадріона. Хотя боязнь изверженія или слабость вѣры и препятствовали ему открыто объявить о своей вѣрѣ въ Иисуса Христа, однако же онъ воздержался отъ участія въ преступномъ голосованіи синадріона, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ противодѣйствія преступленію. Но теперь скорбь и негодованіе вдохнули въ него мужество. Теперь уже поздно было объявлять о своемъ сочувствіи

Иисусу, какъ живому пророку, и онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ оказать знакъ своей преданности Ему, какъ мученической жертвѣ злодѣйскаго заговора. Отбросивъ всякую таинственность и предосторожность, онъ, какъ только увидѣлъ, что крестъ на Голгоѣ держалъ на себѣ уже безжизненное тѣло, тотчасъ отправился въ Пилату, въ самый вечеръ распятія, и просилъ его, чтобы тѣло Иисуса Христа было отдано ему. Хотя римляне обыкновенно оставляли своихъ распятыхъ рабовъ на съѣденіе собакамъ и вороновъ, но Пилатъ не нашелъ затрудненія уважить болѣе человѣчный и пристойный обычай іудеевъ, который даже въ крайнихъ случаяхъ требовалъ погребенія мертвыхъ. Онъ однако же былъ удивленъ быстротой, съ которою послѣдовала смерть, и позвавъ сотника, спросилъ его, достаточно ли давно наступила она, чтобы можно было отличить ее отъ простого обморока или оцѣпенѣнія. Удостоверившись вполне, онъ сразу и несомнѣнно съ нѣкоторымъ чувствомъ удовлетворенія предоставилъ тѣло попеченію этого „почтеннаго совѣтника“. Не теряя ни минуты, Іосифъ купилъ длинный кусокъ тонкаго полотна и снялъ тѣло съ креста. Между тѣмъ, примѣръ его возбудилъ подобныя же чувства и въ душѣ искреннаго, но боязливаго Никодима. Если онъ, какъ кажется весьма вѣроятно, одно и то же лицо съ Навдимомъ Бенъ Горіономъ талмуда, то это былъ человѣкъ чрезвычайно богатый. Въ теченіе жизни Иисуса онъ постоянно держался въ сторонѣ, но теперь, въ вечеръ Его смерти, сердце его переполнилось чувствомъ состраданія и угрызениемъ совѣсти и онъ поспѣшилъ къ Его кресту, желая принять участіе въ погребеніи своимъ истинно царственнымъ по щедрости приношеніемъ. Вѣра, которая нѣкогда нуждалась въ покровѣ ночной тьмы, могла выступить по крайней мѣрѣ теперь при свѣтѣ заходящаго солнца, чтобы постепенно перейти и къ полуденному свѣту твердой убѣжденности. Благодаря этому пылу возгорѣвшейся скорби и состраданія въ сердцахъ этихъ двухъ благородныхъ и богатыхъ послѣдователей, Иисусъ, умерши какъ злодѣй, погребенъ былъ какъ царь. „Ему назначили смерть съ злодѣями, но Онъ погребенъ у богатаго“. Купленное Іосифомъ полотно (*синдонъ*) было роскошно убрано ста литрами смирны и алая, принесенными Никодимомъ, и из-

раненное тѣло, божественно-человѣческій духъ котораго теперь уже покоился своимъ субботнимъ покоемъ въ раю Божиємъ, было перенесено такимъ образомъ въ мирную и избранную для Него гробницу.

По близости къ мѣсту распятія, если даже не въ самой этой мѣстности, былъ садъ, принадлежавшій Іосифу Аримаеѣ-скому. Въ немъ, по его приказанію, былъ высѣченъ изъ цѣльной скалы новый гробъ, въ которомъ онъ самъ хотѣлъ быть погребеннымъ по близости къ святому городу. Въ немъ еще никого не было погребено, но, несмотря на священное благоговѣніе, съ которымъ іудеи относились къ своимъ высѣченнымъ въ скалѣ гробницамъ, и на тщательную разборчивость, съ которою они устранялись отъ всякаго сопривосновенія съ трупомъ, Іосифъ не поколебался предоставить тѣлу Іисуса Христа послѣднее жилище, которое онъ назначилъ для самого себя. Но съ приготовленіемъ нужно было торопиться, потому что съ закатомъ солнца должна была начаться суббота. Поэтому все, что они могли сдѣлать, это только — омыть тѣло, умаститъ его благовоніями, завернуть голову бѣлымъ платкомъ, обвить истерзанные члены пеленами и благоговѣнно положить тѣло въ свалюстомъ уступѣ. Затѣмъ совмѣстными усиліями нѣсколькихъ человѣкъ они подвѣтили *голазъ*, т.-е. большой камень въ горизонтальному отверстію гробницы. Едва окончили они все это, какъ солнце скрылось за холмами іерусалимскими, и наступила суббота.

Марія Магдалина и Марія, мать Іакова и Іосіа, сидѣли въ саду, чтобы хорошенько замѣтить мѣсто погребенія; мѣсто это замѣтили и другія галилейскія женщины, и всѣ онѣ послѣшли домой, чтобы еще до начала субботы заготовить свѣжія благовонія и масти и затѣмъ рано утромъ на слѣдующій послѣ субботы день придти сюда и довершить умащеніе тѣла, только начатое второпяхъ Іосифомъ и Никодимомъ. Самую субботу онѣ провели въ тяжеломъ уединеніи, потому что для разбитыхъ сердцець всѣхъ любящихъ Господа Іисуса это была суббота скорби и отчаянія.

Но не бездѣйствовали и враги Христа. Тайное предчувствіе преступной совѣсти не заглушено было даже Его смертью на

крестѣ. Со страхомъ вспомнили они о носившихся въ молвѣ предсказаніяхъ о Его воскресеніи, о знаменіи пророка Іоны, которое, какъ Онъ говорилъ, одно только и будетъ дано имъ (Мате. хп, 39), о необыкновенномъ изреченіи касательно разрушенія храма, который Онъ хотѣлъ опять воздвигнуть въ три дня, — и все это, казавшееся лишь смутнымъ для подавленной и колеблющейся вѣры, при озаряющемъ блескѣ тревожной совѣсти читалось подобно огненнымъ буквамъ на стѣнѣ. Привыкаясь повѣстому опасавшимися, какъ бы тѣло Его не было украдено учениками съ цѣлью обмана, они просили, чтобы гробница Его строго охранялась до третьяго дня. Пилатъ коротко и высокоумѣрно позволилъ имъ дѣлать все, что угодно, и они видимо въ тотъ же вечеръ, когда уже кончилась великая пасхальная суббота, послали свою стражу запечатать *волаз* и охранять гробницу.

Прошла ночь, и прежде еще чѣмъ слабое мерцаніе зари начало серебрить темный небосклонъ перваго дня новой Пасхи, восторженная любовь женщинъ, которыя дольше всѣхъ пребыли у вѣста, побудила ихъ также и раньше всѣхъ придти къ гробницѣ. Неся съ собою свои драгоценныя благовонія, но ничего не зная о стражѣ и запечатаніи гроба, онѣ, направляя скорбные и боязливые шаги среди мерцающей тьмы, съ безпокойствомъ разсуждали между собой, кто бы могъ отвалить имъ камень, закрывавшій гробницу. Впереди другихъ шли двѣ Маріи, а за ними Саломія и Іоанна. Но затрудненіе ихъ разрѣшилось само собой. Тогда же или нѣсколько спустя онѣ узнали, что блистательный ангелъ въ бѣлыхъ одеждахъ повергъ въ ужасъ стражу и при великомъ землетрасеніи отвалилъ камень отъ гроба. Подойдя къ гробницѣ, онѣ и сами увидѣли ангеловъ въ бѣломъ одѣяніи, которые повелѣвали имъ спѣшить обратно къ апостоламъ и сказать имъ, особенно Петру, что Христось, согласно предсказанію своему, воскресъ изъ мертвыхъ и подобно пастырю предваряетъ ихъ въ ихъ возлюбленной и родной Галилеѣ. Въ смятеніи восторга и тревоги онѣ поспѣшно побѣжали назадъ, не говоря никому объ этомъ, кромѣ учениковъ; но даже и ученикамъ слова ихъ показались „пустыми“. Но Марія Магдалина, которая, повидимому, получила отдѣльное

и особенное извѣщеніе, сразу поспѣшила въ Петру и Іоанну. Получивъ эту изумительную вѣсть, они тотчасъ же отправились удостовѣриться собственными глазами, что случилось. Іоаннъ перегналъ своего старшаго спутника и, прибѣжавъ первымъ, остановился у гробницы, въ безмолвномъ изумленіи смотря на открытый гробъ. Гробъ былъ пустъ и тщательно свернутыя пелены лежали каждая на своемъ мѣстѣ. Затѣмъ прибылъ Петръ и съ своею обычною стремительностью, не обращая вниманія на обрядовое освященіе, руководясь только порывомъ любви и изумленія, вошелъ въ гробницу. Іоаннъ послѣдовалъ за нимъ, „и увидѣлъ, и увѣровалъ“, и оба апостола свою несомнѣнную увѣренность понесли и къ своимъ дивящимся собратьямъ. Несмотря на страхъ, безповойство и тупую непонятливость, которая, по ихъ собственному сознанію, затрудняла имъ усвоеніе преподававшихся имъ истинъ, тогда, именно тогда, въ умахъ ихъ загорѣлась трепетная надежда, которая такъ быстро перешла въ непоколебимую увѣренность, что Христосъ воистину воскресъ. Что въ это утро гробница Христа была безъ стражи, что тѣло Его не было удалено отсюда врагами, что отсутствіе Его вызвало въ ученикахъ глубочайшее изумленіе не безъ примѣси у нѣкоторыхъ печали и тревоги, что впослѣдствіи они на основаніи многихъ доказательствъ убѣдились, что Онъ дѣйствительно воскресъ изъ мертвыхъ, что за истину этой вѣры они сами готовы были умереть, что вѣра эта произвела глубокую перемѣну во всемъ ихъ характерѣ, дѣлая боязливыхъ смѣлыми, слабыхъ непреодолимыми, что они неспособны были на сознательную ложь, и что, если даже допустить и это, сознательная ложь никогда бы не въ силахъ была убѣдить невѣріе и возродить нравственность міра, что на этой вѣрѣ въ воскресеніе основано всеобщее почитаніе перваго дня недѣли и зиждутся всѣ основы церкви христіанской, — все это такіе факты, которые едва ли не можетъ не допустить, хотя бы и съ неохотой, и самый отъявленный скептикъ, если только онъ хочетъ быть искреннимъ и откровеннымъ.

1) Но еще никто не видѣлъ Христа, и этой славной чести впервые сподобилась Марія Магдалина, — та, которая любила

больше всѣхъ, потому что ей прощено было больше всѣхъ, и изъ души которой, теперь пламенѣвшей огнемъ любви и чистой какъ кристалль, Онъ изгналъ семь бѣсовъ. Даже видѣніе ангеловъ не утишило въ ней волненія и тревоги, испытанныхъ ею, когда она, опять возвратясь въ гробу, нашла, что ей уже невозможно было воздать послѣдняго долга любви распятому тѣлу своего Господа. Изъ ея потрясенной души даже свѣтозарныя видѣнія и голоса ангеловъ не могли изгнать скорби, которую испытывала она при одной удручавшей ее мысли: „унесли Господа моего, и не знаю, гдѣ положили Его“. Вся поглощенная этою мыслью, она отвернулась отъ гроба и вдругъ—самъ Господь стоитъ передъ ней. Это былъ Иисусъ Христосъ, но она не узнала Его. Въ Его воскресшемъ, прославленномъ тѣлѣ было нѣчто духовное, неземное. Что-нибудь въ одеждѣ или внѣшности заставило ее подумать, что это садовникъ, и, обрадовавшись надеждѣ, что онъ можетъ объяснить ей загадочность опустѣнія гробницы и посѣщенія ея ангелами, она, отвернувшись нѣсколько въ сторону, чтобы скрыть свои текущія слезы, восклицаетъ съ отчаянной мольбой: „Господинъ! если ты вынесъ Его, скажи мнѣ, гдѣ ты положилъ Его, и я возьму Его“.

Иисусъ говоритъ ей: „Марія!“

Одно это слово, произнесенное знакомымъ ей торжественнымъ и въ то же время нѣжнымъ голосомъ, мгновенно проникло въ ея сердце. Обернувшись въ Нему и видимо стараясь обнять Его ноги или схватить край одежды, она вскрикнула на своемъ природномъ арамейскомъ языкѣ: „Раввун!“ — „Учитель мой!“ и затѣмъ какъ бы онѣмѣла отъ восторга. Христосъ криво остановилъ ея восторженное увлеченіе. „Не прикасайся ко Мнѣ, сказалъ Онъ, ибо Я еще не восшелъ въ Отцу Моему; а иди къ братьямъ Моимъ, и скажи имъ: восхожу въ Отцу Моему и Отцу вашему и въ Богу Моему и Богу вашему“.

Пораженная благоговѣйнымъ страхомъ, она тотчасъ же повинувалась. Она понесла ученикамъ свою торжественную вѣсть, и для всѣхъ будущихъ вѣковъ прогремѣли эти первыя слова, которыя неизгладимо запечатлѣлись въ душахъ тѣхъ, что слышали ихъ — „я видѣла Господа“.

2) Свидѣтельство ея не осталось безъ подтвержденія. Иисусъ Христосъ встрѣтилъ и другихъ женщинъ и сказалъ имъ: „Радуйтесь!“ Объяты ужасомъ и волненіемъ, онѣ поверглись въ ногамъ Его. „Не бойтесь, сказалъ Онъ имъ; пойдите, возвѣстите братьямъ Моимъ, чтобы шли въ Галилею, и тамъ они увидятъ Меня“.

Стражѣ бесполезно было оставаться у пустого гроба. Боясь за послѣдствія и ужаснувшись всего видѣннаго, стражники побѣжали въ членамъ синедріона, которые и дали имъ тайный лживый наказъ. Для этихъ закоснѣлыхъ сердець не могло быть вопроса ни о вѣрѣ, ни о разслѣдованіи дѣла. Единственное убѣжище оставалось во лжи. Они тотчасъ же попытались заглушить все дѣло. Они наказали воинамъ, чтобы они говорили, будто бы они спали и въ это время ученики уврали тѣло Иисуса (Мѡ. ххviii, 11—15). Но такіе рассказы были слишкомъ безстыдны, чтобы возбуждать довѣріе, и слишкомъ смѣшны, чтобы можно было открыто разглашать ихъ. Еслибы слухъ этотъ дошелъ до начальства, то воиновъ этихъ, предполагая, что они были римляне, ничто не могло бы спасти отъ позора и казни. Поэтому саддуеи подкупили ихъ, чтобы какимъ-нибудь способомъ для общей пользы они похоронили все это дѣло въ молчаніи и тайнѣ. Только постепенно и уже въ послѣдствіи эта низкая ложь стала распространяться между неопытными. Въ теченіе первыхъ шести недѣль по воскресеніи великое событіе это было предметомъ непоколебимой вѣры для всякаго христіанина; въ теченіе немногихъ лѣтъ достовѣрныя историческія доказательства и многочисленныя свидѣтельства его дѣйствительности, усиленные достопамятнымъ видѣніемъ, заставили склониться къ его признанію проникательный и свѣтлый умъ молодого фари́сея—зилота и гонителя, имя котораго было Савль. Но только въ послѣдствіи подпольнымъ путемъ распространялась гнусная ложь, назначавшаяся для противодѣйствія неотразимой очевидности. Ев. Матѡей говоритъ, что, когда онъ писалъ свое евангеліе, она еще держалась между іудеями. Она продолжала держаться между ними въ теченіе и послѣдующихъ вѣковъ, и составляетъ одну изъ тѣхъ богохульныхъ недѣльностей, которыя двѣнадцать вѣковъ спустя были повторены въ іудейскомъ трактатѣ *Толдотъ-Иешу*.

3) Третье явленіе І. Христа было Петру. Подробности его совершенно неизвѣстны намъ (Лув. ххiv, 34; 1 Кор. xv, 5). Возможно, что оно имѣло слишкомъ личный характеръ, чтобы передавать ихъ. Самый фактъ основывается на выразительномъ свидѣтельствѣ ев. Луки и ап. Павла.

4) Въ тотъ же день было четвертое явленіе Спасителя, сопровождавшееся глубоко интересными обстоятельствами. Двое учениковъ шли въ селеніе, называемое Еммаусъ, неизвѣстно собственно гдѣ находившееся, но отстоявшее верстъ на четырнадцать отъ Іерусалима. Съ грустью и тревогой разсуждали они объ изумительныхъ событіяхъ послѣднихъ двухъ дней, какъ вдругъ къ нимъ присоединился неизвѣстный странникъ и спросилъ ихъ о причинѣ ихъ печальнаго настроенія и тревожнаго разговора. Они остановились и, взглянувъ на незнакомца, отнеслись къ нему подозрительно и недружелюбно, и когда одинъ изъ нихъ, именно Клеопа, отвѣтилъ ему, то въ отвѣтѣ его прозвучалъ отгѣновъ удивленности и подозрѣнія. „Неужели ты одинъ изъ пришедшихъ въ Іерусалимъ не знаешь о происшедшемъ въ немъ въ эти дни?“ „О чемъ?“ спросилъ Онъ ихъ. Тогда они разсказали Ему, какъ всѣ пылкія надежды ихъ на то, что Іисусъ былъ великій пророкъ, который долженъ бы избавить свой народъ, разлетѣлись въ прахъ и какъ всѣ Его великія дѣла предъ Богомъ и предъ людьми окончились два дня тому назадъ на позорномъ крестѣ. Они описали чувство изумленія, съ которымъ на этотъ третій день они слышали тольи женщинъ о видѣніи ангеловъ и достовѣрныя свидѣтельства нѣкоторыхъ изъ своихъ собратій, что гробъ былъ пустъ. „Но“, со вздохомъ недовѣрія и скорби прибавилъ разсказчикъ, „Его не видѣли“ они.

Тогда, упрекнувъ ихъ въ „несмысленности и медлительности сердца“, странникъ показалъ имъ, какъ чрезъ весь Ветхій Заветъ, начиная отъ Моисея, проходило одно непрерывное пророчество какъ о страданіяхъ, такъ и о славѣ Христа. Въ такой возвышенной бесѣдѣ они прибыли въ Еммаусъ. Незнакомецъ хотѣлъ идти дальше, но они упросили Его остаться съ ними. Когда они сѣли за свою простую трапезу, и Онъ, взявъ хлѣбъ, благословилъ, преломилъ и подалъ имъ, тогда мгновенно отеры-

лись у нихъ глаза, и, несмотря на измѣнившійся видъ, они узнали, что съ ними былъ Господь ихъ. Но какъ только они узнали Его, Онъ сталъ невидимъ для нихъ. „Не горѣло ли въ насъ сердце наше, говорили они другъ другу, когда Онъ говорилъ намъ на дорогѣ и когда изъяснялъ намъ Писаніе?“ Немедленно вставъ, они возвратились въ Иерусалимъ съ своею чудесною и радостною вѣстью. Теперь они не находили уже сомнѣвающихся слушателей. Они сами были встрѣчены радостными увѣреніями, что „Господь истинно воскресъ и явился Симону“.

5) Въ тотъ же вѣчнопамятный день Пасхи Иисусъ Христосъ въ пятый разъ явилъ себя ученикамъ своимъ. Десять учениковъ сидѣли вмѣстѣ, за запертыми дверями, изъ боязни іудеевъ. Когда они передавали другъ другу и обсуждали свои радостныя вѣсти, самъ Христосъ сталъ посреди ихъ и сказалъ имъ: „миръ вамъ“. Необычайный видъ Его прославленнаго тѣла, страшное значеніе самаго факта воскресенія изъ мертвыхъ — смутили и испугали ихъ. Господь присутствовалъ съ ними тѣлесно, но въ измѣненномъ видѣ. Они даже подумали, что видятъ духа. „Что смущаетесь?“ спросилъ Онъ, „и для чего такія мысли входятъ въ сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Самъ; осяжите Меня и рассмотрите; ибо духъ плоти и костей не имѣетъ, какъ видите у Меня“. И сказавъ это, показавъ имъ руки и ноги. Когда радость, изумленіе и недовѣріе боролись въ нихъ, Онъ спросилъ, нѣтъ ли у нихъ какой-нибудь пищи, и чтобы еще больше увѣрить ихъ, съѣлъ въ ихъ присутствіи часть печеной рыбы. Затѣмъ еще разъ сказалъ имъ: „Миръ вамъ! Какъ послалъ Меня Отецъ, такъ и Я посылаю васъ“. Дунувъ на нихъ, Онъ прибавилъ: „Примите Духа Святаго. Кому простите грѣхи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ останутся“.

6) Одного только ученика не было при этомъ — Томъ Близнаца. Это былъ человѣкъ, какъ мы уже видѣли, отзывчиваго, но сумрачнаго характера. Для него эта вѣсть казалась слишкомъ хорошей, чтобы можно было вѣрить ей. Напрасно другіе ученики увѣряли его: „мы видѣли Господа“. Къ счастью для насъ, хотя и менѣе счастливо для себя, онъ съ сильной настойчивостью заявилъ, что ничто не можетъ убѣдить его, пока самъ

онъ не вложить собственного пальца въ раны отъ гвоздей и собственной руки въ ребра Его. Прошла недѣля, и правдиво переданныя сомнѣнія апостола оставались неопровергнутыми. На восьмой, или, какъ мы сказали бы теперь, на седьмой день послѣ этого (потому что воскресеніе уже сдѣлало первый день недѣли священнымъ для сердца апостоловъ) всѣ одиннадцать учениковъ опять собрались вмѣстѣ за запертыми дверями. Христосъ явился имъ опять и, послѣ обычнаго привѣтствія и благословенія подозвалъ Тому и велѣлъ ему подать палецъ свой и вложить въ раны отъ гвоздей, протянуть руку и вложить въ ребра Его и не быть „невѣрующимъ, но вѣрующимъ“. „Господь мой и Богъ мой“, съ пыломъ убѣжденности воскликнулъ недовѣрчивый апостоль. „Ты повѣрилъ, сказалъ Иисусъ Христосъ, потому что увидѣлъ Меня; блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе“.

7) Слѣдующее явленіе воскресшаго Спасителя было семи апостоламъ у моря Галилейскаго — Симону, Томѣ, Наанайлу, сынамъ Зеведеевымъ и двумъ другимъ — вѣроятно Филиппу и Андрею, не поименованнымъ въ повѣствованіи (Іоан. ххi, 1—24). Въ явленіяхъ Христа наступилъ промежутокъ и, прежде чѣмъ возвратиться въ Іерусалимъ на Пятидесятницу для полученія обѣщаннаго изліянія на апостоловъ Св. Духа, Симонъ сказалъ, что онъ на время возьмется за старый свой промыселъ — рыболовство. Общей кассы у нихъ уже не было теперь, и такъ какъ другіе источники существованія изсябли, то прежній промыселъ оставался единственнымъ исходомъ въ добываніи средствъ честнаго пропитанія. Другіе рѣшили присоединиться къ нему, и всѣ они отплыли вечеромъ, потому что ночь — самое лучшее время для рыбной ловли. Всю ночь трудились они понапрасну. При раннемъ разсвѣтѣ, въ сумрачной мглѣ на берегу показался человекъ, котораго они не узнали. Онъ спросилъ ихъ, не поймали ли они чего-нибудь. „Нѣтъ“, послѣдовалъ унылый отвѣтъ. „Завиньте сѣть по правую сторону лодки, и поймаете“. Они завинули и уже едва могли вытащить сѣть отъ множества рыбы. Случай этотъ съ непреодолимою силой воскресилъ въ нихъ память о прошломъ. „Это Господь“, шепчетъ Іоаннъ Петру, и тотчасъ же этотъ пылвосердечный апостоль, набросивъ на себя рыбацью

Тотъ, въ которомъ всё они узнали Господа, но голосъ и видъ котораго такъ подавляли ихъ страхомъ и благоговѣнiемъ, что они не смѣли спросить Его, сказалъ имъ: „прійдите, объдайте“, и раздавалъ имъ рыбу и хлѣбъ.

Счастливая трапеза окончилась безмолвно, и затѣмъ Господь Иисусъ Христосъ говоритъ своему слабому, но любящему апостолу: „Симонъ“ (не время еще было возстановить ему имя Петра) — „Симонъ Ионинъ! любишь ли Меня больше, нежели они?“

— „Такъ, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя“.

— „Паси агнцевъ Моихъ“.

Симонъ чувствовалъ въ глубинѣ своего сердца, что собственно значилъ этотъ косвенный упрекъ — „больше нежели они“. Онъ напомнилъ его кающейся душѣ тѣ самонадѣянныя слова, которыя онъ съ такою увѣренностью произнесъ среди своихъ собратiй: „если и всё соблазнется о Тебѣ, я никогда не соблажусь!“ Паденiе научило его смиренiю, и поэтому онъ уже не высказываетъ притязанiя на преимущество своей любви и даже не усвоиваетъ употребленнаго Спасителемъ въ своемъ вопросѣ слова ἀγαπᾶς, означающаго глубокое почтенiе и преданность, а подставляетъ вмѣсто него другое болѣе слабое слово — φιλῶ, которое лучше выражало горячую, чисто человѣческую любовь его сердца. Слѣдующiй вопросъ уже менѣе мучительно напоминалъ ему о его прежней самонадѣянности, потому что Иисусъ Христосъ сказалъ ему только:

„Симонъ Ионинъ! любишь ли ты Меня?“

Апостолъ опять смиренно отвѣчаетъ тѣми же словами, какъ и прежде:

„Такъ, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя“.

„Паси овецъ Моихъ“.

Но Симонъ трижды отрекся, поэтому трижды долженъ былъ и исповѣдаться. Опять послѣ короткаго промежутка послѣдовалъ вопросъ, но на этотъ разъ уже мягче и теплѣе, съ тѣмъ самымъ словомъ, которое употреблялъ самъ апостолъ:

„Симонъ Ионинъ! любишь ли (φιλεῖς) ты Меня?“

Глубоко опечаленный и смущенный Симонъ воскликнулъ: „Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя“.

„Паси овецъ Моихъ“. Затѣмъ торжественно прибавилъ: „Истин-

но, истинно говорю тебѣ: когда ты былъ молодъ, то препоясывался самъ и ходилъ, куда хотѣлъ; а когда состарѣешься, то прострешь руки твои, и другой перепояшетъ тебя, и поведетъ, куда не хочешь“.

Апостоль понялъ Его; онъ зналъ, что тутъ разумѣлись годы его будущаго служенія, страданія, его будущаго мученичества; но теперь онъ уже не былъ больше „Симонъ“, а „Петръ“—каменное сердце было въ немъ: онъ былъ готовъ даже до смерти повиноваться голосу, который сказалъ ему: „иди за Мною“. Когда происходилъ этотъ разговоръ, онъ шелъ рядомъ съ Господомъ Иисусомъ, на нѣсколько шаговъ впереди своихъ товарищей. Оглянувшись назадъ, онъ увидѣлъ, что Іоаннъ, его любимый спутникъ, ученикъ, котораго любилъ Христосъ, тихо слѣдовалъ за ними. Указывая на него, Петръ спросилъ: „Господи! а онъ что?“ Послѣдовавшій отвѣтъ пресѣвъ духъ празднаго любопытства: „Если Я хочу, чтобы онъ пребылъ, пока прииду, что тебѣ до того? *ты* иди за Мною“. Петръ не смѣлъ спрашивать больше, и отвѣтъ этотъ, намѣренно неопредѣленный, повелъ въ неправильному толкованію, преобладавшему среди первыхъ христіанъ, что Іоаннъ не умретъ до второго пришествія Господа Иисуса. Самъ апостоль спокойно исправляетъ ошибку, точно приводя въ своемъ евангеліи слова воскресшаго Христа. Способа смерти Его мы не знаемъ, но знаемъ, что онъ пережилъ всѣхъ своихъ братьевъ—учениковъ и пережилъ также тотъ ужасный разгромъ своего народа, который, сдѣлавъ невозможнымъ строгое исполненіе постановленій Ветхаго Завѣта и отрывъ по всему міру безпрепятственный путь въ установленію Новаго Завѣта и царства не отъ міра сего, былъ въ болѣе истинномъ смыслѣ, чѣмъ всякое другое событіе въ человѣческой исторіи—вторымъ пришествіемъ Господа.

8) Быть можетъ въ этотъ разъ Иисусъ Христосъ сказалъ своимъ ученикамъ о горѣ въ Галилеѣ, гдѣ Онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ встрѣтить всѣхъ, кто знали и любили Его. Была ли это гора Фаворъ или гора Блаженствъ — неизвѣстно, но болѣе пятисотъ Его учениковъ собрались въ назначенное время вмѣстѣ съ одиннадцатю и приняли отъ Господа Иисуса Его послѣднюю заповѣдь учить и крестить всѣ народы и послѣднее

обѣтованіе, что Онъ будетъ съ ними во всѣ дни до скончаія міра. Спустя уже болѣе двадцати лѣтъ послѣ этого событія, ап. Павелъ въ своихъ посланіяхъ даетъ замѣчательное свидѣтельство, что большинство этихъ очевидцевъ воскресенія еще были въ то время въ живыхъ и что только нѣкоторые изъ нихъ „почили“.

9) О девятомъ явленіи Иисуса Христа не разсказывается въ евангеліяхъ, но оно извѣстно намъ изъ свидѣтельства ап. Павла. „Я преподалъ вамъ, пишетъ онъ коринѣянамъ (1 Кор. xv, 3—8), что я самъ принялъ, то-есть, что Христосъ умеръ за грѣхи наши, по Писанію, и что Онъ погребенъ былъ, и что воскресъ въ третій день, по Писанію, и что явился Кифѣ, потомъ двѣнадцати. Потомъ явился болѣе нежели пятистамъ братій въ одно время... *Потомъ явился Иакову*, также всѣмъ апостоламъ. А послѣ всѣхъ явился и мнѣ, какъ нѣкоему извергу“. Касательно явленія Иакову мы ничего больше этого не знаемъ, если только не видѣть основы истиннаго преданія въ разсказѣ, передаваемомъ въ „евангеліи евреевъ“. Тамъ сообщается, что Иаковъ, первый епископъ Иерусалима и братъ Господень, послѣ тайной вечери далъ торжественный обѣтъ, что онъ не будетъ ни ѣсть, ни пить, пока не увидитъ Иисуса воскресшимъ изъ мертвыхъ. Вскорѣ поэтому послѣ воскресенія Иисусъ Христосъ, отдавъ *синдонъ* слугѣ священника, велѣлъ принести столъ съ хлѣбомъ, благословилъ хлѣбъ и далъ Иакову, говоря: „ѣшь теперь хлѣбъ, братъ Мой, потому что Сынъ человѣческой воскресъ изъ мертвыхъ“.

10) Сорокъ дней прошло уже со времени распятія. Въ теченіе этихъ сорока дней девять разъ Онъ былъ видимъ глазами и осязаемъ руками человѣческими. Но тѣло Его не было простымъ человѣческимъ тѣломъ, не подлежало простымъ человѣческимъ законамъ и въ теченіе этихъ дней Онъ не жилъ обыкновенною жизнью людей. Но вотъ настало время, когда Его земное соприсутствіе съ апостолами должно было прекратиться навсегда, пока не возвратится Онъ въ славу судить міръ. Онъ встрѣтился съ ними въ Иерусалимѣ и, поведши ихъ по направленію къ Вифаніи, велѣлъ имъ не отлучаться изъ Иерусалима, пока не примутъ обѣтованнаго имъ Духа. Онъ

остановилъ ихъ праздные разспросы о временахъ и лѣтахъ и повелѣлъ имъ быть провозвѣстниками Его во всемъ мірѣ. Эти послѣднія прощальныя наставленія вѣроятно высказаны были на какой-нибудь изъ пустынныхъ и уединенныхъ возвышенностей, окружающихъ это селеніе. По окончаніи ихъ, Спаситель поднялъ руки и благословилъ своихъ учениковъ. И когда благословлялъ ихъ, сталъ отдаляться отъ нихъ. Онъ поднялся передъ глазами ихъ, „и облако взяло Его изъ вида ихъ“.

Между нами и Его видимымъ бытіемъ, между нами и прославленнымъ Искупителемъ, сѣдящимъ нынѣ одесную Отца, то облако стоитъ и доселѣ. Но око вѣры можетъ проникнуть черезъ него, оиміамъ истинной молитвы можетъ подняться выше его и роса благословенія можетъ сходить черезъ него. Отойдя отъ насъ, Онъ далъ намъ въ Духѣ Святомъ благодать и возможность еще ближе чувствовать Его соприсутствіе, такъ что самыя объятія любви еще тѣснѣе стали, чѣмъ какими могли бы мы наслаждаться, даже еслибы жили съ Нимъ въ домѣ назаретскомъ, или плавали съ Нимъ въ лодкѣ по прозрачнымъ водамъ Геннисарета. Мы всегда можемъ, и особенно въ молитвѣ, быть ближе къ Нему, чѣмъ даже возлюбленный ученикъ, когда онъ склонялъ голову свою на грудь къ Нему. Слово Божіе близко къ намъ, даже въ устахъ нашихъ и въ сердцахъ нашихъ. Для уха, которое не слышитъ, голосъ Его конечно не раздастся больше. Пусть шумные крики брани потрясаютъ міръ; призывы алчности и наслажденій пусть заглушаютъ вротей зовъ, говорящій намъ: „иди за Мною“; пусть послѣ двухъ тысячъ лѣтъ христіанства невѣрующій ропотъ нетерпѣливаго сомнѣнія дѣлаетъ почти невозможнымъ для вѣрующихъ безъ оскорбленія произнести самый символъ вѣры, который былъ возрожденіемъ міра. Нѣтъ, даже печальнѣе того, пусть слышится по временамъ, и даже въ христіанскихъ и православныхъ странахъ, дерзость богохульствующаго языка, который еще издѣвается надъ Сыномъ Божіимъ, какъ Онъ въ душевной мукѣ томился въ саду или издавалъ на позорномъ дрѣвѣ послѣдній вздохъ. Но тайна Господа Иисуса Христа съ боящимися Его, и имъ откроетъ Онъ Новый Завѣтъ. Всѣмъ, кто слушать хотятъ, Онъ говоритъ еще и теперь. Онъ обѣщался быть съ нами всегда, даже до сконча-

нiя мiра, и обiтованiе Его непреложно. Только тридцать три года короткой жизни Онъ жилъ на землѣ; только въ теченiе трехъ смутныхъ лѣтъ съ перерывами проповѣдывалъ Онъ евангелiе Царства Божiя: но навсегда, пока не закончится теченiе вѣковъ, пока не пройдетъ сама земля съ небесами надъ нею, всѣ истинныя и вѣрныя чада Его будутъ находить миръ, надежду и прощенiе въ имени Его, а имя это Еммануилъ, что значить

СЪ НАМИ БОГЪ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

- Абоъ (талмудическія правила), стр. 248, 249.
- Авгаръ V, царь эдесскій,—преданіе о немъ, стр. 412.
- Августъ, императоръ, стр. 23, 24.
- Агнецъ Божій, стр. 4, 79.
- Агнецъ пасхальный, количество ихъ, стр. 461.
- Адамова голова у подножія креста, стр. 543.
- Акелдама („Поле крови“), стр. 517.
- Аллилуія—великое, стр. 315, 480.
- Алфей, стр. 142.
- Ам-га-арецъ іудейскій терминъ презрѣнія къ неученымъ людямъ, стр. 49.
- Ангель—въ Внѣздѣ, стр. 209; въ Геесимани—486.
- „Ангель—благовѣстникъ пастухамъ“, часовня въ честь его, стр. 1.
- Андрей, призваніе его, стр. 81; его имя—142.
- Анна, первосвященникъ; главная отвѣтственность его по дѣлу о распятіи, стр. 498; причина ярости его противъ Христа—499 и сл.; порожденіе ехиднино—501; алчное веденіе дѣлъ въ *хануі-оот*—501; дерзкое насиліе—502; его положеніе—502; конецъ его—532.
- Анна, пророчица, стр. 11, 13.
- Антипа, сынъ Ирода Великаго, стр. 28; характеръ и жизнь—218 и сл.; даетъ ширь, на которомъ пляшетъ Саломія—221, 222; желаетъ видѣть Христа—224; Христосъ называетъ его „лисицей“—339.
- Антипа—Пилать отправляетъ къ нему Христа, стр. 526; его низкая натура—526, 527; его кончина—538.
- Апокрифическія евангелія—ихъ характеръ, стр. 33, 34; ссылка на нихъ—7, 10, 12, 21, 33, 34, 42; апокрифическая исторія Іосифа Плотника—55.
- Апостолы—призваніе первыхъ изъ нихъ, стр. 79 и сл.; родство между ними—141 и сл.; посылаются по двое—203 и сл.; возвращеніе съ проповѣди—224.
- Апостолы—ихъ буквализмъ, стр. 285; вопросъ имъ со стороны Христа о вѣрѣ въ Него—288; данныя полномочія—289; споръ о томъ, кто больше всѣхъ—303.
- Апостолы—2; споръ о преимуществѣ мѣста, стр. 464; Христосъ является по воскресеніи десяти изъ нихъ—569.
- Арамейскій языкъ, на которомъ говорилъ Христосъ, стр. 53.
- Арета, тесть Ирода Великаго, стр. 219.
- Аристовулъ, стр. 23, 24; убіеніе его Иродомъ—84.
- Архелай—сынъ Ирода Великаго, стр. 28; его изгнаніе—12.
- Асирова колѣно, стр. 13.
- Астрологія, стр. 19.
- Банъ, іудейскій отшельникъ, стр. 61.
- Бар-Кохба, жемессія, стр. 16.
- Баг-козь, стр. 67.
- Безбрачіе—вопросъ о немъ, стр. 379.
- Бее-динъ—комитетъ синедріона, стр. 392.
- Бет-мидрашъ, стр. 503.
- Бичеваніе Христа, стр. 532.
- Благій Учитель—титулъ, отвергнутый Спасителемъ, стр. 381.
- Благовонія при погребеніи, стр. 562.
- Блудница, рѣшеніе по ея дѣлу, стр. 320 и сл.
- Блудный сынъ—притча о немъ, стр. 244, 364.
- Богатства и Царство Небесное, стр. 381, 382, 383.
- Богатый и Лазарь, притча о нихъ, стр. 359.
- Браге, Тихо, звѣзда, видѣнная имъ стр. 16.
- Бракъ и безбрачіе, стр. 379.

- Братья Иисуса, стр. 55, 56; они посягают на дѣйствія Христа, стр. 184; желаютъ говорить съ Иисусомъ — 266; ихъ непочтительность—310.
- Брачный пиръ, притча о немъ, стр. 423.
- Буря, утишенная Христомъ, стр. 187.
- Бѣдность — освященіе ея Христомъ, стр. 46; бѣдность его жизни—177.
- Бѣсноватый — исцѣленіе въ Капернаумѣ, стр. 133; бѣсноватый гадарянинъ—190; исцѣленіе слѣпого и нѣмого — 261; отрока—300 и сл.
- Бѣсовское обдержаніе, стр. 190, 191.
- Валаамъ, стр. 16.
- Вар-Авва, стр. 530, 531.
- Вар-Иона, см. Петръ.
- Вартимей, слѣпецъ и его товарищъ, исцѣленіе ихъ, стр. 395—6.
- Вареоломей, стр. 85, 141; см. Наанаиель.
- Вдова, бѣдная, и ея лепта, стр. 445.
- Вдова, послѣ семи мужей, стр. 431.
- Велзевулъ, стр. 262. *См. также* Диволь.
- Ветхій Заветъ, мѣста изъ него, приложимыя къ жизни Христа, стр. 14, 15, 68, 82—3, 315, 316, 435, 456. *См. также* пророчество.
- Вечера Тайная, см. Тайная вечера.
- Взятіе Христа, стр. 492 и сл.
- Via dolorosa, стр. 541.
- Виноградари, мятежные, стр. 422.
- Виноградная лоза и вѣтви, притча о нихъ, стр. 480.
- Виргилій, его четвертая Эклога, стр. 15.
- Визанія, пребываніе Христа въ Персейской Визаніи, стр. 374.
- Визанія — Христосъ въ домѣ Лазаря, стр. 367 и сл.; дороги отъ нея — 405—6; послѣдній вечеръ въ ней—452, 453.
- Визанія — семейство визанское, стр. 367; молчаніе синоптиковъ о немъ—388.
- Визеада — купальня (Биркет-Израэль), стр. 209, 210; чудо Христа при этой купальнѣ—210.
- Вилеемъ, стр. 5, 28.
- Висаида, или „Рыбный домъ“ (*Висаида Юліана*), стр. 287.
- Висаида (*Западная*), стр. 153.
- Вифагя, стр. 406.
- Власть Христа, стр. 419.
- Вѣщность Спасителя, стр. 82—84, 176.
- Вода на востокѣ, стр. 118.
- Вода живая, стр. 119.
- Вода—хожденіе по водѣ, стр. 231.
- „Вода ревности“—испытаніе ею, стр. 320.
- Вода, обращенная въ вино, стр. 93; особенности его—96—7.
- Водоносныя каменные, стр. 93.
- Водянка — исцѣленіе одержимаго ею, стр. 345.
- Возмеждіе, стр. 538.
- Вознесеніе, стр. 575.
- Волхвы, поклоненіе ихъ, стр. 9, 10, 13—20.
- Возрастъ Христа во время крещенія отъ Іоанна, стр. 65.
- Вороны—урокъ изъ ихъ жизни, стр. 271.
- Воскресеніе, стр. 560 и сл.; взгляды на него саддукеевъ—431.
- Воспитаніе іудейское, стр. 49—51.
- Воспитаніе Христа, стр. 49—51.
- Восторженность и помѣшательство, стр. 157—8.
- Враги,—любовь къ врагамъ, стр. 147.
- Входъ въ Иерусалимъ, стр. 406 и сл.
- Вычисленіе цѣны, стр. 347.
- „Вышелъ изъ себя“—отзывъ о Спасителѣ, стр. 158.
- Вѣнецъ,—терновый, стр. 533.
- Вѣра, совершенная, стр. 301, 302.
- „Вѣтъ“, пророчества о ней, стр. 37.
- Гагадоевъ—іудейскія легенды, стр. 25.
- Гадара, языческой округъ, стр. 192.
- Гадарянинъ—бѣсноватый, стр. 189—190.
- Гадаряне — ихъ просьба ко Христу, стр. 192.
- Галахоевъ, стр. 256. *См.* устный законъ, Талмудъ и пр.
- Галилейское служеніе Христа,—начало его, стр. 130 и сл.
- Галилеяне—избѣненіе ихъ, стр. 336, 520.
- Галилея — описаніе ея, стр. 29—30; какъ къ ней относились — 37; пророки изъ нея—37—8; новѣйшіе евреи и ихъ взглядъ на Галилею, стр. 317.
- Галилея — жизнь Спасителя въ ней, стр. 173 и сл.; Его прощаніе съ ней,—334.
- Галилейское озеро, см. Геннисаретское озеро.
- Гареѣз, см. Арета.
- Гаризимъ, гора, стр. 121.
- Геенна, стр. 270.
- Гемара, стр. 255.
- Геннисаретъ — озеро Геннисаретское, стр. 99—100; теперешнее заустѣніе—100; его западный берегъ — 185; внезапныя бури—187; морское сраженіе на немъ — 342; явленіе Спасителя на немъ по воскресеніи—570.
- Геннисаретъ — земля геннисаретская, стр. 99.
- Гераса, Гегреса, — гергесинцы и ихъ просьба ко Христу, стр. 192.
- Геосиманія, садъ Геосиманскій, стр. 482 и сл.
- Гилгелъ — одинъ изъ основателей маорсы, стр. 43; споръ съ Шаммаи о разводѣ, стр. 374—5; Христосъ поправляетъ его возрѣніа, 377.
- Глупецъ — притча о богатомъ глупцѣ, стр. 271.
- Глухой и косноязычный человѣкъ — исцѣленіе его, стр. 276.
- Годъ рожденія Христа, стр. 17, прим.
- Голаль—пригробный камень, стр. 388.

Голени—перебивание ихъ у распятыхъ (Scutifragium), стр. 559.

Голгова, стр. 542 и сл.

Голосъ съ неба, стр. 67, 298, 413.

Голуби—торговля ими, стр. 105; жертва бѣднѣхъ—106.

Голубиная долина, стр. 99, 141.

Гора блаженствъ, стр. 140—1, 573.

Гора, Христосъ удаляется на гору для молитвы, стр. 140, 230.

„Горе“ Хоравину, Виосайдѣ и пр., стр. 284, 341; горе книжникамъ и фарисеямъ, стр. 438 и сл.

Горница, стр. 462.

Города на востокѣ, стр. 318; нелюбовь къ нимъ Спасителя—287, 318.

Гостепримство—на востокѣ, стр. 168, 203.

Греки желаютъ видѣться съ Христомъ, стр. 412—3.

Греческій языкъ въ Палестинѣ, стр. 52.

Гробы—у иудеевъ, стр. 388, 563.

Грѣшники и мытари, общеніе Христа съ ними, какъ источникъ смущенія для фарисеевъ, стр. 243 и сл., 397.

Давидъ — происхождение Христа отъ Давида, стр. 437; ѣлъ хлѣбъ предложенія—250.

Двѣнадцатый годъ въ жизни иудейскаго мальчика, стр. 38.

Деспосны, стр. 23.

Десятиградіе, посѣщеніе его Христомъ, стр. 276 и сл.

Джебель—Фуреидисъ, гора, стр. 6.

Динарій, стр. 429.

Дисма, добрый разбойникъ, стр. 550.

Диаволъ, — Спасителя обвиняютъ въ союжѣ съ нимъ, стр. 262.

Долина Голубей, стр. 98, 141.

Дома—на востокѣ, стр. 194.

Домоправитель — притча о неправедномъ домоправителѣ, стр. 358.

Драхма, притча о потерянной драхмѣ, стр. 364.

Дѣвы, притча о десяти дѣвахъ, стр. 452.

Дѣти — любовь І. Христа къ нимъ, стр. 304; благословеніе дѣтей—381.

Дѣти—дѣвола, стр. 328.

Дѣтство Христа, событія въ теченіе его, стр. 9, 36—37.

Дѣтство, христіанство измѣняетъ взглядъ на него, стр. 9, 380.

Евангелисты — очевидность подлинности ихъ писаній, стр. 7, 8; назидательность ихъ молчанія—31 и сл.; правдивость повѣствованія — 70; восполненіе одного другимъ — 9; простая правдивость — 7, 130, 232; порядокъ событій—181; совершенная честность—495.

Еврейскій языкъ—знаніе его Христомъ, стр. 52.

Египеть—бѣгство въ Египеть, стр. 10, 20 и сл.

Елеонская гора, стр. 318; видъ съ нея—447; бесѣда на ней—448 и сл.

Еммаусъ — Христосъ является двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ, стр. 568.

Ен-Ганнимъ („Источникъ садовъ“), стр. 345, 346.

Енофъ, близъ Салима, стр. 116.

Ермонъ, гора, стр. 297.

Ессен, стр. 50.

Ефраимъ — Христосъ удаляется въ него, стр. 335, 391; остроконечный холмъ—393.

Жажда при распятіи, стр. 555.

„Женщина“, „жено“ — способъ обращенія въ рѣчи, стр. 93.

Женщина съ алавастровымъ сосудомъ нарда въ домѣ Симона фарисея, стр. 163; см. также Марія Магдалина.

Женщина кровоточивая, исцѣленіе ея, стр. 199, 200.

Женщина недужная, исцѣленіе ея, стр. 350, 351.

Женщина, взятая въ прелюбодѣяніи, стр. 317 и сл.

Женщины—на праздниѣ Пасхи, стр. 41.

Жизнь вѣчная,—какъ наследовать ея, стр. 382—3.

Жизнь Христа на землѣ — жизнь бѣдности, простоты, труда, здоровья и скорби, стр. 177 и сл.

Жизнь, иудейское дѣленіе ея на періоды, стр. 32—9.

Заклинаніе бѣсовъ у иудеевъ, стр. 261.

Законъ Моисеевъ, стр. 215, 216; писанный и устный—255, 256; приспособительность его—375; „распри“ о законѣ—335; законъ двѣнадцати таблицъ 537.

Законники, укоряются Христомъ, стр. 268, 269.

Захей, стр. 396 и сл.

Заповѣдь—наибольшая, стр. 433—4.

Захарія, пророкъ, стр. 439.

Звуки словъ, придававшаяся имъ важность у евреевъ, 37, 81.

Звѣзды—мимолетныя, стр. 16 и слѣд.

Здоровье въ жизни Христа, стр. 179.

Зеведей, отецъ апп. Іакова и Іоанна, стр. 143.

Зилоть, см. Кананитѣ.

Злой совѣтъ — холмъ злого совѣта, стр. 406.

Знаменіе съ неба, требованіе его, стр. 282, 283.

Избѣженіе младенцевъ, свидѣтельство Макробія и каламбуръ импер. Августа, стр. 24.

Изреченіе Христа, сохранившееся въ преданіи, стр. 251.

Иссохшая рука, исцѣленіе ея, стр. 252.

Илия—при преображеніи Христа, стр. 298; іудейское ожиданіе его—300.

Имя Бога, см. Тетраграмматонъ.

Имя, нареченіе его, стр. 11.

Иродъ Великій, стр. 13, 22; чужеземецъ по происхожденію—13; его ревнивость, стр. 22—3; его убійства—23, 24; ужасы его смертнаго ора—26—7; его погребеніе—27.

Иродъ Великій—дворецъ его въ Иерусалимѣ, стр. 251; каламбуръ импер. Августа на счетъ жестокости Ирода—24.

Иродъ Агриппа I,—его характеръ, стр. 339.

Иродъ Антипа, см. Антипа.

Иродъ Архелай, см. Архелай.

Иродъ Филиппъ, четвертовластникъ Итурей, стр. 227.

Иродіада—увезенная Иродомъ Антипой, стр. 218, 219; ненависть ея къ Іоанну Крестителю—220; добивается его убіенія—221—222; ея послѣдующая судьба—226.

Иродіане, стр. 427.

Искаріотъ, человекъ изъ Киріоеа, см. Іуда, стр. 142.

Искушеніе Христа въ пустынѣ, стр. 68 и сл.

Искушенія Спасителя, другія, стр. 70.

Исламъ, стр. 151.

Иссопъ, стр. 555.

Іанръ, воскрешеніе его дочери, стр. 199—200.

Іаковъ ап., апокрифическое евангеліе его о Рождествѣ Христовомъ, стр. 7, 8.

Іаковъ, сынъ Зеведея, апостолъ, стр. 143.

Іаковъ, колодезь его, описаніе, стр. 118, 121.

Іерихонъ, стр. 395 и сл.

Іеронимъ, бл., стр. 4.

Іерусалимъ, описаніе его, стр. 407; Христость оплакиваетъ его—408, 439; разрушеніе его—408—9; 442—3, 451 и сл.; ужасы осады—538.

Іисусъ—значеніе этого имени, стр. 11.

Іисусъ—Рождество, стр. 1—9; обрѣзаніе—11—12; принесеніе въ храмъ—10—11; бѣгство съ Нимъ въ Египетъ—20 и сл.; отрочество—28 и сл.; среди раввиновъ и старѣйшинъ—43; первыя извѣстныя намъ слова Его—44; Его воспитаніе—49 и сл.; Его ремесло—46; любовь къ неодушевленной природѣ—57; важность незаписаннаго періода Его жизни—46; Его домъ—54; Его крещеніе—66—7; искушеніе 68 и сл.; Его первое чудо—90 и сл.; первое очищеніе храма—106 и сл.; первый намекъ на свою смерть—114; въ Назаретѣ—125 и сл.; объявленіе о мессіанствѣ—121; избѣгаетъ ярости толпы—127—8, 373; исцѣляетъ сына царедворца—130; исцѣляетъ бѣсноватаго въ Капернаумѣ—133; проповѣдуетъ съ лодки

—136; любовь къ уединенію—140; нагорная проповѣдь—146; особенность Его ученія—146; непрестанные труды—157; хожденіе по Галилеѣ—173 и сл.; учить притчами—183 и сл.; предсказаніе о своей кончинѣ—197; запрещаетъ разглашать о своихъ чудесахъ—154; отправляетъ двѣнадцать апостоловъ на проповѣдь—203 и сл.; обвиненія противъ Него—217; принужденъ оставить Іудею—217; насыщаетъ пять тысячъ народа—229 и сл.; хожденіе по водѣ—231; бесѣда въ Капернаумѣ—234 и сл.; начало противодѣйствія—241 и сл.; разрушеніе субботныхъ сувѣрій—247; исцѣляетъ сухую руку—252; обличаетъ фарисейство—255 и сл.; научаетъ молиться 258; исцѣляетъ слѣпного и нѣмого бѣсноватаго—261; день открытаго разрыва—267 и сл.; среди язычниковъ—274 и сл.; исцѣляетъ дочь сиропиникянки—276; насыщаетъ четыре тысячи народа—277; Его нелюбовь къ городамъ—287, 318; преображеніе—298 и сл.; на праздникѣ вущей—309 и сл.; посылаетъ семьдесятъ учениковъ на проповѣдь—340; на праздникѣ обновленія—367 и сл.; „Я и Отецъ едино“—372; воскрешаетъ Лазаря—384 и сл.; второе очищеніе храма—411; тайная вечеря—461 и сл.; судъ надъ Нимъ—496 и сл.; распятіе—539 и сл.; Его воскресеніе—560 и сл.; послѣднія явленія—565 и сл.; вознесеніе—575; см. также: Чудеса, Притчи, Пасха и пр.

Іоанна, жена Хузы, домоправителя Ирода, стр. 129.

Іоаннъ Креститель—его миссія, стр. 61 и сл.; мѣсто его служенія—64; внѣшность—63; сущность его крещенія—65 и проповѣди—6; его благоговѣнное смиреніе предъ Христомъ—67; онъ указываетъ на Іисуса, какъ на Мессію—79; его крещеніе, покаянія—115; его свидѣтельство—116; посольство отъ него Христу—160; въ темницѣ—163, 164; похвала ему отъ Христа—165; вызовъ къ Ироду—22; убіеніе 222—3; погребеніе 224.

Іоаннъ Креститель—ученики его спрашиваютъ Христа о пощеніи, стр. 196—7.

Іоаннъ, сынъ Зеведея, призваніе его, стр. 79; его близость ко Христу—143; его характеръ—143; при гробѣ Христа—564.

Іоаннъ—ев., особенность его евангелій, отношеніе его къ синоптикамъ, стр. 104, 123, 130.

Іона, пророкъ, знаменіе его, стр. 265.

Іосифъ Аримаеѣйскій, стр. 561.

Іосифъ, обручникъ Маріи,—плотникъ, стр. 46—7; преданіе касательно его прежняго брака—56; смерть его—91.

Іошуа Бенъ-Перахія, стр. 504.

Іуда Асмонеи, стр. 371.

Іуда Гамала, стр. 42.

Іуда Искариотъ, апостолъ, стр. 142; предсказаніе Христа о его предательствѣ—240; его алчность—402—3; тор-

гуется о преданіи Христа—404, 457 и сл.;
ковчина его—516 и сл.

Иудей,—алчность ихъ, стр. 358.

Иудей, см. синедрионъ, книжники, фарисей, саддукеи и пр.

Иудейская народность, алчность ея, стр. 358.

Иудейскія секты, стр. 281, 282.

Иустинъ Философъ, стр. 3—4.

Каиафа — гражданскій первосвященникъ, стр. 390; собраніе въ его домъ — 455 и сл.; допросъ Христа предъ нимъ — 503 и сл.; постигшая его судьба—538.

Камень, отвергнутый строителями, стр. 423.

Кана Галилейская, бракъ въ ней, стр. 90 и сл.

Кананитъ или Зилотъ, стр. 142.

Капернаумъ—первоначальный центръ служенія Христа, стр. 98; описаніе его—98 и сл.; мѣстоположеніе—103; Христосъ останавливается въ немъ на жительство по оставленіи Каны—131; первая суббота Христа тамъ—131 и сл.; бесѣда въ Капернаумѣ — 234 и сл.; „горе Капернаумъ“—284, 341.

Каравансерай или ханъ на востокѣ, стр. 2—3.

Кварантанія, по преданію мѣсто искушенія Христа, стр. 68.

Кеплеръ „о звѣздѣ на востокѣ“, стр. 17—18.

Кесарія Филиппова, стр. 287.

Кесарь—права его, стр. 429 и сл.

Кимгамъ—домъ его, стр. 5.

Киреній (P. Sulp. Quirinus), стр. 4—5.

Кисточки на ухахъ еврейскихъ плащей, стр. 190, 434.

Клавдія Прокула, жена Пилата, стр. 529.

Клеопа, стр. 56, 568.

Клопа, см. Клеопа.

Ключи,—власть ключей, стр. 290.

Книжники,— ихъ ученіе, стр. 149; побужденія ихъ къ желанію смерти Христа—500—502.

Книжникъ — высказываетъ готовность слѣдовать за Христомъ, стр. 185.

Кончина міра, бесѣда о ней, стр. 447—8 и сл.

Корванъ, стр. 255.

Кос-га-бераха (чаша благословенія), стр. 473.

Крещеніе Іоанново—съ неба или отъ человѣковъ? стр. 419.

Крещеніе Христа — Іоанномъ, стр. 66 и сл.;—учениковъ Христа—115.

Кровавый потъ, стр. 486.

Кровоточивая—исцѣленіе ея, стр. 199, 200.

Крестъ — семь возгласовъ на крестѣ, стр. 545, 551, 552, 553, 555; взятіе на себя креста—205.

Кровь—и вода, стр. 560.

Sturifragium, стр. 559 и сл.; см. также голени.

Курн-Хаттинъ, стр. 140.

Куци, праздникъ кушей, Христосъ на этомъ праздникѣ, стр. 309 и сл.; вода изъ Силоамскаго пруда—315; описаніе праздника — 315, 326; свѣтильники, зажигавшіеся на этомъ праздникѣ—326.

Крыло храма, стр. 74.

Лазарь—предположенія касательно его, ст. 367; воскрешеніе его—384 и сл.

Larides Iudaici, стр. 71.

Латинскій языкъ, вѣроятно знакомъ Іисусу, стр. 52.

Ливанъ въ ханѣ, стр. 3.

Легионъ римскій, стр. 191.

Леонтъ, стр. 276.

Лепта вдовы, стр. 479.

„Ликваніе духомъ“ Христа, стр. 343.

Лиги похвѣныя—урокъ изъ нихъ, стр. 271.

Ликать гаггазиевъ, или палата евадратовъ, стр. 44, 503, 512.

Ловцы чelовѣковъ, стр. 137.

Лоджа, проповѣдь Христа съ нею, стр. 136.

Лука, евангелистъ, эпизодъ въ его евангеліи, стр. 334.

Лулабъ, стр. 311.

Любовь—къ врагамъ, стр. 147.

Магдала (*Эл-Медждедъ*), стр. 172, 309; см. также Марія Магдалина.

Макробій, свидѣтельство его объ ибленіи младенцевъ Иродомъ, стр. 24.

Малхъ, которому отрублено было ухо, стр. 493.

„Малыя сивъ“—проклятіе на тѣхъ, кто соблазняетъ ихъ, стр. 304, 305.

Мальчики іудейскіе, стр. 38, 39.

Мананлъ, молочный братъ Ирода, стр. 129.

Марія Магдалина,—отождествленіе ея съ грѣшницей въ домѣ Симона фарисея, стр. 172; у гроба Христа—563—5; Христосъ являетъ ей—566.

Марія, сестра Лазаря, стр. 367 и сл.; 385—7; тонкое очертаніе ея характера—385; умащаетъ голову и ноги Христа—402.

Маркъ, евангелистъ, свидѣтельство его о ванятіи І. Христа въ Назаретѣ, стр. 46; живописныя черты въ его евангеліи—275.

Марѳа, сестра Лазаря—предположенія касательно ея, стр. 367; ея характеръ—368.

Марія Дѣва, стр. 4; заимствованныя у нея свѣдѣнія о Рождествѣ Христа—8—9; сопровождаетъ Іосифа на праздникъ Пасхи—39—40; укоръ ея отроку Іисусу—44; въ Канѣ—91—3; при распятіи—590—1.

Масоретъ ученый, стр. 268.

Матѳей, его евангеліе, стр. 37.

Матеей евангелистъ, его призваніе, стр. 138, 139; даетъ пирь—195 и сл.
 Махеръ, темница, гдѣ заключенъ былъ Іоаннъ Креститель, стр. 162.
 Мегиддонъ (Леджѣнъ), стр. 345.
 Мелеатръ Гадарскій, стр. 52.
 Мертвые—пусть погребаютъ мертвыхъ, стр. 186.
 Меснеъ—укорительное названіе Христу отъ іудеевъ, стр. 311, 421, 513, 526.
 „Мессія“—значеніе имени, стр. 11; іудейское понятіе о Немъ—234 и сл.
 Мессіанство, объявленіе о немъ, стр. 121, 125—6.
 Мессіанскія пророчества, непониманіе ихъ іудеями, стр. 176 и сл., 235 и сл.
 Милостыня, стр. 444.
 Минны—притча о минахъ серебра, стр. 399.
 Миссіонерскіе труды, стр. 204 и сл.; первое условіе ихъ успѣшности, стр. 206.
 Мишна, стр. 255—6, 435.
 Младенцы—избіеніе ихъ Иродомъ, стр. 23 и сл.
 Моисей—при преображеніи Христа, стр. 298—9.
 Моленіе о чашѣ, стр. 485 и сл.
 Молитва Господня, преподанная Христомъ своимъ ученикамъ, стр. 258.
 Монеты—іудейскія, стр. 445, 457.
 Морія, гора, стр. 410.
 Мытари—презрѣніе и ненависть къ нимъ, стр. 138; общеніе Христа съ ними, какъ источникъ смущенія для фарисеевъ—243, 397.
 Мѣвовщики денегъ, стр. 105.
 Нагорная проповѣдь, стр. 142, 146 и сл.
 Надписъ на крестѣ, стр. 547.
 Назаретъ, описаніе его, стр. 30; жизнь Христа въ немъ—46 и сл.; вершина холма въ немъ—58; преврѣніе къ нему—86.
 „Назарянинъ“—презрительное названіе, стр. 37.
 Назаряне, отвергли Христа, стр. 123 и сл.
 Назойливый проситель, притча о немъ, стр. 260.
 Наинъ, описаніе его, стр. 158; воскрешеніе сына вдовы—159.
 Налоги, подать храмовая, стр. 306.
 Наси, титулъ предсѣдателя синедриона, стр. 497.
 Насыщеніе пяти тысячъ народа, стр. 226 и сл.;—четырехъ тысячъ—278.
 Начальникъ синагоги, стр. 199, 350.
 Наоананъ, апостоль, призваніе его, стр. 85—88; характеръ его—89—90.
 Нибуръ, ссылка на него, стр. 19.
 Никодимъ—бесѣда съ нимъ, стр. 112 и сл.; „учитель Израилевъ“—113, 114; говорить въ защиту Христа—316; при погребеніи Христа—562, 563.
 Николай Дамасскій, царедворецъ Ирода, стр. 25.

Ноги—омовеніе ногъ ученикамъ, стр. 465, 466.

Обличеніе—великое, стр. 433 и сл.

Обложеніе податью, стр. 4.

Обновленіе—праздникъ обновленія храма, стр. 335, 367; Христосъ на этомъ праздникѣ—370; установленъ Іудой Маккавеемъ—370.

Обрѣзаніе Христа, стр. 9—10.

Обувь, сандалии, стр. 167, 225—6, 203, 465.

Общество, состояніе его во время пришествія Христа, стр. 60, 61.

Обычай домашніе на востокѣ, стр. 167.

Овца, притча о заблудшей овцѣ, стр. 364.

Одежда Христа, стр. 175, 465; головное покрывало—176.

Одежды Иисуса—раздѣлъ ихъ, стр. 548.

Озеро, ходженіе Христа по водамъ его, стр. 231.

Омовеніе рукъ и ногъ на востокѣ, стр. 93.

Омовенія—передъ пищей не соблюдались Спасителемъ и Его учениками, стр. 254 и сл.; вождей іудейскихъ—255.

Оплакиваніе умершихъ у іудеевъ, стр. 200.

Орель—римскій символъ, стр. 451.

Орфей, какъ символъ Христа, стр. 69.

Осанна, стр. 407.

Отлученіе Христа—вѣроятное, стр. 333.

Отрочество Христа, стр. 31, 32 и сл.

Отшельничество, стр. 61, 62.

Очищеніе, обрядъ очищенія, стр. 11; очищеніе храма Христомъ—106 и сл., 411.

Очищеніе, см. храмъ.

Павель, ап., видѣніе имъ Христа, стр. 574.

Палестина,—физическая географія ея, стр. 28—30.

Павел, см. Кесарія Филиппова.

Параличній, исцѣленіе его, стр. 194.

Пастухи—благовѣстіе имъ, стр. 2, 3; они идутъ въ гостиницу—6.

Пасха—празднованіе ея, стр. 472; стеченіе народа—41, 104; первая пасха во время служенія Христа—104 и сл.; частыя волненія—336; пасха у самарянъ въ настоящее время—472; различные виды пасхи—472; Іерусалимъ во время ея—104 и сл.

Пасхальный агнецъ, стр. 462, 559.

Первосвященникъ—пять живыхъ первосвященниковъ во время Христа, стр. 496; упадокъ ихъ значенія—497.

Перепись въ царствованіе Августа, стр. 4.

Перепись, см. Налоги.

Перелъ, стр. 189; послѣднее пребываніе въ ней Христа—374 и сл., 384.

Петръ, апостоль,—призваніе его, стр. 81; его близость къ Спасителю—143; его характеръ—144; его домъ въ Капер-

наумѣ — 193; шестіе въ Христу по морю — 231; его исповѣданіе — 240, 289; „ты Петръ и на семь камней“ — 290; его положеніе среди другихъ апостоловъ — 290—1; укоры со стороны Христа — 293; его обращеніе въ Христу — 383; его поведеніе на тайной вечери — 466 и сл.; предостереженіе — 475, 483; спить въ Геесиманіи — 489; клятвенно отрекается отъ Христа — 509; у гроба Христова — 565; явленіе ему Христа — 568; послѣднее порученіе ему отъ Христа — 572.

Пещера — мѣсто Рождества Христова, стр. 3—4.

Пилять — служебная лѣтопись его, стр. 518 и сл.; Иисусъ Христосъ передъ Пилатомъ — 522 и сл.; его предчувствія — 529; его трусость — 530, 536 и сл.; умываетъ руки — 537; конечная судьба его — 538; отдастъ тѣло Иисуса — 562.

Писаніе св., іудейскій способъ толкованія его, стр. 305.

Пасха, стр. 462 и сл.

Плотникъ, Христосъ въ этомъ званіи, стр. 46, 47.

Плугъ — обязанность берущагося за плугъ, стр. 186.

Побіеніе камнями, покушеніе на Христа, стр. 328, 372.

Погребеніе на востокѣ, стр. 388; погребеніе Христа — 562.

Подать, чудо, связанное съ уплатой подати, стр. 306.

Подать Кесарю, ея законность, стр. 428.

Понедѣльникъ страстной недѣли, стр. 415 и сл.

Поруганіе надъ Христомъ — первое, стр. 512; второе у Ирода Антипы — 527; третье въ преторіи — 532—3.

Роса — напитокъ римскихъ воиновъ, стр. 555.

Постель, стр. 194, 210, 211.

Постъ, содержавшійся Христомъ, стр. 70—1; освященіе его Христомъ — 71; отвѣтъ Его на жалобу учениковъ Іоанна касательно поста — 195, 242.

Посты іудейскіе, стр. 196, 242.

Поцѣлуй, Христосъ преданъ имъ, стр. 491.

Правила — предполагаемое число ихъ, стр. 434; „легкія“ и „тяжелыя“ правила — 435.

Правитель, молодой богатый, стр. 381.

Праздникъ, непоименованный въ Іоан. V, 1, стр. 206, примѣч.

Преображеніе, стр. 296 и сл.

Преторія Иродова, стр. 521.

Принесеніе въ храмъ, стр. 9—13.

Притчи — ученіе Христа притчами, стр. 183 и сл.; см. *отдѣльные слова*: Глупецъ, притча о богатомъ глупцѣ — 271; Драхма потерянная — 364; Овца — 363; Блудный сынъ — 244, 264; Фарисей и мытарь 363; Богатый и Лазарь — 358; Самарянинъ —

притча о добромъ самарянѣ — 361; Не-праведный домоправитель — 358 и пр.

Продолжительность служенія Христа на землѣ; см. служеніе Христа.

Прокаженный и проказа, стр. 153 и сл., 347—8; очищеніе прокаженнаго — 153; священническое очищеніе — 154; исцѣленіе десяти прокаженныхъ — 347; мнѣніе, что Христосъ былъ прокаженный — 82.

Проповѣдь нагорная, стр. 142, 146 и сл.

Пророческія предостереженія Христа, стр. 451 и сл.

Пророчество древнее, ссылки евангельскія на него, стр. 14, 22, 37, 135, 164.

Пророчества языческія касательно прішествія Христа, стр. 15.

Простота жизни Христа, стр. 177.

Противодѣйствіе ученію Христа, стр. 241 и сл., 256 и сл.

Прощеніе грѣховъ Христомъ, стр. 171, 194, 241 и сл.

Пуризмъ, праздникъ, стр. 206.

Путешествіе на востокѣ, стр. 5.

Раббанъ, равви, титулъ, стр. 12, 80.

Раввины, Христосъ среди раввиновъ, стр. 42—44.

Раввинскія шеолы и ихъ ученіе, стр. 434.

Раввины — обращеніе къ нимъ за совѣтами въ сомнительныхъ и затруднительныхъ случаяхъ, стр. 319, 320.

Раввунн, стр. 396.

Равнина Геннисаретская (*Эл-Гувейръ*), стр. 99; ея центральность и населенность — 101—2.

Радости въ жизни Христа, стр. 180—181.

Разбойники въ виноградникѣ, притча о нихъ, стр. 384.

Разбойники, распятые съ Христомъ, стр. 540.

Разбойникъ, раскаявшійся на крестѣ, стр. 550.

Разводъ, вопросъ о немъ, стр. 374 и сл.

„Разногласіе“ въ повѣствованіи о судѣ надъ Христомъ, стр. 495 и сл.

Распорядитель пира, стр. 93—4.

Распятіе — какъ наказаніе, стр. 539 и сл.; первое заявленіе Христа о распятіи — 292; самое распятіе 544, 545 и сл.

Ревность, вода ревности, стр. 320.

Римская подать и налоги, стр. 138—139.

Ринокогура, рѣка, стр. 21.

Рожденіе — день рожденія, стр. 221.

Рожденіе Христа — опредѣленіе года, см. годъ.

Рождество Христово, стр. 1 и сл.

Рождество, церковь и монастырь Рождества, стр. 3—4.

Рыба — чудесный уловъ рыбы, стр. 137, 570.

Саддукеи, стр. 50; предостережение от нихъ учениковъ — 285; взгляды ихъ на воскресеніе — 431; принимали главное участіе въ распятіи, стр. 499, 513; причина ихъ озлобленія — 500, 501.

Саломія, дочь Иродіады, пляска ея на пиршествѣ, стр. 222; ея кончина по преданію — 226.

Саломія, мать Иакова и Иоанна — ея пресѣба за сыновей, стр. 394.

Самаряне — ненависть къ нимъ іудеевъ, стр. 117 — 119; ожиданіе ими Мессіи — 121; избіеніе ихъ Пилатомъ — 518.

Самарянинъ, притча о добромъ самарянѣ, стр. 361.

Самарянка, стр. 117 и сл.

Самоотверженіе, законъ самоотверженія, стр. 294, 295.

Саранча, какъ пища, стр. 63.

Сатана⁴, значеніе этого слова, стр. 294.

Сафедъ — городъ на верху горы, стр. 58, 317.

Сборъ пошлинъ — въ Капернаумѣ или близъ его, стр. 138 — 9.

Свадьба на востоцѣ, стр. 90 — 1.

Светоній, цитаты изъ него, стр. 23.

Свиньи, стадо ихъ при исцѣленіи бѣсноватаго гадарянина, стр. 191.

Свѣтъ міра, стр. 326.

Семьдесятъ учениковъ, стр. 335; посылаются на проповѣдь — 340; возвращеніе ихъ — 362 и сл.

Сестры Иисуса, стр. 91.

Сидонъ, см. Тиръ и Сидонъ.

Сидѣніе за столомъ, стр. 167.

Силоморъ дерево, стр. 397.

Силоамъ, башня въ Силоамѣ, стр. 337.

Силоамъ, купальня силоамская, стр. 329.

Симеонъ и Анна, стр. 12 — 13.

Симонъ — ходячее имя среди іудеевъ, стр. 166; см. Петръ.

Симонъ Воеусимъ, стр. 218.

Симонъ, исцѣленіе его тещи, стр. 133.

Симонъ Кирияейскій, стр. 541.

Симонъ прокаженный, стр. 367, 389, 400.

Симонъ фарисей, пиршество въ его домѣ, стр. 166 и сл.

Синагоги іудейскія и богослуженіе въ нихъ, стр. 124; построенная сотникомъ въ Капернаумѣ — 102, 156.

Синедрионъ, стр. 12 — 13; низведенный до ничтожества — 14, 60; наблюдаетъ за дѣятельностью Иисуса — 314; собраніе его послѣ воскресенія Лазаря, стр. 360; мірская политика — 390; посылаетъ депутацію къ Христу — 419 и сл.; отказъ отвѣчать на вопросъ о брешеніи Иоанна — 420; упадокъ его — 499; три комитета — 503; составъ его — 503, 513; допросъ Христа передъ синедриономъ — 513 и сл.; потерялъ право предавать смерти — 513, 523; судъ надъ Иисусомъ — 514, 515.

Синоптическія евангелія — пробѣды въ нихъ, стр. 78.

Сирофиникиянка и ея бѣсноватая дочь, стр. 274 и сл.

Сихарь, колодезь Иакова близъ Сихаря, стр. 117 — 118, 123.

Скорбь въ жизни Христа, стр. 180.

Слѣпой и нѣмой, исцѣленіе, стр. 261; исцѣленіе слѣплого въ Внесадѣ — 286; исцѣленіе слѣпорожденнаго — 229 и сл.

Смерть — страхъ ея, стр. 487.

Смоковница — проклятіе бесплодной, стр. 416 — 7, 425; обычай іудейскій молиться подъ смоковницею — 88.

Совѣтъ, см. Синедрионъ.

Соглашенія евангелій, стр. 9.

Сокровищница храма, стр. 326.

Соломоновъ притворъ, стр. 74, 105, 370.

Соль — ея иносказательное значеніе, стр. 305.

Сорокъ дней, 68.

Сотникъ, исцѣленіе слуги его, стр. 156. Сребреникъ, Христосъ проданъ за тридцать сребрениковъ, стр. 404, 458.

Стража ночная у Креста, стр. 548.

Страстная недѣля — понедѣльникъ, день притчъ, стр. 415 и сл.; пораженіе и изблеченіе священниковъ и фарисеевъ — 419; вторникъ — день искушеній, величайшій день въ общественномъ служеніи Христа — 425 и сл.; вопросъ о подати — 428; вопросъ со стороны саддукеевъ — 431; великое обличеніе — 433 и сл.; вопросъ законника — 433; лепта вдовы — 445; великая бесѣда — 448: послѣднее вечернее шествіе въ Визанію — 454; среда, проведенная въ уединеніи — 460; великій четвергъ — 461 и сл.; Петръ и Иоаннъ посылаются въ Иерусалимъ — 462, см. Тайная вечеря; судъ; распятіе.

Суббота — предполагаемое нарушеніе ея Христомъ, стр. 211 и сл., 250 и сл., 330 и сл.; іудейское соблюденіе ея — 211, 248, 252; шесть споровъ о ней, стр. 353.

Суббота передъ пасхой, стр. 400.

Субботный путь, стр. 249.

Судъ надъ І. Христомъ гл. LVIII — LX; первый допросъ у первосв. Анны, стр. 501; причины, почему Анна, его семейство и саддукеи порѣшили уничтожить Его — 500 — 1; беззаконное насиліе — 502; второй допросъ передъ Каиафой — 503; исцѣленіе жесвидѣтелей — 504; вопросъ Каиафы — 506; разрываетъ свои одежды — 507; третій допросъ передъ синедриономъ — 513 и сл.; четвертый допросъ передъ Пилатомъ — 522 и сл.; обвиненіе въ богохульствѣ замѣняется тремя новыми обвиненіями — 524; личный разговоръ съ Пилатомъ — 524, 525; первое оправданіе — 525; отсылается къ Ироду Антипѣ — 526; второе оправданіе — 527; тайны предчувствія Пилата — 527, 529; сновидѣніе его жены — 529; его тревога — 530; предпочтеніе Вараввы — 530 и сл.; „се человекъ“!

534; третьооправданіе—534; „Откуда ты“—535; „се Царь вашъ“—536, см. распятіе.
Судъ — день страшнаго суда, стр. 450 и сл.

Сувѣрїе и невѣрїе, стр. 527.

Сузскія врата, стр. 105.

Суккобъ, временные шалаши, стр. 80, 311.

Сыновья, притча о двухъ сыновьяхъ, стр. 421.

Сынъ Давидовъ, стр. 201.

Сыны грома, стр. 346.

Сѣятель, притча о немъ, стр. 183.

Тайная вечеря, стр. 416 и сл.; была ли совершеніемъ Пасхи, стр. 462.

Таланты, притча о талантахъ, стр. 452.

Талпоа куми, стр. 201.

Талиноъ, іудейскій плащъ, стр. 176, 199, 434.

Талмудъ — свидѣтельство его о жизни Христа, стр. 504; о смерти Его — 513.

Христось и христіане по талмуду, стр. 523.

Танцоры и танцовщицы, стр. 222.

Тефиллинъ, см. филактерїи.

Тиверїада, городъ, стр. 99, 101, 224.

Тиверїй, римскій императоръ, стр. 64, 76; его политика—320; его характеръ—536.

Тиръ и Сидонъ, посѣщеніе ихъ Христомъ, стр. 276.

Титъ, императоръ, стр. 409.

Тихо Браге, замѣченное имъ сочетаніе планетъ, стр. 16.

Торговля въ храмѣ, стр. 105—6.

Торжественный входъ въ Іерусалимъ, стр. 406 и сл.

Тридцать сребрениковъ, стр. 404.

Триклиній, стр. 305, 464.

Трудъ — облагороженъ Христомъ, стр. 46; труды Его жизни—157, 178—9.

Тѣло Христа по воскресенїи, стр. 566.

Уловъ рыбы, стр. 137 и 570.

Умалишенные, обращеніе съ ними, стр. 190.

Умытіе рукъ Пилатомъ, стр. 537.

Урокъ прощенїа, стр. 306.

Устный законъ, стр. 51, 256; превозношенїа его—254, 256, 512.

Ученїе Иисуса не заимствовано, стр. 49—50; его характеръ—102, 149.

Ученики — Христось является болѣе пяти стамъ ихъ, стр. 573; семьдесятъ—335, 340, 362.

Фарисей, стр. 50; на проповѣди Іоанна—64, 65; ропоть ихъ—195 и сл.; ихъ обрядовая тщательность—254; обхожденїе закона—252, 255; требованїа аманенїа—265; укоряются Христомъ—265—6; новѣйшіе представители ихъ, завкавка фарисейская—270; предостереженїе учениковъ противъ нихъ—185; не безупречны въ нравственности—319; ихъ самона-

дѣянность—355; желаютъ, чтобы Христось явно объявилъ, Мессїа ли онъ—371; урокъ ихъ самоправедности—382; заговоръ съ продлѣнами—426; обличенїе ихъ лицемерїа—56, 438 и сл.; семь классовъ ихъ—440; мало принимали участїа въ распятїи—499; лицемерїе ихъ—440 и сл.

Фарисей и мытарь, притча о нихъ, стр. 363.

Фарисей—приглашаетъ Христа къ себѣ въ домъ, стр. 267 и сл., 353.

Физическая причина смерти Христа, стр. 556, 560.

Филактерїи, стр. 63, 175, 434.

Филиппъ, апостолъ, призванїе его, стр. 85; указанїа на него—142, 413, 479.

Филонъ, современникъ Христа, стр. 50.

Хагига, стр. 472.

Хакамъ, стр. 114.

Ханъ, стр. 2; ханъ Внолеема, вѣроятное домъ Килггама—5.

Ханъ восточный, см. Каравансерай.

Ханъ Миньехъ, стр. 3, 103.

Харосеевъ, стр. 472.

Хаттинъ, рога хаттинскїе, вѣроятное мѣсто нагорной проповѣди, стр. 140.

Хлѣбъ жизни, Иисусъ, стр. 235.

Холмъ злого совѣта, стр. 391.

Хоразинъ, стр. 284.

Храмъ — Иисусъ въ храмѣ, стр. 38 и сл.; вторженїе въ него торговцевъ и мѣнялъ—105; очищенїе Христомъ—106; описанїе его—43, 444; храмовая подать—306; второе очищенїе Христомъ—411; его чрезвычайное великолѣпїе—445—6; Христось предсказываетъ его разрушенїе—447; завѣса, разодранїе ея—556.

„Храмъ Его тѣла“, Христось говоритъ о немъ, стр. 108—9.

Христіанское искусство, стр. 6, 15, 20, 61, 82—3, 463.

Христіанство—его характеръ, стр. 151.

Царедворецъ, испѣленїе его сына, стр. 129—130.

Царскій пиръ, притча о немъ, стр. 357.

Царство Божїе, пришествїе его, стр. 365—6.

Цициноъ, см. висточни.

Чаша благословенїа (кос-га-бераха), стр. 473.

Чернь—утишенїе ея ярости, стр. 182, 328, 372.

Честолюбїе учениковъ, укоръ ему, стр. 304 и сл.

Чудеса, см. отдѣльные заголовки: слѣпой, кровоточивая, сотниковъ слуга, глухой, бѣсноватый и пр.

Чудеса, какъ смотрѣтъ на нихъ, стр.

95—6; въра въ нихъ—188—9, 199, 232; первое чудо Христа—94.

Шаммаи, ссылка на него, стр. 51; его взгляды на разводъ—375, 378; на субботу—248.

Шамаи (Самея), стр. 514, 515.

Шехина, стр. 298, 408.

Школы иудейскія, стр. 50.

Шофероеъ, см. сокровищница.

Шпионы изъ Иерусалима, стр. 249, 262.

Ѣсть и пить вино любить—обвинение Спасителя въ этомъ, стр. 242.

Эрваеъ дабаръ—значеніе этого термина, стр. 375.

Эрубинъ—обходъ субботнихъ постановленій, стр. 440, 441.

Юноша богатый, вопросъ его Спасителю о томъ, что дѣлать для спасенія, стр. 381.

Явленія Христа по воскресеніи, стр. 566 и сл.

Явленіе Христа язычникамъ (Богоявленіе), стр. 13 и сл.

Яденіе—въ иносказательномъ смыслѣ, стр. 122.

Явчество, упадокъ его при рожденіи Христа, стр. 60.

Языки, которые знаютъ и употреблялъ Христосъ, стр. 52, 201.

Язычники, стр. 273 и сл., 315; дворъ язычниковъ—43, 44, 105, 411.

„Ясли“, колыбель новорожденнаго Христа, стр. 6.

Ячмень—ячменные хлѣбы, см. насыщеніе.

Ѳаворъ, гора, стр. 296.

Ѳома апостоль—его угрюмый характеръ, стр. 142; исцѣленіе его невѣрія—570.

